

Опыт интерпретации средневекового описания империи Чингис-хана

А. Г. Юрченко

Contents

Экспозиция	1
1. Загадка францисканской миссии 1245 года	3
1. Неизвестное сочинение XIII века	3
2. В поисках реальности (Auf der Suche nach der Wirklichkeit)	6
3. Донесение брата Бенедикта	11
4. Чингис-хан в земле «шумящего солнца»	15
5. Ключ от входа в зеркальный мир	17
6. Фабула сочинения	20
7. Восточный ребус для западной историографии	25
8. Фантастическая империя: замысел и идеи автора	28
9. Царь, язык и вера	30
10. Имперские легенды о Чингис-хане	32
11. Переводчики на имперской службе	33
12. Фигура автора	35
13. «Чудеса мира» при дворе великого хана	38
14. «Роман о Чингис-хане». Статус текста	42
2. «Роман о Чингис-хане»	45
3.1. Экспансия (приказ о покорении мира)	50
3.2. Адамантизм и магнитная гора	70
3.3. Чингис-хан в стране «шумящего солнца»	90
3.4. Мистическое облако	133
3.5. Приказ съесть каждого десятого	157
3.6. Гибель Чингис-хана от удара грома	172
3.7. Малая Индия или Эфиопия	195
3.8. Медные фигуры, мечущие огонь (Загадочное оружие XIII века)	205
3.9. Монгольская армия в Земле псов	241
3.10. Покорение Буритебета	267
3.10. Пароситы – «паром сытые»?	289
3.11. «Самоеды» (загадка перевода)	294
3.12. Циклопеды (унипеды)	308
3.13. «Охотники на носорогов»?	318
Сокращения	344

Экспозиция

«Но если ради уведомления читателей мы пишем что-либо такое, чего в ваших странах не знают, вы не должны из-за этого называть нас лжецами, потому что мы сообщаем вам то, что видели сами или слышали как достоверное от других <людей>, относительно которых мы считаем, что они достойны доверия».

Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. Пролог. 4.

В 1245 г. папа Иннокентий IV отправил первую дипломатическую миссию к великому хану монголов. Миссию возглавил францисканец Иоанн де Плано Карпини, чье донесение хорошо известно в мировой и отечественной науке. Донесение его спутника брата Бенедикта Поляка, сохранившееся в рукописи XV в., обнаружено и опубликовано Дж. Пейнтером в 1965 г. Брат Бенедикт был переводчиком миссии, и, очевидно, что именно он, в силу своих обязанностей, владел всей полнотой информации. В донесении брата Бенедикта материалы миссии представлены в том виде, в каком они были получены от осведомленных в делах империи людей, тогда как в отчете брата Иоанна сведения обработаны и структурированы в соответствии с запросами западного читателя.

Новый взгляд на историю путешествия миссии и источники ее информации предполагает поиск литературных прототипов тех или иных сюжетов, зафиксированных в донесениях францисканцев. Дело в том, что папских посланников интересовала не этнографическая реальность кочевого быта, а тайны Монгольской империи. Поэтому совсем не важно, что они увидели своими глазами, важно то, что они слышали о тех, кто знал эти тайны. Кстати сказать, увидели они не так уж и много, да и это небольшое потребовало разъяснений. Подобно тому, как францисканцы путешествовали по дорогам империи в сопровождении двух монгольских вестников, знавших маршрут и обеспечивавших их всем необходимым, так и для постижения скрытых механизмов функционирования империи им понадобился «навигатор», и, скорее всего, не один. Несомненным достоинством участников миссии было умение находить весьма осведомленных людей, и статус личных посланников папы сыграл в этом не последнюю роль. Письмо папы послужило своеобразным «пропуском» в тайные сферы имперской жизни. Донесения запечатлели даже те диалоги, смысл которых до конца не был ясен францисканцам. Это обстоятельство подтверждает осторожную гипотезу о том, что послы выступили не столько в роли аналитиков, сколько в качестве посредников, и главной их задачей был сбор информации. Усилия западных дипломатов увенчались неожиданной встречей с восточными интеллектуалами, «восполнившими» пробел в сведениях, касающихся происхождения империи Чингис-хана.

В оба донесения францисканской миссии включено сочинение загадочного содержания. Чингис-хан приказывает трем армиям покорить весь мир и не возвращаться до установленного срока. Повинуясь приказу, армии, покорив культурные страны, вторгаются в мифические пространства, где вынуждены сражаться с монстрами (асимметричными людьми, человеческими существами с негнущимися ногами, войском псов и т. д.). Особенно загадочно выглядит битва с медными фигурами, изрыгающими огонь на большое расстояние. Сам Чингис-хан отправляется к восточному краю мира, где солнце встает из-за моря со страшным шумом. Армия Чингис-хана не выдерживает шума солнца и в панике покидает враждебное пространство. Магнитная гора притягивает оружие и доспехи его воинов, а голод в дикой пустыне заставляет его отдать приказ о съедении каждого десятого. Одним словом, походы монголов завершаются катастрофическими поражениями, а самого Чингис-хана убивает гром неба. Удивительный характер этих сведений отмечен всеми исследователями, однако, ясный ответ о происхождении и смысле описываемых событий отсутствует.

Можно полагать, что неизвестный автор создал сочинение, в котором заставил Чингис-хана покорять запретные пространства и нарушить границы космоса. В результате этой экспансии империя Чингис-хана расширяется за пределы освоенного мира. Ответ высших сил не заставил себя долго ждать: конструкция фантастической империи не выдерживает собственной тяжести, а ее основатель наказан самим Небом. Самое поразительное заключается в том, что анонимный автор принадлежал к одной из элитарных групп монгольской империи, поскольку, в отличие от францисканцев, был посвящен в ее тайны. Единственная серьезная трудность на пути нашего исследования заключается в необходимости признать необычную свободу воображения неизвестного сочинителя. Перед нами не просто легендарная история походов трех армий Чингис-хана, а каверзный литературный текст. Что же касается свободы воображения загадочного литератора, то это обстоятельство столь же очевидно, сколь и недоказуемо. Все остальное, так или иначе, поддается логическому обоснованию.

В арабских и персидских космографиях можно разыскать детальные описания тех самых невероятных природных феноменов и народов, с которыми, по воле неизвестного автора, сталкиваются монгольские армии. Удивление вызывают два обстоятельства: сам факт соперничества монголов с немыслимыми преградами и следующие за этим поражения. Дальнейшее исследование построено на сравнительном анализе фантастических эпизодов из донесений францисканцев со сведениями восточных космографий. Анонимный автор использует прием инверсии и демонстрирует блестящую филологическую игру с символами империи. У нас есть все основания настаивать не только на открытии нового источника, который меняет наши представления о творческих возможностях средневековых интеллектуалов. Вызов, брошенный империей и культом божественного Чингис-хана, нашел достойный ответ в свободной игре с символами империи.

Основы, которые есть на небе и на земле,

Сообразны мере человеческого мышления.

Захочет мышление указать пути меры,

Оно не сможет освободиться из ее пределов.

Каждую степень можно охватить лишь постольку,

Поскольку грани ее обладают пределами,

Но, когда кончается предел земных существ

И у мышления не остается более сторон,

Мысль не может придумать ничего более этого:

Что ты – не это, но вне пределов этого.

Низами Гянджеви. Искандер-наме, с. 26.

1. Загадка францисканской миссии 1245 года

Истина – дочь времени.

Бернард Шартрский, XII век

1. Неизвестное сочинение XIII века

В 1247 году посол папы к великому хану монголов францисканец Иоанн де Плано Карпини возвратился в Европу с донесением о своем путешествии. Донесение сохранилось до наших дней в двенадцати рукописях XIII – XIV вв.,¹ его упоминают и широко цитируют разные средневековые авторы,² что совершенно исключает возможность современной подделки. В науке «Книга о Тартарах» брата Иоанна имеет репутацию надежного источника. Донесение поражает обилием и точностью реальных сведений о монголах. Тем удивительнее обстоит дело с содержанием пятой главы этой книги, не понятым и не оцененным по достоинству до сих пор. Речь идет об истории рождения империи Чингис-хана, ряд эпизодов которой носит заведомо фантастический характер. Это обстоятельство вполне осознавалось самим францисканцем и тем более не вызывает сомнений у современного читателя. Согласно сведениям пятой главы, Чингис-хан задумал план мировой экспансии и под страхом смертной казни запретил своим армиям возвращаться раньше установленного срока. Срок этот превышает восемнадцать лет. В силу приказа монгольские армии, покорив культурные народы, вынуждены продолжать походы. Они пересекают границы мифических пространств, где совершенно неожиданно для себя сталкиваются с монстрами и чудесными народами (асимметричными людьми, воинами-псами, защищающими остров женщин, человеческими существами на негнущихся ногах и т. д.). Вторгаются они и в Малую Индию, заселенную черными эфиопами, и в царство пресвитера Иоанна, легендарного правителя Великой Индии. Сюжет, в котором медные статуи индов, изрыгающие огонь на огромное расстояние, испепеляют монгольское войско, является самым ярким примером фантастического замысла. Сам же Чингис-хан направляется к мифическому Центру мира – Каспийским горам, чья магнитная сила лишает его армию оружия и железных доспехов. Когда же он достигает восточного края земли, большая часть его воинов гибнет от шума восходящего солнца. Тайна шумящего солнца волновала, например, Низами Гянджеви, но по сей день остается не разъясненной. Особенно загадочно выглядит смерть Чингис-хана от удара грома и пророчество о грядущей гибели империи. Не требует пояснений, что ни одно из указанных событий не имело место в реальности. В таком случае, может возникнуть предположение, что перед нами некий эпический текст, в котором представлен традиционный набор сюжетов о преодолении героем необычных преград. Это предположение исключается тем обстоятельством, что армии Чингис-хана терпят катастрофические поражения, либо проигрывают поединки, причем в разных случаях обыгрывается один и тот же параметр, в реальности определявший непобедимость монгольских армий, а именно, искусство конных лучников.

¹ *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli* / Ed. critica del testo latino a cura di E. Menestr; trad. italiana a cura di M. C. Lungarotti e note di P. Daffina; introduzione di L. Petech; studi storico-filologici di C. Leonardi, M. C. Lungarotti, E. Menestr. Spoleto, 1989. Латинский текст донесения на с. 252-275. Сведения о рукописях на с. 100-105. Название, которое брат Иоанн дал своему сочинению – *Liber Tartarorum* («Книга о Тартарах»), восстанавливается по ряду рукописей.

² *Chronica XXIV Generalum Ordinis Minorum* // *Analecta Franciscana sive chronica aliaque varia documenta ad historiam Fratrum Minorum spectantia edita a patribus collegi S. Bonaventurae*. T. III. Ad Clares Aquas (Quaracchi), 1897, p. 250; *Cronica Fratris Salimbene de Adam ordinis minorum* edidit O. Holder-Egger // *MGH.SS. T. XXXII. pars I*, pp. 207-213; *Wadding L. Annales Minorum*. Quaracchi, 1931. Vol. 3, pp. 133-136; *Лызлов А. Скифская история* / Подг. текста, коммент. А. П. Богданова. М., 1990. С. 14.

Пятая глава книги брата Иоанна имеет заголовок: «О происхождении империи тартар и ее князьях и о власти императора и его князей». ³ В названии главы соединены две темы. Предметом настоящего исследования будет первая тема: происхождение монгольской империи. Фантастические эпизоды пятой главы настолько диссонируют с содержанием остальных глав книги брата Иоанна, равно как и с содержанием всех известных средневековых источников, повествующих об империи Чингис-хана, что не может не возникнуть вопроса о странном характере этих сведений. Однако у большинства исследователей поразительное содержание пятой главы особого удивления не вызвало, поэтому никаких размышлений на интересующую нас тему в их работах мы не обнаружим. Это обстоятельство позволяет резко сузить библиографический обзор, оставив без внимания усилия современных пересказчиков занимательных историй францисканцев.

Начнем же мы со следующего вопроса: кто и с какой целью написал сочинение, где монгольские армии покоряют мифический континент? Авторство брата Иоанна, равно как и любого из его спутников, исключается по ряду веских причин, которые будут указаны ниже (см. §§ 3, 7). В самой многочисленной группе исследований проблема авторства тех или иных сведений из донесения францисканца вообще не затрагивается, а фантастические персонажи рассматриваются как вневременные универсальные категории. В ряде других работ ситуация выглядит несколько сложнее, и, я бы сказал, туманнее, поскольку создается впечатление решенности проблемы. Мировое исследовательское сообщество сошлось на мысли, что францисканец записал случайные легенды и населил пространства Центральной Азии монстрами, почерпнутыми им из античной традиции. ⁴ В таком случае, надо полагать, брат Иоанн решил ввести в заблуждение римскую курию, а заодно и западных читателей, выдавая вымышленные истории за действительность. Но, как он сам пишет в прологе своей книги, папа поручил ему сбор точных сведений, ⁵ что и было успешно выполнено. С учетом этого обстоятельства, идея о создании участниками миссии сочинения с заведомо нереальным содержанием выглядит весьма проблематично. Как тогда объяснить фантастические (с современной точки зрения) эпизоды, которые вошли в официальное донесение? Например, подробно описывается битва монголов с войском псов, покрытых ледяными панцирями. Какие важные для курии сведения содержатся в этом сообщении? Может быть, брат Иоанн и его спутники не различали вымысел и действительность, или, сформулируем вопрос иначе: литературные сведения от исторических? Наиболее популярной сегодня является теория о наивности францисканцев, не способных отличить вымысел от реальности. ⁶ Мало того, что эта теория ничего не объясняет, она

³ Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V: *De principio imperii Tartarorum et principibus eius et dominio imperatoris et principum eius*.

⁴ Об этом пишет в предисловии к итальянскому изданию Петех, см.: *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*, p. 23. Еще определеннее высказался на эту тему Фрид: *Fried J. Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert // Historische Zeitschrift*. 243, 2. 1986, ss. 320-321.

⁵ Брат Иоанн так определяет цели своей миссии: «Чтобы иметь возможность исполнить, следуя воле Божьей, поручение господина Папы и чтобы быть в чем-нибудь полезным христианам, либо, по крайней мере, иметь возможность, достоверно узнав их <тартар> волю и намерение, открыть их христианам»; «у нас было повеление Верховного Первосвященника все тщательно исследовать и рассмотреть; это делали ревностно, как мы, так и брат Бенедикт Поляк» (*Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. Пролог. 2, 3*).

⁶ Капплер, сравнивая книгу о вымышленном кругосветном путешествии сэра Мандевиля (нач. XIV в.) и пятую главу донесения брата Иоанна, утверждает, что вымысел в этих текстах есть следствие наивности авторов, см.: *Kappler C. Monstres, démons et merveilles a la fin du Moyen âge*. Paris, 1980, p. 191.

не находит опоры в тексте. К тому же, она носит оценочный характер, который, по сути, исключает путь к пониманию.⁷ Другой крайностью является попытка представить некоторые удивительные эпизоды как результат ошибки, непреднамеренных искажений, которые неизбежны у наблюдателя в иноязычной среде при фиксации событий чужой истории. Спрашивается, почему тогда «ошибки» псевдоисторического характера коррелируют с фантастическими эпизодами и вместе составляют общую композицию? Забегая вперед, сразу же дадим ответ на все эти вопросы. В пятой главе, излагая историю происхождения империи Чингис-хана, брат Иоанн использовал какое-то неизвестное современной науке сочинение. Так выглядит рабочая гипотеза. Ее обоснованию и посвящено наше исследование. Гипотеза порождает массу вопросов, но адресованы они должны быть не брату Иоанну, а анонимному автору, передавшему свое сочинение францисканцам. А как же быть с существующей научной традицией и общепринятым мнением о брате Иоанне как типичном средневековом авторе, принимавшем на веру разные чудеса? Все аргументы сторонников этой точки зрения рассматриваются по ходу исследования. Пока же обозначим расхождения. Первое уже сформулировано.

Разделить всеобщее снисходительное отношение к «наивному» творчеству францисканцев особых причин у нас нет. В средние века преодолеть маршрут из Европы в Монголию и собрать точные сведения мог только наблюдательный и открытый к диалогу человек. Именно так отзывались о брате Иоанне его современники.⁸ Дипломатическое путешествие францисканцев в глубь Азии не имело характера престижной поездки. Папа не передал великому хану ни одного подарка, потому что не был уверен в благополучном исходе миссии. Францисканцам предстояло открыть неизвестный и враждебный мир, о котором в Европе ходили самые невероятные слухи. Посланники папы готовились к худшему. Это была разведка, преследующая ряд конкретных целей.⁹ И одновременно – это было странствие в мир чужой культуры. Римскую курию интересовал прогноз на будущее: кто они – монголы, кто ими правит и к чему они стремятся. И хотя брат Иоанн не скрывает, каким образом ему удалось получить различные сведения о монголах, имя самого интересного собеседника, сообщившего историю фантастических походов Чингис-хана, в донесении не сохранилось.

Вопреки мнению большинства исследователей, ответ на загадку пятой главы существует. Конкретная проблема заключается в распознавании «текста в тексте». В донесении брата Иоанна вымышленные сюжеты перетасованы с вполне реальными сведениями, что создавало иллюзию «сбора» сведений самим францисканцем и мешало

⁷ Ср. По мнению Шмидер, брат Иоанн отправился на Восток с мнимыми «знаниями» об этой части мира, населенной, в первую очередь, удивительными созданиями, какие только могла выдумать человеческая фантазия. Но Иоанн в своем путешествии практически не обнаружил что-либо из ожидаемого мира чудес. При этом, пишет Шмидер, брат Иоанн не решился противоречить традиционным представлениям западной картины мира. Сталкиваясь с несоответствиями, он их игнорировал. Это задача была не для него, заключает Шмидер, см.: *Johannes von Plano Carpini. Kunde von den Mongolen: 1245 – 1247 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. Sigmaringen, 1997, ss. 23-31.*

⁸ Салимбене из Пармы, не раз беседовавший с братом Иоанном, пишет: «А был этот брат Иоанн человеком приятным, и глубоко религиозным, и образованным, замечательным рассказчиком и человеком во многом испытанным», см.: *Cronica Fratris Salimbene de Adam ordinis minorum* edidit O. Holder-Egger // *MGH. SS. T. XXXII. pars I, p. 205.*

⁹ *Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. Пролог. 2: «Отправляясь по поручению апостольского Престола к тартарам и к другим народам Востока и зная волю господина Папы и достопочтенных кардиналов, мы решили сперва двигаться к тартарам. Ведь мы боялись, как бы не стала угрожать от них опасность Церкви Божией в ближайшем будущем».*

распознаванию скрытого текста. Достаточно вычленив из пятой главы сюжеты легендарного характера, чтобы убедиться, что первоначально они составляли самостоятельное литературное произведение. Разумеется, это не снимает вопроса о загадочности его содержания, но позволяет с уверенностью отрицать авторство брата Иоанна. Последний лишь с большей или меньшей точностью записал перевод этого сочинения, добавив в некоторых случаях ложные интерпретации. Создать такое произведение было под силу автору, который прекрасно знал персидские космографии и одновременно был посвящен в тайны империи. Речь может идти о представителе одной из элитарных восточных групп, перешедших на службу к монголам.

При этом остается неясным, с какой целью анонимный автор передал свое сочинение францисканцам. Ведь для этого пришлось организовать цепочку переводчиков: с персидского языка на тюркский, с тюркского на русский и далее на латынь. Таким же путем переводилось послание папы и обратный ответ великого хана. Без взаимного интереса это было бы невозможно. Неясно и другое: почему европейский дипломат включил описание фантастических походов монголов в свое донесение. Трудно предполагать, что римская курия интересовалась литературными сочинениями, созданными в монгольской империи. И, наконец, почему для францисканцев остался тайной за семью печатями истинный смысл этого сочинения. Впрочем, францисканцы не одиноки в своем непонимании. Ни средневековые дипломаты, ни современные исследователи не почувствовали каверзность замысла этого сочинения.

2. В поисках реальности (*Auf der Suche nach der Wirklichkeit*)

«В поисках реальности» – так называется статья немецкого проф. Й. Фрида, посвященная истории первых контактов европейцев с монголами и восприятию азиатских кочевников интеллектуалами в средневековой Европе.¹⁰ Помимо прочего, Фрид дает подробную оценку содержанию пятой главы книги брата Иоанна, указывая на античные параллели. Те или иные сведения францисканцев оцениваются им на фоне ученой западной традиции (и не в пользу францисканцев), а какие-либо восточные материалы для анализа вообще не привлекаются. Очевидно, что такой подход к донесениям путешественников позволяет оценить лишь частные аспекты, тогда как истинный масштаб проделанной францисканцами работы, без привлечения евразийских материалов немыслим. Донесения миссии 1247 г. практически не имеют точек соприкосновения с западной книжной традицией. Францисканцы принесли в Европу новую картину Азии, во многом совпадающую с монгольским имперским мифом. Вынесенное в заголовок название статьи Фрида я адресую современным исследователям. Поисками какой реальности, по их мнению, были заняты францисканцы, путешествовавшие по просторам Монгольской империи? На проверку оказывается, что «реальность», описанная в донесениях францисканцев, имеет мало общего с «реальностью» научного мифа, созданного в связи с изучением их текстов. Для средневековых наблюдателей наибольшей жизненной силой и убедительностью обладала химера монгольской империи.

За последние десять лет в Западной Европе вышло несколько новых переводов книги брата Иоанна¹¹ и множество статей, где анализируются ее загадочные сюжеты.¹²

¹⁰ Fried J. Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 243, 2. 1986.

¹¹ Spotkanie dwóch œwiatów: Stolica apostolska a œwiat mongolski w po³owie XIII wieku: Relacje powsta³e w zwi¹zku z misj¹ Jana di Carpiniego do Mongo³ów / Pod red. J. Strzelczyka. Poznañ, 1993; Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpine / übersetzt und kommentiert von J. Giessauf. Graz, 1995 (Schriftenreihe des Instituts für Geschichte 6); Johannes von Plano Carpini. Kunde von den Mongolen: 1245 – 1247 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. Sigmaringen, 1997.

Все переводы снабжены подробными комментариями. Комментарий есть не что иное как интерпретация средневекового текста в том или ином коде. Самыми многочисленными были попытки расшифровать вымышленные сюжеты в историческом коде. Например, в загадочных человеческих существах, которые поддерживают свою жизнь, питаясь исключительно паром, видели финно-угорское племя, живущее за Уралом.¹³ Кто же в таком случае скрывается за немymi людьми с негнушными ногами, успешно избегающими столкновения с монголами? И где искать Землю псов и страну «шумящего солнца»? Шинор, анализируя сведения о поражении и бегстве монголов из Земли псов, утверждает, что на самом деле здесь речь идет о заранее спланированном отступлении – излюбленной тактике монголов, а войско псов – всего лишь какой-то сомнительный противник.¹⁴ В стране «шумящего солнца», Шинор,¹⁵ вслед за Б. Шчешняк,¹⁶ видел Японию. Доводы Шинора не выдерживают критики, и прав был Бойль, показавший, что поиск исторической реальности в данном случае неуместен.¹⁷ Заведомо фантастические эпизоды либо ставили исследователей в тупик,¹⁸ либо, что более естественно, просто игнорировались.¹⁹ В лучшем случае, историки ограничивались пересказом загадочных сведений. Это относится в равной степени, как к западной,²⁰ так и к отечественной традиции.²¹ Так можно писать историю культуры, но

¹² *Guzman G-G.* Reports of Mongol Cannibalism in the Thirteenth-Century Latin Sources: Oriental Fact or Western Fiction? // *Discovering New Worlds. Essays on Medieval Exploration and Imagination* / Ed. by S. D. Westrem. New York; London, 1991, pp. 31-68; *Wolfzettel F.* Die Entdeckung des «Anderen» aus dem Geist der Kreuzzüge // *Engels O., Schreiner P. (Hrsg.). Die Begegnung des Westens mit dem Osten.* Sigmaringen, 1993. S. 284; *Underdown M.* European knowledge of Korea during the Yü an dynasty // *Études mongoles et sibériennes* 27. Actes de la 37e P.I.A.C. 1996, pp. 385-404; *Wright D. C.* The Death of Chinggis Khan // *Proceedings of the 39th P.I.A.C. Meeting.* Szeged 1996, erscheint voraussichtlich 1997/98; *de Rachewiltz I.* Prester John and Europe's Discovery of East Asia // *East Asian History* 11. June 1996, pp. 59-74.

¹³ *Sinor D.* Introduction a l'étude de l'Eurasie centrale. Wiesbaden, 1963, pp. 18-21. Эту точку зрения поддержал Даффина: см.: *Daffina P.* Note // *Giovanni di Pian di Carpine.* Storia dei Mongoli, p. 455.

¹⁴ *Sinor D.* On Mongol Strategy // *Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference*, ed. Ch'en Chien-hsien. Tainan, Taiwan, 1975, pp. 244-245.

¹⁵ *Sinor D.* Mongol and Turkic Words in the Latin Versions, p. 544.

¹⁶ *Szczesniak B. B.* Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relations and the Vinland Map // *JAOS* 86. 1966, p. 376.

¹⁷ *Boyle J. A.* Narayrgen or the People of the Sun // *Altaica collecta (Berichte und Vorträge der XVII. P.I.A.C. 3.-8. Juni 1974 in Bonn / Bad Honnef)*, W. Heissig (Hrsg.). Wiesbaden, 1976, pp. 132-133.

¹⁸ Ср. безуспешную попытку Риша отождествить загадочную «землю Кергиз», которая открывает странствие Чингис-хана к Каспийским горам, с реальными черкесами, см.: *Johann de Plano Carpini.* Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245 – 1247 / Übersetzt und erläutert von F. Risch. Leipzig, 1930. S. 130-131; Бринкен, возражая Ван ден Вингарту, пишет, что кергисы, совершенно очевидно, язычники, и поэтому не черкесы, см.: *Brincken A.-D., von den.* Die «Nationes Christianorum Orientalium» im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts. Köln; Wien, 1973. S. 56. К этому вопросу обращался и Ришар, отметив лишь странную комбинацию реальных и легендарных сведений, см.: *Richard J.* Sur les pas de Plancarpin et de Rubrouck: la lettre de Saint Louis a Sartaq // *Journal des Savants.* 1977, pp. 53-54.

¹⁹ Так, например, Шмидер, издавшая новый немецкий перевод книги брата Иоанна, посчитала эпизод, в котором магнитная гора притягивает оружие монголов, настолько невероятным, что в своем переводе изобразила обратную ситуацию: монголы берут из горы материал, чтобы изготовить себе оружие, см.: *Johannes von Plano Carpini.* Kunde von den Mongolen, s. 67. Во время открытой дискуссии между мной и Шмидер в университете Констанца (Германия, ноябрь 1998), она признала эту частную ошибку своего перевода.

не разбирать существо дела. Одна из редких попыток дать в целом оценку пятой главы, принадлежит французской исследовательнице Жере-Лаферте.²² Если отбросить всю ее риторику, то останется лишь искреннее удивление, с которым она констатирует разницу в содержательном и формальном плане между пятой главой и остальной частью донесения брата Иоанна. В научной литературе можно найти и такое заявление: «Деловой, лишенный присущих средневековой литературе фантастических преувеличений характер изложения определил безоговорочное доверие к сочинению Плано Карпини со стороны исследователей монгольских завоеваний XIII в.». ²³

Особую группу составляют исследователи, замечающие в битвах монголов с монстрами лишь монстров. То обстоятельство, с монстрами сталкиваются именно монголы, их вообще не интересует. Так выглядят подстрочные комментарии к большинству изданий и переводов текстов миссии.²⁴ Может быть, действительно, нет ничего необычного в бесконечной и малоуспешной войне армий Чингис-хана с монстрами? Сражался ведь легендарный Александр с чудовищами и странными народами. Эта группа исследователей, видимо, исходит из того предположения, что периферия мира всегда наполнена подобными существами. Действительно, на средневековых латинских картах мира монстры занимают пограничные территории. Напомним, карты мира моделируют средневековый космос и все, что на них изображено имеет знаковый характер. Так, например, нарисованный в центре карты Иерусалим соответствует небесному Иерусалиму, а чудесные народы на краю ойкумены символизируют неосвоенное пространство. В этой модели мира истинной реальности сакрального центра противопоставлен хаос периферии. Для нужд путешественников и мореплавателей использовались другие карты. Сакральная и практическая географии относились к разным областям знаний и диалог между ними, как правило, отсутствовал. Один из парадоксов XIII в. заключался в том, что в азиатские странствия отправились образованные и широко мыслящие приверженцы новых орденов. К тому же средневековая Европа впервые испытывала мучительную потребность в точных знаниях о том, что творится за пределами христианского мира. Эта миссия была возложена на нищенствующие ордена, которые необычайно широко раздвинули культурный горизонт современников. Если бы францисканцы создавали свои тексты в тиши библиотек, то мы могли бы объяснить появление монстров в их донесениях влиянию традиции, но дело в том, что францисканцы совершили реальное путешествие в Центральную Азию и не нашли там ничего подобного. Спустя несколько лет, францисканец брат Вильгельм де Рубрук, расспросив китайских монахов при дворе великого хана о существовании чудесных народов в Северной Азии, высказывает сомнение в достоверности сведений своего предшественника, брата Иоанна, а также признанных средневековых

²⁰ *Pochat G.* Der Exotismus während der Mittelalters und der Renaissance. Voraussetzungen, Entwicklung und Wandel eines bildnerischen Vokabulars. Stockholm; Uppsala 1970. S. 76; *Bezzola G. A.* Die Mongolen in abendländischer Sicht (1220 – 1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974. S. 105-106; *de Rachewiltz I.* Prester John and Europe's Discovery of East Asia, p. 68; *Zalewska-Lorkiewicz K.* Ilustrowane *mappae mundi* jako obraz *œwiata*. (E redniowiecze i początek okresu nowożytnego. Warszawa, 1997. S. 109, 122, 123, 146.

²¹ *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий, XIII – XVIII вв. Иркутск, 1941. Изд. 2-е. С. 3-11. См. также комментарии Шастиной в издании: Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука / Пер. с лат. А. И. Малеина, редакция, вступит. ст. и примеч. Н. П. Шастиной. М., 1957. С. 203-212.

²² *Guéret-Laferté M.* Sur les Routes de l'Empire Mongol, p. 297-298.

²³ *Ставиский В. И.* К анализу известий о Руси в «Истории монгалов» Плано Карпини в свете ее археографической традиции // ДГ. 1986. М., 1988. С. 192.

²⁴ *Hystoria Tartarorum* C. de Bridia monachi / Ed. et annot. A. Önnersfors. Berlin, 1967.*

авторитетов – римского писателя III в. Солина и епископа Исидора Севильского.²⁵ Реакция большинства исследователей на сомнения брата Вильгельма такова: человек XIII в. не должен сомневаться ни в существовании монстров, ни в авторитете Исидора Севильского, писавшего об этих монстрах.²⁶

Монстры, как правило, считаются необходимым элементом средневековой ментальности.²⁷ Однако признание этого факта не дает ответа на ключевой для нашего исследования вопрос: как средневековые интеллектуалы воспринимали сведения о чудесах далеких стран. Имеется достаточное количество примеров, когда путешественник прямо заявляет о собственном неверии в подобные рассказы. Один из знаменитых арабских путешественников X в. ал-Масуди, который в странствиях от Магриба до Китая провел всю свою жизнь, с иронией заметил, что стоило ему приехать в ту или иную удаленную область мира и поинтересоваться чудесными народами, как оказывалось, что все чудесное расположено еще дальше, а на новом месте ситуация повторялась. А вот как описывается Китай в армянской географии VII в.: «Синэ, рядом с Ченастаном, простирается до Неизвестной земли. В нем живут 7 народов. Имеет множество гор и рек. Все, что рассказывается о Неизвестной земле за Синэ, не заслуживает веры: какие-то неизвестные звери, человекоподобные, с половиною тела, с двумя лицами, с шестью руками, с ногами из кожи, с драконьими хвостами, полуптицы, с половиною числа членов, безголовые».²⁸

Никто из исследователей не ответил на вопрос, были ли описания монстров метафорой неизвестных и враждебных сил, главенствующих в чужих пространствах,

²⁵ Вильгельм де Рубрук. XXIX. 46, текст см.: Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M., Quaracchi-Firenze, 1929.

²⁶ Каплер искренне недоумевает по поводу позиции брата Вильгельма: «Ce doit fience: peut-on mettre en doute la parole des *auctoritates*?», см.: Kappler C. Monstres, dîmons et merveilles a la fin du Moyen Vge. Paris, 1980, p. 55; Характерна позиция М. П. Алексеева, который пишет следующее: «Подобно Плано Карпини, Марко Поло и всем другим средневековым путешественникам Рубрук с доверием относится к фантастическим рассказам, которые пришлось ему услышать на пути. Заключительные слова этой фразы Рубрука („Мы сильно недоумеваем, правда-ли это“...) могли бы подать повод к заключению, что он, вообще говоря, не верит подобным рассказам; однако, это не так; через несколько строк он рассказывает о человеческих существах, называемых *хин-хин*, и о стране, в которой всякий, входящий туда, становится бессмертным», см.: Алексеев М. П. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарий, XIII – XVIII вв. Иркутск, 1941. Изд. 2-е. С. 19. Рассказы о чудесах Востока брат Вильгельм де Рубрук предваряет фразой: *non credo*. Ниже в § 13 мы вернемся к этой теме.

²⁷ Wittkower R. Marvels of the East. A Study in the History of Monsters // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. London, 1942. Vol. V, pp. 159-197. (Kraus reprint. Nendeln / Lichtenstein. 1968); Forstner D. Die Welt der Symbole. Innsbruck; Wien; München, 1961; Friedman J. B. The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. Cambridge, Mass., 1981; Flint V. I. J. Monsters and the Antipodes in the early Middle Ages and Enlightenment // Viator 15. 1984, pp. 65-80; Herkenhoff M. Der dunkle Kontinent. Das Afrikabild im Mittelalter bis zum 12. Jahrhundert. Bamberg, 1990. S. 140; Le Goff J. Phantasie und Realität des Mittelalters. Stuttgart, 1990, ss. 39-49.

²⁸ Армянская география VII века по Р. Х. (приписываемая Моисею Хоренскому) / Текст и перевод с присовокуплением карт и объяснительных прим. издал К. П. Патканов. СПб., 1877. С. 84. Не исключено, что армянскому автору были известны сведения из древнекитайского сочинения, ср., например, с текстом, где представлена модель мира древних китайцев: Каталог гор и морей (Шань хай цзин) / Предислов., пер. и коммент. Э. М. Яншиной. М., 1977.

либо означали искреннюю веру в существование подобных существ.²⁹ Ссылки на традиционную средневековую картину мира, которая предполагала существование чудесных народов на границах познанного пространства, в нашем случае, ровным счетом ничего не объясняют, но, напротив, лишь затемняют суть дела. Например, Е. А. Мельникова пишет: «В эпоху средневековья противопоставление легендарной и реальной сфер географического знания не осознавалось. Для человека того времени при свойственном эпохе религиозно-символическом мышлении и восприятии чудесного как непознанной реальности географическая фантастика представлялась реальной и достоверной частью географического знания. Даже крупнейшие ученые средневековья, критически подходившие к получаемой информации, постулировавшие значение опыта и требовавшие опытных доказательств и авторитетных свидетельств, сохраняли в своих трудах и освящали своим авторитетом многие географические легенды, нисколько не сомневаясь в их истинности. <...> Чудесные свойства источников, магическое воздействие камней, существование стран, населенных чудовищами и людьми-монстрами, являлись составной частью распространенных и бесспорных в своей истинности знаний».³⁰ Подобного рода суждения можно обнаружить во многих исследованиях, посвященных ментальным характеристикам средневекового восприятия мира. Сила этих установок такова, что иногда они мешают увидеть то, что ясно написано в тексте. *Non credo* (не верю), заявляет брат Вильгельм де Рубрук по поводу легенды о *синсине* с негнувшимися ногами, а современный исследователь задает схоластический вопрос: на основе каких критериев брат Иоанн де Плано Карпини и брат Вильгельм могли бы отказать в праве на существование созданиям с негнувшимися ногами.³¹ Большинство восточных средневековых врачей пишет о магическом влиянии камней на болезни душевного и нервного характера, на которые воображение, действительно, имеет сильное влияние;³² «чудесные свойства источников» и сегодня не вызывают сомнения у того, кто их видел. Книги о «чудесах мира» писались с целью высокого развлечения, и это относилось как к сочинениям восточных,³³ так и западных авторов³⁴ (см. ниже, § 13).

Верил или не верил брат Иоанн в реальность монстров (или, верим ли мы в то, что он верил) безразлично для решения загадки интересующего нас текста. Дело не в монстрах как таковых, а в том, что монгольские армии достигают областей, где обитают монстры, и вступают с ними в сражения. Вся соль в комбинации реальных походов

²⁹ Например, попытка Кембел использовать в качестве ключа теорию гротеска Бахтина, выглядит более чем странно. Гротеск апеллирует к проявлениям собственной культуры, и немотивирован при описаниях далеких стран. Что гротескного можно найти в книге Марко Поло?, ср.: *Campbell M. The Witness and the Other World: Exotic European Travel Writing, 400 – 1600. Cornell Univ. Press, 1988. Cap. 3.*

³⁰ Мельникова Е. А. Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V – XIV века. М., 1998. С. 210-211.

³¹ *Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters (Asiatische Forschungen Bd. 122). Wiesbaden, 1993. S. 241.*

³² Патканов К. П. Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. СПб., 1873. С. XXIX; Семенов А. А. Из области воззрений мусульман Средней и Южной Азии на качества и значение некоторых благородных камней и минералов // Мир ислама. СПб., 1912. Т. I, № 3. С. 293-321; Абу-л-Фазл Хубайш Тифлиси. . у-л-Фазл Хубайш Тифлиси_ман Сред / Пер. с перс., введ. и коммент. Г. П. Михалевич. М., 1976. С. 35.

³³ «Чудеса мира». 133; 216.

³⁴ *Marco Polo. Das Buch der Wunder. Originalgetreue Faksimile-Edition der Bilderhandschrift MS. fr. 2810 aus der Bibliotheque nationale de France, Paris. Kommentar F. Avril, M.-T. Gousset, J. Monfrin, J. Richard, M.-H. Tesniere. Luzern, 1995.*

монголов и ирреальных персонажей, обладающих секретом непобедимости. При ближайшем рассмотрении оказывается, что монстры с успехом используют монгольские военные приемы и хитрости. Обе соперничающие силы являются объектом вполне осознанной игры. Тот, кто придумал эту игру, с особой тщательностью подбирал коллекцию фантастических противников монголов. Силу, против которой соперничает Чингис-хан, нам еще предстоит выяснить. Признание этих фактов меняет перспективу исследования. Один пример. Представления об одноруких и одноногих существах носят универсальный характер.³⁵ Однако, в частном случае, где монголы и однорукие существа соревнуются в метании стрел и скорости бега, с иронией обыгрываются прославленные качества монгольских конных армий. Я хочу сказать, что монстры из донесений францисканцев вызывали у исследователей самый оживленный интерес, но никто не рассматривал их в контексте военного соперничества с монголами. Монстры анализировались как статичные элементы, при этом опускалось из виду, что перед нами динамичная композиция. Никто не решился сопоставить тему происхождения империи и историю легендарных походов монголов к границам мира. Тогда как обе темы слиты в единое целое и составляют квазиисторический текст. В тексте изображается рождение фантастической империи Чингис-хана.

3. Донесение брата Бенедикта

Первый импульс к решению проблемы дала находка донесения брата Бенедикта Поляка, спутника и переводчика брата Иоанна. Копия донесения сохранилась до наших дней в рукописи XV века и была опубликована Пейнтером в 1965 г.³⁶ В донесении брата Бенедикта легендарная история походов Чингис-хана изложена более компактно и последовательно, то есть в том виде, в каком она и была получена переводчиком. Иными словами, текст предполагаемого восточного сочинения, которой можно условно реконструировать по пятой главе брата Иоанна, представлен здесь в цельном виде. И что важно, при переводе на латынь сохранились ключевые монгольские слова, обозначающие названия легендарных стран: *Нара ирген* – ‘люди солнца’, *Нохой кадзар* – ‘земля псов’, *укорколоны* – ‘быченогие’ и т. д., причем брат Бенедикт разъясняет их значение.³⁷ Это определенно указывает на два обстоятельства. Во-первых, постулируется факт перевода с восточного языка на латынь (следовательно, авторство францисканцев исключается, и к этому вопросу можно больше не возвращаться). Во-вторых, демонстрируется странная филологическая игра со словами. Дело в том, что в монгольском средневековом языке и фольклоре не было подобных образов и словосочетаний, в то же время их можно легко найти в арабо-персидских и китайских космографиях. Пока выскажем осторожную гипотезу: анонимный автор был переводчиком в одном из имперских департаментов и конструировал на чужом для него языке названия легендарных стран. Мотивацией такой игры словами могло послужить желание использовать форму официальных списков покоренных монголами народов для придания сочинению псевдоисторического характера. По достоинству оценить этот прием можно лишь с учетом всей композиции сочинения. Создание подобных списков составляло известную проблему, потому что названия стран и народов не совпадают на разных языках. Перечни покоренных народов включены и в донесения францисканской

³⁵ *Przyłuski J.* Les Unipedes // *Melanges chinois and bouddhiques*. 1932 – 1933. II, pp. 307-332.

³⁶ *The Vinland Map and the Tartar Relation / by R. A. Skelton, Th. E. Marston, and G. D. Painter, for the Yale University Library, with a foreword by A. O. Vietor.* New Haven; London, 1965, pp. 54-101. Копия донесения брата Бенедикта была выполнена анонимом Ц. де Бридиа в 1247 г. и носит название *Historia Tartarorum* («История Тартар»).

³⁷ *Sinor D.* Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpini's *Journey to the Mongols* (1245 – 1247) // *Mongolian Studies* ed. by L. Ligeti. Budapest, 1970, pp. 537-551.

миссии 1245 г.³⁸ Есть основания полагать, что они вышли из-под пера анонимного автора, который добавил к реальным названиям (типа Китай, Кашмир, Грузия и т. д.) вымышленные (черных эфиопов из Малой Индии, Буритебет – страну «людей-волков», которые поедают своих мертвецов и т. п.).

Связь между приказом о покорении мира и связанным с ним запретом на возвращение ранее установленного срока и вторжением монгольских армий в иные пространства, кажется очевидной. Приказ Чингис-хана спровоцировал неожиданное развитие событий. Собственно, об этом прямо говорится в сюжете о появлении монголов в Стране псов (в переводе брата Бенедикта). Участники же северного похода, прибыв к бычюногим монстрам, испытали от этой встречи только отвращение. В планы Чингис-хана не входило покорение фантастических народов. Мне даже кажется, что монгольский император (по замыслу анонимного автора) не знает о существовании таких народов, и, следовательно, он не знает о границах мира, который он так стремится покорить. Скорее всего, литератора занимает следующий момент: к чему приведет слепая жажда экспансии, когда воинственный предводитель не обладает сакральными знаниями. Цена получения этих знаний известна – трагическая смерть Чингис-хана по воле разгневанного Неба. Если сравнивать военные экспедиции монголов к границам мира с познавательными путешествиями Искандера, то они предстают как слепое странствие. Не имея навигаторов, монгольские армии теряются в неосвоенных пространствах Космоса. В конце концов, монголы все же узнают истинные названия загадочных областей мира. В сочинении эти названия даются по-монгольски, в чем проявляется ирония автора к воинственным первооткрывателям. В этой перспективе покорение монголами двух областей (Буритебета и Малой Индии, населенной черными эфиопами) предстают как две нелепых ошибки. Зачем божественному Чингис-хану две области, где практикуют каннибализм?

В донесении брата Бенедикта история легендарных походов трех монгольских армий изложена с большей ясностью и с большим количеством подробностей. Лексика, используемая братом Бенедиктом, практически не совпадает с лексикой брата Иоанна, что лишний раз свидетельствует о факте перевода. В тех случаях, когда брат Иоанн излагает вымышленные эпизоды, он ссылается на твердое слово русских священников и неких рассказчиков, которые провели на службе у монголов свыше двадцати лет. В донесении брата Бенедикта в качестве рассказчиков фигурируют «тартары». Вероятно, поляк Бенедикт понимал русский язык и поэтому его перевод на «один шаг» ближе к оригиналу. Один пример. Камнем преткновения для всех без исключения исследователей явился пассаж из книги брата Иоанна о музыкальных инструментах – органах и тимпанах, ударяя в которые «люди солнца» защищались от шума восходящего солнца. Что это за странные органы, в которые нужно бить, чтобы получить громкий звук? Неясность сведений брата Иоанна об органах как ударных инструментах побудила переводчиков прибегнуть к различным трактовкам: некоторые считают, что на органах играют;³⁹ по мнению других, в этот предмет бьют, но тогда этот инструмент уже не орган.⁴⁰ На самом же деле проблема вполне разрешима. Этот пассаж следует

³⁸ Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. VII. 9; *Ц. де Бридуа*. История Тартар. 34.

³⁹ Перевод Шмидер: «Auch sie spielen dann auf Orgeln und Trommeln und anderen Instrumenten, damit sie den Lärm nicht hören müssen» (*Schmieder*, s. 68); ср. с итальянским переводом, выполненным Лунгаротти: «Li sotto, infatti, per non udire quel boato, facevano rumore con organi, timpani ed altri strumenti» (*Giovanni di Pian di Carpine*. Storia dei Mongoli, p. 357) и польским переводом: «A nawet wtedy zag³uszaj¹ ten ha³as d³wiêkami piszcza³ek, kot³ow i innych instrumentów, a ³eby go nie s³yszeæ» (*M³odecki*, s. 135).

⁴⁰ Ср. с переводом Малеина: «<...> они даже били тогда в бубны, тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этого шума» (*Малеин*, с. 43). Малеин не объясняет почему слово *organis* он переводит как *бубны*. Возможно, он воспользовался текстом русской Александрии, где слово

воспринимать буквально, потому что слово *орган* (услышанное братом Иоанном от русских переводчиков) в древнерусском языке означало ударный инструмент, возможно, военный барабан.⁴¹ Следовательно, *organis* и *timpanis* означают на двух языках один и тот же предмет – барабан. В процессе перевода брат Иоанн зафиксировал по созвучию русское слово как латинское. В переводе брата Бенедикта этой ошибки нет.

Первым, кто обратил внимание на необычный характер сведений францисканцев и попытался их оценить, был Пейнтер. В смелой импровизации Пейнтер высказал догадку о существовании сочинения, названного им «Роман о Чингис-хане» (по аналогии с «Романом об Александре»)⁴². Пейнтер считал его фольклорным произведением, получившим, в конце концов, признание со стороны монгольской элиты (впрочем, только в качестве занятного вымысла, добавляет Пейнтер). Ни предложенное название, ни восторженное сравнение со средневековыми эпосами нельзя признать особо удачными, поскольку ни один из легендарных эпизодов «Романа о Чингис-хане» даже условно нельзя назвать эпическим. По замыслу анонимного автора Чингис-хан проигрывает все фантастические сражения, а завершив свои странствия, погибает от удара грома. Это не «занятный вымысел» и не роман (но я сохраняю это название как удобный технический термин), а текст, в котором изображается рождение империи, поглотившей неосвоенные пространства Космоса. В подстрочных комментариях к английскому переводу «Истории Тартар» Пейнтер не возвращается к своей гипотезе и не предлагает никаких аргументов в ее защиту. Видимо, разработка этой темы его далее не интересовала. Неудивительно, что мимолетная догадка Пейнтера осталась практически незамеченной. Причина этого безразличия заключается в том, что ни Пейнтер, ни те, кого привлекла мысль о романе, не реконструировали это сочинение. Остается открытым вопрос, какие сведения из донесений францисканцев входили в состав «Романа о Чингис-хане». Видимо, исследователям не совсем было ясно по какому критерию отбирать сюжеты романа. Например, относятся ли к роману события, связанные с осадой китайской столицы и приказ Чингис-хана в условиях чрезвычайного голода съесть каждого десятого воина? Считается, что нет.⁴³ Битва с войском пресвитера Иоанна также не рассматривается как эпизод романа.⁴⁴ В трех исследованиях, касающихся «Романа о Чингис-хане», это сочинение предстает как аморфная конструкция, собранная из случайных сюжетов. При таком подходе бесполезно искать в этих работах ответ на загадку текста, попавшего в руки францисканской миссии. Действительно, что общего между могущественной армией легендарного пресвитера Иоанна, войском псов и асимметричными (половинотельными) существами? Никто не обратил внимания на одну поразительную особенность, позволяющую связать эти сюжеты: противники монголов обладают оружием или секретом, превосходящим возможности монгольских лучников. Тот факт, что «Роман о Чингис-хане» создавался как литературное, а отнюдь не фольклорное произведение, может быть показан при анализе каждого конкретного сюжета. Несмотря на условный

органы означает бубны. Ср. также со старым немецким переводом: «Dann müßten sie sogar selbst mit ihren Musikwerkzeugen, mit Pauken und mit andern Instrumenten, einen wahren Höllenlärm machen, um jenes Getöse zu übertönen» (*Risch*, s. 134-135). Риш переводит *organis* неопределенным *Musikwerkzeuge* 'музыкальный инструмент'.

⁴¹ Срезневский И. И. Материалы. Т. I. Стб. 227; Т. II. Стб. 705; См. также: СлРЯ XI – XVII вв. Вып. 13. С. 62; Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1990. Т. I. С. 92; Рабинович М. Г. Музыкальные инструменты в войске древней Руси // СЭ. 1946. № 4. С. 157, 159.

⁴² The Vinland Map and the Tartar Relation, p. 49-50.

⁴³ Guéret-Laferté M. Sur les Routes de l'Empire Mongol. Ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1994, pp. 298- 299.

⁴⁴ de Rachewiltz I. Prester John and Europe's Discovery of East Asia, p. 69.

характер определений «литературный» и «фольклорный», в данном случае, важно провести между ними границу. Под «литературным» я подразумеваю книжный характер использованных сведений; речь идет о восточных космографических описаниях и средневековых научных сочинениях.⁴⁵ Знатоки космографий и носители фольклора принадлежали к разным группам, причем первые отличались большей интеллектуальной свободой. Если бы роман имел фольклорное происхождение, то можно было бы без труда указать на типологические параллели. Но это не было сделано по одной простой причине: в мировом фольклоре не представлена ни тема «шумящего солнца», ни битва с медными статуями. Сопоставление адаманта (алмаза) с магнитом, равно как и описание механизма действия медных статуй, испускающих огонь на большое расстояние, могло быть заимствовано только из специальных сочинений.

Большая часть сюжетов романа базируется на сведениях космографического характера, однако, это обстоятельство оставалось неизвестным для тех исследователей, кто изучал донесения францисканской миссии 1247 г., глядя на проблему с высоты Вавилонской башни. Под этой метафорой я подразумеваю вполне осознававшееся в средние века зло разноязычия. «Роман о Чингис-хане» сохранился на латинском языке, но ни один его сюжет не находит вразумительного объяснения в рамках латинской традиции. Все, чего можно было достичь, оставаясь на этой позиции, демонстрирует статья Л. С. Чекина.⁴⁶ Он обращается к нескольким легендарным сюжетам, чтобы в итоге констатировать их мифологический характер. Как и в большинстве других работ, францисканцы вновь предстают некими посредниками в передаче некой универсальной традиции. То обстоятельство, что армии Чингис-хана терпят поражение за поражением, осталось вне поля зрения исследователя. Такой подход освобождает от поиска ответа на главный вопрос. Почему монголов везде ожидают катастрофы? Мне не известно ни одно средневековое сочинение, в котором главный герой бросает вызов миру и одновременно бессилен перед лицом возникших преград. Что же касается анализа отдельных сюжетов, то, например, к описанию Земли псов, Л. С. Чекин ближайшую параллель видит в сочинении Адама Бременского. Адам Бременский, действительно, говорит об области собакоголовых, но на этом сходство заканчивается. Царь Малой Армении Хетум, совершивший путешествие в Монголию в 1254 г., слышал при дворе великого хана Менгу легенду о земле, где мужчины имеют облик собак,⁴⁷ поразительно совпадающую с легендой, попавшей в отчеты францисканской миссии 1247 г. В обоих случаях говорится, что мальчики, рождающиеся от брака псов с женщинами, становятся псами, а девочки сохраняют человеческий облик. Эта же легенда зафиксирована уйгурском документе, переведенном на тибетский язык в конце VIII – начале IX вв.,⁴⁸ и в китайском сочинении X в., известном по сборнику Е Лун-ли (XIII в.).⁴⁹ Дело не в том, привлекать или не привлекать для сравнительного анализа восточные тексты, а в том, что существуют восточные тексты в мельчайших деталях совпадающие с легендарными сюжетами из донесений францисканцев. Именно это обстоятельство меняет перспективу исследований.

⁴⁵ Обратим внимание на то, с какой тщательностью вычисляется период, когда шум восходящего солнца особо опасен: «пока солнце не продвинется по своему зодиакальному пути на юг» (*Ci. de Бридиа*. История Тартар. 13-14).

⁴⁶ Чекин Л. С. Безбожные сыны Измаиловы // Из истории русской культуры. Т. I. Древняя Русь. М., 2000. С. 691-716.

⁴⁷ Киракос Гандзакец. История Армении / Пер. с др.-арм., пред. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 225. (далее – Киракос Гандзакец).

⁴⁸ Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouigours au VIIIe siècle // JA. 1956. Vol. 244, pp. 137-154.

⁴⁹ Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и приложения В. С. Таскина. М., 1979. С. 328-329.

Вернемся к началу наших размышлений. Вопрос, который меня занимает, звучит так: были ли эти истории разрозненными выдумками (как полагает Игорь де Рахевильц⁵⁰), либо составляли содержание уникального сочинения, рисующего рождение фантастической империи Чингис-хана. Принять концепцию де Рахевильца о том, что францисканцы записали случайные легенды, оснований нет. Дело в том, что «разрозненные рассказы» о походах и поражениях трех армий Чингис-хана складываются в стройную композицию (см. ниже, § 6. Фабула сочинения).

Возникает вопрос: как и где францисканская миссия познакомилась с этим сочинением. Вероятно, в самой Монголии, находясь в Орде великого хана Гуюка во время курултая летом 1246 года. На выборы нового хана съехалось около четырех тысяч послов из разных концов империи.⁵¹ Вероятно, с ними прибыло не меньшее число переводчиков. Столпотворение языков и народов напоминало библейский Вавилон. Ситуация таила в себе неожиданные встречи. Можно с уверенностью предположить, что переводчики одного из бесчисленных посольств и привезли с собой загадочное сочинение о Чингис-хане. Загадка в том, что Чингис-хан не проигравший в реальности ни одного крупного сражения, по воле неизвестного автора покоряет мифические пространства, где терпит одно поражение за другим.

Гипотеза о существовавшем сочинении не только более привлекательна, но и доказуема. Что может бесспорно свидетельствовать о литературном характере сведений, зафиксированных францисканской миссией в Центральной Азии? В первую очередь, существование литературных восточных текстов, где описаны те же самые чудесные народы и необычные природные феномены. Такие тексты почему-то не привлекались для анализа, однако их существование неоспоримо.⁵² Сопоставив сведения восточных космографий с фантастическими эпизодами из донесений францисканцев, я столкнулся с необычным обстоятельством. Некоторые существенные подробности в заимствованных сюжетах оказались зеркально перевернутыми.⁵³ Обнаруженная инверсия дает надежный критерий, позволяющий различить сюжеты романа в донесениях францисканцев. Ясно также, что подобной игрой с текстами францисканцы заниматься не могли. Во-первых, у них не было на то причины, а, во-вторых, они не знали восточных языков. Следовательно, они лишь зафиксировали перевод сочинения неизвестного автора. Тем самым, теория о наивности францисканцев, увлеченно собиравших легенды о монстрах и чудесах Азии, утрачивает свою притягательную силу. На вопрос – с какой целью неизвестный автор использовал инверсию – мы ответим чуть ниже. А пока рассмотрим метод конструирования текста на примере одного сюжета, не нашедшего объяснения за последние двести лет.

4. Чингис-хан в земле «шумящего солнца»

По замыслу автора романа, Чингис-хан стремится повторить самое известное деяние Искандера,⁵⁴ которому удалось побывать у места восхода солнца. На первый

⁵⁰ de Rachewiltz I. *Papal Envoys to the Great Khans*. London, 1971, p. 107.

⁵¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с персид. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960. Т. II. С. 118-119.

⁵² Перечень этих источников, изданных на разных языках, см.: Yourtchenko A. Ein asiatisches Bilderrätsel für die westliche Geschichtsschreibung: Ein unbekanntes Werk aus dem 13. Jahrhundert (Der „Tschingis Khan-Roman“) // Zentralasiatische Studien. 28. 1998. S. 70-72.

⁵³ Пейнтер и Риш указали на три случая инверсии; остальные восточные тексты остались им неизвестны.

⁵⁴ О миропреобразующей роли Искандера в восприятии разных традиций, в том числе, и исламской см.: Шукуров Ш. М. Александр Македонский: метаистория образа // Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. М., 1999. С. 33-61.

взгляд кажется, что легендарная фигура Чингис-хана ни в чем не уступает своему прообразу. За исключением одной детали, которой придается перевернутый характер, что, в конечном счете, меняет смысл всего эпизода. Армия Чингис-хана, достигнув восточного края земли, не выдерживает внезапного шума восходящего светила и в ужасе покидает враждебное пространство. С собой они уводят в плен единственную местную женщину. Она то и сообщает им важный секрет: оказывается, шум солнца можно было победить грохотом барабанов. Сюжет в высшей степени загадочный. Первым шагом, натолкнувшим меня на поиск восточных параллелей, была находка следующего текста. В персидской космографии XIII в. «Чудеса мира» упоминается недоступный город на востоке, где солнце восходит со страшным шумом.⁵⁵ Обитатели этого необычного города грохотом барабанов заглушают шум солнца. Как видим, их действия совпадают с тем способом защиты, о котором Чингис-хан узнает из уст пленницы. Позже выяснилось, что тема «шумящего солнца» разрабатывалась, в первую очередь, в арабо-персидской космографической традиции («Омари, ат-Табари, ал-Джахиз, Замахшари, ар-Рази, Наджиб Хамадани»).⁵⁶ В философско-историческом аспекте эта тема представлена в «Искандер-наме» Низами Гянджеви (XII в.).⁵⁷ Согласно Низами, Искандер, влекомый жаждой странствий, прибывает в город на востоке мира, и заранее предупрежденный знатоком путеводных книг, на рассвете приказывает бить в барабаны, чем спасает свою армию от смертоносного шума солнца. Чингис-хан в этой же ситуации не знает как поступить. Мудрец Искандера заменен фигурой пленницы, но ее правильный совет приходит слишком поздно и потому звучит как глубокая ирония. Ведь Искандер, опираясь на знания мудреца, находит выход из трудной ситуации в нужный момент. В этой перспективе восточный поход Чингис-хана, из которого он возвращается ни с чем, является зеркальным развитием темы Искандера, покорителя горизонтов.⁵⁸ И одновременно здесь обыгрывается официальная формула, прославляющая подвиги Чингис-хана, который «покорил мир от восхода солнца до захода».⁵⁹ Если Искандер своими путешествиями раздвигает границы познанного мира, то Чингис-хан стремится их покорить. В процессе конструирования из исходного сюжета изъяты некоторые ключевые элементы (мудрый помощник, барабаны, покровительство высших сил). Согласимся, что неизвестный автор создает текст, в котором ставит виртуальный эксперимент. По его замыслу, военная элита во главе с Чингис-ханом проникает за границы освоенного мира. При этом автору заранее было известно, что произойдет с империей и ее основателем, если границы империи расширятся за доступные человеческому познанию пределы. Вымышленная конструкция империи обречена на

⁵⁵ 'Аджа'иб ад-дунйа (Чудеса мира) / Критический текст, пер. с перс., введение, комментарий и указ. Л. П. Смирновой. М., 1993. 434. (Памятники письменности Востока. LXXXIII).

⁵⁶ Попытки Бойля разгадать тайну «людей солнца» ни к чему не привели, потому что Бойль не обратился ни к одному из перечисленных выше источников; в привлекаемых им материалах речь идет о *жаре* солнца, но не о шуме, см.: Boyle J. A. The Alexander Legend in Central Asia, in: Folklore 85. 1974, pp. 221-222; idem, The Alexander Romance in Central Asia // Zentralasiatische Studien 9. 1975, pp. 265-273; idem, Narayrgen or the People of the Sun // Altaica collecta, pp. 131-136.

⁵⁷ Низами Гянджеви. Искандер-Наме: [Поэма об Александре Македонском] / Пер. с фарси и коммент. Е. Э. Бертельса, А. К. Арендса. Баку, 1983. С. 499-502.

⁵⁸ Юрченко А. Г. Чингис-хан в стране «шумящего солнца» // Кунсткамера. Этнографические тетради. Вып. 12. 1998. С. 130-132.

⁵⁹ *Urguqi naran-ağa singgeküi naran kürtele*, цит. по: Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongrol-un niguèa tobèiyan. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Введение, перевод, тексты, глоссарии. М.; Л., 1941. Т. I. С. 69. Согласно Рашид ад-Дину, Джебе и Субедей, посланные Чингис-ханом в трехлетний разведовательный поход, имели с собой копию ярлыка такого содержания: «да ведают эмиры, вельможи и подданные, что всю поверхность земли от <места> восхода солнца до <места> захода господь всемогущий отдал нам», см.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Ч. 2. С. 211.

саморазрушение. Ниже у нас будет возможность убедиться в справедливости этой гипотезы.

5. Ключ от входа в зеркальный мир

Необъяснимым оставалось одно обстоятельство. Какими бы загадочными не выглядели описания далеких стран, их обычаев или природных явлений, авторам космографий обычно известно, как нужно поступать в той или иной фантастической, с нашей точки зрения, ситуации. Тогда как монгольские армии, попадая в аналогичные ситуации, подобными знаниями не владеют. Отмечу, что речь идет о магических знаниях, позволяющих справиться с шумом солнца или преодолеть силу магнитной горы. Отсутствие этих знаний приводит к тому, что дальнейшие события развиваются по зеркально противоположным сценариям. Преодоление препятствий, описанных в космографиях, в «Романе о Чингис-хане» заменяется катастрофическими поражениями. Становится ясным, что восточных текстов полностью повторяющих описания из донесений францисканцев, за редким исключением, нет и быть не может, потому что неизвестный автор перевернул их содержание. При этом «нейтральные» элементы в использованных сюжетах остались без изменений. Таким образом был найден ключ к пониманию метода, который использовался при создании необычного сочинения. На этом основании можно поставить вопрос об инвертированном характере всего романа, рисующего вымышленную империю Чингис-хана. Следующая задача заключалась в том, чтобы выяснить, какие именно мотивы подверглись инверсии.

Если мы применим метод «зеркала» к легендарным сюжетам из донесений францисканцев, то получим следующую картину. Например, в битве монголов с воинами-псами, последние, трижды окунаясь в холодную воду и валяясь в песке, превращают свои шкуры в ледяные панцири неуязвимые для стрел. Поэтому псы выигрывают сражение.⁶⁰ О том, что у псов есть уязвимые места (глаза и носы, непокрытые льдом) монголы не знают. Существует ли литературный текст, в котором истинный герой, сражаясь с воинами-псами, знает слабое место своих необычных противников? Такой эпизод имеется в тюркском средневековом эпосе «Огуз-наме», зафиксированном на персидском языке.⁶¹ Сначала Огуз не догадывается, что воины-псы, покрытые панцирями из клея и песка, непобедимы. Однако женщины этой земли, привлеченные красотой воинов Огуза, выдают ему секрет уязвимости псов, и он одерживает победу. Очевидно, что описание похода Огуза в Землю псов можно принять за исходный текст. Из сравнения результатов поединков следует, что удача принадлежит лишь герою, овладевшему магическими знаниями. Воины Чингис-хана также вступают в диалог с женщинами Земли псов, но секрета не узнают. То, что речь идет о магических знаниях показывает обращение к другому кругу источников, напрямую не связанных с группой базовых текстов нашего исследования. Мотив «жизненной силы», скрытой в какой-либо части тела – обычно в глазах или ноздрях – разрабатывает тему условной неуязвимости противника героя и свидетельствует о шаманском характере поединка с ним.⁶² В якутском *олонхо* имеется эпизод, когда герой сам оборачивается волком и перед битвой с богатырем нижнего мира, три дня трется шкурой о сосновую смолу и песок,

⁶⁰ Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V. 13; Ц. де Бридуа. История Тартар. 18.

⁶¹ Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме / Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указатели Р. М. Шукуровой. Баку, 1987. С. 34-35. Литературный характер обработки этого эпизода несомненен: псы окунаются в какие-то странные бассейны с клеем; клей и песок белого и черного цвета.

⁶² Неклюдов С. Ю. Анимистические мотивы в демоноборческих сюжетах монгольского эпоса // Fragen der Mongolischen Heldendichtung. Teil III. Vorträge des 4. Epensymposiums des Sonderforschungsbereichs 12, Bonn 1983. Hrsg. W. Heissig. Wiesbaden, 1985. С. 32-38. (Asiatische Forschungen. Bd. 91).

превращая свою шкуру в блестящую броню.⁶³ Напомним, что в «Романе о Чингис-хане» псы трижды окунаются в воду и трутся о песок. И в архаическом варианте, когда сам герой предстает в облике животного, и в литературной обработке сюжета в «Огуз-наме», герой всегда выигрывает – таково требование жанра. В «Романе о Чингис-хане» результат битвы перевернут: монголы проигрывают схватку, потому что им неизвестен секрет псов. На вопрос, с какой целью придуман этот эпизод, можно ответить, лишь оценив замысел всей композиции сочинения.

Другой пример. Монголы в южной пустыне совершают рейд против бессловесных людей с негнущимися ногами. Эти существа, упав, сами уже встать на ноги не могут. Будучи же ранеными монгольскими стрелами, они используют какую-то траву, которую прикладывают на рану, и успешно убегают от своих противников.⁶⁴ Как правило, все легендарные персонажи из донесений францисканцев, несмотря на свой странный облик, обладают способностью говорить. Даже асимметричные люди вступают в диалог с монголами. Бессловесность – признак животных. Этот аргумент имеет силу, если мы согласны с тем обстоятельством, что сюжеты романа заимствованы не из животного эпоса, а из космографий и сборников о «чудесах мира». В таком случае, ясен вектор поисков: нужно найти описание охоты с помощью стрел на животное с негнущимися ногами. Известный рассказ александрийского «Физиолога», где охотники с помощью подпиленных деревьев заставляют упасть на землю слона, у которого нет суставов в коленях,⁶⁵ в качестве источника нашего сюжета должен быть отвергнут, потому что в нем отсутствует упоминание стрел и травы для ран. В арабо-персидской традиции сохранялось представление о негнущихся ногах носорога.⁶⁶ Если носорог случайно падает, то уже встать сам по себе не может. Выразительное описание охоты зинджей на слонов с помощью отравленных стрел представлено у ал-Бируни⁶⁷ и Якута.⁶⁸ Стрелы охотников снабжены смертельным ядом, и если охотник случайно ранит себя отравленной стрелой, то прикладывает специальную траву, нейтрализующую яд. Каким образом мифический носорог/слон слился в единый образ с охотником, владеющим секретом ядовитых стрел, сказать трудно. Несомненен сам факт слияния. В результате появились бессловесные человеческие существа с негнущимися ногами, знающие как лечить рану, нанесенную стрелой. Картина нападений монголов на этих людей является развитием темы «охоты на носорогов», причем неудачной охоты, так как жертва ускользает из рук охотника. Таким образом, неосвоенное пространство, пригодное только для обитания диких людей, включается в пределы легендарной империи Чингис-

⁶³ Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов // Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1929. Т. VII. С. 88-93.

⁶⁴ Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V. 6. В «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа этого сюжета нет.

⁶⁵ Физиолог / Изд. подготовила Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 152. Ср. также: Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. III. 26-27; Страбон. География. XVI. 4. 10. Цезарь описывает охоту на мифического лося с негнущимися ногами, см.: Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне, об Александрийской войне, об африканской войне / Пер. и коммент. М. М. Покровского. М.; Л., 1948. С. 131.

⁶⁶ 'Аджа'иб ад-дунья (чудеса мира). 14; Свидетельство арабского купца Сулеймана (851 г.) о носороге, см.: Ferrand G. Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient. Paris, 1913. I, p. 44. Сравнительный анализ китайских и арабских известий об охоте на носорогов см.: Laufer B. Arabic and Chinese Trade in Walrus and Narwhal Ivory // T'oung Pao. 1913. XIV, pp. 361-364.

⁶⁷ Абу Рейхан Бируни. Фармакогнозия в медицине (китаб ас-сайдана фи-т-тибб) // Избранные произведения / Исслед., перевод, прим. и указ. У. И. Каримова. Ташкент, 1973. Т. IV. С. 788.

⁶⁸ Арабские источники XII – XIII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары. М.; Л., 1967. Т. III. С. 121-122.

хана. Империя постепенно приобретает черты перевернутого мира, где уже невозможно различить сакральный центр и дикую периферию.

«Перевернув» сценарии фантастических эпизодов из сочинения анонимного автора можно обнаружить исходные литературные формы. И, наоборот. Самой тиражированной формулой в монгольской империи было утверждение: Чингис-хан – сын Неба.⁶⁹ Эта формула гравировалась на золотых и серебряных пластинках, которые вручались как бесчисленным гонцам, так и административным лицам империи.⁷⁰ Эта же формула присутствовала на всех дипломатических документах.⁷¹ Несложно догадаться, какую смерть, в таком случае, придумал неизвестный автор главному персонажу своего сочинения – Чингис-хану. Сын Неба погибает, пораженный громовым ударом Неба. Странный характер этих сведений отметили все исследователи, поскольку известно, что Чингис-хан умер своей смертью.⁷² Кажется, никто не рассмотрел в этом событии тему «небесного суда». Согласно средневековым монгольским представлениям, смерть от удара грома переводила человека в разряд нечистых существ, и все его имущество отвергалось.⁷³ «Имуществом» Чингис-хана была его империя.

Расшифровка этого сюжета с помощью метода инверсии не представляет сложности. В данном случае, интересно другое. Имперская формула о Сыне Неба и представления монголов о грома относятся с хорошо известным вещам. Казалось бы, необычные сведения о драматической смерти Чингис-хана должны были натолкнуть исследователей на правильный ответ и раскрыть код, применимый к остальным фантастическим сюжетам. Но этого не произошло. Единственный ответ, который сегодня существует, заключается в игнорировании проблемы. В исследовании Ж.-П. Ру, посвященном представлениям о смерти у алтайских народов, анализируются сведения брата Иоанна о грома у монголов, но сведения о грома, убившем Чингис-хана, не упоминаются вовсе.⁷⁴ Трудно полагать, что Ж.-П. Ру их не заметил. На фоне историко-

⁶⁹ Монгольская формула о покровительстве Вечного Неба: *möngke tengri-yin jarliq qan* вполне адекватно переводилась средневековыми европейскими дипломатами: *Cingischam filius Dei dulcis et venerabilis*; см.: Voegelin E. The Mongol Orders of Submission to European Power, 1245 – 1255 // Byzantion. 1941 – 1942. Vol. 15, pp. 378-413.

⁷⁰ Текст: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса», цит. по: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Факсимиле ксилографа; Пер. с кит., введ., комментарий и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975. С. 74; *Münküev N. Ts. A New Mongolian p'ai-tzu from Simferopol* // АОН 31:2. 1977, pp. 185-215.

⁷¹ *Sagaster K. Herrschaftsideologie und Friedensgedanke bei den frühen Mongolen* // CAJ 17. 1973, ss. 223-242.

⁷² Например, Рачневский в главе, посвященной смерти и погребению Чингис-хана, ограничился следующим замечанием по поводу сведений брата Иоанна: «Legends soon grew up about the death of the World Conqueror. Plano Carpini reports that Genghis was struck by lightning», см.: *P. Ratchnevsky. Genghis Khan. His Life and Legacy. Oxford, 1991, p. 141*. См. также: *Kämpfe H.-R. È inggis-Khan* // Weiers M. (Hrsg.). Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1986, ss. 190-191; *Wright D. C. The Death of Chinggis Khan* // Proceedings of the 39th P.I.A.C. Meeting. Szeged 1996, erscheint voraussichtlich 1997/98.

⁷³ Брат Иоанн сообщает: «И, если кого-нибудь убивает громом, то всем тем людям, которые задерживаются в этих стойбищах, надлежит пройти через костры вышеуказанным образом; до жилища, ложа, повозок, войлоков и одежд и всего того, что у него было из такого рода вещей, никто не дотрагивается, но все отвергают <их> как нечистое» (III. 15); «Если с неба падает огонь на скот или на людей, что как раз там часто случается, либо происходит с ними что-нибудь такого рода, из-за чего они считают себя нечистыми или несчастливими, <им> следует очищаться подобным <же> образом при посредстве заклинателей. И почти всю свою надежду они возлагают на такого рода вещи» (III. 10).

⁷⁴ *Roux J.-P. La mort chez les peuples altaïques anciens et medievales. Paris, 1963, pp. 151-153.*

этнографических материалов, собранных исследователем, смерть Чингис-хана от удара грома, выглядит настолько необъяснимой, что для ответа требовалось бы признать ее необычным литературным вымыслом. Это с необходимостью повлекло бы признание неожиданной свободы воображения автора XIII в., который конструирует подобные сюжеты. Далее, следовало бы согласиться, что перед нами игра с символами империи. Но этого не произошло. Исследователи, попадая в игровое поле необычного сочинения, теряли ориентацию. Причина кроется в отсутствии общей идеи, позволяющей оценить сведения легендарного характера из донесений францисканцев как цельную литературную композицию. Что же касается свободной игры с божественными символами, то может возникнуть вопрос: не является ли предложенная трактовка попыткой выявить смыслы, о которых и не подозревал средневековый автор? Известно, например, что доминиканская миссия 1246 г., согласно донесению Симона де СентКантена, отвергла официальную формулу культа Чингис-хана, устроив с монголами религиозный диспут о «сыне Бога». ⁷⁵ Доминиканцы готовы были пожертвовать своими жизнями, наотрез отказавшись преклонить колени перед нойоном Байджу как представителем «живого Бога». В отчете брата Симона нет места ни иронии, ни игре смыслами, вернее, представлена «серьезная игра». Западные дипломаты, сталкиваясь с реальностью монгольских имперских мифов, как правило, реагировали слишком прямолинейно. Восточные христиане (несториане) столь же ясно осознавали эту проблему, но, по понятным причинам, диспутов с монголами не устраивали. Их ответ на вызов империи был иным.

Космографические картины, генеалогические предания, формулы официальных документов, символы монгольской империи по воле неизвестного автора приобретают обратный смысл, отражаясь в зеркале инверсии. Реальной империи им противопоставлена виртуальная империя. Чтобы чувствовать себя свободным внутри этого пространства, нужно использовать специальный код – инверсию. Очевидно, что этого кода у францисканцев не было.

На мой взгляд, сочинение, с которым познакомились францисканцы, есть результат игры в чистом виде. Восточные филологи XIII в. придумали особый мир, который не имеет ничего общего ни с реальностью, ни с загадочными мирами традиционных космографий. В известном смысле, текст является некой производной от химеры имперских мифов. Имеются ли у нас более убедительные доводы в защиту гипотезы о существовании интеллектуального фантастического сочинения? Полагаю, что – да. У нас есть возможность оценить способы «конструирования» каждого сюжета и всю композицию. ⁷⁶ Неизвестный автор использовал прием инверсии и комбинацию различных мотивов с определенной целью. Нам предстоит выяснить какова эта цель, но сначала рассмотрим содержание сочинения.

6. Фабула сочинения

Кратко фабула выглядит следующим образом. Разделив войско на три части, Чингис-хан приказывает им под страхом смертной казни не возвращаться, ранее установленного срока. Войско правой руки устремляется в Малую Индию, где побеждает черных эфиопов. Затем следует вторжение в Великую Индию, царство

⁷⁵ *Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par Jean Richard. Paris, 1965. XXXII. 42-45.*

⁷⁶ Ощущение композиции возникало у многих авторов, анализировавших пятую главу. Так, Капплер пишет: «Plan Carpin prend soin d'alterner les épisodes réels, réalistes, meme, et les interventions du fabuleux. C'est une savante mosaïque qui témoigne d'un remarquable souci de la composition», см.: *Kappler C. Monstres, démons et merveilles a la fin du Moyen âge. Paris, 1980, p. 314.* Разумеется, это чистая риторика, не подкрепленная никакими аргументами, но очень показательная риторика.

пресвитера Иоанна.⁷⁷ Войско индов использует неслыханную военную хитрость: медные фигуры, укрепленные на спинах лошадей и мечущие огонь на расстояние, превышающее полет монгольских стрел. В реальности такое оружие никогда не существовало. Следует учесть, что ближайшая литературная параллель к медным фигурам имеется только в «Шахнаме» Фирдоуси: Искандер приказывает изготовить железных всадников, которых начиняют горячей нефтью и направляют против боевых слонов индийского царя Пора.⁷⁸ Однако между медными фигурами пресвитера Иоанна и железными всадниками Искандера имеется существенная разница. Инды используют против монголов огнеметы, причем описывается византийская техника метания «греческого огня», тогда как фигуры Искандера просто раскалены. Как в свое время уже отметил Ф. Риш, медные всадники индов появляются в результате литературной инверсии известной военной хитрости монголов, которые использовали войлочные фигуры, укрепленные на лошадях, чтобы создавать иллюзию многочисленности своего войска.⁷⁹ Остается лишь ответить на вопрос, с какой целью сочинена эта история. Картина фантастической битвы обыгрывает известную имперскую легенду о победе Чингис-хана над пресвитером Иоанном.⁸⁰ Можно не сомневаться, что для автора романа миф о царе Великой Индии, пресвитере Иоанне, всего лишь занимательный рассказ, старый материал, из которого он кроит новую историю. В обретении этим царем неслыханного оружия скрыта ирония по отношению к самой легенде. Для современного исследователя встает трудный вопрос о «наивности» средневековой европейской элиты, отправлявшей дипломатических посланников в мнимое царство пресвитера Иоанна и «утонченности» восточных авторов, которые инициировали подобные литературные утопии.⁸¹

Потерпев поражение от индов, монголы вторгаются в Землю псов. Мужчины этой земли – псы от рождения, с помощью военной хитрости изгоняют монголов. На обратном пути это войско попадает в область Буритебет, жители которой поедают своих умерших отцов.⁸² Вопреки традиционному мнению, вымышленная область Буритебет не имеет никакого отношения к реальному Тибету. Собственно, рассказчики и не скрывали этого обстоятельства, сообщив брату Бенедикту, что *buri* означает «волк» и вполне соответствует ужасному обычаю этих людей. Версия перевода брата Бенедикта демонстрирует кроме Буритебета, целый ряд таких же придуманных названий, например, *Нохой кадзар* – «Земля псов», *Укорколон*, т. е. земля «быченок». Легендарный этноним Буритебет составлен из двух тюркских слов: *buri* 'волк' и *töbet*

⁷⁷ Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V. 12; Ц. де Бридиа. История Тартар. 17.

⁷⁸ Фирдоуси. Шах-наме. Т. V. С. 30-31.

⁷⁹ Johann de Plano Carpini. Geschichte der Mongolen und Reisebericht 1245 – 1247, s. 125.

⁸⁰ О том, что Чингис-хан покорил царство пресвитера Иоанна сообщают все христианские авторы XIII в., соприкасавшиеся с монголами: Симон де Сент-Кантен, Андре де Лонжюмо, Смбат Спарамет, Вильгельм де Рубрук (XXVI. 4), Жуанвиль (480-483), Марко Поло (LXVII, с. 86-87). Как объясняет эту загадку Кнефелькамп в своей диссертации, посвященной истории пресвитера Иоанна? Он полагает, что францисканская миссия 1245 г. вдохнула новую жизнь в миф о непобежденном христианском царе на Востоке, см.: *Knefelkamp U. Die Suche nach dem Reich des Priesterkönigs Johannes*. Freiburg, 1985. S. 64. Возникает вопрос, почему же другие христианские авторы не пожелали «продлить жизнь мифа». Ответ может выглядеть следующим образом: все названные авторы XIII в. передают имперский миф, а в «Романе о Чингис-хане» представлена инверсия этого мифа.

⁸¹ Ср.: Helleiner K. F. Prester John's Letter: A Medieval Utopia // *The Phoenix*. III, 1. 1959. P. 47-57; Olschki L. Der Breif des Presbyters Johannes // *HZ* 144. 1931. S. 1-14; Olschki L. Storia letteraria delle scoperte geografiche. Studi e ricerche. Firenze, 1937. P. 194-214.

⁸² Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V. 14; Ц. де Бридиа. История Тартар. 19.

‘кобель (волк-кобель)’.⁸³ Собака и волк были тотемами многих племен Центральной Азии и воплощали мощь и мужскую силу. В «Сокровенном сказании» Чингис-хан не раз сравнивает своих алхумчинов с псами, пожирающими кровь поверженного противника.⁸⁴ Интересно, что в «Сокровенном сказании» фигурирует аналогичное выражение *Töböt-ud noxod*,⁸⁵ где *töböt-ut*, скорее всего, означает пастушьих псов, но ни как ни «тибетских» псов.⁸⁶ Можно предположить, что неизвестный автор, описывая легендарный поход монголов в Буритебет, использовал смысловую игру омонимов *töböt* и *Tebet*.⁸⁷ В результате, на карте легендарного маршрута возникает земля людей-волков, которую монголы присоединяют к своей империи. Образы пса и волка играли важную роль в символике империи монголов. Только с учетом этого факта становится ясным композиционный замысел этой части сочинения: в Земле псов монголы проигрывают «истинным» псам, чьей пищей была живая кровь, и одерживают сомнительную победу над «народом волков», пожирающих мертвую плоть. Инверсия престижной фигуры волка понадобилась неизвестному автору для того, чтобы монголы сразились с противником, чей образ является перевернутым отражением самих монголов.

Войско левой руки, покорив бисерменов, кангитов и кыпчаков, устремляется на север и захватывает Великую Венгрию, которая соприкасается с морем-океаном на севере. Совершая рейд к границам мира, монголы попадают в землю легендарных паросситов, питающихся исключительно паром. У них вместо рта маленькое отверстие, и поэтому, сварив пищу, они вбирают только пар.⁸⁸ В средневековой латинской литературе название паросситы уникально, и фигурирует только в донесениях брата Иоанна и брата Бенедикта. Этноним «паросситы» имеет прозрачную русскую этимологию: ‘пар’ + ‘сытый’, буквально «паром сытые». Последнее обстоятельство делает бесперспективной любую попытку локализовать паросситов в реальном пространстве. Не менее легендарными являются и самоеды (буквально, «поедающие сами себя», *аутофаги* греческой традиции), в чью землю приходят монголы. В древнерусской традиции самоеды символизировали крайне удаленные племена севера, чья область отделена от обитаемого мира непроходимыми горами.⁸⁹ О легендарности самоедов свидетельствует тот факт, что в отличие от печоры и югры, они не

⁸³ О семантике термина *töbet*, см.: Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 128.

⁸⁴ Ср.: «во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиною» («Сокровенное сказание». § 195).

⁸⁵ «<...> šingtalun mene metü yekin eyin dongqodumu kö'üt ayuju setkil-iyen alqasa'ujai naran singgegüe èe urgugu-da gürtele dayyin irgen bül manī Töböd-üd noqod-ıyan tukirèu ile'esü dayyin irgen-i ba tenggeri qajar-a güèu nemekdejü altan mönggü a'urasun tabar irgen organ èimada abèirasuqai ali irgen ke'e'sü ene höröne Baqtat <...>», см.: Histoire Secrete des Mongols / Par L. Ligeti. (Monumenta Linguae Mongolicae). Budapest, 1971, p. 235. Первые военачальники Чингис-хана сравнивают себя (согласно переводу Козина) с тибетскими псами: «<...> ведь у нас – всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, натравил бы на вражеский народ» («Сокровенное сказание». § 260).

⁸⁶ Следует согласиться с мнением У. Онона: «The Chinese interlinear note gives ‘Tibetan dogs’ for *töbö d-üt noxod*. However, *töbö* (plural *töbö-d-üt*) meant ‘(large) sheep dog’...», см.: The History and the Life of Chinggis Khan. (The Secret History of the Mongols). Translated and annotated by Urgunge Onon. Leiden; New York; Kobenhaven; Köln, 1990, p. 154, comm., p. 344.

⁸⁷ О различных формах написания в средневековых текстах топонима *Тибет*, см.: *Róna-Tas A. Tibet* // Documenta Barbarorum. Festschrift für W. Heissig / Hrsg. von K. Sagaster, M. Weiers. Wiesbaden, 1983. S. 326-329.

⁸⁸ Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V. 30; Ц. де Бридиа. История Тартар. 21.

⁸⁹ Памятники литературы древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978. С. 243-245.

упоминаются в грамотах Великого Новгорода XIII в.⁹⁰ Ф. Риш,⁹¹ и вслед за ним П. Даффина,⁹² равно как и большинство исследователей, принимают самоедов, о которых сообщают францисканцы, за вполне реальный народ.⁹³ Таким же образом обстоит дело и в отечественной традиции, хотя иногда звучали и сомнения.⁹⁴ Общее мнение выразил М. П. Алексеев: «Рассказ Карпини о самоедах принадлежит к числу наиболее интересных известий хотя бы уже потому, что это одно из первых упоминаний самоедов в западноевропейской литературе».⁹⁵ Третий легендарный народ на пути монголов – бычконогие и песьеглавые люди. Ни с одним из названных народов монголы не сражаются. Топография легендарного монгольского похода к северным пределам мира заимствована из китайского сочинения X в. (известного по компиляции XIII в.), описывающего путешествие к мифическим народам севера: в Царство собак, область бычконогих, антропофагов.⁹⁶ Названия «самоеды» и «паросситы» появились в латинском тексте исключительно под влиянием русских переводчиков.

На обратном пути монголы встретили половинотелых людей-монстров, каждый из которых обладал только одной рукой и одной ногой. Между монголами и монстрами происходит соревнование в стрельбе из лука и в скорости передвижения.⁹⁷ Превосходство оказывается на стороне монстров. Интересно, что техника метания стрел и выносливость монгольских лошадей были самыми известными и прославленными качествами монгольских армий. С какой целью обыгрываются именно эти два параметра, символизирующие мощь империи и непобедимость ее армий? Несмотря на очевидный легендарный контекст, ответ не может быть найден в рамках мифологической традиции. Пока лишь отметим, что брат Иоанн называет одноруких и одноногих людей *циклопедами* (круглоногими), а брат Бенедикт – *унипедами* (одноногими). На самом деле ни тот, ни другой вариант не имеют никакого отношения к асимметричным существам, с которыми соревнуются монголы. Ближайшая литературная аналогия имеется в сочинении арабского космографа XIII века Закарийя ал-Казвини, который описывает одноногих и одноруких *наснасов*.⁹⁸ Асимметричные воины являются типичными представителями тюркской,⁹⁹ и в частности, якутской

⁹⁰ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев и др. Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

⁹¹ *Risch*, s. 153. Риш ссылается на сочинение Палласа (*Pallas. Voyages*. V, ss. 162-208).

⁹² *Daffina*, p. 455; Ср.: *Sinor D.* Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale. Wiesbaden, 1963, pp. 36-39.

⁹³ *Beazley C. R.* The texts and versions of John de Plano Carpini and William de Rubruquis. London, 1903, p. 285; Ср.: Хенниг пишет, что сообщения брата Иоанна о том, что монголы в своих походах доходили до самоедов и Ледовитого океана, достойны внимания с культурно-исторической и географической точек зрения, см.: *Хенниг Р.* Неведомые земли. М., 1962. Т. III. С. 46. Хеннигу оставалось только доказать, что монголы туда действительно доходили.

⁹⁴ *Оксенов А.* Сношения Новгорода Великого с Югорской землей // Литературный сборник. Изд. ред. «Восточного Обозрения». СПб., 1885. С. 437.

⁹⁵ *Алексеев М. П.* Сибирь в известиях западно-европейских путешественников, с. 11. Ср.: Шастина, прим. 105, на с. 211. Ср.: *Симченко Ю. В.* Культура охотников на оленей Северной Европы. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 68-69.

⁹⁶ Текст см.: *Е Лун-ли.* История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и приложения В. С. Таскина. М., 1979. С. 328-329.

⁹⁷ *Иоанн де Плано Карпини.* Книга о Тартарах. V. 33; *Ц. де Бридуа.* История Тартар. 22.

⁹⁸ *Ansbacher J.* Die Abschnitte über die Geister und wunderbaren Geschöpfe aus Qazwini's Kosmographie, zum ersten Male ins Deutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen. Kirchhain N.-L., 1905. S. 33.

⁹⁹ Ср. одноглазые, однорукие и одноногие медные фигурки у тюркских племен, см.: *Спицын А. А.* Уродливые медные статуэтки // Известия археологической комиссии. 29. СПб.,

мифологии. Асимметричность – признак иного мира.¹⁰⁰ Перед нами не совсем удачная попытка францисканцев отождествить неизвестных им мифических персонажей с традиционными для западной культуры маргинальными образами. О факте отождествления свидетельствует следующее: в сочинении брата Иоанна только в рукописи *W* появляется приписка на полях: «Циклопеды», а ссылка на Исидора Севильского впервые появляется только в редакции *S*,¹⁰¹ и скорее всего она была кем-то подсказана брату Иоанну во время его контактов в Европе. Ссылка неточна, и вероятно, сделана по памяти: у Исидора нет слова *ciclopedes*. Кажется, никто из исследователей не обратил внимания на тот факт, что описываются асимметричные люди, тогда как античные унипеды имеют две руки, но одну ногу, и не отличаются воинственностью.

Приключения войска Чингис-хана, на первый взгляд, вообще необъяснимы. Войско направляется к восточным пределам мира. На его пути лежат Каспийские горы, состоящие из адаманта (алмазного камня). Магнитная сила Каспийских гор лишает войско оружия и железного снаряжения, вплоть до конских подков.¹⁰² Однако, хорошо известно, что боевые монгольские лошади никогда не подковывались.¹⁰³ Исходная легенда заимствована из арабского сочинения Х в. «Чудеса Индии», где описана магнитная гора в Китае и путешественникам рекомендуется снимать подковы со своих лошадей и использовать деревянные стремена и седла.¹⁰⁴ Шум, поднятый летящим оружием, был услышан неким загадочным народом, запертым в Каспийских горах. В течение десяти лет они разрушают гору, и, выйдя на простор, пытаются сразиться с войском Чингис-хана, возвращающимся домой. Но слепящее облако разделяет противников и не дает им сблизиться друг с другом. Мифическая слепота указывает на рубеж видимости, который является важнейшим признаком маргинальной зоны. Можно предположить, что в этом эпизоде описывается вторжение монголов в инфернальное пространство. В романе Каспийские горы символизируют мифический центр мира и Чингис-хан дважды пытается покорить его. В этой точке пространства, по замыслу автора, видимо, должен был состояться главный поединок. Горизонтальный маршрут экспедиции Чингис-хана прерывается и переходит в вертикаль. Следование по вертикали могло привести либо в мир богов, либо в нижний мир. Путь наверх для Чингис-хана закрыт. Могущество Бога безмерно и война с ним невозможна. Разрушение преграды и появление оттуда запертого народа следует рассматривать как путешествие Чингис-хана в нижний мир и попытку воинственного столкновения со своими предками.

Интересна попытка брата Бенедикта интерпретировать этот сюжет в библейском контексте. Он с некоторой долей сомнения сначала пытается отождествить запертый народ с Гогом и Магогом, а затем, словно не замечая противоречия, с десятью потерянными коленами Израиля. Современная научная традиция пошла по пути,

1909; одноглазые и одноногие лесные духи «шурэлэ» у башкир, см.: Халиков А. Х. Маклашеевская всадница // СА. 1971. № 1.

¹⁰⁰ Неклюдов С. Ю. О кривом обороте (К исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 135.

¹⁰¹ См. комментарий Менесто к латинскому тексту: *Giovanni di Pian di Carpine. Storia dei Mongoli*, р. 122, 274.

¹⁰² Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V. 15; Ц. де Бридиа. История Тартар. 12.

¹⁰³ В частности, этот факт отмечен в грузинской летописи «Картлис цховреба», см.: Цулая Г. В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // Летописи и хроники. 1980. М., 1981. С. 119-120. Об этом же пишет автор XIII в. Фома Сплитский, см.: Фома Сплитский. История архиепископов Салоны и Сплита / Вст. ст., пер., коммент. О. А. Акимовой. М., 1997. XXXVII.

¹⁰⁴ Бузург ибн Шахрияр. Чудеса Индии / Пер. с араб. Р. Л. Эрлих. Под ред. И. Ю. Крачковского. М., 1959. С. 112.

предложенному братом Бенедиктом. Тогда, как известно, что во времена Чингис-хана отмечался важный праздник, имитировавший древнее предание о том, как предки монголов, запертые в горной долине, вышли на степной простор, расплавив горный склон.¹⁰⁵ Сам Чингис-хан изображал кузнеца. Сценарий этого праздника и послужил материалом для создания сюжета о запертом народе (порождая знаменательную ассоциацию с Гогом и Магогом).

Далее, монгольское войско пересекает бесконечную пустыню. Из-за нехватки провианта, Чингис-хан отдает приказ съедать каждого десятого воина.¹⁰⁶ Если исходить из легендарного контекста (путь в страну «людей солнца»), то вымышленный характер этого эпизода сомнений не вызывает, хотя имеется и иная точка зрения.¹⁰⁷ Однако вымысел неизвестного автора не является произвольным. Можно полагать, что и на этот раз он прибегает к инверсии известных официальных символов. Мне кажется, что в данном случае с жесткой иронией обыгрывается один из таких символов, а именно, десятичное устройство армии. Приказ съедать каждого десятого коррелирует с реальным законом военного времени: умерщвлять весь десяток, если во время сражения в страхе бежит хоть один воин из десятки или случайно погибнет десятник.¹⁰⁸

Когда Чингис-хан возвращается в центр своей империи, Небо убивает его ударом грома. Но известно, что Священное Небо было Богом монголов и считалось покровителем Чингис-хана. Инверсия символов очевидна, но пока неясно, какова цель этой инверсии. Завершается сочинение пророчеством, на странный характер которого также никто не обратил внимания: монголы сражались 42 года и должны править миром 18 лет, после этого они будут побеждены неизвестным народом.¹⁰⁹ Суммарный срок равен 60 годам, что соответствует китайскому циклу космического обновления. Пророчество предрекает крах империи.

7. Восточный ребус для западной историографии

Перечисленных сюжетов достаточно, чтобы поставить вопрос о необычном характере сочинения, описывающего фантастические походы трех монгольских армий. Большинство известных мне исследований ограничивается лишь перечислением названных сюжетов и не рассматривает их как единую картину. Как правило, сюжеты анализировались изолированно друг от друга и рассматривались не выходя за рамки греко-латинской традиции.¹¹⁰ И даже в случае, когда признается существование «Романа о Чингис-хане», авторство многих эпизодов все равно приписывается францисканцам. По мнению французской исследовательницы Жере-Лаферте, «ошибки» исторического характера в пятой главе донесения брата Иоанна появились по той

¹⁰⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 153-154.

¹⁰⁶ Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V. 9; Ц. де Бридиа. История Тартар. 9.

¹⁰⁷ Martin H. D. The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China. Baltimore, 1950, pp. 160, 177; Ratchnevsky P. Genghis Khan. His Life and Legacy. Oxford, 199, pp. 112-113.

¹⁰⁸ Ср. со сведениями брата Иоанна: «А когда они находятся на войне, то, если из десяти человек бежит один или два, или три, или еще больше, убивают всех; и если бегут все десять, разве только не побегит остальная сотня, убивают всех <десятерых>. И, чтобы мне короче сказать, убивают всех, кто бежит, разве только они не отступают <все>. Равным образом, если один или два, либо больше смело вступают в битву, а другая десятка не следует <за ними>, <последних> также убивают. И, если один из десяти или больше попадают в плен, а другие их товарищи не освобождают их, их также убивают» (Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. VI. 3).

¹⁰⁹ Иоанн де Плано Карпини. Книга о Тартарах. V. 19; Ц. де Бридиа. История Тартар. 41.

¹¹⁰ На этой позиции настаивает Фрид, см.: Fried J. Auf der Suche nach der Wirklichkeit, s. 320-321. Критический разбор теории Фрида см. в моей статье: Yourtchenko A. Ein asiatisches Bilderratsel für die europäische Geschichtsschreibung, ss. 70-72.

причине, что францисканец пытался придать изложению жесткие композиционные рамки. Далее, она отмечает, что историческая часть донесения представлена как широкая эпопея, в которую включены многочисленные мифические элементы, и спрашивает: как определить происхождение такого эпического построения? Ее ответ выглядит так: «Можно было бы здесь увидеть лишь отдаленное отражение тех представлений о монстрах, что были унаследованы от греческой и латинской традиции. В действительности, процесс сложнее. В „Истории Тартар“ сообщается, что основными информаторами францисканцев были монголы, и эпопея, действительно имеет вид „Романа о Чингис-хане“, по меткому выражению Пейнтера. Однако поражает совпадение некоторых эпизодов с эпизодами из „Романа об Александре“. ... Известно о существовании монгольской версии „Романа об Александре“, написанной на уйгурском языке; можно предположить, что именно она и послужила основой „Романа о Чингис-хане“, который использовали, в свою очередь, францисканцы в соответствии со своим замыслом».¹¹¹ Отмечу, что монгольская версия, о которой говорит Жере-Лаферте, представляет собой четыре небольших фрагмента,¹¹² чье содержание восходит к традиционным сирийским легендам об Александре (въезд в Иерусалим, путешествие в Страну тьмы, и т. д.) и никакого отношения к фантастическим эпизодам «Романа о Чингис-хане» не имеет. Скорее всего, Жере-Лаферте не знает о существовании параллельных текстов из восточных космографий, поэтому с удивлением констатирует разницу между «исторической» и остальной частью донесений францисканцев.

По мнению польского историка В. Юрова, если учесть культурную открытость и этническую пестроту монгольской империи, а также чрезвычайную популярность легендарного цикла об Александре на Востоке, то можно вполне уверенно назвать фантастические приключения воинов Чингис-хана сборником военных преданий.¹¹³ Чтобы придать большую убедительность своему утверждению, Юров замечает, что францисканцы не были писателями и вообще не проявляли творческих устремлений, которые могли бы противоречить воле папы. А поскольку литературный характер этих сведений несомненен, то значит, сборник написали сами монголы. Что же касается содержания сборника, то он, оказывается, был создан с целью показать историю войн и могущество монголов и поэтому основное внимание в нем сосредоточено на личности основателя империи, который предстает не только как знаменитый вождь, но и легендарный герой. Трудные ситуации (типа голода в пустыне и приказа съесть каждого десятого), по мнению Юрова, связаны исключительно с суровыми природными условиями Центральной Азии, приключения у магнитной горы, всего лишь неудачная попытка монголов покорить Грузию, «шум солнца» это «поющие пески» в пустыне, и т. д.

Особая гипотеза принадлежит И. де Рахевильцу, по мнению которого, монголы сами способствовали созданию «Романа о Чингис-хане».¹¹⁴ Рахевильц считает, что вымышленные материалы, включенные в отчеты первой францисканской миссии, извлечены большей частью из преданий о Чингис-хане, имевших широкое распространение в Азии. Что же касается историй о поражениях Чингис-хана и его полководцев, то они, по мнению исследователя, собраны францисканцами от иноземных пленников, в первую очередь, русских, у которых были все основания ненавидеть своих господ. Вопреки И. де Рахевильцу, ни один из сюжетов романа не дышит ненавистью к монголам, скорее, можно говорить о понижении статуса сверхзначимых символов

¹¹¹ Guéret-Laferté M. Sur les Routes de l'Empire Mongol, pp. 261-262.

¹¹² Cleaves F. W. An Early Mongolian Version of the Alexander Romance // HJAS 22. 1959, pp. 1-99.

¹¹³ Jurow W. Benedykt Polak jako óredniowieczny zbieracz podań i legend o Tatarach // Literatura Ludowa. 20:1976, nr 6 (1977). S. 28

¹¹⁴ I. de. Rachewiltz. Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971, p. 107.

империи. Выбор сюжетов и инверсия сценариев указывают на игровой характер обработки литературных материалов, в которые введены сведения о монголах. Далее, совершенно неясно, как могли ветераны походов Чингис-хана участвовать в создании романа, когда в нем красочно описываются их поражения (а две победы имеют сомнительный характер). Из донесений послов Людовика IX, побывавших в Центральной Азии в 1248 г., мы знаем в каком виде существовали имперские легенды в монгольской среде.¹¹⁵ Не выдерживает критики и гипотеза о сочинительских возможностях русских пленников. Русские, и далеко не пленники, выступают лишь в роли переводчиков. В донесении брата Бенедикта фигурируют монгольские названия легендарных стран, что абсолютно исключает русское авторство. Очевидно, что традиционный подход, который демонстрирует И. де Рахевильц, к «Роману о Чингис-хане» не приложим. Роман не состоял из разрозненных выдумок, которые монголы рассказывали друг другу у «походных костров».¹¹⁶ «Роман о Чингис-хане» – сочинение неизвестного восточного автора; его содержание в силу каких-то неясных обстоятельств стало известно францисканской миссии 1247 г. Ни один из сюжетов романа не мог иметь «широкого распространения в Азии». Перед нами текст, рожденный в результате интеллектуальной игры с символами империи. С помощью инверсии неизвестный автор преобразует содержание заимствованных литературных тем и создает вымышленный мир, в котором натиску монголов противостоят божественные преграды в лице монстров и необычных природных феноменов.

Концепцию де Рахевильца справедливо отверг Даффина в своем обширном комментарии к итальянскому переводу книги брата Иоанна. Согласно Даффина, мы имеем следующую картину: к середине XIII в. происходит контаминация сирийских легенд об Александре с легендами о Чингис-хане, причем не в монгольской среде; однако некоторые эпизоды, переходя из Александрии в повествование о Чингис-хане к 1246 г., приобретают «монгольскую специфику»: они географически и лингвистически адаптируются к новому герою.¹¹⁷ При этом возникает противоречие, отмеченное самим Даффина: биография Чингис-хана в сообщениях Вильгельма де Рубрука¹¹⁸ и Марко Поло¹¹⁹ не содержит элементов из Александрий, хотя эти путешественники провели при монгольских дворах гораздо больше времени, чем брат Иоанн и брат Бенедикт. Фантастических элементов нет и в «Сокровенном сказании».¹²⁰ Многочисленные монгольские легенды и предания, которые вошли в «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, также не имеют ничего общего с Александриями. Ни одна из представленных точек зрения не вносит ясности в загадку текста.

Следует признать, что любая реконструкция «Романа о Чингис-хане» будет иметь заведомо условный характер и будет легко уязвима для критики. Причина в том, что роман сохранился лишь в латинских переводах, отягощенных ошибками и интерпретациями средневековых переводчиков. При этом реконструкция, необходимая

¹¹⁵ Friedman L. J. Joinville's Tartar visionary // *Medium Aevum* 27/1. 1958, pp. 1-7. Ср.: Finch R. Mythical Elements in *The Secret History of the Mongols* // *TASJ* 10. 1995, pp. 139-76.

¹¹⁶ Ср.: «The Mongols themselves must have contributed to the development of the Chingis Romance by embroidering upon the conqueror's epic life, episodes of which were told and retold around the camp fires», см.: I. de. Rachewiltz. *Papal Envoys*, p. 107.

¹¹⁷ Daffina, pp. 423-424. Даффина не показывает, кем и как, и главное – с какой целью, совершается этот перенос. Ссылка на сирийские легенды у него отсутствует, поэтому построения Даффина не имеют никаких оснований.

¹¹⁸ Вильгельм де Рубрук. XVIII, 4-6.

¹¹⁹ Марко Поло. LXV-LXVIII.

¹²⁰ Ср.: Хомонов М. П. Устойчивые фольклорные элементы «Сокровенного сказания» // *Востоковедные исследования в Бурятии*. Новосибирск, 1981.

сама по себе, не является безусловным доказательством существования самостоятельного сочинения. В качестве неоспоримого довода я вижу следующее. Условно можно выделить двадцать сюжетов, и к каждому из них можно указать литературный прототип. В первую очередь, это сюжеты из «Искандер-наме» Низами, арабские описания в жанре *'аджа'иб* (чудеса мира), китайские и тибетские легенды о далеких северных странах, сирийская легенда о древних тюрках, легенда о царе Великой Индии пресвитере Иоанне, эпизод из тюркского эпоса об Огузе, генеалогическое предание монголов о недоступной местности Эргунэ-кун и ряд других источников. К этому следует добавить инверсию официальных формул и знаков империи. Все заимствованные сюжеты зеркально перевернуты, при том, что структура сюжетов, как правило, сохранилась. Последовательная инверсия символов империи ясно свидетельствует об авторском замысле. Эпизоды вымышленной истории Чингис-хана не объяснимы вне проблематики романа.

Система моих аргументов сводится к следующему: 1) сюжеты имеют исключительно восточное происхождение; 2) сюжеты сочинения выстраиваются в стройную композицию; 3) все вымышленные сюжеты подчинены единому замыслу: покорению монголами легендарных миров; 4) инверсия сюжетов также подчинена единой идее – всегда обыгрываются военные символы монгольской империи; 5) монстры и аномальные природные явления, равно как и символы монгольской империи, являются для автора романа всего лишь элементами, с помощью которых он конструирует маргинальные миры. Трудно заподозрить в наивности человека из элитарной группы, управлявшей половиной мира.

8. Фантастическая империя: замысел и идеи автора

Вопрос об общей направленности легендарных сюжетов не был поставлен ни одним исследователем. Я отдаю себе отчет в том, что трактовка фантастических эпизодов как описания вымышленной империи Чингис-хана расходится с существующей научной традицией. Однако у меня имеются серьезные основания настаивать на смене парадигмы.

Картина вымышленных походов отражает квазиисторическую модель монгольской империи. В тексте описываются внешние границы империи. Однако исключительное внимание неизвестного автора к описанию внешних границ не может не вызывать удивления. Одного этого факта достаточно, чтобы почувствовать каверзный характер текста. Ближайшей литературной аналогией являются странствия Искандера, томимого жаждой разведать пределы мира. Невозможно согласиться с мнением большинства исследователей, рассматривающих «реальные» и «легендарные» события пятой главы, в ходе которых создается империя Чингис-хана, изолированно друг от друга. Также неприемлемы попытки увидеть за вымышленными эпизодами скрытые исторические факты. Перед нами не трансформированная реальность, не некий перечень исторических ошибок, и уж тем более не наивные представления о загадочной Азии, а особый «художественный» мир, описываемый в обратной перспективе.¹²¹ Это проявляется в особом интересе к пограничным ситуациям, инверсии заимствованных литературных сюжетов (типа шума солнца) и обостренном внимании к символам империи. Сыну Неба, возглавлявшему непобедимые армии, противопоставлен его

¹²¹ Ср. с размышлениями Пейнтера: «Сведения о ранних временах восхождения Чингис-хана к власти, напротив, то тут, то там странным образом искажены, так что по большей части неисторичные экспедиции Чингис-хана и Толуя представляют собой буйный роман, наполненный чудовищами и сверхъестественными силами. Эта часть разительно отличается не только от объективных и выверенных сведений поздних персидских и китайских источников, на которых по большей части основаны наши знания о монгольской истории, но даже и от эпической, однако основанной в целом на фактах, „Секретной Истории“ самих монголов» (Painter, p. 47).

зеркальный образ – воитель, ведущий в неизвестные пространства армию, лишившуюся оружия.

С какой целью неизвестный автор заставляет монголов покорять маргинальные миры? Недоступные пространства описываются с единственной целью: они являются границами, преступив которые Чингис-хан нарушает космический порядок. Он присоединяет к своему владычеству пространства хаоса, что с неизбежностью превращает его империю в некий антисоциум. Путь в страну «людей солнца» преодолит лишь после приказа съесть каждого десятого. В Буритебете, стране людей-волков, монголы побеждают противника, чей облик является инвертированным отображением самих монголов. После похода к северным границам мира империя включает области, населенные бычегногими и песьелицами существами. Шум солнца – первое грозное предупреждение грядущей катастрофы. Но война продолжается. Чингис-хан пытается вступить в сражение со своими легендарными предками. Преграды, отделяющие человеческий мир от хаоса, прорваны. Вернее сказать, этих границ уже не существует. Появление при дворе великого хана посольства асимметричных людей означает вторжение в человеческое пространство сил иного мира. Фантастическая империя обречена. Ее конструкция не выдерживает собственной тяжести. Итогом замысла мировой экспансии явится насильственная смерть Чингис-хана по воле разгневанного Неба.

Стремление Чингис-хана властвовать над всеми доступными пространствами доводится до абсолютного предела. Автор романа не отрицает силу и избранность Чингис-хана (который в своих замыслах уподобляется легендарной фигуре Искандера), но при этом монгольский император проигрывает все поединки с божественными преградами. Нет сомнений, что герой романа – сакральная фигура, но его попытки перейти границы мифических миров с неизбежностью приводят к профанации этой сакральной силы. Собственно, в этом и заключался замысел романа.

Вопреки мнению большинства исследователей, смысл текста прозрачен. Это попытка десакультурации образа Чингис-хана. Если суммировать все сюжеты, то получится захватывающая картина инвертированного мира, отвергнутого Богом. Этот мир и есть легендарная империя Чингис-хана. Трудно представить для какой аудитории предназначался подобный «карнавал мыслей». Сочинение о Чингис-хане взрывает наши представления о творческих возможностях средневековых интеллектуалов. Если я прав, текст создан настолько свободным воображением, что кажется вообще невероятной сама возможность существования таких сочинений. Следовательно, мировая наука не знает таких текстов и не умеет с ними работать.

Ряд обстоятельств позволяет предположить, что это сочинение не относится к разряду «серьезных» памфлетов, оно не преследует ни политических, ни религиозных целей. Видимо, следует исключить и идею о комическом характере сочинения. Нет ни одного пассажа, выдающего примитивную критику империи. Перед нами игра смыслами. Фантастический замысел средневековых интеллектуалов. Скорее всего, автор был представителем высшей монгольской элиты и, реализуя свой замысел, он предавался «высокому развлечению». Нет ничего невероятного в подобном предположении; неясно лишь, почему смысл этого сочинения столь долго оставался не проявленным.

Куда сложнее ответить на вопрос, каким образом было сконструировано это произведение. Я настаиваю на том, что роман был создан в результате конструирования мифологических сюжетов. Под конструированием я понимаю соединение истории монгольских походов с описаниями легендарных стран, заимствованных из восточных космографий. Во-первых, почти все заимствованные сюжеты подверглись инверсии (иногда, двойной); во-вторых, состав сюжетов многослоен, т. е. эпизоды, как правило, спрессованы из разнородных тем; и, в-третьих, в сочинение введены названия на чужом

для автора монгольском языке. Единственным приемлемым объяснением техники создания такого рода сочинения может быть следующее. Это своеобразные филологические упражнения переводчика, который в своей повседневной жизни был занят официальными переводами с персидского или сирийского на монгольский и наоборот. При этом игра словами и смыслами имела ясную цель. И последнее, ознакомление монгольской элиты с этим сочинением заведомо исключалось.

Во всех культурных традициях одним из главных признаков «внешнего» мира была его враждебность. Интересно другое, Искандер находит выход из трудных ситуаций, а Чингис-хан проигрывает. Замысел сочинения как раз и состоял в том, чтобы показать поражения армий Чингис-хана в пространствах, лежащих за границами познанного. В реальности воинственный предводитель неизвестного никому племени монголов стал основателем самой огромной в истории империи и был провозглашен сыном Неба. Культ Чингис-хана как божества мог породить ответную реакцию в форме профанации божества. Чингис-хан стремится к безудержному расширению границ своих владений, нарушая тем самым божественный порядок. Содержание фантастического сочинения – непрерывный поединок с преградами, отделяющими хаос от космоса (и было бы ошибкой с нашей стороны искать в этом сочинении какие-то исторические оценки фигуры Чингис-хана). Божественный Чингис-хан, как и другой мифический герой – Искандер, стремится покорить миры, куда смертным путь закрыт. Но силы хаоса побеждают его. География этих походов является путеводителем по стране древних мифов и фантастических легенд. Неизвестный арабский автор X века сетовал на недоступность и неизвестность пределов мира: «поразмыслив, я нашел, что люди заперты в обитаемой четверти земли и у них нет знания относительно остальных трех четвертей ее». Продвижению на север препятствуют холод и мрак, на юг – горячий смертельный ветер и жар солнца; «что же касается западной области, то ал-Бахр ал-Мухит препятствует передвижению в ней из-за ударов волн моря и густого мрака его. А что до восточной области, то там препятствуют пути высокие горы». ¹²² В этих словах проявлен архаический взгляд на противостояние человеческого мира с враждебным пространством хаоса в масштабах Космоса.

9. Царь, язык и вера

Царь в традиционных культурах – символ правильного устройства человеческого мира. Средневековые описания чужих земель, как правило, начинались с особы государя. Повествуя о бесчисленных народах Евразии, Марко Поло, в первую очередь, сообщает об их правителях. Приведем краткие описания двух царств. Царство Чيانбо на полуострове Индокитай – «страна большая, богатая. Здесь свой царь и свой особенный язык. Живут там идолопоклонники; великому хану каждый год платят дань слонами»; ¹²³ «Россия большая страна на севере. Живут тут христиане греческого исповедания. Тут много царей и свой собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры. На границе тут много трудных проходов и крепостей. Дани они никому не платят, только немного царю Запада; а он татарин <...>. Страна эта не торговая, но много у них дорогих мехов высокой ценности». ¹²⁴ Фигура правителя, наряду с другими характеристиками, выступает как признак цивилизации, то есть приобщенности к божественному, а, следовательно, обладающего истинной реальностью.

¹²² Арабские источники VII – X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и пер. Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. М.; Л., 1960. Т. 1. С. 175.

¹²³ Марко Поло, с. 173.

¹²⁴ Марко Поло, с. 226-227.

Три символа – царь, язык и вера – входят в универсальную формулу, позволяющую указать положение тех или иных народов в символической картине мира, независимо от того, идет ли речь о христианах, мусульманах или буддистах. Всегда на первый план выступает носитель верховной власти; далее говорится о характере верований и обычаев народа, и, наконец, об особых достопримечательностях. Достаточно сравнить рассказы Марко Поло с повествованиями о далеких странах, которые посетил хорасанский купец и путешественник XI века Насир-и Хусрау. За пределами мусульманского мира путешественник обнаружил удивительное царство: «Выше к югу <от Египта> лежит Нубия, там правит другой царь, люди там чернокожие и религия у них христианская. Купцы ездят туда и возят стекло, гребни и кораллы, а оттуда привозят рабов. Все рабы в Мисре <Старом Каире> либо нубийцы, либо румийцы <византийцы>». ¹²⁵ По рассказам путешественников, народы, обитающие в Стране Мрака, лишены царской власти и потому, они почти не отличаются от животных. Космическому хаосу и мраку соответствует бесформенное бытие людей, и, наоборот, упорядоченная вселенная находит свое воплощение в устойчивой царской власти.

Именно поэтому, известия Марко Поло о Китае, покоренном монголами, начинаются с подробного рассказа о Хубилае, «ныне царствующем великом хане». Он сообщает родословную и историю воцарения монгольского правителя на китайском престоле, и описывает личную жизнь хана. Затем следует рассказ о ханском дворце, придворных церемониалах и пирах, личной гвардии и войске, о дорогах империи и почтовой службе, налогах и деньгах. Все эти сведения призваны показать могущество и мудрость великого хана. И не более. Далее Марко Поло рассказывает о религии китайцев и характеризует восточные нравы. Завершается книга описанием обширных владений нового владыки мира. В архаических культурах царство воспринималось как «тело» царя, в личности которого слиты космическое и социальное. Описание Китая по Марко Поло есть ни что иное, как развитие темы государя – Великого хана. Говоря о крайне удаленных от центра империи островах с пряностями в Южно-Китайском море, Марко Поло замечает: «Об этих местах и островах рассказывать не станем; дороги туда нелегкие, да и не были мы там. У великого хана, скажу вам еще, дел тут никаких нет, податей он здесь не собирает». ¹²⁶ Удаленные от Китая территории не представляют для рассказчика интереса потому, что на эти земли не распространяется власть хана. Та же самая картина наблюдается и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина: 1) изложение родословной хана Хубилая, перечисление его жен и потомков; 2) обстоятельства, предшествующие его восшествию на престол, изображение трона, битвы и победы великого хана; 3) о похвальном образе жизни и нраве великого хана, его изречениях, событиях и происшествиях. ¹²⁷ В рассказе «о рубежах государства каана» очерчиваются границы территорий, на которые распространяется власть Хубилая. Как правило, границей выступают естественные преграды: океан, непроходимые горы Тибета, пустыни Центральной Азии. Например, подчеркивается, что «с юго-восточной стороны у каана нет ни одного противника, так как в его государство входят все области, которые лежат в этом направлении вплоть до океана», за исключением Японии. «С северо-западной стороны, граничащей с областью Тибета и <страной> Золотозубых, <каан> не имеет противников, разве только что с того края, который примыкает к войску Кутлуг-ходжи, но так как посредине <имеются> труднопроходимые горы, то противник не

¹²⁵ *Насир-и Хусрау. Сафар-намэ. Книга путешествия / Пер. и вступ. статья Е. Э. Бертельса. М.: Л., 1933. С. 99.*

¹²⁶ *Марко Поло, с. 173.*

¹²⁷ *Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 152-153, и далее.*

может пройти».¹²⁸ Все, что лежит за пределами труднодоступных областей, и не подвластно великому хану, не привлекает внимания повествователя.

В «Романе о Чингис-хане» представлена обратная картина. Легендарные походы трех монгольских армий направлены к неизвестным рубежам земли. Если в официальных описаниях правитель занимает центр освоенного культурой пространства, то в романе образ Чингис-хана представлен в обратной перспективе: император ведет трудные поединки и совершает безуспешные вторжения в пространства хаоса. Мир культуры остается за рамками вымышленных походов Чингис-хана.

10. Имперские легенды о Чингис-хане

Мы не можем составить адекватное представление о той психологической атмосфере, в которой жили люди империи. Отчасти покров неизвестности приподнимают легенды о Чингис-хане, имевшие широкое хождение в XIII в. Эти легенды призваны были придать мифологический ореол основателю Монгольской империи, и что важно, они были записаны в разных концах Евразии. В каком-то смысле их можно рассматривать как вызов, спровоцировавший создание антилегенды. Видимо, стоит подчеркнуть еще раз, что автор романа менее всего стремился принизить исторический образ монгольского полководца. К середине XIII в. обожествленный Чингис-хан почти полностью затмил фигуру реального Чингис-хана. Армянский историк Киракос Гандзакеци с удивлением обнаружив отсутствие богослужения у монголов, замечает: «Обычно они рассказывают вот что: государь их – родственник бога, взявшего себе в удел небо и отдавшего землю хакану. <...> Язык их дик и непонятен нам, ибо бога они называют Тангри».¹²⁹ «Тенгри» в древнетюркском языке означало «Небо», божество Верхнего мира. Слова Киракоса перекликаются по смыслу с повелевающей надписью на золотых пластинках – пайцзах, которые носились на поясе знатными военачальниками или чиновниками на монгольской службе: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса. Спешно». Самый поразительный факт – золотая статуя Чингис-хана, которой должны были поклониться францисканцы в ставке Бату-хана. Примерам несть числа. Такова, например, монгольская легенда, записанная армянским автором XIII в. Григором Акнерци о том, что по повелению Бога будущему императору явился ангел в виде орла златокрылого и «сообщил им на их языке все повеления Божии».¹³⁰ Необычное рождение (от золотого луча света¹³¹) и необычные военные удачи, обретение власти над миром по воле Неба – фрагменты единой мифологической картины, рисующей монгольского повелителя в глазах его почитателей божественным избранником.¹³² В силу грандиозности событий тема божественного предопределения звучала в произведениях различных авторов, независимо от того, к какому лагерю они принадлежали.¹³³ Марко Поло сообщает о героической смерти Чингис-хана, который

¹²⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 184.

¹²⁹ Киракос Гандзакеци, с. 173.

¹³⁰ История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объясн. К. П. Патканова. СПб., 1871. С. 3-5.

¹³¹ Эту легенду подробно излагает Киракос со слов ишхана Григора, «который сам слышал ее как-то от одного знатного человека, по имени Хутун-ноин, из <монгольской> высшей знати, когда тот поучал молодежь», см.: Киракос Гандзакеци, с. 173.

¹³² Ср. с историей возвышения Чингис-хана, записанной в начале XIV в. грузинским анонимом, см.: Цулая Г. В. Грузинская книжная легенда о Чингис-хане // СЭ. 1973. № 5.

¹³³ Брат Вильгельм де Рубрук размышляя о нашествии хуннов на древнюю Европу и сравнивая его с нашествием монголов, указывает одну и ту же причину событий: «Бог призвал их (народ ничтожный и племя неразумное) из самых отдаленных областей согласно тому, что говорит Господь: „<Они возмутили меня тем, кто не есть Бог, и раздражили своими суетами; и> я возмущу их (то есть не соблюдающих Его закон) тем, что не есть народ, и раздражу их племенем

погиб в бою, будучи ранен стрелой в колено.¹³⁴ Скрытый в этом эпизоде мотив сакральной хромоты божества, призван возвеличить Чингис-хана в ранг богов.¹³⁵ Легенда о выборе монгольского повелителя с помощью гадания на стрелах была записана послами французского короля Людовика IX. Имперская версия легендарной победы Чингис-хана над пресвитером Иоанном была известна всем христианским посольствам, побывавшим в Центральной Азии в XIII в. Поэтому не будет слишком смелым следующее предположение: эпопея о Чингис-хане, заимствовав яркие сюжеты из восточных Александрий, противостояла мифу о божественном Чингисе.

Названные обстоятельства всего лишь возможная причина, но явно не достаточная. И мы, возможно, преувеличиваем силу влияния «божественной» темы. Скорее всего, вызов имел более конкретные контуры. В официальной легенде подвиги Чингис-хана должны были затмить подвиги Искандера. И такие сочинения появлялись. Джувейни, сделавший головокружительную карьеру при монголах, заявляет: «Если бы Искандер, со всей его страстью к составлению талисманов и преодолению трудностей, жил во времена Чингиса, то учился бы у него хитрости и мудрости и не находил бы лучших талисманов для покорения твердынь, чем повиновение и послушание ему. Более ясным доказательством и определенным показанием может быть то, что несмотря на существование стольких сильных и многолюдных недругов и стольких обильно снабженных и могучих врагов – таких, что были богдыханами и хосроями <своего> времени, он в одиночку с малой дружиной и без припасов поднялся и сразил и покорил гордецов всего кругозора от востока до запада, а тех, что встретили его супротивностью и боем, тех, согласно ясе и приказам, кои он установил, он уничтожил полностью, с подданными, детьми, приспешниками, войсками, округами и городами».¹³⁶ Слова Джувейни предваряют главу о Ясе Чингис-хана в сочинении, написанном по заказу монгольской элиты. Очевидно, что сравнение с Искандером – общепринятая официальная формула восхваления Чингис-хана. Ответом же на подобные сюжеты, (где одинокий герой с малой дружиной и без припасов завоевывает мир), и мог быть роман. Рашид ад-Дин приводит слова из посольского послания хана Хулагу, который молву о монгольской рати сравнивает со сказаниями об Исфендиаре. Показательно, что эта риторическая формула используется в дипломатическом документе. В 1260 г. «Хулагу-хан отправил монгольского гонца с сорока нукерами в Миср <Египет> с посольством и сказал: „Великий господь избрал Чингис-хана и его род и <все> страны на земле разом пожаловал нам. Каждый, кто отвернулся от повиновения нам, перестал существовать вместе с женами, детьми, родичами, рабами и городами, как всем должно быть известно, а молва о нашей безграничной рати разнеслась подобно сказаниям о Рустеме и Исфендиаре. Так что, ежели ты покорен нашему величеству, то пришли дань, явись сам и проси к <себе> воеводу, а не то готовься к войне“».¹³⁷

11. Переводчики на имперской службе

Учитывая проблему языкового барьера, зададимся вопросом: в какой мере содержание предполагаемого сочинения могло быть передано францисканцам? Есть основания думать, что в полной мере. XIII век был золотым веком переводчиков,

неразумным!». Это исполняется буквально над всеми народами, не соблюдающими закона Божия» (*Вильгельм де Рубрук*. XX. 7 – XXI. 1-5).

¹³⁴ *Марко Поло*, с. 87.

¹³⁵ Ср.: *Потанин Г. Н.* Громовник по поверьям и сказаниям племен южной Сибири и Северной Монголии // *ЖМНП*. СПб., 1882. Ч. ССХІХ (январь-февраль). С. 158.

¹³⁶ Цит. по: *Вернадский Г. В.* О составе Великой Ясы Чингис-хана. С приложением главы о Ясе из истории Джувейни в переводе В. Ф. Минорского. Bruxelles. 1939. С. 40-41.

¹³⁷ *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. III. С. 51.

вовлеченных в работу в Центральной Азии.¹³⁸ В результате ошеломительных походов Чингис-хана и его ближайших преемников, монголы, численно небольшая группа, на языке которой мало кто говорил, кроме них самих, включилась в контакт почти со всеми народами Евразии.¹³⁹ Для выполнения большой административной работы, включавшей взимание налогов и управление вновь захваченными территориями, монголы вынуждены были опираться на представителей местных династий и опытных чиновников, набранных из числа покоренных народностей.

Уйгуры имели наиболее сильные позиции в монгольском делопроизводстве, потому что, подчинившись монгольской власти, обучали своих новых мастеров не только самому письму, но и тем видам деятельности, для которых его можно было использовать. Искушенный персидский историк Ала ад-Дин Джувейни (1225 – 1283), оплакивая интеллектуальный упадок своего времени, с горечью отмечает, что знание уйгурского языка и письма считалось «вершиной знаний и учености».¹⁴⁰ Он с неодобрением ссылается на случаи выдвижения на высокие посты людей с малыми заслугами, которые, однако, «могут писать на монгольском языке уйгурским письмом <букв. «они соединяют искусство монгольского языка с искусством уйгурского письма»> и это в настоящую эпоху является квинтэссенцией учености и знания».¹⁴¹

Средние века, всегда находившие чувственный образ для своих идей, для изображения зла разноязычия использовали символ Вавилонской башни. Однако в Монгольской империи, объединившей разные народы и культуры, языковая проблема успешно решалась. Миссии, приезжавшие с латинского Запада, вступали в тесный контакт с переводчиками, как правило, несторианами по вере, владевшими персидским и сирийским языками.¹⁴² По словам брата Иоанна, послание Иннокентия IV вначале было переведено с латинского на русский язык. С русского языка письмо было переведено на «саррацинский» язык – в данном случае, на персидский язык, переданный буквами арабского алфавита. Персидский экземпляр перевода, в свою очередь, перелгался на второй восточный язык, монгольский, буквами уйгурского алфавита.¹⁴³ Ответное послание хана переводилось в обратном порядке. Выяснив последовательность перевода посланий, мы определяем вероятный круг общения францисканской миссии. Для целей нашего исследования важно понять, от кого и через чье посредство западные послы получали уникальные сведения о монголах. Можно с уверенностью предположить, что к брату Иоанну и его спутнику Бенедикту сведения поступали, в первую очередь, от русских, либо от лиц, владевших русским и тюркским языками (каким был, например,

¹³⁸ Sinor D. Interpreters in Medieval Inner Asia // Asian and African Studies. 1982. № 16. Printed in Israel, p. 307.

¹³⁹ Характеризуя ситуацию первых контактов, Матвей Парижский писал о монголах в 1241 г.: «Язык их неведом ни одному из известных нам народов» – и добавлял, – «никто из них не знает иных языков, кроме своего, которого не ведают все остальные <народы>, ибо вплоть до сего времени не открывался к ним доступ, и сами они не выходили, дабы стало известно о людях или нравах их через обычное общение людей», см.: Матузова В. И. Английские средневековые источники, IX–XIII вв.: Тексты; Пер.; Комментарий. М., 1979. С. 136, 138.

¹⁴⁰ The history of the world-conquerer by Ala ad-Din Ata Malik Juvaini / Trans. Boyle J. A. Manchester, 1958. Vol. 1, p. 7.

¹⁴¹ Ibid., p. 523.

¹⁴² При хане Гуюке большую роль играли несториане Кадак и Чинкай, ведавшие ханской канцелярией. О их деятельности в пользу христиан писал Рашид ад-Дин (*Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. II. С. 121). Кингай – «протонотарий великого хана», первый секретарь имперской канцелярии. Чжэнь-хай (Чин-хай, Чинкай) являлся старшим секретарем при монгольском дворе в 1231 – 1241 и 1246 – 1248 гг.

¹⁴³ Sinor D. Interpreters in Medieval Inner Asia, p. 312; см. также: Григорьев А. П. Официальный язык Золотой Орды в XIII – XIV вв. // Тюркологический сборник. 1977. М., 1981.

переводчик князя Ярослава, половец Темер), а также от знатоков персидского языка, владевших, в свою очередь, монгольским. Языковой барьер был преодолим.

12. Фигура автора

Известно, что в рассматриваемый период в Великом государстве монголов существовал непримиримый конфликт между кочевой аристократией, создавшей империю, и новой административной элитой, управлявшей империей. Девизом второй группы могли бы быть слова Елюй Чу-цая, главного советника Чингис-хана по управлению Китаем, который однажды заметил своему господину: «Вы получили Поднебесную сидя на коне, но нельзя ею управлять, сидя на коне». Военная аристократия в 1241 г. создает «Секретную историю монголов», где напоминает о своих заслугах в становлении империи. Административная элита создает государственный культ Чингис-хана и пишет, в лице Джувейни, историю покорителя мира. Незвестный автор «Романа о Чингис-хане» отвечает на оба вызова. Он создает текст, в котором ставит виртуальный эксперимент: военная элита во главе с Чингис-ханом проникает за границы освоенного мира и вступает в войну с истинным Богом. Для реализации этих целей наиболее подходила форма «перевернутой» космографии и квазиисторической хроники деяний основателя Великого монгольского государства. Комбинация этих литературных форм выглядит необычно и демонстрирует творческие возможности представителей одной из элитарных групп империи, для которых были неприемлемы ни притязания кочевой аристократии, ни имперский миф, реализованный в культе Чингис-хана.

Взгляд неизвестного автора обращен на империю «сверху», тогда как францисканцы, только открывающие для себя новый мир, смотрят на империю «снизу». Они с восхищением описывают прозрачную систему управления обществом, построенную на десятичном делении. Автор романа дважды изображает одну и ту же трудную ситуацию – полное отсутствие провианта в монгольской армии. Первый раз голод наступает во время осады столицы китайского императора (на самом деле, голодали осажденные китайцы, что отмечено всеми исследователями), второй раз – во время странствия монгольской армии на восток через бесконечную пустыню. Оба раза Чингис-хан отдает приказ съедать каждого десятого. Этот приказ есть ни что иное, как парадоксальное отражение существующей системы власти, доведенной до абсурдного предела. Очевидно, что францисканцы ни при каких условиях не могли сочинить подобные истории.

От людей, сведущих в военном деле, папский нунций выяснил, что сила монгольского войска в лучниках. По дальности полета и скорости метания стрел монголы не знали себе равных. Именно это параметр обыгрывается неизвестным автором в четырех фантастических эпизодах: в соревновании с асимметричными людьми, битвах с войском царя Великой Индии, пресвитера Иоанна, и с воинами-псами, и в эпизоде с магнитной горой. Примеры можно продолжить. Однако важнее дать концептуальную оценку выявленной картины. В донесениях францисканской миссии содержатся два описания монгольской империи: реальное и инвертированное.¹⁴⁴ Последнее принадлежит неизвестному автору. Отказ от этой идеи создаст неразрешимую трудность при объяснении загадочных сведений из донесений францисканцев. Почему для автора романа столь привлекателен прием инверсии?

¹⁴⁴ Энциклопедист XIII в. Винсент из Бовэ, включив в свое «Историческое зеркало» большую часть сведений из книги брата Иоанна, фантастические эпизоды опустил, продемонстрировав тем самым удивительную интуицию. Ср.: *Guzman G. G. The Encyclopedist Vincent of Beauvais and his Mongol extracts from John of Plano Carpini and Simon of Saint-Quentin // Speculum 49. 1974, pp. 287-307.*

Потому что различные культуры, насильственно объединенные империей, осознали инвертированность своих параметров в каждодневной практике. Остановимся на этом аспекте подробнее.

Китайские царедворцы вводят при дворе церемонию приветствия великого хана, которая предусматривала опускание на оба колена.¹⁴⁵ Эта церемония окажется неприемлемой для христиан, поскольку этот жест исполнен для них глубоко религиозного смысла. Несториане с нескрываемой иронией поинтересовались у Вильгельма де Рубрука, как он поступит в ритуале приветствия хана. Когда брата Вильгельма заставили опуститься на колени в шатре Батыя, он запел *Salve regina*. Питье кумыса расценивалось христианами как отказ от собственной веры.¹⁴⁶ Но что мог поделаться русский князь Даниил Галицкий, когда сам хан Батый протянул ему чашу с кумысом.¹⁴⁷ На христиан за поклонение по монгольским обычаям какому-то загадочному «кусту» перед шатром хана по русским церковным законам налагалась епитимья.¹⁴⁸

Присутствуя на главной церемонии – аудиенции с великим ханом, францисканцы на какое-то мгновение стали участниками мировой драмы, ибо по условиям ритуала им следовало облачиться в шитые золотом монгольские одежды.¹⁴⁹ В противном случае, они не были бы допущены пред лицо императора. Известно, что вступая в орден, братья минориты приносили обет бедности, обязуясь, в частности, ходить босиком, а из одежды пользоваться только туникой из грубой шерсти. На приеме у великого хана францисканцы проявили удивительную дипломатическую гибкость, согласившись надеть дорогие монгольские халаты. С точки зрения организаторов ритуала, облачение участников в праздничные одеяния символизировало их включенность в космос империи и определяло их место в иерархии власти. И одновременно призвано было продемонстрировать лояльность представителей еще не покоренных территорий новому владыке мира. Другими словами, послы папы (а в их лице и сам папа) мыслились как подданные великого хана.¹⁵⁰ Видимо, это обстоятельство ускользнуло от внимания францисканцев.

¹⁴⁵ Эту церемонию ввел Елюй Чу-цай во время коронации Угедей-хана, см.: Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах: Надгробная надпись на могиле Елюй Чу-цай. Перевод и исследование. М., 1965. С. 72.

¹⁴⁶ Киракос Гандзакеци, с. 166.

¹⁴⁷ Описание встречи и диалога русского князя и монгольского хана является ярким примером несовместимости религиозных и поведенческих стереотипов, сформированных в разных культурных традициях, см.: Памятники литературы древней Руси. XIII век. Л., 1989. С. 313-315. Этот эпизод в русской летописи имеет крайне негативную оценку. С точки зрения монголов, совместное питье черного молока (кумыса) означало признание высокого статуса русского князя в монгольской иерархии. См. также: Добродомов И. Г. «Черное молоко» в Ипатьевской летописи // Русская литература. 1982. № 3. С. 202.

¹⁴⁸ Новгородская первая летопись. С. 267.

¹⁴⁹ Об этом сообщают брат Салимбене из Пармы, с которым брат Иоанн вел доверительные беседы, после своего возвращения в Европу, см.: *Salimbene de Adam. Chronica* // MGH SS 32, L. 296b; и некий схоластик из Лиона, который передает рассказ брата Бенедикта, см.: *Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M., Quaracchi-Firenze, 1929. [Relatio Fr. Benedicti Poloni, 9]*

¹⁵⁰ Ср. с текстом послания великого хана папе, оригинал которого был обнаружен в 1920 г. в архивах Ватикана, см.: *Pelliot P. La lettre du Grand Khan Güyük a Innocent IV* // *Revue de l'Orient Chrétien*. 3e série 3. Vol. XXIII. Paris, 1922 – 1923, pp. 3-30.

Известно, что средневековые монголы и китайцы носили халаты. Различие, малозначимое для европейца, заключалось в запахивании полы халата. Способ запахиная полы одежды, наряду с мужской прической¹⁵¹ и женским головным убором *бокка*, выступал как признак включенности в новую социальную среду и подчинения императивам «Великого монгольского государства».¹⁵² Ср. В 1207 г. правитель Сычуани У Си объявил о неподчинении Южной Сун и обратился за покровительством к империи Цзинь. Он ввел «варварский» способ запахиная полы одежды на левую сторону, что было символом полного подчинения чжурчжэньским правителям.¹⁵³ Существует мнение, что манера запахиная халата – один из важных этнических признаков.¹⁵⁴ Так, с точки зрения китайцев, запахиная халата на варварский (тюркский) манер выражалось термином *цзо-жэнь*. Китайский автор XIII в. Син Бо пишет: «*Жэнь* означает ‘пола’; если пола запахиная налево (*цзо*), то это называется *цзо-жэнь*».¹⁵⁵ Обычай запахиная направо (левая пола наверху) – одна из наиболее устойчивых традиций китайской одежды, прослеживающаяся с I тыс. до н. э. вплоть до настоящего времени. Левый запах, с точки зрения древнего китайца, – признак, отличающий иноземца. Китайцы, поступившие на монгольскую службу, должны были запахиная халаты по-монгольски, что в семиотическом плане означало ношение одежды подобно существам иного мира. Имперскими предписаниями мусульманам запрещалось весной и летом совершать ритуальное омовение и вообще входить в воду. В противном случае, их обвинили бы в злокозненной магии, что по монгольским законам наказывалось смертью.¹⁵⁶ Как видим, конфликт жестов и ритуальных предписаний был доминантой культурной жизни империи и должен был вылиться в некую форму.

И последнее. Неизвестный автор не был одинокой фигурой в культурном ландшафте империи, как это может показаться на первый взгляд. В то время создавались сочинения, где фигурировали мифические персонажи, Чингис-хан и тема безграничности империи. В официальном китайском документе, на посмертной стелле Елюй Чу-цая, сообщается, что во время похода Чингис-хана в Восточную Индию его телохранитель увидел зверя, похожего на оленя, но с конским хвостом, зеленой масти и одним рогом. Единорог сказал: «Пусть твой государь скорее возвращается к себе!».

¹⁵¹ В Корее одно время монголы требовали от короля и его подданных наличия кос как знака покорности, см.: Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар»), с. 185. После взятия Самарканда монголы вывели население и гарнизон в степь, отделили тюрков от таджиков и всех распределили на десятки и сотни. «По монгольскому обычаю тюркам они <приказали> собрать и закрутить волосы <дословно: тюркам соорудили на монгольский манер *нугълэ* и *какъл*»». *Какъл* – особый вид прически, при которой волосы собирались на голове пучком и закручивались, см.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 208.

¹⁵² При династии Юань китайцы должны были заплетать волосы в косу и укладывать ее узлом, носить монгольское платье и говорить на языке «северных варваров». После свержения династии Юань новый китайский император издал указ восстановить формы одежды, головных уборов населения по танскому образцу. Все «монгольское» было запрещено, см.: У Хань. Жизнеописание Чжу Юаньчжана / Пер. с кит. А. И. Желоховцева, Л. А. Боровкиной, Н. Ц. Мункеува, под ред. В. П. Илюшкина, пред. Л. С. Переломова. М., 1980. С. 131.

¹⁵³ Школяр С. А. Сычуаньский мятеж 1207 г. и его место в отношениях между государствами Южной Сун и Цзинь в начале XIII в. // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. (доклады и сообщения) январь 1982. М., 1983. Ч. I. С. 219-221.

¹⁵⁴ Вайнштейн С. И., Крюков М. В. Об облике древних тюрков // ТС. М., 1966. С. 183.

¹⁵⁵ Там же, с. 184. См. также: Горелик М. В. Монгольский костюм XIII–XIV веков как имперское интегрирующее явление // IV Всесоюзная конференция востоковедов «Восток: прошлое и будущее народов». Тез. докл. и сообщений. Махачкала, 1-5 октября 1991, М., 1991. Т. II. С. 97-98.

¹⁵⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 49.

Император удивился и расспросил придворного астролога Елюй Чу-цая. Астролог ответил: «Это благовещий зверь. Имя его *цзюе-дуань*.¹⁵⁷ <Он> умеет говорить на всех языках, любит жизнь и ненавидит убийства. Небо ниспосылает этот знак, чтобы предостеречь Ваше величество. Ваше величество – старший сын Неба, а все люди Поднебесной – сыновья Вашего величества. Внемлите воле Неба и сохраните жизнь народам!». Чингис-хан прислушался к совету и в тот же день повернул свои войска обратно.¹⁵⁸

13. «Чудеса мира» при дворе великого хана

Что могло побудить автора романа придать своему сочинению форму «перевернутой» космографии? Видимо, за этим скрыты какие-то важные обстоятельства, связанные с жизнью монгольского придворного круга. Кочевая столица великого хана монголов была центром сосредоточения трех важных функций, связанных с управлением империей: административной, военной и дипломатической. Одновременно это был сакральный центр империи. Дважды в год при дворе проводились общеимперские праздники, на которые обязаны были явиться все зависимые от монголов правители провинций и стран. Особой и малоизвестной стороной дворцовой жизни были религиозные диспуты, астрологическая практика, собирание коллекций экзотических вещей и беседы о «чудесах мира». Насколько мне известно, последнее не было предметом исследований. Для адекватной оценки сведений легендарного характера в книгах европейских путешественников XIII в. необходимо выяснить, какое место в интеллектуальной жизни монгольского придворного круга занимали представления о «чудесах мира». Все, что относилось к категории «чудесного», играло чрезвычайно важную роль, потому что удовлетворяло жажду к необычному и позволяло прикоснуться к божественным тайнам. В противном случае, невозможно будет объяснить следующие факты.

В 1254 г. царь Малой Армении Хетум совершил путешествие в Монголию ко двору великого хана Менгу.¹⁵⁹ Очевидно, что Хетум проделал дальний путь не в поисках экзотики, а для заключения военного и политического договора с монголами. Тем поразительнее выглядит следующее обстоятельство. Находясь при дворе, Хетум услышал легенду о земле, где мужчины имеют вид псов, а женщины – человеческий облик, детально совпадающую с эпизодом из донесений францисканской миссии 1245 г.¹⁶⁰ Разумеется, ни о каком походе монголов в Землю псов в сведениях, сообщаемых Хетуму, не говорится. Как мы уже выяснили, картина этого похода сочинена неизвестным автором «Романа о Чингис-хане». Другая легенда, вызывающая в

¹⁵⁷ Подробнее о китайском единороге *цзюе-дуань*, см.: Franke H. From Tribal Chieftain to Universal Emperor and God: The Legitimation of the Yüan Dynasty. (Sitzungsbericht der Bayer. Akad. der Wiss., Phil.-hist. Klasse vol. 2). München, 1978. S. 51.

¹⁵⁸ Юань-ши. Гл. 146, с. 2а-2б. Цит. по: Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. С. 186-187.

¹⁵⁹ Киракос Гандзакеци, с. 224-225.

¹⁶⁰ Киракос Гандзакеци сообщает: «Множество удивительных и неведомых историй рассказал он нам о варварских племенах, которые он видел и о которых он слышал. Он говорил: „Есть некая страна за Хатаем <Китаем>, где женщины имеют обличье человека – <существа> словесного, а мужчины – обличье собачье; они бессловесны, огромны, волосаты. Собаки эти не позволяют никому вступать в их страну, собаки же охотятся за дичью, и ею кормятся собаки и женщины. От совокупления собак с женщинами дети мужского пола рождаются собаками, женского – женщинами“» (Киракос Гандзакеци, с. 225). Ср. со сведениями, записанными братом Бенедиктом: «Псы очень волосаты, они понимают полностью речь женщин, а женщины – <смысл> знаков псов. Если женщина рождает дитя женского пола, у него человеческий облик матери, <а> если мужского, то он делается псом, как отец» (Historia Tartarorum. 18).

памяти эпизод из книги брата Иоанна, касается диких людей из южной пустыни, не обладающих даром речи. Третья легенда связана с мифами сибирских народов о кости, растущей из земли наподобие дерева. Речь идет об ископаемых бивнях мамонта,¹⁶¹ из которых китайские мастера изготавливали предметы придворного обихода. Киракос Гандзакец, записавший со слов Хетума эти легенды, замечает: «Много чего еще рассказывал мудрый царь наш о диких племенах, но мы опускаем эти рассказы, ибо кое-кому они могут показаться лишними». Замечание Киракоса показывает, что он с недоверием отнесся к «удивительным и неведомым историям» о племенах, которые видел и о которых слышал Хетум. Позиция Киракоса отчасти объясняется тем фактом, что у армян существовала собственная географическая традиция описания отдаленных областей мира.¹⁶² Но нас пока интересует другое: кто и с какой целью рассказал Хетуму эти и другие легенды?

Обратим внимание, что все названные истории носят «книжный» характер и входят в круг описательной литературы о «чудесах мира». Следовательно, Хетум в ханской ставке слышал космографические истории о далеких странах. Есть ли у нас возможность проверить эту гипотезу? Да, такая возможность существует. Обратимся к другим сообщениям, в которых фигурируют необычные предметы и легенды, связанные с ними.

Одновременно с Хетумом при дворе находился брат Вильгельм де Рубрук, которого, в частности, заинтересовал необычный красный цвет халата китайского монаха. На вопрос о происхождении краски, он услышал историю о загадочном существе *синсин* на негнущихся ногах, кровь которого использовалась в качестве красителя.¹⁶³ Брат Вильгельм высказывает сомнение в достоверности этих сведений, равно как и в реальности существования «страны бессмертных».¹⁶⁴ Фантастический характер традиционных китайских легенд очевиден для брата Вильгельма.¹⁶⁵ Однако в данном случае важно другое. Чужестранец, каким был брат Вильгельм в Азии, наталкивается на загадочные предметы – мир, о котором ему рассказывают, непонимаем, – при этом услышанное имеет прозрачный культурный смысл. Понимание между собеседниками осуществляется «поверх барьеров». Иначе трудно объяснить, почему францисканец тщательно записывает эти истории и лишь затем высказывает свои сомнения.

¹⁶¹ Согласно представлениям якутов, *сэлии* (мамонты) – гигантские животные, обитающие в нижнем мире. Торчащие из земли бивни рассматривались как рога этих сэлий. Якуты относились к сэлии с суеверным ужасом. Якутские легенды о бивнях сэлии, см.: Гурвич И. С. Культура Северных якутов-оленоводов. К вопросу о поздних этапах формирования якутского народа. М., 1977. С. 200.

¹⁶² Армянская география VII века по Р. Х. (приписываемая Моисею Хоренскому), с. 64-84.

¹⁶³ По мнению Шефера, *синсин* – это китайский гибон, однако исследователь признается, что источник рассказа о крови синсина как красителя тканей неясен, см.: Шефер Э. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинках в империи Тан. М., 1981. С. 277.

¹⁶⁴ «Рассказывали также за истину, чему я не верю, что за Катайей есть некая область, имеющая такое свойство: в каком бы возрасте человек ни вошел в нее, он и останется в таком возрасте, в котором вошел» (Вильгельм де Рубрук. XXIX, 49). Ср. с описанием «страны бессмертных» в китайской традиции, см.: Сыма Цянь. Исторические записки («Ши Цзи») / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и приложение Р. В. Вяткина. М., 1986. Т. IV. С. 161.

¹⁶⁵ Брат Вильгельм ясно заявляет о своем неверии в эти легенды: <...> *Narrabant etiam pro vero, quod tamen non credo* (цит. по: Sinica Franciscana, vol. I. 1929, p. 270). Очевидно, что у Клоппроге не было оснований размышлять о вере францисканца в восточные чудеса, см.: Klopprogge A. Ursprung und Ausprägung des abendländischen Mongolenbildes im 13. Jahrhundert: ein Versuch zur Ideengeschichte des Mittelalters. Wiesbaden, 1993. S. 241.

Из Центральной Азии брат Вильгельм привез в подарок французскому королю Людовику IX камень, вправленный в пояс, который обычно носили для защиты от молнии.¹⁶⁶ В трактате «Минералогия» ал-Бируни описывает «камень, отводящий грозу».¹⁶⁷ Большой известностью пользовался магический камень *джад*, с помощью которого тюркские шаманы вызывали дождь и бурю.¹⁶⁸ Сведения о «камне дождя» содержатся и в «Минералогии» ал-Бируни,¹⁶⁹ и в персидской космографии XIII в.¹⁷⁰ Доминиканец Андре де Лонжюмо привез в подарок папе римскому от несторианского католика Рабан-аты, сопровождавшего монгольское войско в Малой Азии, эбеновый посох. Брат Андре рассказывал также множество удивительных историй, но содержание их осталось неизвестным. Брат Салимбене сообщает о поразительных подарках, которые привез в дар папе от великого хана Иоанн де Плано Карпини. Среди этих вещей была нерукотворная деревянная чаша с изображением Богородицы. Брат Салимбене объясняет происхождение рисунка магическим влиянием звезд. Известна история о посылке на Волгу в 1264 г. султаном Египта в качестве дара монгольскому хану Берке живого жирафа.¹⁷¹ Аналогичным образом, император Фридрих II послал в дар султану Египта живого белого медведя.

По словам Марко Поло, монголы совершают походы в страну Тьмы, где похищают ценные меха.¹⁷² Чтобы найти обратный путь из страны Тьмы, они прибегают к средству, некогда испытанному Искандером и Огузом. Оба легендарных героя прислушиваются к совету умудренного опытом старика и оставляют на границе страны мрака жеребят, и кобылы находят путь к своим детенышам. Таким образом монголы вписываются в мировую космографическую традицию.

Согласно Марко Поло, великий хан Хубилай посылал гонцов разведать сведения об острове Мадагаскар. Гонцы, кроме рассказов о чудесах, привезли великому хану перо

¹⁶⁶ Вильгельм де Рубрук. XXXVI. 19.

¹⁶⁷ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. с араб. А. М. Беленицкого. Л., 1963. С. 474-475.

¹⁶⁸ Любопытный комментарий к обряду вызывания дождя, снега и бури посредством камня *джада* имеется у Рашид ад-Дина: когда Чингис-хан выступил против найманов, последние «совершили волхование с тем, чтобы пошел снег и поднялся буран. Сущность волхования заключается в следующем: читают заклинание и кладут в воду различного рода камни, <вследствие чего> начинается сильный дождь. <Однако> этот снег и буран обернулись против них <же>» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 121-122). Еще более впечатляющий случай относится ко временам войны хана Угедея против Китая (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 23). К этому же средству прибегал султан Джалал ад-Дин (тюрк *канглы* по происхождению), см.: Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Бунятова. М., 1996. С. 279.

¹⁶⁹ Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. с араб. А. М. Беленицкого. Л., 1963. С. 205.

¹⁷⁰ О монголах сообщается: «Говорят, будто их правитель знаком с колдовством. Они заклинаниями превращают воду в лед, а на людей и неприятеля насылают ливни и грозы. Это – свойство камня <...>» («Чудеса мира», с. 107).

¹⁷¹ Вернадский Г. Золотая Орда, Египет и Византия в их взаимоотношениях в царствование Михаила Палеолога // Сб. статей по археологии и византиноведению, издаваемый семинарием им. Н. П. Кондакова. «Seminarium Kondakovianum». Прага, 1927. I.

¹⁷² Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева ; Ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956. Гл. CCXVII. С. 226. (далее – Марко Поло).

легендарной птицы рух, которая питалась слонами, и получили щедрую награду.¹⁷³ При монгольском дворе, как сообщает Марко Поло, ценились рассказы о необычном, и, что важно, слушателем занимательных историй выступает сам великий хан.¹⁷⁴

Современные историки, касаясь фантастических сведений европейских путешественников, пишут о «наивных» представлениях последних.¹⁷⁵ Что мешает в таком случае объявить наивными и монгольских ханов, а заодно, и все их окружение. Ни один из названных средневековых авторов не может нести ответственности за те сомнительные толкования, которыми пестрят современные исследования.

В средние века образованные и наблюдательные мужчины, движимые разными интересами, путешествовали по миру, и, встречаясь при дворах правителей, обменивались рассказами о «необычном». Марко Поло, описывая носорога, увиденного им на острове Суматра, сообщает странную на первый взгляд подробность: «Кусают они языком, на языке у них длинные колючки».¹⁷⁶ Никто из исследователей не обратил внимания, что в описании носорога содержится «скрытая цитата» о легендарном животном *зурафа*, известном по описанию в персидской космографии XIII в. «Чудеса мира».¹⁷⁷ Зурафа имела длинный и шершавый язык, которым легко стирала камни.

Вернемся к вопросу о рассказчиках удивительных историй, с которыми общались царь Хетум и брат Вильгельм. Вырисовывается занимательный круг хранителей и знатоков легенд, в чьи функции входило описание «чудес мира». Можно не сомневаться, что эти люди находили покровительство при дворе. Занимательные истории приносили и многочисленные гонцы великого хана, которые ездили с поручениями в далекие страны. Очевидно также, что великому хану привозили в подарок множество диковинных вещей из экзотических стран. Тем самым легенды получали зримое воплощение. Становится ясным, что Хетум и брат Вильгельм при монгольском дворе встречались с интересными людьми, от которых они слышали истории о далеких странах.

¹⁷³ Марко Поло. СХСІ, с. 203. Кроме того, гонцы принесли великому хану зубы дикого кабана необычайной величины. Ср. Халиф послал из Багдада эмиру Хорасана гигантскую челюсть человека, полную зубов; величина их была больше, чем у слона, см.: «Чудеса мира». 353.

¹⁷⁴ «Видел он и слышал много раз, как к великому хану возвращались гонцы, которых он посылал в разные части света; о деле, зачем ходили, доложить, а новостей о тех странах, куда ходили, не умели сказывать великому хану; а великий хан называл их за то глупцами и незнайками и говаривал, что хотелось бы услышать не только об одном том, зачем гонец послан, но и вестей и о нравах, и об обычаях иноземных. Марко знал все это, а когда отправился в посольство, примечал все обычаи и диковины и сумел поэтому пересказать великому хану обо всем» (Марко Поло. XVI, с. 51).

¹⁷⁵ Так, Чемберс утверждает: «Хотя брат Иоанн, в оценке всего, что он видел, был точен и объективен, он, как и большинство образованных людей своего времени, готов был верить и записывать многие легендарные события, которых не видел», см.: *Chambers J. The devil's horsemens: the Mongol invasion of Europe. London, 1988, pp. 153-154.*

¹⁷⁶ Марко Поло, с. 177-178.

¹⁷⁷ «Чудеса мира». 15; Описание носорога с шершавым языком отмечено в китайских источниках: *Chan Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, entitled Chi-fan-chi / translated from the Chinese and Annotated by F. Hirth, W. W. Rockhill. St.-Petersburg, 1911. С. 233.* Первое описание этого животного содержится у ал-Бируни, см.: *Абу Рейхан Бируни (973 – 1048). Избранные произведения / Пер. с араб. и прим. А. М. Салье. Ташкент, 1957. Т. I. Памятники минувших поколений. С. 224.* Со ссылкой на ал-Бируни, эти сведения повторил в своей космографии Закария ал-Казвини, творивший во время монгольского владычества в Иране, см.: *Zakariyya Ibn Muhammad Ibn Mahmud al-Qazwini. 'Aga'ib al-mahluqat wa-gara'ib al-mawgadat. Handschrift, Cod. arab. 464 der Bayerischen Staatbibliothek, Munchen.*

В качестве типологической параллели можно привести эпизод из поэмы Низами, где описан пир Искандера, на котором ведутся беседы о стране мрака и скрытом в ней источнике вечной жизни и о загадочном городе, где никогда не умирают люди.¹⁷⁸ Поразительно, но эти же темы обсуждались и при монгольском дворе. Возникает странное ощущение: беседы знатоков из поэтического мира Низами словно оживают в реальных диалогах людей XIII в. И легендарный Искандер, и древние китайские императоры, и монгольские ханы отправляли посольства в далекие земли, побуждаемые не только практическими интересами, но и движимые желанием разведать границы мира. Мифический континент, путеводителем по которому служили космографии, сосуществовал параллельно с реальной империей. Неизвестному автору лишь оставалось стереть границу между этими мирами, чтобы направить монгольские армии на покорение легендарных стран.

Самое же интересное в диалоге Искандера с мудрыми мужами – упоминание книг, повествующих о разных чудесах мира (и стремление исправить «сомнительные» сведения, проверив их опытным путем). Скорее всего, речь идет о персидских космографиях. Эпизод из поэмы Низами указывает на существование придворной литературной традиции, которая, как можно предположить, развивалась параллельно с фольклорной традицией. При этом литература о чудесах мира, в силу своего книжного характера, имела существенные отличия от фольклора. Космографии испытали на себе сильное влияние рассказов об удивительных вещах, циркулировавших в среде купцов и путешественников. Для целей нашего исследования важно подчеркнуть, что сюжеты «Романа о Чингис-хане» заимствованы из космографий и прочих литературных источников. В силу этого обстоятельства, они практически не имеют точек соприкосновения с эпической традицией.

14. «Роман о Чингис-хане». Статус текста

Ряд обстоятельств позволяет предположить, что францисканцы не поняли истинный смысл этого сочинения (как тщетной войны Чингис-хана с Богом). Некоторые эпизоды романа они использовали для характеристики монгольских обычаев, описания климата Монголии и этногеографии Северной Азии. Однако я полагаю, что проблема не заключается в простом «непонимании». Ни брата Иоанна, ни брата Бенедикта нельзя заподозрить в наивности, собранные ими сведения (о ритуалах, нравах, быте, военной тактике монголов и т. д.), поражают своей точностью. Возникает трудный вопрос: почему францисканцы внесли сведения легендарного характера в свои официальные отчеты, адресованные римской курии? Рискну предложить следующее объяснение.

Как известно, в мифологической картине мира Космос разделен на три части: верхний мир – мир богов, средний мир – мир людей и нижний, подземный мир. Следовательно, существуют: а) средневековые описания среднего мира; в первую очередь, к ним относятся историко-географические описания стран, городов и народов, и б) сакральные описания верхнего и нижнего миров, которые условно делятся на две группы. С первой мы сталкиваемся в тех случаях, когда в текстах одной культуры отражаются мифологические представления и ритуалы другой культуры. Такого рода сведения о «чудесах мира» составляют содержание арабских и персидских космографий. Вторая группа включает генеалогические предания, описания священных мест и религиозных центров. В широком плане в них представлена тема «диалога с Богом». Можно привести множество примеров, когда средневековый путешественник, описывая обыденные события, включает в свои сообщения описания сакрального характера. Как правило, такие «вторжения» в текст знаменуют соприкосновение со священными

¹⁷⁸ Низами, с. 352-353.

вещами. Иными словами, картины трех миров часто соседствуют в пространстве одного текста.

В XII – XIII вв. популярные космографии входили в круг восточной развлекательной литературы, и, как правило, дарились тому или иному правителю. Автор неоднократно упоминавшейся персидской космографии так определяет цели своего сочинения: «С детства я испытывал сильное желание странствовать по свету. От торговцев и ученых людей я слышал много удивительного. Все, что я прочел в книгах, я записал и собрал <воедино> и <посвятил книгу> государю вселенной, эмиру Хорасана, царю Востока Абу-л-Касиму Нуху б. Мансуру, подчиненному повелителя верующих, дабы развлечь его чтением и воздать должное ему за его благодеяние мне и ученым мужам, да сопутствует <им> успех!». ¹⁷⁹ Речь идет о высоких развлечениях. За космографиями стоят несколько столетий активных путешествий арабских и персидских купцов, начиная со знаменитого Синдбада-морехода. Тогда как христианскому миру еще предстояло вступить в эпоху великих географических путешествий. То, что было очевидным для восточных интеллектуалов, не было таковым для их западных современников. То, что сообщалось Хетуму при монгольском дворе в качестве развлечения, Киракосом воспринимается с недоверием. Таким же образом, брат Вильгельм отрицает достоверность китайских легенд. Русские переводчики «Романа о Чингис-хане» искали точки соприкосновения чужих легендарных сюжетов с собственной географической традицией. Ситуация вполне объяснима. Оказавшись на Востоке, христианские авторы столкнулись не только с языковым, но и ментальным барьером. Может быть поэтому они воспринимают и оценивают космографические сведения в историческом ключе. Сакральные описания они переводят на язык среднего мира, тогда как им предлагалось высокое развлечение. Взаимный интерес этих диалогов очевиден. Волнующая сторона мифа для собеседников заключена в скрытом сценарии столкновения человеческой культуры с чем-то неизвестным. Поиск рационального зерна в литературных мифах и не предполагался. С таким же успехом сегодня можно критиковать с научной точки зрения любой фантастический роман, описывающий космическую одиссею и столкновения с монстрами.

Книга Марко Поло «О разнообразии мира», насыщенная космографическими описаниями, счастливое исключение из ряда средневековых европейских сочинений о путешествиях. Ее автору не только известны мифы о саламандре, единороге, пигмеях, птице рух, долине алмазов, но и удалось побывать в большинстве легендарных мест и увидеть все своими глазами или побеседовать со знающими людьми. Дело в том, что он провел почти двадцать шесть лет на Востоке и сделал блестящую карьеру при дворе великого хана. Он с иронией объясняет происхождение легенды о несгорающей в огне саламандре, но твердо верит в магические способности тибетских и кашмирских заклинателей. Книга Марко Поло – сочинение представителя монгольской интеллектуальной элиты. Точкой отсчета, вокруг которой группируются его наблюдения, является дворец великого хана (даже если речь идет о недоступных островах в Южном море). ¹⁸⁰ Кто в Европе в то время мог описать мир в его полном разнообразии? Как крайнюю реакцию на необычность содержания этой книги можно рассматривать появление исследований вообще отрицающих знакомство Марко Поло с

¹⁷⁹ «Чудеса мира». 1; ср. с впечатлением, которое произвела на Шайбани-хана (1451 – 1510 гг.), подаренная ему книга «Искандер-наме»: «Одной из причин и притязаний завоевать мир оказались два бейта на *захре*, содержащей самую суть науки книги», см.: *Фазлаллах ибн Рузбихан Исфাহани. Михман-наме-йи Бухара* (Записки бухарского гостя) / Пер., предисл. и примеч. Р. П. Джалиловой, под ред. А. К. Арендса. М., 1976. С. 99.

¹⁸⁰ *Котрелев Н. В. Восток в записках европейского путешественника („Миллион“) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.*

Востоком.¹⁸¹ Истинное содержание сведений, собранных Марко Поло, как и «Романа о Чингис-хане», раскрывается через их сопоставление с восточными географическими и космографическими сочинениями.

Вернемся к вопросу, с которого мы начали наше исследование: о странном характере сведений пятой главы книги брата Иоанна. Реальные наблюдения францисканцев, как и рассказ о путешествии миссии в Азию, хотя и открывают новые горизонты, связаны с вполне «земными» вещами (т. е. являются описанием среднего мира). Тогда как «Роман о Чингис-хане», описывающий сакральную реальность, относится к текстам другой категории (перед нами утопия, «перевернутая» космография и картины нижнего мира, одновременно). В конце концов, действие романа разворачивается за пределами среднего мира, поскольку задача автора – изобразить войну монгольского императора с Богом. Маршруты военных экспедиций начинаются в горизонтальной сфере и завершаются в вертикальной. Подобный переход с земного уровня в вертикаль не является чем-то оригинальным для средневековой литературы. В нашем случае этот переход оказался трудноуловимым. С этим обстоятельством и связаны, в первую очередь, проблемы интерпретации сведений из отчетов францисканцев. Согласившись с тем, что в донесениях миссии соединены «горизонтальные» и «вертикальные» описания, мы тем самым снимаем напряжение, возникающее при попытках оценить эти сведения по единой шкале. На практике это означает, что историко-этнографическая часть донесений может и должна быть исследована в категориях, описывающих средний мир, а фантастическая часть – в категориях вертикального мира. Признание этого факта позволяет примирить «историю» и «литературу» без взаимного ущерба и, самое главное, избавляет от бесплодных попыток найти компромисс, подчинив «ирреальность» реальным наблюдениям францисканцев.

Почему, передав свое сочинение пришельцам с Запада, анонимный автор не передал им ключ к пониманию этого текста? Видимо, в этом не было необходимости. Францисканцы отдавали себе отчет, что они записывают перевод литературного произведения, где говорится о героических деяниях основателя монгольской империи. Но пороговый барьер другой культуры не мог быть ими преодолен.

Мне кажется, францисканцы выполнили непосильную интеллектуальную задачу: они «перевели» фантастический текст в плоскость хроники деяний. Иными словами, они придали вымышленной биографии Чингис-хана исторический статус. Так появился восточный ребус для западной историографии и оставался неразгаданным 750 лет. Большинство исследователей рассматривало фантастические сюжеты из донесений брата Иоанна и брата Бенедикта в том же самом коде, что и францисканцы – как исторический текст, в который по недоразумению внесены легендарные фрагменты и ошибки. Я предлагаю рассматривать «Роман о Чингис-хане» как текст, описывающий рождение фантастической империи Чингис-хана. Каждая из трех монгольских армий, в конце концов, пересекает границы среднего мира и оказывается в ином пространстве. По мысли автора, дальнейшее разрастание империи, с неизбежностью придает ей черты нижнего мира.

Передавая свое сочинение францисканцам, неизвестный автор, видимо, не скрывал своего желания вступить в диалог с представителями других культурных традиций. Я полагаю, что мы можем доверять как здравомыслию францисканцев, так и фантазии неизвестного автора. «Рукописи не горят» – утверждал профессор Воланд.

¹⁸¹ Wood F. Did Marco Polo go to China? London, 1995.

2. «Роман о Чингис-хане»

Реконструкция по версии перевода брата Бенедикта, сохранившейся в «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа. Перевод и нумерация параграфов даны по изданию латинского текста: *Hystoria Tartarorum C. de Bridia monachi / Ed. et annot. A. Önnersfors. Berlin, 1967.*

<3> И был же в этой <земле Моал> некий муж из некоего знатного рода, но нравов жестоких, по имени Чингис, от которого тартары и повели <свое> начало. Он с малым <количеством> людей своих начал захватывать добычу. В конце концов, став более жестоким, он тайком захватывал людей и присоединял <их> к владычеству своего беззакония. И когда он собрал себе тридцать сообщников и впал в явное безумие, тогда он полностью подчинил своей власти всю землю, в которой он родился, то есть Моал. Сделав это, он, будучи нрава высокомерного, начал стремиться к большему и, собрав войско, выступил в землю соседнюю, прилегающую к ним со стороны востока, которая ими же называется Су-Моал, то есть водные монгалы, ведь су по-тартарски означает на латыни *aqua* (вода). *Моал* <по-тартарски> – земля, *монгали* – означает <имя> жителей земли. Однако сами <они> называют себя тартары от <названия> большой и стремительной реки, которая пересекает их землю и называется Татар. Ибо *tata* на их языке означает на латыни *trahere* (тащить), а *tartar* – *trahens* (тянущий). Они сами себе назначали вождя, а в то время они поставили над собой вождя, по имени Каули, победив которого, Чингис <его> поверженных людей присоединил к своему войску. Потому что он привык побежденных всегда присоединять к себе, чтобы доблестью большей силы превосходить другие земли, таким же образом, как это со всей очевидностью проявляется в его потомках, которые суть последователи самого коварства.

<8> Затем, <Чингис> пошел войной на юго-восток и захватил четыре земли, а именно: Войрат, Сары-уйгур, Каранитов и Космир <Кашмир>. И затем он снова вернулся восвояси.

<9> Но поскольку жажда власти не позволяла ему пребывать в бездействии, собрал он всю огромную мощь, какую только мог, и выступил против императора китаев. В конце концов, после длительной войны, обратив в бегство войско императора, самого императора осаждал в столице, очень сильно укрепленном городе, до тех пор, пока осаждающие, вследствие величайшей нужды, были вынуждены съесть по приказу Чингиса <каждого> десятого человека из десятки. А осажденные же, когда у них проявился недостаток в стрелах и камнях, начали метать во врагов серебро, особенно расплавленное. Ибо в этом городе богатства такого рода находились в изобилии. И в конце концов, осаждающие сделали подземный ход до самого центра города, через который ночью ворвались в город и, убив императора с влиятельными <людьми>, завладели всем, что в нем было. Итак, Чингис, приведя в порядок часть земли, которую он завоевал, с радостью вернулся восвояси. Есть также некая часть земли, прилегающая к морю, которой вплоть до сегодняшнего дня тартары не могут завладеть. С этого времени Чингис начал именоваться *каном*, что означает „император“.

<11> Итак, когда Чингис стал именоваться каном и год отдыхал без войн, он в это время распределил три войска <идти воевать> в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле. Одно он отправил со своим сыном Тоссуком, который тоже именовался каном, против команов, которые обитают над Азами в западной стороне, а второе с другим сыном – против Великой Индии на юго-восток.

<12> А он <т. е. Чингис-кан> с третьим <войском> двинулся в сторону Каспийских гор и, когда он пересек землю, которая называется Солангия, в то время ее не покорив, он постоянно шел через пустыню, в течение трех месяцев не встречая людей. А когда он почти дошел до Каспийских гор, где, говорят, Александром <Великим> заперты иудеи, которые именовали себя Гог и Магог, тут-то вот вдруг все железные вещи (стрелы из

колчанов, ножи и мечи из ножен, стремяна от седел, трензеля от уздечек, конские подковы, панцири с людей, шлемы с их голов) понеслись к горе со стремительностью и величайшим грохотом, причем, (как сами они, вспоминая эти события, рассказывали нашему брату Бенедикту с каким-то весельем), железные вещи потяжелее – панцири и шлемы, которые были вынуждены нестись по земле к горам с большой стремительностью, подымали чрезвычайно густую пыль и сильный грохот. Поэтому их охватили слепота и чрезвычайный ужас. Считают же, что эти горы <состоят> из адаманта.

<13-14> Итак, Чингис-кан в страхе бежал вместе с войском и, оставляя горы справа, двинулся на северо-восток. Наконец, после того как в течение еще трех месяцев они непрерывно с трудом совершали путь через пустыни, он приказал ввиду нехватки пропитания, чтобы они съедали каждого десятого человека из каждых десяти. Спустя эти три месяца он достиг великих гор земли, которая называется Нараирген, то есть „люди солнца“, ведь *нара* по-тартарски на латыни означает *sol* (солнце), <a> *ирген* – *homines* (люди). А когда он нашел торные дороги и <не встретил> никаких людей, он вместе со своими <людьми> пришел в очень сильное удивление. Вслед за тем, когда был найден единственный мужчина со <своей> женой, он стал при помощи многочисленных переводчиков спрашивать о людях земли, где они находились, и, узнав, что они обитают в подземных домах под горами, он, удерживая <при себе> женщину, послал мужчину, которого взяли в плен, с вопросом, собираются ли они выйти для войны <с ним>. Но в то время, как тот возвращался <домой>, тартары, поскольку наступило утро, пали ниц на землю при восходе солнца из-за шума восходящего солнца и многие из них именно там умерли. А жители <этой> земли, узнав о врагах, напали на них ночью и убили многих из тартар. Чингис-кан, увидев это, удалился вместе с остатками <своего войска>, уведя тем не менее с собой взятую в плен жену <местного жителя>. Впоследствии она, как сами тартары сообщали <нашим> братьям, долгое время оставалась с ними, утверждая <при этом> без <тени> сомнения, что вышеназванная земля расположена в самых крайних частях света и что дальше нет никакой земли, разве только одно море-океан. Поэтому, из-за чрезмерной близости <к этой земле> восходящего из моря солнца, в этой области в летнее время слышится столь своеобразный шум и грохот от противоположности солнца и небосвода, что ни один из людей не осмеливается жить под открытым небом на земле до тех пор, пока солнце не продвинется по своему зодиакальному пути на юг, чтобы не умереть тотчас как будто от <удара> грома или не претерпеть <другого> вреда. Поэтому существует также <обычай> в это время бить в громаднейшие барабаны и в другие инструменты в пещерах <внутри> гор, чтобы звуком барабанов оградиться от шума солнца. Эта страна, если перейти через горы, равнинна и плодородна, но невелика.

<15> Когда же Чингис-кан, будучи побежден, торопился вернуться со своими людьми из этой земли к себе домой и увидел на обратном пути Каспийские горы, то он не приближался к ним из-за прежнего страха. Однако, видя, что из гор вышли люди вследствие грохота, произведенного ранее (из-за того что железные вещи неслись к горам), он возжаждал с ними сразиться. А когда обе стороны стали приближаться друг к другу, тут-то вот их и разделило облако, встав посредине, как некогда <оно разделило> египтян и сынов Израиля. Поэтому вполне вероятно, что они – иудеи, которых Господь защитил и предостерег знаменiem <их> отцов. И каждый раз, когда тартары подступали к облаку, их поражало слепотой, а некоторых даже смертельным ударом. Однако они могли, как бы то ни было, видеть друг друга сквозь облако. А после того как они не смогли пройти с обеих сторон облака на расстоянии двух дней пути так, чтобы оно больше не стояло перед ними, они двинулись в дорогу своим путем.

<16> Итак, тартары, совершая путь пешком и слабея от голода, нашли кишки или все внутренности некоего животного, достаточно зловонные, которые, как они сами считают, были оставлены прежде, когда они в том самом месте ели; и, когда кишки были

принесены к Чингис-кану, он приказал <их> сварить, выжавши только большой кал руками, никоим образом не разрывая и не повреждая внутренности. Это и было сделано, и при таких обстоятельствах Чингис-кан, вместе с прочими уже почти умиравший от голода, <их> съел, и с тех пор Чингис-кан постановил ничего из внутренностей не выбрасывать кроме большого внутреннего кала, о чем подробнее говорится <тогда>, когда говорится о традициях <неписанных законах> тартар. Совершив эти вещи, он вернулся в свою землю и был поражен <ударом> грома согласно Божественному приговору.

<17> А второе войско, посланное со вторым сыном Чингис-кана против индов, победило Малую Индию, то есть Эфиопию, в которой живут люди наичернейшие, и <к тому же> язычники. Когда же <тартары> достигли Великой <Индии>, обращенной <в христианство> апостолом Фомой, царь <этой> земли, которого обычно именуют пресвитер Иоанн, тотчас, хотя и не был хорошо подготовлен к войне, послал против них войско. Они использовали против тартар некую новую и неслыханную хитрость: они подготовили особым образом три тысячи всадников, впереди которых на седла посадили некие железные или бронзовые фигуры, которые содержали в своей полости живой огонь. И, прежде чем стрелы тартар могли их достичь, они начинали испускать огонь, раздувая кузнечные меха, которые располагались на седле под бедром каждой <фигуры>. Вслед за огнем они начали метать стрелы, чем войско тартар было приведено в беспорядок. Одни обожженные, а другие раненые, они пустились в бегство, <а> инды, преследуя их, перебили многих, а остальных изгнали из своих границ, так что впоследствии тартары к индам не возвращались. Сами тартары рассказывали нашим братьям, что инды расположили войско к бою, подняв воинов на стремянах над <крупам> коней. „И прежде, чем мы успели понять происходящее, – <говорили они>, – те внезапно опустили в седла, и в нашу сторону брызнул огонь, за которым последовали их стрелы. Таким образом наше войско было обращено в бегство“. Поскольку в течение следующих восемнадцати лет инды не видели тартар, то они им сказали через вестников: „Вы вторглись на нашу землю, как воры, а не как доблестные воины, но теперь знайте, что мы каждодневно готовы к вашему нападению. Так что, несмотря на то, что вы сами не осмелитесь придти к нам, ожидайте довольно скоро нашего нападения“.

<18> А тартары, не решаясь вернуться к себе домой раньше установленного Чингис-каном срока, дабы избежать смертного приговора, двинулись в юго-восточном направлении. Пройдя более месяца по пустыне, они достигли Земли псов, называемой по-тартарски Нохой-Кадзар. Ведь *нохой* по-тартарски означает на латыни *canis* (собака), а *кадзар* по-тартарски означает на латыни *terra* (земля). Они нашли там только лишь женщин без мужчин <и>, захватив их в плен, остались на два <дня> возле реки, которая протекает посередине <этой> земли, а когда спросили <их> о мужчинах, каковы они и где находятся, <те> ответили, что <их мужчины> от природы – псы и что они, прослышав молву о врагах, переправились через реку. На третий же день обнаружилось, что все псы, которые обитали в <этой> земле, объединились, но, <поскольку> тартары насмеялись над ними, они, переправившись через реку, стали кататься по песку, который вследствие холодного времени замерзал на них. И так они проделали дважды и трижды, а поскольку псы были покрыты шерстью, то лед смерзся с песком на толщину ладони. Сделав это, они ринулись на тартар. Те же, смеясь, начали метать в них стрелы. Но поскольку им не мог быть причинен вред иначе, чем через рот и глаза, они уничтожили очень немногих. Псы же, быстрее добегая <до них>, одним укусом валили коня, а другим душили татарского <всадника>. Итак, тартары, видя, что ни стрелы, ни мечи не могут повредить псам, пустились в бегство. Псы, преследуя их в течение трех дней <и> умертвив очень многих, изгнали их из своих границ. И таким образом обрели впредь мир от них. Некий тартар также рассказал брату Б<енедикту>, что его отец был в то время убит псами. Кроме того, брат Б<енедикт> твердо уверен в том, что он сам

видел среди тартар одну из песьих женщин, о которой он даже говорит, что она рожала от тартар, но <рожала> мальчиков чудовищных. А вышеописанные псы очень волосаты, они понимают полностью речь женщин, а женщины – <смысл> знаков псов. Если женщина рождает дитя женского пола, у него человеческий облик матери, <а> если мужского, то он делается псом, как отец.

<19> Возвращаясь восвояси из этой земли, тартары захватили землю, которую называют Буритебет. *Бурит* означает ‘волк’, что хорошо подходит к жителям <этой> земли, которые имеют обыкновение, словно дикие волки, поедать, собрав родню, умершего отца. У них нет волос на подбородке, но, если волосы появляются, они выщипывают их железными щипчиками, изготовленными для этой цели. Кроме того, они очень безобразны.

<20> Третье же войско, которое пошло на запад с Тоссук-каном, сыном Чингиза, покорило сперва землю, которая зовется Теркемен, во-вторых – бисерминов, затем – кангитов, <и> наконец они вторглись в землю Куспкас, то есть Команию. А команы, объединившись со всеми русскими <князьями>, бились с тартарами между двумя ручейками – название одного из них Калк, а другого Кониузу, то есть «вода овец», ведь *кони* по-тартарски означает на латыни *oves* (овцы), а *узу* – *aqua* (вода), и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении. Итак, когда тартары их победили, то стали возвращаться в свою землю и на обратном пути захватили некоторые земли на севере, а именно: бастархов, то есть Великую Венгрию, которая соседствует с морем-океаном на севере.

<21> От этой земли они пришли к паросситам, которые высоки ростом, но щуплы и немощны. Имея живот маленький и круглый в виде небольшой чаши, они никогда не едят глотая, но живут паром. Ведь у них вместо рта маленькое отверстие. И в то время, когда они варят мясо, положенное в горшок, они кормятся, ловя пар через <упомянутое> маленькое отверстие. А мясо, не заботясь о нем, бросают собакам. Итак, их <тартар> эти <люди> не заботили, потому что они испытывают сильное отвращение ко всему чудовищному. После этого они прибыли к неким <людям>, которые называются самоеды. Но и эти люди их не заботили, потому что-де они люди бедные и дикие и живут только охотой. Наконец, они прибыли к тем, которые зовутся *укорколон*. *Укор* по-тартарски означает на латыни *bos* (бык), *колон* – *pedes* (ноги): <получается>, так сказать, „ноги быка“. Они же называются *нохойтерим*: *нохой* означает *canis* (пес), *терим* – *caput* (голова), то есть „голова пса“, на латыни же говорится *canina capita* (песьи головы). У них бычьи ноги вниз от лодыжек, человеческая голова от затылка до самых ушей, но лицо во всех отношениях как <морда> пса, и поэтому они именуются по своей отличительной части. Они говорят два слова, а третье пролаивают, и ввиду этого они также могут называться *псами*. Они также <люди> дикие и в беге соответствующим образом проворны. И они <тартары> последних сходным образом презирают. Итак, вернувшись в свою землю, они нашли Чингис-кана пораженным <на смерть> ударом грома.

<22> Кроме того, тартары сообщили нашим братьям, что они побывали в земле неких людей, у которых были только одна нога и одна рука <и> которым никто не мог причинить вред вследствие скорости их <передвижения> и силы стрел. Ведь один <из них> натягивает лук, а другой пускает стрелу сильнее, чем любой <другой> народ. Говорят также, что своей скоростью они превосходят не только жителей других стран, но даже всех четвероногих на земле. Поэтому перед появлением наших братьев у тартар двое из уже названных людей (отец и сын), явившись ко двору императора тартар, спросили: «По какой причине вы пытаетесь беспокоить нас войнами? Разве мы не превосходим вас в метании стрел и скорости бега?» И когда самый быстрый конь был поставлен бежать с ними <наперегонки> на виду у всех, согласно ранее сказанному, они

<тартары> пустили коня мчаться быстрым бегом. А эти <люди> удивительным образом начали быстро вращаться, подобно колесу, и внезапно настигли коня. Наконец, обратясь спиной к коню и тартарам, они побежали в свою землю. Тартары, увидев это, больше не захотели к ним вторгаться. А зовутся они *унипедами* <одноногими>.

<34> Названия же земель, которые тартары завоевали, суть таковы: Китай, Соланги, Эфиопия, Войрат, Кераниты, Буритебет, Уйгур, Киргиз, Саруйхур, Меркит, Мекрит, Найман, Каракитай, Туркия, Нубия, Балдак, Урумсолдан, Бисермины, Кангиты, Армения, Георгиания, Аланы, которые называют себя Аззами, Киркасы <Черкесы>, Газары, Команы, которые называют себя Кусскара <Кыпчаками>, Мордвины, Баскарт, то есть Великая Венгрия, Билеры, Корола, Кассиды, Паросситы, Песы <народы>, Замогеды <Самоеды>, Несториане, Русия, <земли> персидских султанов, которые именуют себя сарраценами.

<41> Он <Чингис-кан> также установил, чтобы <тартары> покорили все земли мира, и не заключали бы мира ни с кем, разве только те сами открыто и безоговорочно не сдадутся им, и на этот случай приказал щадить простых людей, а всех более знатных умерщвлять. Он им <т. е. тартарам> также предсказал, что в конце концов все они будут убиты в земле христиан, однако немногие оставшиеся <в живых> будут соблюдать закон <той> земли, в которой отцы их погибли различными смертями.

3.1. Экспансия (приказ о покорении мира)

«Я теперь, пока все страны мира
Не объеду, не направится глава моя в Рум.
Поживу я и в обитаемых и в необитаемых местах,
Добуду себе все царства мира»
(*Низами*. Искандер-наме, с. 210)

§ 1. Сюжет. Постановка проблемы.

В донесениях францисканской миссии 1247 г. история возвышения Чингис-хана выглядит поразительным образом. Начинается она с упоминания вполне реальных событий, а завершается рядом фантастических происшествий. Сведения францисканцев о войне Чингис-хана с найманами и другими монгольскими племенами подтверждаются независимыми источниками. История вторжения в Китай и осада китайской столицы насыщена заведомо нереальными подробностями, но при этом сохраняется форма исторического повествования. Завладев титулом императора, Чингис-хан разделяет свои войска на три части и приказывает им покорить всех людей, живущих на земле. Под страхом смертной казни армии не могут вернуться из походов раньше установленного срока. Далее следуют космографические описания удивительных народов и загадочных природных явлений, с которыми вынуждены соперничать воины Чингис-хана. Три монгольских похода превращаются в военные экспедиции к границам неосвоенного мира. Большинство исследователей видят в этом ряд странных ошибок. Поскольку мы можем указать на восточные сочинения, в которых представлены те же самые космографические картины, то у нас появляются основания отказаться от теории «странных ошибок» и заняться реконструкцией сочинения, которое францисканцы привезли из Азии.

Факт существования «Романа о Чингис-хане» сомнений не вызывает, равно как и два других обстоятельства. Францисканцы использовали полученный текст для описания истории происхождения монгольской империи, а их переводчики непроизвольно дополнили текст «реальными комментариями». Сомнения вызывают лишь попытки исследователей объяснить странные сюжеты, игнорируя их литературный характер и «перевернутое» содержание. Вопрос стоит следующим образом: с какого момента начинается «космографическая» часть романа. Настоящая глава нашего исследования посвящена реконструкции первого эпизода, а именно, приказу Чингис-хана о покорении мира. Фактически речь пойдет о легендарной географии романа.

Согласно замыслу неизвестного автора, план экспансии принадлежит Чингис-хану. Чингис-хан сам разделяет свои войска на три части. Два войска должны достигнуть пределов мира в северном и южном направлениях. Император во главе третьего войска устремляется на восток. В изложении брата Иоанна эти сведения разбиты на несколько частей. В целом сюжет выглядит так: «И, после того как <Чингис-кан> чуть-чуть отдохнул, он разделил свое войско. Одного из своих сыновей, по имени Тоссук, которого также называли каном, то есть императором, он послал с войском против команов; их <Тоссук> победил в большой войне. И, после того как их победил, он вернулся в свою землю. Другого сына он также послал с войском против индов; он победил Малую Индию. Они <т. е. ее жители> являются черными сарраценами, именуемыми эфиопами. Тогда же <его> войско выступило на бой против христиан, которые живут в Большой Индии» (LT, V. 11-12). «Чингис-кан также в то же время, когда распределил <по направлениям> другие войска, <сам> пошел экспедицией на восток через землю Кергис, <жителей> которой в войне не победил, и, как нам говорили, там же достиг самих Каспийских гор» (LT, V. 15).

Первым, кто вернулся в центр империи, был Чингис-хан, и вскоре его настигла смерть – он был поражен ударом грома. Вслед за этим событием возвращаются две другие армии, которым, также как и Чингис-хану, не удалось преодолеть удивительные преграды на краю мира. В результате этих походов создается фантастическая империя, по своим масштабам превосходящая реальную империю. Ниже мы уточним отдельные фрагменты этой картины.

Имеются ли у нас основания трактовать сюжет о разделе войск на три части как завязку «Романа о Чингис-хане». И если – да, то как объяснить появление реальных сведений в легендарном контексте. Поиском ответа на этот вопрос мы и займемся ниже. Связь между приказом о покорении мира и связанным с ним запретом на возвращение раньше установленного срока и вторжением монгольских армий в иные пространства, кажется очевидной. Приказ Чингис-хана спровоцировал неожиданное развитие событий. Собственно, об этом прямо говорится в сюжете о появлении монголов в Стране псов (в переводе брата Бенедикта). Участники же северного похода, прибыв к быченоким монстрам, испытали от этой встречи только отвращение. В планы Чингис-хана не входило покорение фантастических народов. Мне даже кажется, что монгольский император (по замыслу автора романа) не знает о существовании таких народов, и, следовательно, он не знает о границах мира, который он так стремится покорить. Скорее всего, автора романа занимает следующий момент: к чему приведет слепая жажда экспансии, когда предводитель не обладает сакральными знаниями. Цена получения этих знаний известна – трагическая смерть Чингис-хана по воле разгневанного Неба. Если сравнивать военные экспедиции монголов к границам мира с познавательными путешествиями Искандера, то они предстают как слепое странствие. В романе ставится виртуальный эксперимент: не имея навигаторов, монгольские армии теряются в неосвоенных пространствах Космоса. В конце концов, монголы все же узнают истинные названия загадочных областей мира. В том, что в романе эти названия даются по-монгольски (укорколонь, нохойтеримы, Нохой-Кадзар, Нараирген), проявляется ирония автора к воинственным первооткрывателям. В этой перспективе покорение монголами двух областей (Буритебета и Малой Индии, населенной черными эфиопами) предстают как две нелепых ошибки. Зачем божественному Чингис-хану две области, где практикуют канныализм?

Вернемся к сведениям из донесения брата Иоанна. Вымышленный характер изложенных событий заключается, во-первых, в том, что ни одно из них, в том виде как они представлены, не имело место в реальности. А, во-вторых, каждое из войск во время своих странствий попадает в мифические пространства, где вынуждено сражаться с необычными противниками. Вопрос, однако, осложняется тем, что северный поход начинается с покорения земли команов и возглавляет его старший сын Чингис-хана, Джучи (*Tossuc*).¹⁸² И если сам по себе факт покорения монголами Дешт-и Кипчака не

¹⁸² Tossuc, Tossu-can, тюркская форма *Tuši*, *Toši* соответствует монгольской *Juèi*, *Joèi* – Джучи (*Pelliot*, *Notes sur l'histoire de la Horde d'Or*, pp. 10-28); Согласно сведениям Чжао Хуна: «У Чингиса весьма много сыновей. Старший сын Би-инь был убит в бою при штурме западной столицы Юньчжуна во время разгрома государства Цзинь. Ныне второй сын является старшим царевичем и зовут <его> Иоджи. Третьего царевича зовут Одэй. Четвертого царевича зовут Тянь-лоу и пятого царевича зовут Лун-сунь. Все они рождены от главной императрицы. Ниже их есть еще несколько человек, рожденных от наложниц» («Мэн-да бэй-лу», с. 56). *Иоджи* – старший сын Чингис-хана. В «Тайной истории монголов» он назван *Joèi*, в «Юань ши» – Чжу-чи и у Рашид ад-Дина – Джочи. Наиболее вероятной датой его рождения является 1184 г. В 1211 г. участвовал в завоевании Северного Китая – государства чжурчженей Цзинь (1115 – 1234). Джучи участвовал также в походе отца в Среднюю Азию в 1219 – 1225 гг. В 1224 г. при разделе Чингис-ханом владений между сыновьями Джучи получил земли от Иртыша на запад до Уральских гор, и далее на запад все то, что будет завоевано в будущем. Рашид ад-Дин при описании событий осени 1226 г.

вызывает сомнений, то участие в этом деле Джучи необъяснимо с исторической точки зрения (ведь он умер за много лет до начала западных экспедиций). Скорее всего, в этом эпизоде нашел отражение тот факт, что в 1224 г. при разделе Чингис-ханом владений между сыновьями, Джучи получил земли «до дальних пределов Саксина и Булгар и так далеко в этом направлении, куда только проникло копыто монгольских лошадей» (Джувеини). Эти территории принадлежали потомкам Джучи, которые продолжили завоевания в западном и северном направлениях. Пока можно предположить, что имя Джучи в сюжете появилось благодаря «осведомленности» русских переводчиков, чье несомненное влияние проявилось в отождествлении фантастических северных народов с самоедами и паросситами. Что же касается построения сюжетов, когда реальное событие словно соскальзывает в плоскость легенды, то оно характерно для всего романа и еще не раз будет отмечено по ходу нашего исследования.

Поскольку в версии перевода брата Бенедикта сообщение о походе Джучи изложено более подробно, то оно будет рассмотрено отдельно (см. ниже § 3). О разделе войск для охвата мира в трех направлениях в «Истории Тартар» сообщается следующее: «Итак, когда Чингис был назван каном и отдыхал в течение одного года без войн, он в это время распределил три войска <идти воевать> в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле. Одно он отправил со своим сыном Тоссуком, который тоже именовался каном, против команов, которые обитают над Азами¹⁸³ в западной стороне, а второе с другим сыном – против Великой Индии на юго-восток» (НТ, 11). Далее говорится о походе войска во главе с самим Чингис-ханом: «А он с третьим <войском> двинулся в сторону Каспийских гор и, когда он пересек землю, которая называется Солангия,¹⁸⁴ в то время ее не покорив, он постоянно шел через пустыню, в течение трех месяцев не встречая людей» (НТ, 12). Затем рассказывается о походе второго войска («А второе войско, посланное со вторым сыном Чингис-кана против индов, победило Малую Индию, то есть Эфиопию», § 17) и только после этого о походе под предводительством Джучи (§ 20): «Третье же войско, которое пошло на запад с Тоссуком-каном, сыном Чингиза, покорило сперва землю, которая зовется Теркемен,¹⁸⁵ во-вторых – бисерминов,¹⁸⁶ затем – кангитов,¹⁸⁷ <и> наконец они вторглись в землю Куспкас, то есть Команию.¹⁸⁸ А команы, объединившись со всеми

сообщает, что Джучи уже скончался (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 230). Смерть Джучи столь же загадочна, как и его рождение. Полагают, что он был отравлен.

¹⁸³ *Az* – асы, аланы; ср.: в средневековых персидских словарях *As* – «название города в области Кипчак», см.: *Баевский С. И.* Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI – XV вв.) // *Страны и народы Востока*. М., 1980. Вып. XXII. С. 85; Согласно персидской космографии XIII в. «Аланийя – город между Абхазом и <степями> кипчаков, в нем много мусульман. Его товары: рабы, рабыни, мерлушка» («Чудеса мира», с. 181); подробнее см. прим. 25* в главе 5. 2.

¹⁸⁴ *Solangia* – Корея; подробнее см. прим. 4 в главе 5. 2.

¹⁸⁵ *Terkemen* – Туркмен, страна тюрок; см. также прим. 20 в главе 5. 2.

¹⁸⁶ *Berezemitas* (*Bisermini* у брата Иоанна) – страну *бисерминов* принято отождествлять с Хорезмом; подробнее см. прим. 19 в главе 5. 2.

¹⁸⁷ *Kangitas* – кангиты, тюрки-канглы занимали территорию между Аральским и Каспийским морями; см. прим. 29 в главе 5. 2.

¹⁸⁸ *Cuspcas id est Comaniam*; аналогичная формула есть у брата Вильгельма де Рубрука: «*Comani qui dicuntur Carchat*». Речь идет о степных территориях известных персидским авторам под названием Дешт-и Кипчак – «Степь кипчаков»; самоназванием этого народа, по мнению Н. А. Баскакова, было *qurdaq ~ quwdaq* (*кыпчак*), см.: *Баскаков Н. А.* Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве». М., 1985. С. 123; объяснение происхождения этого и других названий: половцы (*шары* – „желтый, половой“), куны, команы, каепичи (кай-оба, т. е. «племя кай»), см.: *Кляшторный С. Г., Султанов Т. И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата, 1992.

рутенами <русскими>, бились с тартарами между двумя ручейками – название одного из них Калк, а другого Кониуззу, то есть «вода овец», ведь *кони* по-татарски означает ‘овцы’ по-латыни, а уззу – ‘вода’, и они были разгромлены тартарами. Крови с обеих сторон было пролито до самых конских уздечек, как передавали те, кто участвовал в сражении».¹⁸⁹

На этом мы прервем цитату из книги брата Ц. де Бридиа. В конце § 20 и двух следующих речь идет о пребывании армии Джучи в Великой Венгрии, затем у загадочных диких народов – паросситов (питающихся паром) и самоедов, и еще более загадочных существ, названных по-монгольски укорколон и нохойтерим, и, наконец, рассказывается о соперничестве с одноногими и однорукими людьми. Очевидно, что брат Бенедикт точнее (сравнительно с братом Иоанном) передает содержание этой части романа. Вот как выглядит картина походов в «Истории Тартар». Войско Джучи устремляется на запад, а возвращается через северные пределы мира. Войско, посланное со вторым сыном, идет на юго-восток к Индии, Земле псов и Буритебету. Сам же Чингис-хан, достигнув Каспийских гор, отправился на северо-восток и достиг мест восхода солнца. Как будет показано ниже, восточное направление имело для автора романа особое значение. Так или иначе, в обеих версиях каждое из войск, в конце концов, попадает в фантастические миры.

§ 2. Постановка проблемы.

При знакомстве с сюжетом возникает, как минимум, три вопроса: что, собственно, означает разделение и отправка войск по трем сторонам света (ведь в реальности такого события не было); чем обусловлено то или иное направление этих легендарных походов, и почему каждое из трех войск, повинувшись замыслу автора романа, пересекает мифические пространства?

Первоначально действие романа разворачивается на границах освоенного мира. Жажда власти, не позволяющая Чингису пребывать в бездействии, толкает его на новые завоевания (НТ, 9). Было бы непростительной ошибкой с нашей стороны увидеть в позиции автора романа некое осуждение легендарной фигуры Чингис-хана. Авторский замысел выглядит более заманчиво. Армии монгольского императора стремятся преодолеть божественные преграды, и тем самым нарушают гармонию Космоса. Истории создания реальной империи противопоставлена история рождения квазиимперии, включившей области обитания укорколонов и нохойтеримов, что в переводе с монгольского означает «быченок» и «песьелицы». У Низами Искандер, покорив страны мира, отправляется в путешествие по диким пространствам как первооткрыватель и сопровождают его знатоки путеводных книг.

Число три (три войска) указывает на знаковый характер этих сведений. У Чингис-хана было пятеро сыновей, каждый из которых принимал участие в битвах и мог претендовать на часть отцовского наследства. О первых четырех сыновьях Чингис-хана известно и брату Иоанну (V. 20). Это не единственный случай, когда легендарные сведения «Романа о Чингис-хане», существенно расходятся, либо не совпадают с

С. 116-138; Арсланова А. А. Кыпчаки и термин Дашт-и Кыпчак (по данным персидских источников XIII – XVIII вв.) // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода. Казань, 1990; Гуркин С. В. К вопросу об исторической географии половецких земель // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-на-Дону, 1990.

¹⁸⁹ Речь идет о печально знаменитом событии – битве на Калке 31 мая 1222 г. Объединенные полки русских князей и половецких ханов потерпели поражение в столкновении с монголами. Известие об этом событии отразилось во многих мировых хрониках – арабских, персидской, грузинской, ливонской, немецкой. Описанию этого события в контексте легендарной экспедиции Джучи мы обязаны участию русских переводчиков (подробнее, см. книгу 1).

аналогичными сведениями из других источников, которые также нашли отражение в донесениях францисканцев. Последнее обстоятельство указывает на то, что содержание романа не сопоставлялось ими критически со сведениями, полученными из других источников. В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина подробно описывается раздел войск Чингис-ханом между сыновьями, племянниками, младшим братом Отчигин-нойоном и матерью Оэлун-экэ. Завершается описание следующей фразой: «Все остальные войска, кроме этих войск, которые Чингис-хан соизволил определить <за каждым>, он отдал вместе с личными ордами и юртами младшему сыну Тулуй-хану, по прозванию Экэ-нойон; тот ведал всем. Все уважаемые эмиры, которые принадлежали <к войскам> правой руки, левой и центру <...> состояли при нем».¹⁹⁰

Факт раздела войск только между двумя сыновьями Чингис-хана в официальных хрониках не засвидетельствован. Вероятно, в этом эпизоде романа отразилось традиционное деление монгольской армии на три части: правое и левое крыло и центр, причем центром командует сам Чингис-хан.¹⁹¹ В империи и в последующем сохраняло свою силу деление армий на правое и левое крыло и центр. Способ построения войска отражался и в разделении системы управления кочевого государства на центр и два крыла, что имело глубокую традицию в Центральной Азии.¹⁹² Например, один из указов Угедей-хана начинался фразой: «Нижеследующее полностью одобрили: старший брат Чаадай, Батый и прочие братья, князья Правой руки; Отчигин-нойон, Егу и прочие братья, князьялевой руки; царевичи и зятья Центра, а также нойоны-темники, тысячники, сотники и десятники» («Сокровенное сказание», 280); Ср. также: «<Менгу-каан> назначил своего брата Кубилай-каана в области восточных владений Хитай, Мачин, Карачанак, Тангут, Тибет, Джурджэ, Солонга, Гаоли и в часть Хиндустана, смежную с Хитаем и Мачином, а Хулагу-хана определил в западные области Иранской земли, Сирию, Миср, Рум и Армению, чтобы оба они с ратями, которые у них имелись, были бы его *правым и левым крылом*» (Рашид ад-Дин. Т. III. С. 23).

Очевидно, что в сюжете о разделе войск на три части обыгрываются символы империи. Символы, зримо воплощавшие мощь монгольской империи, были предметом особого внимания сочинителя романа, который стремится придать им обратный, или, как в данном случае, гипертрофированный характер. Войска правой и левой руки охватывают с севера и юга все доступные земли мира и устремляются к их мифическим пределам, причем, одно войско попадает к песьелицым существам на севере, а другое – в Землю псов на юге. Вместе с тем, нет сомнений, что в сюжете о разделении войск отражены вполне реальные события. Вернее, как и во многих других случаях, содержание сюжета балансирует на грани реальности и вымысла. И задача исследования состоит не столько в том, чтобы выяснить где проходит грань, отделяющая вымысел от фактов, сколько прояснить цели автора романа.

§ 3. Приказ о покорении мира.

В «Сокровенном сказании» имеется любопытная параллель к сюжету о распределении трех войск, отправленных Чингис-ханом в разные концы мира. Сыновья в этом случае не упоминаются. После завершения семилетней компании в Средней Азии Чингис-хан отправил несколько разведывательных экспедиций. Возможно, что в слухах об этих походах и скрыт ключ к разгадке сюжета о разделе войск на три части. Чингис-

¹⁹⁰ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 278.

¹⁹¹ Ср. «В год Зайца <1207> Чжочи был послан с войском *правой* руки к лесным народам» («Сокровенное сказание», § 239).

¹⁹² Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 287.

хан «Сормахона отправил в поход на Багдадский народ на Халибо-Солтана¹⁹³». Второе войско отправил к «народу Ару-Мару-Мадасари, в земле, лежащей между двумя народами: Хиндус и Багдад». «А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен».¹⁹⁴ Отвлекаясь от анализа названий перечисленных народов,¹⁹⁵ отметим направления походов: на запад на Багдад, на юг в Индию и на север к одиннадцати народам. Восточное направление отсутствует. Тогда как в романе восточный поход к Каспийским горам и к земле «людей солнца» является главным, потому что его возглавляет сам Чингис-хан.

Тема мировой империи Чингис-хана, представленная в дипломатических посланиях монголов, была в центре внимания как восточных, так и западных авторов. Нашла она отражение и в хронике Фоми Сплитского. Сведения Фоми Сплитского о двух сыновьях Чингис-хана, которым он приказывает завоевать все страны мира, удивительным образом перекликаются с анализируемым сюжетом романа. Это сразу переводит проблему поиска исходного сюжета в евразийский масштаб. Речь идет о слухах и легендарных сведениях, которые распространялись на территориях, сопредельных с монгольской империей: «Видя, что судьба приносит ему удачу во всех войнах, <Чингис-хан> стал чрезвычайно надменным и превознесся гордостью. И, полагая, что в целом свете нет народа или страны, которое могли бы противиться его власти, он задумал получить от всех народов трофеи славы. Он желал доказать всему великую силу своей власти, доверясь бесовским пророчествам, к которым он имел обыкновение обращаться. И потому, призвав двух своих сыновей, Бата и Кайдана, он предоставил им лучшую часть своего войска, наказав им выступить для завоевания провинций всего мира. И, таким образом, они выступили и почти за тридцать лет прошли по всем восточным и северным странам, пока не дошли до земли рутенов и не спустились, наконец, к Венгрии» (*Фома Сплитский*. XXXVII).

Батый и Кадан были внуками, а не сыновьями Чингис-хана. Оба участвовали в западном походе на Европу. Приказ о покорении всех стран мира не был вымыслом западных авторов. Это формула официальных монгольских посланий. Например, в 1260 г. Хулагу в послании султану Египта утверждал: «Великий господь избрал Чингис-хана и его род и <все> страны на земле разом пожаловал нам».¹⁹⁶ Сведения Фоми Сплитского интересны и в другом отношении. Хотя в них и говорится о тридцатилетнем походе сыновей Чингис-хана, но нет и намека о покорении монголами вымышленных

¹⁹³ *Халибо-Солтан* – под этим термином скрыты два титула «халиф» и «султан». Слитная формула указывает на то, что автор «Сокровенного сказания» не различал эти дифиниции. Речь идет о походе против *султана* Джалал ад-Дина и земель багдадского *халифа*. Ср. Киракос Гандзакецки ясно указывает разницу между титулами халиф и султан, когда пишет о правителе Багдада: «Царь, восседавший в нем, назывался не султаном или меликом, как принято было называть других <правителей> из тюрок, персов и курдов, – его именовали халифом, т. е. наместником Магомета»; «<...> халиф означает преемник. Ему покорны были все султаны, исповедующие мусульманскую веру, – и из тюрок, и из курдов, и из персов, и из еламитов, и из других народов. Он был главным законодателем их государства, а они <султаны> по договору подчинялись ему и уважали его как родственника и соплеменника основоположника веры своей – первого лжеучителя их» (Киракос, с. 228-229). Кливс считает, что в монгольском тексте речь идет о багдадском халифе Nas(i)r; титул *султан* он не комментирует (Cleaves, p. 202). См. также ниже прим. 53.

¹⁹⁴ «Сокровенное сказание», §§ 260, 261, 266.

¹⁹⁵ См. книгу 1.

¹⁹⁶ *Рашид ад-Дин*. Т. III. С. 51.

стран. Запад пристально вглядывался в события, происходящие в Азии, и фиксировал всевозможные тревожные слухи. Позиция западных авторов, как внешних наблюдателей, исключала создание сочинений, в которых была бы представлена игра с символами монгольской империи.

§ 4. Символическая география романа.

Вернемся к донесениям францисканцев и поставим вопрос в другой плоскости: какова география походов Чингис-хана и его сыновей? Войско Джучи-хана, покорив бисерменов, кангитов и кыпчаков, устремилось на север и захватило Великую Венгрию, которая соприкасается с морем-океаном на севере. Оттуда они попали в земли паросситов, питающихся паром, и диких охотников самоедов, и наконец, они прибыли к быченоким и песьеголовым людям. Кроме того, они побывали в земле стремительных и непобедимых унипедов, обладавших от природы только одной ногой и одной рукой. В описании поединка с унипедами ирония автора не знает пределов. Второе войско побеждает черных эфиопов, обитающих в Малой Индии, терпит поражение в царстве пресвитера Иоанна, и совершив месячный переход через пустыню, достигает Земли псов. Мужчины этой земли (псы от рождения) побеждают монголов. На обратном пути монгольское войско захватывает Буритебет, область народа «волков». Сам Чингис-хан три месяца пересекает безлюдную пустыню. По причине отсутствия провианта он вынужден отдать приказ о съедении каждого десятого воина. Приблизившись к Каспийским горам, его войско лишается оружия и железного снаряжения, притянутого магнитной силой этих гор. Армия, утратив атрибуты войска, продолжает поход. Достигнув восточного края мира, они не выдерживают шума восходящего солнца и бегут из страны «людей солнца». Десять лет спустя, на обратном пути Чингис-хан пытается безуспешно сразиться с запертым в Каспийских горах народом, но противникам мешает сблизиться облако. Кроме названных сюжетов, в донесении брата Иоанна сохранился еще один: монголы ходят походами в южную пустыню, где обитают немые люди с негнушимаися в коленях ногами. Безусловно, перед нами целостная картина мира, отражающая квазиисторическую модель монгольской империи. Внешние границы империи соприкасаются и даже включают в себя inferнальные пространства.

Как выяснится по ходу дальнейшего исследования, география «Романа о Чингис-хане» совмещает в одной плоскости мифическую географию: 1) восточных Александрий; 2) тюркского эпоса об Огузе; 3) царства пресвитера Иоанна; 4) загадочных стран из персидских космографий и арабских сочинений в жанре «чудеса мира»; 5) китайских легенд о далеких северных странах; 6) древнего генеалогического предания монголов, связанного с недоступной местностью Эргунэ-кун, и, наконец, 7) опирается на реальные сведения о походах монголов, однако последние полностью растворяются в фантастических пространствах романа. Этот перечень не исчерпывает до конца пространственную мозаику романа. Отметим также, что в заимствованных описаниях нет и намека на средневековые монгольские легенды фольклорного характера. География романа основывается исключительно на литературных источниках. Самый яркий пример такого влияния – включение в орбиту монгольских походов «Малой Индии, то есть Эфиопии, в которой живут люди наичернейшие, и <притом> язычники» (НТ, 17). Представление о Малой Индии, именуемой Эфиопией, заимствовано из «Повести о Варлааме и Иоасафе», имевшей в средние века необычайно широкое хождение как на востоке, так и на западе. Заголовок повести, где поясняется, что «внутренняя Эфиопская страна, называется Индия», отразился во многих сочинениях, в том числе, и в указанном эпизоде «Романа о Чингис-хане» (см. главу *). Где расположены магнитная гора, земля «шумящего» солнца, Буритебет, Земля псов, область быченоким, питающихся паром, и южная пустыня, где живут существа с

негнушимися, как у мифических носорогов, ногами, выяснится по ходу анализа каждого отдельного сюжета.

Завершая тему географии романа, обратимся к описанию двух легендарных средневековых царств. Как изображалась земля священника Иоанна, царя Великой Индии, в его посланиях? Заметим, что происхождение и цели этого послания, которое иногда трактуется как утопия, остаются неясными.¹⁹⁷ Послание распространялось в Западной Европе с середины XII в. На мой взгляд, этот текст – один из самых загадочных и непонятых литературных розыгрышей. Есть основания полагать, что авторами послания были сирийцы-несториане, а получателями – разочаровавшиеся в борьбе за Святую землю руководители крестовых походов. Мнимый царь Великой Индии, спешащий на помощь крестоносцам, изображает свое царство с нескрываемой иронией: в одной области живут немые люди, а в другой – рогатые, а в иной – трехногие, есть также люди, у которых половина тела песья, а у других глаза и рот на груди. Удивительные животные этого великолепного царства заимствованы из фантастических бестиариев. В латинской версии послания¹⁹⁸ перечислены следующие животные: «In terra nostra oriuntur et nutriuntur elephantes, dromedarii, cameli, ypotami, cocodrilli, methagallinarii, cametheternis, thinsiretae, pantherae, onagri, leones albi et rubei, ursi albi, merulae albae, cicades mutae, grifones, tigres, lamiae, hienae, boves agrestes, <...>» ‘В нашей земле рождаются и обитают слоны, дромадеры <одногогорбые верблюды>, верблюды, гиппопотамы, крокодилы, псевдокурицы, <?>, <?>, пантеры, онагры, белые и красные львы, белые медведи, белые дрозды, немые цикады, грифоны, тигры, ламии, гиены, дикие быки’, далее следует перечень диких людей.¹⁹⁹ В каждой из областей, подвластных царю царей, есть нечто необычное. В одной стороне расположено Песчаное море,²⁰⁰ оно никогда не стоит на месте, и хотя воды в нем нет, у берега водятся различные рыбы, весьма приятные на вкус; в другой, река с драгоценными камнями и жемчугом, в которую охотники ныряют на несколько месяцев.²⁰¹ Письмо царя Великой Индии получило широкое распространение в христианском мире и в XIII в. было переведено на русский язык: «Царство же мое таково: в одну сторону нужно идти десять месяцев, а до другой дойти невозможно, потому что там небо с землею встречается. И живут у меня в одной области немые люди, а в другой – люди рогатые, а в иной земле – трехногие люди, а другие люди – девяти сажен, это великаны, а иные люди с четырьмя руками, а иные – с шестью, и есть у меня земля, где у людей половина тела песья, а половина человечья, а у других моих людей очи и рот в груди. В иной же моей земле у людей сверху большие рты, а другие мои люди имеют скотьи ноги. Есть у меня люди – наполовину птица, наполовину человек, а у других головы собачьи; <...>» (ПЛДР. XIII в. С. 467).

Некоторые из перечисленных персонажей встречаются и в «Романе о Чингисхане». Диковинные народы, обитающие у крайних пределов царства пресвитера Иоанна, символизируют обширность его владений, чьих границ достичь невозможно (впрочем,

¹⁹⁷ Хенниг. Т. II. С. 452. Helleiner K. F. Prester John's Letter: A Medieval Utopia // The Phoenix III, 1. 1959, pp. 47-57.

¹⁹⁸ Текст цит. по: Zarncke F. Der Priester Johannes. Erste Abhandlung, enthaltend Capitel I, II und III. Leipzig, 1879. VIII. S. 910-911. Часть списка заимствована из «Географии» Страбона, где он перечисляет эфиопских животных (Страбон. XVI. 4. 16).

¹⁹⁹ Ср.: Баталин Н. Сказание об Индейском царстве. Воронеж, 1876. С. 127. (Филологические записки. Приложения)

²⁰⁰ О происхождении Песчаного моря см.: Lowes J. L.. The Dry Sea and the Carrenare // Modern Philology. 1905. Vol. III, pp. 1-46.

²⁰¹ Жемчуг добывали только в определенные сроки, не превышающие два месяца, в послании же этот срок предстает как время погружения в воду. Возникает вопрос: перед нами нелепая ошибка или ироничное искажение известных фактов. Я склоняюсь к последнему предположению.

царь Великой Индии и не стремится к этому). Тогда как походы монголов направлены к пределам обитаемого мира. В этом плане интересно сравнить географическую композицию романа с древнетюркской надписью, в которой от лица кагана рассказывается о походах в четыре конца света. В отличие от нашего сюжета, в надписи несколько раз звучит фраза о том, что каган со своим войском немного *не дошел* до того или иного предела. Любопытно, что одной из таких стран является Тибет. «Вперед <т. е. на восток> я прошел с войском вплоть до Шантунгской равнины, немного не дошел до моря; направо <т. е. на юг> я прошел с войском вплоть до „десяти эрсенов“, немного не дошел до Тибета; назад <т. е. на запад>, переправясь через реку Иенчу <Жемчужную>, я прошел с войском вплоть до Темир-капыга <Железных ворот>, налево <т. е. на север> я прошел с войском вплоть до страны Йир-Байырку, – вплоть до столь <многих> стран я водил <свои войска>». ²⁰²

В древнейшей версии сказания об Огузе (по уйгурской рукописи XV в.) имеются сведения о походах Огуз-кагана в сторону Индии, Кашгара, Сирии и Египта. Войско Огуза следует за волком, легендарным прародителем древних тюрков. Похожую историю о тюрках передает Михаил Сириец (XII в.), который использовал ранние сочинения таких авторов, как Иоанн Эфесский (VI в.), Яков Эдесский (VII в.), Дионисий Теллмахрский (IX в.): «Сообщают о них, что когда они двигались и шли с востока на запад, они увидели род зверя, подобного собаке. Он шел впереди них. И они не знали, что это и откуда он происходит. Они не могли приблизиться к нему. Когда наступало время идти, он звал их на их языке, говоря: „Вставайте“. И они вставали и шли за ним туда, куда он шел. И пока он шел и они шли за ним, и в ту сторону, в которую он шел, они за ним следовали. А когда он останавливался, и они располагались, пока не достигли областей, в которых воцарились. Так как этот проводник не показывался им вновь, они не вышли оттуда». ²⁰³ Волк выступает в роли волшебного помощника. По словам В. Проппа, в мифе помощник может рассматриваться как персонифицированная способность героя: «Герой, превращенный в животное, – древнее героя, получающего животное. Герой и его помощник есть функционально одно лицо. Герой-животное преобразовался в героя плюс животное». ²⁰⁴ Имя *Огуз* означает «бык». Получается следующая ситуация: «волк» ведет «быка». В мифах образ волка архаичнее образа быка. Эти персонажи отражают разные стадии формирования мифа: охотничью и кочевническую. В сведениях Михаила Сирийца фигурирует зверь, подобный собаке (а героя по имени Огуз еще нет). Уйгурская версия сказания об Огузе является литературным вариантом мифа, когда уже утрачены первичные связи. Для нас же важно отметить следующее обстоятельство: у Огуза во время дальних странствий был проводник: «Затем двинулся с <сиво>власым, сивогривым волком в сторону Индии, ²⁰⁵ Тибета ²⁰⁶ и Сирии. ²⁰⁷ После многих сражений и схваток захватил их, присоединил к

²⁰² Цит. по: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 34. См. также: Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках // ТС. 1977. М., 1981. С. 122.

²⁰³ Михаил Сириец, с. 50-51. См. также: Гусейнов Р. А. Сирийские источники о верованиях и обычаях огузов VII – XII вв. // Византийские этюды. Тбилиси, 1978.

²⁰⁴ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986. С. 167.

²⁰⁵ В оригинале *Снду*= Индия (?), прим. пер.

²⁰⁶ В оригинале *Тангут*. У Махмуда Кашгарского *тангут* – название «племени из тюрков, живущих вблизи Китая и утверждающих, что они происходят от арабов». Примечательны также сведения Фахр ад-Дина Мубаракшаха Марварруди: «В Туркестане есть область, которую называют Тангут. Всякий, кто привозит туда один харвар хлопчатобумажной ткани, вывозит оттуда один харвар серебра; половину он отдает хану; без разрешения тюркского хана никто не может туда отправиться», цит. по: Умняков И. «История» Фахрэддина Мубаракшаха // ВДИ. 1938.

своим владениям, одолел, подавил. Пусть не будет обойдено и да станет известно, что в стороне ясного неба <т. е., на юге> располагается страна, называемая Барака. Очень богатые владения, жаркая-жаркая земля. Много было на ней кийиков, много птиц, много золота, много серебра и драгоценных вещей. Лица жителей черные-пречерные. Правителем этой земли был каган по имени Масар.²⁰⁸ На него двинулся Огуз-каган. Такое жестокое было сражение. Огуз-каган победил. Масар-каган бежал. Огуз разбил его, захватил владения, ушел. Его друзья обрели много радости, врагам много выпало печали. Огуз победил его, захватил бесчисленные богатства, табуны; к дому потянуло его, в свои владения, <и он> отправился».²⁰⁹

Огуз-каган распространяет свою власть от Ледяной Горы (Муз Таг)²¹⁰ на севере до Индии на юге и на страну Барака, где обитают чернокожие. Примерно такова же география походов Чингис-хана и его сыновей: от северных границ земли у моря-океана, где обитают быченогие и песьелицые существа, до Великой Индии на юге, черных эфиопов Малой Индии и восточных пределов земли «людей солнца». И то, и другое описание вполне сопоставимо с географией походов Искандера:

«Абиссиния имеет на себе клеймо покорности ему,
Зинджи облеклись в черные одежды, стеная от него.
Когда покончил он с разграблением Фура,
Опоясался он в ненависти к фагфурцам <китайцам>»
(*Низами*, с. 251).

По мнению И. Маркварта, в уйгурском варианте легенды об Огуз-кагане в форме древнего предания тюрков содержится обозрение завоеваний Чингис-хана.²¹¹ Ближе к истине, кажется, попытка Риза-Нура отождествить Огуза с Александром Македонским.²¹² Касаясь вопроса о времени и месте создания уйгурской версии Огуз-наме, Пелльо пишет, что рукопись Шефера представляет собой текст, первоначально записанный в Турфане около 1300 г. и затем в XV в. измененный в местности, населенной киргизами. Составитель, по его мнению, был, по меньшей мере, двуязычен и обладал большим практическим знанием монгольского языка. Возможно, он являлся одним из сотрудников переводческого приказа в Пекине.²¹³

Обратим также внимание на то, как в официальных источниках представлен размах походов во времена правления Угедея, наследовавшего империю Чингис-хана: «После него <Чингис-хана> Угедей-каан, совместно со своим братом Тулуй-ханом, захватил полностью страну Хитай. Совместно с племянниками по брату они захватили

№ 1. С. 111. У Пелльо Тангут – провинция Ганьсу. В некоторых тюркских источниках Тангутом назывался Тибет. Прим. пер.

²⁰⁷ В оригинале *Шагам* = *Шам* (Сирия) (прим. пер., с. 97).

²⁰⁸ В оригинале *Масар* ~ *Мѣсѣр* = *Мѣсп* (Египет) (прим. пер., с. 95).

²⁰⁹ *Щербак А. М.* Огуз-наме. Мухаббат-наме. Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959. С. 54-56.

²¹⁰ Образ горы Мустаг имеет важное значение в шаманской мифологии алтайских народов. Так, по представлениям шорцев «хозяин» самой высокой и красивой горы Пустаг (Мустаг – Ледяной горы) одновременно выступал и главным духом, помощником шамана, см.: *Хлопина И. Д.* Из мифологии и традиционных религиозных верований шорцев (по полевым материалам 1927 г.) // *Этнография народов Алтая и Западной Сибири.* Новосибирск, 1978. С. 80.

²¹¹ *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen. Berlin, 1914, s. 142.

²¹² *Risa-Nour.* Oughouz-name (Épopée turque). Alexandrie, 1928, p. 6.

²¹³ *Щербак А. М.* Огуз-наме, с. 107.

области келаров <венгров>, башкиров, булар, Дешт-и Кипчак, урусов <русских>, черкесов и асов <осетин> до крайнего севера, а с южной стороны, до пределов Хабеша <Абиссинии>. Точно так же они захватили область Сулангэ <Корею>. <...> И до настоящего времени по-прежнему из года в год и изо дня в день уруг и потомки Чингиз-хана подчиняют себе области, находящиеся в районах их владений. Подобные великие деяния удавались и удаются <им> благодаря влиянию счастья Чингиз-хана и его уруга» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 67-68).

Согласимся, что Рашид ад-Дин рисует захватывающую картину завоеваний. В скрытом виде она намекает на то, что монгольским ханам удалось превзойти в своих стремлениях легендарного Искандера. Подобные формулы официальных историографов²¹⁴ (о покорении земель мира от крайнего севера до пределов юга) не могли не оказать влияние на рождение сюжета о походах монголов в три части света, где также фигурируют северные и южные границы мира и упоминаются черные эфиопы, однако, с той существенной разницей, что в романе размах походов доводится до абсолютного предела.

§ 5. Легендарный поход Джучи-хана.

Большинство исследователей в описании походов Джучи-хана видят отражение реальных событий, хотя и указывают на некоторую «путаницу» в изложении брата Иоанна.²¹⁵ Поэтому обратимся к этой проблеме еще раз и рассмотрим ее в контексте параллельных персидских, арабских и грузинских известий. Согласно версии брата Иоанна, Чингис-хан послал войско Джучи против команов; Джучи, победив команов, вернулся в свою землю. Сравним эти сведения с повествованием о Джучи-хане в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина: «<...> Джучи-хан по приказу Чингис-хана постоянно находился в походах и завоевал и покорил много областей и городов. <...> Еще» раньше Чингис-хан приказал, чтобы Джучи выступил в поход и покорил *северные* страны, как то: Келар, Башгирд, Урус, Черкес, Дашт-и Кипчак и другие области тех краев. Когда же он уклонился от участия в этом деле и отправился к своим жилищам, то Чингис-хан, крайне рассердившись, сказал: „Я его казню“» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 78-79). В другом месте уже о сыне Джучи, Бату-хане, сообщается: «Так как Джучи уклонился от выполнения ранее вышедшего постановления Чингис-хана отправиться ему с войском и захватить все северные области, как то: Ибир²¹⁶-Сибир, Булар, Дашт-и Кипчак, Башгирд, Рус и Черкес до Дербента Хазарского, который монголы называют Тимур-кахалка, и включить их в свои владения, то, когда Угедей-каан воссел на царство, он повелел Бату <это сделать> таким же порядком. <...> Все собрались вокруг Бату и занялись завоеванием северных стран» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 71-72).

Об этом же самом распоряжении Угедея Бату-хану сообщается и в донесении брата Бенедикта.²¹⁷ Итак, согласно официальной истории, Джучи-хан с команам не воевал. Становится ясным, что «путаница», отмеченная исследователями в изложении брата Иоанна, заключается в том, что часть походов времени Бату приписывается

²¹⁴ Ср.: Kotwicz W. L. Les Mongols, promoteurs de l'idée de paix universelle au début du XIIIe siècle // RO. 1950. 16, ss. 428-439.

²¹⁵ Risch, s. 122; Painter, pp. 44-47; Daffinà, pp. 434-436.

²¹⁶ По мнению Менгеса, в данном случае Ибир = Ἰβηρία, т. е. Грузия, см.: Менгес К. Г. Восточные элементы, с. 196.

²¹⁷ «А Бати выступил затем, <будучи> на Руси, против Билеров, то есть Великой Булгарии, и мордванов, и, захватив их, включил их в свое войско. Затем он двинулся оттуда против Польши и Венгрии и, разделив войско на границах <этих> земель, послал против Польши десять тысяч воинов со своим братом Орду» (НТ, 27).

Джучи.²¹⁸ В романе многолетняя легендарная экспедиция Джучи – ни что иное, как сублимированный итог монгольских завоеваний в северо-западном направлении. Однако это предположение проблему до конца не решает. Ни Джучи-хан, ни его сын Бату в битве на Калке не участвовали. На заднем плане исследуемого сюжета угадывается какое-то яркое событие, всколыхнувшее всю Евразию. Масштаб этого события должен был поразить воображение современников. И такой факт существует. Косвенное указание на него содержится в «Истории Тартар». Согласно этой версии, Джучи, исполняя волю отца, во-первых, покорил «Туркмен, во-вторых – береземитов, затем – кангитов, <и> наконец они вторглись в землю Купскас, то есть Команию», которые хоть и объединились с русскими князьями, но были разбиты на реке Калке. Далее говорится о возвращении монголов в свою землю северным путем.

Покорение туркмен, мусульман Хорезма и кангитов (канглы) относится к военной кампании против государства хорезмшаха, которую возглавлял сам Чингис-хан, поход против кипчаков, завершившийся битвой на Калке, возглавлял полководец Субедей. О каких-то самостоятельных заслугах Джучи не может быть и речи. Даффина справедливо отмечает роль Субедея в этой кампании, однако, далее он заявляет нечто совершенно неприемлемое: по мнению Даффина брат Иоанн отнес этот поход к деяниям Джучи.²¹⁹ Брат Иоанн, равно как и брат Бенедикт, не занимались сочинением монгольской истории, а лишь зафиксировали то, что им сообщалось. Прежде, чем назвать событие, давшее импульс легенде о трех монгольских армиях, устремившихся на покорение мира, напомним панораму событий, какой она предстает в романе.

В романе излагается широко распространенная легенда о том, как Чингис-хан разделит свое войско на три части. Она известна как западноевропейским, так армянским авторам XIII века. Каково истинное происхождение этих сведений, сказать трудно, хотя армянский автор утверждает, что слышал их от самих татар. Подобно тому как войско Джучи покоряет мифические пространства северных пустынь, второе – покоряет южные пределы мира. Первое войско, во главе с самим Чингис-ханом, достигает края земли, где восходит солнце. Сюжеты о походах первого и второго войска созданы под прямым влиянием восточных Александрий и являются инверсией легендарных приключений Искандера в мифических странах. Сложнее обстоит дело со сведениями о третьем походе – на команов, в которых Пейнтер усматривал новые известия, полученные францисканцами непосредственно от монголов.²²⁰ Столь прямолинейный подход к вымышленным сведениям приводит к двум результатам: либо, следуя за Пейнтером, нужно признать уникальность сообщения, полученного францисканцем из «первых рук» в ставке Бату, либо, вслед за Ришаром, признать этот пример неясным с исторической точки зрения. Есть и третий вариант: попытаться понять способ конструирования сюжетов романа.

§ 6. Охват мира.

Вероятнее всего, в «Романе о Чингис-хане» отразились слухи о разведывательных походах, два из которых были поразительны по своим масштабам. Однако память об этих событиях послужила лишь первоначальным импульсом для рассматриваемого

²¹⁸ То же самое отмечает и Пейнтер, однако это не помешало ему выдвинуть слишком смелую и ничем, кроме текста в НТ, не подтвержденную гипотезу: «военные экспедиции Джучи, Субедея и Джебе предстают как неразрывные части двойного охвата, осуществленного по приказанию Чингиз-хана и под верховным командованием Джучи. Эти гигантские клещи должны были сомкнуться у берегов Волги» (*Painter*, p. 46).

²¹⁹ *Daffinà*, p. 435.

²²⁰ Пейнтер приходит к выводу, что «несмотря на путаницу и преувеличения, НТ проливает новый свет на историю Джучи и в этом ее самый важный вклад в историческое знание» (*Painter*, p. 46).

сюжета, и далее в романе они описываются через призму легенды. Хорошо известна монгольская стратегия высылки отрядов, иногда совершавших длительные далекие походы по тылам противника.²²¹ Такой разведкой явился поход Джебе-нойона и Субедей-бахатура через Иран²²² и Кавказ в южнорусские степи, завершившийся битвой на Калке, и поход дзалаира Бала-нойона на Пенджаб, в труднодоступные горные области на севере Индии в 1222 г.²²³ Естественно, что таким отрядам часто приходилось вступать в бой. То, что тибетские, персидские и древнерусские летописи называют монгольским нашествием, было на самом деле походами разведовательных отрядов. В изложении Рашид ад-Дина события выглядели так: согласно приказу Чингиз-хана войско Субедея двинулось на запад, они «взяли много городов Персидского Ирака; учинив убийства и грабежи, они пошли оттуда в область Грузии и Тифлис. Грузины собрались в большом количестве и вышли на войну. Джебе послал против них Субедея с войском, а сам с пятью тысячами бахадуров сел в засаду. Субедей нарочно бежал, и грузины пустились его преследовать. <Тогда> Джебе вышел из засады, зайдя с фланга, и всех уничтожил. Обычный прием их <монголов> в большинстве сражений был таков. Оттуда он повернул назад и вышел через Тимур-Кахалга <Железные Ворота>. Жители Дербента поднесли <монголам> провиант и подчинились. <Монголы> прошли оттуда, направившись в страну русов. В пути они повсеместно чинили избиения и грабежи. *Они с Чингиз-ханом постановили, что покончат эти дела в течение трех лет, <а в действительности> в два с половиной года пришли к удовлетворительному концу*» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 1. С. 194-195).

Мы можем лишь предположить, что два разведовательных похода, в которых Чингис-хан лично не участвовал, превращаются в романе в походы армий, посланных против «команов» и «Индии». О том, какое впечатление произвел поход Джебе-нойона и Субедей-бахатура на современников имеется свидетельство ан-Насави, секретаря султана Джелал ад-Дина: «<Люди> стали свидетелями таких бедствий, о каких не слыхали в древние века, во времена исчезнувших государств. Слыхано ли, чтобы <какая-то> орда выступила из мест восхода солнца, прошла по земле вплоть до Баб ал-Аббаба <Дербент>, а оттуда перебралась в Страну кыпчаков, совершила на ее племена яростный набег и орудовала мечами наудачу? Не успевала она ступить на какую-нибудь землю, как разоряла ее, а захватив какой-нибудь город, разрушала его. Затем, после такого кругового похода, она возвратилась к своему повелителю через Хорезм невинной и с добычей, погубив при этом пашни страны и приплод скота и поставив ее население под острия мечей. И все это менее чем за два года! Поистине, „земля принадлежит Аллаху: Он дает ее в наследие, кому пожелает из Своих рабов“²²⁴» (ан-Насави, с. 84).

Слухи об этом событии вошли и в сочинение Фомы Сплитского. Особенно любопытно звучит фраза о длительном пребывании монголов в северных странах. Так воспринималась западными авторами «пауза» между первым появлением монголов (битва на Калке в 1222 г.) и последующим в 1239 – 1241 гг.

²²¹ Sinor D. On Mongol Strategy // Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference, ed. Ch'en Chien-hsien. Tainan, Taiwan, 1975, p. 238-249.

²²² Сирийский автор XIII в. Абу-л-Фарадж бар-Эбрей писал в своей «Всеобщей истории»: «В том же году не только от франков <крестоносцев>, которые вышли с запада, пришла опасность для тайаие <арабов>. Она шла больше от татар <tataraje>, которые стремительно прошли с востока и дошли вплоть до Хамадана, Азербайджана и Арана; по всей Персии распространился ужас», цит. по: Гусейнов Р. А. Сирийские источники XII – XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 75.

²²³ Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XIII – XIV вв. // Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 336-337.

²²⁴ Коран. VII, 125 (128).

«Тому уже было много лет, как слух об этом народе и ужас перед ним распространились по всему свету. Они прошли от восточных стран до границ рутенов, разоряя земли, которые они пересекали. Но благодаря сильному сопротивлению рутенов они не смогли продвинуться дальше; действительно, у них было множество сражений с народами рутенов и много крови было пролито с той и другой стороны, но они были далеко отогнаны рутенами. Поэтому, свернув в сторону, они с боями прошли по всем северным землям и оставались там двадцать лет, если не дольше» (*Фома Сплитский. XXXVI*).

А вот как отразилось это событие в грузинской летописи «Картлис цховреба»: Субедей и Джебе, отправленные в погоню за хорезмшахом, «прошли Туран, Джеон, Хорасан, Ирак, Адарбадаган и достигли Гандзы. И никто не противостоял <им>. Кто бы где ни явился – побеждали всех. <... достигнув Грузии, монголы> повернули обратно и содеяли нечто дивное: пошли по дороге Дарубандской <Дербендский путь>, и потому как не смогли противостоять им ни ширваншах, ни дарубандцы, прошли врата Дарубандские и вступили в Кивчакию и навязали <здешнему населению> бой, и во многих местах бились с ними кивчаки, но повсюду одолели татары и так с боями удалились. И, как я уже говорил, без доспехов²²⁵ и на некованых лошадях, проделав подобный путь, пройдя Кивчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали пред царем своим Чингиз-каеном. И поступили они столь необычно – прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованых лошадях вновь в него же вернулись».²²⁶

Отмеченная грузинским анонимом реальная подробность – отсутствие подков у монгольских лошадей – обыгрывается в романе в эпизоде с магнитной горой, внушившей ужас монголам тем, что она притянула подковы их лошадей (см. главу 4*). Теперь, не остается почти никаких сомнений, что именно этот поход нашел отражение в маршруте третьего войска, где так же названы битвы с туркменами, бисерминами, кипчаками, сражение на Калке и возвращение в свою землю северным путем (который приводит их к удивительным народам). И реальный и легендарный походы представлены в источниках не нашествиями, а многолетними экспедициями, которые завершаются возвращением монголов в центр империи. Большинство сюжетов романа балансируют на грани реальности и вымысла, что и мешало их распознаванию. Техника создания этого сюжета заключалась в сопряжении известного события со сведениями из легендарной географии Азии. Именно поэтому дальнейший маршрут третьего войска словно соскальзывает в мифологическую плоскость: монголы устремляются к северным границам мира и достигают областей, населенных быченогими и песьелицами людьми. Автор романа создает псевдоисторию монгольских завоеваний, перенося основное действие к границам вымышленной империи.

§ 7. Происхождение легенды.

О том, что легенда о разделе монгольского войска на три части имела широкое хождение по всей Евразии, свидетельствует памятная запись из армянской рукописи 1248 г.: «Как мы сами слышали от них же, предки татар вышли из страны Туркестан <...>. Их единовержцы собрались по их команде, выбрали себе вожда, которого называли ханом. Их разделили на три части: одна часть двинулась в сторону Индии, вторая – в

²²⁵ Ранее аноним сообщает о двенадцати тысячах всадников «без доспехов и провианта, но только с луками и без мечей». Под отсутствием провианта, видимо, следует понимать одну из характерных особенностей кочевой культуры, а именно, употребление в экстремальных условиях в пищу «живой» крови лошадей.

²²⁶ Цит. по: *Цулая Г. В.* Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // *Летописи и хроники.* 1980. М., 1981. С. 119-120.

Северные пустыни, а на долю третьей части досталась Персия, через которую они прошли к нам <в Армению>. Говорят, их военачальников было трое» (Армянские источники о монголах, с. 46).

Как мы помним, легендарный поход Джучи-хана против команов, завершился вторжением в «северные пустыни», где обитали дикие народы, быченогие и песьелищные существа. Второе войско было отправлено против Малой и Великой Индии. В памятной армянской записи, где упомянуты Индия и Северные пустыни, также слышится намек на легендарную историю ранних монгольских походов. Реальные походы на Запад в армянском известии 1248 г. вообще не упоминаются. Другой армянский автор, Стефан Ключинский, писал в конце XIII в.: «Монголы разделились на три орды: одна под начальством Бату-хана направилась на северо-восток в землю хазаров, сутанов <жителей Судака?>, русских, черкесов, болгар и покорила их до пределов Аллеманов и Венгров, называемых Франками; другая, под предводительством Окатай-хана, потянулась к Индии, покорила большую часть индийцев, подчинила уйгуров, угузов, ховарезмийцев, делемитов, взяла Аламалек, Бешпалек и все прилежащие к ним страны. Третья направила свой путь в средиземные страны, прошла через реку Джахань и воды называемые ими Аму-муран. Подобно бурному потоку монголы устремились на нашу страну, подчинили себе всю вселенную; растоптали, низвергли все царства, взяли Хорасан, разрушили его главные города: Балх, Рей, Мерв, Нишапур, Тус, Дамган; покорили Хузистан, Луристан, Персию, Курдистан, Аравию, Диарбекир, Ассирию, города Шуштар, Кирман, Багдад, Бафу, до Ормуза и индийского моря. Далее завоевали Атерпатакан, Аран, Армению, Иверию и греческие земли до Анкюры, Гангры и Смирны, Киликию до Средиземного моря и страны до города Трапезунда у Понта, Чама <Сирию>».²²⁷

Легенда о разделении монгольского войска на три части по количеству сыновей была известна архиепископу Петру. Отвечая на вопрос Лионского собора 1245 г. о происхождении и деяниях татар, Петр ответил: первого их предводителя звали Татаркан, от него произошел Чиркам, имевший троих сыновей.

«По смерти же отца трое братьев отделились друг от друга. И в течение долгого времени, став пастухами стад, которые захватывали, всех соседних <им> пастухов или убили, победив, или себе покорили. Итак, став многочисленными и более сильными, избирая из своего числа вождей, они стремительно нападали на самые отдаленные места и покоряли себе города, побеждая их жителей. Тесиркан пошел против вавилонян, Чурикан – против тюрков, Бататаркан остался в Орнаке и послал вождей своих против России, Польши и Венгрии и многих других королевств. И эти трое со своими многочисленнейшими полчищами замышляют напасть на соседние части Сирии» (*Матфей Парижский*, с. 151).

В этих сведениях, как и в армянском известии 1248 г. фигурируют Персия (вавилоняне) и северные народы (тюрки), а также сообщается о западных походах. Имеются исторические описания интересующих нас событий, причем без малейшего намека на легендарный контекст. Согласно грузинской летописи XIV в. «Картлис цховреба», Чингис-хан разделил монгольское войско на *четыре* части и наделил каждого из четырех сыновей владениями в завоеванных странах.

«И поделил <Чингис-хан> на четыре <части> армию свою и определил четырех сыновей ханами: - первородному вручил половину воинства и отправил в Великую Кивчакию до <страны> Мрака, Осетию, Хазарию, Русь до боргаров и сербов, ко всем жителям Северного Кавказа <...>; - второму же сыну - Чагата - отпустил воинов и страну

²²⁷ Цит. по: История князей Орбелян. Известия из сочинений Стефана Сюнийского, армянского писателя XIII в. / Перевел с арм. Х. Иоаннесов. М., 1883. С. 24-25.

уйгуров до Самарканда и Бухару до страны Алмотской <Аламут - горная крепость исмаилитов в Иране>; это, кажется, Туран; - третьему сыну - Окота <Угедю> - дал, собственно, престол свой, а также Каракурум, Чин-Мачин, страны Эмелийскую, Кутакскую и Хатаети; - четвертого сына звали Тули; ему он выделил армию и земли к востоку <от владений> Окота. Сих четырех определил ханами и уведомил раз в году братьям старшим являться к Окоте для созыва курултая, так как престол был отдан Окоте».²²⁸

Старший сын отправлен в Великую Кипчакию до страны Мрака, т. е. крайних пределов севера. Эта же самая формула, только в «развернутом» виде, представлена в романе. В остальных известиях грузинской летописи не содержится каких-либо легендарных сведений, и вообще не говорится о походах. Грузинский источник близок к официальной монгольской версии о разделе империи Чингис-хана между четырьмя его наследниками. Тогда как «Роман о Чингис-хане» строится на отрицании знаков и символов империи и инверсии официальных легенд.

Осталось ответить на последний вопрос: чем обусловлено то или иное направление походов Чингис-хана и его сыновей? В древних культурах Сибири и Центральной Азии широко представлена горизонтальная космологическая модель мира, в виде четырехугольного плоского пространства.²²⁹ Из четырех возможных направлений выбраны три стороны света по числу армий, что, как мы уже выяснили, обусловлено традиционным разделением войска на правое, левое крыло и центр.

Пока остается неясным, почему для Чингис-хана выбрано направление на восток (северо-восток). И каким образом это соотносится с неосвоенными и подчеркнуто враждебными мирами, чьи мифические границы пересекает войско Чингис-хана. Можно предложить следующее объяснение. Образ Искандера, великого покорителя мира, не давал покоя восточным государям. После победы над кара-хитами в 1210 г. хорезмшах Мухаммад присвоил себе имя *Султан Искандар ас-Сани* («Султан Александр <Македонский> Второй».²³⁰ Хорезмшах, достигнув вершин власти и величия, уже не мог сравнить себя по величию ни с кем, кроме как с легендарным Искандером. Поэтому он ввел при дворе новую церемонию и установил *наубу Зул-Карнайна*, которую исполняли во время восхода и заката солнца. *Науба* – музыкальный салют, отбиваемый на ударных инструментах военными музыкантами в честь правителя. По словам ан-Насави, «эту *наубу* исполняли во время восхода и заката солнца. Для нее использовали двадцать семь золотых литавр, палочки которых были унизаны различными самоцветами <...>». В первый же день, избранный для того, чтобы она была исполнена, он ради своего величия повелел сделать это двадцати семи государям из числа наиболее значительных владетелей и сыновей султанов».²³¹ В арабской литературе Зул-Карнайн, букв. 'Двурогий', было именем Александра Македонского.²³² Согласно ал-Бируни, «это прозвище объясняли тем, что Александр достиг „рогов“ Солнца, то есть мест, где Солнце всходит и заходит <...>».²³³ То же самое сообщает Низами: «Искусный писатель в сказанье об Искандере изобразил так, что двурогим его потому называли, что он прошел

²²⁸ Цит. по: Цулая Г. В. Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции, с. 126.

²²⁹ Ср.: Кляшторный С. Г. Мифологические сюжеты в древнетюркских памятниках, с. 122.

²³⁰ ан-Насави, с. 302.

²³¹ ан-Насави, с. 60-61.

²³² Остроумов Н. Искандар Зул-карнайн (В каком смысле Александр Македонский называется у мусульман Зул-карнайном, т. е. двурогим?) // Среднеазиатский вестник. Ташкент, 1896. Сентябрь.

²³³ Ал-Бируни. Памятники минувших поколений. Т. I. С. 50; Ср. со сведениями Корана (18. 88 - 92), подробнее см. в главе 5.*

по Востоку и Западу». ²³⁴ Автор IX в. ал-Хаким пишет: «Зул-Карнайн был мусульманином, владыкой, которому покорились, которого почитали все цари. Он достиг места захода солнца и места его восхода, стремясь к знанию у мудреца-наставника». ²³⁵

В этом контексте, поход Чингис-хана на восток, когда он достигает земли «людей солнца», но, не выдержав ужасающего шума восходящего светила и проиграв сражение, возвращается ни с чем, представляется зеркальным развитием темы Зул-Карнайна, покорителя горизонтов. Напомним официальную формулу, прославляющую подвиги Чингис-хана: «покорил мир от восхода солнца до захода» (Urquqı naran-ağa singgeküi naran kürtele). ²³⁶ В письме великого хана Гуюка Иннокентию IV сказано: «Силою Бога все земли, начиная от тех, где восходит солнце, и, кончая теми, где заходит, пожалованы нам». Переводчиками такие формулы могли восприниматься как вызов и предмет для игры. По замыслу автора романа, Чингис-хан стремится повторить деяние Искандера, и поэтому, отправившись на восток, достигает мест восхода солнца. На первый взгляд кажется, что фигура легендарного Чингис-хана ни в чем не уступает своему прообразу. За исключением одной детали, которой придается перевернутый характер, что, в конечном счете, меняет смысл всего эпизода. Армия Чингис-хана не выдерживает шума солнца, тогда как Искандер, опираясь на совет мудреца, находит выход из трудной ситуации. Как правило, автор романа в заимствованных сюжетах подвергает инверсии ключевые эпизоды.

§ 8. Армии Угедей-хана. Продолжение экспансии.

Прежде, чем поставить точку в рассмотренном сюжете, приведем в качестве сравнительного материала сведения Киракоса Гандзакеци о том, как наследник трона, хан Угедей разделяет свои войска на три части. Киракос излагает эпическую версию престолонаследия. В ней нет и намека на те удивительные эпизоды, из которых соткана ткань «Романа о Чингис-хане». Важно, что в этих сведениях, также как и в донесениях францисканцев об Угедее, нет ничего необъяснимого.

«В стране, <находящейся> на дальнем северо-востоке, которую они на варварском языке своем называют Каракорум, на границе Гатия <Chatau, Китай>, среди множества неведомых и неисчислимых варварских племен, проживающих там, жило племя, называемое татарами, во главе царей которых стоял <человек> по имени Чингис-хан. Пришло время ему умирать. Но еще до кончины он созвал к себе все войско и трех сыновей своих и сказал, <обращаясь> к войску: „Вот я умираю. Одного из сыновей моих, присутствующих здесь, по своему желанию выберите себе царем вместо меня“. И они ответили: „Кого ты сейчас соблаговолишь выбрать, тот и будет нашим царем, тому и будем мы верою служить“. Тогда сказал им <Чингис-хан>: „Я расскажу о нраве и делах всех трех сыновей своих. Старший сын мой – Чагатай – муж воинственный, любит войско, но по природе горд и достоин большего, чем доля, выпавшая ему. А второй мой сын тоже победоносен в бою, но скуп по натуре. Младший же сын мой одарен еще с

²³⁴ Низами, с. 386.

²³⁵ ‘Абд ар-Рахмани ибн ‘Абд ал-Хаким. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., предисл. и прим. С. Б. Певзнера. М., 1985. С. 58; см. также: Anderson A. R. The Arabic History of Dulcarnain and the Ethiopian History of Alexander // Speculum. 1931. № 6, pp. 434-445; Древнерусскому автору «Повести временных лет» также известна эта легендарная история: «Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета <...>», цит. по: ПЛДР. XI – начало XII в. Л., 1978. С. 245. Эпизод заимствован из сочинения Псевдо-Мефодия, см.: Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997. С. 24.

²³⁶ «Сокровенное сказание», с. 69.

детства, богато наделен милостями, щедр на руку. С того дня, как он родился, слава и величие мои росли день ото дня. Ну вот, я сказал вам всю правду, поклоняйтесь же тому из них троих, кому пожелаете.²³⁷ И <татары> подошли и поклонились младшему, чье имя было Окта-хакан <Угедей>; отец возложил на него корону²³⁸ и умер. А он, как только получил царскую власть, собрал большое войско, неисчислимое по величине, подобно песку морскому, из своего собственного племени, которое называлось мугал-татарами, из хазар, из гуннов, из гатийцев, из анкитанов и множества других варварских племен, <явившихся> с имуществом своим и станом, женами, детьми и кибитками. Он разделил их на три части:²³⁹ одну послал на юг, назначив главным распорядителем одного из своих верных и любимых <людей>; другую – на запад, а вместе с ними и сына своего, <этих он послал также> и на север; третью он послал на северо-восток, назначив над ними одного из вельмож своих, по имени Чармагун,²⁴⁰ мужа мыслящего и мудрого, удачливого в военном деле, поручив им разорять и разрушать все страны и царства по всей вселенной и не возвращаться к нему, пока не захватят весь мир и не подчинят его своей власти. А сам он остался в той стране, не заботясь ни о чем, предавшись еде и питью, удовольствиям и строительству» (*Киракос Гандзакец*, с. 152-153).

Эти события относятся к 1229 г. и подробно описаны в «Сокровенном сказании» (§ 270). Другой армянский автор, Стефан Орбелиани, митрополит Сюнийский, писавший в конце XIII в., рассказывает о событиях времени правления Угедея следующую историю.

«Они разделились на три армии: первая направилась на северо-восток в страну хазаров, сутагов, русских, черкесов, болгар и забрала земли до пределов Алеманов и Унгаров, т. е. Франков. Во главе этой армии стоял Бату-хан. Другая армия, под предводительством Огота-хана, пошла по направлению к Индии, и покорила большую часть ее. Татары этого отряда подчинили себе уйгуров, угузов, хоразмийцев, дилемиков, взяли Алмалех, Бешбалех и все земли, находившиеся в тех странах. Наконец третья армия, приняв направление посреди их, перешла великую реку Джаган, которую они на своем языке называют Аму-Моран. Войска этого отряда, подобно бурному вихрю, вторглись в страну нашу, в короткое время подчинили себе всю вселенную, попрали и опустошили все царства» (История монголов, с. 32).

²³⁷ Ср. с повествованием Рашид ад-Дина, который вкладывает в уста Чингис-хана следующие слова: «Дело престола и царства – дело трудное, пусть <им> ведает Угедей, а всем, что составляет юрт, дом, имущество, казну и войско, которые я собрал, – пусть ведает Тулуй. <...> У кого есть заветное желание, пусть присоединиться к Джучи, а кто хочет хорошо знать ясу, правила, закон и билики, пусть идет к Чагатаю; у кого есть склонность к великодушию и щедрости и кто желает благ и богатства, <тот> пусть ищет близости с Угедеем, кто же будет стремиться к доблести и славе, к военным подвигам, завоеванию царств и покорению мира, <тот> пусть состоит на службе у Тулуй-хана» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 8).

²³⁸ Возможно, что речь идет о наставлении о Великой шапке. Ср. В позднем апокрифическом сочинении под названием «Автобиография Тимура» утверждается, что в молодости Тимур получил благословение почтенного шейха, который вручил ему пояс, шапку и коралловое кольцо. Все три предмета являются магическими символами передачи власти, см.: *Панов В. А.* Автобиография Тимура. Богатырские сказания о Чингис-хане и Аксак-Темире / Пер., вст. ст., коммент. М., 1934. С. 54; О связи божественного дара, свидетельствующего о необычном предназначении личности, наделяемой властью, и головным убором см. также: *Скрынникова Т. Д.* Сакральность правителя в представлениях монголов XIII в. // НАА. М., 1989. № 1.

²³⁹ О разделении войск Угедей-ханом: ср. со сведениями брата Иоанна (LT, V. 25. и далее).

²⁴⁰ Ср. со сведениями брата Иоанна (LT, V. 32).

В «Сокровенном сказании» и в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина²⁴¹ не акцентируется внимание на числе армий, но говорится о посылке войск в трех направлениях: против хорезмийского султана Джелал ад-Дина и вплоть до земель халифа; в сторону Кипчака, Саксина и Булгара. В 1231 г. Угедей лично возглавил поход на юг против государства Цзинь. Брат Иоанн и брат Бенедикт, Киракос Гандзакечи и Стефан Орбелиани говорят о трех войсках. Таким образом, можно полагать, что монгольские походы разных лет и в разных направлениях превращаются в поход трех армий, призванных покорить весь мир.

Сведения из донесения брата Бенедикта об Угедее, втором императоре монголов, не содержат фантастических элементов, хотя в них и путаются разные исторические события: «А Оккодай, будучи очень силен множеством <людей>, как ранее его отец организовал три <войска>. Над первым он назначил Бати, сына брата, и послал его на запад против церкви Божьей и всех областей запада. Он <Бати>, придя, покорил землю Альтисольдана²⁴² <великого султана> и землю бисерменов. Они были сарраценами, говорящими по-комански» (НТ, 24). «А второе войско, которое возглавлял Гирподан, пошло на юг, покорило землю, которая называется Киргиз. <...> Также он <Гирподан> завоевал Армению, также Георгианию, также Нубию, также Туркию, также Балдак, и многих других сарраценских султанов. Говорят, что он доньше сражается с султаном Дамаска. Третье же войско сражается с какими-то восточными <народами>, которые до сих пор не полностью подчинились власти тартар» (НТ, 31-32).

Такую же картину событий рисует и Рашид ад-Дин. Воссев на престол, Угедей-каан «назначил по всем границам и окраинам государства войска для охраны рубежей и областей. В Иранской земле еще не успокоились волнения и смуты, и султан Джелал ад-Дин все еще проявлял высокомерие. <Каан> отправил против него Джумаргун-нойона с несколькими эмирами и тридцатью тысячами всадников, а Кокошая и Субэдай-бахадур послал с таким же войском в сторону Кыпчака, Саксина и Булгара. В Хитай, Тибет, Солангэ, Джурджэ и их пределы отправил с войском в качестве передовой рати знатных нойонов, а сам со своим старшим братом Екэ-нойоном направился вслед за тем войском в сторону Хитая, который еще не покорился, и государь которого по-прежнему господствовал в тех пределах». Совпадение официальной версии событий с тем, что сообщает брат Бенедикт о походах времени Угедее, со всей очевидностью показывает, что францисканцы самым тщательным образом собирали сведения о монгольских императорах. С такой же тщательностью они записали и перевод «Романа о Чингисхане».

²⁴¹ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 67-68.

²⁴² Речь идет о султани Джелал ад-Дине Манкбурны. Объяснение термина *alti soldan* наталкивается на трудности, см.: Painter, p. 79. В частности, не ясно, что означает *alti. Soldan* – это арабский титул *sultan*; Ср. с древн.-русс. *салътанъ* в «Слове о полку Игореве»; визант.-греч. *Σπλδ αλφς* из араб. *sultan*, например, у Константина Багрянородного в «De administrando imperio» (гл. 29) и «De thematibus» (гл. 11) и другие примеры см. в кн.: Менгес К. Г. Восточные элементы, с. 128-129; Слово *султан* в транскрипции *soltan* зафиксировано в известном памятнике половецкого языка начала XIV в. «Codex Cumanicus», см.: Grönbech K. Komanisches Wörterbuch. København, 1942. S. 225. На протяжении средних веков слово *султан* употреблялось по меньшей мере в пяти значениях. Оно могло означать 'власть', 'государство', 'правитель', 'император', 'царевич', см.: Гафуров А. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. Словарь. М., 1987. С. 71-74; Бартольд В. В. Халиф и султан // Соч. Т. 6. С. 15-78.

§ 9. Итог.

Во всех рассмотренных примерах, включая сведения францисканцев, одна часть монгольского войска направляется в Индию, вторая – в северные пределы (имеются в виду земли кыпчаков). На этом сходство кончается. В известиях, близких к официальным легендам, отсутствует восточное направление походов. В романе же восточное направление является доминирующим, потому что этот путь выбран для Чингис-хана. Восток в романе – синоним «неосвоенных» пространств – это неизвестный мир хаоса, границы которого защищены божественными преградами. Чингис-хан стремится перейти эти границы и покорить природные стихии. И если легендарные походы его сыновей еще соприкасаются с культурными мирами, то маршруты Чингис-хана устремлены в фантастические пространства у пределов земли.

«Представь себе, что обитаемый мир находится в северной половине земли <или точнее> – в половине этой половины. Следовательно, обитаемый мир составляет одну четверть земли. Его окружает море, которое и на западе и на востоке называется Окружающим <ал-мухит>. Ту его часть, которая лежит на запад от их края, греки называют *укийанус* <океан>. Он отделяет этот обитаемый мир от всех тех материков или обитаемых островов, которые могут находиться за этим морем в обоих направлениях <то есть к западу и востоку>, потому что по нему невозможно плавать из-за темноты воздуха, громады воды, неверности дорог и огромного риска при полном отсутствии прибыли. Поэтому древние сделали на море и на его берегах знаки, запрещающие пускаться по нему в путь» (*ал-Бируни*. Индия, с. 195).

3.2. Адамант и магнитная гора

«Подобно тому, как возничий обводит колесницу вокруг меты, так Александр положил пределы своему государству там, где земля еще не стала непроходимой пустыней, а море еще судоходно» (*Юстин*. Эпитома сочинения Помпея Трога. XII. 10. 5).

§ 1. Сюжет.

Согласно версии перевода брата Иоанна войско Чингис-хана, приблизившись к Каспийским горам, дважды испытывает на себе силу непреодолимого барьера. Первое, с чем сталкиваются монголы, – необычный магнитный феномен. Гора из адаманта притягивает к себе оружие монголов.²⁴³ Шум летящего оружия воспринимается как вызов людьми, запертыми в Каспийских горах. В ответ на шум этот загадочный народ разрушает гору. Много лет спустя монгольское войско, возвращаясь из восточного похода к земле «людей солнца», вновь оказывается в этом месте. Казалось бы – преграда исчезла, поскольку гора разрушена запертым народом, но тут появляется облако, лишаящее зрения каждого, кто к нему приближается. Преодолеть Каспийские горы монголам не удастся. Мало кто из комментаторов решился прояснить суть этой загадочной истории, поскольку ее сюжет явно выходит за пределы узкоспециальных исследований биографии Чингис-хана. В версии, записанной братом Иоанном, сюжет выглядит так: «Чингис-хан также в то же время, когда распределил <по направлениям> другие войска, <сам> пошел экспедицией на восток через землю Кергис, <жителей> которой в войне не победил, и, как нам говорили, там же, достиг самих Каспийских гор. А горы те в той <их> части, к которой они приблизились, состоят из адамантова камня; поэтому <те горы> притянули <к себе> их стрелы и железное оружие. Люди, запертые посреди Каспийских гор, услышав, как полагают, шум войска, начали ломать гору. А вернувшись туда в другой раз, десять лет спустя, <тартары> нашли гору разрушенной. Но, когда тартары попытались приблизиться к ним, они совсем не могли <это сделать>, потому что перед ними лежало некое облако, перейти за которое они никаким образом не могли, потому что сразу совершенно теряли зрение, когда достигали его» (LT, V. 15).

В параллельном пассаже из донесения брата Бенедикта картина выглядит еще более впечатляюще. Кроме оружия, подробно перечислены предметы снаряжения и детали конского убранства, притянутые магнитной горой. Самым же удивительным предметом в этом списке являются конские подковы, летящие к горе. Общеизвестно, что монгольские лошади не нуждались в подковах. Ниже, мы не раз еще вернемся к этой детали. Итак, в «Истории Тартар» сообщается, что Чингис-хан шел через пустыню, в течение трех месяцев не встречая людей.

«А когда он почти дошел до Каспийских гор, где, говорят, Александром <Великим> заперты иудеи, которые себя именовали Гог и Магог, тут-то вот вдруг все железные вещи (стрелы из колчанов, ножи и мечи из ножен, стремена от седел, трензеля от уздечек, конские подковы, панцири с людей, шлемы с их голов) понеслись к горе со стремительностью и величайшим грохотом, причем, как они сами, вспоминая эти события, рассказывали нашему брату Бенедикту с каким-то весельем, железные вещи потяжелее, как-то: панцири и шлемы, которые были вынуждены нестись по земле к горам с большой стремительностью, подымали чрезвычайно густую пыль и сильный грохот. Поэтому их охватили слепота и чрезвычайный ужас. Считают же, что эти горы <состоят> из адаманта» (НТ. 12).

Расхождения отдельных деталей в версиях брата Иоанна и брата Бенедикта настолько существенны, что не поддаются никакому объяснению. Может даже создаться

²⁴³ Традиционный образ Каспийских гор в западной средневековой картине мира не связан ни с магнитной, ни с алмазной горой.

впечатление, что перед нами два совершенно разных описания одного и того же события. Достаточно сравнить приведенные выше цитаты. Такая точка зрения была высказана Шмидер. На самом деле, расхождениями можно пренебречь, ибо они естественное следствие перевода, записанного францисканцами с разной степенью точности, тогда как основная сюжетная линия передана одинаково. Сведения об Александре и нечистом народе Гог и Магог в версии Бенедикта есть ничто иное, как попытка «узнать» чужой сюжет и найти ему объяснение в системе собственных знаний. В этом как раз ничего странного нет. Точно таким же образом поступает большинство комментаторов, занимаясь поиском точек соприкосновения сюжетов «Романа о Чингисхане» с греко-латинской, библейской или сирийской традицией. В таком случае, я предлагаю расширить пространство поиска и включить в него арабо-персидскую космографическую традицию, связанную с темой мирового магнита. Единственным критерием, по которому будет отобран «исходный» восточный сюжет, должно быть совпадение структурных элементов в сравниваемых материалах: («трудная ситуация», магнитная гора на суше, всадники, детали конского убранства и т. д.). Особое внимание следует уделить теме подводных магнитных гор из мифологии мореплавателей Индийского океана. Магнитная гора была наваждением для арабских капитанов, ибо не существовало никакой защиты от нее. Фатальное притяжение кораблей по силе впечатления напоминает роковую ситуацию, в которую попало войско Чингис-хана у магнитной горы. Но это только впечатление, и нам предстоит выяснить, существует ли связь между морской и сухопутной магнитными горами.

Сопоставив оба изложения, мы видим, что слепота и ужас охватывают монголов дважды. Первый раз – по причине густой пыли и грохота, поднятого несущимися к горам панцирями и шлемами. Второй раз, на пути монголов возникает облако и лишает их зрения. Дважды звучащий мотив слепоты следует использовать как ключ к сокрытому в ситуации смыслу. Мифическая слепота указывает на рубеж видимости, который является одним из важнейших признаков маргинальной зоны. В этой точке пространства монголы соприкасаются с иным миром, миром своих предков, которые предстают в виде запертого народа. Очевидно, что отдельные фрагменты этого сюжета (гора из адаманта, магнитный эффект, облако, запертый народ и т. д.) каким-то образом взаимосвязаны друг с другом. Однако исключительно из технических соображений предметный анализ фрагментов следует провести отдельно, и лишь в итоге, суммировав результаты главы 4 и 6, мы получим цельную картину попытки Чингис-хана покорить мифический Центр мира, который символизируют Каспийские горы.

§ 2. Постановка проблемы.

Перед нами, как и в предыдущих главах, стоят две разноплановые и независимые друг от друга задачи. Первая – выяснить какой литературный источник (исходный модуль) отразился в анализируемом сюжете. Вторая – определить, с какой целью заимствованный, и как правило, инвертированный эпизод присутствует в «Романе о Чингисхане». Вероятно, никто не решится отрицать, что в данном случае описывается катастрофическая ситуация – войско Чингис-хана лишается оружия, доспехов и конского снаряжения. В арабском трактате начала XIII в., посвященном оружию, сказано: «Если человек вооружен всеми видами оружия, но не имеет меча, то его вооружение считается недостаточным, однако если у человека есть меч, но нет других видов оружия, то его вооружение считается достаточным».²⁴⁴ Что в таком случае говорить, если монгольская армия у магнитной горы утрачивает не только мечи, но и все остальное вооружение. Перед нами несомненный литературный вымысел, преследующий определенную цель.

²⁴⁴ Zajączkowski A. La traité iranien de l'art militaire «Adab al-harb wa-š-šaga'a» du XIIIe siècle. Warszawa, 1969. P. 203.

Очевидно, что авторство францисканцев исключается, поскольку их задачей был сбор достоверных сведений, но никак не сочинение фантастических историй.

Согласно замыслу неизвестного автора, монгольское войско, вступив в неосвоенное пространство и столкнувшись с первым же препятствием, утрачивает все внешние атрибуты, присущие войску (список утрат передает версия перевода брата Бенедикта). Собственно, оружие и не понадобится Чингис-хану, стремящемуся достичь края мира. Ни шум солнца, ни слепящее облако одолеть с помощью оружия невозможно. Парадокс ситуации в том, что божественный Чингис-хан, официальный культ которого включал комплекс военных символов (знамя, копьё, барабан и т. д.), представлен в романе императором, возглавляющим безоружную армию. Сыну Неба, возглавлявшему непобедимые армии, противопоставлен его зеркальный образ – воитель, ведущий в неизвестные пространства армию без оружия. Однако препятствия, встающие по воле анонимного автора на пути Чингис-хана, вполне соответствуют великой фигуре основателя монгольской империи. Вступая в диалог с автором романа, зададим вопрос: с кем соперничает Чингис-хан? Противник императора невидим и всемогущ, в мгновение ока он лишает монгольскую армию оружия. Как и большинство сюжетов романа, повествование о странствии к магнитной горе построено на фигуре умолчания. Каспийские горы манифестируют проявление какой-то сверхмогущественной силы. Наша задача – обозначить имя этой силы.

§ 3. Тупики на пути исследователей.

Слово *adamas*, от которого образовалось прилагательное *adamantinus* (или *adamanteus*), означало в древности некую мифологическую субстанцию, более твердую, нежели все другие (на практике – сверхтвердую сталь или алмаз).²⁴⁵ Насколько известно, этот же спектр значений сохранялся в средневековой латыни и – с минимальными вариациями – в романских языках (ит., фр., исп., порт., рум.). Вместе с тем, понятно желание переводчиков (Лунгаротти, Млодецкий) интерпретировать это слово как ‘магнитный’, исходя из контекста, тем более что оно употребляется как братом Иоанном, так и братом Ц. де Бридиа.

Никто из исследователей не объяснил, каким образом гора из адаманта могла притянуть железное оружие монголов. Видимо, это обстоятельство дало повод Ф. Шмидер, автору последнего немецкого перевода книги брата Иоанна, предложить неожиданную интерпретацию ситуации. Она считает, что не гора притянула оружие монголов, а монголы взяли вещество из горы для изготовления стрел и оружия.²⁴⁶ Казалось бы, параллельный пассаж из донесения брата Бенедикта, где дважды говорится о несущихся с грохотом железных вещах, исключает подобную трактовку. В противном случае, оставалось бы неясным, почему монголов охватил чрезвычайный ужас. Причина ужаса в том, что конские подковы, панцири и шлемы неслись к горе со стремительностью и величайшим грохотом. Перечень железных предметов не оставляет сомнений в том, что именно магнитная сила горы внушила ужас монголам. Игнорировать параллельный текст невозможно. Однако Шмидер считает, что перед

²⁴⁵ OLD, p. 35.

²⁴⁶ Ср.: *Montes autem illi in ea parte ad quam applicuerunt sunt de lapide adamantino, unde eorum sagittas et arma ferrea attraxerunt* (V. 15); перевод Шмидер (*Schmieder*, s. 67): «Jene Berge sind in dem Teil, den die Tartaren erreichten, aus stahlhartem Gestein, woraus sie ihre Pfeile und eisernen Waffen machten», ‘Те горы в той части, которой достигли тартары, из камня твердого как сталь, из которого они делали их стрелы и железное оружие». Перевод Шмидер отличается от всех известных переводов этого эпизода, в том числе, и от старого немецкого перевода, ср.: *Risch*, s. 131. Во время открытой дискуссии между мной и Шмидер в университете Констанца (Германия, в ноябре 1998), она признала эту частную ошибку своего перевода.

нами два разных текста, принадлежащие разным авторам. По мнению Шмидер, брат Ц. де Бридиа, взяв за основу рассказ брата Иоанна, объединил его с известными легендами о загадочных магнитных горах (которые, нужно искать в море) и украсил рассказ в соответствии с европейскими представлениями о монголах. В результате, появились летящие к горе конские подковы.²⁴⁷ Донесению брата Бенедикта, сохранившемуся в пересказе Ц. де Бридиа, Шмидер не придает самостоятельное значение.

Согласимся, что в версии брата Иоанна эпизод с адамантовым камнем изложен не столь ясно, как в версии брата Ц. де Бридиа. Но эти расхождения вполне объяснимы. Принять же толкование Шмидер невозможно по нескольким причинам. Во-первых, если перед нами «творческий» вариант брата Ц. де Бридиа, то остается неясной мотивация, по которой он привлекает восточную легенду о магнитной горе, губящей морские корабли (хотя в нашем случае описывается сухопутная экспедиция Чингис-хана). Во-вторых, неясно, почему Ц. де Бридиа столь равнодушен к такой детали конского снаряжения, как подковы, и каким образом «полет подков» соотносится с европейскими представлениями о монголах (например, Фоме Сплитскому было известно, что монгольские кони обходились без подков, см. § 7). И, наконец, самое главное – с какой целью францисканец придумывает фантастический эпизод, где армия Чингис-хана полностью лишается своего оружия и доспехов. Стремится ли он тем самым ввести в заблуждение своих читателей? На все эти вопросы гипотеза Шмидер ответа не дает. Согласившись же с интерпретацией Шмидер, мы попадаем в тупик. Брат Ц. де Бридиа не может быть признан автором анализируемого сюжета. В предисловии своей книги он обращается к управителю ордена, отцу Богуславу со словами: «Послушный Вашей отцовской милости, я *вкратце переложил на письмо*, хотя это и выше моих природных сил, то, что я понял о тартарах <из общения> с почтенными братьями нашего ордена, а именно с братом Иоанном послом апостольского Престола, <...> и его спутниками – братом Бенедиктом Поляком и братом Чеславом Богемским. При этом я опасался излишне утомить читателей» (НТ, 1).

Из слов брата Ц. де Бридиа следует, что переписывая дипломатический отчет папской миссии, вернувшейся из Азии в 1247 г., он сокращал текст, не внося каких-либо смысловых дополнений. Вольное обращение с текстом, тем более внесение вымышленных ситуаций, исключалось. Перед Ц. де Бридиа была поставлена задача быстро сделать сокращенную копию донесения брата Бенедикта, которого давно уже ожидали в Лионе. Мы знаем, что именно сократил Ц. де Бридиа (сведения о головных уборах монголоков, одежде и оружии), тогда как история фантастических походов Чингис-хана передана им полностью и корректно, с сохранением монгольских названий легендарных стран и народов. В противном случае, придется вообразить, что Ц. де Бридиа владел монгольским языком и украсил донесение не только арабской легендой, но и филологическими изысками, а инициатива розыгрыша, разумеется, принадлежала отцу Богуславу. Мы можем смело согласиться с тем, что перед нами два варианта перевода одного и того же восточного сюжета, а не два разных текста, как полагает Шмидер.

Прямолинейная трактовка сюжета не оставляет места ни игре, предложенной автором романа, ни истинному пониманию роли францисканцев в передаче чужого текста и скрытых в нем смыслов. Фантастические эпизоды из донесений миссии заимствованы из анонимного восточного сочинения, которое получило условное название «Роман о Чингис-хане». В донесении брата Бенедикта содержание романа было изложено с большими подробностями. Этот отчет лег в основу «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа (и в таком виде сохранился до наших дней в рукописи XV в., т. е., прошел

²⁴⁷ Schmieder, s. 134; anm. 90.

через руки, как минимум, еще одного переписчика). Заметим, что в донесениях францисканцев практически нет ни одного эпизода романа, переданного одинаково. Но «вины» брата Ц. де Бридиа в этом нет. Поскольку версия брата Бенедикта сохранилась в пересказе третьего лица (Ц. де Бридиа), в ней фигурируют наравне с монголами (испытывающими ужас от столкновения с неизвестным феноменом) смеющиеся рассказчики (авторы романа) и сам брат Бенедикт, внимающий этим историям.

Представленный фрагмент романа построен на инверсии легенды из арабского сочинения X в. «Чудеса Индии». Первым, кто обратил внимание на эту близкую параллель, был Пейнтер; он же указал и на инверсию сюжета, перешедшего в роман.²⁴⁸ В легенде всадники проезжают через магнитные горы на неподкованных лошадях; остальные предметы конского убранства, в том числе и стремяна, выполнены из дерева. О том, что именно эта арабская новелла лежит в основе эпизода романа, свидетельствует сравнительный анализ обоих текстов (см. ниже, § 6). Можно было бы сразу перейти к рассмотрению сведений из «Чудес Индии», но в таком случае мы рискуем утратить панорамный взгляд на инвертированную реальность романа. К тому же возникает резонный вопрос, почему в нашем эпизоде прямо не говорится о магнитной горе, но упоминается адамант.²⁴⁹ Является ли это частью авторского замысла, или это просто ошибка переводчиков? Видимо, не стоит драматизировать ситуацию с адамантом, поскольку в арабских научных трактатах, переведенных с греческого, часто наблюдается терминологическая путаница, в частности, в «Книге о лекарственных веществах» ал-Бируни (XI в.) алмаз, магнит и янтарь названы сходными терминами: «Магнтуацию с адамантом, поскольку он называется» *маганиитиш*, *арамантикун*²⁵⁰ и *ираклиса*,²⁵¹ по-сирийски *кифа натфат фарзула*, по-персидски – *ахан рубай*, по-индийски – *каддахах* и *харбадж*.²⁵² Ср.: «*Кахрубай уа каруба*²⁵³ – янтарь. У Павла и Абу-л-Хайра *иликтрун*,²⁵⁴ по-румски <ее называют> *иликтрун*, а также *адамантус*²⁵⁵».²⁵⁶

Возможно, что смешение свойств алмаза и магнита не случайно. Однако для автора романа это обстоятельство, видимо, не имело существенного значения. Его внимание, скорее всего, было сосредоточено на другом. В процессе конструирования сюжета важно было соединить в какой-то части мифического пространства различные легендарные горы, воплощающие непреодолимые препятствия для монгольского войска.

²⁴⁸ Painter, p. 64. Пейнтер ссылается на издание: Livre des merveilles de l'Inde par le capitaine Bozorg fils de Chahriyâr de Râmhormoz. Texte Arabe publié d'après le manuscrit de M. Schefer, collationné sur le manuscrit de Constantinople, par P. A. van der Lith. Traduction française par L. M. Devic. Leide, 1883-1886, p. 92-93, XLVII.

²⁴⁹ То же самое отмечает Ф. Риш, и приводит несколько примеров, где адаманту приписывается свойство магнита (Risch, s. 131). Даффина (Daffinâ, p. 439-441) и польские авторы (SDĖ, s. 193, 257) не комментируют этот пассаж.

²⁵⁰ Издатель предполагает, со ссылкой на сирийский лексикон Hassano Bar Bahlule, , ssano Bar Bahlule_т, со ссылкой Якпт <<_пт>? Замечу, что на практике алмаз и магнит не путались, однако в текстах, особенно переводных, могла возникать терминологическая путаница.

²⁵¹ _b_DЦb_DЦb_ьш@_+гт - «Камень Гераклеи».

²⁵² ал-Бируни. Книга о лекарственных веществах. 1007.

²⁵³ Букв. «похищающий или притягивающий солому».

²⁵⁴ _b_DЦb_DЦb_ь

²⁵⁵ _b_DЦb_DЦb_т

²⁵⁶ ал-Бируни. Книга о лекарственных веществах. 933.

§ 4. Загадка Каспийских гор.

В «Романе о Чингис-хане» Каспийские горы – необычные горы. Они совмещают в себе свойства различных горных преград, упоминаемых в восточных космографиях, в них же заперт неизвестный народ, к тому же они абсолютно неприступны. В мифологическом плане каждая легендарная гора воплощает космическую вертикаль. Однако концентрация вертикалей в образе Каспийских гор создает необычную картину. Чтобы преодолеть подобное препятствие, Чингис-хан должен обладать священными знаниями особого свойства. В легендарных странствиях Искандеру пришлось преодолеть алмазную гору и открыть миру драгоценный камень,²⁵⁷ а также искать выход из трудной ситуации с магнитной горой и столкнуться с нечистым народом, запертым в горах по воле Бога. Известно, какой ужас средневековым арабским мореплавателям внушала магнитная гора в Южном океане. Ссылаясь на «Адитья-пурану», ал-Бируни пишет, что «восточная сторона Меру из золота, западная из серебра, южная из рубинов, а северная из различных драгоценных камней»,²⁵⁸ однако никто из смертных не видел священных вершин Меру. В испанском анонимном сочинении «Libro del Conoscimiento» (1348 г.) говорится о том, что на восток от Тартарии лежат Каспийские горы. Вход в горную долину защищают два замка Магога, сложенные из магнитных камней.²⁵⁹

Все названные горы разнесены в пространстве, в нашем же случае они слиты в какое-то невообразимое по сложности препятствие. И как следствие, преграда остается непокоренной. Путь к этим горам следует рассматривать как приближение Чингис-хана к мифическому Центру мира. Я исхожу из того, что Чингис-хан – главный герой романа, а любая гора в мифологическом контексте есть Центр мира, к тому же в романе Каспийские горы единственная вертикаль. В этой точке пространства, видимо, и должен был, по замыслу автора романа, состояться главный поединок. Чингис-хан стремится вступить в противоборство с Богом. Но поскольку могущество Бога безмерно, то война с ним невозможна, и любая попытка монгольского императора противостоять Богу обречена. Бог являет свое могущество тем, что лишает посредством магнитной горы войско монголов оружия. Скорее всего, это первое грозное предупреждение Чингис-хану. И, действительно, Чингис-хан в страхе покидает враждебное пространство. Однако на обратном пути, возвращаясь из страны шумящего солнца, он совершает роковую ошибку – в стремлении сразиться с неизвестным народом, вышедшим из Каспийских гор, он вновь приближается к запретной зоне. Что же происходит на этот раз? Монголы обнаруживают, что гора разрушена. Разрушение преграды и появление оттуда неизвестного народа следует рассматривать как путешествие Чингис-хана в нижний мир и попытку воинственного столкновения со своими предками. Не случайно здесь возникает ситуация взаимной слепоты: противники перестают видеть друг друга, приблизившись к прозрачному облаку, разделяющему их. Горизонтальный маршрут монгольской экспедиции прерывается и переходит в вертикаль. Следование по вертикали вверх могло привести в мир богов, либо вниз – в нижний мир, в область мертвых. Путь наверх для Чингис-хана закрыт (Каспийские горы остались непреодоленными). Подобное развитие событий можно расценить как «шутку» Бога.

Согласившись с тем, что перед нами «групповой портрет» семейства фантастических гор мы сможем объяснить до сих пор неясные переходы в композиции романа, связанной с Каспийскими горами. Алмазная гора «передает» функции преграды магнитной горе, которая, в свою очередь, «передает» их горной долине Эргунэ-кун из древнего предания монголов. Последней в этой цепочке является гора Каф, приближение к которой самым роковым образом сказывается на судьбе легендарных

²⁵⁷ «Он за остроту дал ему имя алмаз» (*Низами*, с. 483).

²⁵⁸ *ал-Бируни*. Индия, с. 233.

²⁵⁹ *Sinica Franciscana*. Fr. Anonymus Hispanus. Libro del Conoscimiento, pp. 570-571.

воителей – Искандера и Чингис-хана. Подобное расщепление сюжета оправдывается предположением, что автор романа искусственно соединил сведения о разных горах в единую картину.

§ 5. Адамант и магнит.

Видимо, стоит отвлечься на некоторое время от основной темы исследования и рассмотреть ряд частных вопросов. Например, какие представления об указанных в названии субстанциях существовали в средневековых популярных сочинениях и научных трактатах. Что могло быть известно францисканцам и их переводчикам о магните и адаманте. Особый интерес заключается в вопросе о мировом магните и подводных горах, притягивающих морские корабли. Обращение к этому кругу вопросов, позволит также точнее обрисовать предполагаемые источники автора романа, который заимствовал сюжеты из самых неожиданных сочинений.

Адамант не обладал свойствами магнита. В одном из средневековых бестиариев (анонимной компиляции, составленной во Франции около 1100 г.) изображен камень адамант (*lapis adamantinus*).²⁶⁰ Содержание миниатюры раскрывается следующим образом: камень адамант блестит только ночью; с этим чудодейственным камнем можно все преодолеть. Адамант – аллегория Христа – ни смерть, ни дьявол не могут справиться с ним. В английской бестиарии конца XII в. алмаз также уподобляется Христу, «несразимому злом».²⁶¹ Рассказ об алмазе в бестиарии опирается на многочисленные упоминания об алмазах в Священном Писании.²⁶² Описание алмаза в «Этимологиях» Исихора Севильского (XVI. 13. 2-3) и Псевдо-Гуго (II. 34) восходит к Плинию. Согласно Плинию, алмаз имеет такую антипатию к магнитному камню, что будучи положен возле него, препятствует притяжению железа, а если все же магнит притянет железо, то алмаз отнимет железо у него (XXXVII. 4. 15). В александрийском «Физиологе», популярно-теологическом сочинении II – IV вв., говорится о камне адамант,

«что находят в восточной стороне и находят не днем, а ночью».²⁶³ Адамантом же называется, потому что все одолевает, сам же ничем не одолевается». «Физиолог говорит о нем, что он не боится ни удара железом, ни жжения огнем и не вбирает запаха дыма. И если находится в доме, то ни демон туда не войдет, ни другое какое-либо зло не случится. Владеющий же им человек побеждает все дьявольские усилия».²⁶⁴

«Физиолог» довольно ясно различает свойства адаманта и магнитного камня; о последнем сказано, что он удерживает на весу железо.²⁶⁵ Авторы средневековых западных бестиариев, Филипп Танский (начало XIII в.)²⁶⁶ и Гийом Нормандский

²⁶⁰ Мокрецова И. П., Романова В. Л. Французская книжная миниатюра XIII века в советских собраниях. 1270–1300. М., 1984. С. 156, 159.

²⁶¹ Муратова К. Средневековый Бестиарий. М., 1984. С. 104.

²⁶² Амос, 7:7, 8; Даниил, 10:5; II Кор., 11:2; Иоанн, 4; Псалтырь, 18:29; I Кор., 15:55 и др.

²⁶³ Ср. с описанием топаза у Страбона: «Топаз — это прозрачный камень, сверкающий золотистым блеском; днем его заметить нелегко, так как он отражает солнечные лучи, но собиратели видят его ночью. Последние ставят сосуд над местом нахождения камня в качестве знака и днем выкапывают камень» (Страбон. XVI. 4.6).

²⁶⁴ Физиолог. Издание подготовила Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 144, 151; См. также: Джанашивили М. Г. Драгоценные камни, их названия и свойства (Из грузинского сборника X в.) // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1898. Вып. 24.

²⁶⁵ Физиолог, с. 149.

²⁶⁶ Walberg E. Le Bestiaire de Philippe de Thaün. Lund — Paris, 1900. 3333 — 3362.

(XII в.)²⁶⁷ дают подробные описания алмаза, смешивая его качества со свойствами магнита. Подобная путаница не встречается в арабо-персидской литературе. В средневековом Китае алмаз считался чудодейственной твердости экзотическим веществом.²⁶⁸ Сведения об алмазе и магнитном камне излагаются ал-Бируни в разных разделах его трактата «Минералогия»: «Название алмаза по-индийски – *хира* <санскр. *hiraka*>, по-гречески – *азамас*, а также *адамантун*. Ал-Кинди говорит, что слово это означает ‘тот, который не разбивается’ <...>. Главное свойство его заключается в том, что он все разбивает, его же самого никто не может разбить» (Ал-Бируни. Минералогия, с. 81-82). «<Алмаз> прозрачный драгоценный камень, по цвету походит на стекло, бывает <алмаз> и с желтым оттенком; при солнечном свете от него распространяются радужные цвета. У других <алмазов>, помимо этих двух окрасок, радуга не возникает. В устах распространено <предание> о том, что <алмаз> – это яд, но опыт не показывает этого. <...>. <Алмаз> берет верх над всеми камнями и разбивает их, ничто не берет верх над ним, только лишь свинец побеждает его. Говорят, что в копиях <алмазных> живет эфа» (ал-Бируни. Книга о лечебных веществах. 88). Ср. со сведениями о магните: «Магнитный камень имеет такую же, как <янтарь>, способность притягивать, но превосходит его тем, что приносит большую пользу при <извлечении> застрявших в ранах наконечников стрел и концов скальпелей в венах, а также при засорении желудка проглоченными <железными> опилками. Это его имя <магнатис> – румийское <...>. По-сирийски он называется *кифашифт фарзула*, а по-персидски – *ахан рубай*, то есть „похищающий железо“» (ал-Бируни. Минералогия, с. 200).

Мы не знаем, какое слово стояло в оригинале, но, видимо, не случайно русские переводчики и вслед за ними, францисканцы восприняли его как «адамант». Возможно, что в первоначальном тексте, действительно, речь шла об алмазной горе. И в любом случае, не следует исключать русское влияние при создании латинского перевода. Слово *адамант* встречается уже в Изборнике 1073 г.²⁶⁹ Одним из наиболее ранних переводных произведений в Древней Руси, где говорилось о самоцветах, в том числе и адаманте, была «Хроника Георгия Амартола».²⁷⁰ В Хронике описывается адамант, способный менять свой цвет, извещая тем самым о воле божества.²⁷¹ Ниже приводятся несколько примеров, демонстрирующих неясную связь между алмазом и магнитом.

Камнем преткновения для древней космографии был вопрос о том, на чем держится земля. Армянский математик VII в. Анания Ширакаци в полемике с древними языческими философами, приводит один из их аргументов, в котором фигурирует алмаз в роли магнита. Он пишет: «Земля с четырех сторон установлена в середине неба, которое быстротой своего вращения не позволяет ей спуститься к нижнему полушарию <неба>. <...> А то, что приводят злые философы в качестве примера земли, ненавистно мне, а посему я не буду приводить их высказывания полностью, но <кое-что поведаю>. <...> Приводят они и другой пример – кровлю алмазного купола на Крите, а также железную статую, установленную в воздухе, которая ни на что не опирается, ибо тяжесть железа тянет книзу, а сила алмаза толкает вверх, и так она висит <в воздухе>

²⁶⁷ Reinsch R. Le Bestiaire. Das Tierbuch des normannischen Dichters Guillaume le Clerc. Leipzig, 1892. 2894 – 2922.

²⁶⁸ Шефер Э. Золотые персики Самарканда..., с. 292.

²⁶⁹ Адамант — ‘алмаз’: «Между же двема змарагдама камыкъ адамантъ (въ ефуде)». Изб. 1073 г., Л. 120 об., цит. по: Срезневский. Т. I. Стл. 6.

²⁷⁰ Истрин В. М. Книги временныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древних славянорусских переводах. Пг., 1920. Т. I. С. 43.

²⁷¹ Там же, с. 43.

благодаря изобретательности ваятеля. <Эту башню со статуей> древние критяне считали главным храмом». ²⁷²

На Востоке были популярны рассказы об аналогичном использовании удивительного свойства магнитного камня (но не алмаза). В персидском сочинении XIII в. описан индийский храм,

«все стены которого отделаны магнитным камнем. Из железа изготовили идола – он находится в висячем положении посреди храма. Невежественные кафиры восхищаются им и почитают его» («Чудеса мира», с. 169). Ср. Плиний сообщает: «Архитектор Тимохар начал было в Александрии сооружать из магнитного камня свод храма Арсиной, чтобы изображение из железа в нем казалось висящим в воздухе. Делу помешала смерть его самого и царя Птолемея, который велел сделать это в честь своей сестры». ²⁷³

Продолжим тему парящих в воздухе статуй, обратившись к «Посланию о магните» Пьера де Марикура (1269 г.). Этот автор, по словам его знаменитого современника Роджера Бэкона, был «опытнейшим из латинян» в области технических экспериментов с магнитом и зеркалами. ²⁷⁴ Пьер де Марикур так определяет задачу своего рационального по духу и методам исследования о магните: «В этом послании нами будет изложена лишь наука о явных действиях камня, ибо наше изложение составляет часть трактата, поучающего, как строить физические инструменты; повествование же о тайных действиях того же камня относится к искусству ваяния из камней». ²⁷⁵

Примером рассуждений о «тайных действиях» магнитных камней является глава из сочинения Альберта Великого «О минералах» (Кн. II, трактат 3, гл. 6), посвященная символическим фигурам и талисманам, где и сообщается о статуях, висящих в воздухе под действием магнитной силы. Сведения о подобных статуях сообщают Руфин, Проспер Аквитанский, Бл. Августин, а значительно позднее – Винцентий из Бове. ²⁷⁶ В «Послании о магните» Пьера де Марикура содержатся важные положения для наших дальнейших разысканий, связанные с темой «мирового» магнита: «Некоторые слабые исследователи полагали, что сила, посредством которой магнит действует на железо, образуется в тех минеральных залежах, где находят магнит, а потому они говорят, что хотя железо и движется к полюсам мира, но происходит это только потому, что в этих частях мира имеются залежи такого камня. ²⁷⁷ Они не знают, что указанный камень находят в разных частях мира, из чего следует, что он должен был бы поворачиваться к различным пунктам мира, а это не так. И еще не знают они, что места около полюсов необитаемы,

²⁷² *Анания Ширакаци*. Космография / Перевод с древнеармян., пред. и коммент. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатян. Ереван, 1962. С. 44; Ср. Знаменитый арабский мореход XV в. Ахмад ибн Маджид пишет в своей лоции: «Магнит — это камень, притягивающий железо. Короче говоря, магнит — это всякая вещь, притягивающая железо к себе. Говорят, что и семь небес, и земля удерживаются в подвешенном состоянии благодаря могущественному магниту», цит. по: *Шумовский Т. А.* Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджиба, арабского лоцмана Васко да-Гамы. М.; Л., 1957. С. 82.

²⁷³ Цит. по: *Плиний Старший*. Естествознание. Об искусстве / Пер. с лат., пред. и прим. Г. А. Тароняна. М., 1994. С. 74. (XXXIV. XLII).

²⁷⁴ *R. Bacon*. Opus tertium, cap. II // *Rogeri Bacon Opera quaedam hactenus inedita*. Ed. J. S. Brewer. London, 1859. Vol. I, p. 46.

²⁷⁵ *Пьер из Марикура*. Послание о магните / Вводная статья, перевод и примеч. В. П. Зубова // Труды Ин-та истории естествознания и техники. М., 1959. Т. 22. С. 302.

²⁷⁶ *Martin Th. H.* La foudre, l'électricité et le magnétisme chez les anciens. Paris, 1866, p. 31-35.

²⁷⁷ Известны стихи болонского поэта Гвидо Гвинидзелли (ум. в 1276 г.), в которых говорится о магнитных горах на севере, «дающих воздуху силу притягивать железо» (*G. Libri*. Histoire des sciences mathématiques en Italie. Paris, 1838. Т. II, p. 66).

ибо полгода там день, а полгода – ночь. Вот почему нелепо думать, что из тех мест к нам может быть привезен магнит. Кроме того, поскольку железо или камень поворачиваются и к югу и к северу, что явствует из ранее сказанного, мы принуждены думать, что не только с севера, но и с юга действует сила на полюсы камня и действует в большей мере, чем из мест, где находятся залежи камня. Вот очевидное указание на это: где бы ни находился человек, он воочию видит, что движение камня происходит в соответствии с положением данного круга меридиана. А все круги меридианов сходятся в полюсах мира; вот почему полюсы магнита получают силу от полюсов мира. Из этого с очевидностью явствует также, что магнит движется не к звезде мореходов, ибо круги меридианов сходятся не там, а в полюсах». ²⁷⁸

§ 6. Подводные горы, притягивающие корабли.

О подводных камнях, притягивающих железо, (с выражением большого сомнения) пишет Прокопий Кесарийский, византийский историк VI в., когда объясняет устройство индийских морских кораблей: «Суда же, которые есть в Индии и в этом <Красном> море, сделаны не так, как прочие корабли. Ибо их не промазывают смолой или чем бы то ни было, доски не скреплены между собой проходящим насквозь железом, но связаны какими-то петлями. Многие полагают, что виной тому <является то>, что некоторые камни притягивают к себе железо. Доказательство против: плавающие по этому морю из Элы корабли ромеев, скрепленные многим железом, ничего такого не претерпевают. А инды и эфиопы не имеют ни железа, ни чего-нибудь другого подходящего. Они не могут покупать его у римлян, это определенно запрещено законом. ²⁷⁹ Ибо пойманному карой является смерть» (*Прокопий Кесарийский. История войн Юстиниана. I. 19. 23-26*).

Ситуация не изменилась за протекшие четыреста лет. Абу-Зейд Хасан ас-Сирафи (X в.), житель Басры, сообщает со слов опытных путешественников о морских судах следующее: «Сшитые волокнами доски бывают только в судах Сирафа, ²⁸⁰ а суда Сирии и Рума сколочены гвоздями, но не сшиты». ²⁸¹ Он также пишет об отличии судов Персидского залива от судов Красного моря и называет причину: «корабли сирафцев не приспособлены для плавания по этому морю из-за трудности <передвижения> и большого количества гор, произрастающих в нем <т. е. коралловых рифов>. <...> когда корабль плывет по нему, он каждую ночь нуждается в том, чтоб искать места, в котором мог бы укрыться из страха перед рифами этого моря; поэтому он плывет днем и стоит ночью». ²⁸²

Согласно универсальным средневековым представлениям Земля окружена мировым океаном. Однако совершить морское кругосветное путешествие было невозможно, потому что в Окружающем океане на западе вода становится вязкой, что затрудняет плавание, а на востоке часто бывает мрак и безветрие, и потому велика

²⁷⁸ *Пьер из Марикура. Послание о магните*, с. 308.

²⁷⁹ Этот закон издан при императоре Маркиане (455 — 457). Безопасность византийской империи диктовала требование — не продавать оружие и железо «варварам». Запрещались к продаже панцири, щиты, стрелы, мечи и железо вообще (*nihil penitus ferri*). Ср. также с *Codex Justinianus*. 4. 41, 2; см.: Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV — VI вв. М.; Л., 1951. С. 67.

²⁸⁰ Сираф — крупный средневековый город и порт на берегу Персидского залива; до середины X в. был одним из центров мировой торговли (*Крачковский. Т. IV. С. 552*).

²⁸¹ *Relation des Voyages fait par les Arabes et les Persans dans l'Inde et a la Chine dans le IX siècle de l'ère chretienne. Publ. par J. Reinand. Paris, 1845, p. 88.*

²⁸² Арабские источники VII — X вв. по этнографии и истории Африки, с. 95; см. также: *Мисюгин В. М. Происхождение городов восточно-африканского побережья // Вестник ЛГУ. 1958. Вып. 4. № 20. Серия истории, языка и литературы. С. 142-152.*

опасность плавания по нему. К тому же неясно, как соединяются западная и восточная части Окружающего океана. Размышляя на эту тему, ал-Бируни приводит доказательства единства мирового океана. Его аргументация опирается на сведения, в которых фигурируют магнитные горы в Индийском море и обломки прошитых волокном досок от потерпевших крушение кораблей, занесенные из южных морей в западное: «Полагают, что оба эти моря на западе и на востоке обитаемой <части земли> разъединены. Однако рассказывают со слов плававших по ним и потерпевших кораблекрушение из-за бурь такое, что позволяет предполагать их соединение. Кроме того, в наше время появились <доказательства>, которые подкрепляют это предположение и даже делают его истиной. Дело в том, что в Окружающем море напротив слияния с ним Сирийского моря были найдены прошитые доски от кораблей. Но <они могли быть прошиты> только в Индийском море в силу множества там магнитных камней, <которые опасны для кораблей>, а не в Западном, ибо в последнем корабли скрепляются железными гвоздями, а не сшиваются. Наличие этих <досок> в этом <море> – доказательство того, что они попали в него через соединение между ними. Оно не может иметь место со стороны <моря> Кулзума, ибо между ним <и Сирийским морем> есть перешеек. Далее, трудно предполагать соединение со стороны моря, <находящегося> на Севере» (*ал-Бируни. Геодезия*, с. 161).

Рассказывая о земле, где добывают ладан, ал-Бируни приводит слова ал-Умани о морских водоворотах, сулящих гибель кораблям: «между Оманом и городом Шихр <расположены> Ра'с Машкат, – а это Маскат, – Ра'с ал-Джумджума и Ра'с ал-Масира. Мореплаватели отстраняются от этих <мест> в сторону глубинных вод потому, что там имеются углубленные места, куда впадает <вода>, и корабль погибает». ²⁸³ Об этом же сообщается в «Географии» Закарийи ал-Казвини. ²⁸⁴ Тема гибели морских судов в бездне моря, в гигантских водоворотах, каким-то образом связана с магнитной морской горой и общими представлениями о мировом магнитном поле. Показательно, что средневековые европейцы искали магнитную гору на *севере*, ²⁸⁵ тогда как для жителей Востока она располагалась на *юге*. Дело в том, что один из концов магнитной стрелки всегда показывает на север, а другой – на юг. Древними китайцами, а вслед за ними и арабами, за «основное» направление было принято южное. ²⁸⁶ Различие этой традиции на Западе и Востоке, лишний раз указывает на восточное происхождение сюжетов «Романа о Чингис-хане».

Можно предположить (с учетом южного положения магнитного полюса), что, с одной стороны, из страха перед рифами Красного моря, которые представлялись морскими горами, а с другой – из сравнения устройства индийских и византийских морских кораблей, и родилась фантастическая идея о подводных магнитных горах в

²⁸³ *ал-Бируни. Книга о лечебных веществах*, с. 772.

²⁸⁴ «Море Фарса, одно из самых больших ответвлений Великого Индийского моря, считается благословенным за свои богатства и мореходные достоинства <...>. Но и на этом море есть опасный для кораблей водоворот, из которого можно выйти только по воле господина. Об этом свидетельствуют остовы разбитых и погибших кораблей. Только в двух местах, близких к водовороту, можно пройти невредимым» (*Закарийа ал-Казвини*, II, с. 76).

²⁸⁵ *Хенниг Р. Неведомые земли*. М., 1962. Т. III. С. 304-312.

²⁸⁶ По сведениям Т. А. Шумовского, в древнем Китае магнитная стрелка называлась «указателем юга» (че-нан), а буссоль – «колесом, указывающим на юг» (че-нан-киу). Юг был для китайцев страной света *par excellence*. К нему были обращены императорский дворец и трон. Полярная звезда, главный ориентир моряков, по китайской терминологии «единственная неба» (тянь-и) или «высшее существо» (та-и), трактовавшаяся как астральное соответствие трону императора, также считалась обращенной к югу. Персидское название магнитной стрелки является простым переводом китайского «че-нан» и отражает то же представление, см.: *Шумовский Т. А. Три неизвестные лоции Ахмада ибн Маджиба*, с. 115.

Индийском океане. В справедливости этой гипотезы убеждает ироничная оценка фантастических представлений, высказанная ал-Бируни в трактате «Минералогия»: «Говорят, что причиной, по которой суда, плавающие в Зеленом море,²⁸⁷ сшиваются волокнами, – тогда как те, что плавают в море Рума, сколачивают железом, – является то, что в этом <Зеленом> море в подводных горах много магнатиса, так что суда, которые там проходят, находятся из-за него в опасности, а в том <Румийском> море его нет. Но рассуждение это неосновательно, так как сшитые <волокнами> суда не обходятся без якорей и железных инструментов и без груза в виде разных товаров и особенно индийских клинков» (ал-Бируни. Минералогия, с. 200-201).

Критический взгляд ал-Бируни перекликается с сомнениями Прокопия Кесарийского. Оба автора прибегают к одним и тем же аргументам, чтобы показать нереальный характер сведений о подводных магнитных камнях. Об индийском железе, в свою очередь, ходили слухи, что магнит его не притягивает.²⁸⁸ Как мы увидим ниже, в научных (либо основанных на опыте) и космографических сочинениях в жанре *аджаиб* отношение к магнитным горам, таящим опасность для морских судов, было различным. Впрочем, противопоставление жанров средневековых сочинений условно. Однако интересен сам факт полемики, который свидетельствует о распространенности легендарных сведений. Фантастические миры были тем пространством, откуда черпались сюжеты для восточных Александрий, популярных космографий и других занимательных средневековых сочинений.²⁸⁹ Самые необычные рассказы о магнитной горе представлены в персидской географической литературе, посвященной чудесам мира. В одном из таких сочинений говорится: «В море Магриба есть большая гора из магнита. На кораблях, которые строят для <хождения> по этому морю, не используют железо. Если будет применен гвоздь или использовано железо, оно выпорхнет словно птица и сядет на ту гору» («Чудеса мира». 99).

Известие о магнитной горе в море Магриба есть и у ал-Идриси, который называет гору Мукинус и говорит, что она расположена «среди рифов и других островов». Со слов автора *Китаб ал'аджа'иб* Хасана ибн ал-Мунзира (типичного представителя «литературы чудес») ал-Идриси пишет также о том, что «мимо этой горы не может пройти ни один корабль, скрепленный гвоздями, ибо она притянет его к себе и будет удерживать около себя, так что он больше не сможет освободиться».²⁹⁰ Якут приводит в своем географическом словаре (XIII в.) сведения о Красном море: «Говорит ал-Мухаллаби: к горе ал-Кулзума прилегает гора, в которой находится магнит, а это камень, притягивающий железо».²⁹¹ И, наконец, в сочинениях легендарного характера

²⁸⁷ *Бахр ал-ахдар* 'Зеленое море', в данном случае — Индийский океан.

²⁸⁸ Ср.: Об индийском железе существовали легендарные представления. Согласно персидской космографии XIII в.: «У индийцев есть удивительное железо. Если изготовить из него нож и заколоть им животное, из раны не выступит кровь. Если же сделать из этого железа стрелу и выпустить ее в камень, она пройдет сквозь камень. Магнит не притягивает это железо. Если положить железо в огонь, оно не станет красным, а сохранит свой цвет. Железо это привозят для царей Индии, они изготавливают из него мечи. Если убить кого-нибудь тем мечом, кровь не выступит. Железо вывозить оттуда не дозволяют. Все грузы купцов обыскивают и, если найдут среди них железо, отбирают. По этой причине железо никуда не вывозится» («Чудеса мира», с. 156).

²⁸⁹ К теме о магнитных горах на Дальнем Востоке см. также: Hennig R. 1) Ein Zusammenhang zwischen der Magnetberg-Fabel und der Kenntnis des Kompasses // Archiv für Kulturgeschichte. 1930, s. 350; 2) Die Magnetberg-Sage und ihr naturwissenschaftlicher Hintergrund // Geographische Wochenschrift. 1935, s. 583; 3) Rätselhafte Länder. Berlin-Tempelhof, 1950.

²⁹⁰ Гора Мукинус идентифицируется с рифом или островом Маййуном в баб-ал-Мандабском проливе, см.: Арабские источники X — XII вв. по этнографии и истории Африки, с. 303, 414.

²⁹¹ Арабские источники XII — XIII вв. по этнографии и истории Африки, с. 151.

адаманту приписываются свойства магнита. Ф. Риш в комментарии к нашему сюжету, со ссылкой на Оперта,²⁹² приводит сведения из легендарного письма пресвитера Иоанна: «Застывшее море затягивает корабли в глубину, поскольку его дно представляет собой камень адамант, который имеет силу притягивать железо». Несмотря на всю занимательность этой цитаты, она демонстрирует лишь один из вариантов развития легенды о подводной магнитной горе и напрямую не связана с нашим сюжетом.

Средневековые путешественники, плававшие по южным морям, приводят иные доводы в пользу того, что суда на Красном море и в Персидском заливе сшивались канатами, а не скреплялись гвоздями. Ибн Джубайр (конец XII в.) пишет, что «джалаб, на которых они пускаются в море Фараона,²⁹³ построены без единого гвоздя, но сшиты канатами из ал-канбар. А это – кожа орехов кокосовой пальмы, которую мнут до тех пор, пока она не станет виться, и скручивают из нее веревки, и ими сшивают корабли. А законопачивают их паклей из ветвей финиковых пальм. Когда таким образом заканчивают сооружение джалаба, их смазывают маслом – или касторовым, или жиром акулы, и это самое лучшее. <...> – Джалаб смазывают с целью размягчить его дерево и придать ему упругость по причине множества подводных камней, встречающихся на пути в море; и поэтому не употребляют при сооружении корабля гвоздей».²⁹⁴

То же самое сообщает о кораблях, виденных им в гавани Ормуза, и Марко Поло: «Суда у них плохие, и не мало их погибает, потому что сколочены они не железными гвоздями, а сшиты веревками из коры индийских орехов. Кору эту они бьют до тех пор, пока она не сделается тонкой, как конский волос, и тогда выют из нее веревки и ими сшивают суда; веревки эти прочны и от соленой воды не портятся. <...> Железа для выделки гвоздей у них нет, болты делают из дерева, суда сшивают веревками. <...> они не осмолены, а смазаны рыбьим жиром» (*Марко Поло*, с. 68).

Брат Одорико де Порденоне, также побывавший в гавани Ормуза, рассказывает: «В этой стране люди строят корабли, называемые яссе <jasse>, и скреплены они лишь вервями. На одном из таких кораблей я плавал и не нашел в <его корпусе> ни единого гвоздя».²⁹⁵ Большие же корабли, совершавшие плаванья из Индии в Китай, были сколочены железными гвоздями.²⁹⁶

Суждения путешественников, плававших по южным морям, основаны на практических наблюдениях, за которыми угадывается здравый смысл. Фантастическая сила магнитных гор в полной мере представлена только в литературе, посвященной чудесам мира, в том числе и в сказках из цикла «Тысяча и одна ночь». Поэтому истоки сюжета о горе, притянувшей железные вещи монгольского войска, следует искать в сочинениях, повествующих о чудесах мира. В сказках «Тысяча и одна ночь» (рассказ «третьего календера и царского сына», принца Аджиба, четырнадцатая ночь) мифическая магнитная гора превратилась в одну из самых ужасных опасностей, грозящих мореходу, и ей приписывается гибель бесчисленных кораблей. Обычно сюжет строится так. Буря заносит путников в неведомую часть моря. Дозорный видит нечто, что кажется по временам то черным, то белым. Капитан в отчаянии заявляет: «Завтра к концу дня мы достигнем горы из черного камня, которую называют Магнитная гора (а

²⁹² Oppert G. Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Berlin, 1870, ss. 182-183; Р. Хенниг полагает, что речь идет о жуткой карфагенской легенде о застывшем море, контаминированной со средневековыми легендами о магнитной подводной горе (Хенниг. II, с. 452).

²⁹³ *Море Фараона* — Красное море (прим. пер., с. 261).

²⁹⁴ *Ибн Джубайр. Путешествие* / Пер. с араб., вступит. ст. и примеч. Л. А. Семенов. М., 1984. С. 38.

²⁹⁵ Цит. по: После Марко Поло, с. 175.

²⁹⁶ *Марко Поло*, с. 168.

вода насильно влечет нас к ее подножию), и наш корабль распадется на части, и все гвозди корабля полетят к этой горе и пристанут к ней, так как Аллах великий вложил в магнитный камень тайну, именно ту, что к нему стремится все железное. И в этой горе много железа, а сколько – знает только Аллах великий, и с древних времен об эту гору разбивалось много кораблей. И вблизи моря стоит купол из желтой меди, утвержденный на десяти столбах, а на куполе находится всадник и конь из меди, а у этого всадника в руке медное копье и на груди его повешена свинцовая доска, на которой вырезаны имена и заклинания. И губит людей, о царь, – говорит капитан, – именно всадник, сидящий на этом коне, и освобождение только тогда наступит, когда всадник упадет с коня». ²⁹⁷ Столбы с медными фигурами и загадочными заклинаниями, предостерегающие путешественника от желания преступить опасную черту, маркируют границы мира и связаны с представлениями об ограниченности освоенного человеком пространства. Эта тема получит развитие в «Искандер-наме» Низами, где мудрец по приказу Искандера изготавливает медную фигуру-талисман (см. ниже). В одном из рассказов из «Чудес Индии» говорится о бездне моря. Рассказ записан со слов капитана Абу-з-Захра аль-Бархатия из Сирафа. Какой-то судовладелец отправился с купцами в путь и достиг Китая, однако буря отнесла их в сторону Канопуса (звезда первой величины в созвездии Киля). «А уж кого на этом море течение заносит под самый Канопус, тот попадает в такое море, откуда нет возврата. Он попадает в бездну воды, наклонную к югу и текущую в ту сторону. По мере того как корабль подвигается вперед, морская поверхность с нашей стороны поднимается позади него, а впереди, ближе к югу, вода опускается». ²⁹⁸ Возвращение оттуда немыслимо ни при сильном, ни при слабом ветре: судно ввергается в бездну морей, окружающих мир». ²⁹⁹

§ 7. Магнитная гора в Китае.

Очевидно, что представление о магнитной горе как фантастическом препятствии на пути морских кораблей, скрепленных железными гвоздями, достаточно далеко от темы, изложенной в «Романе о Чингис-хане». Однако, в уже не раз упоминавшемся сочинении «Чудеса Индии», ³⁰⁰ среди морских историй, имеется рассказ, который, вероятно, напрямую был использован автором романа. В этом рассказе магнитная гора, способная притянуть подковы лошадей и железные части седел, а также стремяна и удила, расположена в Китае. Бузург ибн Шахрияр пишет: «Один моряк рассказывал мне, будто между Ханфу, столицей Малого Китая, и Хумданом, ³⁰¹ столицей Большого Китая

²⁹⁷ Книга тысячи и одной ночи. В восьми томах / Пер. с араб. М. А. Салье. М., 1958. Т. 1. С. 134-136.

²⁹⁸ Об отрицательном отношении к «югу» у индийцев сообщает ал-Бируни: «Индийцы считают южное направление приносящим зло. Ни одного доброго дела они не совершают, обратившись к югу, и не делают ни одного шага по направлению к югу. Они отводят югу только недобрые дела» (ал-Бируни. Индия, с. 281).

²⁹⁹ Бузург ибн Шахрияр, с. 32. Последний, кто отдал дань этой традиции, был Жюль Верн. В романе «Ледяной сфинкс» он описывает магнитную гору на Южном полюсе, притягивавшую с необычной силой суда и прочие металлические вещи из снаряжения путешественников, которые находили там свою смерть.

³⁰⁰ Сочинение «Чудеса Индии» были написаны в одном из приморских городов Южной Месопотамии или Западного Ирана и дошло до нас в единственной рукописи, переписанной в XIII в. и хранящейся в Константинополе, см.: Фильштинский И. М. Древнейший памятник описательно-географической литературы на арабском языке. (Сочинение Бузурга ибн Шахрияра «Чудеса Индии») // Вестник истории мировой культуры. 1958. № 5. С. 108.

³⁰¹ Ср.: согласно ал-Истахри (X в.), жителей земли Син и Туббет «связывают с царем Сина, пребывающим в Хумдане, как царство Рум связывают с царем, пребывающим в ал-Кунстантинийа, царство ислама связывается с повелителем правоверных, пребывающим в

(это из обоих Китаев более могущественный), и там живет великий багбур,³⁰² будто в этих местах протекает река с пресной водой и стремительным течением. Она шире, чем Тигр около Басры; на берегах ее попадают магнитные горы. По этой реке невозможно проплыть, если на кораблях есть железо, потому что эти горы обладают такой силой, что притянут такое судно к себе. Всадники проезжают по этим горам на неподкованных лошадях и берут седла, в которых нет железных частей, деревянные стремена и удила» (*Бузург ибн Шахрияр*, с. 112).

Назовем общие элементы, составляющие сюжетную ткань арабской новеллы и «Романа о Чингис-хане»: 1) магнитная гора на востоке мира, и что важно, она расположена на суше, а не на море; 2) всадники, стремящиеся перейти через гору; 3) перечни предметов из убранства верхового коня. Отметим, что подковы, седла, стремена и удила, которые используют всадники в арабской легенде, не являются предметами специального военного назначения. Перечень же снаряжения, утраченного монголами у магнитной горы, можно разделить на две части: военную (стрелы, ножи, мечи, панцири, шлемы) и «мирную» (стремена от седел, трензеля от уздечек, подковы). Наборы предметов из убранства верхового коня совпадают в обоих случаях до деталей. Последнее обстоятельство дает основание говорить о заимствовании сюжета. Перечень военных предметов был добавлен в соответствии с авторским замыслом. При этом ситуация, описанная в романе, представляет собой инверсию арабской легенды. В легенде подчеркивается, что всадники используют неподкованных лошадей, седла без железных частей, деревянные стремена³⁰³ и удила. Следовательно, они заранее знают о тающей опасности. Ситуация, описанная в «Истории Тартар», выглядит с точностью до наоборот: «<...> тут-то вот вдруг все железные вещи (стрелы из колчанов, ножи и мечи из ножен, стремена от седел, трензеля от уздечек, конские подковы, панцири с людей, шлемы с их голов) понесли к горе со стремительностью и величайшим грохотом, причем, как они сами, вспоминая эти события, рассказывали нашему брату Бенедикту с каким-то весельем, железные вещи потяжелее, как-то: панцири и шлемы, которые были вынуждены нестись по земле к горам с большой стремительностью, подымали чрезвычайно густую пыль и сильный грохот. Поэтому их охватили слепота и чрезвычайный ужас» (НТ, 12).

Багдаде, а царство Хинд — с царем, пребывающим в Каннудже», цит. по: Материалы по истории киргизов и Киргизии / Отв. ред. В. А. Ромодин. М., 1973. Вып. I. С. 16.

³⁰² Багбур или фагфур — перс. *fagfur*; букв. „сын бога“, наименование китайского императора, неточный перевод китайского титула *тянь-цзы* — „сын неба“ (прим. пер.); Ср.: Pelliot, Notes on Marco Polo. II, pp. 652-653; Согласно Ибн Хордадбеку (IX в.), титул владыки ас-Сина — Багбур (фагфур) (Ибн Хордадбек, с. 60); Гардизи (XI в.) пишет: «У китайцев много царей, но величайший из них — Фагфур. Он носит только одежду из парчи, шитую золотом, и ездит только на белых конях» (Бартольд. Т. VIII. С. 54); Ср. также со сведениями из персидского сочинения XIII в.: «Син — обширная страна. Ей положил начало Син, сын Фагфура» («Чудеса мира», с. 67, 218). Также именует китайского государя и Марко Поло: «В большой области Манги царил великий государь Факфур; был он могуществен и своим богатством, и своими землями, и народами» (Марко Поло, с. 151). Ср. Византийский автор VII в. Феофилакт Симокатта пишет, что правитель Северного Китая «называется „таисан“, что на эллинском языке означает ‘сын бога’» (Феофилакт Симокатта, с. 191).

³⁰³ Деревянные стремена известны в этнографической реальности. Интересно другое, этот предмет упоминается в списке снаряжения знаменитой экспедиции Саллама ат-Тарджумана (IX в.), отправленной багдадским халифом ал-Васиком на поиски стены, некогда воздвигнутой легендарным Зу-л-Карнайном. Снаряжая Саллама в далекий путь, халиф «приказал изготовить для людей войлочные шапки, покрытые кожей, а также изготовить для них накидки из меха и деревянные стремена» (Ибн Хордадбек, с. 129, § 77). Из дальнейшего текста не ясно, пригодились ли путешественникам названные вещи. Какое-либо оружие не упоминается. Занимательность этого перечня, где подчеркнуто отсутствуют железные предметы, в том, что он вполне сопоставим (функционально) со списком вещей из легенды о магнитной горе.

Без сомнения, в «Романе о Чингис-хане» с иронией обыгрывается эпизод, заимствованный из «Чудес Индии». И вот почему. В романе самой фантастической деталью эпизода с магнитной горой являются, как ни странно, подковы лошадей, которые с прочими железными вещами притянуты горой. Появление подков у монгольских лошадей является вымыслом, который требует объяснения. И одновременно эта деталь выдает происхождение всего эпизода. В отличие от других пород лошадей, монгольские лошади не нуждались в подковах. Одной из особенностей их экстерьера были копыта с крепким рогом, позволяющие совершать переходы по любому грунту и зимнюю тебеневку. Впечатляющую картину рисует неизвестный грузинский автор, когда описывает двухлетний разведовательный поход нойонов Джебе и Субедея: «без доспехов и на некованных лошадях, проделав подобный путь, пройдя Кивчакию и обогнув море Дарубандское, достигли Каракурума и предстали пред царем своим Чингиз-каеном. И поступили они столь необычно – прошли все пути-дороги, выйдя из Каракурума, и без роздыха да на некованных лошадях вновь в него же вернулись».³⁰⁴ По свидетельству архидьякона Фомы Сплитского, наблюдавшего в 1241 г. азиатское войско со стен родного города, «лошади у них малорослые, но сильные, легко переносящие голод и трудности, ездят они на них верхом на крестьянский манер; по скалам и камням они передвигаются без железных подков как дикие козы».³⁰⁵ Особенности экстерьера монгольских лошадей отмечает и брат Иоанн, когда сравнивает их со своими лошадьми (IX. 5). Сведения о том, что монгольские лошади не подковывались, попали и в энциклопедию Винцента из Бове (XXX, 71). Не мог этого не знать и автор романа. Эпизод с конскими подковами, притянутыми магнитной горой, является ярким свидетельством вымышленности всего сюжета.³⁰⁶ Причем, вымысел демонстрирует мастерство автора романа в использовании такого приема, как инверсия: всадники (из легенды X в.) на лошадях, у которых сняли подковы, с деревянными удилами и стременами «превращаются» в романе в монгольских всадников, чье снаряжение состоит сплошь из железных вещей. Подковы у монгольских лошадей появляются вследствие инверсии исходного сюжета. Подчеркнутое обилие железных деталей в убранстве монгольских коней прямо противоположно снаряжению коней опытных путешественников, обладающих истинным знанием о преграде. Тогда как монголы даже не догадываются о поджидающей их опасности. В результате войны Чингис-хана утрачивают свое вооружение, притянутое магнитной горой. А как расценивался и восточными, и западными средневековыми воинами факт потери оружия – общеизвестно.

³⁰⁴ Цит. по: *Цулая Г. В.* Джелал ад-Дин в оценке грузинской летописной традиции // *Летописи и хроники*. 1980. М., 1981. С. 120. Ан-Насави передает какие-то странные сведения со слов монгольского тысячника, перешедшего на сторону султана Джалал ад-Дина, будто бы однажды монголы подковали лошадей, чтобы преследовать султана (*ан-Насави*, с. 282).

³⁰⁵ *Фома Сплитский*. XXXVII.

³⁰⁶ Позже в снаряжение верхового коня монгольского времени входили и подковы, причем подковы были заимствованы у китайцев. На миниатюре XV в. из собрания Музея Топкапу Сарай хорошо видны широкие «китайские» подковы с гладкой рабочей поверхностью (Sagman, Janindi. 1986. № 91, p. 153). Подобные подковы найдены в раскопках Кара-Корума (Киселев С. В., Мерперт Н. Я. Железные и чугунные изделия из Кара-Корума // *Древнемонгольские города*. М., 1965. С. 209. Рис. 112). Аналогичные подковы найдены в нескольких экземплярах на Ананьевском и Шайгинском городищах, принадлежавшим чжурчжэням (Шавкунов Э. В. Культура чжурчжэней-удигэ XII — XIII вв. и проблема происхождения тунгусских народов Дальнего Востока. М., 1990. Табл. 33, 1), но также и на Селитренном городище (город Сарай ал-Махруса) в Золотой Орде (Fedorov-Davydov G. A. The culture of the Golden Horde Cities. BAR International series 198. 1984) — Материалы и консультация М. Г. Крамаровского.

§ 8. Магнитная гора в Китае: истоки сюжета.

Согласно арабской традиции, магнитные горы таятся на дне южных морей (см. § 6). Было бы интересно выяснить, насколько уникально сообщение «Чудес Индии» о магнитной горе, расположенной на суше. С этой целью обратимся к вопросу об истоках новеллы Бузурга ибн Шахрияра. Напомним эти сведения. Между Ханфу и Хумданом протекает река, «на берегах ее попадают магнитные горы. По этой реке невозможно проплыть, если на кораблях есть железо, потому что эти горы обладают такой силой, что притянут такое судно к себе».

В тех случаях, когда у нас есть возможность проследить происхождение сюжета на уровне «вторичных» текстов, этим не следует пренебрегать. Подобное исследование никак не скажется на результатах анализа основной темы, но позволит оценить (скрытые) способы превращения реальных сведений в легендарные. Ведь большинство сюжетов «Романа о Чингис-хане» построено на зеркальном отражении легендарных историй, которые, в свою очередь, являются отражением хоть и необычных, но реальных фактов. Обращение к «вторичным» текстам преследует единственную цель: очертить некое культурное пространство, на противоположных границах которого располагаются реальные и фантастические миры. И если для ал-Бируни легендарные сведения есть предмет для иронии и критики, то для автора «Романа о Чингис-хане» они являются материалом, из которого он конструирует инвертированный мир.

Размышляя о пользе знаний, которыми обладают опытные путешественники, ал-Бируни сообщает интересную историю из цикла морских рассказов, перекликающуюся с новеллой Бузурга ибн Шахрияра: «Незадолго до нашего времени среди опытных мореходов Сирафа был лоцман, знавший морские пути, которого звали Мафанна. Его нанял за большие деньги один из судовладельцев <для плавания> в Китай. Когда он приблизился ко входам в него, а это – русла рек, впадающих в море меж горных громад,³⁰⁷ помешал ему ветер достичь прохода, ведущего в Ханфу, а он – первый <порт> страны Китай, и он был конечной целью его <плаванья>. Мафанна пристал к другому проходу, ведущему не к городу Ханфу, но хозяин корабля попросил его вернуть <корабль> в море, имея в виду проход в Ханфу. Тогда Мафанна стал предостерегать его от несчастных морских происшествий, из которых до этого он выходил невредимым. Хозяин не согласился <с ним> и корабль был возвращен в пучину. Мафанна спрыгнул на проплывавшую мимо него доску и пробыл в море три дня и <три> ночи, пока не проплыло мимо него небольшое судно, шедшее из Забаджа³⁰⁸ в Китай и сбившееся с пути. Мафанна подал знак <находившимся на нем> и те взяли его <на борт> в силу его известности. Они обрадовались его присутствию и попросили вести их <судно>. Он потребовал за это плату. Разгневался хозяин судна и сказал ему: „Разве не хватит с тебя того, что мы спасли твою душу? И ты еще требуешь с нас плату тогда, когда стал нашим соучастником <в поисках> спасения?“ Тот ответил: „Или я вас не веду, или вы дадите мне деньги. Для меня все одно – что смерть, что прибытие в Китай в столь <тяжелом> состоянии“. Сказал хозяин судна: „Если ты не поведешь меня, я, клянусь, верну тебя к твоему <прежнему> положению!“ Тот ответил: „Твое дело“. И тогда они сбросили его на той же доске <в море> и уплыли; и продолжали <блуждать> в растерянности, пока не погибли». В конце концов лоцмана подобрало другое судно, владелец которого заплатил Мафанна требуемую сумму, и команда благополучно достигла желанной земли (Ал-Бируни. Геодезия, с. 88-89).

История о морском путешествии в Китай разворачивается в том же самом географическом пространстве, что и легенда о магнитной горе из «Чудес Индии».

³⁰⁷ Ср.: «Все порты ас-Сина находятся при впадении рек в море, куда входят <с моря> корабли. Там бывают приливы и отливы» (ибн Хордадбех, с. 81).

³⁰⁸ Забаджа — Суматра, от санскритского ее названия Javaka (прим. пер., с. 278, прим. 93).

В обоих случаях упоминаются китайский порт Ханфу, реки, текущие меж гор и впадающие в море, и «трудные ситуации», влекущие морские происшествия. Разница заключается в следующем: в рассказе о лоцмане Мафанна проходу в Китай мешает ветер, дующий меж горных громад, а в легенде появляются береговые магнитные горы, способные притянуть судно к себе. Таким образом, сведения о реальных трудностях, переходя из достоверного рассказа в легенду, сохраняют внешний событийный фон. И лишь горы превращаются в магнитные горы. В подтверждение этой мысли можно привести сведения из персидской космографии XIII в. «Чудеса мира», которые представляют один из возможных вариантов развития легенды об исчезающих кораблях у берегов Китая: «На пути в Чин на берегу моря лежат горы, в горах есть ущелье. В ущелье поселили людей, дабы они предостерегали суда, <ибо> корабль, который придет туда, сразу же исчезает. Некогда их правитель выстроил суда и посадил на них людей вместе с провизией и вином. Суда эти прочно привязали канатами в надежде, что, может быть, им удастся узнать обстоятельства, почему корабль, который доходил до того места, не мог оттуда выйти и там оставался. Конечно же, выяснить они ничего не смогли» («Чудеса мира». 361).

В этом рассказе морские корабли попадают в загадочную ситуацию: они застревают в горном проходе у берегов Китая и затем исчезают. О влиянии магнитной силы не говорится. Не очень ясно, насколько легко представление о магнитной горе, губящей корабли в открытом море, могло связаться с горным проходом, которым следовали морские корабли в Китай. Поскольку в новелле из «Чудес Индии» магнитная гора является препятствием не только для всадников, но и для морских кораблей, то эта связь представляется несомненной.

В «Искандер-наме» Низами описаны оба интересующих нас легендарных объекта. Искандер, отправившись в морское странствие, достигает середины Океана и возводит на острове медный талисман, указывающий мореплавателям, что далее пути нет. В арабских сказках о мореходах этот талисман воплощает губительную силу, тогда как в деяниях Искандера и в размышлениях ал-Бируни о границах мира³⁰⁹ он приобретает функцию предупредительного знака, поставленного на рубеже опасной зоны. Возвращаясь, корабль Искандера у берегов Китая попадает в ту же ситуацию, что и судно, ведомое лоцманом Мафанна. На входе из моря в одну из китайских рек в узком горном проходе находится ловушка. Эта ловушка является водоворотом, а не магнитом. Подобная ситуация с исчезающими кораблями описана и в персидской космографии. Возможно, причина катастроф заключалась в приливах и отливах, о которых сообщает Ибн Хордадбех. Итак, Искандер плывет от морской бездны к берегам Китая:

«Искатель мира повернул назад от стремнины.

Когда десять дней по морю проехали,

Они узнали неправильность перехода:

Издалека показалась большая гора,

В узком проходе горы от водоворота преграда.

Если корабль наезжал на преграду,

Он многие годы описывал круги,

<И> не вырывался, пока не ломался,

Никто живым не спасался от водной преграды.

Когда корабельщик достиг той черты,

³⁰⁹ Ал-Бируни. Индия, с. 195. См. эпиграф к этой главе.

Он перечеркнул круг своего корабля
 <т. е. отчаялся в возможности спасти его>
 Он выбросил якорь на низ горы
 <И> вышел на <берег>, с ним вышел отряд.
 Он стоял над тою ловушкой
 <И> поминал родных и потомков. <...>
 Знающий дело царю подал весть:
 „Из-за противной преграды морской
 Ведь каждое судно, что сюда прибывало,
 Из этой ловушки избавленья не видело. <...>
 Спасенье <лишь> в том, чтоб через эту вершину горы
 Эти люди вынесли души по суше.
 Этот путь обратно ведет на Кайсур,
 А оттуда путь в Китай имеется длинный.
 Тот долгий путь лучше, чем море,
 Ибо можно помочь долготе и дальности“»
 (Низами, с. 495-496).

Далее говорится, что мудрец и на этом острове возводит медную фигуру-талисман и укрепляет на нем барабан. Мореходы, попадающие в ловушку, должны будут ударить по барабану и тогда их корабль вырвется из круговорота.

В каждой из приведенных историй описывается «трудная ситуация», поджидающая мореплавателя в устье рек у берегов Южного Китая. Но о магнитных горах сообщается только в «Чудесах Индии». В сочинениях путешественников XIII в. можно найти продолжение той и другой традиции. Город Ханфу во времена Марко Поло оставался главной пристанью Китая: «приходят сюда из Индии и других стран большие суда с разными дорогими товарами. От города к пристани течет большая река; по ней суда поднимаются до самого города и далее».³¹⁰ В вымышленном описании кругосветного путешествия сэра Джона Мандевиля имеется рассказ об Алмазной горе, притягивающей к себе железную обшивку проходящих мимо кораблей, что приводит их к гибели.³¹¹ Арабский космограф XIV в. Закария ал-Казвини это же сказание относит к магнитной горе. Таким образом, круг сведений об адаманте (как магните) замкнулся.

§ 9. Итог.

Волшебная сила магнитной горы описана в «Чудесах Индии», о магнитных скалах в Забулистане, горной области в южном Афганистане, рассказывает ал-Бируни, подводные магнитные горы представляют препятствие на пути арабских мореходов, и, наконец, с магнитной горой сталкивается войско Чингис-хана. Последний эпизод

³¹⁰ Марко Поло. СЛП, с. 161.

³¹¹ Фишман ошибочно полагает, что этот рассказ был заимствован из книги брат Одорико де Порденоне. О магнитной горе в Китае сведений у Одорика вообще нет, и следовательно, Мандевиль не мог заимствовать их из книги Одорика, см.: Фишман О. Л. К проблеме восприятия современниками «Книги Марко Поло» и «Путешествий Мандевиля» // Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. XIX годичная научная сессия ЛОИВАН. Л., 1985. Ч. 1.

является инверсией легенды о магнитной горе в Китае. Подобно тому как из обшивки морских кораблей вылетают железные гвозди, притянутые магнитной горой, с монгольских всадников срываются железные предметы их снаряжения. Скорее всего, автор романа был знаком с легендой о морской горе, но для целей его замысла наиболее всего подходил сюжет из «Чудес Индии».

Автор романа с особым пристрастием относится к теме битв, к различным военным приемам и хитростям, к элементам воинского снаряжения. И стремится он к единственной цели: разыграть на страницах романа очередное поражение монголов, обреченных Чингис-ханом на многолетний легендарный поход к границам мира. Рассмотренный эпизод не является исключением. Избыток железного снаряжения в случае с магнитной горой «уравновешивается» отсутствием барабанов в сражении с «людьми солнца».

Замысел автора романа станет ясней, если принять во внимание все эпизоды, представленные в § 12 «Истории Тартар». Герой «Романа о Чингис-хане» – царь-завоеватель, стремящийся покорить пространства хаоса. Чингис-хан не осваивает мир – он покоряет его, но эти героические усилия тщетны. Магнитная гора, лишившая монгольскую армию оружия и доспехов, демонстрирует «трудную ситуацию», из которой Чингис-хан не находит правильного выхода и в страхе покидает враждебное пространство. Горы, встающие на пути Чингис-хана, являются одновременно и Центром мира и входом в inferнальное пространство. Притязания на овладение Центром мира оборачиваются воинственным вторжением в нижний мир. Так выглядит реконструкция авторского замысла. Автор романа выбирает темы, позволяющие выстроить непрерывный поединок с необычными преградами, ибо его герой не обладает знаниями о сакральной сущности тех явлений, с которыми он сталкивается. Заметим, что в исходных легендах все препятствия преодолимы.

Почему же Чингис-хан терпит поражения? На многочисленных примерах мы убедились, что знания о божественных границах призваны предохранять простых смертных от желания перейти запретную грань. Не случайно, в космографиях наиболее часто встречаемый образ – медный идол-талисман, предупреждающий путников, что дальше пути нет. Чингис-хан, стремясь расширить свою власть за пределы человеческого мира, словно игнорирует знаки предупреждения. Жажда экспансии и рок судьбы слепо влекут великого императора в ловушку. У подножия Каспийских гор разворачивается основное действие романа. Дальнейшие события следует рассматривать в вертикальном плане. Оружие, притянутое магнитной горой, на самом деле, летит в нижний мир. Стремление Чингис-хана объявить войну Богу оборачивается столкновением с запертым народом. На пути Чингис-хана возникают препятствия (шум солнца, магнитная гора, слепящее облако), которые по воле автора романа становятся непреодолимыми. Как правило, в космографиях перечисленные преграды располагаются на грани обитаемого и чуждого человеку пространств. В романе странствия монголов разворачиваются во враждебных мирах (границы человеческого мира давно ими преодолены), и следовательно, эти преграды воплощают конец мира. Иными словами, армии Чингис-хана приближаются к границам Космоса. Непреодолимый характер этих преград обрекает Чингис-хана на неудачу. В начале главы было отмечено, что дважды звучащий мотив слепоты является ключом к сюжету. Каспийские горы, вобрав в себя особенности различных мифических гор, стоят на краю Космоса, подобно горе Каф. То, что скрыто за ними, является божественной тайной и для Искандера, и для Чингис-хана.

3.3. Чингис-хан в стране «шумящего солнца»

§ 1. Сюжет.

Земля «людей солнца» расположена на востоке, на краю мира. Она труднодостижима и таит в себе неожиданную опасность – солнце там восходит с невероятным шумом, смертельным для жизни человека. Согласно сведениям из донесений францисканской миссии 1247 г., легендарный восточный поход Чингис-хана завершается именно в этой земле. Насколько известно, только двум литературным героям – Искандеру и Чингис-хану – удастся достичь ее пределов и испытать на себе силу необычного природного феномена.

Обратимся к сюжету. Преодолев в течение месяца великую пустыню, монголы достигли загадочной земли, жители которой определенное время года обитали в пещерах, спасаясь таким образом от шума солнца. Чингис-хан вызывает подземных жителей на бой и проигрывает его. Воины Чингис-хана не выдерживают ужасающего грохота солнца и вынуждены покинуть восточные пределы мира. Однако способ защиты от шума солнца существует. Местные жители ударами в барабаны (искусственным шумом) заглушают природный шум. Монголы узнают этот секрет от женщины, захваченной ими в плен, лишь по возвращении из похода. Описания пограничной земли и необычного солнечного феномена насыщены удивительными подробностями: «Двигаясь оттуда по-прежнему в сторону востока, более чем в течение месяца они шли по великой пустыне и достигли некой земли, где, как нам говорили в качестве достовернейшего, видели торные дороги, но не могли найти ни одного человека; но они столько искали по <этой> земле, что нашли <наконец> одного мужчину с его женой, которых привели перед <лицо> Чингис-кана. И, когда он спросил их, где находятся люди этой земли, они ответили, что живут в земле под горами. А вышеупомянутый Чингис-кан, задержав жену, послал того мужчину <к его соплеменникам>, повелев тем людям, чтобы они явились по его повелению. Тот же пойдя к ним, рассказал все, что приказал им <Чингис-кан>; они сказали в ответ, что-де придут в такой-то день к нему для выполнения его повеления. А сами тем временем, собрались по тайным путям под землей и выступили против них на бой и, внезапно напав на них, очень многих убили. А те, то есть Чингис-кан и его <люди>, (видя, что никакого успеха они не добиваются, а скорее теряют своих людей, и, потому что также не могли вынести грохот солнца; более того, в то время, когда солнце поднималось, им надлежало одно ухо приложить к земле, а другое крепко заткнуть, чтобы не слышать ужасающий шум солнца, да и таким образом, однако, они не могли уберечься от того, чтобы по этой причине очень многие из них лишились жизни), бежали и ушли из вышеозначенной земли. Однако, тех людей, а именно мужчину с женой, увели с собой; они жили в земле тартар вплоть до <своей> смерти. А будучи спрошены, почему они обитают под землей, они сказали, что в определенное время года, когда солнце восходит, раздается столь сильный грохот, что люди никаким способом не могут <его> выдержать, как выше сказано о тартарах. Более того, они в такое время даже бьют в органы и барабаны и другие инструменты, чтобы не слышать этот грохот» (LT, V. 16).

Легендарный характер этого эпизода сомнений не вызывает. При знакомстве с сюжетом возникает три независимых друг от друга вопроса: 1) из какого источника заимствованы сведения о земле «шумящего солнца»; 2) с какой целью этот эпизод вводится в историю вымышленных походов Чингис-хана? И, наконец, самый занимательный вопрос: что означает шум восходящего солнца и почему его можно заглушить грохотом барабанов? Ни один из этих вопросов ранее не был поставлен и, соответственно, не имеет решения.

Как известно, участники францисканской миссии 1247 г. были первыми европейцами, которые совершили длительное дипломатическое путешествие в Монгольскую империю. Новый взгляд на проблему источников этой миссии предполагает поиск литературных прототипов загадочных сюжетов, зафиксированных в донесениях францисканцев. В первую очередь, это касается истории походов трех армий Чингис-хана в мифические страны. В большинстве этих сведений фигура Чингис-хана уподобляется фигуре великого завоевателя древности – Александра Македонского. Комментаторы неопределенно указывают на возможное влияние романа об Александре. Поскольку существуют разные версии этого романа (греческая, сирийская, арабская, еврейская, эфиопская, персидская, древнерусская и т. д.), то хотелось бы знать, о какой из версий идет речь. У комментаторов ответа нет. Поскольку никто из исследователей не занимался структурным сопоставлением сюжетов из романа об Александре с аналогичными сюжетами из донесений францисканцев, то и вопрос о базовой версии Александрии даже не был поставлен. По этой простой причине загадочные сведения францисканской миссии так и не приобрели статус научной проблемы. Но даже определив исходную версию Александрии, мы обнаружим, что совпадают космические масштабы походов обоих героев, но смущает одно обстоятельство. Чингис-хан удивительным образом проигрывает сражения, и, как правило, не знает что делать в «трудных» ситуациях. С какими бы странными противниками или природными загадками не сталкивался бы легендарный Александр, в любой из перечисленных версий, он всегда выходит победителем. Следует предположить, что искомый базовый сюжет заведомо будет иметь существенные отличия, связанные с темой победы / поражения.

Поскольку францисканцы составили свои донесения, находясь на территории империи, то поиск источников должен вестись в рамках культурного ареала, очерченного границами империи. Речь идет о литературных источниках. В противном случае, придется согласиться с мнением большинства историков о «наивности» францисканцев, доверчиво фиксировавших различные слухи и легенды, услышанные ими во время путешествия в Азию.³¹² Ключевой вопрос заключается в следующем: в какой литературной среде и с какой целью было написано сочинение о фантастических походах Чингис-хана и его сыновей. История о вторжении монгольского войска в землю, где с шумом восходит солнце, позволяет со всей определенностью дать ответ на поставленный вопрос, поскольку мы знаем, как выглядела исходная форма сюжета.

Наибольший интерес для нашего исследования будут представлять тексты, где описывается феномен «шумящего солнца». Эта тема разрабатывалась, в первую очередь, в арабо-персидской космографической традиции (‘Омари, ат-Табари,³¹³ ал-Джахиз, Замахшари, ар-Рази, Наджиб Хамадани,³¹⁴ Закария ал-Казвини³¹⁵). Недоступный город на востоке мира, обитатели которого грохотом барабанов защищаются от шума солнца, упоминается в персидской космографии XIII в. «Чудеса мира».³¹⁶ Его название в персидских источниках – Джабалка. Средневековым

³¹² Kappler C. Monstres, démons et merveilles a la fin du Moyen âge. Paris, 1980, p. 191; Guéret-Laferté M. Sur les Routes de l’Empire Mongol. Ordre et rhétorique des relations de voyage aux XIIIe et XIVe siècles. Paris, 1994, p. 261-262; Schmieder, s. 23-31.

³¹³ The History of al-Tabari / General Introduction and From the Creation to the Flood. Transl. by F. Rosenthal. New York, 1989. Vol. I. P. 240. Ат-Табари пишет о крике солнца и луны.

³¹⁴ Ajâ’ib-Nâma [The Book of Marvels] by Muhammad b. Mahmood Hamadâni, living in the second half of the 6th century A. H. / edited by Jaafar Modarress Sâdeghi. Tehran, 1996.

³¹⁵ al-Qazwini. Atar al-bilad, publ. F. Wüstenfeld. Göttingen, 1848. (Kosmographie). T. I. S. 17-18; ал-Бакуви, с. 16.

³¹⁶ «Чудеса мира». 434. Подробнее, см. ниже, § 8.

китайцам также был известен этот легендарный город.³¹⁷ Однако наш сюжет, как будет показано ниже, заимствован из культурного фонда преданий и увлекательных историй, откуда черпал свое вдохновение великий персидский поэт Низами Гянджеви, когда создавал эпопею об Искандере, причем вопрос о шуме солнца уже представлял загадку и для этого автора. Ситуация, в которую попадает Чингис-хан, построена на инверсии эпизода из легендарных приключений Искандера, описанных у Низами. Иными словами, сюжет о восточном походе Чингис-хана есть авторский вымысел, что можно обнаружить лишь зеркально сопоставив персидский и латинский тексты.

Пожалуй, это единственный сюжет из истории вымышленных походов Чингис-хана, к которому с уверенностью можно одновременно указать и параллельный текст (первичный модуль), и «вторичные» тексты, раскрывающие историю сюжета. Таким образом, эпизод о земле «шумящего солнца» является ключевым в системе доказательств существования «Романа о Чингис-хане» как восточного литературного произведения. Убедившись в том, что описание трудной ситуации, в которую попадает Чингис-хан на краю мира, создано в результате инверсии близкого по содержанию эпизода из поэмы Низами, мы получим возможность применить «метод зеркала» и к другим сюжетам из донесений францисканцев. Поскольку инвертированный характер заимствованных тем препятствовал их распознаванию, мы уделим внимание различным (и весьма многочисленным) попыткам расшифровать сюжет о шуме солнца с помощью обычных методов. У нас есть все основания настаивать на уникальности содержания «Романа о Чингис-хане», поскольку сценарии заимствованных эпизодов, переходя из космографий в игровое поле романа, были «перевернуты». На практике это означает следующее: сложные ситуации, из которых Искандер выходит победителем, Чингис-хан проигрывает. Весь интерес вымышленных сценариев в том, как он проигрывает. И Искандер, и Чингис-хан знаковые фигуры, цари, создающие мировые империи, но их стратегии зеркально противоположны. Оба героя устремляются к границам Космоса, но если Искандер открывает фантастические миры, то Чингис-хан стремится их покорить. Невозможно назвать ни одно средневековое произведение, главный персонаж которого, повторяя подвиги легендарного Искандера, не справляется ни с одной из трудных ситуаций. Однако последнее обстоятельство не обратило на себя должного внимания. Создается впечатление, что мировая наука не сталкивалась с такого рода литературными текстами и не умеет с ними работать.

Сведения францисканцев об оглушительном шуме, производимом восходящим солнцем, привлекали внимание многих исследователей. Однако ясного ответа о происхождении этого сюжета не существует, хотя большинство авторов думает иначе.³¹⁸ П. Пелльо³¹⁹ отмечает, что Ф. Риш в своем комментарии к сведениям брата Иоанна объединил интересные тексты, и в качестве дополнения к ним отсылает читателя к заметке А. Муля.³²⁰ Определенную параллель к вышеуказанному сюжету Риш находит у Тацита и в словаре Якута (последнее свидетельство приводится ниже, при разборе

³¹⁷ *Chau Ju-kua: His Work on the Chinese and Arab Trade in the twelfth and thirteenth Centuries, entitled Chi-fan-chn / translated from the Chinese and Annotated by F. Hirth, W. W. Rockhill. St.-Petersburg, 1911. P. 153. Здесь же указана ссылка на «Историю» ат-Табари (I. 68), где говорится о Джабалка.*

³¹⁸ Бруннхофер, указав на несколько разрозненных материалов, объявил вопрос решенным, см.: *Brunnhöfer H. Das Getöse des Jonnenaufgangs // ZDMG. 53. 1916. S. 298-300.*

³¹⁹ *Pelliot, Recherches, p. 37.*

³²⁰ Муль предполагает, что речь может идти о таком природном явлении как «поющие пески», которое наблюдается в некоторых пустынях на закате солнца, и не исключает, что это явление могло послужить причиной возникновения верования, бытующего в различных частях Азии, в то, что солнце на восходе или закате само производит ужасающие шумы, см.: *T'oung Pao. 1931. T. 28, pp. 86-87. Недавно к этому объяснению вернулись польские авторы, см.: SDH, ss. 193-194.*

теории Дж. А. Бойля).³²¹ Наиболее любопытным из материалов Риша является вариант легенды о трех святых королях из занимательного литературного сочинения *Historia de translatione beatissimorum trium regum*, автором которого был Иоанн Хильдесхаймский (ум. 1370 г.): «Три короля приехали с Востока, там где край земли кончается и восходит солнце. Там, при наступлении нового дня и на заре, солнце восходит с таким большим грохотом и шумом и таким ужасным отзвуком, что тот, кто к этому не привычен, не смог бы этого вынести. От этого шума небесной тверди люди рождаются глухими».³²²

Легенду о трех волхвах, что ходили поклоняться Господу, пересказывает и Марко Поло, помещая их родину в Персии.³²³ В городе волхвов в Персии в 1246 г. побывал Смба́т Спарапет,³²⁴ а в начале XIV в. брат Одорик де Порденоне,³²⁵ но ни один из названных путешественников не связывает родину волхвов с краем земли, где с шумом восходит солнце. Последнее обстоятельство указывает на необычный характер предания, в котором фигурирует шум небесного светила. Происхождение сведений Иоанна Хильдесхаймского остается загадкой. Связать же эту легенду с сюжетом о походе Чингис-хана к восточному краю мира, невозможно, потому что совпадает лишь один элемент: шум солнца. То же самое можно сказать и о следующем источнике.

Все комментаторы обращают внимание на сведения Корнелия Тацита о шуме, возникающем при всплытии солнца из морской пучины на северном необитаемом побережье. О смертоносном шуме, рождающемся в море на восходе солнца, пишет Низами (см. § 6). В персидской космографии XIII в. также говорится, что на востоке мира «при восходе солнца вода в море начинает бурлить и <от нее> идет страшный рев» (см. § 8). Сведения Тацита важны как свидетельство архаической глубины мотива морского шума, но они никак не связаны с легендарным сюжетом из донесений францисканцев. В сочинении, посвященном германцам, Тацит пишет: «За свионами еще

³²¹ Risch, ss. 133-135. Создается впечатление, что Риш принимает брата Иоанна за автора описания легендарного похода Чингис-хана. Так, Риш ставит в вину брату Иоанну попытку связать в одном сюжете шум солнца и грохот тимпанов и литавр. Попытка Риша привлечь для объяснения сюжета монгольские материалы, связанные с затмениями солнца и луны (когда при помощи музыкальных инструментов устраивался шум, чтобы спасти небесные светила) не выглядит убедительной, ср.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические. СПб., 1883. Вып. 4. С. 192-193.

³²² Цит. по: Zarncke F. Der Priester Johannes. Leipzig, 1879 — 1880. S. 156; см. также: Kehrer H. Die Heiligen Drei Könige in Literatur und Kunst, 2 Bde. Leipzig, 1908 — 1909 (reprint: Hildesheim; New York, 1976); Zeno oder die Legende von den Heiligen Drei Königen, ed. A. Arfwidsson. Lund; Kopenhagen, 1940 (Lunder Germanistische Forsch. 10).

³²³ Марко Поло, с. 63-64.

³²⁴ Смба́т Спарапет в послании из Самарканда Кипрскому королю Генри Лузиняну отмечал: «Мы узнали также достоверно, что вот уже пять лет прошло с тех пор, как скончался отец ныне царствующего хана. Но бароны и вельможи татарские были так рассеяны повсюду, что они едва смогли собраться в течение этих пяти лет в одном месте, чтобы посвятить и короновать последнего, ибо одни находились в Индии, другие — в Китае, иные — на Руси, а остальные — в стране Гасрат <Гейрат> и Гангат, которая является землей, откуда вышли три царя, чтобы приветствовать Иисуса Христа, и все народы этой страны — христиане. Я сам заходил в их церкви и видел там изображение Иисуса Христа и трех царей, принесших ему золото, мирру и фимиам. Этими царями народности были обращены в новую веру, и благодаря им хан и его <ближние> совсем недавно стали христианами настолько, что перед своим двором они имеют церкви и колокола, в которые они звонят, ударяя в них деревянными палками, и, идя к хану, их повелителю, они обязаны раньше зайти в церковь поклониться Иисусу Христу, прежде чем приветствовать императора», цит. по: Смба́т Спарапет. Летопись / Пер. с др.-арм., пред. и прим. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974. С. XIX. Локализация топонима Гангат не ясна.

³²⁵ После Марко Поло : Путешествия западных чужеземцев в страны Трех Индий / Пер. с лат. и староитал. яз., вступит. статья и прим. Я. М. Света. М., 1968. С. 172-173.

одно море – спокойное и почти недвижимое, которым, как считают, опоясывается и замыкается земной круг, и достоверность этого подтверждается тем, что последнее сияние заходящего солнца не гаснет вплоть до его восхода и яркость его такова, что им затмеваются звезды, да и воображение добавляет к этому, будто при всплытии солнца слышится шум расступающейся пред ним пучины и видны очертания коней и лучезарная голова. Только до этого места – и молва соответствует истине – существует природа» (§ 45).³²⁶

Тацит говорит о явлении незаходящего солнца в северных широтах, а то, что добавляется им о шуме расступающейся морской пучины, является фрагментом другого мифа. Древние римляне, обожествляя солнце, представляли его себе в виде лучезарного Феба, ежедневно выезжающего на небосклон в запряженной четверкой лошадей колеснице. Ср. с гимном Солнцу (Сурье) в Ригведе (X. 37. 3): «Когда с крылатыми конями ты движешься на восток, то идет следом темная <сторона>; с другой, блестящей, ты восходишь, солнце».³²⁷ Ал-Бируни известно предание о Ромуле, первом царе Рима, который воздвиг «четыре изображения <в честь> солнца на четырех лошадях: зеленое для земли, голубое для воды, красное для огня и белое для воздуха. Эти изображения до сих пор остались стоять в Риме».³²⁸

Параллельный текст в «Истории Тартар» брата Бенедикта содержит некоторые подробности, отсутствующие в версии перевода брата Иоанна. В тексте приводится монгольское название земли – Нараирген, что далее переведено латинским *homines solis* и означает на обоих языках ‘люди солнца’ или ‘солнечный народ’.³²⁹

«Итак, Чингис-хан в страхе бежал вместе с войском и, оставляя горы справа, двинулся на северо-восток. Наконец, после того как в течение еще трех месяцев они непрерывно с трудом совершали путь через пустыни, он приказал ввиду нехватки пропитания, чтобы они съедали каждого десятого человека из каждых десяти. Спустя эти три месяца он достиг великих гор земли, которая называется Нараирген, то есть «люди солнца», ведь *нара* по-тартарски на латыни означает *sol* (солнце), *<a> ирген* – *homines* (люди). А когда он нашел торные дороги и <не встретил> никаких людей, он вместе со своими <людьми> пришел в очень сильное удивление. Вслед за тем, когда был найден единственный мужчина со <своей> женой, он стал при помощи многочисленных переводчиков спрашивать о людях земли, где они находились, и, узнав, что они обитают в подземных домах под горами, он, удерживая <при себе> женщину, послал мужчину, которого взяли в плен, с вопросом, собираются ли они выйти для войны <с ним>. Но в то время, как тот возвращался <домой>, тартары, поскольку наступило утро, пали ниц на землю при восходе солнца из-за шума восходящего солнца и многие из них именно там умерли. А жители <этой> земли, узнав о врагах, напали на них ночью и убили многих из тартар. Чингис-хан, увидев это, удалился вместе с остатками <своего войска>, уведя тем не менее с собой взятую в плен жену <местного жителя>. Впоследствии она, как сами

³²⁶ Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Т. I. Анналы. Малые произведения / Издание подготовили А. С. Бобович, Я. М. Боровский, М. Е. Сергеев. Л., 1970. С. 371-372; Попытка дать исключительно физическое объяснение этому феномену не может быть признана удовлетворительной, см.: Die Germania des Tacitus. Erläutert von R. Much; Dritte, beträchtlich erweiterte Auflage, unter Mitarbeit von H. Jankuhn; hrsg. W. Lange. Heidelberg, 1967, ss. 506-507.

³²⁷ Aufrecht Th. Die Hymnen des Rigveda. Vol. II., Aufl. 3. Berlin, 1955. S. 327.

³²⁸ ал-Бируни. Индия, с. 132. Эти сведения ал-Бируни заимствовал из «Летописи» византийского автора Иоанна Малалы (пер. половина VII в.).

³²⁹ Painter, p. 65. n. 5; Пейнтер, со ссылкой на работу Ф. Кливса (*Cleaves F. W. An Early Mongolian Version of the Alexander Romance* // HJAS. 1959. Vol. 22, pp. 28-29), пытается объяснить феномен шумящего солнца заимствованием сюжета из китайской истории о стране Sha-pi-ch'a (об этой стране см. ниже в § 6).

тартары сообщали <нашим> братьям, долгое время оставалась с ними, утверждая <при этом> без <тени> сомнения, что вышеназванная земля расположена в самых крайних частях света и что дальше нет никакой земли, разве только одно море-океан. Поэтому, из-за чрезмерной близости <к этой земле> восходящего из моря солнца, в этой области в летнее время слышится столь своеобразный шум и грохот от противоположности солнца и небосвода, что ни один из людей не осмеливается жить под открытым небом на земле до тех пор, пока солнце не продвинется по своему зодиакальному пути на юг, чтобы не умереть тотчас как будто от <удара> грома или не претерпеть <другого> вреда. Поэтому существует также <обычай> в это время бить в громаднейшие барабаны и в другие инструменты в пещерах <внутри> гор, чтобы звуком барабанов оградиться от шума солнца. Эта страна, если перейти через горы, равнинна и плодородна, но невелика» (НТ, 13-14).

Описание загадочного природного феномена совершенно не ясно, но особенно туманна связь между шумом восходящего из моря солнца и указанием на «противоположность солнца и небосвода». Впрочем, это загадка существует уже много столетий. Тема «шумящего солнца» разрабатывалась в первую очередь в персидской космографии, и отражение ее в «Романе о Чингис-хане», сохранившееся в латинской версии, передано наиболее адекватно, насколько это было под силу переводчикам XIII века.

§ 2. Загадочный инструмент «людей солнца».

Нет сомнений в том, что легенда о земле Нараирген записана францисканцами со слов неких рассказчиков (брат Иоанн пишет: «как нам говорили в качестве достовернейшего»; а в версии перевода брата Бенедикта, изложенной Ц. де Бридиа уточняется: «как сами тартары сообщали <нашим> братьям»). Пассаж из «Истории Тартар», где фигурирует монгольское название *Нараирген* и передано точное значение этого слова, свидетельствует о факте перевода. Прямой перевод с восточного языка на латынь был невозможен без посредничества русских толмачей. Передавая содержание легендарных сюжетов, брат Иоанн в пятой главе своего донесения дважды упоминает русских священников, участвовавших в переводе (V. 13; 33). Указанные обстоятельства заставляют внимательнее отнестись к тем фрагментам переводного сюжета, где речь идет о музыкальных инструментах. Адекватная передача терминов, обозначающих тот или иной предмет чужой материальной культуры, представляет известную трудность. Для целей нашего исследования важно выяснить, с помощью каких инструментов жители восточной земли побеждают шум солнца. Кажется, никого из исследователей не смутила фраза брата Иоанна об *органах*, в которые, наряду с тимпанами, бьют жители пещер; в версии перевода брата Бенедикта органы не упоминаются. Что следует понимать под *органами*? Буквальный смысл текста таков, что органы были ударными инструментами:

Immo etiam tunc percutiebant in organis et tympanis, et in aliis instrumentis, ut illum sonitum non audirent 'они в такое время даже бьют в органы и барабаны и другие инструменты, чтобы не слышать этот грохот' (LT, V. 16).

Inde est etiam quod eo tempore tympana maxima et alia instrumenta percutiunt in cavernis montium ut sono tympanorum solis strepitum intercludant 'существует также <обычай> в это время бить в громаднейшие барабаны и другие инструменты в пещерах <внутри> гор, чтобы звуком барабанов оградиться от шума солнца' (НТ, 14).

Неясность пассажа брата Иоанна об органах как ударных инструментах побудила переводчиков прибегнуть к различным трактовкам. Некоторые считают, что на органах

играют;³³⁰ по мнению других, в этот предмет бьют, но тогда этот инструмент уже не орган.³³¹ На самом же деле, проблема вполне разрешима; этот пассаж следует воспринимать буквально, потому что слово *organ* (услышанное братом Иоанном от русских переводчиков) в древнерусском языке означало ударный инструмент, возможно, военный барабан.³³² Следовательно, *organis* и *timpanis* означают на двух языках один и тот же предмет – барабан. Как уже отмечено, в версии перевода брата Бенедикта, владевшего русским языком, слово *organis* отсутствует. Это показывает, что брат Бенедикт вполне различал названные термины. Ср. со сведениями об органах (барабанах) в русских источниках по словарю Срезневского: «Громко въ варганы бьютъ» (Мамаево побоище. 26); «Начаша сурны играти и в варганы и в накры бити» (Никон. лет. 6961 г.); «Многихъ Литовскихъ людей побиха, и знамены и варганы у нихъ поимаша» (Никон. лет. 7044 г.).³³³ «Александр рече: ударите в бубны иже зовутца арганы, сии же таково три разныхъ писков имеютъ» (Александрия. 238 об. XVII в. ~ XV в.); «Изрлтене ... навывоша от нихъ <египтян> играти же и ликовати и арганомъ мусикеиском <музыкальным> услажатися» (Просв. Иос. 132. XVII в. ~ XVI в.); «Орган, сосуд гудебный, якобы труба, свирель и тимпан и гусли, и подобные им» (Алф., 158 об. XVII в.).³³⁴

Я полагаю, что латинское *percutiebant in organis* 'бьют в органы' имеет прямое литературное соответствие в древнерусском выражении «бити сребреныя арганы» из «Моления» Даниила Заточника: «Въструбимъ яко во златокovanja трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити сребреныя арганы возвитие мудрости своеа».³³⁵ В Повести о Куликовской битве есть следующий эпизод: «В святое воскресенье после заутрени начали многие ратные трубы трубить и органы многие бить».³³⁶ Переводчики признаются, что им неясно о каком музыкальном инструменте под названием *organ* идет

³³⁰ Перевод Шмидер: «Auch sie spielen dann auf Orgeln und Trommeln und anderen Instrumenten, damit sie den Lärm nicht hören müssen» (*Schmieder*, s. 68); ср. с итальянским переводом, выполненным Лунгаротти: «Li sotto, infatti, per non udire quel boato, facevano rumore con organi, timpani ed altri strumenti» (SM, p. 357). Ср. также с польским переводом: «A nawet wtedy zagluszaja ten halas dzwiekami piszczalek, kotlow i innych instrumentów, azeby go nie slyszec» (*Młodecki*, s. 135).

³³¹ Ср. с переводом Малеина: «<...> они даже били тогда в бубны, тимпаны и другие инструменты, чтобы не слышать этого шума» (*Малеин*, с. 43). Малеин не объясняет почему слово *organis* он переводит как *бубны*. Возможно, он воспользовался текстом русской Александрии, где слово арганы означает бубны. Ср. со старым немецким переводом: «Dann müßten sie sogar selbst mit ihren Musikwerkzeugen, mit Pauken und mit andern Instrumenten, einen wahren Höllenlärm machen, um jenes Getöse zu übertönen» (*Risch*, s. 134-135). Риш переводит *organis* неопределенным «Musikwerkzeuge» 'музыкальный инструмент».

³³² Рабинович М. Г. Музыкальные инструменты в войске древней Руси // СЭ. 1946. № 4. С. 157, 159. По мнению Рабинович, связь упоминаемых в русских летописях *органов* с известными народными музыкальными инструментами не прослеживается и как выглядели органы — сказать трудно. Для нашего же исследования важно, что органы были ударными инструментами (в них бьют, а не играют), что находит прямое соответствие со сведениями брата Иоанна, который зафиксировал в своем переводе русский термин.

³³³ Цит. по: Срезневский. Материалы. Т. I. Стб. 227; Т. II. Стб. 705; См. также: Словарь древнерусского языка (XI — XIV вв.). Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1990. Т. I. С. 92.

³³⁴ СлРЯ XI — XVII вв. Вып. 13. С. 62.

³³⁵ ПЛДР. XII век. М., 1980. С. 388. Ср. там же с переводом Д. С. Лихачева: «<...> и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью». Неясно, почему слово *бити* у него переведено как *заиграем*.

³³⁶ Повести о Куликовской битве / Изд. подг. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959. С. 256.

речь.³³⁷ Для того, чтобы разъяснить туманный пассаж об органах следует обратиться к эпизоду из сербской Александрии, где говорится о музыкальных инструментах, и сравнить с тем, как понимали этот эпизод древнерусские переводчики. Согласно сербскому варианту, Александр окружает войско куманов огнями и приказывает бить в *накарады* и *праскавицы* («трубами же гласовними и накарадем и праскавицама ить в _едуетеле бити»).³³⁸ *Накарада* – ‘барабан’, персид. *naqqare* заимствовано из тюрк. *nakkare* ‘боевой барабан’; в тексте Александрии встречается и термин *анакарада* «барабан в форме котла», среднегреч. и вост.-слав. подтверждается с конца XIV в.³³⁹ На Руси «Сербская Александрия» появилась в XV в. и вот как выглядит древнерусский перевод: «вострубити повеле в многы трубы съгласны, ударити повеле в варганы и праскавицами около их бити повеле». ³⁴⁰ Итак, Александр приказал бить в *органы*. Следовательно, органы и есть боевые барабаны; после битвы Александра с Дарием победителю достались «трубы великия, и органы, и кони вси оружныя». ³⁴¹ Интересующий нас пассаж (по списку XVII в.) переведен так: «в нощи же с воями пришедъ, огню много около ихъ наложить повеле и трубамъ многогласным ударити повеле и пушками бити около их повеле» («ночью с воинами пришел, и повелел огня много около них зажечь, и в трубы многогласные трубить, и из пушек стрелять»). ³⁴² Для переводчика XVII в. названия инструментов представляли уже непреодолимую трудность, и он опустил их, заменив более понятным ему боем пушек. В «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (1475 г.) при описании торжественного выезда султана используется термин *накар* означающий «барабаны». Триста слонов с башнями сопровождали тысяча коней в золотой сбруе и сто верблюдов с большими барабанами, и триста трубачей («да верблюдов сто с нагарами, да трубников 300»). ³⁴³ В Летописном изводе «Хождения» переписчик заменил неизвестное ему слово *накар* на русское *варган*. Английский посланник Джилс Флетчер (1591 г.) пишет о снаряжении русской армии: «Большие дворяне, или старшие всадники, привязывают к своим седлам по небольшому медному барабану, в который они бьют, отдавая приказание или устремляясь на неприятеля. Кроме того, у них есть барабаны большого размера, которые возят на доске, положенной на четырех лошадях. Этих лошадей связывают цепями, и к каждому барабану приставляется по восьми барабанщиков. Есть у них также трубы, которые издают дикие звуки, совершенно различные от наших труб. Когда они начинают дело или наступают на неприятеля, то вскрикивают при этом все за один раз так громко, как только могут, что вместе со звуком труб и барабанов производит дикий, страшный шум». ³⁴⁴ Приведенных примеров достаточно, чтобы с уверенностью утверждать следующее: древнерусский переводчик, помогавший францисканцам, термином *орган* передал восточный термин, означающий *барабан*, что было затем переведено на латынь как *тимпан*.

³³⁷ Там же, с. 284, прим. 51.

³³⁸ Српска Александрида. Свеска друга / Приредиле Р. Маринковић_Тб@Јерковићу Београд, 1985. С. 64.

³³⁹ Die Serbische Alexandreis nach der Sofioter illustrierten Handschrift Nr. 771. Text und Übersetzung von D. Christians. Kitzinger; Weimar; Wien, 1991. S. 79.

³⁴⁰ Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.; Л., 1965. С. 14.

³⁴¹ Там же, с. 37.

³⁴² ПЛДР. Вторая пол. XV века. М., 1982. С. 38-39.

³⁴³ Хождение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. Л., 1986. С. 13, 53.

³⁴⁴ Флетчер Дж. О государстве русском. 1591 г. / Под ред. князя Н. В. Голицына. СПб., 1911. С. 99.

Вернемся к сведениям брата Иоанна. В XIII в. в Западной Европе было два вида маленьких органов, которые обозначались терминами *позитив* и *портатив*. Эти органы имели один ряд трубок, а механизм, который бы позволил открывать и закрывать регистры не был еще изобретен. Играя на портативе, музыкант левой рукой давил на меха, а правой на кнопки.³⁴⁵ Эти инструменты не назывались органами, поэтому какая-либо путаница в терминах исключена.

Итак, обитатели земли Нараирген используют большие барабаны, грохотом которых заглушают шум восходящего солнца. Этот вывод находит подтверждение в параллельных персидских известиях о легендарном городе Джабалка, расположенном на востоке, на берегу моря. При восходе солнца вода в море начинает бурлить и от нее идет страшный рев. Жители изготовили барабаны и бьют в них в это время, дабы меньше слышать рев моря.³⁴⁶ Барабанным боем побеждает шум солнца и Искандер, достигнув камфорного города на берегу моря на краю мира (см. ниже § 6).

§ 3. Нараирген. Обзор исследований.

Сюжет о земле Нараирген, пожалуй, единственный из донесений францисканцев, вызвавший оживленную дискуссию с момента открытия и публикации «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа. Последние исследования по этому вопросу принадлежат лингвисту Д. Шинору³⁴⁷ и историкам Дж. А. Бойлю³⁴⁸ и К. Пиеткиевич.³⁴⁹ Все специалисты справедливо сходятся во мнении, что монгольское название земли *Нараирген* действительно означает 'люди солнца'. Монг. *nara* 'солнце' и *irgen* 'люди' четко идентифицируемые слова; общемонгольское *nara(n)* 'солнце', засвидетельствованно для XIII в.³⁵⁰ Относительно же местоположения этой земли существует целый спектр мнений. В версии перевода Бенедикта сказано, что «вышеназванная земля расположена в самых крайних частях света и дальше нет никакой земли, разве только одно море Океан». И хотя столь необычное явление, как «шум

³⁴⁵ *Montagu J. Geschichte der Musikinstrumente in Mittelalter und Renaissance. Basel; Wien, 1981. S. 36.* Там же воспроизведены цветные средневековые иллюстрации.

³⁴⁶ «Чудеса мира». 434.

³⁴⁷ *Sinor D. Mongol and Turkic Words in the Latin Versions, pp. 542-545.*

³⁴⁸ *Boyle J. A. The Alexander Legend in Central Asia // Folklore. 1974. LXXXV, pp. 221-222; Id., The Alexander Romance in Central Asia // Zentralasiatische Studien des Seminars für Sprach- und Kulturwissenschaft Zentralasiens der Universität Bonn Kommissionsverlag Otto Harrassowitz. Wiesbaden. 1975. IX, pp. 265-273; Id., Narayrgen or the People of the Sun // Altaica collecta (Berichte und Vorträge der XVII. Permanent International Altaistic Conference 3. — 8. Juni 1974 in Bonn / Bad Honnef) / W. Heissig. Wiesbaden, 1976, pp. 131-136. (Дальнейшие ссылки на последнюю работу — Boyle)*

³⁴⁹ *Pietkiewicz, s. 257.* Польские авторы принимают результаты исследований Пейнтера (*Painter, p. 65*) и Шинора, который пишет о земле Нараирген как самом раннем упоминании о Японии в западноевропейских источниках.

³⁵⁰ Ср.: *Sinor D. Mongol and Turkic Words in the Latin Versions, pp. 541-542*; ср. с термином *hoyin irgen* 'лесные народы' («Сокровенное сказание», § 239); другие примеры (*Baytad irgen, Dörben irgen, Kereyid irgen, Madasari irgen, Naiman irgen* и т. д.) см.: *Cleaves, p. 243*; кажется очевидным, что легендарное название *Narayrgen* создано по этой же форме; о термине *ирген*, см.: *Кононов А. Н. Опыт анализа термина turk // СЭ. 1949. № 1. С. 100*; *Скрынникова Т. Д. Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М., 1997. С. 22-27.* Армянский историк Киракос, находясь в монгольском плену в качестве переводчика, составил «армяно-монгольский словарь», в котором есть интересующие нас слова: солнце — *наран*; человек — *эрэ, аран* (*Киракос Гандзакец, с. 173*); о монгольских словах у Киракоса см. также: *Мелик-Оганджян К. А. Предисловие. Корюн и его «История Маштоца» // Корюн. Житие Маштоца. Ереван, 1962. С. 87; Ligeti L. Le lexique mongol de Kirakos de Gandzak // АОН. 1965. XVIII : 3, pp. 241-297.*

солнца» у крайних пределов мира, ясно указывает на вымышленный характер всего сюжета, не раз предпринимались попытки разыскать землю Нараирген в реальном географическом пространстве. Однако легендарные походы Чингис-хана разворачиваются исключительно в мифических пространствах. В главе 3.1. дано объяснение восточного направления похода Чингис-хана. По замыслу автора романа, Чингис-хан, как и легендарный Искандер, достигает того места, где восходит солнце, но в отличие от своего предшественника, не выдерживает этого испытания.

Скажем несколько слов о карте, приложенной к рукописи «Истории Тартар» (речь идет о так называемой карте Винланда). Это *mapa mundi*, трехчастная карта мира, где изображены Европа, Азия и Африка. На востоке Азии помещено Великое море Тартара (*Magnum mare Tartarorum*) с ясно прочерченными несколькими большими островами. По мнению издателей, Великое море Тартара не имеет прецедентов в картографии. Что же касается местоположения островов, то сошлемся на мнение Р. А. Склтона, который писал: «Мы можем выбирать между предположением, что они были плодом вымысла картографа, и признанием того факта, что он имел более точные сведения об островах на востоке, вероятно, о Корее и самых больших островах Японии, очертания которых, удивительным образом напоминают изображения карты Vinland». ³⁵¹ В легенде на карте, касательно Великого моря Тартара, говорится: «тартары утверждают, без <тени> сомнения, что новая земля расположена в самых крайних частях света и дальше нет никакой земли, разве только одно море-океан». Легенда воспроизводит почти слово в слово пассаж из донесения брата Бенедикта, но искажает значение оригинала, говоря о «новой земле» (*nova terra*), вместо «вышеупомянутая земля» (*dicta terra*). Это изменение поставило в тупик Склтона. Как справедливо отметил Шинор, выражение *nova terra* скорее вызывает ассоциации с эпохой великих географических открытий, нежели с XIII веком. Далее Шинор, отказываясь рассматривать спорный вопрос о подлинности карты, заявляет: если карта настоящая, то восточные острова – самое раннее изображение Японии на карте. ³⁵² Отметим, что ни о каких островах ни у брата Иоанна, ни у брата Бенедикта не говорится. Согласно сведениям францисканцев, земля «людей солнца» расположена на самом краю земли на берегу Океана. Однако это обстоятельство не помешало Б. Шчешняк с уверенностью отождествить Нараирген с Японией. ³⁵³ Как заметил по этому поводу Бойль, название Нараирген, которое пытаются прикрепить к одному из островов Великого моря Тартара, на карте Винланда отсутствует вообще. ³⁵⁴ Казалось бы, предмета для дальнейшей дискуссии нет. Однако Шинор вновь вернулся к этой теме и представил доводы в пользу отождествления Нараирген с Японией. Он пишет, что название *Jih-rkn-kuo* 'Страна источника солнца' использовалось японцами с VII века. ³⁵⁵ В Китае по-разному именовали Японию, но название *Jih-rkn* было известно уже в период Тан и в анналах этой династии записано: «имя *Jih-rkn* происходит от того факта, что страна эта находится около места, где восходит солнце». ³⁵⁶ В XIII в. это название и его значение были хорошо известны на Востоке и в Центральной Азии. Марко Поло знал его в форме *Zipingu* (Чипингу,

³⁵¹ The Vinland Map and the Tartar Relation / by R. A. Skelton, Th. E. Marston, and G. D. Painter, p. 152.

³⁵² Sinor, Mongol and Turkic Words in the Latin Versions, p. 544.

³⁵³ Szczesniak B. B. Notes and Remarks on the Newly Discovered Tartar Relations and the Vinland Map // JAOS 86. 1966, p. 376.

³⁵⁴ Boyle, p. 132.

³⁵⁵ Sinor, Mongol and Turkic Words in the Latin Versions, p. 544.

³⁵⁶ Там же, p. 544.

Зупунгу).³⁵⁷ Этот же этноним употребляется и персидским историком Рашид ад-Дином (Jimingu).³⁵⁸

По мнению Шинора, монгольское Нараирген ‘солнечный народ’ является адекватной калькой *Jih-pkn kuo*. Так ли это было на самом деле, спрашивает Шинор, и признается, что ему не известен ни один древний монгольский текст, в котором упоминалось бы это или какое-либо иное название Японии. Несмотря на это признание, он заключает: «НТ содержит самое раннее монгольское название Японии и, что еще более важно, она является первым западным текстом, упоминающим Японию, опережая книгу Марко Поло на несколько десятилетий; это дает основание предположить, что самый восточный остров карты, приложенной к НТ, действительно представляет Японию и, стало быть, карта не является подделкой».³⁵⁹ Однако поскольку подлинность карты Винланда все же вызывала серьезные сомнения, то Шинор предлагает не связывать в единый узел проблему подлинности карты и текст «Истории Тартар». В заключение он пишет: «Даже если не принимать во внимание карту, отождествление Нараирген с Японией фактически не вызывает сомнений».³⁶⁰ Карта Винланда оказалась поздней подделкой,³⁶¹ и показания этой карты для отождествления Нараирген с Японией не могут больше рассматриваться.³⁶² Бойль справедливо замечает, что интерпретация Шинора (Naraurgen как двойной перевод кит.-японского *Jih-pkn kuo*) имела бы основание лишь в том случае, если историю, переданную францисканцами, рассматривать изолированно и как исключительно монгольскую по своему происхождению. По мнению Бойля, «люди солнца» являются не более чем мифологическими троглодитами из христианской легенды об Александре Македонском. Версии этой легенды, по его мнению, могли быть принесены в Восточную Азию несторианскими миссионерами за много веков до путешествия брата Иоанна ко двору великого хана.³⁶³ Именно это и стремится показать Бойль в своей статье. Подобная гипотеза вполне приемлема, однако она нуждается в серьезном обосновании. В другой своей работе Бойль отмечает, что «народ солнца» ясно идентифицируется с обитателями пещер из указанной выше христианской легенды об Александре, Корана и тюркского предания X столетия о дождевом камне.³⁶⁴ Каждый из примеров Бойля будет рассмотрен нами отдельно, в том числе, и сирийская легенда об Александре, в которой описываются люди, живущие на краю земли и спасающиеся в пещерах от жара солнца. Ни в одном из четырех текстов, на которые ссылается Бойль, не упоминается шум солнца. Уже одно это обстоятельство ставит под сомнение выводы Бойля, который ограничивает свои поиски минимальным кругом источников и не обращается к персидским сочинениям, в которых собственно и представлен интересующий нас сюжет.

³⁵⁷ Марко Поло, с. 169, 170.

³⁵⁸ Шинор ссылается на: Pelliot P. Notes on Marco Polo. I, p. 608-609; В русском переводе: «Посреди океана есть большой остров под названием <Жи-бэнь-го ~ Япония>» (Рашид ад-Дин. Т. II. С. 184). См. также: Минаев И. П. Путешествия Марко Поло // Зап. ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1902. Т. XXIV. С. 239-243.

³⁵⁹ Sinor, Mongol and Turkic Words in the Latin Versions, pp. 542-543.

³⁶⁰ Там же, p. 543.

³⁶¹ Ср.: Коган М. А. Разоблаченный подлог: эпилог спора о подлинности Йельской карты // Известия ВГО. 1976. Т. 108. С. 324-328.

³⁶² Boyle, p. 132. Здесь же см. литературу о дискуссии по этому вопросу.

³⁶³ Boyle, p. 133.

³⁶⁴ Boyle, The Alexander Romance in Central Asia, pp. 268, 271.

§ 4. Постановка проблемы.

Наше исследование, в конечном счете, сводится к двум задачам: к поиску наиболее близких параллельных текстов, способных пролить свет на загадочный сюжет о шуме восходящего солнца, и уже на этом основании – к выяснению истинного замысла автора «Романа о Чингис-хане». Последнего можно достичь, обнаружив исходную форму легенды и сравнив ее с версией романа. Хотя заранее стоит сказать, что удивительные приключения Чингис-хана в земле Нараирген не имеют прямых литературных аналогий (ведь почти все сюжеты романа являются «перевернутыми» версиями легенд, которые легко обнаружить в персидских Александриях и сочинениях в жанре 'аджа'иб). Поскольку не исключается, что сюжет о шуме солнца мог иметь собственную «запутанную» предысторию, прежде чем вошел в повествования об Искандере и Чингис-хане, то предлагаю выделить в нем исходные элементы, формирующие структуру повествования. Это позволит нам яснее увидеть неожиданные метаморфозы, которые претерпел исходный мотив, переходя из реальности в плоскость легенды. В центре нашего внимания будет процесс рождения различных фрагментов мифологической картины, связанной с представлениями о контактах чужестранцев с племенами, обитающими в удаленных частях мира.

Сюжет состоит из следующих элементов или единиц, не поддающихся дальнейшему дроблению: земля «людей солнца» трудно достижима, потому что расположена на краю мира; солнце поднимается из-за моря; шум возникает только при восходе солнца, и он невыносим для человека; от этого шума местные жители спасаются в подземельях; загадочный шум побеждаем грохотом барабанов, и, наконец, появляется царь-завоеватель, который стремится покорить эту землю. На мой взгляд, главная интрига заключена в странной связи между солнцем и барабанами (ведь именно отсутствие барабанов и губит войско Чингис-хана, и наоборот грохотом барабанов Искандер спасает свою армию от губительного шума солнца). Очевидно, что параллельный текст, должен включать этот же самый набор элементов, в противном случае результаты анализа не будут обладать убедительностью.

Шинор ограничился рассмотрением только одной сюжетной единицы – монгольским названием земли Нараирген, игнорируя легендарный контекст, в котором фигурирует это название. Исследование Шинора подтверждает факт адекватного перевода термина *Narayrgen* с монгольского языка на латынь. Но этот факт не дает оснований отождествить Нараирген с Японией. В сведениях Тацита фигурируют только две темы: земля на краю мира и шум, возникающий при восхождении солнца. Поэтому их также можно исключить из дальнейшего рассмотрения. Что же касается исследований Бойля, то он из возможного набора единиц, слагающих сюжет, обращается лишь к двум (и, в общем-то, второстепенным): это – труднодоступная местность, жители которой, скрываясь от *палющих лучей* восходящего солнца, вынуждены жить в норах под землей и горных пещерах. У Бойля происходит любопытное смещение темы: шум солнца заменяется темой *палющих лучей*. Основанием для этого, видимо, послужило название земли Нараирген – «люди солнца».

Казалось бы, в такой ситуации исторические свидетельства, привлекаемые Бойлем (и его предшественниками), не стоило бы и рассматривать, потому что в них не говорится о шуме солнца и спасительном грохоте барабанов. На самом же деле, картина, рисуемая Бойлем, чрезвычайно важна. Он был первым исследователем, предложившим расшифровку этого сюжета с привлечением легендарных сведений, имевших широкое хождение по всей Евразии. Его заключение о литературном происхождении легенды о Нараирген заслуживает внимания. Ко всему прочему, Бойль даже не упоминает идею Пейнтера о возможном существовании «Романа о Чингис-хане». Тем любопытнее проследить, как и к каким выводам придет этот автор. И, наконец, результаты исследований Бойля приняты П. Даффина в комментариях последнего к итальянскому

изданию книги Иоанна де Плано Карпини,³⁶⁵ и И. де Рахевильцем.³⁶⁶ В польском переводе донесений францисканской миссии³⁶⁷ исследователи возвращаются к объяснению, предложенному в свое время Н. П. Шастиной, которая считала, что речь идет о природном феномене, известном под названием «поющие пески».³⁶⁸ Явление «поющих песков» не имеет ни какого отношения к происхождению нашего сюжета, где ясно говорится, что шум возникает при восходе солнца из-за моря. Комментарием Шастиной исчерпывается интерес отечественной историографии к необычным сведениям францисканцев. Ф. Шмидер, издавшая последний немецкий перевод, полагает, что эпизод о шуме солнца заимствован из какой-то древней восточной легенды, но полагает она, неизвестно, какие изменения внес в текст брат Иоанн, записывая эту легенду; далее она неопределенно говорит о каких-то версиях романа об Александре и не исключает, что это первое известие о Японии.³⁶⁹ Таким образом, у Шмидер представлена почти вся коллекция мнений, способная удовлетворить лишь самого непритязательного читателя. О том, что предполагаемая ее древняя легенда подробно изложена в поэме Низами, кажется, не догадывается ни один из исследователей книги брата Иоанна.

§ 5. В поисках земли «людей солнца» (концепция Бойля).

Бойль ограничивает круг своих разысканий четырьмя разнородными источниками. Первым делом рассмотрим привлекаемую им для сравнения тюркскую легенду, известную уже арабам X века. И хотя понятно желание Бойля использовать сведения, заключенные в ней, следует сразу же отметить их сомнительную ценность для разгадки нашего сюжета. Ал-Мервези повествует о том, как в древние времена предки тюркок-гузов, совершив странствие к восточному краю земли, добыли волшебный дождевой камень. Сведения об этом сохранились в географическом словаре выдающегося арабского географа Якута (1179 – 1229):

«Рассказывает Абу-л-Аббас Иса ибн Мухаммед ибн Иса ал-Мервези; он говорит: мы не переставали слышать в хорасанских пограничных местностях, тех, которые за рекой <в Мавераннахре> и в других округах, соседних со страной неверных тюркок-гузов, токузгузов и карлуков, а у них <карлуков> царство и у них среди них самих высокое положение и сильная заносчивость по отношению к врагам, что среди тюркок есть такие, которые вызывают дождь в путешествии и других <случаях>, и он идет, и они вызывают, что хотят – дождь, снег и тому подобное. Мы колебались, отвергать или верить этому, пока я не увидел Дауда ибн Мансура ибн Али ал-Бадгиси, а он был мужем праведным, правил перед тем Хорасаном, и его правление было одобряемо. Он остался наедине с сыном царя тюркок-гузов, которого звали Балкик ибн Джабуя, и сказал ему: «До меня дошло о тюрках, что они вызывают дождь, град и снег, когда хотят; что есть у тебя об этом?» Тот сказал: «Тюрки слишком презренны и ничтожны у Аллаха, чтобы они могли сделать такое дело, а то, что дошло до тебя – правда, но о нем есть история, и я расскажу ее тебе. Один из моих предков рассердился на своего отца, который был царем в то время, и отделился от него. Он избрал себе в товарищи своих зависимых людей, гулямов и других, из тех, кто любил разбойничество. Он отправился, идя по востоку страны,

³⁶⁵ *Daffinb*, pp. 423-424.

³⁶⁶ *de Rachewiltz I. Prester John and Europe's Discovery of East Asia // East Asian History* 11. June 1996, pp. 68-69.

³⁶⁷ *SDS*, s. 193-194, 257.

³⁶⁸ *Шастина*, с. 205, комм. 63. Шастина не дает объяснения, каким образом «интересное поверие, бытующее в Азии», соединяется с фигурой Чингис-хана.

³⁶⁹ *Schmieder*, s. 136, komm. 92.

нападая на людей и ловя то, что попадалось ему и его товарищам. Путь привел его в страну, жители которой говорили, что нет ни для кого прохода за одну гору у них. Он спросил их: «Как же это?» Они ответили: «Потому что солнце поднимается за этой горой, и оно очень близко от земли, если <лучи> его падут на что-нибудь, то обязательно сожгут». Он спросил: «Так там нет ни жителей, ни зверей?» Они сказали: «Есть». Он спросил: «Как же удастся им это при том, что вы сказали?» Они ответили: «Что касается до людей, то у них норы под землей и пещеры в горах. Когда солнце поднимается, они спешат туда и скрываются там, пока солнце не уйдет вверх от них, что же касается зверей, то они подбирают некие камни там, знание которых внушено им. Каждый зверь берет своим ртом один камень из этих камней и поднимает свою голову к небу. При этом его осеняет облако, скрывающее его от солнца». Он сказал: «Мой дед направился в эту сторону и нашел дело таким, как дошло до него. Он сказал: когда солнце начало подниматься, звери поспешили к этим камням, стали класть их в свои рты, поднимать голову к небу, и облака осенили их». Он сказал: «Он и его спутники напали на них, утомляя их, когда же они утомились, то бросили эти камни из ртов. А он велел своим спутникам поднять их, чтобы узнать <какие> они. Они сделали <это> и принесли их ему. Он узнал их, и он и его спутники разыскали их в той степи, взяли их и подняли их против солнца, их осенили тучи, и они спаслись от лучей и жара солнца. Потом они собрали столько их, сколько могли, и унесли в свою страну. И они, когда путешествовали или хотели дождя, вынимали из них <камней> немного и бросали их, при этом появлялась туча и начинался дождь. Если же они желали снега или града, то двигали им больше, и начинался снег или дождь. И говорят, что когда им <камнем> указывали в какую-нибудь сторону, в этой стороне начинался дождь или град. Это их история, это не из-за их искусства или могущества, нет, это из-за могущества Аллаха всевышнего»». ³⁷⁰

Бойль оставляет рассказ ал-Мервези без анализа. Отметим, что земля, где можно добыть дождевые камни, расположена далеко на востоке (там, где встает солнце). На восток же направляется со своим воинством и Чингис-хан. Из выделенных нами ранее структурных единиц легенды о «людях солнца» в сообщении ал-Мервези представлены только две: эта земля расположена на востоке, на краю мира; ³⁷¹ живые существа спасаются от солнца в подземельях. Остальное содержание сосредоточено на магических камнях. Вероятнее всего, ал-Мервези, записывая тюркское предание о дождевом камне, дополнил рассказ занимательными подробностями о людях, живущих на краю мира в подземных пещерах, где они находят защиту от лучей солнца. ³⁷² Еще Риш в свое время

³⁷⁰ Boyle, p. 133; цитируя ал-Мервези, Бойль ссылается на собственное исследование: Boyle J. A. Turkish and Mongol Shamanism in the Middle Ages // Folklore. Vol. 83, pp. 177-193 (187-188). Мы цитируем по изданию: Извлечения из «Китаб ахбар ал-булдан» Ибн ал-Факиха / Пер. С. Волина // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I. Ч. II. М.; Л., 1939. С. 153-154.

³⁷¹ Ср. надпись на памятнике Кюль-тегину (VII в.) упоминает о походах тюрков в страну солнечного восхода. Вынужденные участвовать в войнах китайской империи, «пятьдесят лет отдавали они <кагану народа табгач> труды и силы. Вперед <в страну> солнечного восхода они ходили войною вплоть до Бёкли-кагана». Böklі рунических текстов — северокорейское государство Когурё (кит. *Гаоли*, санскр. *Mukuri*), цит. по: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 20.

³⁷² Ср. в фольклоре якутов также имеются сведения о шаманском камне *сата*. Якуты находили этот камень в желудке или печени коровы, лося, лошади, глухаря. По словам якутов, если показать этот камень солнцу, то он «умирает», т. е. теряет свою волшебную силу. Свойством *сата* пользовались охотники. Так, в марте и апреле они с помощью *сата* замораживали тающий сверху снег, чтобы по обледенелому насту гоняться за лосями, см.: Кулаковский А. Материалы для изучения верований якутов // Записки Якутского краевого географ. общества. Якутск, 1923. Кн. 1. С. 59-60; см. также: Малов С. Е. Шаманский камень «яда» у тюрков Западного Китая // СЭ.

отметил, что в этой истории не шум, а жар солнечного шара, находящегося очень близко к земле, принуждает людей к укрытию в подземных пещерах.³⁷³ В таком случае, этот фрагмент отражает представления образованных арабов о племенах, влащащих жалкое существование вблизи жаркого пояса. Например, в арабском сочинении «Послания чистых братьев» (ок. 950 г.) южная часть земли, находящаяся под орбитой Канопуса, описывается следующим образом: «Здесь все шесть месяцев лета будет день, и горяч воздух, становящийся горячим смертельным ветром, самумом. Живые твари и растения сгорают от сильной жары, и дорога туда невозможна. <...> А что до восточной области, то там препятствуют пути высокие горы».³⁷⁴

Подобные идеи восходят к античной традиции. Так, Страбон, описывая области обитания эфиопов, передает слухи: «Некоторые из живущих вблизи жаркого пояса считаются безбожниками; по крайней мере, говорят, что они ненавидят даже солнце и ругают его, смотря на восход, за то, что солнце жжет и враждует с ними; поэтому они ищут убежища в болотах» (*Страбон*. XVII. II. 3). Ср. со сведениями Геродота (IV. 184).

Интересно, что в тюркском предании (вернее, в том виде, как оно записано ал-Мервези) соединяются в повествовании о загадочной стране смертельный жар *юга* и высокие горы *востока*. Можно предположить, что то же самое происходит и в легенде о Нараирген. Однако это объясняет лишь внешнее обрамление нашего сюжета. Тогда как настоящую угрозу для «людей солнца» представляют не палящие лучи, а *шум*, возникающий при восходе солнца; к тому же о людях этой земли не говорится как о жалких существах.

Легенды о «камне, притягивающем дождь» были хорошо известны и ал-Бируни. Он пересказывает их (с неизменной ему иронией): «В стране тюрков между карлуками и печенегами имеется перевал; когда через него проходит войско или стадо, то ноги и копыта животных обвязывают войлоком и этим делают их мягче во время прохождения, дабы они не били по камням, и не поднялся бы черный туман и не пошел бы проливной дождь. С помощью этих же камней они, когда захотят, притягивают дождь <...>. А в книге «Избранное» говорится, что «камень дождя» находится в пустыне за долиной харлухов и что это черный камень со слабым красным оттенком. И подобные сведения имеют хождение, когда рассказ идет о странах удаленных, с жителями которых мало общаются» (ал-Бируни, с. 205).

О солнце не говорится ни слова. Персидский историк XI в. Гардизи, используя тюркские мифы в своем сочинении «Зайн ал-ахбар», также упоминает историю о дождевом камне. Согласно Гардизи, потомки Яфета, мифические родоначальники тюркских племен – Гуз, Халлук и Хазар, получают в наследство от своего отца магический дождевой камень, спорят из-за него и, в конце концов, обманным путем им завладевают гузы.³⁷⁵ Как видим, тюркские легенды о «дождевом камне» не были напрямую связаны с представлениями о жарком поясе. Вопреки Бойлю, сведения ал-Мервези не позволяют проникнуть в тайну земли Нараирген. Однако не стоит их отвергать; ведь они демонстрируют один из возможных вариантов развития легенды о земле на краю мира, где сила солнца губительна для человека. И люди, обитающие там, вынуждены находить защиту в подземных жилищах. Интересно, что это древнее тюркское предание сохранилось в сочинении выдающегося географа Якута, автора

1947. № 1. В поздних легендах «камень дождя» никогда не связывается с палящим солнцем; ср.: *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии..., с. 189-190; МНМ. Т. 2. С. 681.

³⁷³ *Risch*, s. 134.

³⁷⁴ Арабские источники VII — X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары, Т. I. С. 175.

³⁷⁵ *Бартольд*, Т. VIII. С. 42. Ср. также: *Гумилев Л. Н.* Древние тюрки. М., 1967. С. 85.

XIII в., который передает его без тени сомнения. В его же сочинении, там, где излагаются ранние описания жаркого пояса Африки, мы обнаружим сведения о меновой торговле между жителями пещер и купцами, использующими большие барабаны для подачи звуковых сигналов. Это и будет ответом на интересующий нас вопрос о связи барабанов и солнца. А пока сделаем предварительный вывод: в мифологической картине мира фрагменты из описаний крайних пределов земли (губительная сила солнца, пещерные жители) могли легко отрываться от исходных версий и проявляться в самых неожиданных комбинациях.

Продолжим знакомство с аргументами Бойля. Следующим источником, к которому обращается исследователь, являются сведения Корана об Искандере. На арабо-персидскую литературу, несомненно, повлияло предание, отраженное в Коране, о людях, обитающих у мест восхода солнца и не имеющих защиты от него. В этом предании с именем Искандера связываются странствия к противоположным концам мира от заката до восхода солнца и достижение области обитания нечистого народа яджудж и маджудж (Гога и Магога христианских сказаний). На персидском языке в X в. легенду об Искандере излагают два памятника: хроника Балами и «Шахнаме» Фирдоуси.³⁷⁶ Балами обращается к одному из хадисов (преданий о пророке Мухаммеде): жители Мекки послали к евреям Хайбара Абу-Джахм ибн Хишаму с предложением разыскать в Торе три трудных вопроса. Мекканцы хотели задать эти вопросы Мухаммеду с целью выяснить, обладает ли он пророческим даром. Третий вопрос касался Александра Македонского (кто такой Зу-л-Карнайн?). Последовало откровение: «Мы укрепили его на земле и дали ему ко всему путь, и пошел он по одному пути. А когда он дошел до заката солнца, то увидел, что оно закатывается в источник зловонный, и нашел около него людей».³⁷⁷ «Потом он следовал по пути. А когда дошел до восхода солнца, то нашел, что оно восходит над людьми, для которых Мы не сделали от него никакой завесы. Так! Мы объяли знанием все, что у него. Потом он следовал по пути. А когда достиг до места между двумя преградами, то нашел перед ними народ, который едва мог понимать речь».³⁷⁸

Представления о яджуджах и маджуджах и о существах, живущих у восхода солнца, попали к Мухаммеду, по-видимому, через цикл сирийских легенд об Александре. Сведения Корана о странствии Зу-л-Карнайна к месту восхода солнца содержат в самом общем виде фабулу, разработанную впоследствии в поэме Низами «Искандер-наме», где эти сведения соединяются с представлениями о недоступном городе на востоке – Джабалка. Напрямую же связать кораническую легенду с восточным походом Чингис-хана невозможно, по той же причине, по которой мы отвергли тюркское предание, изложенное ал-Мервези. Ни в той, ни в другой истории не говорится о шуме солнца.

Обратимся вслед за Бойлем к сирийским версиям «Романа об Александре» Псевдо-Каллисфена. Эти версии сложились до VII в., но сохранились в поздних несторианских рукописях XVI – XVIII вв.³⁷⁹ Входящая в сирийский свод христианская легенда об Александре повествует о том, как царь Александр пожелал отправиться к пределам земли, чтобы узнать, «на чем стоит небо»: «Каково пространство земли, какова высота неба <...> и на чем стоит небо. Туманы и ветры оно выносит, как и столбы огня,

³⁷⁶ Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке. М.; Л., 1948. С. 19-20.

³⁷⁷ Коран / Пер. и коммент. И. Ю. Крачковского. Изд. 2-е. М., 1986. 18. 82 - 84. См. также коммент. на с. 572; там же литература в связи с историей Александра.

³⁷⁸ Коран. 18. 88 - 92. Ср. с интерпретацией этих сведений автором IX в.: 'Абд ар-Рахмани ибн 'Абд ал-Хахим. Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса / Пер. с араб., предисл. и прим. С. Б. Певзнера. М., 1985. С. 58-59.

³⁷⁹ Пигулевская Н. В. Сирийская легенда об Александре Македонском // Палестинский сборник. Л., 1958. Вып. 3 (66). С. 75-76.

вырывающиеся из середины земли, и их выносит небо, и нисколько не сдвигается. Или по указанию Божию оно поддерживается и не падает? Поэтому я желаю отправиться и увидеть, на чем держится небо и что окружает все творение» – заявил Александр своим советникам.³⁸⁰ «Суда отправились в море и плавали по морю четыре месяца и двенадцать дней и достигли земли твердой, внутри одиннадцати светлых морей. На пути к краю земли лежало грязное море, и достигшие его берегов тотчас умерли. «И поехал Александр и его войска от грязного моря к морю светлому, где выходит солнце из окошка неба. Так как солнце – раб Господен, то ни ночью, ни днем оно не прекращает своего движения. Там, где солнце восходит, оно восходит над морем. Люди, живущие там, когда солнце приходит, чтобы взойти, бегут и прячутся в море, чтобы не быть спаленными его лучами. Идет оно по середине неба до того места, где входит в окно неба. Где оно проходит, там находятся те страшные скалы. У тех, что живут там, имеются пещеры, выдолбленные в скалах. Когда они видят, что солнце заходит, то бегут от него люди и птицы и скрываются в пещерах, потому что от его жара трескаются камни и падают. И людей ли, зверей ли камни настигают, тотчас их сжигают. Когда солнце входит в окошко неба, оно склоняется и преклоняется пред Богом, своим творцом. Оно движется и спускается всю ночь в небе, пока не окажется там, где восходит».³⁸¹

Единственным критерием, по которому Бойль привлекает различные тексты, является упоминание в них солнечной земли. Напомним, что монгольское название земли, куда пришел Чингис-хан – Нараирген и означало «люди солнца». Такой подход к проблеме вполне приемлем, однако, он позволяет оценить лишь часть замысла, а именно, восточное направление похода. Апогей сюжета в шуме восходящего солнца, поражающего войско Чингис-хана. В сирийской Александрии не говорится о шуме солнца и ответной игре на барабанах.

Бойль также ссылается на сирийское апокалиптическое сочинение «Откровение» Псевдо-Мефодия (около 685 г.), переведенное на латинский язык в меровингское время и имевшее огромную популярность в Средние века.³⁸² В этом сочинении есть эпизод, где рассказывается о том, как Иона, сын Ноя, рожденный через сто лет после потопа, был послан своим отцом на восток, туда, где восходит солнце, и достиг пределов моря, называемых «земля Солнца».³⁸³ Там он обнаружил жителей, которые являлись потомками Яфета; эти существа идентифицируются с Гогом и Магогом.³⁸⁴ Бойль приходит к мысли о том, что сочинение Псевдо-Мефодия могло быть прототипом монгольской легенды о Нараирген. «Нетрудно предположить, – пишет Бойль, – что несторианские миссионеры принесли какую-то версию Псевдо-Мефодия на Дальний Восток. Но некоторые элементы этой истории намного старше сирийской версии VII в. Окна в небесах, через которые, согласно христианской легенде, солнце проходит свой ежедневный путь по миру, должны быть идентифицированы с двумя воротами, одними –

³⁸⁰ Там же, с. 88.

³⁸¹ Там же, с. 90-91. Ср.: Boyle, p. 134.

³⁸² Boyle, p. 134; Бойль ссылается на исследование: Anderson A. R. Alexander's Gate, Gog and Magog, and the Inclosed Nations. Cambridge, Mass., 1932, pp. 44-45 and 49. Новое критическое издание сирийского текста: Die Syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius / Hrsg. G. J. Reinink. Lovanii, 1993. (Corpus Scriptorum christianorum Orientalium Vol. 540; Scriptores Syri, tomus 220); См. также: Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературе: Исследования и тексты. М., 1897.

³⁸³ Die Syrische Apokalypse des Pseudo-Methodius / Hrsg. G. J. Reinink. Lovanii, 1993. III, 3-5; ср.: Kmosko M. Das Rätsel des Pseudomethodius // Bizantion 6. 1931, s. 278.

³⁸⁴ Boyle, p. 134; Бойль ссылается на исследование: Sackur E. Sibyllinische Texte und Forschungen. Halle, 1898, pp. 63-64 and 72.

на востоке, другими – на западе, через которые проходит путь Шамаша, солнечного бога вавилонян. <...> Мы имеем в «Истории Тартар» Ц. де Бридиа искаженное отражение не средневековой Японии, а мифологический ландшафт древней Месопотамии». ³⁸⁵ Таков окончательный итог исследований Бойля. Опираясь на эти результаты, Даффина пишет: подобно тому как эпизоды легендарных героических деяний Александра переносятся в географическое пространство, подходящее новому герою – Чингис-хану, так и легенда о подземном народе прошла процесс лингвистической адаптации и название «народ солнца» в форме Нараирген обрело свой собственный монгольский эквивалент. ³⁸⁶ Однако Даффина не показывает, кем и как, и главное – с какой целью, совершается этот перенос. Из поля зрения исследователей ускользает весьма существенный момент – поражение Чингис-хана и его бегство из земли Нараирген.

Подведем итог обзору исследовательских точек зрения. Даффина, вслед за Бойлем, признает источником легенды о Нараирген сирийское сказание об Александре Македонском. Действительно, в средние века сказания об Александре имели самое широкое хождение в Центральной Азии. ³⁸⁷ Выше мы убедились, что сирийская легенда о земле солнца содержит некоторые важные элементы, но непосредственно не связана с сюжетом о Нараирген. Выявленное противоречие позволяет вновь вернуться к идее Пейнтера о существовании самостоятельного произведения, названного им «Роман о Чингис-хане». Но в отличие от Пейнтера, считавшего роман «произведением народной мифологии», ³⁸⁸ я склоняюсь к мысли о литературном характере этого сочинения с ярко выраженной ироничной авторской позицией. Ирония проявляется в инверсии сюжетов, заимствованных как из восточных Александрий, так и из тюркских преданий об Огуз-хане, несторианских легенд о пресвитере Иоанне, арабских и персидских сочинений о чудесах мира и китайских повествованиях о легендарных народах севера. В дополнение к названным источникам укажем и на обыгрывание автором романа символов монгольской империи. Сюжеты романа практически не имеют точек соприкосновения с центральноазиатским эпосом. Доказательства этому будут представлены ниже.

§ 6. Камфорный город.

Как мы убедились, исходным мотивом во всех рассмотренных Бойлем примерах является представление о солнце, восходящем из-за моря на краю земли и своими лучами убивающем все живое. В этом плане сюжет о Нараирген является одним из вариантов темы о солнечной земле на краю мира. В первую очередь, это касается мотива о людях, прячущихся под землей. Вопрос о шуме солнца и ответном грохоте барабанов не ставится ни одним из названных исследователей. А поскольку именно в этой подробности заключена главная интрига сюжета, то все рассмотренные выше исторические свидетельства не имеют решающего значения для разгадки тайны земли «людей солнца». Наиболее близкая параллель, как уже говорилось, содержится в *персидской* Александрии. Более того, здесь существует как бы загадка в загадке. Сведения о шуме и грохоте, рождающемся в море при восходе солнца, явно заимствованы из иного круга легенд и призваны объяснить странный обычай шумной

³⁸⁵ Boyle, p. 135.

³⁸⁶ Daffin, pp. 441-442.

³⁸⁷ Cleaves F. W. An Early Mongolian Version of the Alexander Romance, pp. 28-29; Имя Александра несколько раз упоминается в книге Марко Поло (рассказ о Железных воротах и Сухом дереве). По мнению Пелльо, содержание этих легенд указывает на их восточное происхождение. Поло слышал об Александре в мусульманских странах. Легенда о Сухом дереве была широко известна среди христиан на Востоке, но не упоминается у Псевдо-Каллисфена (Peliot, Notes on Marco Polo. I, pp. 26-28).

³⁸⁸ Painter, p. 50.

игры на музыкальных инструментах в определенное время года (и очевидно, каким-то образом связанный с жаром солнца). Иными словами, наш текст имеет несколько уровней. Сюжет о земле Нараирген родился в результате мифологического конструирования: достаточно напомнить из каких разнородных элементов он сложен. Следовательно, нужно анализировать отдельно каждый из названных элементов, но параллельный текст должен содержать тот же самый набор единиц и ту же самую интригу.

Мотив *шума* восходящего солнца, которое несет смерть людям и, от которого можно спастись либо под землей, либо ударяя в барабаны, представлен в поэме «Искандер-наме» Низами Гянджеви. Содержание эпизода в поэме Низами включает тот же самый набор элементов, что ранее был выделен в легенде о Нараирген.

Знакомясь с эпизодом о приключениях Искандера в стране «шумящего солнца», следует помнить, что перед нами художественное сочинение, изображающее Искандера культурным героем и пророком. «Роман о Чингис-хане» создан с прямо противоположной целью, поэтому элементы, имеющие «нейтральный» характер, полностью совпадают, тогда как сценарий событий зеркально меняется. Например, Искандеру способ защиты от тягостного шума подсказывает один из мудрецов. В окружении Чингис-хана знатока не нашлось, но секрет он все же узнает из уст обитательницы земли Нараирген.

Обратимся к странствию Искандера. После опасного путешествия к пределам моря Искандер отдыхает в гостях у правителя Китая. Вскоре он снова отправляется в путь, однако направление нового странствия ясно не указывается, лишь сообщается, что Искандер прибыл в «город камфорного цвета». Камфора – кристаллическое вещество, получаемое из древесины крупного дерева, растущего в Китае и Японии. Наибольшим спросом пользовалась камфора с Суматры. Камфора была одной из составных частей многих благовоний.³⁸⁹ Можно предположить, что «город камфорного цвета», куда прибыл Искандер, расположен на побережье южных морей. Это одна из областей мира, где велась «немая» торговля между купцами и местными племенами. Участвующие в обмене люди, как правило, избегали непосредственного контакта. Это наблюдение пригодится нам при анализе вопроса о роли барабанов в установлении торговых контактов между купцами и дикими людьми.

«Он в пустыню направил коня светло-рыжего,

Рать наделил добром и съестным.

³⁸⁹ Согласно ал-Бируни камфора (санскр. *каппура*) «представляет собой камедь дерева, которое, главным образом, растет на островах и на побережьях морей; она застывает внутри дерева, а в некоторых местах выходит наружу дерева, как другие камеди. <...> Некоторые <разновидности> камфоры имеют черную окраску, как гагат, и они блестят; другие бывают красные, третьи — желтые и <есть> темно-коричневые. Это свидетельствует о том, что различие окрасок обусловлено различием восхода солнца в местах <образования камфоры>» (ал-Бируни. Книга о лечебных веществах, с. 736). Подробнее о камфоре см.: Шефер Э. Золотые персики Самарканда. М., 1981. С. 224-227; О камфорных деревьях на острове Файсур и добыче из них камфорной жидкости сообщается также в персидском сочинении XIII в. («Чудеса мира». 90). Файсур — остров в западной оконечности Суматры, славился своей камфорой, которая, по словам Марко Поло, продавалась на вес золота (Марко Поло, с. 179-180); О камфоре с островов Южных морей пишет и Ибн Хордадбех (IX в.). Например, об острове аз-Забадж (ал-Джава, т. е. Ява) он сообщает: «Там растут камфорные деревья. Одно такое дерево покрывает тенью приблизительно сто человек. На верхушке дерева пробивают отверстие, откуда вытекает несколько кувшинов камфорной жидкости. Затем ниже, в средней части дерева, пробивают <еще одно отверстие>, откуда выделяются куски камфоры — камедь этого дерева, которая находится, однако, внутри него. Затем прекращают <добычу>, и <дерево> высыхает. На этом острове несметное множество чудес» (Ибн Хордадбех, с. 79). Этот рассказ повторяется у ал-Бакуви (ал-Бакуви, с. 17).

По пустыне пылавшей он предпринял путь,
Ибо видел свой мозг пылавшим от жажды.
Когда десять дней он в пустыне прошел,
Показались жилые места, вода и посевы,
Появился город камфорного цвета,
Ты бы сказал, он был из камфоры, не из глины.
<Искандер> у хакана просил: «Чей это город?
Как этот город зовется по путеводным книгам?»
Знаток указал о делах города:
«Сей город на свете со скудным уделом,
Кроме золота и серебра, которые в нем добывают,
Для прочих предметов базар оживлен.
Бывает в нем царский сан для того,
В ком благодать они видят господню.
Чужеземцы бегут из этого места,
Чернота ведь на светлое страх нагоняет.
Когда над сим поясом солнце восходит,
Возносятся с моря удары и грохот,
Так что от такого ужасного шума
Опасенье бывает, что войдет в сердце смерть.
Двадцать склепов есть у них под землей,
Дабы в тех склепах проживать могли дети,
Взрослые уши затыкают в ту пору,
А если нет, ни сердце, ни разум не выдержит».
Сердце царя смутилось от такого отчета
Он спросил мудреца о мнении по делу.
Такой дал ответ мудрец государю,
Чтобы приказ он отдал завтра чуть свет,
Прежде чем петух споет песнь,
Звук барабанов раздался б из лагеря,
<Чтобы> забили в литавры литаврщики,
Бой барабанный устроили,
<И> таким образом, пока день не подымется,
Литавры и барабаны не связывали,
Дабы, когда грохот подымется с моря,
Мозг не пришел в смятение у слушателя».

Искандер вопрошает мудреца о причине этого явления. Низами дает два объяснения. Одно из них принадлежит мудрецу: от солнечных лучей закипает и бурлит вода, рождая громадные волны, которые, низвергаясь, грохочут – это и есть причина грома.³⁹⁰ Низами предлагает и другой ответ.

«Царь спросил мудреца: «Сей сильный звук,
От которого рвутся на части мозги,
Что за звук, что дает ветру жалобный вопль?
У этого звука и вопля какая причина?»
Молвил шаху мудрец: «Я от учителя
Так помню, что каждое утро,
Когда <лучи> солнца падут на поверхность воды,
От зноя поверхность воды станет, как куполы,
Затем поднимаются звуки от волн.
Когда друг на друга горой они валятся,
Тогда по грохоту они становятся громом.
Ведь грохот и гром одно и то же».
Еще такое суждение мудрец изложил,
Что в той воде содержится ртуть.³⁹¹
Когда солнце воду доведет до кипенья,
То кипение тянет ту ртуть к себе.
Когда же <солнце> пройдет второй раз горизонт,
Оно бросает то, что тащит вверх.
<И> когда с высоты ртуть падает вниз,
Из волн поднимается тот страшный звук».

³⁹⁰ Не исключено, что подобный взгляд отражает представления ранних арабских географов о западном океане, который являлся частью Окружающего моря. О западном море сообщается, что передвижению в нем препятствуют удары волн (Арабские источники VII — X вв., с. 175).

³⁹¹ Ср. Ал-Бируни пишет о свойствах ртути: «Ртуть улетучивается под влиянием огня; однако, если ее поместить в железную нагретую <плавильную> ложку, то она некоторое время сохраняется в ней, и это потому, что ртуть текуча, как вода, и огонь превращает ее в пар, рассеивая частицы; когда же они собираются и соединяются, то снова превращаются в ртуть, подобно тому как водяной пар превращается в воду, когда от него удаляют тепло и заключают его в тесном сосуде» (ал-Бируни. Минералогия, с. 216). Латинская и арабская алхимия придерживались теории о том, что все вещества состоят из серы и ртути. В IX книге Демокрита, со ссылкой на авторитет Пихебия (IV в.), сообщается, что во всех веществах (имеются в виду металлы) содержится ртуть. Ртуть была хорошо известна, она имела множество названий и входила во всяческие комбинации с металлами. Ртуть была главным составным веществом во всех фальсификациях благородных металлов и во всех «удвоениях» золота и серебра, см.: Пигулевская Н. В. Сирийская алхимическая литература средневековья // Архив истории науки и техники. 1936. Вып. 9. С. 337). Закарийа ал-Казвини, объясняя рождение жемчуга в водах Южных морей, использует следующее сравнение: «Весной, когда бушуют штормы и ветер брызжет соленой пеной, вода становится клейкой, как липкая ртуть» (Закарийа ал-Казвини, II, с. 77).

Жители города приходят в стан Искандера, чтобы купить различные товары, и каждого из них царь наделяет подарком. Богатые подарки отосланы и правителю города, который в ответ прислал съестные припасы. В конце концов, правитель принимает веру Искандера. Далее следует описание эффекта, произведенного шумом восходящего солнца. Искандер испытывает на себе силу грохочущего моря. Фантастический способ «вытеснения» одного шума другим не поддается уразумению.

«Царь прилег с дорожною стражей,
 Отдыхал до утра от лишней дороги.
 Когда над миром аромат утра повеял,
 Он услышал приближение грохота моря,
 Будто чаша, упавшая с вечера,
 <Лишь> поутру издала звучание.
 Царь от страшного звука, лишаящего сил,
 Зарычал, как в сраженьи его барабан.
 Он повелел, чтобы рать разбудили,
 Разом бы грянули в барабаны и трубы.³⁹²
 Грохот литавр и шум барабанов
 Вызвали крик из петушиного горла.
 Из-за шума литавр, который подняли,
 Гром <из моря> уже считали за ветер.
 Таким способом до позднего утра
 Литавры мир держали в волнении.
 Весь город от боя резких литавр
 В волненье пришел, как в <день> воскресенья <из мертвых>
 К барабанам сбегались, откуда шли звуки,
 Как стар и млад к барабану Даджджала.³⁹³
 Чудным показалось им звучанье той музыки,
 Ведь оно подавляло их грохот <из моря>.
 Когда прошло полдня, мир озаряющего,
 Царь полудня³⁹⁴ оттуда отправился.
 Все мужи и жены, прах лобызая <перед> царем,
 Путь предприняли для изъяснения прошения:

³⁹² В оригинале *навбат* — военная музыка, которую в определенные часы исполняли перед дворцами (прим. пер.). У Низами связь барабанов с шумом солнца приобретает «военное» звучание, потому что музыкальные инструменты являются частью военного снаряжения Искандера. В резиденции халифа в Багдаде барабанным боем отмечалось начало молитвы.

³⁹³ *Даджджал* — лжемессия, который, по религиозному преданию, должен перед концом света появиться верхом на осле и звуком барабана созвать всех людей (прим. пер.)

³⁹⁴ *Царь полудня* — игра слов: в оригинале *нимруз* — полдень, солнце, а также страна Нимруз, царем которой по преданию был Соломон (прим. пер.).

«Из этих отвратительных барабанов
 Нельзя ли тебе один барабан оставить на месте?
 Быть может, когда его песнь загрохочет,
 Гром моря пройдет благодаря его голосу».
 Миродержец во время целования руки
 Подарил им несколько харваров барабанов.
 С той поры появился обычай в том городе,
 Что на заре барабаны приходят в движение.
 Царь тоже сохранил тот обычай,
 Чтобы каждое утро он пребывал с <игрой> барабана,³⁹⁵
 Через месяц, меньше иль больше, из той земли
 Он вступил в населенные страны Китая»
 (Низами, с. 499-502).

Назовем общие элементы в рассматриваемых сюжетах. И Искандер, и Чингис-хан пересекают пустыню; оба героя достигают страны, находящейся на краю мира – дальше только море; местные жители обитают в подземных домах; шум рождается при восходе солнца, и этот шум смертелен для человека; заслышав шум, и местные жители, и тартары крепко затыкают уши; ограждаются от шума солнца звуками барабанов и других музыкальных инструментов; игра на инструментах и битье в барабаны, приуроченные к определенным моментам времени, становятся местным обычаем.

Обратим внимание на детальное совпадение мотивов, не связанных с темой «войны» и «мудрецов». Так, согласно Низами, заслышав удары и грохот с моря, «взрослые уши затыкают в ту пору, а если нет, ни сердце, ни разум не выдержит». В версии брата Иоанна говорится: «Более того, в то время, когда солнце поднималось, им надлежало одно ухо приложить к земле, а другое крепко заткнуть, чтобы не слышать ужасающий шум солнца, да и таким образом, однако, они не могли уберечься от того, чтобы по этой причине очень многие из них не лишились жизни». В «Тафсире» Замахшари говорится, что на востоке, за Китаем, у восхода солнца живут люди с гигантскими ушами; у них нет защиты от солнца и поэтому они прячутся в пещерах; там бывает шум (или звон), от которого человек теряет сознание. Этот же комментарий повторяется в «Тафсире» ар-Рази, но рассказ ведется от первого лица, совершившего странствие к людям на краю мира. Когда наступил восход солнца, он услышал звон и

³⁹⁵ Скорее всего, в этом пассаже Низами отражен обычай барабанного боя перед молитвой в городе халифа. Ср.: «В древности не было обычая бить в барабан перед молитвой в столице для кого-нибудь, кроме халифа. Только для наследников престола и эмиров войска допускалось бить <в барабан> перед тремя молитвами, одной утренней и двух вечерних, если они бывали в путешествии или далеко от резиденции властителя. Позднее били в *табл*, а не в *дунбулу*» (Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов / Пер. с араб., предисл. и прим. И. Б. Михайловой. М., 1983. С. 93). *Табл* — большой барабан, *дунбула* — искаженное *дунбука* (перс.) — маленький односторонний барабан с длинной шейкой. Его обычно держат под мышкой, другой рукой ударяя по натянутой коже (прим. пер.); Согласно «Шах-наме», ранним утром перед шатром Искандера грохочет барабан: «Лишь час петушиного пенья настал, / Кимвал перед царским шатром взгрохотал» («Шах-наме». Т. 5. С. 81); У придворного персидского поэта Унсури (XI в.) есть такие строки, посвященные правителю: «В семи странах должны быть его послы, когда привязывает барабан к боевому слону барабанщик», цит. по: Бертельс Е. Э. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М., 1988. С. 189.

потерял сознание, а обитатели пещер одно ухо прикладывали к земле, а другим накрывались, словно одеждой.³⁹⁶ Античные представления о панотиях («длинноухих») вошли во многие средневековые сочинения, однако в западных источниках панотии никогда не соотносятся с областью шумящего солнца.

В нашу задачу не входит определение источников, которыми пользовался Низами. Отметим лишь один факт. Самая ранняя версия о смертоносном эффекте восходящего солнца представлена в «Тaufсире» ат-Табари, в комментарии к Корану (18: 88-89), где говорится о походе Искандера к месту восхода солнца. Ат-Табари приводит сведения своего предшественника, сообщающего, что люди этой земли прячутся от солнца в воде или в пещерах, другой защиты у них нет; когда в эти места пришло войско, то пришельцев предупредили, чтобы они опасались восходящего солнца. Те, в свою очередь поинтересовались, почему везде лежат кости людей. Им ответили, что это останки войска, над которым взошло солнце и поэтому те умерли, и тогда пришельцы поспешно бежало из этой земли.

Ранее мы выделили сумму элементов, составляющих содержание легенды о земле Нарайрген. Этот же самый набор элементов представлен в рассказе о камфорном городе; в поэме Низами содержится и дополнительный «избыточный» элемент – эпизод с базаром, где из товаров в изобилии только золото и серебро. Не остается ни малейшего сомнения в том, что легенда о странствии Чингис-хана к «людям солнца», живущим на краю земли, имеет в своей основе аналогичный сюжет из восточной Александрии. То есть автор «Романа о Чингис-хане» использовал ту же самую легенду об Искандере, что и Низами (существенные отличия в деталях не предполагают прямого заимствования сюжета автором романа из поэмы Низами). Это самый яркий и убедительный пример, демонстрирующий, с одной стороны, непосредственную связь легендарного цикла о Чингис-хане с восточными Александриями, а, с другой – проясняющий истинный замысел автора романа: ведь не случайно Чингис-хан проигрывает в ситуации, из которой Искандер находит выход. Тем самым, мы получаем в руки своеобразный ключ, с помощью которого могут быть расшифрованы и другие легендарные сведения о Чингис-хане, записанные францисканцами. Ключ – в инверсии смыслов, характеризующих деяния царя-завоевателя: если Искандер расширяет культурные горизонты, то Чингис-хан стремится к их покорению.

§ 7. Инверсия смыслов.

Итак, брат Иоанн и брат Бенедикт передают фрагмент «Романа о Чингис-хане», который, в свою очередь, является интерпретацией одного из сюжетов восточной Александрии. Отметим главные отличия между латинскими и персидскими сюжетами: 1) в поэме грохот возникает ежедневно при восходе солнца; в изложении брата Иоанна – лишь в определенное время года; 2) Искандер покоряет жителей страны щедрыми подарками – Чингис-хан же повелевает жителям явиться к нему для битвы и вынужден принять безуспешный бой; 3) Искандер заранее узнает об опасности – Чингис-хана шум солнца застаёт врасплох; 4) Искандер с помощью мудреца находит способ защитить войско от ужасного шума – воины Чингис-хана не выносят внезапного грохота солнца и бегут из страны. Секрет, который Искандер услышал от мудреца, монголы узнают от местной женщины, захваченной ими в плен, и то лишь по возвращении в родную землю.

Легко заметить, что образ Чингис-хана является «перевернутым» отображением образа Искандера: там, где Искандер выигрывает, Чингис-хан проигрывает. Перед нами инверсия сюжета: картине мирного обмена в «Искандер-наме» соответствует батальная сцена «Романа о Чингис-хане» (вот почему отсутствует упоминание базара, о важности

³⁹⁶ Переводы сведений из Тафсиров подготовлены М. Марксом.

этой детали см. ниже); Чингис-хан рвется в сражение и проигрывает его. Причина поражения в том, что в войске монголов нет знатока, который бы объяснил загадочное явление природы и, главное, подсказал бы выход из трудной ситуации. Искандер же, принимая совет мудреца, спасает свое войско от гибели. Инверсии подверглась и следующая деталь: *боевые барабаны*. Они имеются только у Искандера, и он щедро одаривает барабанами местных жителей; в романе громадные барабаны – принадлежность «людей солнца». Предмет, способный принести удачу, отсутствует у Чингис-хана. Но об этом прямо не говорится. События разворачиваются внезапно и стремительно. Создается впечатление, что текст рассчитан на знатоков, способных оценить фигуру умолчания.

В реальности барабан, так же, как знамя и зонт, входил в круг важнейших церемониальных принадлежностей, подчеркивающих высокий статус Чингис-хана и его полководцев. Южносунский посол Чжао Хун писал в 1221 г. об одном из таких полководцев, го-ване Мухали, командующем монгольской армией в Северном Китае: «Ныне у го-вана водружают только одно белое знамя с девятью хвостами. Посередине <знамени> имеется черное <изображение> луны. Когда выступают с войсками, то разворачивают его. Что касается его подчиненных, то надо быть непременно командующим, чтобы иметь знамя. У го-вана только один барабан. Бьют в него перед сражением».³⁹⁷ По словам Марко Поло, у монголов существовал военный обычай: пока не прозвучит барабан великого хана, они не начинают битвы и все то время играют на инструментах и поют: «Великий хан <...> стал на возвышении, в теремце на четырех слонах; высоко поднялось его знамя, отовсюду было видно, а войска были расставлены отрядами по тридцати тысяч и в один миг окружили стан; за каждым конным был пеший с копьем. <...> Снарядились обе стороны, и оставалось только схватиться; слышались тут многие инструменты, многие трубы и громкое пение. У татар вот такой обычай: когда их приведут и расставят биться, пока не прозвучит *накар* <барабан> начальника, они не начинают брани и все то время играют на инструментах и поют; <...> и забил большой накар великого хана; как забил он, тут уже не мешкают, друг на друга бегут с луками, мечами, палицами, копьями, а пешие с самострелами и другими вооружениями».³⁹⁸ Согласно китайским известиям, ту же самую роль играл барабан и у киданей: «Рожок главы варваров служил сигналом, по которому войска сразу же располагаются на привал, становясь кольцом вокруг его юрты. <...> В поход выступают, услышав три удара в барабан. Тогда все сразу приходит в движение независимо от того, стоит день или ночь».³⁹⁹ У киданей знамя и барабан были знаками власти князя над восьмью племенами.⁴⁰⁰ Стоит обратиться также и к описанию Низами начала битвы между Искандером и Дарием, чтобы на этом фоне увидеть всю необычность отсутствия барабанов и других музыкальных инструментов в войске Чингис-хана, прибывшем в землю Нараирген:

«Загремел голос барабанов,
Небосвод поцеловал уста литавр.

³⁹⁷ «Мэн-да бэй-лу», с. 76-77.

³⁹⁸ Марко Поло, с. 101-102; Ср. с военными обычаями чжурчжэней XI в., под чьим несомненным влиянием находились монголы: «Отряды в сто человек формируются из пятков. Пятки, десятки, сотни имеют своих командиров. Когда все находятся в боевой готовности, то командир пятка держит в руках колотушку, командир десятка — стяг, командир сотни — барабан, командир тысячи — знамя и золотой барабан», цит. по: Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в. (Материалы для этнографического исследования) // Древняя Сибирь. Сб. ст. Вып. 2. Сибирский археологический сборник. Новосибирск, 1966. С. 277.

³⁹⁹ Е Лун-ли, с. 313.

⁴⁰⁰ Е Лун-ли, с. 311.

Звон зеркал на боевых слонах вызывал такую смуту,
Что ломались кости в спине у слонов.
Такие мощные вопли раздавались из тюркских флейт,
Что вопли вылетали из глотки тюркских бойцов.
Трубы поднимали львиный рык,
Мозг был насыщен громом рогов. <...>
Ты сказал бы, что земля раскололась надвое
И Исафил затрубил в трубу Судного дня»
(*Низами*, с. 134).

Можно полагать, что отсутствие барабанов в войске Чингис-хана не только влечет поражение, но и указывает на резкое понижение статуса главного персонажа. В целом же, отсутствие барабанов меркнет по сравнению с другой ситуацией, когда сила магнитная сила Каспийских гор лишает монгольское войско оружия и доспехов.

Причину столь любопытного превращения я склонен видеть в той сверхзадаче, которую ставил перед собой автор «Романа о Чингис-хане». Чингис-хан, объявленный его преемниками божеством, которому Небо вручило власть над всем миром, по воле автора романа совершает военные рейды к границам освоенного пространства. Придуманные ситуации являются своего рода тестом, призванным выявить истинный характер сил, покровительствующих божественному императору. Было бы интересно выяснить, в какой интеллектуальной среде был задуман и осуществлен столь необычный проект. Игнорировать рождение империи и роль ее основателя, без сомнения, не решился бы ни один автор XIII в. Создать же вымышленную историю военных походов Чингис-хана могли восточные христиане, движимые мотивом интеллектуальной игры. В первую очередь, об этом свидетельствует характер используемых ими текстов, на основе которых они конструируют мифическую реальность. Очевидно, что поход Чингис-хана в страну шумящего солнца не просто легенда, а литературный вымысел, преследующий определенную цель. Наша задача – обрисовать эту цель. Признавая фигуру Чингис-хана равной по масштабу фигуре Искандера, неизвестный автор одновременно использует прием инверсии для придания «трудным» ситуациям характера катастроф. В результате рождается странная картина. Чингис-хан, как и Искандер, достигает границ мира, но при этом ни он, ни его окружение не обладают сакральными знаниями. Чингис-хану не удастся повторить один из самых известных подвигов Искандера. Налицо профанация божественной фигуры монгольского императора. Однако любые интерпретации (будь то религиозный аспект или политический) заведомо суживают наше восприятие авторского замысла. Сложный характер построения сюжета (если признается переделка исходной легенды об Искандере), где прямо не называется причина поражения Чингис-хана, явно рассчитан на знатоков. В процессе конструирования из исходного сюжета изъяты некоторые ключевые элементы (мудрый помощник, барабаны, покровительство высших сил) и в результате главный персонаж «характеризуется» целым рядом неназванных параметров. И обнаружить это можно, лишь сопоставив параллельные тексты. В таком случае, перед нами остается единственный выбор: признать игру символов в чистом виде. Истинная игра есть высокое развлечение, которое не нуждается в каких-либо обоснованиях. Окончательное решение этого вопроса зависит от результатов анализа остальных сюжетов «Романа о Чингис-хане».

Чингис-хан, в реальности не проигравший ни одной крупной битвы, в фантастических пространствах у пределов земли терпит одно поражение за другим. У легендарного Чингис-хана отсутствует знание о священных предметах. Возможно, что

таким образом восточные интеллектуалы выразили свой упрек чингизидам, которые принимали важнейшие решения в замкнутом кругу (ср., Искандер, в отличие от Чингис-хана, всегда окружен учеными мужами). Вместе с тем, нет сомнений, что автор романа принадлежал к одной элитарных групп монгольской империи. Кроме поразительной осведомленности, об этом свидетельствует взгляд на империю «сверху» (в отличие, скажем, от францисканцев, чей взгляд на империю направлен «снизу»). Если позволить себе более широкое сравнение поэмы «Искандер-наме» и «Романа о Чингис-хане», то можно увидеть поразительную особенность. Низами различает три стороны характера Искандера: завоеватель, мудрец и пророк.⁴⁰¹ Чингис-хан в романе представлен исключительно как завоеватель, соперничающий с божественными преградами.

Подведем предварительный итог. В поэме Низами содержится необходимое звено, демонстрирующее, (но не проясняющее) связь между шумом восходящего солнца и грохотом барабанов. Содержательная связь между персидской версией Александрии и сюжетом о «людях солнца» из романа несомненна. Очевидно также, что легендарный восточный поход Чингис-хана является зеркальным отражением описания похода Искандера к камфорному городу на краю земли. Таким образом, первая и главная часть исследования, связанная с выявлением параллельного литературного источника и выяснением замысла автора «Романа о Чингис-хане», выполнена. Одновременно возникла возможность решить вопрос о том, где же находилась земля Нараирген. Появление новой структурной единицы – базара, где в изобилие только золото, позволит ниже указать истинное местоположение земли «людей солнца» в мифической географии средневекового Востока. В первую очередь, следует обратить внимание на тексты, где описывается связь между барабанами и меновой торговлей. Также, в нашем распоряжении имеются космографические тексты, трактующие проблемы мироздания, где говорится о «крике» солнца или небесном крике. Это явление происходит в высших сферах и никак не связано с земной жизнью людей. Вопрос о том, каким образом космический шум, недоступный слуху людей, превратился в смертоносный шум у крайних пределов мира, представляет особый интерес. Пока лишь ясно, что мифологический сценарий, разыгрывавшийся на верхнем уровне, оказался спроецирован на земную горизонталь, что и позволило ввести в сюжет барабаны. Так или иначе, появление музыкальных инструментов, с помощью которых можно победить природный шум, вторичное явление. Обитатели камфорного города, до появления у них Искандера, ничего не знают о спасительной функции барабанов. Дальнейшие размышления, посвященные этим вопросам, носят факультативный характер относительно основной темы исследования, поскольку главная задача уже достигнута.

§ 8. Недоступные города на краю мира.

В качестве дополнения к картине из поэмы Низами можно привести сведения из персидского сочинения «Чудеса мира», восходящие к космографии Наджиба Хамадани (XII в.). Они подтверждают гипотезу о развитии сюжета о шуме, возникающем при восходе солнца и ответном грохоте барабанов, в персидской литературе. В космографии сообщается о недоступных городах на краю мира: «<Джабалка> – город на востоке на берегу моря. При восходе солнца вода в море начинает бурлить и <от нее> идет

⁴⁰¹ Бертельс Е. Э. Избранные труды. Т. «Низами и Фузули». М., 1962. С. 348. В поэме Низами мир культуры противопоставлен пространству хаоса:

«Два раза повелитель мира объехал мир,

Один раз города и страны, другой горы и доли.

<...> обитаемые земли одну за одной осмотрел и вернулся в Рум.

Другой раз было так, что по дорогам и бездорожью

Двинул он знамена, как солнце и луна» (Низами, с. 375).

страшный рев. Изготовили барабаны; бьют в них в это время, дабы меньше слышать рев моря. <Джабалса> – большой город на западе. Говорят, <в городе> – 1000 ворот. В сие время люди в этих двух городах не бывали и особенности их достоверно не известны» («Чудеса мира». 434).

Космография сохранила в самом сжатом виде фабулу сюжета, разработанную впоследствии Низами и использованную неизвестным автором «Романа о Чингис-хане». Из сюжетных единиц, слагающих легенду о Нараирген, в «Чудесах мира» представлены все, за исключением двух: не говорится о подземных жилищах и царе-завоевателе. Сведения космографии о барабанах подтверждают нашу трактовку пассажа брата Иоанна об органах и тимпанах как ударных инструментах. Показательно, что в Джабалка барабаны изготовлены специально для того, чтобы заглушать рев моря, тогда как в поэме Низами барабаны являются частью военного снаряжения войска Искандера, однако их функции, в конечном счете, совпадают. Следует согласиться, что в первоначальном варианте легенды о шуме солнца барабаны имели исключительно «мирное» назначение и не были связаны с фигурой царя-завоевателя. Упомянувшееся в самом начале главы предание из книги Иоанна Хильдесхаймского о трех волхвах, пришедших с края земли, где солнце восходит с грохотом и шумом, несомненно, связано с представлениями, отраженными в персидской космографии.

Джабалка – название неясного происхождения самого восточного пункта на земле, противоположностью которого на западе является город Джабарса / Джабалса.⁴⁰² Известия об этих двух легендарных городах имеются во многих арабских географических сочинениях, а также в персидских толковых словарях.⁴⁰³ В космографическом введении к «Истории» ат-Табари (IX в.) сообщается, что жители этих городов столь многочисленны и так сильно шумят, что заглушают шум восходящего и заходящего солнца, иначе бы население этого мира услышало бы шум солнца; Джабалса и Джабарса имеют по 10000 ворот и вооруженную охрану в 10000 человек; за этими городами обитают Гог и Магог.⁴⁰⁴ В ранних версиях легенды, вариант которой представлен у ат-Табари, небесный шум вытесняется криком людей, а барабаны вообще не упоминаются. Это свидетельствует о позднем включении барабанов в легенду о пограничных городах мира. В сообщении ал-Бакуви (нач. XV в.), который, несомненно, передает раннюю традицию, о шуме и барабанах не говорится: «Джабарса – город в отдаленнейшей части Востока. Население его <происходит> от потомства <народа> Самуд, а в отдаленнейшей части Запада есть город под названием Джабалк, население которого происходит от потомков <народа> 'Ад. И в каждом из них – потомки этих двух народов. Иудеи утверждают, что потомки Мусы бежали во время войны с Бухт Нассаром, и Аллах всевышний защитил их и привел их в Джабарса. И они <стали> обитателями этого места. До них никто не доходит и не счесть им числа».⁴⁰⁵ Известно, что сочинение ал-Бакуви представляет собой сокращенную редакцию географического труда выдающегося арабского космографа Закарийа ал-Казвини «Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад» («Памятники стран и сообщения о рабах <Аллаха>»), составленного в 1275 – 1276 гг. К этому времени Джабалка и Джабарса превратились в земные города.

⁴⁰² 'Аджа'иб ад-дунья (чудеса мира) / Критический текст, пер. с перс. введение, комментарий и указ. Л. П. Смирновой. М., 1993. С. 284-285. Идентификация топонима *Джабалка* с Канг-диз, скорее всего, ошибка, см.: Topographisch-historische Studien zum Iranischen Nationalepos von Davoud Monchi-zadeh. Wiesbaden, 1975, s. 246-249.

⁴⁰³ Баевский С. И. Географические названия в ранних персидских толковых словарях (XI – XV вв.) // Страны и народы Востока. М., 1980. Вып. XXII. С. 86.

⁴⁰⁴ The History of al-Tabari, p. 237.

⁴⁰⁵ ал-Бакуви, с. 16.

В «Слове о тюркских языках» Махмуда Кашгари (XI в.) говорится: «Что касается жителей Джабарка <Jabarqa>, то язык их неизвестен из-за отдаленности и из-за того, что они отдалены от Мачина <Южного Китая> большим морем». ⁴⁰⁶ Добавим, что легенда о городе Джабалса, расположенном на самом краю мира, сохранилась в позднем киргизском предании, записанном на арабском языке. В предании описывается громадный базар и музыканты, заглушающие звуками крик солнца (об этом см. ниже). Итак, легендарные города на востоке и западе мира отмечают на мифологической карте походов Искандера крайние пункты – от восхода солнца до заката, и жители Джабалка при восходе солнца бьют в барабаны, чтобы заглушить рев, идущий с моря.

Согласно сведениям А. Муля в китайской книге начала XV столетия (*I-yü t'u-chih*) из библиотеки Кембриджского университета имеется изображение заходящего с шумом солнца в стране *Sha-pi-ch'a*, сопровождаемого звуками гонга, барабанов и рожков. В надписи к этому рисунку говорится: «Вечером, при закате солнца, шум становится подобным грому. Правитель страны всегда собирает тысячу человек у городской стены для того, чтобы они дули в рожки, били в барабаны и гонги для того, чтобы заглушить шум солнца. В противном случае дети умерли бы от страха».

Согласно комментарию Пелльо к этим сведениям, *Sha-pi-ch'a* – это *Zabarqa* Махмуда Кашгари; китайская транслитерация сделана на основе альтернативной формы *Jabarsa* (*Jabarša?). ⁴⁰⁷ Текст, на который ссылается Муль, появился впервые на китайском языке в 1225 г. в сочинении T'chao Jou-koуа *'Ichou fan tche*. Возможно, что страна *Sha-pi-ch'a* (= *Zabarqa*) и *Джабалка* персидской космографии означают одно и то же. В таком случае, в китайском предании отражено персидское известие. Но не стоит исключать и влияние сведений китайского паломника Фа Сяня, совершившего путешествие в Индию в V в. (см. ниже, § 9).

Существует еще один любопытный текст, демонстрирующий неожиданную грань в развитии нашего сюжета. Речь идет о сведениях Гардизи о Китае (XI в.). Он пишет: «В царском дворце 180 барабанов; когда солнце близко к закату, начинают бить зараз во все барабаны; услышав этот звук, все люди уходят в свои дома; во время заката на базаре не остается никого. После этого стража выходит на базар и на дорогу с обнаженными мечами; всякому, кого в этот час находят вне дома, тотчас отрубает голову и пишат на его спине: «Так наказывается тот, кто выходит из повиновения царю»». ⁴⁰⁸

О шуме солнца ничего не говорится. Можно было бы полагать, что Гардизи передает вполне реальную картину, на самом же деле он описывает фантастический город. В этих сведениях вырисовывается ясная связь между царскими барабанами и прекращением торговли на базаре. На закате солнца люди, ведущие торговлю, повинуются грохоту 180 барабанов. Барабанный бой связан с определенным временем суток. Выше уже было отмечено, что барабаны Искандера позволили восстановить нормальную жизнь в камфорном городе и продолжить торговый обмен с местными жителями. Сведения Гардизи в какой-то степени позволяют прояснить смысл этого эпизода. В китайском предании о стране *Sha-pi-ch'a*, напротив, сообщается о приказе правителя ударами в барабаны и гонги заглушать шум заходящего солнца.

⁴⁰⁶ Трактровка Рустамова *Джабарки* как *Японии* явное недоразумение, см.: Материалы по истории Средней и Центральной Азии в X — XIX вв. Ташкент, 1988. С. 21. В свое время Херманн также считал, что на карте мира Махмуда Кашгари под именем *Jabarqa* упоминается *Jih-pkn-kuo* «Япония». Как показал Пелльо, никаких оснований для такого отождествления нет. *Jabarqa* – мифическая страна на востоке мира, см.: Pelliot P. Notes on Marco Polo. I, p. 609.

⁴⁰⁷ T'oung Pao. 1936. P. 361-362.

⁴⁰⁸ Бартольд В. В. Сочинения. Т. VIII. С. 55.

§ 9. Мифические барабаны.

Остается неясной таинственная связь между восходом солнца и игрой на барабанах. Не исключено, что сведения о грохоте барабанов в городе на востоке мира связаны с бродячим сюжетом о сверхъестественном шуме, возникающем у пределов земли. Так, начальник почтового ведомства халифата Ибн Хордадбех (IX в.) писал об острове Братаил (вар. Зу Табил – «табл» означает барабан) во владениях правителя острова Явы в Малайском архипелаге: «Оттуда каждую ночь слышны песни и <бой> барабанов. Мореплаватели рассказывают, что там <обитает> ад-Даджджал <дьявол>. И выходят из моря кони, наподобие наших, с гривой, которая тащится за ними по земле». ⁴⁰⁹ Эти же сведения вошли и в персидскую космографию XIII в.: «С острова все время доносятся звуки барабана, тамбурина, цимбал и неяс, людей же не видно». ⁴¹⁰ В рассказе о первом путешествии Синдбада-морехода из сказок «Тысяча и одна ночь» говорится: «И я видел в царстве царя аль-Михрджана остров среди других островов, который называется Касиль, и там всю ночь слышны удары в бубны и барабаны; и знатоки островов и путешественники рассказывали мне, что жители этого острова – люди степенные, с правильным мнением». В этом же рассказе сообщается об острове, на который из моря выходят морские кони. Все это поразительным образом напоминает сведения ибн Хордадбега, с той лишь разницей, что в сказочном сюжете на острове обитают люди, а в литературном варианте ибн Хордадбега – дьявол.

В «Чудесах Индии» говорится об этом же острове, он именуется Братанил, ал-Бакуви называет его Бартабил: «Остров Бартабил <находится> недалеко от острова аз-Забадж. Его жители – такие люди, у которых лица подобны щиту, окованному медью, а волосы как хвост мулов. На нем <живут> носороги <и растет> гвоздика, вывозимая отсюда в страну <ислама>». ⁴¹¹ Ср. со сведениями Плиния Старшего об африканской горе Атлас, на которой по ночам звучат тимпаны и цимбалы сатиров: «Передают, что она неприступная и мрачная, подымается среди песков до самого неба. Гора обращена к берегу океана, которому дала название <Атлантический>. Атлас тенист, покрыт лесами и с той стороны, которой повернут к Африке, орошается бьющей ключом водой источников. У подножия горы сами по себе вырастают плоды всех сортов, так что желающие всегда могут получать их в достаточном количестве. Ни одного жителя не увидишь среди дня, все погружено в молчание, сходное с оцепенением пустыни. Души приближающихся охватывает тихое благоговение и, кроме того, страх перед горой, поднявшейся над облаками в соседстве с диском луны. По ночам она сверкает множеством огней, оглашается ликованием эгиптян и сатиров; там звучат флейты, свирели, тимпаны и цимбалы. Об этом <...> рассказывают известные писатели. Расстояние до него <Атласа> очень велико и неизвестно». ⁴¹² Не исключено также, что в одном из рассказов из «Чудес Индии» отразился ранний вариант легенды о «людях солнца». Тот факт, что она контаминирована с легендой об Острове женщин указывает на ее длительное существование, предшествующее ее фиксации в X в. Рассказ записан со слов капитана Абу-з-Захра аль-Бархатия из Сирафа. Вот что рассказал мне этот человек со слов одной женщины, обитательницы Острова женщин, – пишет Бузург ибн Шахрияр, – Какой-то судовладелец отправился с купцами в путь и достиг Китая, однако буря отнесла их в сторону моря, откуда нет возврата. Это крайние пределы мира. Путешественников выносит к острову, со всех сторон окруженному горами. Ночью весь горизонт объят ужасным пламенем, но с восходом солнца видение исчезает и огонь превращается в воду. Путешественники вступают на остров и обнаруживают на нем

⁴⁰⁹ Ибн Хордадбех, с. 80.

⁴¹⁰ «Чудеса мира». 44.

⁴¹¹ ал-Бакуви, с. 25.

⁴¹² Плиний. Естественная история. V. 6-8.

бесчисленное множество женщин. Вскоре команда корабля умирает от чрезмерных наслаждений. Спасается только один шейх. Дождавшись ветра, дующего в сторону Индии, он покидает остров, с ним отправляется в путь одна из местных женщин, предварительно указав ему залежи золотого песка. Они благополучно возвращаются к нему на родину. Как и в легенде о Нараирген, об этой необычной земле рассказ принадлежит женщинам. Женщина осталась при нем, научилась его языку, приняла ислам и родила ему детей. Шейх расспросил ее тогда об островитянках. Женщина рассказала следующее: «Мои единоплеменники живут в обширных землях и больших городах, окружающих этот остров; каждый из наших городов отстоит от него на трое суток пути. Все жители наших стран и городов – как подданные, так и цари – поклоняются огню, который светит им с острова по ночам. Остров этот они называют Домом Солнца, потому что Солнце восходит с его восточного конца и заходит в западной его стороне; и думают они, что Солнце там живет. На заре, когда Солнце восходит с восточного конца острова, когда огонь его слабеет и умирает, а Солнце поднимается, люди кричат: «Оно! Оно!» Когда светило закатывается в западной части острова, и оттуда вечером показывается огонь, они опять кричат: «Оно! Оно!» – и поклоняются этому огню, обращаясь к нему со своими молитвами и падая ниц».⁴¹³

§ 10. Барабаны в «стране золота».

Вернемся к легенде о «людях солнца». Параллельные сюжеты (из поэмы Низами и «Чудес мира») позволили объяснить происхождение основных мотивов в легенде о земле Нараирген. Однако, взятые сами по себе, они также представляют загадку. В «Искандер-наме» барабаны находятся в руках пришельцев. Обратим внимание на то, как охарактеризован камфорный город, куда пришел Искандер: «Сей город на свете со скудным уделом, кроме золота и серебра, которые в нем добывают, для прочих предметов базар оживлен». Итак, в городе обилие золота и серебра, во всем остальном же жители терпят нужду, и поэтому возможен оживленный торг. Можно предположить, что сюжет с барабанами, в которые грохочут чужеземцы, приходя в страну солнца, связан с описанным в арабской географической литературе обычаем торговых караванов: грохотом барабанов предупреждать племена Северной Африки о своем появлении и начале торга, где главным предметом было местное золото. Возможно, что сведения об этом обычае не более чем легенда, но для результатов нашего исследования это не имеет никакого значения.

Трудный путь в страну золота занимает три месяца, а безводные пустыни доставляют арабским купцам мучение (ср.: Чингис-хан также в течение трех месяцев с трудом совершает путь через пустыни, и даже вынужден в виду нехватки пропитания приказать, чтобы из каждых десяти человек между собой съедали одного). Жители этой страны укрываются от солнечного зноя под землей. Они обладают большим количеством золота и добывают его только при восходе солнца. В противном случае, их погубит зной. Между купцами и обладателями золота происходит немой торг. Грохот барабанов служит средством общения между чужеземными купцами и местными жителями, обитателями «страны солнца». Представляется, что сюжет о шуме солнца, побеждаемом грохотом барабанов, и в «Искандер-наме», и в «Романе о Чингис-хане» является испорченным пересказом сведений о торговле золотом в Африке: купцы, налаживая контакт с жителями с помощью барабанов, получают желанное золото. «Выпадение» из рассказа подробностей о немом обмене товаров на золото приводит к утрате смысла сообщения в целом (как можно одним шумом заглушить другой?). Однако в легенде об Искандере все же сохраняется некий изначальный смысл: грохот барабанов, заглушивший шум солнца, позволил Искандеру продолжить общение и

⁴¹³ Бузург ибн Шахрияр, с. 32-37.

торговлю с жителями камфорного города и даже обратить правителя города в истинную веру. Скорее всего, именно в персидских сочинениях возникла связь между архаическим мотивом шума восходящего солнца и грохотом барабанов (то ли африканских, то ли индийских, см. § 9). Ясно одно, что связи подобного рода являются результатом мифологического конструирования, когда уже утрачены какие-либо реальные представления о том или ином забытом явлении.

Интересующий нас рассказ о торговле мусульманских купцов в стране золота содержится в географическом словаре Якута. Сведения Якута восходят к ранним арабским авторам – Ибн Хаукалю, ал-Мухаллаби и ал-Бакри.

«Ат-Тибр <золотой песок> – одна из стран Судана, известная под названием страны ат-Тибр. А по ней именуется чистое золото. – Она <находится> на юге Магриба. Купцы путешествуют из Сиджилмасы до города в пределах Судана, называемого Гана. Их товары состоят из соли, ожерелий из соснового дерева <...>, бус из голубого стекла, браслетов из красной меди, медных колец и перстней, – и только. И это везут в многочисленных и плотно набитых вьюках. Воду они везут из страны ламтуна – а это носители лисама,⁴¹⁴ народ из числа берберов Магриба, – в мехах и бурдюках. Они едут и встречают воду, но эта вода испорчена и опасна, от свойств воды в ней осталось лишь жидкое состояние. Поэтому они везут воду из страны ламтуна, и пьют, и поят своих верблюдов. С самого момента, когда они начинают пить <ее>, изменяется состояние их здоровья. Особенно же болеют те, кто раньше не имел привычки пить эту <воду>. Так что они прибывают в Гану после великих невзгод, останавливаются в ней и поправляются. Потом выбирают проводников и многочисленных водносов, берут с собой знатоков <золота> и посредников, дабы те завязали торговые отношения между ними и хозяевами золотого песка. Они идут своим путем через пустыни, в которых дуют ветры, самум, высушивающие воду внутри бурдюков, и они придумывают разные способы доставлять в них воду и пьют ее небольшими глотками <...>. По прибытии они бьют в огромные барабаны, которые у них с собой и которые слышны с места, находящегося прямо против этого вида суданцев. А говорят, что те пребывают в укрытиях и норах под землей нагими, не зная стыда, подобно животным. Несмотря на то что эти люди никогда не позволяют ни одному купцу себя увидеть, все так рассказывают об их свойствах. И когда купцы убеждаются, что те услышали барабан, они достают то, что есть с ними из упомянутых товаров, каждый купец кладет то, что ему принадлежит, – каждую разновидность отдельно, и они удаляются от этого места на переход. Черные же приходят с золотым песком, кладут рядом с каждой кучкой вещей некоторое количество золота и удаляются. Затем после них приходят купцы, и каждый берет то, что находит из золота около своего товара. Они оставляют товары и уходят после того, как ударят в свои барабаны. За этими <людьми> нет ничего, что было бы известно, и я полагаю, что там нет живых существ из-за сильной солнечной жары. А между этой страной и Сиджилмасой три месяца <пути>. Говорит Ибн ал-Факих: золото произрастает

⁴¹⁴ *Носители лисами* — берберские племена, укрывавшие голову и часть лица куском ткани (прим. пер.). На Каталонской карте 1375 г. в Северной Африке изображен бербер верхом на верблюде; нижняя часть лица бербера скрыта характерной повязкой. См. также: *Перишц А. И.* К вопросу о происхождении туарежского мужского покрывала // *История, археология и этнография Средней Азии.* М., 1968. С. 357-360.

в песке этой страны, подобно тому как растет морковь,⁴¹⁵ и его собирают при восходе солнца».⁴¹⁶

Судя по описанию Якута, без барабанов торговый обмен был бы просто невозможен. Напомним, какое впечатление произвел грохот барабанов Искандера на жителей камфорного города: «Весь город от боя резких литавр / в волнение пришел, как в <день> воскресенья <из мертвых> / к барабанам сбегались, откуда шли звуки, / как стар и млад к барабану Даджджала».⁴¹⁷

Знаменитый путешественник X в. ал-Масуди о торговле золотом в Гане сообщает следующее: «Это царство прилегает к стране золотых рудников, и в нем есть многочисленные народы из этой страны. У последних имеется черта, которую не переходят те, кто к ним направляется, и купцы, которые к ним приезжают, привозя товары. Когда купцы достигают этой черты, они кладут товары, а на них одежды и удаляются. Затем приходят эти черные и приносят золото. Они оставляют его около товаров и удаляются. Потом приходят владельцы товаров, и, если их удовлетворяет <количество золота, они забирают его и уходят>. Если же нет, они возвращаются и уходят назад. Затем возвращаются черные и прибавляют им, пока не завершится сделка, подобно тому как делают купцы, которые покупают таким же образом гвоздику у ее обладателей. А иногда, после того как черные уйдут от них, купцы возвращаются тайно, замаскировавшись, раскладывают в земле огонь, и золото начинает течь. Купцы похищают его и затем убегают. Потому что вся земля <черных> – золото, и россыпи его там у них на поверхности. Иногда черные узнают о делах купцов и выходят <в погоню> по их следам. Если они их настигают, то убивают. В их пустынях есть рудники; и самородки бывают такими большими, что видны в песке наподобие явной зелени».⁴¹⁸ Ал-Масуди передает чужие рассказы; может быть, поэтому, в них появляется такая фантастическая деталь как черта, разделяющая купцов и обладателей золота, но не упоминаются барабаны. Этот рассказ повторяется у автора легендарной истории Египта («Большая книга чудес») Ибн Васиф Шаха (нач. XIII в.).⁴¹⁹ Тема взаимного избегания купцов (чужестранцев) и местных жителей занимает важное место в рассказах о чудесах мира: «Среди эфиопов и берберов есть дикое племя. Они убегают от людей. Когда туда

⁴¹⁵ Ср.: ал-Масуди (X в.), описывая страну золота в Африке, рассказывает со слов путешественников о местах, «в которых у растений были ветви из золота, а это страна Гана» (Арабские источники VII — X веков, с. 260). Ал-Гарнати (XII в.) говорит об этой же стране: «У них в песках растет самое чистое золото, и его у них много» (Арабские источники XII — XIII вв., с. 24); См. также: *Куббель Л. Е.* Страна золота. М., 1966. С. 15-26.

⁴¹⁶ Цит. по: Арабские источники XII — XIII вв., с. 122-123; этот же рассказ повторяется в сочинении ал-Бакуви (*ал-Бакуви*, с. 15). Интересно, что Матвею Парижскому, бенедиктинскому монаху XIII в., были известны некоторые подробности торговли золотом в тропической Африке. В своем сочинении «Итинерарий в Святую землю» Матвей Парижский, вероятно, использовал сведения арабских авторов. Сообщая о торговле золотом и драгоценными камнями, он пишет о подземных пещерах, где укрываются в течение дня жители жарких районов материка. Эти сведения содержатся в надписи на карте Африки, нарисованной Матвеем Парижским, см.: *Дридзо А. Д.* Африка южнее Сахары в представлении европейских географов XIII в. // Путешествия и географические открытия в XV — XIX веках. М.; Л., 1965. С. 153.

⁴¹⁷ О символическом значении удара в барабан сообщается в хорезмской легенде, имеющей древние корни. Сулейман решил построить город. Перед началом работ рядом с ним поставили большой барабан. Пророк уснул. Пролетавшая ворона уронила из клюва кость; кость упала на барабан, по этому сигналу люди и дэвы возвели крепость, чем вызвали гнев проснувшегося Сулеймана, см.: *Снесарев Г. П.* Три хорезмские легенды в свете демонологических представлений // СЭ. 1973. № 1. С. 49-50.

⁴¹⁸ Арабские источники VII — X веков, с. 257.

⁴¹⁹ Арабские источники XII — XIII вв., с. 91.

приезжают купцы, они приходят и прицениваются к товарам, оставляют на берегу в оплату за них алоэ, камфору, леопардовые шкурки, золото, серебро и убегают в воду. Взамен они требуют марену красильную и <краску> бакан. <Потом> они <снова> приходят. Если им покажется дешево, они уносят свой товар. Купцы же, если захотят, прибавят еще что-нибудь. Тогда <те люди> положат свои товары на место, а товар купцов заберут. И настолько они справедливы, что никакой путаницы не бывает. Никто не знает, чем вызвана неприязнь к ним и где они обитают».⁴²⁰

Сравним описание земли Нараирген с рассказом об области, где происходит торговля африканским золотом. Общими элементами являются:

- труднодоступная земля, в окружении пустынь (Судан, на юге Магриба);
- отсутствие людей, хотя есть дороги (купцы и обладатели золота не видят друг друга: «эти люди никогда не позволяют ни одному купцу себя увидеть»; ал-Масуди сообщает о *черте*, которую не должны пересекать купцы; немой торг происходит при условии, что ни та, ни другая сторона *не видят* друг друга), следовательно, они должны друг друга слышать на расстоянии с помощью барабанов; ал-Бируни говорит, что купцы объясняются издали при помощи знаков);
- «люди солнца» живут в подземных домах (о черных обладателях золота «говорят, что те пребывают в укрытиях и норах под землей»),
- пограничный характер земли чернокожих и земли Нараирген.

Разница же заключается в том, что в рассказе Якута не говорится о шуме восходящего солнца. Эта подробность появляется в сочинениях легендарного характера, где говорится о городе Джабалка на краю мира. Почему для жителей страны золота был важен именно момент восхода солнца – объясняется у ал-Бируни.

Любопытные сведения о добыче золота при восходе солнца в Софала аз-Зиндж содержатся в трактате «Минералогия» ал-Бируни. Они показывают, какие представления о торговле африканским золотом существовали у восточных ученых XI века.

По словам ал-Бируни, к рассказам о трудностях блуждания по пустыням чернокожих Магриба «можно добавить другие истории, например, о появлении золота в тех пустынях в виде бусин, и что их можно найти только при восходе солнца, когда лучи придают им блеск. <...> Что касается <возможности> нахождения золота <только> при восходе солнца, то это – из-за сильной жары <в остальное время дня>, потому что темнота ночи препятствует поискам, так же как и яркий свет дня, ибо он сопровождается жарой. Поэтому не остается иного времени, кроме утра <...> И блеск чистого золота и его сияние под лучами солнца не удивительны, особенно если это бывает после росы» (ал-Бируни. Минералогия, с. 224). Далее следует рассказ о беспечности жителей Зинджа, которые не прибегают к накоплению сокровищ, ибо слишком простодушны, чтобы заботиться о завтрашнем дне. Что же касается торговли золотом, то, согласно ал-Бируни «в земле тех чернокожих имеются рудники, и в других странах нет рудников, которые давали бы более обильную добычу и более чистое золото; однако пути туда затруднительны из-за пустынь и песков, да и жители тех стран воздерживаются от общения с нашими людьми. И поэтому купцы запасаются для пути, начиная от Сиджилмасы,⁴²¹ что на границе Тахирта,⁴²² расположенного у крайних пределов земли Магриба, достаточным количеством провианта и воды и везут к чернокожим, живущим

⁴²⁰ «Чудеса мира». 153.

⁴²¹ Сиджилмаса — оазис в Северной Африке (прим. пер.).

⁴²² Тахирта — город в Тунисе (прим. пер.).

за теми пустынями, басрийские одежды, известные под именем баджбаджийских, так как известно влечение этих людей к ним. Одежды эти красные по краям, окрашенные в разные цвета и расшиты золотом. Они <чернокожие> заключают <с купцами> торговые сделки на золото, объясняясь издали при помощи знаков и показа <товара> на условиях взаимного согласия. Так они поступают, вследствие незнания языка и крайней боязни перед белыми, подобной страху животных перед хищными зверями; и они ничего другого не желают, кроме этих одежд; из-за них они сбегаются толпами. А эти рудники расположены между внутренними областями чернокожих и между Зувайлой,⁴²³ в области Магриб. <...> А в Зарубане в расцвете его славы и успеха когда-то были в горах и возвышенностях обширные пустоты размером с целые дома, которые назывались ахарат, или авари, наполненные кусками золота, похожими на слитки, словно это были казнохранилища, приготовленные для искателей. А тот, кто их случайно находил, получал богатство на целый век» (*ал-Бируни. Минералогия*, с. 226).

Неизвестный арабский автор XI в., проехавший по маршруту купцов в страну золота, не сообщает никаких фантастических подробностей, однако отмечает необычный шум многолюдных базаров города Аудагаста, а также ужасный грохот барабана, с помощью которого правитель собирает народ. К этим сведениям стоит обратиться еще и потому, что они находят удивительную параллель в сказочном киргизском предании о городе солнца с бесчисленными базарами и торговцами, которые игрой на трубах заглушают крики светила (замена барабанов трубами не существенна, важна связь между шумной игрой на музыкальных инструментах и грохотом солнца). Вот что пишет неизвестный путешественник XI в.:

«Сиджилмаса считается одним из самых значительных городов Магриба. Она находится на краю пустыни, и ни к югу, ни к западу от Сиджилмасы другого такого средоточия населения неизвестно. От Ганы она отделена двумя месяцами пути по пустыне через песчаные и гористые области, в которых обработанных земель нет, а вода встречается редко. <...> Между пустыней ламтуна и странами Судана <расположен> город Аудагаст. Это громадный город, население которого состоит из бесчисленного количества народностей. В городе многочисленны сады и множество финиковых пальм. <...> Жители живут в довольстве и владеют большими богатствами. Рынки там велики и очень многолюдны. Таковы они всегда, и шум от толпы бывает так силен, что лишь с трудом можно услышать слова своего соседа. Сделки совершаются при помощи золотого песка, так как денег у них не существует. <...> Население города пестрое: состоит из людей, происходящих из всех стран и поселившихся там благодаря обилию продовольствия, оживленным рынкам и торговым сделкам. <...> Оттуда вывозят серую амбру очень хорошего качества, так как океан отсюда не слишком удален, и чистое золото в виде самородков и в форме нитей. Это золото самое лучшее и самое чистое в мире».⁴²⁴

В рассказе о Гане сообщается: «Объявление о том, что царь идет заседать в здании с куполом, чтобы вершить дела и отправлять правосудие, делается с помощью огромного барабана под названием «дуба» в форме длинного выдолбленного куска дерева, с натянутой кожей. Ужасный грохот его собирает народ».⁴²⁵

О городе Аудагасте Якут пишет следующее: «Аудагаст – город между двух гор посреди равнины, к югу от города Сиджилмасы. Между ними обоими сорок с лишним переходов в песках и пустынях по известным колодцам. <...> В Аудагасте – большие

⁴²³ Зувайла — город Фаззан, в двух месяцах пути к юго-западу от Кайрувана (прим. пер.).

⁴²⁴ Арабские источники XII — XIII вв., с. 73-74.

⁴²⁵ Там же, с. 78.

рынки». ⁴²⁶ Не является ли странная фраза, завершающая описание земли Нараирген, о лежащей среди пустыни плодородной и небольшой стране, куда можно попасть, перейдя через горы, отголоском сведений об Аудагасте?

Известно позднее киргизское предание о городе на краю мира, в котором существует семьдесят базаров и на рассвете его жители играют на трубах, чтобы заглушить крики солнца. Этот же мотив игры на музыкальных инструментах представлен и в «Искандер-наме», и в «Романе о Чингис-хане». Предание гласит:

«Солнце, как говорят, состоит из огня ада, окружность четырех сторон его составляет пятьдесят ташей ⁴²⁷ пути. Солнце движется, и, когда ему настает время восходить, оно останавливается. Тогда Бог Всевышний, оказывается, поручает ангелам, чтобы они подняли солнце на небо. Поэтому поводу есть милостивое послание Бога к небу: «После того это солнце восходит наверх, к небу, а небо есть дым». ⁴²⁸ Итак, небо состоит из дыма. Когда ангелы говорят солнцу, чтобы оно поднялось на небо, солнце сопротивляется. Тогда от Бога Всевышнего вновь исходит повеление, поднять солнце силою на небо. Тут ангелы на цепях железных с большим трудом и усилием поднимают солнце на небо. <...> А не хочет подниматься солнце на небо по следующей причине: обитают на земле какие-то кяфиры, которые считают солнце Богом, говоря, что, когда солнце подымется на небо, весь мир делается светлым, а когда закатится – темным. Поэтому солнце не хочет подниматься, каждый раз упирается и краснеет. Когда солнце, не желая подняться на небо, – упирается, то кричит пронзительным голосом и, если бы голос этот слышали люди и животные, обитающие на земле, то все они умерли бы от страха. А не слышат они этого голоса по следующей причине: около самого восхода солнца расположен огромный город Джабулса. ⁴²⁹ Упомянутый Джабулса имеет семьдесят базаров. Там издавна установился такой обычай, что на базар стекается народ на рассвете, а когда уже начинает восходить солнце, базар бывает в полном разгаре и находящиеся тут люди трубят в карнай и сурнай с такой силою, что заглушают крики солнца, и население города его не слышит; это происходит каждое утро во время восхода». ⁴³⁰

Карнай представлял собой длинную медную трубу. Раннее изображение прямых карнаев в восточной миниатюрной живописи относится к XII в. Художники XIV–XV вв. часто изображали карнай в батальных эпизодах. Най (или сурнай) – мелодический духовой инструмент, который мог использоваться при утреннем пробуждении войска. ⁴³¹ На поздних миниатюрах к «Шахнаме» в сценах поединков и сражений рядом с трубами изображены сурнай. Киргизское предание сохранило важную смысловую часть интересующего нас исходного сюжета: в городе, расположенном у самого восхода солнца (чей крик смертелен для людей и животных), благополучная торговля зависит от шумной игры на трубах, заглушающих крик солнца. Как было показано выше, звуковые сигналы, на самом деле, означали начало немого обмена товаров на золото. В киргизском предании представлены все из выделенных ранее сюжетных элементов, за исключением последнего: в предании не упомянут ни Искандер, ни Чингис-хан. Очевидно, что легенда о «людях солнца» существовала самостоятельно от этих

⁴²⁶ Там же, с. 119.

⁴²⁷ *Таи* примерно равен 8 верстам (прим. пер.)

⁴²⁸ Коран. XLI. 10.

⁴²⁹ О городе Джабулса см. прим. 61 и 62.

⁴³⁰ Диваев А. А. Киргизское описание солнца, находящегося на небесах (текст и перевод) // ИОАИЭ при имп. Казанском ун-те. Казань, 1897. Т. XIV. Вып. 3. С. 374-377.

⁴³¹ Вызго Т. С. Музыкальные инструменты Средней Азии. Исторические очерки. М., 1980. С. 99-100.

персонажей и могла входить в тот или иной легендарный цикл в зависимости от фантазии автора.

§ 11. «Индийские солнцепоклонники».

В нашем распоряжении имеются сведения, позволяющие расширить ареал поиска земли «шумящего солнца» и включить в него Индию. Напомним, что Искандер пришел в камфорный город, что, возможно, указывает на его местоположение на берегу южного моря.

Еврейский путешественник XII века Вениамин из Туделы сообщает об обычаях индийцев острова или области Гулам, которую он называет «царством поклонников солнца».⁴³² В этих сведениях говорится как о торговых обычаях, так и о ритуалах встречи солнца. Определенное время года солнечная жара препятствует дневной торговле и поэтому ее обитатели ведут ночную торговлю. (Напомним, что в сведениях Гардизи, наоборот, сообщается о запрете торговли после захода солнца). Жители спасаются от жары в своих домах; далее, сообщается о шуме солнечных дисков, установленных в капищах с помощью волшебства. Иными словами, в сведениях рабби Вениамина отдельно фигурируют две интересующих нас темы: торговля и шум многочисленных «солнц».

«Это потомки Хуша, звездочеты; они все чернокожи и честные торговцы. Когда приезжают к ним купцы из далеких стран и вводят корабли свои в гавань, то к ним являются три царских писца, записывают имена приезжих и представляют их самих царю, который берет на себя сохранение в целости их собственности, оставленной ими на открытом месте без присмотра; <...> от праздника пасхи до нового года, в продолжение всего лета, там стоит страшнейшая жара, так что с 3-го часа дня люди прячутся в домах своих до самого вечера; затем выходят, зажигают свечи по всем улицам и рынкам и занимаются своим делом всю ночь, не будучи в состоянии работать днем, по причине чрезмерной жары. В этой стране растет перец; <...> Как они поклоняются солнцу, то у них повсюду кругом города, на расстоянии полмили, высокие капища, куда они по утрам и спешат встречать солнце;⁴³³ ибо в каждом капище устроен каким-то волшебным способом *солнечный диск, который каждый раз, при восхождении солнца, начинает вертеться со страшным шумом*; тогда все, как мужчины, так и женщины, выступают с кадильницами в руках и кадят фимиам божеству своему. Такой существует у них исстари бессмысленный обычай».

Не ясно, что означает солнечный диск, вращающийся на восходе со страшным шумом. Однако, не исключено, что подобные сведения, независимо от их происхождения, могли повлиять на рождение легенды о земле «шумящего солнца». Так или иначе, игнорировать сообщение рабби Вениамина невозможно. Известен рассказ китайского паломника Фа Сяня (V в.) об обряде, совершаемом правителем страны Нагара в Северной Индии. Каждый день на рассвете, когда выносят *ушнису* Будды, монахи поднимаются на высокую башню, бьют в барабаны, трубят в тыквы-горлянки, ударяют по медным чашам. Царь, заслышав звуки, совершает приношение даров

⁴³² Гулам идентифицируется либо с островом Цейлон, либо с современным городом Квилон на Малобарском побережье Индии, см.: Три еврейских путешественника XI — XII ст. Эльдад Данит, р. Вениамин Тудельский и р. Петахия Регенсбургский. Еврейский текст с русским переводом / Пер., прим. и карты П. Марголина. СПб., 1881. С. 118.

⁴³³ Сведения об индийских солнцепоклонниках известны и путешественникам XVII в. Так, русский купец Федот Котов, побывавший в Персии, сообщает: «А что Ыспогани мултanei по их языку, а по нашему индеицы, и у них розные веры: иные держат бусорманскую, а иные веруют в солнце. Как солнце станет всходить, так они солнцу молятца!», цит. по: Хождение купца Федота Котова в Персию. М., 1958. С. 55. Мултaneями именовали индийцев от названия города Мултан.

цветами и благовониями, а принеся дары, согласно обычаю надевает ушнишу на голову и входит через восточные ворота и выходит через западные. И так каждый день царь совершает священнослужение с приношением даров.⁴³⁴ Ср. с пассажем из поэмы Низами. Искандер дарит жителям камфорного города барабаны, чтобы они могли защищаться от шума солнца: «с той поры появился обычай в том городе, / Что на заре барабаны приходят в движение».

Сведения рабби Вениамина о торговом обмене между индийцами и иноземными купцами лаконичны. Показательно, что все дела, в том числе и торговля, совершаются ночью, по причине невыносимости солнечного жара. В персидском же сочинении XIII в. «Чудеса мира» тема немого обмена на острове Цейлон обретает фантастические контуры: в Индии посреди моря на горе есть дерево; в дереве есть двери в лавки, полные товаров; на каждом товаре написана цена; «никто никогда не видел там людей», однако, не заплатив, невозможно выбраться из дерева.⁴³⁵ О древности этого сюжета свидетельствуют сведения, передаваемые Фа Сянем. Он пишет о Цейлоне:

«Эта страна первоначально не была заселена людьми, здесь обитали только духи и драконы. В стране собирались на торжища купцы. Во время этих торжищ духи не показывались, а лишь выставляли свой драгоценный товар с указанием его цены. Купцы же в соответствии с <назначенной> ценой платили и увозили товар. От тех-то купцов, заезжавших на остров в своих странствиях, жители других стран и прослышали о богатствах этой страны и стали переезжать сюда».⁴³⁶

В целом, не исключено, что обычай немой торговли, зафиксированный арабскими авторами у различных народов, обитающих, как правило, в предельных областях мира,⁴³⁷ слился в описаниях со сведениями о ритуалах встречи солнца индийцами. В результате появилась легенда о городе на краю мира, где жители во время восхода шумом барабанов заглушают «шумящее солнце».

§ 12. Крик солнца.

Согласимся, что описание такого препятствия на пути легендарного героя, как шум солнца, не часто встречается в мировой литературе. Ат-Табари излагает древнее предание, согласно которому ежедневно между архангелом и небесными светилами (солнцем и луной) происходит спор по той причине, что светила отказываются всходить на небосклон, упираются и кричат.⁴³⁸ В апокрифическом «Откровении Варуха» говорится об огненной колеснице солнца. На рассвете раздается звук, подобный грому: это ангелы отворяют 365 ворот, и отделяется свет от тьмы.⁴³⁹ Этот пример показывает связь между небесными вратами, через которые каждое утро выезжает колесница солнца, и громовым звуком. Как мы помним, недоступный город на востоке мира, где утром раздается шум солнца, имеет 1000 ворот. Становится ясным, что в обоих случаях речь идет о городе или храме солнца. Видимо, подобный космографический сюжет был известен армянскому философу VII в. Анании Ширакаци, который излагает его, снимая покров мифологической тайны. В главе «О движениях и явлениях, происходящих между

⁴³⁴ Фа Сянь. Записки о буддийских странах // История и культура Древней Индии: Тексты / Сост. А. А. Вигасин. М., 1990. С. 311.

⁴³⁵ «Чудеса мира». 1.

⁴³⁶ Фа Сянь. Записки о буддийских странах, с. 343.

⁴³⁷ Ср: ал-Бируни. Геодезия, с. 156.

⁴³⁸ The History of al-Tabari. Vol. 1, p. 240.

⁴³⁹ Соколов М. И. Феникс в апокрифах об Энохе и Варухе // Новый сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского. СПб., 1905. С. 402.

небом и землей» Анания Ширакаци объясняет явление небесного грома. На самом же деле, речь у него идет о грохоте в высших сферах и пронзительном крике, рождаемом ветром. Ветер, насыщаясь морской водой, поднимает ее в небесные пространства, где сталкивается с другими ветрами, издавая крик. У Низами тоже говорится о звуке и вопле ветра, и грохоте, падающей морской воды, переходящем в гром. Близкую по смыслу картину изображает Беда Достопочтенный в «Книге о природе вещей»: «Говорят, что гром происходит от разрыва облаков: ветры, оказавшись внутри них, вертятся там из стороны в сторону вследствие подвижности своей природы, ища повсюду выхода и силясь вырваться наружу; вырываясь, они производят страшный шум и треск, подобно четверке лошадей, выскакивающих из конюшни. <...> Некоторые говорят, что нижние слои воздуха содержат воду, <появившуюся> вследствие испарения, а верхние – огонь, вследствие <небесного> жара, и всякий раз, как они сталкиваются друг с другом, раздается ужасающий треск грома. И если при этом победит огонь, то урожая не будет, а если вода, то будет преобильный». ⁴⁴⁰ В описании Анании Ширакаци картина выглядит следующим образом:

«А гром, который возникает внезапно в течении трех времен года, в зимнее время никогда не случается, но чаще и сильнее всего бывает весной. Поведаю вам – каким образом и отчего он бывает. В зимнее время облака бывают сухими, и то, что падает вниз, это они сами, вместе с <застывшей в них> влагой, поэтому они и не могут издать звука. А в весеннее время воздух наполняется влагой; под воздействием солнечного тепла воздух становится разряженным и, придя в сильное смятение <движение>, спускается к морю. Втягивая в себя воду, он поднимает ее наверх и чрезмерно напоенный тяжело движется дальше. А другие ветры, окружающие <эту напоенную влагой тучу>, которая подобно колеснице с возницей, держащим удила в руках, с большим трудом проходит сквозь первое <нижнее>, среднее и последнее <верхнее> небесное пространство, сталкиваются и грохочут, не будучи в состоянии из-за пресыщенности тела сразу пролить всю массу морской воды, издают пронзительный крик, подобно труднородящим женщинам. Это мы называем громом. <...> Земля нуждается не только в тепле и влажности, но и в издании крика с неба, ибо движением воздуха от сильного взрыва разрыхляется плотность земли, вследствие чего от живительных корней поднимаются наверх стебли растений». ⁴⁴¹

Картина, нарисованная в космографии Анании Ширакаци, восходит в неявной форме к древнеперсидским представлениям о битве Злого духа с водой. В «Бундахишне» говорится о том, как звезда Тиштар принесла воду наверх при помощи силы ветра и обнаружила способность проливать дождь, в результате чего все вредные твари на земле были побиты тем дождем; во время битвы Демон грома, пораженный Огнем молнии, громко закричал, и «поэтому теперь, во время битвы с устройтеlem дождя появляются гром и молния». ⁴⁴²

Видимо, к этому же кругу представлений примыкают космографические идеи, отраженные в надписи на Эбсторфской карте мира: «О почти необитаемой области. Она простирается от горы Тавр на север до Каспийского моря, где, говорят, находится пропасть, за которой людям нет ни жилья, ни доступа. Однако там, где река Ахеронт впадает в океан, очевидцы наблюдают шум и гул волн, кипящих, словно бы в горшке или котелке. А кто, после того как скроется <последний> луч солнца, ноздрями или ртом

⁴⁴⁰ Беда Достопочтенный. Книга о природе вещей / Пер. с латыни и коммент. Т. Ю. Бородай // Вопросы истории естествознания и техники. 1988. № 1. Гл. 28-29.

⁴⁴¹ Анания Ширакаци. Космография / Перевод с древнеармян., пред. и коммент. К. С. Тер-Давтян и С. С. Аревшатян. Ереван, 1962. С. 65-66.

⁴⁴² Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан-и меног-и храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты / Изд. подг. О. М. Чунаковой. М., 1997. С. 273-274.

ощутит запах речного пара либо вдохнет малую толику, того с тех пор уж никаким медикам не излечить, и умирает он от все более и более ужесточающейся болезни. При впадении этой реки море кипит, как в кастрюле. Рыбы там нет вообще никакой и никаких змей. Там редко встречается съедобная зелень или трава для скота. Народы этой области уродливы, страшны с виду и невежественны». ⁴⁴³ Согласно Страбону, существовала масса мнений, не заслуживающих доверия, о том как погружается солнце в океан: «По словам Посидония, например, в народе говорят, что размеры солнечного диска на океанском побережье при заходе больше и солнце садится с шумом, как будто море шипит в то время, когда оно гаснет, оттого что погружается в морскую пучину. Посидоний говорит, что это неправда». ⁴⁴⁴ В персидской космографии «Чудеса мира», видимо, сообщается об этом же явлении: «В Магрибе же есть местность, в которой, когда взойдет и засияет солнце, вода в море и в арыках вскипает. Из-за высокой температуры воды в нее нельзя сунуть руку». ⁴⁴⁵

§ 13. Открытые вопросы.

И все же меня не покидает сомнение, что в описании земли Нараирген книжные легенды наложились на реальные сведения о северных широтах, вполне доступные авторам XIII в. Ни в одном из рассмотренных свидетельств нет тех астрономических сведений, которые сохранились в переводе Бенедикта: шум и грохот длится до тех пор, пока солнце не продвинется по своему зодиакальному пути на юг. Случайно или нет, что там же говорится о северо-восточном направлении похода Чингис-хана? В обеих версиях утверждается, что земля «людей солнца» расположена в самых крайних частях света у Океана, а жители живут в подземных домах. Например, о северных пределах Азии Марко Поло сообщает, что там водятся большие белые медведи, для путешествий используются собачьи упряжки, а жилища охотников за пушным зверем по причине холода расположены под землею. ⁴⁴⁶

Особый интерес представляют сведения о явлении летнего солнцестояния в северных широтах. В земле Нараирген шум солнца слышится как раз в это время года. Ал-Бируни известны рассказы путешественников, наблюдавших явление летнего солнцестояния в течение полярного дня. Это дало ему возможность утверждать, что обитаемые земли не оканчиваются сразу же за пределами седьмого климата, хотя и ограничиваются смертельным холодом:

«Он губителен севернее седьмого климата и препятствует произрастанию растений, являющихся основой для <жизни> животных, своей суровостью, неистовостью и долговременностью, <как препятствует жизни растений> нагроможденность снегов, которые либо вовсе не сходят с земли, либо сходят на короткое время. Однако и там местоположение какого-нибудь обособленного участка может вызвать некоторое смягчение <этих условий>. Так, мы видим северные местности лишенными обитаемости из-за холода и снегов. Однако мы находим обитателей <берегов> моря, известного под названием Море Варангов, отходящего от Окружающего моря к северу от <земель> славян. Этот народ <живет> на его берегу в местностях, параллельных <областям> объатым холодом и снегами, но сами эти местности обладают не столь суровыми холодами, хотя и они довольно сильные. Более того, мы находим среди этих <людей>

⁴⁴³ Цит. по: Чекин А. С. Картография христианского средневековья. VIII — XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 148.

⁴⁴⁴ Страбон. География. III. 1. 5.

⁴⁴⁵ «Чудеса мира». 69.

⁴⁴⁶ Марко Поло, с. 225-226. См. также комментарий Хеннига к этому пассажи: Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1962. Т. III. С. 109-110.

тех, кто далеко уходит в это море в летние дни с целью промысла или набегов и достигает по азимуту Северного полюса до таких мест, где солнце при летнем солнцестоянии вращается над горизонтом; они наблюдают это воочию и <затем> похваляются между собой, что достигли таких мест, где совсем нет ночи» (ал-Бируни. Геодезия, с. 160).

Неизвестный ирландский автор XIII в., говоря о севере Норвегии, также описывает летнее солнцестояние:

«Человеку неопытному нелегко поверить, сколь велика протяженность этого королевства в длину и ширину, особенно если учесть, что в ее крайней области, близ северной стороны летнего заката, от середины мая до примерно конца июля солнце почти не заходит. Во время летнего солнцестояния кажется, что солнце, взойдя из самого моря-океана в северной стороне, продельывает посреди ночи путь в своем зодиаке подобно тому как Альпы в воздух поднимаются, или же на высоте одного стадия, если бы такое можно было измерить в воздухе». ⁴⁴⁷

В легенде о Нараирген есть еще несколько странных обстоятельств. О них специально не говорилось выше, чтобы не перегружать анализ основной темы. В версии брата Иоанна так объясняется обычай местных жителей прятаться под землей: «будучи спрошены, почему они обитают под землей, они сказали, что в определенное время года, когда солнце восходит, раздается столь сильный грохот, что люди никаким способом не могут <его> выдержать». Версия брата Бенедикта дает иной вариант перевода: «из-за чрезмерной близости <к этой земле> восходящего из моря солнца, в этой области в летнее время слышится столь своеобразный шум и грохот от *противоположности* <contrarietas> солнца и небосвода, что ни один из людей не осмеливается жить под открытым небом на земле до тех пор, пока солнце не продвинется по своему зодиакальному пути на юг, чтобы не умереть тотчас как будто от <удара> грома или не претерпеть <другого> вреда».

Какая из этих версий соответствует оригинальному варианту – сказать трудно. Версия брата Иоанна обнаруживает близость к сведениям Низами, в которых также не упоминается небо: «Когда над сим поясом солнце восходит, возносятся с моря удары и грохот» и космографии «Чудеса мира»: «При восходе солнца вода в море начинает бурлить и <от нее> идет страшный рев».

Описание брата Бенедикта (о летнем времени и пути солнца по зодиаку) можно сопоставить с картиной, возникающей на пути Искандера в Страну тьмы. Низами пишет:

«Когда прошел он месяц пути к северу,
 Линия прохождения солнца изменилась.
 С северного полюса свет показывался,
 Восход и заход совершались в один миг.
 Линии широты сдвинулись к горизонтам,
 А посредничество выпало на северный полюс.
 Дошли они до такого места, где от солнца
 Видели только мысль о нем, да и то во сне.
 Устремились они к краю земли
 <...> С одной стороны мрак все покрывал,

⁴⁴⁷ Цит. по: Чекин Л. С. . «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. М., 1993. Вып. 56. С. 219.

С другой стороны преграждало путь глубокое море.

Вел их сметливый проводник

В сторону от окружности высокого небосвода»

(Низами, с. 343).

Возможно также, что неясные сведения в версии перевода брата Бенедикта о шуме, рождающемся от противоположности (?) солнца и небосвода следует рассматривать в плоскости мифологических представлений о *столкновении солнца с небесной твердью*, что вполне могло быть заимствовано из легенд Северной Азии, в которых небо представлялось твердью и восходящее солнце длинного полярного дня сталкивалось с ним. Но доказать это не представляется возможным. Либо же, стоит согласиться, что для жителей, обитающих на крайнем северо-востоке ойкумены, летние дни, когда солнце, словно замирает на небосклоне, воспринимались как особые дни. Полуденная высота солнца в течение этого периода остается почти неизменной. Долгота дня вблизи летнего солнцестояния – наибольшая. Скорее всего, этот период был не опасным⁴⁴⁸ (мотив опасности привнесен из восточной Александрии), а праздничным. И праздник сопровождался игрой на инструментах и ударами в бубны.

§ 14. Итог.

Итак, поиск исходных элементов легенды о земле Нараирген завершен. В «Роман о Чингис-хане» легенда о «людях солнца» заимствована из того же культурного фонда сюжетов, из какого черпал свои истории и Низами, который признавался, что круг его источников был практически неограниченным. По мере сил удалось проследить какими путями мифологическое сознание творит собственную реальность. В легенде о земле Нараирген самым удивительным образом соединились фрагменты описаний каждого из *четырёх* недоступных пределов земли.

Легенда о шумящем солнце заимствована из литературного источника. Переходя в «Роман о Чингис-хане», она подверглась дальнейшей литературной обработке в соответствии с авторским замыслом. Монгольское название этой земли – Нараирген, как и достижение Чингис-ханом ее пределов, являются инновацией, внесенной автором в исходную легенду. Сюжеты, изложенные в латинских переводах, являются переводом фрагмента «Романа о Чингис-хане».

В обоих эпосах поражает размах походов, столкновение с загадочными явлениями природы и народами чудовищного вида. Нет ничего странного в том, что Чингис-хан, как и ранее Искандер, достигает со своим войском земли «людей солнца» и сталкивается там с враждебными преградами. Во всех культурных традициях одним из главных признаков «внешнего» мира была его враждебность.⁴⁴⁹ Интересно другое,

⁴⁴⁸ Ср., например, у эвенков все обитатели верхнего мира, в том числе, и солнце и гром, признавались за благожелательные существа, см: *Анисимов А. Ф.* Космологические представления народов Севера. М.; Л., 1959. С. 9, 11; Ср. У оленных коряков отмечался «праздник возвращения Солнца», проводившийся в период зимнего солнцестояния — с 22 декабря по 13 января. По мнению исследователей, «это был единственный из сакральных актов, имевший более или менее точную астрономическую привязку. Во время этого праздника производились различные гадания относительно будущего года», см.: *Симченко Ю. Б., Смоляк А. В., Соколова З. П.* Календари народов Сибири // Календарь в культуре народов мира / Сб. статей. М., 1993. С. 231.

⁴⁴⁹ Ср. с жалобами воинов Александра, которые отказываются продолжать путь. «Их, мол, ведут за пределы звезд и солнца, заставляют проникать в места, самой природой скрытые от глаз человеческих. Появляются все новые враги с новым оружием. Если они их даже рассеют, какая их ожидает награда? — мрак, туман, вечная ночь, спустившаяся на бездонное море, полное

Искандер находит выход из трудной ситуации, а Чингис-хан проигрывает. Замысел романа как раз и состоял в том, чтобы показать поражения Чингис-хана в пространствах, лежащих за границами познанного. В реальности воинственный предводитель неизвестного никому племени монголов стал основателем самой огромной империи и был провозглашен сыном Неба. Культ Чингис-хана как божества мог породить ответную реакцию в форме профанации божества. Герой романа стремится к безудержному расширению границ своих владений, нарушая тем самым божественный порядок. Содержание романа – непрерывный поединок с преградами, отделяющими хаос от космоса (и было бы ошибкой с нашей стороны искать в романе какие-то исторические оценки фигуры Чингис-хана). Чингис-хан, как и другой мифический герой – Искандер, стремится покорить миры, куда смертным путь закрыт. Но силы хаоса побеждают его. География этих походов является путеводителем по стране древних мифов и фантастических легенд. Неизвестный арабский автор X века сетовал на недоступность и неизвестность пределов мира: «Поразмыслив, я нашел, что люди заперты в обитаемой четверти земли и у них нет знания относительно остальных трех четвертей ее»; продвижению на север препятствуют холод и мрак, на юг – горячий смертельный ветер и жар солнца; «что же касается западной области, то ал-Бахр ал-Мухит препятствует передвижению в ней из-за ударов волн моря и густого мрака его. А что до восточной области, то там препятствуют пути высокие горы».⁴⁵⁰ В этих словах проявлен архаический взгляд на противостояние человеческого мира с враждебным пространством хаоса в масштабах Космоса.

чудовищ, неподвижные воды, в которых природа не в силах поддерживать жизнь» (*Квинт Курций Руф.* IX. 4.15-18); «Мы стоим почти на краю света. Ты же хочешь идти в другой мир, проникнуть в Индию, неведомую самим индам, хочешь поднять с укромного ложа людей, живущих среди зверей и змей, и своей победой осветить больше земель, чем освещает солнце. Этот замысел достойный твоего гения, но он не по нашим силам» (*Квинт Курций Руф.* IX. 3.7-9).

⁴⁵⁰ Арабские источники VII — X веков, с. 175.

3.4. Мистическое облако

§ 1. Сюжет.

Согласно обоим версиям перевода «Романа о Чингис-хане» маршрут восточной экспедиции Чингис-хана дважды проходит вблизи Каспийских гор. И дважды монгольская армия попадает в фантастические ситуации, демонстрирующие бессилие Чингис-хана перед неизвестной силой. Наша задача — обозначить имя этой силы. Первый раз, монгольское войско приблизившись к Каспийским горам, лишается оружия и доспехов, притянутых магнитной силой гор. Грохот оружия воспринимается запертым в горах народом как вызов. В ответ запертый народ в течении десяти лет разрушает гору. Отметим, что разрушение описывается как длительный процесс, что выглядит довольно-таки загадочно (ср. согласно пророчеству, ворота Александра, запирающие нечистые народы, когда придет время, рухнут в одночасье). В широко известной легенде, запертые Александром племена не в силах сами разрушить божественную преграду, в нашем же случае — это происходит. Указанное обстоятельство является одной из трех загадок, заключенных в анализируемом сюжете. Далее, ни в одной из легенд об Александре и запертом народе не упоминается облако, встающее непреодолимым барьером на пути неизвестного народа, тогда как в романе, загадочное облако, каждого приблизившегося к нему, лишает зрения. И последнее, обе версии перевода настаивают на том, что действие разворачивается в Каспийских горах. Учитывая тот факт, что перед нами латинский перевод восточного текста, возникает вопрос, какое название гор фигурировало в оригинале, и в какой части мира следовало бы искать эти легендарные горы? В версии перевода, принадлежащей перу брата Иоанна, сообщается:

«Люди, запертые посреди Каспийских гор, услышав, как полагают, шум войска, начали ломать гору. А вернувшись туда в другой раз, десять лет спустя, <тартары> нашли гору разрушенной. Но, когда тартары попытались приблизиться к ним, они совсем не могли <это сделать>, потому что перед ними лежало некое облако, перейти за которое они никаким образом не могли, потому что сразу совершенно теряли зрение, когда достигали его. А те, со своей стороны, думая, что тартары боятся подойти к ним, совершили против них нападение, но сразу, как только подошли к облаку, потеряли способность двигаться вперед по вышеотмеченной причине» (*LT. V. 15*).

Как будет показано ниже, разрушение горы неизвестным народом, является ключом ко всему сюжету. Появившееся облако разделяет противников и не дает им сблизиться, лишая их зрения. Мотив взаимной слепоты является производной от ключевого эпизода: облако выполняет функцию мистической преграды, заменяя собой разрушенную гору. Возникает вопрос: что за воинственные люди находились по ту сторону облака и почему они, также как и монголы, стремились к столкновению? Для большинства исследователей никакой тайны в этом сюжете нет. Запертый в Каспийских горах народ принимается ими за Гога и Магога.⁴⁵¹ Параллельный пассаж из «Истории Тартар», на первый взгляд, подтверждает правомерность подобного предположения. Обратимся к этим сведениям. Когда Чингис-хан со своим войском направился в сторону Каспийских гор, он постоянно шел через пустыню, в течение трех месяцев не встречая людей.

«А когда он почти дошел до Каспийских гор, где, как говорят, Александром <Великим> заперты иудеи, которые себя именовали Гог и Магог, тут-то вот вдруг все железные вещи (стрелы из колчанов, ножи и мечи из ножен, стремена от седел, трензеля от уздечек, конские подковы, панцири с людей, шлемы с их голов) понеслись к горе со стремительностью и величайшим грохотом, <...> панцири и шлемы, которые были

⁴⁵¹ *Beazley*, p. 281; *Risch*, s. 131-132.

вынуждены нестись по земле к горам с большой стремительностью, подымали чрезвычайно густую пыль и сильный грохот. Поэтому их охватили слепота и чрезвычайный ужас. Считают же, что эти горы <состоят> из адаманта. Итак, Чингис-хан в страхе бежал вместе с войском и, оставляя горы справа, двинулся на северо-восток» (НТ. 12-13).

Далее следует сюжет о приключениях Чингис-хана в земле «шумящего солнца». ⁴⁵² Столкнувшись с неизвестным и опасным явлением — шумом солнца — и проиграв сражение с подземными жителями, Чингис-хан вынужден отправиться восвояси.

«Когда же Чингис-хан, будучи побежден, торопился вернуться со своими людьми из этой земли к себе домой и увидел на обратном пути Каспийские горы, то он не приближался к ним из-за прежнего страха. Однако, видя, что из гор вышли люди вследствие грохота, произведенного ранее (из-за того что железные вещи неслись к горам), он возжаждал с ними сразиться. А когда обе стороны стали приближаться друг к другу, тут-то вот их и разделило облако, встав посередине, как некогда <оно разделило> египтян и сынов Израиля. Поэтому вполне вероятно, что они — иудеи, которых Господь защитил и предостерег знаменiem <их> отцов. И каждый раз, когда тартары подступали к облаку, их поражало слепотой, а некоторых даже смертельным ударом. Однако они могли, как бы то ни было, видеть друг друга сквозь облако. А после того как они не смогли пройти с обеих сторон облака на расстоянии двух дней пути так, чтобы оно больше не стояло перед ними, они двинулись в дорогу своим путем» (НТ. 15).

Версия перевода брата Бенедикта, сохранившаяся в изложении брата Ц. де Бридиа, имеет настолько существенные отличия от версии брата Иоанна, что с необходимостью ставит нас перед выбором: какой из латинских вариантов перевода принять за «правильный» для дальнейшего анализа. В версии, которую дает «История Тартар», появляется Александр, а неизвестный народ, запертый в Каспийских горах, превращается сначала в иудеев, именующих себя Гогом и Магогом, а затем, в иудеев, «которых Господь защитил и предостерег знаменiem их отцов». Эти ремарки взаимно исключают друг друга. Очевидно, что нечестивые племена Гог и Магог, запертые Александром, не могли одновременно быть иудеями, которых защитил Бог, во время их бегства из Египта. Это противоречие отмечено многими авторами, но объяснения не получило. Я полагаю, что мы можем избежать эмоциональных оценок, которые использует профессор Й. Фрид, объявляя Ц. де Бридиа недостойным учеником великих европейских интеллектуалов XIII в. ⁴⁵³ Скромный минорит, обвиняемый в тяжких грехах за неудачные сравнения, лишь добросовестно переписал, с оговоренными сокращениями, донесение брата Бенедикта (см. главу**). Бенедикт, в свою очередь, излагает перевод фрагмента из восточного сочинения о Чингис-хане. Поскольку перевод осуществлялся не самостоятельно, а через цепочку переводчиков, легко представить, что он сопровождался обсуждением некоторых неясных тем. Внесение в текст пассажа об Александре, есть попытка Бенедикта прояснить трудные места перевода, хотя ценность этой попытки сомнительна. В оправдание Бенедикта, если он нуждается в таковом, можно заметить, что в сюжете заложена двойственность, тайная игра, на которую и отреагировал острый ум францисканца. Займемся более продуктивными вещами, а именно, структурным анализом дошедших до нас сведений. А для сравнительного анализа нам потребуется определить круг центральноазиатских источников. Очевидно, что ни одно из происшествий, случившихся с монгольским императором у Каспийских гор, не имело место в реальности. Перед нами вымышленная

⁴⁵² *Historia Tartarorum*. 13-14.

⁴⁵³ *Fried J.* Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert // HZ 243:2. 1986, s. 323.

картина событий. Эпизод, условно названный нами «Мистическое облако», скомпанован из нескольких независимых сюжетных линий:

- 1) действие разворачивается в Каспийских горах;
- 2) в горах заперт некий народ; в версии брата Бенедикта они названы иудеями и соотносятся с Гогом и Магогом;
- 3) запертый народ в течение многих лет разрушает гору;
- 4) слепящее облако препятствует противникам сразиться друг с другом.

Каждая из выделенных сюжетных линий скрывает в себе самостоятельную тему, и следовательно, требует отдельного рассмотрения. Однако истинный замысел событий, которые по воле неизвестного автора разворачиваются у подножия Каспийских гор, может быть раскрыт на пересечении указанных сюжетных линий, и лишь с помощью метода «обратной» инверсии. Как будет показано ниже, ключевой эпизод романа — столкновение Чингис-хана с неизвестной силой, воплотившейся в образе Каспийских гор — представлен в «перевернутом» виде относительно исходного (первичного) текста.

§ 2. Постановка проблемы.

Для дальнейшего исследования из двух францисканских переводов сюжета, один, видимо, следует принять за основной. Каким бы ни было решение этого частного вопроса, на общем результате исследования оно не отразится. Дело в том, что известны многочисленные и безуспешные попытки объяснить сюжет, отталкиваясь как от того, так и от другого варианта. Главные вопросы, с которых, на мой взгляд, следует начать исследование, заключаются в следующем: какая история или текст были использованы неизвестным восточным автором в качестве исходного материала; какие имперские темы послужили импульсом для конструирования мифологической реальности в романе. Выяснив, из какого фонда источников заимствован эпизод с запертым в горах народом, мы сможем перейти к следующей проблеме: с какой целью этот эпизод вводится в повествование о Чингис-хане.

Ситуация с источниками для анализа выглядит вполне благополучно. Наблюдается даже некоторый избыток материалов. Проблема заключается в том, чтобы избежать ложного пути. Таким ложным путем являются попытки рассматривать сюжет в рамках христианской или мусульманской литературных традиций о нечистом народе, запертом Александром в северных горах. То, что было простительно для францисканцев, ничем не оправдано в современных исследованиях. Народ, с которым сталкивается войско Чингис-хана, не похож на Гога и Магога. Ссылка исследователей на Бенедикта лишь затемняет суть дела. Слепящее прозрачное облако такая же мировая загадка, как и шум солнца. Мы можем отвергнуть любые ограничения, связанные с поиском параллельных текстов, способных пролить свет на загадочный феномен. Вот, например, один из таких текстов, связанный с античными представлениями о немой торговле. На Эбсторфской карте мира XIII в. в области Индии имеется надпись: «Серы или Сины избегают взгляда людского, будучи заключены в горах».⁴⁵⁴ Тема взаимной слепоты присутствует и в эпизоде встречи монгольского войска с народом из Каспийских гор.

Пока остается неясной та степень свободы, которой обладал автор, сочиняя свой парадоксальный роман. Есть основания полагать, что он совместил две исторических легенды: 1) о запертом народе, чей выход ознаменует начало Судного дня и 2) имперскую легенду, о том, как далекие предки Чингис-хана вышли из замкнутой

⁴⁵⁴ Seres sive Sines visus hominum fugiunt montibus inclusi; Seres <qui hic habitant> homicidium et adulterium <non committunt>..., см.: Miller K. Mappaemundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1896. V: Die Ebstorkarte. S. 50.

горной долины, расплавив огнем ее склоны. Ни в одном из сюжетов романа вещи не названы своими именами, все построено на фигурах умолчания. Поэтому, я полагаю, что возможность представить предков Чингис-хана в образе запертого Александром народа, составляет тайну автора романа. Его прием можно обозначить как игру с символами империи, где один знак замещается другим. Обоснованию этой гипотезы и посвящена настоящая глава.

§ 3. «Нечистый народ» в западной традиции.

Следует сразу же отметить наличие библейского контекста в версии брата Бенедикта, где ситуация с облаком уподобляется известному эпизоду из Священного писания (Исход. XIV, 19). На это место ссылаются большинство комментаторов, принимая за авторов эпизода францисканцев. В этой же версии перевода фигурирует легендарный Александр, который согласно самой ранней из традиций — сирийской, запер в горах на краю мира нечестивый народ Гог и Магог. Нетрудно убедиться в том, что указанные подробности из «Истории Тартар» ближайшие соответствия имеют в западно-христианской традиции. Приведем несколько примеров и обратим внимание, какие элементы в них являются общими. Начнем с размышлений Винцентия из Бове, представленных в его исторической энциклопедии:

«Поскольку здесь было упомянуто о Каспийских горах, то я хочу поделиться некоторыми своими сомнениями. В наших ученых историях говорится, что Александр Великий, македонский царь, упросил Господа в своих молитвах, чтобы евреи были заперты в Каспийских горах; там же предсказывается, что они освободятся оттуда, когда приблизится конец света. Но братья наши из ордена Проповедников, в течение семи лет проживавшие в грузинском городе Трифелис <Тифлис>, расположенном рядом с Каспийскими горами, тщательно расспрашивали об этом заточении грузин, персов, а также евреев, и все, в том числе и евреи, отвечали, что совершенно ничего об этом не знают и никогда в своих историях ничего об этом не находили. А написано у них там только то, что тот самый Александр согнал и заставил жить среди этих гор неких грязных и страшных людей, которые ели других людей и даже друг друга, и повелел воздвигнуть там ворота, очевидно, те, которые до сих пор называются воротами Александра. Их частично разрушили татары. И не было обнаружено там ничего другого, похожего на правду о заточении людей среди гор» (XXX, 89).⁴⁵⁵

Согласно Винцентию из Бове, ни евреи, запертые в горах Александром, ни нечестивый народ в Каспийских горах (на Кавказе) не обнаружены. Несмотря на скепсис относительно «ученых историй» и их предсказаний о конце света, брат Винцентий все же упоминает ворота Александра, которые «частично разрушили татары». «Преграда» Александра является одной из средневековых универсалий, отражающей представления об ограниченности освоенного человеческой культурой пространства. У более раннего автора, бенедиктинского монаха Матфея Парижского представлен другой аспект темы запертого народа, где происхождение тартар возводится к истории потерянных колен израилевых. Откликаясь на страшные слухи о событиях 1241 г., когда монголы вторглись в Западную Европу, Матвей Парижский пишет:

«Полагают, что эти Тартары, одно упоминание которых омерзительно, происходят от девяти племен, которые последовали, отвергнув закон Моисеев, за золотыми тельцами и которых сначала Александр Македонский пытался заточить среди крутых Каспийских гор смоляными камнями. Когда же он увидел, что это дело свыше человеческих сил, то призвал на помощь бога Израиля, и сошлись вершины гор друг с

⁴⁵⁵ Цит. по: Чекин Л. С. Традиционные и новые сведения в западноевропейской географии XII — XIII вв. // Древнейшие государства на территории СССР. 1985. М., 1986. С. 162-163.

другом и образовалось место, неприступное и непроходимое <...>. Однако, как написано в „Ученой истории“, ⁴⁵⁶ они выйдут незадолго до конца света, чтобы принести людям великие бедствия». «Возникает все же сомнение, — добавляет Матвей Парижский, — являются ли ими ныне вышедшие Тартары, ибо они не говорят на еврейском языке, не знают закона Моисеева» (Матвей Парижский, с. 138).

Отметим, что Петр Коместор, автор «Ученой истории», на которого ссылается Матвей Парижский, писал не о Гоге и Магоге, а о десяти племенах израилевых. ⁴⁵⁷ В ирландском географическом трактате XIII в., озаглавленном «Описание земель», задается тот же самый вопрос о происхождении и обычаях тартар. И далее во вступлении сообщается, что на севере земли обитали пятнадцать поколений Иафета, сына Ноя. «Пророк Иезекииль открывает <нам>, что от их корня в конце времен произойдет народ наихудший и жестокий, то есть Гог и Магог <...>. Два народа согласно Писанию грядут со стороны севера, чтобы в конце времен покарать неверных, так и верных. Пока же представляется неопределенным, эти самые народы придут или другие. Определенно же <известно> то, что из тех мест никогда прежде, при том что прошли <многие> века, такая масса народу не выходила, и на разные части света не нападала без устали и с таким многочисленным войском». ⁴⁵⁸ На Херефордской карте мира Ричарда Хальдингамского (около 1290 г.) к востоку от Каспия, который считался заливом Северного океана, изображен большой полуостров, отделенный от материка стеной с четырьмя башнями. ⁴⁵⁹ Надпись на рисунке гласит: «Здесь все столь ужасно, что превышает пределы вероятного: невыносимый холод, постоянный резкий ветер с гор, который местные жители называют „Биза“. Здесь живут очень суровые люди, они едят человечину и пьют кровь, проклятые дети Каина. Их заточил Господь, исполнив это через Александра Великого. Было так: на глазах у вождя произошло землетрясение, и вокруг них горы попадали на горы. А где не хватило гор, он их сам огородил несокрушимой стеной. Считается, что эти запертые — те же, которых Солин назвал антропофагами, к которым причисляют и эсседонов. Во времена антихриста они вырвутся на беду всему миру. Каспийское море». ⁴⁶⁰

Винцентий из Бове и Матфей Парижский с легкостью допускают смешение двух литературных традиций, путая историю колен израилевых, затерявшихся в тех же самых легендарных пространствах, что и нечестивые народы Гог и Магог (продолжим эту тему ниже, см. § 5*). Любопытен и следующий пример. Автор «Повести временных лет» включил в летописную статью под 1096 г. самодийскую легенду о горах, упирающихся в небо; за горами заключены люди, которые пытаются разрушить их с помощью железных предметов. Древнерусский книжник соотносит легенду с пророчеством Псевдо-Методия о Гоге и Магоге, что придает случайным сведениям истинный или высший смысл:

⁴⁵⁶ Цитата из «Ученой Истории» Петра Коместора, см.: *Historia Scholastica. Liber Esther* // MPL. Vol. 198. 1498 — раздел «История книги Эсфирь», гл. 5.

⁴⁵⁷ Ср.: *Scheiber S., Tardy L. L'écho de la première manifestation de David Reubeni dans les brochures de colportage allemandes de l'époque* // *Revue des Études juives*. 1973. CXXXII / 4, p. 96; *Heller B. Gog und Magog in Jüdischen Schrifttum, Jewish Studies in Memory of George A. Kohut*. N. — Y., 1935, p. 354; *Burnett C., Dalche P.-G. Attitudes towards the Mongols in Medieval Literature: The XXII Kings of Gog and Magog from the Court of Frederick II to Jean de Mandeville* // *Viator* 22. 1991, pp. 153-67

⁴⁵⁸ Цит. по: *Чекин Л. С. «Описание земель», анонимный географический трактат второй половины XIII в. // Средние века. М., 1993. Вып. 56. С. 217.*

⁴⁵⁹ *Miller K. Mappaemundi. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1896. IV: Die Herefordkarte.*

⁴⁶⁰ Цит. по: *Чекин А. С. Картография христианского средневековья. VIII — XIII вв. Тексты, перевод, комментарий. М., 1999. С. 156.*

«Это люди, заклепанные Александром, царем Македонским, как говорит о них Мефодий Патарский: „Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоился, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по божию повелению сошлись за ними горы великие, только не сошлись горы на двенадцать локтей, и тут воздвиглись ворота медные и помазались синклитом; и если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство синклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Етравской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по повелению божию“». ⁴⁶¹

Древнерусский автор, в отличие от Матфея Парижского, не путает иудейские племена, блуждающие до оных времен в Етравской пустыне, со скверным народом Гог и Магог. Однако в приведенных примерах нас пока интересуют совпадающие элементы. В каждом из трех случаев говорится об Александре, возведении преграды, нечистом народе и потерянных иудейских племенах. Как только речь заходит о запертом народе, то средневековый автор с легкостью отождествляет его с Гогом и Магогом. Становится понятным, в рамках какой литературной традиции мог возникнуть ассоциативный ряд у брата Бенедикта. Попытки древнерусского летописца и брата Бенедикта осмыслить сведения, полученные из внешнего источника, в библейской экзегезе типологически близки друг другу.

В изложении брата Иоанна перечисленные подробности отсутствуют: нет ни иудеев, ни Гога и Магога, ни Александра. Картина расхождений в сведениях францисканцев способна поставить в тупик. Видимо, следует согласиться, что эпизоды «Романа о Чингис-хане» в процессе перевода подверглись интерпретации, а эпизод о Каспийских горах, в силу его «узнаваемости», практически не имел шанса на адекватную передачу. При дальнейшем анализе следует учитывать тот факт, что сведения в «Истории Тартар» представляют перевод слитый с интерпретацией. А версия брата Иоанна, вероятно, ближе к оригиналу.

Как правило, в средневековых западных сочинениях, когда речь заходит о запертых народах, сообщается и о железных воротах Александра. Однако в нашем случае ни о какой искусственной преграде не говорится. Как будет показано ниже, люди, обитающее по ту сторону Каспийских гор, являются легендарными предками Чингис-хана, которые, согласно известному монгольскому преданию, в оные времена, расплавив естественную горную преграду, вышли на степной простор. В память об этом легендарном событии во времена Чингис-хана проводился праздничный ритуал. Последнее обстоятельство вполне могло дать импульс автору романа представить значимый имперский символ с обратным знаком.

Сигналом, с которого началось разрушение горы, был грохот оружия, что в известном смысле можно рассматривать как вызов, брошенный Чингис-ханом очередному противнику. Видимо, стоит согласиться и с тем, что автор романа использовал монгольское официальное предание с определенной целью. Наша задача — прояснить эту цель. Направив Чингис-хана к Каспийским горам второй раз, неизвестный автор заставляет воинственного императора столкнуться с необычным противником — с обитателями иного мира. Тем самым исчерпывается круг возможных фантастических соперников Чингис-хана. ⁴⁶² Обратим внимание на то, что запертый народ не может

⁴⁶¹ ПЛДР. XI — начало XII века. М., 1978. С. 243-245.

⁴⁶² Монгольские армии сталкиваются с необычными природными феноменами, странными народами, монстрами, сражаются с соперником, который является их собственным зеркальным

пересечь мифическую границу. После того как гора ими разрушена, облако принимает на себя функцию преграды. В таком случае, обретают ясность мотив разрыва границы, отделяющей мир людей от нижнего мира, и мотив взаимной слепоты при попытке противников сблизиться друг с другом, поскольку мир мертвых непроницаем для живых и наоборот. Последнее обстоятельство со всей определенностью указывает на то, что запертый народ не является Гогом и Магогом. Предположение о необычном поединке нуждается в уточнениях и доказательствах.

Невозможно уклониться и от следующей гипотезы. Широко известная легенда о нечистом народе задает внешнюю рамку, в которую автор романа вставляет монгольское генеалогическое предание. Следуя правилам игры с символами империи, он совершает подмену. Возвышенное героическое предание занимает место легенды о нечистом народе. В людях, вышедших из разрушенных гор, «узнается» Гог и Магог, тогда как, на самом деле, они предки Чингис-хана. Инверсия форм придает особую глубину рожденному сюжету. Впрочем доказать это также трудно, как и опровергнуть. Итак, контуры проблемы намечены и можно перейти к анализу частных, и заодно познакомиться с богатой исследовательской традицией.

§ 4. В какой части мира расположены Каспийские горы?

Каспийские горы символизируют центр мира в том мифологическом пространстве, которое пытается покорить Чингис-хан. Каспийские горы совмещают в себе свойства различных горных преград, что можно объяснить лишь авторским замыслом. Предметом рассмотрения в настоящей главе будет одна из семейства фантастических гор, а именно та, где заперт неизвестный народ.

Вопрос об истоках мотива слепящего облака может быть положительно решен, лишь после ответа на вопрос, в каких горах, находился запертый народ. Перед исследователями был выбор: либо это легендарные Каспийские горы христианской традиции, либо — гора Каф из восточной мифологии. Возможен и такой вариант ответа: горная преграда из монгольского предания. Гипотеза Риша,⁴⁶³ поддержанная Пелльо,⁴⁶⁴ о том, что в данном случае Каспийские горы — реальный Кавказ, справедливо отвергнута Даффина.⁴⁶⁵ Однако ни один из трех авторов не привел убедительных аргументов в защиту своих предположений. В предыдущих главах не раз уже отмечалось, что чем шире рассматриваемый контекст при анализе того или иного сюжета, тем достовернее ожидаемый результат. «Точечный» анализ должен сочетаться с панорамным взглядом на все события, разворачивающиеся в романе. Согласно версии брата Иоанна, Чингис-хан по пути к Каспийским горам, миновал землю Кергис. Комбинация Каспийских гор и земли Кергис создает необъяснимую ситуацию. Комментаторов этого эпизода смущала следующая картина. Те из них, кто соглашался с легендарным характером Каспийских гор, не знали как поступить с упоминанием «реальных» кергизов. Риш и Пелльо принимают Каспийские горы и кергизов за реальность (превращая последних в черкесов). Даффина Каспийские горы относит к области легендарной географии, а «кергизов» рассматривает в историческом ключе, в конце концов, признавая нерешаемость проблемы. Любая попытка расчленить эти сведения на части влечет деформацию исходного сюжета. К тому же, ни один из исследователей при анализе

отражением и, наконец, со своими предками. В целом, это означает непрерывную войну с божественными преградами и самим Богом.

⁴⁶³ *Risch*, ss. 130-131.

⁴⁶⁴ *Pelliot*, Notes on Marco Polo. I, p. 620; ср. 522-524; Поддерживает эту точку зрения и Пейнтер (*Painter*, p. 63, n. 2).

⁴⁶⁵ *Daffinà*, pp. 439-441.

эпизода не выходит за пределы христианской традиции. Очевидно, что ответ нужно искать в другой области.

Восточная экспедиция Чингис-хана к Каспийским горам через землю Кергис отражает эпизод из поэмы Низами. Низами описывает поход Искандера из Китая в «землю Хирхиз», который заканчивается постройкой вала, запирающего яджуджей. Топографии маршрутов Искандера и Чингис-хана совпадают, хотя и сталкиваются они с разными запертыми народами. Я склонен видеть в этом продуманный авторский замысел. Запертый в Каспийских горах народ исследователи рассматривают изолированно, как некую данность. Ничем не мотивированная попытка Пелльо представить данный случай как эхо традиции о Гоге и Магоге, нашла поддержку у Бойля,⁴⁶⁶ который полемизирует с Пелльо лишь по одному пункту. Бойль пишет о проникновении в центральноазиатскую эпическую традицию легенд (о Стране тьмы, о Солнечном народе и Железных воротах) под влиянием миссионеров-несториан, а Пелльо говорит о влиянии восточных версий романа об Александре. Впрочем, не совсем ясен предмет этого спора, ведь, например, Низами Гянджеви, рассказывая о странствии Искандера в Страну тьмы, приводит в дополнение к своей две другие версии, христианскую и арабскую. Интересная полемика между Бойлем и Пелльо имеет лишь косвенное отношение к нашей теме. Потому что перед нами фрагмент «Романа о Чингис-хане», построенный на инверсии монгольской генеалогической легенды, а запертый народ — далекие предки Чингис-хана. По крайней мере, эта гипотеза позволяет объяснить конструкцию сюжета в целом, не прибегая к замалчиванию тех или иных элементов. Иными словами, мы анализируем литературный вымысел, отказываясь от поиска скрытой за ним реальности. В романе все, что связано с Чингис-ханом, разворачивается в фантастическом ландшафте, в центре которого возвышаются Каспийские горы (притянувшие железное оружие монголов), а на восток от них лежит необитаемая пустыня, пересекая которую, Чингис-хан отдает приказ съедать каждого десятого из своих воинов.

Особый интерес теме придают сведения средневековых европейских путешественников, побывавших в Азии. О Кавказских горах, между которыми живут народы Великого Китая, сообщает брат Вильгельм де Рубрук, а брат Одорик де Порденоне упоминает горы Каспей (Caspēi), расположенные в Корее.⁴⁶⁷ Пока отметим, что оба путешественника говорят о горах, находящихся в глубине азиатского материка, на восток от Монголии. Согласно свидетельству брата Вильгельма народы Великого Китая обитают «между горами Кавказа» (*inter montes Caucasi*): «Все эти народы живут между горами Кавказа, однако у северной стороны этих гор <и> вплоть до восточного Океана, в южной части той самой Скифии, которую населяют пастухи моал» (XXVI. 10). Перевод «между горами Кавказа» имеет несколько условный характер. Аргументируемую интерпретацию этого места предлагал Пелльо.⁴⁶⁸ Суть его идеи заключается в следующем: 1) для брата Вильгельма Кавказ тянется от западного моря (Океана) до восточного (XXIII. 1); 2) по-видимому, этот Кавказ делится на отдельные хребты. Поэтому, как уйгуры, так и тангуты, живут «между горами» (*inter montes*: XXVI. 1-2); 3) следовательно, выражение «у северной стороны» может означать то, что они живут не к северу от гор, а к югу от их северного хребта.

Средневековые западные представления о Кавказе как горной стране, разделяющей беспредельные области севера и юга азиатского материка, восходят к

⁴⁶⁶ Boyle J. A. The Alexander Romance in Central Asia // Zentralasiatische Studien. 1975. IX, p. 268, 271.

⁴⁶⁷ Sinica Fr. XXXI, 1. «Рассказывают, что Каоли большое царство, в котором есть горы, именуемые Каспийскими».

⁴⁶⁸ Pelliot, Recherches, p. 132.

античным представлениям о цепи Тавра, опоясывающей Азию.⁴⁶⁹ Аналогичные описания принадлежат и восточным авторам. Ал-Бируни пишет: «В обитаемой части мира есть высокие горы, связанные друг с другом как позвонки спинного хребта, которые простираются по средним ее широтам, от востока на запад в длину, проходя через Китай, Тибет, <страну> тюрков, потом — Кабул, Бадахшан, Тохаристан, Бамийан, ал-Гур, Хорасан, Мидию, Азербайджан, Армению, Византию, <страну> франков».⁴⁷⁰

Обратим также внимание на любопытное сочетание названий «Кавказ» и «Каспийские горы» в контексте темы о запертых народах. Выше (§ 2), были приведены несколько примеров, свидетельствующие о распространенности среди западных авторов подобных представлений. Та же самая картина наблюдается в сочинении брата Роджера Бэкона, который со ссылкой на Плиния, пишет, что гора Тавр из-за разнообразия областей, которые она обнимает, именуется иногда Кавказом, иногда Каспием или Гирканом, всего же существует более двадцати наименований.

«Ибо, как доподлинно известно, — продолжает брат Роджер, — племя тартарское вышло из тех мест, ибо жили они за теми воротами, между севером и востоком, заключенные в горах Кавказа и Каспия, и ведут они с собой народы, и уже господствуют они от упомянутых гор до самых границ Польши, Богемии и Венгрии, которые находятся далеко <от них>, по сю сторону, на равнинах севера».⁴⁷¹

«Кавказ» Вильгельма де Рубрука и «Каспей» Одорико де Порденоне (сопоставленные с Каспийскими горами Винцентия из Бовэ и Матфея Парижского) совпадают с названием гор в «Романе о Чингис-хане». Выше мы убедились, что для христианских авторов тема запертого в горах народа, как правило, ассоциируется с Каспийскими горами. Поэтому, вполне вероятно, что это название в донесениях францисканской миссии 1247 г. появилось в процессе перевода (может быть по инициативе русских клириков, переводивших текст на латынь). Сведения из отчета послов Людовика IX на Восток не только подтверждают эту гипотезу, но и позволяют реконструировать условный «первичный» текст, использованный автором романа.

Согласно Жуанвилю, послы Людовика IX рассказывали следующее: «Татары выходцы из обширных песчаных равнин, где ничего не произрастало. Эти равнины начинались у подножья удивительно скалистых гор, что находятся на краю земли, на Востоке, и эти горы, как утверждают татары, никогда не преодолел ни один человек; и говорили они, что там обитает народ Гог и Магог, который должен выйти в конце света, когда явится Антихрист, дабы все разрушить» (Жуанвиль. § 473).

В этих легендарных сведениях содержатся два важных момента для нашего исследования. На краю земли, на востоке, расположены удивительные горы, непреодолимые для людей. В горах заперт народ Гог и Магог. Эти сведения получены послами франков из уст восточных христиан, причем, как выясняется далее, образ Чингис-хана в пересказанных легендах имеет исключительно положительную оценку (см. приложение II). В этом сообщении Чингис-хан назван «мудрым человеком»; его избирают «королем» с помощью гадания на стрелах, т. е. выбор осуществляется по божественной воле; став правителем, он устанавливает много добрых законов, а пресвитера Иоанна он побеждает благодаря помощи Владыки неба и земли. Есть некоторые основания полагать, что послам Людовика IX стали известны легенды, циркулировавшие в элитарной восточно-христианской среде. В этом убеждает следующее: в легендах говорится о выборе монгольского правителя, его законах и

⁴⁶⁹ Страбон. II. V. 14.

⁴⁷⁰ Ал-Бируни. Индия, с. 196.

⁴⁷¹ Матузова, с. 219.

заповедях, и о Боге, дарующем ему могущество, дабы он подчинил всю землю.⁴⁷² В воинстве Чингис-хана есть некий христианский князь, из подданных пресвитера Иоанна, управляющий своим кочевым народом. Этот князь с тремя сотнями воинов, принявших крещение, по воле Бога, побеждает персидского императора.

Имперский характер восточно-христианских легенд сомнений не вызывает. Скорее всего, эти легенды функционировали в русле официальной идеологии и представляли синтез имперских установок (типа «Чингис-хан — Сын Неба») и несторианских представлений о тюрках, «которые есть Гог и Магог» (см. ниже § 5).

Из сравнения «официальной» картины со сведениями францисканцев возникает поразительная коллизия: с одной стороны, в несторианской легенде говорится о пустыне, где обитали монголы, и горах на Востоке на краю земли, которые никогда не преодолел ни один человек, а, в романе, — о Чингисе, стремящемся на восток к горам, которые, хотя и разрушаются запертым в них народом, перейти этот рубеж Чингису препятствует облако. Можно полагать, что Чингис приблизился к тем самым *восточным горам* из несторианской легенды, которые никто из смертных не может преодолеть (Чингис же стремиться это сделать). Слепящее облако выполняет функцию непреодолимой преграды (в том месте, где взломаны горы). Трудно отказаться от впечатления, что анализируемый сюжет из романа является антитезой несторианской легенде, ибо сюжеты «Романа о Чингисе» и «официальные» легенды являются полюсами единой картины мира, отражающей представления имперской элиты. Автор Романа не столько сочинял эпизод о Каспийских горах, сколько конструировал его: известной легенде он придает зеркально обратный характер.

Из сравнения приведенных материалов вырисовывается следующая перспектива. Для средневековых латинских авторов, опиравшихся в своем творчестве на литературную традицию, Каспийские горы ассоциируются с запертым в них нечистым народом, и связываются с Кавказом; для латинских авторов, совершивших путешествия в Азию, Каспийские горы переносятся в глубь этого континента и обитающие в этих горах народы уже не связываются с нечистыми племенами. Роджер Бэкон, который сам не путешествовал в Азию, но опирается на свидетельства брата Вильгельма, пишет, что монгольское «нашествие еще не является признаком того, что грядет время пришествия Антихриста», потому что францисканские миссии по пути в Азию прошли сквозь ворота Александра. В западной картине мира Каспийские горы меняют свое местоположение и статус пограничной территории. В несторианской традиции пустыни, откуда произошли монголы, упираются в непроходимые горы. В персидской космографии имеется представление о горе на краю мира, приближение к которой самым роковым образом сказывается на судьбе Искандера.

Поскольку в рассматриваемом сюжете романа нашли отражение эпизоды из персидской Александрии (алмазная гора) и арабской истории о чудесах мира (магнитная гора), то можно поставить вопрос о связи между Каспийскими горами и легендарной горой Каф.

§ 3. 2. Гора Каф.

В поэме Низами «Искандер-наме» образ горы Каф носит исключительно сказочный характер.⁴⁷³ В персидском географическом сочинении XIII в., написанном в

⁴⁷² Ср. с официальной легендой о Чингис-хане, известной Марко Поло (LXV, с. 85).

⁴⁷³ «Грохот барабанов слился с колоколами,
Словно труба Воскресения, дули во флейты.
От расчесывания литавр, раскалывающих гранит,

жанре 'аджа'иб (диговинки древности и чудеса творения Аллаха), есть сюжет об Искандере, Стране мрака и высокой горе Каф у границ мира. Описания горы Каф, восточных гор из несторианской легенды и Каспийских гор из романа совпадают: она расположена на краю мира и недоступна. «Искандар, пройдя через страну мрака, увидел яркий свет и гору, которая вздымалась до самого неба, а границы ее не были видны. Она окружала мир <со всех сторон>. Ангел держал ту гору рукой подобно человеку, который что-то охраняет, и склонил голову в молитве. Когда туда прибыл Искандер, <ангел> сказал ему: „О сын людей, что ты пришел сюда? Тебе мало Вселенной?“. <...> — Что это за гора? — спросил Искандер. — Гора Каф,⁴⁷⁴ — ответил <ангел>. — Небо над ней подобно куполу. Я стерегу ее для Господа, да будет он велик и славен!» («Чудеса мира», с. 131).

Согласно восточным средневековым космографическим представлениям гора Каф — мифическая горная цепь, окружающая землю.⁴⁷⁵ Горы эти сложены из синего яхонта, его отблеск дает окраску небу. У арабов существовала теория о единой горной цепи, проходящей по всей земле и связанной своими корнями с горой Каф. Подобные представления в космографически-сказочной литературе арабов возникли в результате иранского культурного влияния.⁴⁷⁶ Характеризуя «мифическую географию» арабов, И. Ю. Крачковский пишет: «Если в Коране, например, нет упоминания гор Каф, окружающих землю <...>, то в *хадисах* в уста Мухаммеда влагается не только подробное описание гор, но и непроходимой местности перед ними, окружающей землю на четыре месяца пути, равно как и стран, расположенных за горами Каф. Характерно, однако, для географической науки, что эти *хадисы* не помешали впоследствии попыткам локализовать ее на Кавказе».⁴⁷⁷

Перья повысыпались у Симурга на горе Каф» (*Низами*, с. 314);

Ср.: «Птицу Симург называют <также> 'Анка, то есть сказочной. Никто никогда ее не видел. Говорят, живет она за горой Каф, ибо <в свое время> заверяла Сулаймана, что может изменить судьбу и предопределенное, но не смогла и была пристыжена. Рассказ этот известен» («Чудеса мира», с. 113); Ср., также, с образом горы Каф в рассказе персидского суфия Ансари Харави (1006 — 1088): во время хаджа путнику из каравана явилась в видении прекрасная женщина, «тень ее видна, а сама она нет». Божественными заклинаниями он сделал ее явной. Вскоре она заступилась за судьбу каравана, обратившись к всевышнему богу со словами: «О властелин неба без колонн, о ты, являющийся твари из Каф и Нун, во имя того, что ты ведаешь, во имя любви моей к тебе защити этих людей от врагов», цит. по: З. Н. Ворожейкина. Вставные рассказы в романе 'Абдаллаха Ансари «Друг послушников и солнце маджлисов» // Палестинский сборник. Л., 1970. Вып. 21 (84). Ближний Восток и Иран. С. 11-12.

⁴⁷⁴ В «Шахнаме» к горе Каф устремляется легендарный царь Кей-Кавус:

«Расставшись с Берберией, царь на заре

Направился к западу, к Кафу-горе» (Фирдоуси. Т. I. С. 411).

Переводчик отмечает, что «западу» соответствует в подлиннике слово *бахтär* (от авест. *apaxtara*), в ином контексте часто означающее понятие «восток». Первоначально авест. *apaxtara* обозначала север (северо-восток), что хорошо согласуется с направлением к «Кафу-горе», т. е. вершинам Памира, Тянь-Шаня и Кавказа (с. 640). Добавим: путь Чингиса к Каспийским горам также лежал на восток (или, по другой версии, на северо-восток).

⁴⁷⁵ Streck M. Kaf // Enzyklopaedie des Islam. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der muhammedanischen Völker. Leiden — Leipzig, 1913 — 1936. II, ss. 658-659.

⁴⁷⁶ Крачковский И. Ю. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 45.

⁴⁷⁷ Там же, с. 50.

В легенде на карте в космографии Ибн ал-Варди («Жемчужина чудес и перл диковинок», сер. XV в.), насыщенной фантастикой и разными диковинками, указано местоположение горы Каф, трона Иблиса и источника жизни.⁴⁷⁸

Вернемся к мифической географии «Романа о Чингис-хане». Согласно версии, записанной братом Иоанном, Чингис пошел экспедицией на восток через землю Кергис и достиг самих Каспийских гор.

«А горы те в той <их> части, к которой они приблизились, состоят из адамантова камня. <...> Но прежде чем <тартары> достигли вышеназанных гор, они больше месяца двигались через неизмеримое безлюдное пространство» (V. 15).

На семантическом уровне безлюдное пространство означает пограничную область и проникновение монголов в неосвоенный мир. И Искандер, и Чингис-хан приближаются к алмазной горе. Отметим, что в странствии Искандера алмазная гора не связана с той местностью, где он возводит преграду на пути нечистых народов. В «Романе о Чингис-хане» гора из адамантова камня — последний рубеж, разделяющий зримую и невидимую области, а люди находящиеся по ту сторону гор, существа иного мира (принять их за Гога и Магога нет никаких оснований). Чингис, помимо своей воли, бросает им вызов: грохот, притянутого магнитом оружия монголов, заставляет их разрушить гору. Столкновение монголов с запертым народом становится неизбежным, но облако, ослепляя, разделяет противников. Мифическая слепота также указывает на рубеж видимости, который является одним из важнейших признаков маргинальной зоны.

Выскажем осторожное предположение: в авторском варианте романа Чингис-хан, чья фигура уподобляется фигуре Искандера, направлялся к пределам мира — к горе Каф. В том виде, в каком сохранился анализируемый фрагмент «Романа о Чингис-хане», смешаны несколько разнородных сюжетов, имеющих тем не менее нечто общее: Каспийские горы, алмазная гора, магнитная гора, запертый между гор народ, разрушение им горы и, наконец, облако, разделяющее противников. Как видим, все сюжеты, за исключением последнего, связаны с мифическими горами и эти горы сосредоточены на маршруте Чингиса. (Например, второе войско монголов достигает Буритебета, но в этом случае о горах ничего не сообщается). В мифологической перспективе фигура царя-воина предполагает расширение внешних границ, но не более. В романе же Чингис-хан стремится покорить запретные пространства. Пересекая границы зон мифологической вселенной, он, в конце концов, упирается в преграды в образе легендарных гор, сдерживающие силы хаоса.⁴⁷⁹ Приближение к этим пределам опасно, иногда смертельно опасно, и самым роковым образом отражается на судьбе самого Чингиса. Покинув враждебную периферию и вернувшись в «центр» империи, он гибнет от удара грома. Несомненно, это ответ высших сил, пресекающих дерзкую попытку нарушить космический порядок. И одновременно, это десакрализация «центра» и центрального персонажа романа.

⁴⁷⁸ <Miller K.> *Mappae arabicae. Arabische Welt- und Länderkarten.* Hrsg. von Konrad Miller. Stuttgart, 1926 — 1927. T. V, s. 138.

⁴⁷⁹ В качестве типологической параллели ср. с описанием устройства мира в «Младшей Эдде»: мир людей и мир великанов разделяет стена возведенная Одинем и его братьями. Земля «снаружи округлая, а кругом нее лежит глубокий океан. По берегам океана они отвели земли великанам, а весь мир в глубине суши оградил стеною для защиты от великанов. Для этой стены они взяли веки великана Имира и назвали крепость Мидгард» (Младшая Эдда, с. 25-25). Мидгард — букв. «средняя ограда» противопоставлен враждебной и культурно неосвоенной сфере, см.: Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // ТЗС. VII. (УЗ ТГУ. Вып. 365). Тарту, 1975. С. 40.

Для сравнения, обратимся к теме мифических гор и морей в царстве пресвитера Иоанна. В послании пресвитера Иоанна (по рукописи XV в.) описывается Песчаное море: «этого моря не может перейти никакой человек — ни на корабле, ни иным способом. Ни один человек не знает, есть ли за тем морем люди или нет». ⁴⁸⁰ «В стороне от этого моря, в трех днях пути, находятся высокие горы, с которых течет каменная река: большие и малые камни валяются сами по себе три дня». ⁴⁸¹

Далее упоминаются пустынные высокие горы, вершины которых человеку увидеть невозможно, с гор вытекает река и прячется под землей, в определенное время земля над рекой расступается и оттуда можно добыть драгоценные камни и жемчуг. Также рассказывается о горах, на которые нельзя смотреть. В этих горах во многих местах пылает огонь. Перед нами обратная картина: неприступные преграды, окружающие царство пресвитера Иоанна, призваны подчеркнуть обширность владений и могущество этого царя. Сам же пресвитер Иоанн находится в центре своего царства и не стремится к расширению его границ.

Арабский автор X в. ибн ал-Факих ал-Хамадани пишет в «Книге стран»: «Говорят, что море ас-Сина начинается от горы Каф и доходит до ‘Аббадана и ал-Басры». ⁴⁸² У ал-Бируни гора Каф упоминается в связи со Страной тьмы и изумрудами, найденными там воинами Александра. Ал-Бируни пишет: «В книге „Путеводитель в этом и загробном мирах“ говорится, что гора Каф, окружающая землю, состоит из зеленого изумруда, а от подошвы до вершины ее восемьдесят фарсахов, и если небо кажется зеленым, то это потому, что оно находится над этой горой <и отражает ее>; и шайтаны будто бы берут оттуда забарджад <изумруд> и раздают его людям <...>. Нечто подобное говорят шаманисты об отвесной горе, ⁴⁸³ которая, по их представлениям, находится под Полярной звездой; ее четыре стороны будто бы состоят из яхонтов разных цветов, причем синий находится на стороне, обращенной к нам, и от него — синева неба. Таковы же рассказы о Зу-л-Карнайне. Когда он вступил в страну тьмы, то лошади <его воинов> ступали копытами по камням, так что раздавалось громкое цоканье; тогда он сказал своим спутникам: „Это — камни сожаления как для тех, кто возьмет их, так и для тех, кто их оставит“. Некоторые <воины> взяли камни, другие же оставили. Когда они вышли на свет, то, посмотрев на эти камни, увидели, что это забарджад; и тот, кто взял их, сожалел, что взял мало, а тот, кто оставил, сожалел о потере» (ал-Бируни, с. 156). ⁴⁸⁴

⁴⁸⁰ О происхождении Песчаного моря см.: J. L. Lowes. The Dry Sea and the Carrenare // Modern Philology. 1905. Vol. III, pp. 1-46.

⁴⁸¹ ПЛДР. XIII. С. 467.

⁴⁸² Арабские источники VII — X вв. по этнографии и истории Африки, с. 77.

⁴⁸³ Ал-Бируни имеет в виду мифическую гору Шумеру, которая, согласно буддийской космогонии, находится на «полюсе мира» (прим. переводчика, с. 455).

⁴⁸⁴ Ср. с описанием этой ситуации в поэме Низами

«Тайный голос сказал: „О люди Рума,
Сверкающий песок — песок этой земли.
Раскается всякий, кто его возьмет с собой.
Но еще более раскается тот, кто оставит его <лежать>“.
Того <песка> каждый в свою поклажк наложил
Сообразно своей судьбе и удаче <...>
Когда посмотрело войско на принесенное с пути
И положили перед собой добытые камни,
Все камни были красными яхонтами,
От которого глаз получал в пищу свет» (Низами, с. 352).

Мифологическая топография походов Искандера включает алмазную гору, гору Каф, Страну тьмы, область на краю мира, где с шумом восходит солнце. В «Романе о Чингис-хане» фигурирует алмазная гора и земля «шумящего солнца», но отсутствует описание Страны тьмы и горы Каф. Совпадение существенной части легендарных маршрутов Искандера и Чингис-хана, позволяет отождествить гору Каф с Кавказом.

Согласно одному из эпизодов персидской космографии, Искандер на границе Страны мрака подъехал к горе из лазурита. На ее вершине был родник. Тот, кто приближался к этому месту, испускал дух.

«Из источника раздался голос: „Эй, Искандар, ты объехал всю Вселенную и видел многие чудеса, кои не довелось видеть никому. Уймись же, ибо час смерти близок!“ Услыхав <это> Искандар воскликнул: „Я слышал глас смерти!“ <...> Искандар, вернувшись в Ирак, оставил сей мир» («Чудеса мира», с. 136).

Мне кажется, что этот эпизод в некотором смысле является ключом к завершающей части «Романа о Чингис-хане»: Каспийские горы дважды внушают Чингису страх; покинув враждебное пространство, он возвращается в свою землю, где его поражает ударом грома.

Гора Каф в арабо-персидской литературе не соотносится с теми горами, в которых Искандер воздвиг железные ворота и запер за ними ужасный народ яджуджей.⁴⁸⁵ Например, в «Искандер-наме», яджуджи хоть и названы существами людской породы, но вид имеют хищных зверей, пожирают себе подобных и опьяняются кровью дракона (Низами, с. 503-505). Горный мифологический ландшафт, окружающий каменистую пустыню яджуджей, не имеет в поэме Низами никакого названия.⁴⁸⁶ Напомним, что в

⁴⁸⁵ В компиляции ал-Бакуви сказано: «Йаджудж и маджудж — два огромных племени тюрок из потомков Йафата сына Нуха — да будет мир над ними! Их обиталище на востоке седьмого климата». «Когда Зу-л-Карнайн отправился в края Йаджуджа и Маджуджа, то собралось к нему много народа, и сказали они ему: „О победоносный царь! За этой горой обитает народ, численность которого никто, кроме Аллаха всевышнего, не знает. Они опустошают нашу страну и поедают наши плоды и злаки» (ал-Бакуви, с. 113, 107); см. также прим. 15.

⁴⁸⁶ В поэме Низами Искандер, отправившись из Китая на север, пересекает серебряную пустыню, которая упирается в великую гору:

«Свод воздвигнут на вершине горы,
От его лицезрения приходил в сердце ужас.
Поверх того свода бирюзового цвета
<Еще> из гранита вздымалась гора.
На той горе толпа питающих веру
Мусульман, лишенных пророка.
Откровением Бога, по аналогии,
Они Бога познали в своих обстоятельствах.
<Искандер раскрывает перед ними врата веры и знания. Жители молят Искандера о помощи.
Далее следует описание яджуджей:>
За этим кряжем, в сей каменистой пустыне
Увидишь ты степь, как широкое море.
Народ в той степи по названью яджудж,
Породы людской, как мы, но бесовского склада.
С сердцем железным, как дивы, и алмазной рукой,
Как злонравные волки взбешенные.
С головы до пят они обросли волосами,
От их лица ты не увидишь следа.

«Романе о Чингис-хане» народ, обнаруженный монголами запертым посреди Каспийских гор, не характеризуется как нечистый и ужасный (что было общим местом как в западных, так и в восточных средневековых сочинениях). На это обстоятельство обычно не обращалось внимание. Однако именно это обстоятельство и способно пролить свет на загадку запертого народа, в котором большинство исследователей видит племена Гога и Магога.

Упоминание в тексте НТ запертых Александром племен Гог и Магог вызывает у исследователей справедливое, на первый взгляд, желание связать эпизод из НТ с эпизодом из романа Псевдо-Каллисфена (III, 29).⁴⁸⁷ При этом игнорируется существенное противоречие в текстах францисканцев, лишаящее это сравнение силы, а именно: запертый народ имеет три взаимоисключающие характеристики. В версии брата Иоанна запертый народ не отождествляется ни с Гогом и Магогом, ни с иудеями; в НТ о запертом народе сначала осторожно говорится: «*вполне вероятно*, что они иудеи, которых Господь защитил и предостерег», а далее заявляется нечто противоположное: в Каспийских горах Александр запер иудеев, которые называют себя Гог и Магог (НТ. § 12). То есть, в НТ в первом случае говорится о потерянных коленах израилевых, а во втором — о нечистых народах. Этот пример показывает, что «Роман о Чингис-хане» не только переводился с языка на язык, но и давал пищу определенным импровизациям. В особенности это касается случаев, когда текст вызывал (хоть и ложные), но устойчивые ассоциации, опирающиеся на христианскую традицию. Иными словами, персидско-сирийские сюжеты романа подверглись адаптации при переводе на русский, а затем на латынь. Приходится удивляться, что сохранились хоть какие-то первоначальные признаки оригинала. Подчеркнем еще раз, что эпизод с Каспийскими горами в записи брата Иоанна не содержит и намека на легенду о нечистых народах, тогда как версия брата Ц. де Бридиа дает простор самым неожиданным интерпретациям. Какой из версий отдать предпочтение? Прежде чем сделать выбор, ответим на вопрос: какая легенда лежала в основе сюжета, если она столь по разному была воспринята францисканцами или их переводчиками. Двойственность восприятия свидетельствует о неоднозначном характере исходного материала. Ясно пока лишь одно, в Каспийских горах (возможно, за горой Каф) обитает «чистый» народ. Напомним и другое немаловажное обстоятельство: согласно традиции, племена Гога и Магога заперты за искусственной преградой и не могут разрушить ее по своей воле, тогда как неизвестный народ, разбуженный грохотом монгольского оружия, взламывает гору. Скорее всего, в «Романе о Чингис-хане» представлена инверсия предания, весьма популярного в монгольской среде.⁴⁸⁸

Словно хищные звери с когтями, клыками,
Для пролития крови бьют зубами и лапой,
Нагоняют ветер во время бега,
Пронзают когтями булат.
Неблагодарные все в ходьбе и еде,
Среди них никого не увидишь знакомого с богом» (Низами, с. 505).

⁴⁸⁷ См., например: Önnertfors, s. 9. (с последующей литературой). Я считаю пассаж о гоге и магоге импровизацией брата Бенедикта, который в этом же параграфе, например, исправил упоминание «земли Кергис» на Солангию.

⁴⁸⁸ Факт инверсии впервые был отмечен Ришем (Risch, s. 132), однако он не предложил никакого объяснения этому парадоксу; ср.: Burnett C. S. F. An apocryphal letter from the Arabic philosopher Al-Kindi to Theodore, Frederick II's astrologer, concerning Gog and Magog, the Enclosed Nations, and the scourge of the Mongols // Viator 15. 1984, pp. 151-167.

§ 4. Монгольское предание о местности Эргунэ-кун.

Из древнего предания монголов, записанного в начале XIV в. Рашид ад-Дином, следует, что некогда их предки занимали

«недоступную местность, кругом которой были лишь горы и леса и к которой ни с одной стороны не было дороги, кроме одной узкой и труднодоступной тропы, по которой можно было пройти туда с большим трудом и затруднениями. Среди тех гор была обильная травой и здоровая <по климату> степь. Название этой местности Эргунэ-кун». Далее, как гласит монгольское предание, «когда среди тех гор и лесов этот народ размножился и пространство <занимаемой им> земли стало тесным и недостаточным, то они учинили друг с другом совет, каким бы лучшим способом и нетрудным <по выполнению> путем выйти им из этого сурового ущелья и тесного горного прохода. И <вот> они нашли одно место, бывшее месторождением железной руды, где постоянно плавил железо. Собравшись все вместе, они заготовили в лесу много дров и уголь целыми харварами, зарезали семьдесят голов быков и лошадей, содрали с них целиком шкуры и сделали <из них> кузнечные мехи. <Затем> сложили дрова и уголь у подножья того косогора и так оборудовали то место, что разом этими семидесятью мехами стали раздувать <огонь под дровами и углем> до тех пор, пока тот <горный> склон не расплавился» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 1. С. 153-154). Далее Рашид ад-Дин добавляет, что монголы, жившие там в его время, утверждают, что «целью расплавления ими горы, было <лишь> открытие иного пути для <своей> славы. <...> Родословная Чингис-хана, как было изложено <выше>, восходит к ним. Вследствие этого <люди> не забывают о той горе, плавке железа и кузнечном деле, и у рода Чингис-хана существует обычай и правило в ту ночь, которая является началом нового года, готовить кузнечные мехи, горн и уголь; они раскаляют немного железа и, положив <его> на наковальню, бьют молотом и вытягивают <в полосу> в благодарность <за свое освобождение>» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 1. С. 154).

Отголосок этой легенды слышал и Марко Поло (Марко Поло, с. 87). Легенда о пребывании предков в недоступной местности, окруженной горами, как и многое другое в монгольской культуре, была заимствована монголами у тюрков. Предание о племени тугю, в передаче китайских историков, сообщает о горной пещере, в которой нашел спасение от врагов их праотец и его жена-волчица. Пещера со всех четырех сторон была окружена горами.⁴⁸⁹ Как справедливо отметил Бойль, в эпизоде с плавлением железного склона можно видеть тюркское предание, где символически показана роль кузнецов, которую играли тугю у жужаней до того, как они спустились с гор и победили, вытеснив последних.⁴⁹⁰ Очевидно, что монгольское предание и кораническая легенда о преграде

⁴⁸⁹ Бичурин Н. Я. [Иакинф] Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, с. 221, 223-224, 226-228. Эта легенда была известна и ал-Бируни, который среди различных примеров божественного происхождения правящих династий в Азии ссылается и на следующий: «Жители Кабула в дни невежества верили в то, что Барахмакин, первый из их тюркских царей, был сотворен в некоей тамошней пещере, называемой сейчас Бугра, и вышел оттуда в <царской> шапке (*калансува*)» (ал-Бируни, с. 27). Эту легенду ал-Бируни повторяет и в своем сочинении «Индия», см.: (Абу Рейхан Бируни (973 — 1048). Избранные произведения / Перевод А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского. Ташкент, 1963. Т. II. Индия. С. 359); По мнению С. Г. Кляшторного имя «Барахмакин» (по другой версии Барактакин) достаточно ясно передает тюркское Барах-тегин. Слово барах / барак означает в тюркском языке «лохматая собака», «косматый», см.: С. Г. Кляшторный. Версия древнетюркской генеалогической легенды у ал-Бируни // Средневековый Восток. История. Культура. Источниковедение. М., 1980. С. 158-160; S. G. Klyashtornyj. Al-Buruni's version of an old Turkic genealogical legend (concerning the semantics of the Turkic „baraq“) // Turkic Languages. 1997. Т. 1. (in press).

⁴⁹⁰ Boyle J. A. The Alexander Romance in Central Asia, pp. 270-271.

Зу-л Карнейна созданы в рамках разных традиций и было бы ошибкой возводить их к единому источнику. Однако такая попытка предпринята Бойлем. Учитывая важность этой темы в плане нашего исследования, мы не можем игнорировать его аргументы.

Бойль цитирует эфиопскую версию Романа об Александре, основывающуюся на утерянной арабской версии, в которой упоминаются кожаные мехи, раздувающие огонь при возведении железных ворот Александром⁴⁹¹ (см. также Коран. XVIII. 88 — 89). А поскольку в легенде о предках монголов также говорится о *кузнечных мехах*, то, по мнению Бойля, совпадение этой детали ясно указывает, что в обоих случаях речь идет о запертом народе, т. е. Гоге и Магоге. Если принять взгляд Бойля, то увидим следующую картину: предки монголов, в облике Гога и Магога, расплавляют железо-латунные ворота Александра, используя для этой цели мехи из шкур, подобно мастерам Александра, некогда сработавшим ворота. Совпадение технологической подробности (кузнечных мехов), не является, на мой взгляд, достаточным условием для того, чтобы поставить знак равенства между легендой о преграде Александра и монгольским преданием.

Принять гипотезу Бойля невозможно по нескольким причинам. Во-первых, предки монголов расплавляют горный склон, т. е. природный барьер, а не искусственный — железные ворота Александра. Во-вторых, непреодолимая преграда, возведенная Александром Двурогим, должна обратиться в порошок, когда исполнится время, обещанное Господом (Коран. XVIII. 98). Разрушить ее никому не дано.⁴⁹² Поэтому не стоит повторять ошибку средневековых христианских авторов, принявших в первый момент монголов за нечистый народ, вырвавшийся из пределов Тартара. Приведем один интересный случай. В 1239 г. венгерский епископ Стефан Вацкий имел возможность расспросить двух пленных монгольских лазутчиков. Ответы монголов, или вернее, их интерпретация епископом, в высшей степени любопытна. В своем послании в Париж епископ пишет: «Я спросил, где лежит земля их, сказали они, что лежит она за какими-то

⁴⁹¹ Бойль пишет: вслед за походами Александра на Восток и на Запад последовала экспедиция на Север. В ходе ее были построены знаменитые железные ворота, чтобы заделать брешь в горной гряде, за которой жили народы гог и магог. Строительство ворот описано следующим образом: Александр «призвал к себе искусных мастеров, которые были с ним, и из их числа выбрал три тысячи умеющих работать с железом (и три тысячи — с латунью). И они взяли шкуры крупных зверей и сделали из них мехи, чтобы раздуть огонь, в котором сплавляли железо и латунь так, что металл стал как одно целое, наподобие замешенной глины. И он сделал врата, длина коих равна была 12 кубитам, и ширина — 12. Он сделал широкий порог для ворот и разместил его под ними меж двух гор, он врезал туда сей порог и залил его латунью и железом. Сделал и железо-латунные запоры, вбил их в порог сверху и снизу. Затем навесил врата и повелел запереть их. Он сделал два запора, длина которых равнялась 12 кубитам. Он вбил их в обе горы». Пер. по: E. A. Wallis Budge. *The Life and Exploits of Alexander the Great, Being a Series of Translations of the Ethiopic Histories of Alexander*. London, 1896. I, p. 237. Ср. с рассказом Саллама ат-Тарджумана о воротах, возведенных Зу-л-Карнайном: «Фундамент стены заложили на глубине тридцать локтей с помощью железа и меди и <возводили ее> таким образом, пока не достигли земной поверхности. Затем поставили две опоры с обеих сторон ущелья. Ширина каждой опоры — двадцать пять локтей, высота — пятьдесят локтей. Вся эта постройка состоит из железных плит, покрытых медью» (Ибн Хордадбех, с. 130-131).

⁴⁹² Ср. с позицией Иоанна де Галонифонтибуса, архиепископа персидского города Султанийя (конец XIV в.), который пишет о Кавказских горах: «Эти горы дают жилище для народов гога и магога, поселенных здесь Александром Великим, как об этом толкует Магистр в своей Истории, и они не в состоянии покинуть эти места до самого пришествия антихриста. Всеми этому люди здесь верят и твердо в этом убеждены, и они даже покажут вам стену и железные ворота между горами и Каспийским морем на юге» (Иоанн де Галонифонтибус. *Сведения о народах Кавказа* (1404 г.): Из сочинения «Книга познания мира» / Пер. с англ. З. М. Буниятова. Баку, 1980. С. 15). В сочинении архиепископа переплетаются ошибочно понятые размышления Магистра (Петра Коместра, см. прим. 28) и народная молва.

горами и близ народа, который называется гог; и полагаю я, что народ этот — гог и магог. <...> Я спросил, как они вышли из-за гор, за которыми были? Они сказали, что предки их до того, как вышли, добрых триста лет и <даже> больше трудились, прорываясь <через> деревья и камни, чтобы суметь выйти».⁴⁹³

В эсхатологических мифах христианства Гог и Магог — воинственные противники «народа божьего». Именно с этими легендарными народами связаны средневековые пророчества о последних днях мира. Запад жил ожиданием прорыва великой Преграды, запиравшей, по воле Бога, нечестивые народы севера. Венгерский епископ, задавая вопрос пленным монголам о том, как им удалось «выйти из-за гор», имел ввиду преодоление божественной преграды на пути диких племен. Ответ монголов о столетиях упорного труда их предков передает генеалогическое предание, о котором говорилось выше. Исторический парадокс диалога европейца с монголами заключался не в том, что они говорили на разных языках — они излагали разные мифологемы, которые случайно сопряглись столь удивительным образом. Ситуация с венгерским епископом аналогична истории, связанной с переводом францисканцами разбираемого сюжета из романа: в обоих случаях происходит подмена смысла.

И, наконец, назовем третью причину, позволяющую усомниться в правоте Бойля. Представляется маловероятным, чтобы Рашид ад-Дин, передавая героическую легенду о предках монголов, мог спутать ее с кораническим преданием о яджуджах и маджуджах. Видимо, следует различать «внешнюю» и «внутреннюю» позицию того или иного автора относительно описываемой им легендарной традиции. Известно, что Рашид ад-Дин пользовался советами и указаниями Пулад чин-сана, знатока монгольской старины и преданий. Кроме того, много нужных сведений Рашид ад-Дин записал со слов самого Газан-хана, тоже считавшегося выдающимся знатоком монгольской старины. Невозможно представить, чтобы в официальной истории чингизидов была допущена столь грубая ошибка. Три названных обстоятельства одновременно указывают на близость ключевых моментов монгольской легенды и эпизода о запертом народе из «Романа о Чингис-хане»: в обоих случаях излагается предание о разрушении горы человеческими силами, без вмешательства высших сил.

Для целей нашего исследования важно, что генеалогическая легенда о расплавлении горного склона относилась к героическим преданиям и была широко известна в Азии. И именно поэтому она столь необычным образом используется в романе, построенном на инверсии стереотипных представлений о Чингис-хане. Люди, запертые посреди Кавказских гор и разрушившие в течение десяти лет эту гору, — далекие предки Чингиса. Согласно Рашид ад-Дину, потомки Чингис-хана в ночь начала нового года повторяют кузнечный обряд, имитируя поведение предков: «рожденный» заново социум наделяется признаками «культуры». «Любой Новый год — это возобновление времени с его начала, то есть повторение космогонии» — утверждает М. Элиаде.⁴⁹⁴ Возрождение — это новое рождение, переход от Хаоса к Сотворению Мира. В романе представлена зеркально противоположная картина: вторжение Чингиса разрушает границы мира и открывает путь хаосу. Обычаю, совершаемому в знак благодарности за освобождение из тесной долины, противостоит попытка сразиться с предками.

В таком случае становится ясным, почему францисканцы столь по-разному восприняли сюжет о запертом в Каспийских горах народе: двойственный характер сюжета был заранее предопределен авторским замыслом (интересно, что и

⁴⁹³ Матузова, с.

⁴⁹⁴ Элиаде М. Космос и История, с. 68.

современный исследователь — Бойль, воспринимает генеалогическое предание монголов как вариант легенды о Гог и Магоге).

§ 5. «Иудеи, которые себя именовали Гог и Магог».

Автор романа занимает «внутреннюю» позицию относительно той традиции, которую он использует в качестве «строительного» материала, тогда как францисканцы заведомо находятся вне этой традиции. Они являются «внешними» наблюдателями. Для «внешнего» же наблюдателя, каким был, например, Михаил Сириец (XII в.), нет ничего странного в следующем пассаже: «Земля, где пребывают тюрки, которые есть Гог и Магог, находится на северо-востоке. И не только из пророческого слова <Иезекииля> мы узнали это, но также из того, что видели и слышали мы и наши предки. <Там> они собирались, вышли оттуда и постоянно выходят. <Они жили от> края востока, или от того места, где восходит солнце, до предела северного, поблизости к стороне западной, в большом протяжении ее долготы <т. е. далеко на северо-запад>. В ширину же — до северного конца обитаемой <земли>. Об этой земле говорится, что она окружена непроходимыми горами. И только в двух местах имеется в них подобие ворот, через которые выходят те, кто там, и входят те, кто желает. Одни <ворота> — в восточной стороне, далеко на восток от Персии, а другие — на севере, в пределах иберских <на Кавказе>. Там есть и строения укрепленные <крепости>. Ворота <в Иберии>, о которых мы говорили, построены по приказанию македонца Александра Великого, чтобы обманом народы, которые там, не вышли. И ныне эти ворота находятся во владении иберов. <...> Они выходили оттуда, из числа этого народа тюрков, из той внутренней земли, в которой они жили за горами, называемыми грудями земли» (Михаил Сириец, с. 47-48).

В сирийских Александриях есть описание гор у крайних пределов, и эти горы названы грудями земли. У Псевдо-Каллисфена (С. Кн. III. 26) говорится о запертых народах между горами, носящими название *грудь Борея* (Μαζοι του Βορρα). Описывая родину тюрков, Михаил Сириец использует предание о железных воротах, построенных Александром Великим. И если у ранних ученых арабского халифата земли яджуджей соседствуют с областями тюрков, то в восточно-христианской традиции они уже сливаются.

Ситуация с «запертыми народами» станет ясней, если учесть следующие обстоятельства. В «Александрии» архиепископа Льва («Historia de preliis Alexandri Magni»), которая излагает сочинение Псевдо-Каллисфена, рассказывается о прибытии Александра к Каспийской горе, где потомки изгнанных десяти колен просили его позволения выйти, но македонский царь не исполнил их просьбы, а заключил их еще крепче за стеной. В древней и средневековой раввинской литературе картинно изображалось идеально-блаженное состояние десяти колен и потомков Моисеевых, живущих в недоступных местностях (за Горами тьмы, за рекою Самбатин),⁴⁹⁵ а в противоположность им нечистые народы Гог и Магог также живут в недоступных краях, но они заключены насильственно и постоянно грозят прорваться через стену и разрушить весь мир.⁴⁹⁶ Оба варианта и представлены в версии брата Бенедикта. В средние века эти сказания принимают в устах христианских писателей христианскую окраску: место десяти колен занимают подданные пресвитера Иоанна, хотя в

⁴⁹⁵ Vulpius C. A. Der Wunder-Fluß Sambathjon und die rothen Juden // Curiositäten der physisch-literarisch-artistisch-historischen Vor- und Mitwelt. 10 vols. Weimar, 1811-1825; IV (1815), ss. 527-535.

⁴⁹⁶ Гаркави А. Я. Неизданная версия романа об Александре. СПб., 1892. С. 93; Ср. Автор «Повести временных лет» также различает их: «В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Египетской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по повелению божию», цит. по: ПЛДР. XI — начало XII в. Л., 1978. С. 245.

большинстве редакций послания упомянуты также и живущие за «рекой камней» десять колен с их царем Даниилом; место Гога и Магога заняли азиатские кочевники, в частности тартары.⁴⁹⁷

Итак, с одной стороны, ходили слухи о монголах как о вновь объявившихся потерянных коленах израилевых,⁴⁹⁸ причем в силу каких-то неясных обстоятельств последних не отличали от Гога и Магога. С другой стороны, в популярных легендарных повествованиях и устных рассказах Александру приписывалось заточение среди гор и известных кочевых народов. Так Марко Поло, описывая Дербентский горный проход, поясняет: «В книге Александрия о том месте говорится, что тут между двух гор Александр заключил татар; то были не татары, а куманы и другие племена. Татар в то время не было».⁴⁹⁹ Сведения Марко Поло важно сопоставить с эпизодом из поэмы Низами «Искандер-наме», где говорится о повелении Искандера возвести в Дербентском проходе стену, чтобы преградить путь кыпчакам. Отметим поразительное совпадение тех и других сведений. К Искандеру приходят хазары, правители гор, с просьбой закрыть горный проход перед натиском диких кыпчаков:

«Повелел шах, чтобы перевал в горах
Закрыли хазары совместно,
Из булата и свинца и гранита
Возвели стену на том узком пути.
Из камнетесов, искусных в деле,
Которые умеют укрепить замок на скале,
Послал он великое множество,
Приказал закрыть проход на той горе»
(Низами, с. 219-220).

Итак, горные проходы Кавказа, закрывавшие путь степным народам, превращаются в христианских мифах в преграду Александра. Иными словами, наблюдается невероятная путаница и наложение одних легендарных сведений на другие.

И все же можно внести ясность в интересующую нас тему. Очевидно, что эпизод из эфиопской Александрии, на который ссылается Бойль, относится к нечистому народу Гог и Магог; тогда как сюжет из «Романа о Чингис-хане» о людях, запертых посреди Каспийских гор и разрушающих эту гору, отражает древнее монгольское генеалогическое предание. Версия брата Иоанна это подтверждает. Брат Ц. де Бридиа, писавший со слов брата Бенедикта, воспринимает монгольское предание как легендарную историю о потерянных десяти коленах, которые каким-то образом превращаются в нечистый народ (Чингис дошел до «Каспийских гор, где, говорят, Александром <Великим> заперты иудеи, которые называют себя гог и магог»). В целом текст в НТ выглядит как достаточно рискованное построение и сомнительная попытка слить воедино две вышеописанные литературные традиции.⁵⁰⁰ Подобные превращения, и

⁴⁹⁷ Там же, с. 93.

⁴⁹⁸ Breßlau H. Juden und Mongolen 1241 // Zeitschrift der Geschichte der Juden in Deutschland 1. Braunschweig, 1887, ss. 99-102; Breßlau H. Juden und Mongolen: ein Nachtrag // Zeitschrift der Geschichte der Juden in Deutschland 2. Braunschweig, 1888, ss. 382-383.

⁴⁹⁹ Марко Поло, с. 57.

⁵⁰⁰ Фрид анализирует сведения НТ с формально-логической точки зрения, не привлекая никаких параллельных текстов. Его интересует только один вопрос: способ мышления брата Ц. де Бридиа. Отметив парадокс в описании запертого народа, Фрид заключает, что брата Ц. де Бридиа

с теми же сомнениями, демонстрирует и Матвей Парижский. Так или иначе, но в повествовании о Чингисе не идет речи о Гоге и Магоге. В романе запертый народ — легендарные предки Чингиса. До христианского мира доходили какие-то неясные сведения о преданиях монголов. В анналах Бертонского монастыря, сохранивших речь русского архиепископа Петра на Лионском соборе 1245 г., сообщается, что в свое время тартары обитали в местности, окруженной высочайшими и будто бы непроходимыми горами, однако вышли оттуда с великим множеством воинов, вызванные неким повелителем. Интересно, что брат Вильгельм де Рубрук, размышляя о нашествии гуннов на древнюю Европу и сравнивая его с нашествием монголов, указывает на одну и ту же причину, повлекшую эти события: «Бог призвал их (народ ничтожный и племя неразумное) из самых отдаленных областей согласно тому, что говорит Господь: „<Они возмутили меня тем, кто не есть Бог, и раздражили своими суетами; и> я возмущу их (то есть не соблюдающих Его закон) тем, что не есть народ, и раздражу их племенем неразумным!“⁵⁰¹ Это исполняется буквально над всеми народами, не соблюдающими закона Божия» (XX. 7 — XXI. 1-5).

В представлениях брата Вильгельма монголы не являются Гогом и Магогом, но призваны из самых отдаленных областей мира. Равно как и в древнерусских известиях, со ссылкой на пророчество Мефодия Патарского, говорится о появлении их из пустыни Етриевской, расположенной между востоком и севером.⁵⁰² Древнерусскими книжниками используется также библейский образ моавитян, но никак не Гога и Магога: «В лето 6732 <1224>. Приде неслыханая рать безбожнии Моавитяне, рекомыи татарове, придоша на землю половецкую».⁵⁰³ Вышеизложенное позволяет с уверенностью принять версию брата Иоанна как более адекватно передающую содержание сюжета, нежели версия брата Бенедикта. В описании брата Иоанна более ясно передан один из парадоксов романа: разрушив гору, предки монголов попытались сразиться с войском Чингис-хана, когда те вновь оказались в этих местах.

Разрушение горы есть не что иное, как разрыв пространства на границах мироздания, которое влечет за собой и разрыв времени. Мифической топографии похода к горе Каф соответствует сакральное время первопредков. Однако столкновения воинственных соперников не происходит. Облако мешает им сразиться. Когда они устремляются друг на друга, облако ослепляет противников. Подчеркнем еще раз, что монголы возжаждали сразиться с людьми, а не монстрами. В таком случае совершенно ясно, откуда появился мотив облака, разделяющего поле битвы — из восточных Александрий.

§ 6. Слепящее облако.

Попытка Пелльо увидеть в эпизоде с облаком христианскую легенду о великой тьме не выдерживает критики. По мнению Даффина, мотив облака, разделяющего противников, заимствован из Священного писания (Исход. XIV, 19). Эту мысль, на первый взгляд, подтверждает «История Тартар»: «вот их и разделило облако, встав посередине, как некогда <оно разделило> египтян и сынов Израиля» (et ecce nubes divisit eos stans in medio sicut quondam Egyrcyos et filios Israel). Внесение библейской цитаты в легендарный контекст, заимствованный из «Романа об Александре», по словам

за его наивную беспомощность в применении новых методов формальной логики можно вычеркнуть из ряда великих мыслителей XIII в., см.: *Fried J. Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert* // HZ 243:2. 1986, s. 323.

⁵⁰¹ Ср.: Второзаконие. 32. 21.

⁵⁰² ПСРЛ. 1962. Т. I. Стб. 445-446.

⁵⁰³ ПСРЛ. 1962. Т. II. Стб. 740.

Даффина, заслуживает особого комментария.⁵⁰⁴ Между тем и в пророчестве Псевдо-Мефодия представлен мотив облака, укрывающего войско. Гедеон, по повелению божию, собирает войско израильтян, чтобы сразиться с измаильтянами. «И сретоша их измаильтяне и покры Господь измаилтеский родъ темным облаком, а Гедеону сотвори день светел». В битве Гедеон одерживает победу.⁵⁰⁵

Обратимся к библейской цитате: «И двинулся Ангел Божий, шедший пред станом Израильтян, и пошел позади их; двинулся и столп облачный от лица их, и стал позади их; — И вошел в средину между станом Израильтян, и был облаком и мраком для одних и освещал ночь для других, и не сблизились одни с другими во всю ночь» (Исход. XIV, 19, 20).

В приведенных цитатах густое облако защищает избранный народ, тогда как в романе облако прозрачно и ослепляет лишь тех, кто стремится переступить за его границы. Облако маркирует границу между видимым и невидимым мирами. Как уже было показано, в «Истории Тартар» анализируемый сюжет подвергся смысловой обработке. На мой взгляд, цитата из Библии привнесена в текст романа братом Бенедиктом и демонстрирует блестящую эрудицию этого францисканца. Вместе с тем, это обычная ситуация для средневековых авторов, которые могли видоизменить чужой текст, припомнив аналогичный сюжет. Интересно, что эту же цитату использует брат Вильгельм, когда описывает обязанность монгольских прорицателей, двигаться во время перекочевков впереди двора того или иного чингизида («прорицатели предшествуют им, как облачный столб сынам Израиля», XXVII). Вопреки мнению Даффина, облако в «Романе о Чингис-хане» имеет иное происхождение. Напомним, что в нашем сюжете облако не помогает одной из соперничающих сторон, а выступает в роли непреодолимой преграды как для одного противника, так и для другого.

Мотив облака, делавшего незрячим войско, приблизившееся к противнику, заимствован из восточных Александрий. Так, в «Шахнаме» в описании битвы между Искандером и Дарием появляется мистическая пыль, застилающая глаза персидским воинам. Искандер побеждает не силой оружия, а чудесным вмешательством природных сил.

«На поле семь дней от зари до зари
Сражались неистово богатыри.
На утро восьмое вдруг ветер подул,
Пыль черную к самому небу взметнул,
И свет для иранцев затмился, лишь прах
Стоит у них темною тучей в глазах.
И, дрогнув, Дара обращается вспять,
И следом за ним уstraшенная рать»
(Фирдоуси. Т. 4. С. 382).

Приведем описание битвы между Искандером и Дарием из поэмы Низами:

«Земная пыль закрыла дорогу воздуху,
Повода мира выпали из рук.

⁵⁰⁴ Daffinà, p. 441.

⁵⁰⁵ Истрин В. М. Откровение Мефодия Патарского и апокрифические видения Даниила в византийской и славяно-русской литературах: Исследования и тексты. М., 1897. С.*

Так много пыли насело на шлемы и седла,
 Что небо стало землею, а земля небом.
 Страшные вопли терзали сердце,
 Арканы сдавливали горло.
 От жаркого дыхания в воздухе поднялась туча,
 Мир горел от пламенной молнии меча.
 Меч так часто чихал от крови и пыли,
 Что мозг воздуха наполнился чистыми душами <убитых>
 (Низами, с. 134).

Вот как выглядит этот фрагмент в Александрии Псевдо-Каллисфена: «Одновременно с сигналом трубачей подняли крик оба сошедшиеся войска, и завязалась превеликая битва. Сражались изо всех сил, долгое время упорно сопротивляясь на флангах; поражая друг друга копьями, переходили с места на место; оспаривая друг у друга победу, отходили то те, то другие. Александр и его воины отеснили Дария и его окружающих и одолели персов силою; в смятении они схватывались друг с другом в гуще сражения, и многие пострадали от своих же соратников, многие и от противника. Ничего нельзя было разглядеть, кроме коней, повергнутых на землю после гибели их седоков, и в поднявшейся пыли уже нельзя было распознать ни персидского стрелка, ни македонского пехотинца или всадника. Воздух стал мутным, земли не было видно под кровавой грязью, и даже само солнце, скорбя о происходящем и не желая глядеть на столько мерзостей, затуманилось» (I, 41).⁵⁰⁶

В «Романе о Чингис-хане» представлена инверсия рассмотренных эпизодов: облако, приносящее победу Искандеру, превращается в облако, мешающее Чингис-хану сразиться с воинственными противниками. Однако облако не только выступает в качестве преграды, куда существеннее мотив обоюдной слепоты. Те, кто приближался к облаку, по словам брата Иоанна, «сразу совершенно теряли зрение», а по версии брата Бенедикта «их поражало слепотой, а некоторых даже смертельным ударом». Семантически слепота указывает на приближение войска Чингис-хана к границе маргинальной зоны. Разрушение горы означает разрыв этой границы. Следовательно, люди, обитающие по ту сторону, представители иного мира, они — мифические предки Чингис-хана. И они столь же воинственны, как и их легендарный потомок. Создается впечатление, что автор романа, изобразив эту встречу, хотел исчерпать тему легендарных военных поединков Чингис-хана. Действительно, после этого неудавшегося сражения тартары возвращаются в свою землю. Что же касается облака, то это не единственная ситуация в романе, когда божественная преграда препятствует стремлению Чингис-хана вступить в сражение (например, шум солнца в земле Нараирген выступает в той же самой роли). Не может быть и речи, что ситуация с облаком отражает какой-либо реальный случай. Хотя, например, в Юань-ши описывается любопытный случай: в 1213 г. во время одного из сражений монголов с армией Северного Китая «поднялся с севера сильный ветер, который поднимал камень с песком, так, что невозможно было открыть глаза».⁵⁰⁷

Подведем итог. Каспийские горы, в которых разворачивается действие сюжета, — это мифические горы на краю мира. Запертый в них народ — далекие предки Чингиса.

⁵⁰⁶ «История Александра Великого» / Пер. А. Егунова // Поздняя греческая проза. М., 1961. С. 414.

⁵⁰⁷ [Бичурин Н. Я.] История первых четырех ханов из дома Чингисова, переведено с китайского монахом Иакинфом. С приложением карты походов их в Юго-Восточной Азии. СПб., 1829. С. 63.

Проникновение монгольского войска в это запретное пространство актуализирует древний сценарий выхода предков из замкнутой горной долины (этот сценарий лежал в основе одного из главных имперских праздников). Тем самым проясняется авторский замысел: в романе обыгрывается одно из значимых представлений империи — генеалогическое предание монголов. Мотив облака заимствован из восточных Александрий. Таков механизм мифологического конструирования этого сюжета.

Рассматривая сюжет об облаке, мы не касались темы, связанной с адамантом и магнитной горой. Исключительно для удобства анализа этих тем, они рассмотрены отдельно (см. главу 3.2). Однако выводы в обоих случаях совпадают. Приключения Александра Македонского, связанные с горой Каф и долиной алмазов, видимо, не представляли особого интереса для автора «Романа о Чингис-хане». Легендарный македонец выступает в них как первооткрыватель и демиург. Замысел «Романа о Чингис-хане» иной: Чингис-хан соперничает, и, как правило, неудачно, с божественными преградами. Поэтому в романе получает развитие сюжет об облаке, которое поражало монголов слепотой, а некоторых даже смертельным ударом. Так понимал этот сюжет и брат Бенедикт, со слов которого, вероятно, и было записано, что запертый народ — «иудеи, которых Господь защитил и предостерег знамением <их> отцов». Магнитная гора, лишаящая воинов Чингис-хана оружия и доспехов, демонстрирует непреодолимую ситуацию, а облако, дарующее Искандеру победу, Чингис-хану не дает вступить в битву с противником.

Автор романа, используя столь необычным образом генеалогическое предание монголов, рисует впечатляющую попытку воинственного столкновения Чингис-хана со своими предками. Подобная картина выдает оригинальный прием конструирования сюжета. Это удивительная гипербола образа воителя, жаждущего сразиться со всеми мирами. Аналогии назвать трудно.

3.5. Приказ съедать каждого десятого

§ 1. Сюжеты.

В донесении брата Иоанна дважды сообщается одна и та же история о том, что во время осады китайской столицы в монгольском войске закончились запасы пищи и осаждающие вынуждены были съесть каждого десятого. Приказ съедать каждого десятого отдается Чингис-ханом. Эта история позволила брату Иоанну прийти к умозаключению, что монголы «при необходимости едят человеческую плоть». Ни у средневекового дипломата, ни у современных авторов странный приказ Чингис-хана особого удивления не вызвал.⁵⁰⁸ Кажется, только Рачневский обратил внимание на необычный характер этих сведений; однако он считает их некоторым преувеличением брата Иоанна и в целом не отрицает реальность подобных ситуаций.⁵⁰⁹ Вопреки общему мнению, предметом исследования должен быть не мнимый факт людоедства, а необычный приказ Чингис-хана. При этом вынужденный приказ Чингис-хана следует рассматривать в контексте вымышленного эпизода осады китайской столицы, которая завершается столь же вымышленным принятием Чингис-ханом императорского титула (см. ниже § 4). Вопрос о происхождении этих сведений не был поставлен ни одним исследователем книги брата Иоанна. Считается, что брат Иоанн в искаженном виде передает реальную историю;⁵¹⁰ я же полагаю, что с этого эпизода начинается легендарная биография Чингис-хана, включенная в донесения францисканской миссии 1247 г.

В четвертой главе, посвященной нравам, пище и обычаям монголов, брат Иоанн сообщает: «Их пищей является все, что можно жевать. Ведь они пожирают собак, волков, лисиц и коней, а при необходимости едят человеческую плоть. Поэтому, когда они сражались против некоего города китаев, где пребывал китайский император, они его осаждали так долго, что у самих тартар совершенно подошли к концу припасы, а поскольку у них было совершенно нечего есть, то стали брать одного из десяти человек на съедение» (LT, IV. 7).

В «Истории Тартар» Ц. де Бридиа, построенной на донесении брата Бенедикта, эти сведения окончательно отрываются от исходного контекста. Исчезает упоминание приказа о съедении каждого десятого. Таким образом, вымышленный сюжет, усилиями переписчика рукописи, перемещается в область апокалиптических представлений европейцев о монголах: «Они едят без меры все нечистое: волков, лисиц, собак падаль, посклады, мышей, и в случае необходимости, человеческую плоть. Сходным образом они не отвергают ничего из того, что летает, но едят чистое в равной степени с нечистым» (HT, 54).

В пятой главе донесения брата Иоанна сведения об осаде представлены в развернутом виде: «<...> когда <Чингис-кан> чуть-чуть отдохнул <и> были созваны все его люди, они двинулись так же, <как и в первый раз>, на войну против китаев. И, после того как долго с ними бились, они уничтожили большую часть земли китаев. А их императора они заперли в его очень большом городе, который осаждали столь долгое время, что у войска совсем недоставало припасов, и, когда им совсем <уже> нечего было

⁵⁰⁸ *Risch*, s. 113, komm. 2; *Rockhill*. Journey of William Rubruck, p. 63, n. 3; *Painter*, p. 61; *Daffinà*, p. 443, komm. 15; *Schmieder*, s. 133, komm. 75; *Howorth Sir H. H.* History of the Mongols from the 9th to the 19th century. 4 vols. London; New York, 1876 – 1928. Vol. I, pp. 122, 124, 125; *Martin H. D.* The Rise of Chingis Khan and his Conquest of North China. Baltimore, 1950. P. 160, 177. Исследователи пытались объяснить факт каннибализма, при этом приказ Чингис-хана остался незамеченным.

⁵⁰⁹ *Ratchnevsky P.* Genghis Khan. His Life and Legacy. Oxford, 1991. P. 112-113.

⁵¹⁰ *Guéret-Laferté M.* Sur les Routes de l'Empire Mongol. Paris, 1994. P. 296-297.

есть, Чингис-кан приказал, чтобы из десяти человек одного отдавали на съедение» (ЛТ, V. 9).

Очевидно, что эпизод об осаде китайской столицы из пятой главы дублируется в четвертой главе. И, следовательно, утверждение брата Иоанна о том, что монголы «при необходимости едят человеческую плоть» имеет силу только в рамках сюжета об осаде.⁵¹¹ Выявив вымышленный характер эпизода в целом и отдельных его фрагментов в частности, мы сможем поставить вопрос о замысле неизвестного автора, который ввел эту историю в легендарную биографию Чингис-хана. Не меньший интерес представляет и вопрос о восприятии францисканцами квазиисторического текста, который в процессе перевода с восточного языка на латынь приобретает статус исторического источника. Параллельный текст в «Истории Тартар» выглядит так:

«Но поскольку, жажда к власти не позволяла ему <Чингис-кану> пребывать в бездействии, то он собрал всю огромную мощь, какую только мог и выступил против императора китаев. В конце концов, после длительной войны, обратив в бегство войско императора, самого императора осаждал в столице, очень сильно укрепленном городе, до тех пор, пока осаждающие, вследствие величайшей нужды, по приказу Чингиса, <каждого> десятого человека в своем десятке между собой съедали» (НТ, 9).

Полное несоответствие этих сведений реальной картине событий, отметили все исследователи. Остается ответить на вопрос, кому принадлежит авторство этого эпизода. Полагать вслед за Жере-Лаферте, что «исправления» и «вымыслы» принадлежат францисканцам, озабоченным созданием стройной композиции своих донесений,⁵¹² оснований нет. За «недостовверными» сведениями францисканской миссии угадывается анонимная фигура автора «Романа о Чингис-хане». Приписав же вымысел папским дипломатам, мы с неизбежностью попадем в тупик, поскольку объяснить мотивацию подобного творчества невозможно. Если следовать логике Жере-Лаферте, то получается, что францисканцы знали истинную картину событий, но внесли в нее исправления, продиктованные композицией донесений.

Посмотрим на ситуацию более широким взглядом. Обе версии перевода настаивают на том, что Чингис-хан, победив китайского императора, сам становится императором. Однако в реальности Тэмуджин получил титул «Чингис-хан» за много лет до китайской кампании, покорив Он-хана.⁵¹³ Особый интерес в данном случае

⁵¹¹ Так, например, Таттерсаль комментирует пассаж только из IV главы книги брата Иоанна. Фраза о «необходимости» ставит его в тупик, поэтому он выражается не очень ясно: такого рода представления близки к идеям периода крестовых походов, см.: *Tattersall J. Anthropophagi and Eaters of Raw Flesh in French Literature of the Crusade Period: Myth, tradition, and reality // Medium Aevum* 57. 1988. P. 244.

⁵¹² *Guéret-Laferté M. Sur les Routes de l'Empire Mongol. Paris, 1994. P. 297.*

⁵¹³ В «Сокровенном сказании» фигурируют две даты 1203 г. и 1206 г.; обе даты предшествуют войне с Китаем. Об избрании Темучина всемонгольским ханом сказано: «Когда он, <Чингис-хан>, направил на путь истинный народы, живущие за войлочными стенами, то в год Барса <1206> составил сейм и собрались у истоков реки Онона. Здесь воздвигли девятибунчукное белое знамя и нарекли ханом Чингис-хана» («Сокровенное сказание», § 202). В китайском сказании о Чингис-хане сообщается о событии 1206 г.: «Все, совокупно, поднесли ему титул Императора Чингиса», см.: Старинное китайское сказание о Чингисхане / Пер. с кит. архимандрита Палладия // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. 1. С. 180; Ср. с тем, что пишет Марко Поло о возвышении Чингис-хана: «Случилось, что в 1187 г. татары выбрали себе царя, и звался он по-ихнему Чингис-хан, был человек храбрый, умный и удалой; когда, скажу вам, выбрали его в цари, татары со всего света, что были рассеяны по чужим странам, пришли к нему и признали его своим государем. Страною этот Чингис-хан правил хорошо. <...> Увидел Чингис-хан, что много у него народу, вооружил его луками и иным ихним оружием и пошел воевать чужие страны.

представляет замечание Рашид ад-Дина о придворных астрологах и историках, искавших точку отсчета в бурной биографии Чингис-хана, с которой началось его царствование.⁵¹⁴ Скорее всего, факт астрологических изысканий был известен автору романа, который, следуя своему замыслу, приурочивает обретение Чингис-ханом императорского титула к победе монголов над китайской династией Цзинь. Весь вопрос в том, какой ценой достается эта победа: обретение титула напрямую связано с приказом съесть каждого десятого. В таком случае, обретает ясность авторский замысел, поскольку образу реальной империи в романе противопоставлена история рождения квазиимперии.

Кульť империи и ее основателя был идеальным объектом для интеллектуальной игры. Однако достойно ответить на этот вызов могли лишь переводчики, по характеру своей деятельности невольно оказавшиеся проводниками имперской идеологии и вполне понимавшие условность официальных формул и невозможность передать адекватно их смысл в процессе перевода. Я исхожу из предположения, что если была сила, бросившая вызов всему миру, то были и люди, способные ответить на этот вызов, причем совпадают масштабы действия и противодействия. Масштаб игры и вовлеченных в нее элементов вполне соответствует провозглашенной идее мировой империи. Основным параметрам вымышленной империи в романе придан «перевернутый» характер. Квазиимперия представляет особый мир, таящий в себе неожиданные опасности и роковые преграды, а божественная фигура императора превращается в свою противоположность. Чингис-хан обладает только непомерной жадностью власти. По воле автора романа, он расширяет пространство империи за пределы освоенного мира и пытается покорить фантастические области (например, пустыню, населенную асимметричными людьми). Цель автора – профанация культовой фигуры Чингис-хана – достигается с помощью «моделирования» трудных ситуаций. Если в реальности Чингис-хану, сыну Неба, всегда сопутствовала победа, то его вымышленный двойник терпит поражение в стране шумящего солнца и не может преодолеть Каспийские горы (символ Центра мира). Инвертированная реальность романа такова, что стратегия и тактика монгольского императора приобретают зеркально противоположную функцию. Картина перевернутого мира соответствует инвертированный характер решений, принимаемых главным персонажем романа. Одно из таких решений – приказ Чингис-хана в ситуации чрезвычайного голода съесть каждого десятого. Можно полагать, что автор романа имел какие-то важные основания, чтобы дважды ввести этот эпизод в описание военных кампаний Чингис-хана.

Отдельный вопрос, почему францисканцы и последующая западная традиция приняли вымысел за чистую монету. Можно было бы предположить, что это связано с представлениями об обитателях пограничных областей мира как существах, живущих вне человеческих норм.⁵¹⁵ Однако францисканцы, присутствовавшие на коронации великого хана в центре кочевой империи, не имели особых причин описывать

Покорили они восемь областей; народу зла не делали, ничего у него не отнимали, а только уводили с собою покорять других людей» (*Марко Поло*, с. 85).

⁵¹⁴ Когда в 1203 г. Чингис-хан убил своего бывшего союзника Он-хана, «который был уважаемым государем древнего рода, и престол, и государство, скот и войско последнего стали его собственностью, – ему присвоили имя Чингиз. Значение <слова> Чингиз такое же, как слова гур-хан, то есть сильный и великий государь. <...> Астрологи и некоторые историки, исходя из этого положили считать начало <его> царствования с этого года. <...> В монгольских же летописях как начало его царствования приводят тот год, в который по убиении им Таян-хана, государя найманов, ему присвоили Чингизхановское прозвание <лакаб>» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 252).

⁵¹⁵ Ср. с размышлениями ал-Бируни (*ал-Бируни*. Геодезия, с. 156); цитата приведена в § 3 главы «Покорение Буритебета».

монгольскую культуру как маргинальный феномен.⁵¹⁶ Тот факт, что они перенесли сведения о людоедстве из вымышленной истории в другие части своих донесений, может быть объяснен влиянием литературной традиции, которая описывает неведомые культуры в категориях «свое – чужое».⁵¹⁷ Тогда как эпизод осады китайской столицы следует рассматривать в категориях «реальное – ирреальное». В первом случае говорится о диких народах и монстрах, во-втором, об императоре и его войске, попавшем в «трудную» ситуацию. Очевидно, что это задает разные перспективы для исследования. Явление антропофагии у диких народов не следует путать с вымышленным приказом съедать каждого десятого.

Пассаж о странном приказе Чингис-хана из донесения брата Иоанна попал в энциклопедию Винцентия из Бове (XXX, 78).⁵¹⁸ Винцентий, опираясь на подобные «факты» и собственное воображение, создал «классификацию» монгольского каннибализма, где называет три причины этого явления: голод, месть и стремление внушить ужас врагам (*causa timoris et horroris incutiendi populis hoc audituris*). Эта систематика была воспринята некоторыми исследователями как, хотя и далекая от действительности, но своеобразная ученая модель, документирующая «коварную жестокость монголов».⁵¹⁹ Поразительно, но факт, последнее немецкое издание книги брата Иоанна имеет суперобложку, на которой воспроизведена средневековая миниатюра из рукописи Матвея Парижского – монголы пожирающие человеческую плоть.⁵²⁰

В «Истории Тартар» излагается еще один эпизод, вполне сопоставимый с приведенными выше. В нем сообщается, что лишившись оружия и железного снаряжения у подножья Каспийских гор, «Чингис-кан в страхе бежал вместе с войском и, оставляя горы справа, двинулся на северо-восток. Наконец, после того как в течение еще трех месяцев они непрерывно с трудом совершали путь через пустыни, он приказал в

⁵¹⁶ Это же отмечает Таттерсаль, но не дает никакого объяснения, см.: *Tattersall J. Anthropophagi and Eaters of Raw Flesh*, p. 245.

⁵¹⁷ Ср.: *Kimble G. H. T. Geography in the Middle Ages*. London, 1938. P. 135.

⁵¹⁸ Ср. Гузман допускает, что в данном случае наблюдается повтор сведений брата Иоанна, см.: *Guzman G-G. Reports of Mongol Cannibalism in the Thirteenth-Century Latin Sources: Oriental Fact or Western Fiction? // Discovering New Worlds. Essays on Medieval Exploration and Imagination / Ed. by S. D. Westrem. New York; London, 1991. P. 36*. Гузман анализирует шесть латинских источников, в которых, по его мнению, говорится о монгольском каннибализме. Согласиться с предложенным им выбором источников невозможно по той причине, что сведения брата Иоанна, брата Ц. де Бридиа и Винцентия из Бове восходят, в конечном счете, к «Роману о Чингис-хане», который не является латинским источником. Гузман, попадая в игровое поле романа, не замечает, что анализирует литературные сюжеты, как исторические. Известия Вильгельма де Рубрука относятся к племенам Южного Китая. И, наконец, «сведения» архиепископа Петра и Матвея Парижского созданы в рамках апокалиптической традиции и не имеют никакого отношения к реальности, подробнее об этих источниках см. § 7 настоящей главы.

⁵¹⁹ *Fried J. Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert // HZ 243:2. 1986, s. 317*. Ср.: *Kappler C. L'Image des Mongols dans le Speculum historiale de Vincent de Beauvais // Vincent de Beauvais. Intentions et réceptions d'une oeuvre encyclopédique au Moyen Age. Actes du XIVe Colloque de l'Institut d'études médiévales, organisé conjointement par l'Atelier Vincent de Beauvais (A.R.Te.M., Univ. de Nancy II) & l'Institut d'études médiévales (Univ. de Montréal) 27-30 avril 1988. // Ed. M. Paulmier-Foucart, S. Lusignan and A. Nadeau. Paris, 1990, pp. 219-240*.

⁵²⁰ *Johannes von Plano Carpini. Kunde von den Mongolen: 1245 – 1247 / Übersetzt, eingeleitet und erläutert von F. Schmieder. 1997*. Миниатюра взята из Corpus Christi College. Cambridge. MS. 16 f166. Как выяснилось из разговора с издателем серии, размещение миниатюры на обложке преследовало исключительно коммерческую цель, и не было ошибкой (поскольку на миниатюре изображены монголы, поедающие чужих, а в книге брата Иоанн говорится о поедании своих).

виду нехватки пропитания, чтобы из каждых десяти человек между собой съедали одного» (НТ, 13).

Эти крайние меры позволили монголам достичь расположенной у самых пределов мира земли «людей солнца». В донесении брата Иоанна эпизод о голоде, наступившем во время перехода через пустыни, видимо, опущен. Поскольку чрезвычайный голод в монгольском войске возникает в двух различных ситуациях (при осаде китайской столицы и во время трехмесячного странствия через мифические пустыни), то, видимо, следует рассматривать эти случаи отдельно. Вместе с тем, в каждом из четырех пассажей имеется общая подробность, которая выдает руку автора романа, стремящегося придать обратный характер символам империи. С этого и начнем наш анализ.

§ 2. Постановка проблемы.

Перед нами стоят две задачи: выяснить «первичный» текст, положенный в основу двух сюжетов, где Чингис-хан отдает необычный приказ, и ответить на вопрос – какую цель преследовал неизвестный автор, сочиняя эти эпизоды. При таком подходе особой задачей является доказательство того факта, что описание осады китайской столицы не только далеко от реальности, но есть литературный вымысел. В этом можно убедиться, сопоставив сведения францисканцев с многочисленными историческими свидетельствами о вторжении монголов в Северный Китай. Что заставило автора изменить известную картину событий, введя в описание несколько вымышленных деталей? Этот вопрос требует особого рассмотрения.

Приказ Чингис-хана съедать каждого десятого указывает на авторский вымысел. Внимание автора романа к столь важному элементу империи, как десятичное устройство армии не случайно. В реальности с помощью такого деления армии достигалось исполнение любого приказа в короткие сроки. В романе войско поставлено в «трудную» ситуацию (голод в пустыне или длительная осада). Чингис-хан должен найти выход и находит его. Приказ съедать каждого десятого есть ни что иное как парадоксальное отражение существующей системы власти. В романе действиям Чингис-хана придается инвертированный (относительно истинных правил и ценностей) характер. Его власть доведена до крайнего мыслимого предела. Поэтому порядок принятия и исполнения решений, передаваемых по десятичным ступеням, изображен как некое самоотрицание (армия уничтожающая сама себя). Можно полагать, что нередкие в мировой истории случаи вынужденного людоедства не требовали специальной санкции правителя.

§ 3. Боевой десяток.

Сведения, приведенные в этом параграфе, следует рассматривать как «первичный» текст, давший материал для построения вымышленного сюжета. Десятичная система организации армии монголов, закреплённая в Ясе Чингис-хана, как и многие другие его мероприятия, являлась продолжением древней военной практики азиатских кочевников.⁵²¹ Военно-административная система была примечательной и всеобщей особенностью аппарата управления кочевых государств. Эту систему, основанную на

⁵²¹ Vernadsky G. The Scope and Contents of Chingis Khan's Yasa // Harvard Journal Oriental Society. 1938. Vol. 3. P. 350; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 451; Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 102.

десятеричном членении, можно обнаружить у гуннов, жуань-жуаней,⁵²² тибетцев, чжурчженей. Десятки, сотни, тысячи и тьмы были административными единицами, включающими такое количество людей, которое в случае необходимости могло выставить десять, сто, тысячу или десять тысяч воинов. Самообеспечение отправляющегося на службу воина (конь, снаряжение, сопровождающие его слуги и помощники) было характерной чертой этой системы. Это была иерархическая система соподчинения. Десятники, сотники, тысячники, темники являлись лицами, целиком занятыми делами управления.⁵²³ Последнее обстоятельство не могло не вызывать особого интереса у представителей других культур.

Францисканская миссия 1247 г. могла воочию убедиться в эффективности жесткой системы соподчинения, принятой в монгольской империи. Интересно, что приведенные ниже реальные сведения, располагаются в той же самой главе донесения брата Иоанна, где изложены и сюжеты «Романа о Чингис-хане». Подобное соседство демонстрирует диапазон между официальной картиной (вернее, ее отражением в отчете миссии) и вымыслом, который также фиксируется в отчете. Важно, что те и другие сведения получены францисканцами от весьма осведомленных в делах империи людей. Брат Иоанн пишет: «У императора тартар удивительная власть над всеми. Никто не осмеливается пребывать ни в какой части <страны>, если только сам <император> не предпишет <ему> там <пребывать>. Но он сам назначает, где постоянно находиться князьям; князья же предписывают места тысячникам, тысячники – сотникам, сотники – десятникам. Сверх того, в какое бы время, в каком бы месте он ни приказал им <быть>, к войне ли или к смерти или к жизни, они подчиняются без малейшего возражения» (LT, V. 22).

С содержанием романа был связан и следующий эпизод. Чингис-хан, завершив десятилетний легендарный поход к границам мира и вернувшись в центр империи, издает законы, то есть, занят мироустройством. Видимо, не случайно эта деятельность Чингис-хана завершается его смертью от удара грома. И снова речь заходит об устройстве армии. Согласно сведениям брата Иоанна, Чингис-хан «постановил также, что их войско должно распределяться по тысячникам <и> сотникам, и десятникам, и тьмам, то есть десяти тысячам. Он также установил многие вещи, о которых долго рассказывать, да и мы не знаем. После этого, доведя до конца свои распоряжения и установления, он был убит ударом грома» (LT, V. 19).

В шестой главе, посвященной военным порядкам и способам ведения войны, брат Иоанн снова возвращается к теме устройства монгольской армии. Видимо, и эти сведения отражают официальную точку зрения, принятую в империи, потому что деление на десятки связывается с государственной деятельностью Чингис-хана. «О военном порядке Чингис-хан распорядился следующим образом: чтобы десятью людьми командовал один, и он по-нашему называется десятник; а десятью десятниками командовал один, который <по-нашему> именуется сотник; десятью же сотниками командовал один, который <по-нашему> называется тысячник; десятью же тысячниками

⁵²² О жуань-жуанях в *Вэй Шоу* (гл. 103. л. 1а-22а) сообщается, что их правитель Шэлунь «впервые установил военные законы, по которым 1000 человек составляли отряд <цзюнь>, во главе отряда ставился начальник, а 100 человек составляли знамя <чуан>, во главе знамени ставился вождь. Тому, кто первым врывается в ряды противника, жаловались пленные и захваченная добыча, а того, кто из-за трусости отступал, убивали, бросая в голову камни, или же, когда предоставлялась возможность, били батогами», цит. по: Материалы по истории древних кочевых народов группы *дунху* / Введение, пер. с кит. и коммент. В. С. Таскина. М., 1984. С. 269.

⁵²³ *Кычанов Е. И.* Кешиктены Чингис-хана (о месте гвардии в государствах кочевников) // *Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М., 1993. С. 154-155.

командовал один, и это число называется у них *тьмами*.⁵²⁴ Всем же войском командуют два или три князя, однако таким образом, что они уважают мнение одного» (LT, VI. 2).

Далее сообщается об эффективности этой системы в боевых условиях, за которой на самом деле стояла круговая порука, основанная на десятичном счете. «А когда они находятся на войне, то, если из десяти человек бежит один или два, или три, или еще больше, убивают всех; и если бегут все десять, разве только не побежит остальная сотня, убивают всех <десятерых>. И, чтобы мне короче сказать, убивают всех, кто бежит, разве только они не отступают <все>. Равным образом, если один или два, либо больше смело вступают в битву, а другая десятка не следует <за ними>, <последних> также убивают. И, если один из десяти или больше попадают в плен, а другие их товарищи не освобождают их, их также убивают» (LT, VI. 3).

В известном смысле можно утверждать, что в романе приказ съедать каждого десятого в условиях чрезвычайного голода, коррелирует с реальным законом военного времени: умерщвлять весь десяток, если в страхе бежит хоть один воин. Ср. с военными обычаями чжурчжэней XI в., под чьим несомненным влиянием находились монголы: «Отряды в сто человек формируются из пятков. Пятки, десятки, сотни имеют своих командиров. Когда все находятся в боевой готовности, то командир пятка держит в руках колотушку, командир десятка – стяг, командир сотни – барабан, командир тысячи – знамя и золотой барабан. Если погибнет в бою командир пятка, казнят всех четверых оставшихся в живых его солдат. Если погибнет командир десятка, казнят командиров пятка, погибнет командир сотни, казнят всех командиров десятков».⁵²⁵

Держалась ли дисциплина в монгольской армии на страхе наказания – особый вопрос. Нас же, в первую очередь, интересуют свидетельства и впечатления современников, воочию наблюдавших те или иные особенности армейской системы монголов. Завершая тему наказаний младших и старших офицеров, напомним слова Чингис-хана из его беседы с сыновьями: «Каждого эмира десятка, который не в состоянии построить к бою своего десятка, мы обвиним вместе с женой и детьми, а из его десятка выберем кого-нибудь в качестве эмира, и таким же образом мы <поступим с эмирами> сотен и тысяч и эмиром-темником».⁵²⁶ По словам Джувейни, автора официальной истории Чингис-хана, в монгольском войске «все люди разделены на десятки, и среди каждой один человек назначен начальником других девяти; из среды десяти начальников одному дано имя сотника и вся сотня ему подчинена. Таким родом дело идет до тысячи и достигает десяти тысяч, над которыми поставлен начальник, нарицаемый темником. <...> Повиновение и послушание таковы, что если начальник тьмы, – будь он от хана на расстоянии отделяющем восток от запада, – совершит промах, <хан> шлет конного, чтобы наказать его, как будет приказано; прикажут „голову“ – снимут, захотят золота, возьмут. Не то, что другие цари, которым приходится говорить с опаскою с рабом, купленным за их же деньги, как только в конюшне его окажется десяток коней. Что уже и говорить о том, коль поставят они под начальство этого раба целое войско и он приобретет богатство и поддержку. Сменить его они не в силах».⁵²⁷

Описание и взгляды Джувейни на устройство монгольской армии совпадают с оценками брата Иоанна. Оба автора словно заморожены «прозрачностью» системы управления и ее действенностью. Та же самая система организации монгольской армии, согласно сведениям Марко Поло, сохранялась при династии Юань.

⁵²⁴ См. комментарий *** в книге I.

⁵²⁵ Цит. по: Кычанов Е. И. Чжурчжэни в XI в., с. 277.

⁵²⁶ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 260.

⁵²⁷ Цит. по: Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана, с. 40-41.

«Вот какие у них порядки: когда татарский царь идет на войну, он берет с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого над сотнею, иного над тысячею, а иного над десятью тысячами; сносится он только с десятью человеками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячею поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью. Так-то, как вы слышали, всякий отвечает своему старшине» (Марко Поло, с. 91).

Приведенных примеров достаточно, чтобы обнаружить истинный смысл, вложенный автором романа в эпизод, где Чингис-хан, оказавшись посреди безлюдных пустынь, вынужден отдать приказ съедать каждого десятого человека. Автор романа акцентирует внимание не просто на людоедстве вследствие чрезвычайного голода, а на военном приказе съедать каждого десятого. Видимо, в реальной жизни голод был постоянным спутником армий, находящихся в дальних походах. Ниже рассматривается наставление Чингис-хана своим сыновьям о том, что военачальник должен избегать подобных ситуаций и заботиться о сытости своих воинов.

§ 4. Возможен ли голод в осаждающей армии?

Вернемся к сведениям францисканцев о вторжении монголов в Китай и осаде северной столицы, и сравним последние с китайскими, персидскими и арабскими известиями и сведениями из «Сокровенного сказания». В донесении брата Иоанна сообщается: «А их императора они заперли в его очень большом городе, который осаждали столь долгое время, что у войска совсем недоставало припасов, и, когда им совсем ничего <уже> не было есть, этот Чингис-хан приказал, чтобы из десяти человек одного отдавали на съедение. А те из города сражались мужественно против них при помощи машин и стрел, и, так как им недоставало камней, вместо камней бросали серебро и, прежде всего, <лили его> в расплавленном виде;⁵²⁸ ведь этот город был полон многими богатствами. И, после того как долго бились и совсем не были в состоянии победить этот город войной, они проложили некий великий ход под землей от <места расположения> войска до середины города и, [вскрыв внезапно землю, когда те не подозревали], выскочили в середине города⁵²⁹ и бились с его жителями. А те <тартары>, которые находились вне <города>, тем же образом, <что и раньше> тоже сражались с ними <т. е. кытаями> и, взломав ворота, вошли в город и, убив императора и многих

⁵²⁸ Возможно, речь идет об одной из категорий китайских зажигательных снарядов в виде горшков, наполнявшихся расплавленным металлом. В этом случае становится ясен смысл фразы брата Иоанна о бросании серебра в расплавленном виде. Металл расплавляли в специальных переносных горнах. В качестве одного из зажигательных средств расплавленным металлом пользовались для наполнения метательных снарядов *цзинь чжи пао*. Такой снаряд назывался «огненный горшок с <расплавленным> металлом». Расплавленный металл в Китае издавна применялся при обороне крепостей, им поливали со стены штурмовавшего неприятеля, сжигали осадные механизмы, см.: Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия. (Материалы и исследования) / Отв. ред. Е. И. Кычанов. М., 1980, с. 183. В 1236 г. монголы под командованием Аньчжура окружили чжурчжэньскую крепость Хуэйчжоу. Защитники города «собрали все имеющееся в крепости золото, серебро, медь, железо и, смешав их в расплаве, изготавливали пао» (Цзинь ши, цз. 124. Цит. по: Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия, с. 193). Школяр полагает, что имелась в виду отливка корпусов для пороховых снарядов.

⁵²⁹ Войны в средневековом Китае изобилуют случаями употребления минных галерей для разрушения фортификационных сооружений. До появления взрывчатых веществ тоннель, подводимый под стену, укрепляли столбами, которые затем поджигали, в результате обвала тоннеля рушилось и наземное сооружение, см.: Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия, с. 327. Однако прорыв тоннеля до середины города – фантастическое преувеличение. Возможно, что таким образом, автор «Романа о Чингис-хане» придает монголам статус существ нижнего мира.

людей, овладели городом, и унесли золото и серебро, и все его богатства,⁵³⁰ и, когда поставили во главе вышеназванной земли кытаев своих людей, вернулись в собственную землю. И тогда впервые, поскольку император кытаев был побежден, императором был сделан вышеозначенный Чингис-хан» (LT, V. 9).

Поход армии Чингис-хана в Северный Китай и осада столицы относятся к известным историческим фактам. Сомнение вызывает лишь версия событий, изложенная в донесениях францисканской миссии 1247 г. Если довериться сообщению о голоде в монгольской армии, расположившейся у стен китайской столицы, то придется согласиться, что столица находилась в безлюднейшей пустыне. В противном случае, хоть какую-то пищу можно было обнаружить в радиусе 500 км. Предположим, что Китай превратился в пустыню, а припасы у осаждающих, действительно, закончились. В таком случае, монголы съели бы запасных лошадей, но ни при каких условиях они не стали бы дожидаться того дня, когда пришлось бы съесть последнюю лошадь. На чем бы они отправились в обратный путь? К тому же следует напомнить, что осаждающие, в первую очередь, были заинтересованы в получении откупных даров, что подтверждают сведения «Сокровенного сказания». Спрашивается, если съедены все лошади и отдан приказ съедать каждого десятого, на чем оставшиеся в живых повезут захваченные богатства? Да и нужны ли золото и шелка, полученные в обмен на утраченное войско? Известно, что кочевники никогда не затягивали осады городов в ущерб собственному войску. К тому же не ясно, как могли голодные и обессилевшие люди проложить подземный ход до середины города и успешно продолжить наступление. Следует согласиться, что францисканцы передают иррациональную версию событий. Возникает вопрос: чей взгляд на события отражает эта версия. Ясно, что он далек как от официальной (монгольской) точки зрения, так и от взгляда противников монголов – китайцев, а характер искажений не позволяет предположить некие фольклорные преувеличения.

Какова была реальная картина событий? При династии Цзинь в Северном Китае было пять столиц: Северная, Южная, Восточная, Западная столицы и Средний стольный город. Чингис-хан дважды, в 1213 и 1214 гг., осаждал Чжун-ду (Средний стольный город). Первый раз китайский император находился в городе, он смог откупиться от осады подарками и переехал в другую столицу. Впоследствии монголы не раз сражались с его войсками. Император пережил Чингис-хана и умер своей смертью. Об этом знали и союзники монголов, и их противники. Поэтому сведения о пленении и убийстве китайского императора не искажение фактов, а литературный сюжет, связанный с определенным замыслом. Пока же рассмотрим сообщения других источников. Согласно «Сокровенному сказанию», когда Чингис-хан осадил Чжун-ду, а для осады других столиц послал особые отряды, то один из советников китайского императора представил доклад, где предложил заключить мир с монголами и откупиться бесчисленными подарками: «„Дадим же их хану царевну, а военачальникам и ратным людям золота, серебра, тканей и товаров, сколько им под силу увезти. Кто знает, не прельстятся ли они на такие мирные предложения?“ <...> Согласившись на эти мирные предложения, Чингис-хан снял осаду городов и, отозвав войска, ушел.⁵³¹ <...> Наши солдаты так нагрузились шелками и вещами, что даже выюки перевязывали шелковыми кипами. <...> Затем Чингис-хан вторично⁵³² выступил в поход против китадского Алтан-хана Ахутая

⁵³⁰ Сведения «Сокровенного сказания» (§ 252) подтверждают факт изъятия золота, серебра, шитых золотом узорчатых тканей, шелка, захваченных в сокровищнице китайского императора. Ср.: Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 174.

⁵³¹ Ср. Согласно Рашид ад-Дину, китайский император послал Чингис-хану свою дочь, Гунджухатун. «Чингис-хан остался доволен их покорностью и вернулся обратно» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 171).

⁵³² В донесении брата Иоанна также сообщается о двух военных кампаниях Чингис-хана против Китая, см. V. 7; 9.

за то, что он учинил препятствия нашему посольству <...>. Узнав о полном поражении своих войск, Алтан-хан бежал из Чжун-ду в Няньгин <Бянь-цзин, т. е. Южную столицу>. Уцелевшие Китадские войска испытывали такой голод, что умирающие с голоду солдаты, убивая друг друга, ели человеческое мясо» («Сокровенное сказание». 248, 251).

Цзиньский двор переехал в одну из пяти столиц, город Бянь-цзин, летом 1214 г. сразу же после заключения мира с Чингис-ханом. «Там была одна из резиденций Алтан-хана.⁵³³ <Город этот> весьма обширен, а тамошнее войско многочисленно и сильно» – сообщает Рашид ад-Дин. Китайский император бежал в южную столицу. Во вторично осажденном монголами Чжун-ду начался голод. Алтан-хан приказал отправить продовольствие жителям столицы, но монголы его перехватили, поэтому «тамошнее население от чрезмерного голода ело человеческое мясо и умирало».⁵³⁴

Современник событий, личный секретарь хорезмийского султана Джелал ад-Дина, ан-Насави, рисует следующую картину событий: в решающей битве с монголами государь Северного Китая Алтун-хан «был разбит самым постыдным образом, а они устроили страшную резню джурджа-хита'и и другим племенам тюрок, входившим в состав его войска. Сам Алтун-хан с остатками своих войск ушел от них на ту сторону Ганга, оставив им страну. Они водворились здесь и завладели ею <...>. Дело Алтун-хана стало еще хуже из-за слабости и шатания, и его немощь и потрясение увеличились до такой степени, что он начал переговоры с ними, стремясь к успокоению и перемирию, довольствуясь оставшимся у него жалким владением, отдавая большее для того, чтобы сберечь меньшее. Они приняли его предложения, и отношения между ними самими продолжались на основе сотрудничества до тех пор, пока не умер Чингис-хан».⁵³⁵

Сведения ан-Насави показывают, что история войны монголов против Северного Китая и последующие взаимоотношения Чингис-хана с Алтун-ханом относились к хорошо известным фактам. Рассказывая о царствовании Угедей-хана, Рашид ад-Дин, вновь возвращается к теме войны Чингис-хана против Северного Китая, чтобы объяснить военные планы Угедея, «ибо <еще> в пору Чингис-хана, как <уже> было изложено в повествовании о нем, Алтан-хан, государь Хитая, которого звали Сусэ, покинул город Чжун-ду, бывший одной из его столиц, со многими относящимися к нему областями, отправился в город Нам-гин и его пределы, собрал вокруг себя много войска и еще до сего времени царствует. А те области, которые Чингис-хан и его войско забрали, <находятся> по-прежнему во владении монголов. Каан хотел его свергнуть и завоевать все те области».⁵³⁶ Итак, император Северного Китая пережил своего соперника, Чингис-хана.

Согласно сведениям из отчетов францисканцев, во время осады Чингис-ханом неприступной китайской столицы, в ней находился император; осада затянулась, и монголы вынуждены были съесть каждого десятого, затем они проложили подземный ход до середины города и благодаря этому добились успеха. Одержав победу над китайским императором, Чингис-хан получил титул императора. В то же время, монгольский и другие восточные источники сообщают, что китайский император успел покинуть свою главную столицу, а осажденные, испытывая страшный голод, ели человеческое мясо. О проведении монголами невероятной длины тоннеля официальные источники не упоминают. Сведения францисканцев о людоедстве в монгольском войске

⁵³³ О государе Северного Китая ан-Насави сообщает: «Их великим ханом, который приходился современником султану Мухаммаду, был Алтун-хан» (ан-Насави, с. 42). Монг. *Алтан* является точным переводом с кит. *Цзинь* – ‘золото’.

⁵³⁴ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 174.

⁵³⁵ ан-Насави, с. 44.

⁵³⁶ Рашид ад-Дин. Т. II. С. 21.

при осаде северной столицы Китая также не соответствуют истине. Наоборот, этой страшной участи подверглось население осажденного города.⁵³⁷ При этом сведения францисканцев не являются исторической «ошибкой» и их расхождение с восточными источниками не носит случайного характера. Инвертированная картина осады китайской столицы создана автором «Романа о Чингис-хане» и преследует определенную цель.

В предыдущем параграфе было показано, какую важную роль играло в монгольской империи деление на десятки. Административная вертикаль управления приобретает в романе характер сакральной вертикали. Фигура великого хана, сына Неба, занимающего высшую позицию в этой вертикали, и в силу своего положения призванная устанавливать гармонию между социальным и космическим,⁵³⁸ обретает зеркально противоположные черты. По воле автора романа, покровительство Неба заменяется покровительством сил «нижнего мира». Чингис-хан становится императором, прибегая к двум способам, указывающим на хтоническое происхождение его власти: приказав армии съедать каждого десятого (ритуальное убийство) и проложив подземный ход до середины города (в версии брата Бенедикта сохранилась важная деталь – монголы врываются в город ночью).

В известном смысле, описание вторжения в Китай и осада столичного города несет в себе скрытый мотив «вселенского разрушения». Длительная осада «истинного» сакрального центра влечет профанацию фигуры предводителя монгольского войска. Дисгармония, внесенная им в мироустройство китайской цивилизации, оборачивается социальной дисгармонией внутри монгольского войска. Идеально организованный монгольский социум, поделенный на военно-административные единицы (десятки, сотни и т. д.) приобретает асоциальную функцию. Армия, чтобы продлить свое существование, вынуждена уничтожать сама себя. При этом порядок уничтожения копирует существующую систему управления. Полагая, что указанных обстоятельств достаточно, чтобы оценить метод автора романа, который использует известное событие (осаду китайской столицы) в качестве внешней рамки сюжета, насыщая его вымышленными подробностями. В сюжете искусно сопрягаются реальность и вымысел, что, видимо, и препятствовало распознаванию его истинного содержания. С помощью инверсии автор создает особый текст, где историческое событие приобретает статус сакрального (война Чингис-хана против Бога). В этом эпизоде, как в капле воды, отразилось содержание романа, рисующего непрерывный поединок Чингис-хана с божественными установлениями.

Существует поразительное свидетельство, которое подтверждает правомерность предложенной трактовки. Когда великий хан Угедей в 1231 г. совершил вторжение в Китай, то согласно «Сокровенному сказанию», духи-хранители китайской земли в знак мести наслали на него тяжелую болезнь. Спасти хана могло только одно средство – добровольная смерть ближайшего родственника, согласившегося принять на себя «вину» великого хана. И в вымышленной и в «реальной» истории вторжение монголов в Китай активизирует сакральные силы этой земли, которые наносят ущерб монгольскому императору. В обоих случаях требуются человеческие жертвы. Вместе с тем, стоит отметить, что объяснение причин болезни Угедея вписывается в традиционную систему представлений о мести чужих богов, тогда как ситуация, описанная в «Романе о Чингис-хане» является искусственной конструкцией.

⁵³⁷ Это обстоятельство отмечено большинством исследователей, которые, однако, оставляют его без объяснения.

⁵³⁸ Ср. О значимости оппозиции верх-низ, символизирующей устройство монгольского социума, свидетельствует иерархическое расположение участников первого пира после коронации Менгу-хана в 1251 г., см.: Рашид ад-Дин. Т. II. С. 133.

«Огодай-хана постигла болезнь: у него отнялся язык. В великом беспокойстве созвали китадских шаманов и приказали им ворожить. Ворожба показала, что это жестоко неистовствуют духи, владыки Китадских земель и вод, неистовствуют вследствие захвата их людей и жилищ, а также вследствие разрушения принадлежащих им городов и деревень. Пробовали посредством гадания по внутренностям животных вопрошать духов, не желают ли они принять в качестве выкупа-*дзолик* – золота с серебром или скота и всякого съестного. Но было отвечено, что на этих условиях не только не успокоятся, но еще сильнее будут неистовствовать день и ночь. Когда же затем, посредством того же гадания, поставили вопрос, не примут ли духи в качестве выкупа родственника больного, то в это самое время хан открыл глаза и попросил воды» («Сокровенное сказание», § 272).

Шаманы исцелили Угедя путем заклинания воды, которую выпил его младший брат, Тулуй, согласившийся на роль искупительной жертвы духам земли и воды.⁵³⁹ Но на этом сравнение ситуаций не заканчивается. Во время военной кампании Угедя против Китая также имели место случаи людоедства среди осажденных в южной столице. Монгольский полководец Субудай после многомесячной осады Бяньцзина взял его в 1233 г. В биографии Субудая в «Юань ши» судьба населения города изображается следующим образом: «В то время Бяньлян давно подвергался <осаде со стороны> войск. <Там> ежегодно был голод. Люди ели друг друга. Су-бу-дай издал приказ выпустить этот народ и переправить его <через Хуанхэ> на север, чтобы <он> нашел пищу».⁵⁴⁰

О судьбе горожан и рода цзиньских императоров Вань-янь сохранилось свидетельство Сун Цзы-чжэня. Обращает внимание желание Субудая вырезать мирное население непокорного города. Однако дело не в личной жестокости монгольского военачальника. Субудай апеллирует к существующему правилу, имеющему силу государственного закона:

«Как только враг, отклонив приказ <о сдаче>, выпускал хотя бы <одну> стрелу или метательный камень <по осаждающим войскам>, в соответствии с <существовавшей> государственной системой, <все> убивались без пощады во всех случаях. Накануне падения Бяньцзина главнокомандующий Субудай прислал <к императору> человека с донесением. Там говорилось: „Этот город долго сопротивлялся нам, убито и ранено много <наших> воинов, <поэтому> хочу вырезать его весь“. Его превосходительство <Елюй Чу-цай> поспешно прошел <в императорскую ставку> и сказал императору: „Воеводы и воины вот уже десятки лет мокнут на земле и пекутся на солнце только ради завоевания земель и народов. Если получить земли без народа, то как они будут использованы!“ Его величество колебался, но еще не решался. <Тогда его превосходительство> доложил ему еще: „Все мастера-лучники, оружейники, золотых дел мастера и семьи богатых и знатных чиновников и народа собрались за стенами этого города. Если перебить их, то не будет никакой прибыли, а это означало бы, что <войска> потрудились напрасно!“ Его величество только теперь согласился с ним и издал указ, кроме одного <только> рода Вань-янь, всех остальных простить и освободить <от наказания>. В то время в Бяньцзине укрывалось от войны 1470 тыс. семей. Еще <его превосходительство>, предложив императору отобрать таких людей,

⁵³⁹ Ср. с описанием причины смерти Тулуй-хана у Рашид ад-Дина: «Рассказывают так: каан за несколько дней до этого заболел и стал отходить; Тулуй-хан пришел к его изголовью, а шаманы по их обычаю камлали и отмывали его болезнь в воде в деревянной чаше. Тулуй-хан от чрезмерной любви, которую он питал к брату, взял ту чашу и сказал с горячей мольбой: „Боже вечный! Ты сведущ и знаешь, если <это> за грехи, то я <их> больше сделал, <...>. Прости его и вместо него позови меня к себе!“. И, сказав эти слова, с горячей мольбой он выпил ту воду, в которой отмывали болезнь. Угедей каан получил исцеление» (Рашид ад-Дин. Т. II С. 24).

⁵⁴⁰ Цит. по: Сун Цзы-чжэнь, с. 110.

как ремесленники и мастера, конфуцианцы, буддийские и даосские монахи, лекари и гадалщики, расселил <их> по разным местам в Хэбэе и *стал выдавать им на пропитание из казны*» (Сун Цзы-чжэнь, с. 76).

Факт падения столиц крупнейшего государства на востоке не мог пройти незамеченным. Он отразился в официальных документах и летописях, созданных на восточных языках, но европейцам эти источники были недоступны. Предположение о том, что францисканцы могли записать рассказ очевидца, также исключено.

Подведем предварительный итог. Вероятно, в донесениях францисканцев в эпизоде осады китайской столицы контаминированны события двух военных кампаний монголов против Северного Китая: 1211 – 1215 гг. и 1230 – 1234 гг.⁵⁴¹ Вопреки мнению Даффина, сгущение событий в единый временной отрезок не является результатом творчества брата Иоанна. Этот эпизод присутствует в обеих версиях перевода «Романа о Чингисхане». Сюжет, связанный с осадой монголами одной из китайских столиц, представляет собой перевернутую картину событий: очевидно, что в реальности голодали осажденные китайцы, и инверсию в изложении событий стоит приписать автору «Романа о Чингисхане». К тому же, брат Иоанн не скрывает своего восхищения, когда пишет об удивительной власти великого хана, основанной на десятиричном устройстве армии и общества. В Западной Европе в это время велись бесчисленные частные войны. Влияние папы или императора на подданных не шло ни в какое сравнение с могуществом великого хана.

§ 5. Осада монголами крупных городов.

О том, как на самом деле монголы брали большие города имеется ряд красноречивых свидетельств современников. Но их рассмотрение мы начнем с материалов брата Иоанна, изложенных в VI главе его донесения. Эти сведения отличаются завидным реализмом и подтверждаются широким кругом независимых источников, что лишний раз подчеркивает «абсурдный» характер осады китайской столицы, придуманной автором романа.

«Укрепления они осаждают следующим образом. Если есть таковое укрепление, они его окружают, даже создают кольцо, чтобы никто не мог ни входить, ни выходить, и штурмуют <его> самым сильным образом при помощи <осадных> машин и стрельбы из луков, причем не прекращают сражение ни днем, ни ночью с тем, чтобы те, кто находятся внутри укреплений, не отдыхали; однако сами тартары отдыхают, потому что они разделяют <войско на> отряды, так что один сменяет другой в битве, чтобы не очень уставать. А если таковым способом они не могут его взять, то бросают греческий огонь; они даже имеют обыкновение иногда вытапливать жир <тех> людей, которых убивают, и бросать его в растопленном виде на дома, причем везде, где <греческий> огонь попадает на этот жир, он пылает, будто бы, неугасимо. Однако загасить <его>, как говорят, можно, поливая или вином или пивом. А если он упадет на тело, его можно загасить трением ладони руки.

А если они таким образом не получают перевеса, а в этом городе или <укрепленном> лагере есть река, они ее запруживают или делают другое русло, так что затопляют это укрепление, если могут. А если не могут, то делают подкоп <под стеной> и входят в укрепление под землей с оружием. И, когда они уже окажутся внутри, одна часть <воинов> занимается поджогами для устройства пожара, а другая часть сражается с защитниками этого укрепления. Если же и таким образом они не могут одержать над ним победу, то строят напротив него свой лагерь или укрепление, чтобы не терпеть

⁵⁴¹ Ср.: Daffinà, pp. 433-434, n. 15; См. также: Martin H. D. Chingis Khan's First Invasion of the Chin Empire // JRAS. 1943, pp. 182-216.

ущерба от метательного оружия противников, и в течение долгого времени остаются перед ним, если только войско, которое сражается с ними, не получает помощи извне и не заставляет их удалиться силой. Пока же они стоят перед укреплением, то вкрадчиво говорят с осажденными и много им обещают для того, чтобы те предались в их руки. А если те покорятся им, то они говорят: „Выходите, чтобы мы вас пересчитали согласно нашему обычаю“. А, когда те к ним выходят, они выясняют, кто среди сдавшихся являются ремесленниками и их оставляют в живых, а других, за исключением тех, кого они собираются держать <при себе> в качестве рабов, убивают топором. И, если каких-нибудь людей щадят, как сказано, то никогда не щадят знатных и почтенных. И если только, когда приключится некий случай, оставляют в живых каких-нибудь знатных людей, то они не могут более покинуть плен ни при помощи мольбы, ни при помощи вознаграждения» (LT, VI. 15-16).

В сведениях южносунского дипломата Чжао Хуна (1222 г.) обратим внимание на число в десять человек, которых должен, согласно приказу, захватить каждый монгольский воин: «Всякий раз при наступлении на большие города <они> сперва нападают на маленькие города, захватывают <в плен> население, угоняют <его> и используют на <осадных работах>. Тогда <они> отдают приказ о том, чтобы каждый конный воин непременно захватил десять человек. Когда людей <захвачено> достаточно, то каждый человек обязан <набрать> сколько-то травы или дров, земли или камней. <Татары> гонят <их> день и ночь; если <люди> отстают, то их убивают. Когда <люди> пригнаны, <они> заваливают крепостные рвы <вокруг городских стен тем, что они принесли>, и немедленно заравнивают <рвы>; <некоторых> используют для обслуживания <колесниц, напоминающих> гусей, куполов для штурма, катапультных установок и других <работ>. <При этом татары> не щадят даже десятки тысяч человек. Поэтому при штурме городов и крепостей <они> все без исключения бывают взяты. Когда городские стены проломлены, <татары> убивают всех, не разбирая старых и малых, красивых и безобразных, бедных и богатых, сопротивляющихся и покорных, как правило, без всякой пощады. Всякого, кто при приближении противника не подчиняется приказу <о капитуляции>, непременно казнят, пусть даже <он> оказывается знатным». ⁵⁴² Чжао Хун в своем описании указывает на использование монголами пленных китайских специалистов, обслуживавших механизмы при осаде городов: колесниц с возвышением для доставки штурмующих на городские стены, куполов для штурма и камнеметных машин. Ан-Насави описывает аналогичную историю, когда на сторону монголов перешел некий сарханг Хабаш, которому они поручили «установку катапульт и управление пехотинцами». ⁵⁴³ Ан-Насави пишет, что при осаде городов монголы использовали защитные стены (*матарис*), подвижные башни (*даббаба*), катапульты и тараны. При осаде Нишапура в 1222 г. монголы установили 200 катапульт. ⁵⁴⁴

§ 6. Голод в дикой пустыне.

В версии перевода брата Бенедикта имеется два эпизода, где войско Чингис-хана голодает. Первый случай, связанный с осадой китайской столицы, мы уже рассмотрели. Второй эпизод, о котором сообщается только в донесении брата Бенедикта, заключен между сюжетами о Каспийских горах и о земле Нараирген. Какова топография этого маршрута? В романе Каспийские горы расположены в Центре мира, а земля «людей солнца» на востоке, у самых пределов земли. Переход от Центра мира к месту восхода солнца – самый протяженный маршрут, который, согласно традиции, удалось

⁵⁴² «Мэн-да бэй-лу», с. 67.

⁵⁴³ Ан-Насави, с. 93. Сарханг (перс.) – воинский чин командира крупного отряда (в несколько сот человек).

⁵⁴⁴ Ан-Насави, с. 94.

преодолеть только легендарному Искандеру. Чингис-хан повторяет это деяние, при этом трагическая сторона события заслоняет само событие. Апофеозом неудач является ситуация, когда, попав в дикие пустыни, Чингис-хан приказывает в виду нехватки пропитания, съедать одного из каждых десяти человек. Если исходить из легендарного контекста, то вымышленный характер этого эпизода сомнений не вызывает. Но вымысел автора романа не является произвольным. Можно полагать, что и на этот раз он прибегает к инверсии известных официальных формул. Ср., с наставлением Чингис-хана своим сыновьям о том, каким должен быть истинный военачальник:

«Нет бахадура, подобного Есунбаю, и нет человека, подобного ему по дарованиям! Но так как он не страдает от тягот похода и не ведает голода и жажды, то считает всех прочих людей, нукеров и ратников, находящихся с ним, подобными себе в <способности> переносить тяготы <походов>, они же не в силах <их переносить>. По этой причине он не годен быть начальником. Достоин же быть таковым <лишь> тот человек, который сам знает, что такое голод и жажда, и судит по этому о состоянии других, тот, который в пути идет с расчетом и не допускает, чтобы <его> войско голодало и испытывало жажду, а скот отощал» (*Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 261-262).

Изречения Чингис-хана (*билики*) были предметом преподавания в монгольской империи. Поэтому не исключено, что мудрому изречению Чингис-хана противопоставлен в романе приказ легендарного воителя Чингис-хана о поедании своими товарищами каждого десятого воина. Страшная сила приказа такова, что первый раз Чингис-хан с его помощью становится императором, а второй раз преодолевает путь в страну, где восходит солнце. Однако известен исторический случай, когда монгольское войско, отправленное в Китай через Тибет, оказалось без провианта. Речь идет о походе во времена правления хана Угедея. По словам Рашид ад-Дина, на второй год продвижения через Тибет «у воинов не осталось продовольствия и припасов, и они сильно изголодались и отощали. Дошло до того, что ели человеческое мясо, всех животных и траву». ⁵⁴⁵ Возможно, что в романе нашел отражение реальный случай, однако отнесенный ко временам и вымышленным деяниям Чингис-хана.

В заключение отметим, что существует античный текст, во многом совпадающий с разбираемым эпизодом из «Романа о Чингис-хане», однако настаивать на какой-либо связи между этими сведениями нет необходимости. В известном рассказе Геродота о персидском царе Камбисе, который в гневе своем решил покорить землю эфиопов, описана трагическая ситуация. Во время перехода через пустыню в персидском войске закончился провиант и воины по жребию убивали и съедали каждого десятого. ⁵⁴⁶ В обоих случаях говорится о безумном походе царей на край света.

⁵⁴⁵ *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 21.

⁵⁴⁶ *Геродот*. III. 25.

3.6. Гибель Чингис-хана от удара грома

«И в небе ваш надел и то, что вам обещано»

Коран. 51, 22.

«Так до слуха его дошел голос с неба:

„Ты впредь не старайся в увеличении

<своего царства и богатства>

Ты землю обошел до последнего предела»

(Низами. Искандер-наме, с. 512-513)

§ 1. Сюжет. Постановка проблемы.

Проведя свыше десяти лет в походах к загадочным пределам мира, Чингис-хан возвращается в центр империи, где наступает неожиданная развязка – его смерть от удара грома. Как и при анализе любого другого сюжета из донесений францисканской миссии 1247 г., перед нами стоят две разноплановые задачи. Во-первых, следует определить источник или «первичный» текст, на основе которого был сконструирован сюжет. Во-вторых, выяснить, с какой целью этот эпизод вводится в легендарную биографию Чингис-хана.

О гибели Чингис-хана в версии брата Иоанна сообщается следующее: «Он вернулся в свою землю и именно там создал многочисленные законы и постановления, которые тартары ненарушимо соблюдают. <...> Доведя до конца свои распоряжения и установления, он был убит ударом грома» (V. 18, 19).

Параллельные сообщения у брата Ц. де Бридиа гласят: 1) «Совершив эти вещи <*m. e. поход к Каспийским горам и далее*>, он вернулся в свою землю и был поражен ударом грома согласно Божественному приговору» (НТ. § 16); 2) «Итак, вернувшись в свою землю, <участники похода под предводительством Тоссук-кана> нашли Чингис-кана пораженным <на смерть> ударом грома» (НТ. § 21).

Все исследователи единодушно утверждают, что версия гибели Чингис-хана от удара грома встречается только в сочинениях брата Иоанна и брата Ц. де Бридиа.⁵⁴⁷ И, разумеется, она полностью противоречит всем известным фактам. Чингис-хан умер своей смертью.

Казалось бы, необычные сведения из донесений францисканцев о драматической гибели Чингис-хана должны были натолкнуть исследователей на мысль, что этот эпизод является ключом к легендарному жизнеописанию основателя монгольской империи. Достаточно было сопоставить его с другим сообщением брата Иоанна, чтобы убедиться в зеркальной взаимосвязанности реальных и вымышленных сведений, касающихся смерти от грома: «И, если кого-нибудь убивает громом, то надлежит, чтобы все те люди, которые находились <в то время> в этой ставке, проходили сквозь костры; до жилища, ложа, повозок, войлоков и одежд и всего того, что у него было из такого рода вещей, никто не дотрагивается, но все отвергают <их> как нечистое» (III. 15).

Реальные сведения францисканца об отношении монголов к убитому громом подтверждаются широким кругом независимых источников (см. ниже § 3). Если соединить в единую картину смерть Чингис-хана от удара грома и ритуальное отрицание имущества убитого, то возможно, мы получим ответ на вопрос, с какой целью придуман

⁵⁴⁷ Подробнее см.: Risch, s. 137; Painter, p. 67, n. 2; V. 65, adn. 2; Шастина, с. 206, прим. 67; Pietkiewicz, s. 257, kom. 36; Pelliot, Notes on Marco Polo. I, pp. 305-330.

этот эпизод. Но ответ выглядит настолько неожиданно (*нечистая империя*), что принять его составляет известную проблему, с которой мы сталкиваемся при анализе каждого легендарного эпизода. Проблема заключается в признании неожиданной степени свободы воображения неизвестного автора XIII века, который конструирует подобные сюжеты. Это игра с символами империи. Бессилие традиционных методов анализа подобного текста, очевидно. Так, например, Ж.-П. Ру были известны оба приведенных выше пассажа брата Иоанна, но исследователь предпочел игнорировать необычные сведения о смерти Чингис-хана (ниже мы вернемся к этому вопросу). Ф. Шмидер тоже сопоставляет эти пассажи, но безрезультатно.⁵⁴⁸ Известие брата Иоанна хотя и привлекало к себе внимание, но никакого объяснения не получило.⁵⁴⁹ Причина, видимо, в отсутствии общей идеи, позволяющей оценить сведения легендарного характера из донесений францисканцев как цельную литературную композицию.

В качестве решения этой загадки можно предложить следующую гипотезу. Сюжет о насильственной смерти Чингиса является вымыслом, построенным на пересечении нескольких тем:

- 1) представлениях монголов о молнии как божественном наказании;
- 2) идей о Небе, стоящем на страже земных пределов (заимствованных из персидских Александрий);
- 3) официальных формул, провозглашавших Чингис-хана сыном Неба.

Литературное оформление сюжета опирается на значимые для монголов представления и символы. Непосредственный импульс, повлиявший на рождение вымысла, мог исходить от официальной легенды о героической смерти Чингис-хана, известной в изложении Марко Поло. Согласно этой легенде, Чингис-хана в бою поражает стрела. Типологически наш сюжет является инверсией этой легенды (героической смерти противопоставлена профанная смерть). С учетом указанной официальной формулы, гипотеза кратко выглядит так: Небо в гневе своем убивает сына Неба. Согласно замыслу неизвестного автора, Чингис-хан утрачивает свой божественный ореол. Формула официального культа монгольского императора представлена с обратным знаком. Инвертированный характер этой формулы препятствовал ее распознаванию. Большинству исследователей, видимо, было неясно с какой целью францисканцы вместо того, чтобы передавать «достоверные» сведения, излагают необычную историю.

Единственная трудность на пути доказательства литературного вымысла заключается в следующем: мог ли автор XIII века столь свободно обращаться с божественными символами. Иными словами, не является ли предложенная трактовка попыткой выявить смыслы, о которых и не подозревал средневековый автор? Известно, например, что доминиканская миссия 1246 г., согласно донесению Симона де Сент-Кантена, отвергла официальную формулу культа Чингис-хана, устроив с монголами религиозный диспут о «сыне Бога». Доминиканцы готовы были пожертвовать своими жизнями, наотрез отказавшись преклонить колени перед нойоном Байджу как представителем «живого Бога».⁵⁵⁰ В отчете брата Симона нет места ни иронии, ни игре

⁵⁴⁸ Schmieder, s. 138, komm. 98.

⁵⁴⁹ Рачневский в главе, посвященной смерти и погребению Чингис-хана, ограничился замечанием: «Legends soon grew up about the death of the World Conqueror. Plano Carpini reports that Genghis was struck by lightning», см.: *Ratchnevsky P. Genghis Khan. His Life and Legacy. Oxford, 1991, p. 141.* См. также: *Kämpfe H.-R. Iinggis-Khan // Weiers M. (Hrsg.). Die Mongolen. Beiträge zu ihrer Geschichte und Kultur. Darmstadt, 1986, ss. 190-191; Wright D. C. The Death of Chinggis Khan // Proceedings of the 39th P.I.A.C. Meeting. Szeged 1996, erscheint voraussichtlich 1997/98.*

⁵⁵⁰ Подробнее см. приложение к настоящей главе.

смыслами, вернее, представлена «серьезная игра». В отличие от них, брат Иоанн и брат Бенедикт проявили удивительную гибкость, исполняя требования монгольского придворного церемониала, и при этом ограничились следующими замечаниями об «идоле» Чингис-хана: «Ему также кланяются на юг, подобно тому как Богу, и заставляют кланяться некоторых <иноземных> знатных людей, покоряющихся им. <...> И, так как они не соблюдают никакого закона относительно почитания Бога, они до сих пор никого не принуждали, как мы узнали, отречься от своей веры или закона, <...>. Мы не знаем, что они будут делать впоследствии, однако некоторые предполагают, что если бы они обрели единовластие <над миром> (что Бог отвратит), то они сделали бы так, чтобы все кланялись этому идолу» (III. 3-5).⁵⁵¹

Марко Поло говорит о великом хане Хубилае как о Боге: «возьмет великий хан чарку в руки, все князья и все, кто там, становятся на колени и низко кланяются. <...> все преклоняются челом до земли, славословят и молятся великому хану, как богу» (Марко Поло, с. 111, 113).

Следует согласиться, что на фоне этих свидетельств автор «Романа о Чингисе» предстает необычной личностью. Итак, контуры проблемы намечены, и главный вопрос – о значении сюжета – адресуется автору Романа. Прежде, чем перейти к анализу этой темы, рассмотрим многочисленные свидетельства современников событий.

§ 2. Смерть Чингис-хана: легенды и реальность.

Согласно сведениям Рашид ад-Дина, Чингис-хан весной 1225 г., после завоевания государства хорезмшаха, вернулся в Монголию и расположился в своих ордах: «То лето он пробыл дома и соизволил издать мудрые повеления» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 230). Последняя фраза перекликается со сведениями брата Иоанна о создании Чингис-ханом многочисленных законов после завершения походов и возвращения в свою землю. В китайском источнике также отмечается многолетний поход на запад: «В год Ию <1225>, весной, Чингис возвратился в свое государство, через семь лет после похода в Западные страны».⁵⁵²

Согласно официальной легенде, которую передает Марко Поло, Чингис-хан, одержав победу над пресвитером Иоанном, отправился покорять свет и в конце концов был убит стрелой. Марко Поло сообщает: «Проществовал он, скажу вам, еще шесть лет от той битвы и много крепостей и стран покорил; а по исходе шести лет пошел на крепость Канги, и попала ему тут стрела в коленку; от той раны он и умер. Жалко это, был он человек удалой и умный» (Марко Поло, с. 87).

О возможной мифологической основе легенд о смерти Чингис-хана от стрелы см. ниже (§ 5). И хотя в легенде, известной Марко Поло, и в сведениях францисканцев говорится о насильственной смерти Чингис-хана, обращает внимание противоположный характер оценки деяний, завершающих жизненный путь основателя монгольской империи. В представлениях народов Центральной Азии смерть от удара грома расценивалась как небесное наказание, ибо превращала убитого в сакрально нечистое существо, тогда как гибель в битве от стрелы была достойной смертью воителя.⁵⁵³

⁵⁵¹ Подробнее на эту тему см.: Юрченко А. Г. Князь Михаил Черниговский и Бату-хан (К вопросу о времени создания агиографической легенды) // Опыты по источниковедению. Древнерусская книжность. Сб. ст. в честь В. К. Зиборова. СПб., 1997. С. 110-135.

⁵⁵² [Палладий]. Старинное китайское сказание о Чингисхане, с. 195.

⁵⁵³ Ср. Рашид ад-Дин вкладывает в уста Чингис-хана слова, прозвучавшие на последней встрече отца с сыновьями в 1226 г.: «„Я не хочу, чтобы моя кончина случилась дома, и я ухожу за именем и славой. Отныне вы не должны переименовывать моего веления <йасак>. <...>. <Теперь> вам следует идти!“». Так он закончил эту речь на этом тайном совещании, затем, попрощавшись с ними

Согласно официальной легенде, четвертый великий хан – Мунке, также погиб от стрелы, хотя на самом деле он был поражен камнем (см. ниже, § 6).

Чингис-хан умер естественной смертью во время похода на царство Тангут в 1227 г. Тело его в строжайшей тайне было перевезено в Монголию и похоронено на горе Бурхан-халдун. Однако слухи о насильственной смерти Чингис-хана, видимо, имели широкое хождение в областях, граничащих с монгольской империей. Согласно древнерусскими известиями Галицко-Волынской летописи: после битвы на Калке, «ожидаая покаяния христиан, бог повернул татар назад на восточную землю, и они завоевали землю Тангутскую и иные страны. Тогда же их Чингис-хан был убит тангутами. Татары же обманули тангутов и впоследствии погубили обманом. И другие страны они погубили – ратью, а больше всего обманом» (ПлДР. XIII в. С. 261).⁵⁵⁴

Отметим, что хотя сведения об убиении Чингис-хана тангутами неверны с исторической точки зрения, в целом, в них не содержится легендарного подтекста. Сопоставление древнерусского известия с персидским (сведения Рашид ад-Дина см. ниже) показывает, что эти сведения исходили не из монгольского круга. Об этих же событиях в «Сокровенном сказании» – источнике, отражающем взгляды монгольской элиты, сообщается следующее: «Дважды ополчаясь на тангутский народ за нарушение данного слова, Чингис-хан, после окончательного разгрома тангутов, возвратился и восшел на небеса в год Свиньи <1227>» («Сокровенное сказание», § 268).

Согласно Рашид ад-Дину, Чингис-хан «умер в пределах страны Тангут от приключившейся с ним болезни. Еще прежде, во время завещания сыновьям и отправки их назад, он заповедал <им>, что когда с ним случится это событие <т. е. смерть>, они скрыли бы его, не рыдали и не плакали, дабы его кончина не обнаружилась, и чтобы эмиры и войска там выжидали, пока государь и жители Тангута не выйдут из стен города в назначенный срок, <тогда> всех перебили бы и не допустили, чтобы слух о его смерти быстро дошел до областей, пока улус не соберется вместе. Согласно сему завещанию его смерть скрыли» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 258).

Вызывает удивление осведомленность древнерусского источника об «обмане» монголами тангутов, а также близость русского и персидского известий. Ни брат Иоанн, ни Марко Поло не обладали сведениями подобного рода.

Итак, Рашид ад-Дин излагает версию событий близкую к реальности, Марко Поло известна официальная легенда о гибели Чингис-хана от стрелы, версия же, передаваемая францисканцами, является ее антитезой. Перед нами три варианта, отражающих одно и то же событие в исторической и мифологической плоскости, причем последний, является своеобразным вызовом имперскому культу Чингис-хана. Это означает также, что далее можно исключить из рассмотрения исторические свидетельства о смерти Чингис-хана (обстоятельный обзор источников по этой теме осуществлен Пелльо⁵⁵⁵).

обоими, отправил их назад, послав в государство и улус начальствовать, сам же с войском направился в <страну> Нангяс» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 232). О последних походах Чингис-хана и его смерти согласно центральноазиатским преданиям см.: Haenisch E. Die Letzten Feldzüge Cinggis Han's und sein Tod nach der ostasiatischen Überlieferung // AM 9, ss. 503-552.

⁵⁵⁴ Текст: «Ожидаая Богъ покаяния крстьяньскаго и обрати и воспать на землю восточную и воеваша землю Таногоустьскоу и на ины страны. тогда же и Чаногизъ кано ихъ Таногоуты оубьенъ быс. их же прельстивше и последи же льстию погоубиша. иные же страны ратми. наипаче лесьтю погоубиша» (ПСРЛ. Т. II. М., 1962. Стб. 745).

⁵⁵⁵ Pelliot, Notes on Marco Polo. I, pp. 328-329.

Касаясь сведений Марко Поло о смерти Чингис-хана, Пелльо пишет, что Ховарт⁵⁵⁶ ошибочно приписывает Абу-л Фараджу бар-Эбрею тот же самый сюжет о смерти от стрелы. Тогда как, по утверждению Пелльо, в обеих своих хрониках Абу-л Фарадж пишет, что Чингис умер от малярии. Юл поддерживает версию Поло о смерти от стрелы при осаде Та-t'ung в 1212 г.⁵⁵⁷ Согласно Пелльо, первичным источником этих сведений является «Юань ши» (1, 7 а): в 1212 г. Чингис-хан «атаковал западную столицу»; «император был ранен случайной стрелой, после чего и была снята осада». Но, замечает Пелльо, Чингис-хан пережил осаду на целых 15 лет, и если за утверждением Марко Поло стоит именно эта рана, то венецианец был введен в заблуждение относительно ее последствий. Высказывание Иоанна де Плано Карпини о том, что Чингис-хан был убит молнией, Пелльо считает эхом суеверного ужаса, который внушал гром монголам. Наиболее правдоподобную причину смерти Чингис-хана, по мнению Пелльо, излагает «Сокровенное сказание» – неудачное падение с коня во время охоты.⁵⁵⁸

Даффина высказывает справедливое сомнение по поводу мнения Пелльо о том, что известие францисканцев о насильственной смерти Чингис-хана может восходить к монгольскому источнику.⁵⁵⁹ Для обоснования своих доводов Даффина ссылается на сведения брата Иоанна, где описываются представления монголов о смерти от удара молнии. Если случалось такое несчастье, то люди и вещи должны были проходить сложный обряд очищения (III. 15). Несомненно, подобная смерть воспринималась как страшное событие. Поэтому Даффина полагает, что на легенду о необычной смерти Чингис-хана повлияли идеи, заимствованные из других культурных традиций, в которых смерть от молнии рассматривалась как сверхъестественное событие, знак – благоприятный или неблагоприятный – божественной воли. Даффина приводит несколько примеров из древнеримской истории: как знак небесного расположения рассматривалась смерть от молнии римских императоров Туллия Остилия (Ливий. I. 31, 8) и Нума Помпилия (Плутарх. Сравнительные жизнеописания. Нума. 7), и даже самого Ромула, который исчезает во время бури посреди раскатов грома (Ливий. I. 16, 1-2). Также, добавляет Даффина, у аланов на Кавказе смерть от молнии считалась героической смертью, знаком особого расположения небес. Исследователь ссылается на известный факт, что с 1238 г. аланы составляли часть монгольской императорской гвардии. Однако, вопреки мнению Даффина, ни один из приведенных им примеров не имеет отношения к сюжету об удивительной смерти Чингиса. В первую очередь, следует обратиться к собственно монгольской традиции.

§ 3. Гром в представлениях средневековых монголов.

Какое место занимало явление небесного грома в мифологических представлениях средневековых монголов? Свидетельства, приведенные ниже, показывают, что отношение к грому не было безразличным ни у простых кочевников, ни у монгольской элиты. Неизвестно ни одного случая, когда гром и удар молнии вызывали бы в их среде положительные ассоциации. К этим свидетельствам следует обратиться, в первую очередь, для того, чтобы на их фоне увидеть всю необычность замысла анализируемого сюжета и уже далее попытаться определить источник и направленность этих сведений.

⁵⁵⁶ Howorth H. H. History of the mongols from the 9th to the 19th century. London – New York, 1876 – 1928. I, p. 103.

⁵⁵⁷ Yule. I, p. 245.

⁵⁵⁸ Cp.: S. Kaźuzyński. Dawni Mongołowie. Warszawa, 1983, s. 35.

⁵⁵⁹ Daffinà, p. 443-444.

Существует сводная работа французского этнографа Ж.-П. Ру, посвященная представлениям о смерти у алтайских народов в древности и средние века.⁵⁶⁰ Но, во-первых, в ней нет анализа интересующего нас материала; во-вторых, пропущены сведения францисканцев; и, в-третьих, ее можно существенно дополнить. Начнем с известных фактов.

Китайский чиновник Чжао Хун, совершивший поездку к монголам в 1221 году, отметил их отношение к грому.

«В их обычае больше всего чтить Небо и Землю. По каждому делу <они> непременно упоминают Небо. Когда <они> слышат гром, то пугаются и не смеют отправляться в поход. „Небо зовет“ – говорят они» («Мэн-да бэй-лу», с. 79).

Елюй Чу-цай, начинавший карьеру советника астрологом при особе Чингис-хана, должен был разъяснить скрытый смысл громового явления, имевшего место в неурочный срок: «Когда зимой в году гэн-чэнь <6 февраля 1220 г. – 24 января 1221 г.> раздался раскат грома и его величество <Чингис-хан> спросил об этом <явлении>, его превосходительство <Елюй Чу-цай> сказал ему: „Со-ли-тань <султан> умрет в дикой местности!“. Впоследствии действительно случилось так. Со-ли-тань – это звание мусульманского правителя» (Сун Цзы-чжэнь, с. 70).

Интересно, что и само событие, и его трактовка нашли отражение на посмертной стеле Елюй Чу-цай. Раскаты грома воспринимались как грозное и тревожное предзнаменование, обращавшее на себя внимание самого императора. Впрочем, тревогу вызвал и неожиданно выпавший снег в середине лета, в день, когда монголы выступили в поход против хорезмшаха.⁵⁶¹ Видимо, и то, и другое явление воспринимались как небесные знаки.

Согласно Рашид ад-Дину, монголы ужасно боялись грома, считая его проявлением гнева Неба. Урянкаты же, в отличие от других монгольских племен, не проявляли страха при ударах грома и даже пытались криком прекратить грозу. Однако отношение урянкатов к убитому молнией животному было таким же, как и прочих монголов.⁵⁶²

«Когда падает много молний, они поносят и небо и тучи и молнии и кричат на них. Если молния упадет на животное и оно подохнет, они не едят его мяса, а сторонятся и убегают от него. Они твердо уверены в том, что, если они так поступают, то гроза прекратится. Другие монголы поступают напротив: во время грозы они не выходят из кибиток и в страхе сидят <дома>» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 1, с. 156).

У средневековых монголов существовало также поверье, что случайное пролитие на землю кумыса или молока влекло за собой несчастье: лошадей хозяина юрты, в которой это произошло, поражит молния.

⁵⁶⁰ Roux J.-P. La mort chez les peuples altaïques anciens et medievales. Paris, 1963.

⁵⁶¹ В биографии советника Чингис-хана Елюй Чу-цай описан случай: в конце июля 1219 г., «в день окропления знамени выпал мокрый снег <толщиной> в три чи. Император заподозрил в этом недобрый знак, а <Елюй> Чу-цай сказал <ему>: «Дыхание <божества зимы> Сюань-мина в разгар лета – это предзнаменование победы над врагом» (Сун Цзы-чжэнь, с. 186). См. также: «Хэй-да ши-люе», с. 137, 139.

⁵⁶² Ср. Согласно наблюдениям Санжеева (1927 г.), «убитых молнией лошадей дархаты забрасывают вдаль от жилищ на подставке, сделанной из кедра; мясо предварительно разрезают на мелкие кусочки и едят некоторые части», см.: Г. Д. Санжеев Дархаты. Этнографический отчет о поездке в Монголию в 1927 г. Л., 1930. С. 49. (Материалы комиссии по исследованию Монгольской и Тувинской народных республик и Бурят-Монгольской АССР. Вып. 10).

«Если прольется на землю вино или кумыс, молоко пресное и кислое, то молния преимущественно падает на четвероногих, в особенности на лошадей. Если же будет пролито вино, то <это> произведет еще большее действие, и молния наверняка попадет в скотину или в их дом. По этой причине <монголы> весьма остерегаются делать все это» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 1, с. 157).

Отметим (необъяснимую) связь между пролитием какого-либо напитка и грозовым явлением. Можно предположить, что преднамеренное пролитие вина или молока расценивалось монголами как вредоносная магия, направленная против животных и жилища. В таком случае следует обратить особое внимание на сведения брата Иоанна, касающиеся наказания за подобные проступки. Действия, которые по представлениям монголов могли повлечь за собой несчастье, брат Иоанн именует термином *peccata* 'грехи'.⁵⁶³ (В традиционной монгольской культуре не было понятия «грех» в христианском смысле этого слова). Перечень «грехов» наводит на мысль, что речь идет о магических запретах. Среди прочих упоминается и тот, о котором пишет Рашид ад-Дин. О магических запретах, принятых у монголов, брат Иоанн сообщает следующее:

«Хотя у них не было закона о вершении правосудия, а также наказания за грехи, тем не менее они руководствуются некими <устными> правилами, согласно которым некоторые поступки они определяют как грехи, и которые зафиксированы ими как традиции их предков.⁵⁶⁴ Один из <грехов> – втыкать нож в костер или даже каким бы то ни было образом дотрагиваться ножом до огня, или извлекать при помощи ножа куски мяса из котла, <а> также рубить топором дрова около костра; ведь они верят, будто таким образом будет обязательно похищена голова огня. Также <запрещено> садиться на плеть, которой погоняют коня (ведь они не пользуются шпорами); также <запрещено> касаться плетью стрел; также – убивать птенцов или брать <их в руки>; также – бить коня уздою; также – ломать кость при помощи другой кости; также – проливать молоко или какой-нибудь напиток или <бросать> пищу на землю; <также> – мочиться в жилище. Но если <кто-нибудь> совершает <один из этих грехов> по своей воле, то его убивают, а если иным образом, то надлежит, чтобы он дорого платил заклинателю, который его бы очистил и заставил пронести и жилище и все, что в нем есть, между двух костров. Но до тех пор, пока <оно> не будет таким образом очищено, никто не смеет входить <в него> или что-нибудь из него выносить» (III. 7).⁵⁶⁵

⁵⁶³ Ср. По представлениям нганасан навести беду на человека может любой другой человек. Нарушение запрета *нянкар* приносит много различных невзгод. Сейчас нганасаны переводят это слово русским «грех» (нельзя пользоваться одеждой умершего, нельзя оставаться жить на том месте, где умер человек, нельзя понапрасну произносить названия болезней и т. д. (Грачева Г. Н. Человек, смерть и земля мертвых у нганасан // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976. С. 56).

⁵⁶⁴ Средневековые авторы, как правило, довольно ясно различали обычное право и кодифицированное право. Ср. Составитель «Повести временных лет», пишет, со ссылкой на Хронику Георгия Амартола (IX в.): «Говорит Георгий в своем летописании: „Каждый народ имеет либо письменный закон, либо обычай, который люди, не знающие закона, соблюдают как предание отцов. Из них же первые – сирийцы, живущие на краю света. Имеют они законом себе обычаи своих отцов: не заниматься любодеем и прелюбодеем, не красть, не клеветать или убивать и, особенно, не делать зло. <...> Мы же, христиане всех стран, веруют во святую Троицу, <...> имеем единый закон» (Цит. по: ПЛДР. XI – начало XII в. Л., 1978. С. 33).

⁵⁶⁵ Ср. с параллельным пассажем из НТ: ...* (НТ. § 42). О запретах, связанных с входом в юрту и воспрещением держаться руками за порог, см.: Г. Д. Санжеев. Дархаты, с. 46; К теме магических запретов, см.: Л. П. Потапов. Охотничьи обряды и поверья у алтайских турков // Культура и письменность Востока. Баку, 1929. К. 5; В перечень «грехов», по брату Иоанну, входит и следующий: «Также, если кому-нибудь кладут кусочек <в рот> и он не может <его> проглотить,

Осквернение домашнего очага, равно как и пролитие какого-либо напитка в юрте, могло повлечь за собой смерть виновного. На первый взгляд, поражает несовместимость случайных, «бытовых» происшествий и наказания за них смертью. Однако с учетом аналогичных сведений Рашид ад-Дина, единственным приемлемым объяснением может служить тот факт, что подобные действия расценивались как вредоносная магия, способная вызвать гнев Неба, ударом молнии испепеляющего оскверненное место. В «Уложении Юаньской династии», законодательном памятнике XIV в., одна из трех ссылок на Ясу касается наказания за изведение людей при помощи колдовства, за что по Ясе полагалась смертная казнь.⁵⁶⁶ Из сравнения независимых источников следует, что существовали устойчивые представления, согласно которым нарушение сакральных предписаний неминуемо влекло расплату как со стороны людей, как и со стороны Неба. В картине мира средневековых монголов громовое явление играло не совсем ясную роль регулятора в «диалоге людей и богов». Следовательно, вымышленная смерть Чингиса от удара грома не случайный эпизод. Пока еще трудно судить об истинном значении этого пассажа. Перед нами неисследованная область представлений, пронизывавших все слои монгольского социума. Главные параметры этого феномена отражены в текстах других культурных традиций (персидской, китайской, европейской).

Следующие запреты монголов также трудно объяснимы. Интересно отметить, что они вызывали удивление у многих средневековых путешественников, на которых распространялось исполнение этих запретов. Сходные наблюдения и оценки принадлежат представителям разных культур. Приведенные ниже примеры рисуют картину необычного страха монголов перед грозовым явлением. По словам брата Иоанна, «свои одежды они также не моют и не дают мыть, а более всего с того времени, когда начинаются удары грома, до того, когда это время кончается» (IV. 8).

Согласно брату Вильгельму де Рубруку, монголы «одежды никогда не стирают, потому что говорят, что тогда гневается бог и что будет гром, если их повесить сушить. Они даже бичуют тех, кто стирает и у них <одежду> отнимают. Они боятся грома сверх меры, тогда прогоняют всех чужих и закутываются в черные войлоки, в которых прячутся, пока не пройдет гроза» (Вильгельм де Рубрук. VII. 1).

Ср. со сведениями Рашид ад-Дина об обычаях монголов из местности Баргу:⁵⁶⁷

«Если кто-нибудь снимет с ноги войлочный чулок и захочет высушить <его> на солнце, то случится та же самая беда <т. е. это вызовет грозу – А. Ю.>. Поэтому, когда они сушат <свои> войлочные чулки, то закрывают верхушку шатра <харчах> и сушат их

так что выплевывает его изо рта, то делается яма под <стеной> жилища, и его извлекают через эту яму и убивают без всякого сострадания» (V. 7). С нарушившим запрет поступают как с мертвым. Извлеченный таким образом из жилища человек символически противопоставляется как умерший живым, что указывает на сакральный характер «греха». Ср. с обратными примерами, где действия имеют цель обмануть смерть. В Средней Азии слабого и больного ребенка возвращали матери «сквозь отверстие в центре крыши для прохода дыма и света» (Андреев М. С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). Сталинобад, 1953. С. 56. (Труды АН ТаджССР. Ин-т истории, археологии и этнографии. Т. 7. Вып. 1); Якуты «украденного ребенка» всаживали в шкуру лисицы или зайца и вытаскивали с помощью волосной веревки через трубу (Горохов Н. Следы шаманизма у якутов // ИВСОРГО. 1987. Т. 13. № 3. С. 38).

⁵⁶⁶ Попов П. С. Яса Чингис-хана и Уложение монгольской династии Юань-чао-дянь-чжан // ЗВОРАО. 1907. Т. XVII. Вып. 4. С. 0152; Сведения Макризи о наказании за волшебство см.: Гурленд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия // ИОАИЭ. Казань, 1904. Вып. XX. № 4 – 5.

⁵⁶⁷ О местности Баргу см.: Бертагаев Т. А. Об этимологии слов Баргуджин, Баргут и Тукум // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова. М., 1958; Ксенофонтов Г. В. Ураангхай-сахалар. Очерки по древней истории якутов. Республика Саха (Якутия), 1992. Т. I. Кн. 2. С. 131-135.

в шатре. У них эти приметы проверены и <они> исключительно свойственны этой стране. Так как в этих пределах случаются частые грозы, которые для жителей являются огромным бедствием,⁵⁶⁸ то последние это происшествие ставят в связь с каким-нибудь дурным явлением» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 1. С. 156 -157).

Даосский монах Чань-Чунь в беседе с Чингис-ханом говорил ему, что слышал, будто подданные его летом не моются в реках, не моют платья, боясь вызвать грозу. Любопытно, что и в этой ситуации Чингис-хан задает мудрецу вопрос о громах.

«Хан спросил учителя о громах. Он отвечал: „Горный дикарь слышал, что подданные твои, летом, не моются в реках, не моют платья, не делают войлоков и запрещают собирать на полях грибы; – все для того, что боятся небесного гнева; но это не составляет уважения к небу“» («Си ю цзи», с. 333).

Приведенные сведения показывают, что монгольские запреты, равно как и страх кочевников перед грозой, были хорошо известны представителям других культур. Эти же свидетельства позволяют поставить вопрос: если удар грома следовал как наказание за нарушение тех или иных запретов, то какая вина, по замыслу автора Романа, лежала на легендарном Чингисе, если его постигла такая участь. Вместе с тем, уже не вызывает сомнений направленность мифологемы о смерти Чингиса от удара грома.

Продолжим примеры. Об Абд-ар-Рахмане, мусульманском купце, впоследствии могущественном откупщике налогов в Северном Китае, сообщается следующий анекдот: «Сперва Ао-ду-ла-хэ-мань <Абд-ар-Рахман> был бедным человеком. По законам страны за купание весной и летом <виновные> наказывались смертью. Император <Угедей-хан> и старший брат императора Ча-хэ-тай <Чагатай> выехали на охоту и увидели Ао-ду-ла-хэ-маня купающимся. Ча-хэ-тай хотел казнить его. <Но> император сказал: „Он потерял золото, ныряет в воду и ищет его, а не купается!“. Тогда он освободил его от смерти и приказал служить при нем».⁵⁶⁹ Ср. со сведениями Рашид ад-Дина: «Обычай и порядок у монголов таковы, что весной и летом никто не сидит днем в воде, не моет рук в реке, не черпает воду золотой и серебряной посудой и не расстилает в степи вымытой одежды, так как, по их мнению, именно это бывает причиной сильного грома и молнии, а они <этого> очень боятся и обращаются в бегство. Однажды каан шел вместе с Чагатаем с охоты. Они увидели какого-то мусульманина, который совершал омовение в воде. Чагатай, который в делах обычая придерживался <даже> мелочей, хотел убить этого мусульманина <...>».⁵⁷⁰

Далее, Рашид ад-Дин рассказывает, как Угедей спас этого мусульманина от казни. Очевидно, и в этом случае, омовение в воде расценивалось как действие, способное вызвать грозу. Молния же могла испепелить императорскую орду. Наказание за нарушение общеизвестного запрета смертью вполне сопоставимо с аналогичным наказанием за «грехи», перечисляемые братом Иоанном. И в том, и в другом случае, речь идет о предписаниях Великой Ясы и касается наказания за вредоносную магию. Обратим внимание, что запрет входить в воду ограничен временем года (весна и лето) и временем суток (день). Скорее всего, этот обычай имел древнее происхождение; дать какое-либо объяснение этому обычаю я затрудняюсь. В этой связи лишь напомним о

⁵⁶⁸ Ср. со сведениями брата Иоанна о климате Монголии: «Климат в ней удивительно переменчив. Ведь в середине лета, когда в других странах обыкновенно в изобилии наибольшая жара, там бывают большие громы и молнии, от которых гибнет много людей; также величайшие снегопады бывают там в это время. Также там бывают столь величайшие бури с холоднейшими ветрами, что люди иногда <лишь> с трудом могут держаться на коне» (I. 5).

⁵⁶⁹ «Синь Юань ши», цит. по: Н. Ц. Мункуев. Китайский источник о первых монгольских ханах..., с. 122.

⁵⁷⁰ Рашид ад-Дин. Т. II. С. 49.

запрете, который согласно ибн-Фадлану, должны были соблюдать мусульманские купцы в земле тюрков.

«Никто из купцов или кто-либо другой не может совершать омовения после нечистоты в их присутствии, кроме как ночью, когда они его не видят. И это потому, что они гневаются и говорят: „Этот хочет нас околдовать, так как он устал в воду“, – и штрафуют его деньгами» (Ибн-Фадлан, с. 126).

Египетским послам, прибывшим к хану Берке на Волгу в 1263 г., среди прочих запретов было внушено не стирать своей одежды в орде (Тизенгаузен. Т. I. С. 64). Макризи сообщает об указах, предписывающих соблюдение известных правил для вхождения в воду и мытья одежды в воде, или, в некоторых случаях, запрещение этих действий.⁵⁷¹ Попытка Г. В. Вернадского объяснить мотивы этих указов страхом монголов перед природой и боязнью оскорбить некое Верховное существо, а также весьма практическими соображениями («желание избежать поражения людей молнией в случае, если они соприкоснутся с водой во время грозы»)⁵⁷² на самом деле ничего не проясняет. Объяснение, которое предлагал французский автор начала XVIII в. Пети де ла Круа в «Истории Чингис-хана» (1710 г.), выглядит весьма комично: «В древнем Монголистане и окрестных странах люди так боялись грома, что только заслышав его раскаты, бросались в отчаянии в реки и озера и многие тонули. Темучин, видя, что из-за этого страха гибнут многие из его лучших воинов, в которых он нуждался, строжайше запретил, под страхом наказания, всем входить в воду под каким бы то ни было предлогом и даже стирать одежду в текущей воде во время грозы».⁵⁷³

Среди ценных подарков, посланных византийским императором Михаилом Палеологом темнику Ногаю, находились головные уборы. По свидетельству Георгия Пахимера Ногай «спрашивал принесшего: полезна ли эта калиптра <головной убор> для головы, чтобы она не болела, или эти рассеянные по ней жемчужены и другие камни имеют ли силу защищать голову от молнии и ударов грома, так чтобы человек под такую калиптру был непоражим?» (Георгий Пахимер, с. 319).

Видимо, не случайно, монгольских правителей так сильно занимал вопрос о смерти от удара грома. Несомненно, что подобные представления уходят своими корнями в глубокую древность.

В «Вэй-шу» о племени *гаоцзюй*, относимом китайскими историками к этнической группе сюнну, т. е. к тюркоязычным народам, сообщается об отношении этих древних племен к грому: «Любят удары грома. При каждом ударе грома кричат и стреляют в небо, а затем покидают это место и переходят в другое. Осенью следующего года, когда лошади зажиреют, снова посещают место, где гремел гром, закапывают там в землю черного барана, разводят огонь, вынимают <из ножен> кинжалы, а шаманки произносят заклинания, подобно тому как молятся в Срединном государстве, чтобы отвратить несчастье. <В это же время> группы мужчин скачут вокруг на лошадях и, сделав сто кругов, останавливаются. Затем люди, держащие в руках пучки ивы или кустарника, ставят их <в землю> кругами и поливают кислым молоком».⁵⁷⁴

⁵⁷¹ Гурленд Я. И. Степное законодательство с древнейших времен до XVII столетия // ИОАИЭ. 1904. Вып. XX. № 4 – 5.

⁵⁷² Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана..., с. 23.

⁵⁷³ Цит. по: Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чингис-хана..., с. 24.

⁵⁷⁴ Материалы по истории древних кочевых народов группы *дунху* / Введение, пер. с кит. и коммент. В. С. Таскина. М., 1984. С. 402. Последний перевод значительно яснее, чем предыдущий, выполненный Бичуриным, ср.: Бичурин. Т. I. С. 216.

Существует ли связь между последним действием обряда и запретом на пролитие молока у монголов – сказать трудно. Место громового удара становилось сакрально нечистым. Обрядовые действия маркируют эту точку пространства. Место, где громовым ударом был убит человек, также объезжалось на лошадях по кругу множество раз. Защитная функция круговых движений имеет прозрачный смысл. Продолжим цитату из китайского источника: «Если умирают от удара грома или от моровой болезни, молятся о ниспослании им счастья. Когда у них все спокойно, совершают благодарственные моления, во время которых забивают много разного скота, сжигают его кости, пускают палы и скачут вокруг этого места на лошадях несколько сотен кругов. Все мужчины и женщины, не зависимо от возраста, собираются на эти сборища. Те, у кого все спокойно и хорошо, поют, танцуют и занимаются музыкой, а те, у кого кто-либо умер, горестно стонут и плачут».⁵⁷⁵

По сведениям Г. Н. Потанина, в Северо-Западной Монголии и в XIX в. сохранялся обряд, удивительным образом напоминающий описанный древний обычай: если человека убьет молния, его кладут в вырытую яму; затем девять тайджи (князей) на белых лошадях, в белой одежде ездят кругом и кричат. В предупреждение несчастья от грома брызжут над белым войлоком молоком посредством *цасыма* – деревянной лопаточки, на которой сделано девять углублений.⁵⁷⁶ Русский путешественник по Центральной Азии М. В. Певцов писал в 1876 году: «Оседлые туземцы Кашгарии очень боятся гроз, во время которых многие из них молятся об избавлении от угрожающей опасности».⁵⁷⁷

§ 4. Небесный огонь.

Представленная картина не будет полной без учета одного обстоятельства из сведений францисканской миссии, на которое обычно не обращали внимания. Речь пойдет о коронации третьего великого хана – Гуюка, отложенной вследствие чрезвычайных обстоятельств, вызванных обильно выпавшим градом. Известно, что интронизация Гуюка была назначена на 15 августа 1246 г., но по причине стихийного бедствия перенесена на 24 августа. День 15 августа или, по китайскому календарю, первый день седьмой луны,⁵⁷⁸ открывал новое полугодие и с этого момента начинала прибывать молодая луна. Выбор счастливого дня для такого события был предметом особой заботы придворных астрологов.⁵⁷⁹ Для нашего же исследования важен другой

⁵⁷⁵ Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху, с. 402.

⁵⁷⁶ Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические. СПб., 1883. Вып. 4. С. 141; Он же, Круговращение ночного неба и грозное явление в монгольских преданиях, иконописи и пластике // Записки Семипалатинского подотделения ЗСОРГО. 1919. Вып. 13. С. 4.

⁵⁷⁷ Певцов М. В. Путешествие в Кашгарию и Кун-Лунь. М., 1949. С. 136.

⁵⁷⁸ Pelliot. Recherches, p. 58.

⁵⁷⁹ Согласно сведениям брата Иоанна о монголах: «Все новое, что они хотят делать, они начинают в начале лунного месяца или в полнолуние; поэтому они называют луну великим императором и преклоняют перед ней колени и молят ее <о помощи>» (III. 10). Ср., с наблюдениями китайского дипломата Пэн Да-я, путешествовавшего по Монголии в 1235 г.: «Когда они выбирают день для совершения <какого-нибудь> дела, то <прежде всего> смотрят, полна или ущербна луна, для того чтобы совершить или прекратить <данное дело> (они избегают <совершения дела> как до <достижения> молодым месяцем <первой четверти>, так и после <появления> полумесяца <в последней четверти>). Видя новую луну, <они> непременно кланяются» («Хэй-да ши-люе», с. 141). Ср. Когда учитель дао Чань-Чунь прибыл в военный лагерь Чингис-хана под Самаркандом, «император назначил для слушания наставлений Чан-чуня 14-е число 4-й луны, <затем, по причине военных действий>, отложил заседание до счастливого дня, 1-го числа 10-й луны» (Си ю цзи, с. 321). Первый срок приходился на полнолуние, второй – на новолуние.

аспект этого события. Какие слухи и толкования дошли до францисканцев, присутствовавших при сем. И брат Иоанн, и брат Ц. де Бридиа о граде, выпавшем в день коронации, сообщают в той части своих сочинений, где характеризуют климат Монголии. Сведения брата Иоанна иллюстрируют мысль об удивительно переменчивом климате этой земли, *внезапных грозах*, от которых гибнет много людей, и величайших снегопадах в летнюю пору, и в общем, создают впечатление, что перед нами объективное наблюдение: «в то <самое> время, когда император был избран и должен был быть посажен на царский престол, причем мы находились при <его> дворе, выпал такой град, что от <его> внезапного таяния, как мы узнали подробнее, потонуло более ста шестидесяти человек в самом дворе, а также унесло много имущества и жилищ» (I. 5).

В приписке к Люксембургской рукописи сочинения брата Иоанна де Плано Карпини сохранились сведения венгерских послов о дне коронации Гуюка, которые отчасти расходятся с данными брата Иоанна, но в целом передают ту же самую картину: «был назначен день избрания, все их принцы и магнаты собрались, чтобы избрать императора. А в результате они избрали императором сына покойного императора Оккодая, который именуется Куйук-кан; хотя они намеревались посадить его на престол 25 июля <VIII kl. augusti>, <в это время> выпал град с дождем в таком количестве, что от его внезапного таяния пали мертвыми десять тартар со множеством скота и по этой причине его интронизацию отложили до Успения блаженной Девы». ⁵⁸⁰

И только в НТ имеются сведения, указывающие на особую трактовку событий (в том числе и о «перемене климата»), причем эта трактовка имеет очень любопытный подтекст. ⁵⁸¹ В НТ сообщается: «Бывают там также молнии, громы и грозы, и <к тому же> вне сезона, ибо говорили они братьям, что несколько лет тому назад климат у них начал удивительным образом меняться. Поэтому часто кажется, что вблизи земли тучи словно сражаются с тучами, и рассказывали они дальше, что незадолго до приезда <наших> братьев к ним сошел огонь с небес и уничтожил лошадей многие тысячи и скота со всеми рабами, пасущими <его>, за исключением немногих. А когда братья присутствовали на <церемонии> избрания кана, то есть императора, выпал такой сильный град, что после его внезапного таяния утонуло более ста шестидесяти человек, и <поток> далеко унес вещи вместе с жилищами» (НТ. § 35).

Итак, согласно НТ, существует некий рассказчик, который поведал францисканцам о небесном огне (молнии), испепелившем табуны лошадей незадолго до интронизации Гуюка. Выше (§ 3) приведены сведения Рашид ад-Дина о том, как монголы боялись подобной напасти. Самое же интересное в этих сведениях – их связь с несчастием, случившемся в день восшествия Гуюка на престол. Скорее всего, сведения о «внезапной переменчивости климата», сражающихся тучах близ земли и небесном огне, не что иное как один из намеков на грядущую гибель империи и исходят от человека, передавшего францисканцам «Роман о Чингис-хане». «Предвещающие

⁵⁸⁰ SM, p. 117. Подробнее о приведенном документе с дальнейшей литературой см.: Pelliot. *Recherches*, p. 14 (дополнение Ж. Довилье).

⁵⁸¹ Ср., например, с эпизодом из «Истории династии Цзинь» (гл. 105). Однажды в правление императора Ши Лэ случилось стихийное бедствие – буря с дождем, градом и молниями. Град величиной с куриное яйцо погубил тысячи путников, зверей и птиц. «Ши Лэ в парадной одежде явился в Восточный зал, чтобы расспросить Сюй Гуаня об этом явлении: „Случались ли подобные стихийные бедствия на протяжении прошедших веков?“. Сюй Гуань ответил: „Они случались и при династиях Чжоу, Хань, Вэй и Цзинь, и хотя это обычное явление, ниспосылаемое Небом и Землей, однако <прежние> мудрые правители никогда в начале своего правления не производили изменений и этим предупреждали гнев Неба» (Цит. по: Материалы по истории кочевых народов в Китае, III – V вв. В четырех выпусках / Пер. с кит., введение и примеч. В. С. Таскина. М., 1971. Вып. 2. Цзе. С. 84).

несчастья облака» – устойчивое выражение в китайских анналах, посвященных сменам правящих династий.

Мы убедились, что явление небесного грома занимало в представлениях как средневековых монголов, так и других народов Центральной Азии исключительное место. Продолжим ряд примеров, обратившись к исследованию Ж.-П. Ру.⁵⁸² Следует отметить, что привлечение Ж.-П. Ру текстов и наблюдений, отделенных друг от друга веками, и относящихся к разным этническим общностям, нуждается в обосновании.

Согласно исследованию Ж.-П. Ру, у средневековых тюрок человек погибший от ярости неба превращался в злого духа. Махмуд Кашгарский считал, что именно Тенгри заставляет сверкать молнии. По мнению Махмуда Кашгарского гром и молнии принадлежат к сакральному миру и именно поэтому они вызывают огромный страх. Согласно сведениям Марко Поло, удар молнии в имущество какого-либо человека считался злосчастливым предзнаменованием и никто не решился бы тронуть вещь, в которую ударила молния. Марко Поло передает слова великого хана о том, что бог ударяет молнией лишь в тех, кого ненавидит. Джувейни пишет о том, что монголы обходят стороной все, во что ударила молния, и уточняет, что все эти предметы вызывают тревогу и сильный страх. Рашид ад-Дин сообщает, что в 707 году хиджры во время пира у султана Олджейту гром ударил в шатер и убил несколько человек. И султан Олджейту, восьмой хан иранских монголов (1304 – 1317), страшно испугался этого злосчастия. Ведь этот правитель носил при себе особый камень, предохраняющий от удара молнии. Брат Вильгельм де Рубрук сообщает, что он привез из Азии один из тех камней, что монголы носили для защиты от молнии и грома. Ж.-П. Ру считает, что в данном случае речь идет о камне «ядаташ», но, при этом оговаривается, что, обычно «ядаташ» вызывает дождь или бурю. Вместе с тем, он не исключает, что камень «ядаташ» обладал и функцией защищать от удара молнии. Вопреки мнению Ж.-П. Ру, эти свойства приписывались разным камням.⁵⁸³ Не остались без внимания и сведения Иоанна де Плано Карпини о том, что все люди и все вещи из жилища, в которое ударила молния и убила человека, должны быть очищены огнем. Однако, Ж.-П. Ру не обратил внимание, либо же, скорее всего, игнорировал эпизод о гибели Чингис-хана от удара грома. Скорее всего, эти сведения выглядели совершенно необъяснимыми на фоне тех фактов, что приводит Ж.-П. Ру.

В китайской хронике 1594 г. сообщается, что северные варвары считают смерть какого-либо животного, убитого молнией, очень злосчастной. В XVIII веке Паллас писал о калмыках, которые верили что, человек, убитый молнией, не умирает сразу; и считали, что гром хочет захватить его душу. Они выставляли тело убитого молнией на помост, чтобы отдать его небу и молнии. В течение нескольких поколений семья этого человека соблюдала особые предосторожности. Ж.-П. Ру добавляет также, что нельзя есть зверя, убитого молнией. Все изложенное, по мнению Ж.-П. Ру, свидетельствует, что в древности и до наших дней в Центральной Азии смерть от молнии считалась злосчастной до крайней степени.⁵⁸⁴ Вывод, к которому пришел Ж.-П. Ру, и наши материалы (§§ 3-4) придают особую загадочность и глубину эпизоду о смерти Чингиса от удара грома. Одновременно, следует признать, что изложенные сведения не приближают к ответу на вопрос о цели замысла автора Романа. Очевидно, что полученные

⁵⁸² Roux J.-P. La mort chez les peuples altaïques..., pp. 151-153.

⁵⁸³ Ср. Ал-Бируни в своем трактате «Минералогия» ясно различает «камень, притягивающий дождь» и «камень, отводящий грозу» (ал-Бируни, с. 205-207 и 474-475). Камню «ядаташ» приписывалась исключительная способность вызывать дождь, бурю со снегом, холод, но не защищать от грозы или града.

⁵⁸⁴ Roux J.-P. La mort chez les peuples altaïques..., pp. 151-153.

результаты следует соотнести с иной традицией, литературной, в которой разрабатывалась тема Неба – покровителя царей.

§ 5. Небо – покровитель царей.

Вернемся к исходному эпизоду. В версии брата Иоанна утверждается, что Чингис «был убит ударом грома» (V. 19). Согласно версии НТ, Чингис «был поражен ударом грома согласно Божественному приговору» (НТ. § 16). Уникальность этих сведений очевидна. В представлениях монголов смерть от удара грома была страшным событием. Напомним наблюдение брата Иоанна, сделанное им во время путешествия в Центральную Азию: «И, если кого-нибудь убивает громом, то всем тем людям, которые задерживаются в этих стойбищах, надлежит пройти через костры вышеуказанным образом; до жилища, ложа, повозок, войлоков и одежд и всего того, что у него было из такого рода вещей, никто не дотрагивается, но все отвергают <их> как нечистое» (III. 15).⁵⁸⁵

Подобная смерть переводила умершего в разряд сакрально нечистых существ.

«Если с неба падает огонь на скот или на людей, что как раз там часто случается, либо происходит с ними что-нибудь такого рода, из-за чего они считают себя нечистыми или несчастливыми, <им> следует очищаться подобным <же> образом при посредстве заклинателей. И почти всю свою надежду они возлагают на такого рода вещи», – пишет брат Иоанн (III. 10).

Гнев Неба, воплощавшийся в громовых ударах и молниях, был божественным наказанием. Ср. Ахмед ибн-Фадлан наблюдал у волжских булгаров обычаи, связанные с запретом касаться умершего и вещей, в которые ударила молния. Он писал: «Если молния ударит в дом, то они не приближаются к нему и оставляют его таким, каким он есть, и <также> все, что в нем <находится>, – человека и имущество и все прочее, – пока не уничтожит его время. И они говорят: „Это дом <тех>, на которых лежит гнев“» (Ибн-Фадлан, с. 137).

Что же в таком случае означала смерть Чингиса от удара грома? Уже к середине XIII века личность Чингис-хана была окружена тайной и мифическим ореолом. В связи с этим сюжетом Г. Н. Потаниным было высказано интересное предположение: «Чингис-хан по Санан-Сэцэну умер насильственной смертью, но какой, не сказано; Плано Карпини говорит, что он убит молнией, а Марко Поло, что он умер от стрелы, которая попала ему в колено. У Санан-Сэцэна, напротив, Хасар убивает, попав стрелой в колено, старуху, которая при осаде тибетского города наслала на войско Чингис-хана болезни. Не находятся ли эти рассказы о ране стрелой в колено в связи с мифической хромотой громовника? – Громовые стрелки киргизы употребляют для излечения болезни домашних животных, которая кончается хромотой задней ноги».⁵⁸⁶

Мне кажется, что в ряду примеров, названных Потаниным, собраны воедино разные вещи. Удар молнии и громовая стрела не одно и то же, типологически они

⁵⁸⁵ Ср. с параллельным пассажем в *НТ: «если кто-либо погибает, пораженный ударом грома, также все, что он имел отвергается людьми <как нечистое> до тех пор, пока названным способом, все это не будет очищено» (НТ. § 48).

⁵⁸⁶ Потанин Г. Н. Громовник по поверьям и сказаниям племен южной Сибири и Северной Монголии // ЖМНП. СПб., 1882. Ч. ССХІХ (январь-февраль). С. 158; Ср. Знаменитому среди дархатов шаману во время девятисуточного камлания с неба выпал бронзовый нож – сенжітā хул мр хутага, который является частью онгона (Санжеев. Г. Д. Дархаты, с. 48).

противостоят как злой и счастливый знаки.⁵⁸⁷ Остановимся на этом подробнее. Отношение тюрков и монголов к грому и молнии рассмотрено выше. Что же касается громовых стрел, то о распространенности и значимости представлений, связанных с ними, свидетельствует, например, тот факт, что эти предметы могли входить в систему инсигний власти (которая, как известно, от Бога). Так, в XII в. во время торжественных выездов фатимидских халифов

«выносили превосходный меч, – как говорят, <бывший> из упавшей громовой стрелы,⁵⁸⁸ – с золотой, выложенной драгоценными камнями ручкой, в ножнах, вышитых золотом; и была видна лишь верхушка его. И выносили его вместе с зонтиком для передачи несшему его. И несший его <был> почтенный эмир – и эта <обязанность> считалась у них важной, – и он был важнее всех несших <что-либо в процессии>».⁵⁸⁹

Ибн Сина передает историю о падении метеорита в области Джузджанан; когда метеорит был извлечен из земли, то некоторую его часть отослали султану Хорасана, который намеревался выковать из нее меч, но это оказалось невозможным.⁵⁹⁰ Громовая стрела была счастливым предзнаменованием. Ал-Бируни пишет о медных наконечниках стрел, которые находят в земле гузов и используют в качестве детских амулетов, а также медных дротиках и пиках, что находят в земле Табаристана. По свидетельству ал-Бируни,

«маги верят, что они приносят счастье, и считают оба эти вида наконечников ниспосланными с неба посредством молний» Иногда в качестве свидетельства приводят слова Аллаха всевышнего: „Послано на вас будет пламя без дыма и *нухас*“⁵⁹¹ и не найдете вы помощи“» (ал-Бируни, с. 229).

У Ибн Сины о подобных случаях говорится следующее: «Некоторые камни образуются от огня, когда он гаснет. Таковы многие из железных и каменных тел, которые рождаются от молний. И происходит это благодаря одной из причин, присущей огненной субстанции, которая потухая, становится сухой и холодной (то есть приобретает качества твердого тела). В стране тюрков во время гроз и молний падают медные тела в виде наконечников стрел с выступом, загнутым вверх. Подобные им падают и в стране Гиляна и Дейлема. И когда они падают, то они зарываются в землю. И субстанция их является медной, сухой».⁵⁹²

⁵⁸⁷ Ср., например, в якутской мифологии, бог грома Сюгэ Тойон («Господин Топор») преследует злых духов на земле и на небе, поражая их молниями. В то же время камень («топор грома»), найденный под деревом, пораженным молнией, был амулетом, приносящим счастье (Мифологический словарь. М., 1992. С. 521); Ср. также: Алексеенко Е. А. Представления кетов о мире // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX – начало XX в.). Л., 1976. С. 92; В качестве типологических параллелей см. многочисленные примеры о «перуновых стрелах» и громе: Иванов В. В., Топоров В. Н. Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 85-97.

⁵⁸⁸ Ср. с комментарием ал-Бируни к словам из Корана: «<...> и низвели железо» (Коран. 51, 22). Раскрывая смысл выражения «чистое железо» ал-Бируни пишет: «говорят об огне молнии – что он пронзает землю и проникает вглубь ее; и <когда> копают по следу ее, извлекают из земли кусок железа, из которого выделяются кала’ийские мечи» (ал-Бируни, с. 230, 233).

⁵⁸⁹ Иностранцев К. А. Торжественный выезд Фатимидских халифов // ЗВОРАО. СПб., 1906. XVII. С. 99.

⁵⁹⁰ Цит. по: А. М. Беленицкий. Геолого-минералогический трактат Ибн Сины // Известия отделения обществ. наук АН ТаджССР. 1953. Вып. IV. С. 48.

⁵⁹¹ *Нухаса* – сирийское *nihaša* ‘медь’ (прим. пер.).

⁵⁹² Цит. по: А. М. Беленицкий. Геолого-минералогический трактат, с. 48.

Не исключено, что в легенде, известной Марко Поло, Чингис-хан сражен именно медной небесной стрелой, которая превратилась в боевую стрелу. Несомненная важность наблюдений Потанина в том, что они вводят нас в круг мифологических представлений, где могла зародиться легенда, известная Марко Поло. В таком случае смерть Чингиса от удара грома является ее зеркальным отражением.

Трудно отрицать связь между сакральной хромотой божества и гибелью Чингис-хана от стрелы, попавшей ему в колено. Но дело в том, что Марко Поло передает официальную легенду, призванную возвеличить Чингис-хана в ранг божества. Тогда как сведения о смерти от удара грома, являются ее прямой противоположностью. В данном случае не исключается инверсия популярного мотива: превращение боевой стрелы в небесную стрелу (молнию). И все же, наш эпизод шире и строится на иных основаниях. В нем представлена поразительная коллизия: Сын Неба, убиваемый громом Неба. Иными словами, в сведениях, передаваемых францисканцами, завершение жизненного пути Чингиса рисуется как десакрализация божества. Более того, согласно монгольским представлениям, если кто-либо погибает, пораженный ударом грома, то все, что он имел, отвергается людьми как нечистое до тех пор, пока не будет очищено с помощью огней. Чингису принадлежит легендарная империя. Хотел ли автор Романа тем самым представить легендарную империю Чингиса как некий социум, лишенный священного статуса? Думаю, что да.

Такое развитие темы является антитезой большинству официальных формул, в которых судьба Чингис-хана предстает исполнением повелений Неба.⁵⁹³ Самые яркие образцы этих формул гласили: «Указ пожалованного Небом императора Чингиса», «Силой Вечного Неба <...>» (более подробно об этом см. в приложении к настоящей главе). В монгольском эпическом сказании описывается беседа Чингис-хана со своими братьями и полководцами о том, что есть счастье. В заключение Чингис-хан говорит: «покровительство владыки земли, вечного неба – вот в чем состоит счастье, с которым ничто не может сравниться».⁵⁹⁴ Это утверждение тем знаменательно, что вложено в уста Чингис-хана, который как главное лицо беседы, должен был разрешить вопрос самым лучшим образом. Священное Небо монголов однозначно воспринималось и персидскими историографами: «Благоприятное влияние небес заключило с ним вечный союз и бесконечно нерушимый договор» – писал о Чингис-хане Рашид ад-Дин (Т. I. Кн. 1. С. 65).

Согласно же загадочным сведениям францисканцев, Небо ударом грома убивает Чингиса в тот момент, когда он доводит до конца свои распоряжения и устанавливает законы. Из сравнения официальных формул с темой небесного гнева невольно возникает вопрос: возможна ли была для автора XIII века столь сложная игра смыслами?

Истинное содержание этого сюжета не может быть раскрыто на материале историко-этнографического характера (§§ 3-4). Все приведенные выше сведения и наблюдения лишь позволяют поставить вопрос о необычности версии гибели

⁵⁹³ Ср., Джувейни использует один из комментариев к Корану для объяснения мощи Чингиса, чья непобедимость была предсказана в божественном предании: «Хадис, переданный из божественных преданий, гласит: *те, что суть мои всадники, ими отомщу я мятежникам против меня*, и нет сомнения в том, что указание дано на собрание всадников Чингис-хана. – Пока мир еще вздымался волнами от разных тварей, и пока окрестные цари и знать, от высокомерной гордости и от самонадеянности величия и надменности были в зените речения: *величие – одеяние мое, великолепие – одежда моя*, народ Чингисов, силою ранее данного пророчества, дал им испытать силу натиска и победу могущества, ибо *истинно мощь Господа твоего крепка*» (Цит. по: Г. В. Вернадский. О составе Великой Ясы Чингис-хана, с. 41).

⁵⁹⁴ Козин С. А. Фрагмент из цикла эпических сказаний о Чингисе // Уч. зап. ЛГУ. № 20. Серия филологических наук. Л., 1939. Вып. 1. С. 155-173.

монгольского императора от удара грома. Сюжет находит свое объяснение только в рамках «Романа о Чингисе», созданном на основе инверсий различных легендарных мотивов и символов империи. Смерть Чингиса от удара грома соответствует замыслу Романа – произведения, в котором профанируется божественная личность основателя Монгольской империи. Поскольку часть сюжетов Романа заимствована из восточных Александрий, это дает нам некоторые основания предположить, что и тема смерти Чингиса является инверсией смерти Искандера (с внесением в сюжет очень важной детали – *грома*⁵⁹⁵). В этой связи вспоминаются слова ал-Бируни: «Людам обычно свойственно ожидать помощи в виде дождя, а также наказания и запрета от неба, как об этом возвестил им <Аллах> – слава ему, всевышнему, в словах: „И в небе ваш надел и то, что вам обещано“ <Коран. 51, 22>» (ал-Бируни, с. 230).

В описании смерти Искандера у Низами настойчиво звучит тема неба. Весть о смерти доходит до слуха Искандера как голос с неба, предупреждающий, что настал последний час, ибо не осталось земных пределов, которых бы не увидел Искандер. То же самое можно сказать и о легендарных походах Чингис-хана. Мне кажется, что этот эпизод из Низами можно рассматривать как ключ к нашему сюжету. Если Искандер, исполняя свою миссию, обошел землю до последнего предела, то Чингис-хан попытался перейти эти пределы. Небо, как судья, выносит каждому из них свой приговор.

Небо, которое ранее покровительствовало Искандеру,⁵⁹⁶ ныне смотрит со злобой; возникает интересный образ: «высокое небо ловит в аркан мой венец» – говорит Искандер, и, наконец, появляется образ карающего неба. Однако смерть не наступает мгновенно: Искандер получает время для возвращения домой, прощается с друзьями, своим учителем Аристотелем, отправляет прощальное послание матери;⁵⁹⁷ ср., неожиданная смерть Чингиса наступает в тот момент, когда он доводит до конца свои распоряжения и установления. Низами пишет об судьбе Искандера:

«Когда мера жизни его к концу подошла,
 Стал путь для него тоже тесным,
 Кто бы то ни был, при посещении мира
 Он видел <у него> двери двойные, крушащие, как палица,
 У этого шестистороннего кипариса с семью ветвями,

⁵⁹⁵ О представлениях персов о молнии можно судить по касиде Хакима 'Унсури: «Вражда к царю Востока и предательство по отношению к нему похожи на удар молнии и землетрясение. Если кто пойдет навстречу молнии и землетрясению, то сгорит он, а дома его будут разрушены» (Цит. по: Е. Э. Бертельс. Избранные труды. История литературы и культуры Ирана. М., 1988. С. 51).

⁵⁹⁶ Ср. со словами суфия Сайф ад-Дина Бахарзи (XIII в.): «Рассказывают про Александра Македонского, которому мир покорился и гулямом которого был небесный свод, могущество которого на земле с помощью обширной небесной власти „Мы укрепили его на земле“ <Коран. 18. 83><...>» (Цит. по: В. А. Дроздов. Сайф ад-Дин Бахарзи. «Рисале дар 'ишк» / Введение, пер. с пер. и коммент. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 4. С. 125).

⁵⁹⁷ Ср.: согласно «Шахнаме», Искандер воспринимает знамение о своей смерти как неизбежный рок:

«От смерти, – сказал он, – спасения нет,
 И даже о том помышления нет.
 Никто еще роком отпущенный срок
 Продлить не сумел и убавить не смог»
 (Шах-наме. Т. 5. С. 83).

Иными словами, смерть Искандера, хоть и трагическое событие, но естественное, тогда как смерть Чингиса есть результат нарушения естественного хода событий.

Вершина тесна, а бока широки.⁵⁹⁸

*Так до слуха его дошел голос с неба:*⁵⁹⁹

„Ты впредь не старайся в увеличении <своего царства и богатства>

Ты землю обошел до последнего предела,

Вернись обратно на первый привал.

<Об> Искандере, как в писании пишет писец,

Есть пять речений, слово это запомни.

Довольно уже. По горам и глубоким морям

Ты пять раз пробил в барабан <согласно> пяти тем реченьям.

Руки прими от дела мирского,

К дому в пять месяцев путь соверши,

Быть может, из этой страны унесешь душу в Грецию“».

(Низами, с. 512-513).

Искандер обращается к друзьям с последним словом:

«Прежде небо надо мною вращалось спокойно,

На горах и в степях меня содержало в покое,

<А> ныне со злобой взирает оно на меня

Исчезла у солнца и месяца ласка,

Так на меня возмутилась судьба,

Что не найду я пути к устроению дела.

Как мне делу помочь, когда высокое небо

Ловит в аркан мой венец»

(Низами, с. 516-517).

⁵⁹⁸ *Kınarıs* – мир; *шестьисторонний*, т. е. имеющий шесть измерений по сторонам света, а также, вверх и вниз; *семь ветвей* – семь небесных сфер; *тесная вершина* – вездесущий бог; *широкие бока* – пространство вещественного мира (прим. пер.).

⁵⁹⁹ Ср. со смертью легендарного царя Южной Аравии Шаддада сына ‘Ада от небесного гласа; в рассказе представлена широко известная легенда «о многоколонном городе-дворце Ираме» (имитация рая), отражающая южноарабскую фольклорную традицию. Царь строит грандиозный город в течении пятисот лет, но по завершении строительства умирает, услышав клич с небес: «Ирам Зат ал-ймад <расположен> между Сан‘а’ и Хадрамаутом; из строений Шаддада сына ‘Ада, сделавшего его из золота, серебра и драгоценных камней наподобие рая. Протяженность <этого> города – двенадцать фарсахов, ширина – такая же. Он обнес его высокой стеной и построил в нем триста тысяч замков, украсив их внутренние и внешние стены различными драгоценными камнями: жемчугом, яхонтом и изумрудом. Он подвел к <городу> реку: <на протяжении> сорока фарсахов он вел ее под землей, и вышла она в городе. Затем в некоем месте на берегу <этой> реки он построил для себя неприступный замок, возвышавшийся над всеми замками. Высоту домов и стен он довел до трехсот локтей. Он строил <город> в течение пятисот лет. Когда он завершил строительство, то решил выйти к нему со своими войсками. Но только он приблизился к городу – с небес грянул клич: он и его сподвижники умерли, и не осталось в <городе> ни одного человека. <...>. К <городу> решительно нет никакого доступа» (ал-Бакуви, с. 14). Ср. с вариантом: «С неба раздался рев Мункира, и сразу от ужаса и страха он и все его войско погибли. Ни он не вошел туда, ни его войско, ни кто-либо после них» («Чудеса мира», с. 91).

Далее, Искандер перечисляет свои великие подвиги, и завершает речь такими словами:

«Я отворил врата тайн мира
И о месяце подал знак и о солнце.
Для видевших свет я стал знающим истину,
Хвалу я вознес создателю мира.
Я жизнь не прожил в неведении
А только в доблести и в разумении.
Я прочел книги о всяких науках,
<А> когда смерть подошла, то сам оказался бессильным.

<...>

Раз стало небо ко мне столь карающим,
То не нужно совсем подавать голоса,
Ведь получил я начало от праха,
И мне опять нужно этот же прах обрести.
Прежде, чем я упаду в ту пучину,
В воду я брошу свой щит <т. е., скроюсь, как диск солнца, за морем>
(Низами, с. 518-519).

Поэма Низами показывает на каком культурном фоне мог развиваться сюжет о насильственной смерти правителя за попытку нарушить божественные преграды. В поэме описан спор Искандера с индийским мудрецом. Мудрец задает вопрос:

«„Сколько бы ни было земли и небес,
Все же, несомненно, есть им предел.
Поведай, по ту сторону сего чертога
Есть ли путь к чему другому или нет?
Если есть, почему никто не знает о том,
Если же нет, то нет и пути к небытию“.
Сказал миродержец: «По старому расчету
Осторожнее чекань <монету> слова.
Не уносишь за пределы земли и небес,
Ибо ты не вернешься к своей точке исходной.
Судьба потому начертала вокруг тебя семь кругов⁶⁰⁰
Что негоже стремиться за пределы кругов,
Негоже преступать через этот круг смерти,
Ибо небо <на страже> стоит с мечом и чашей.

⁶⁰⁰ *Семь кругов* – мандал – магический круг, который заклинающий очерчивает вокруг себя (прим. пер.).

Этот высокий чертог есть ограда,
В которой <витают> пленные мысли»
(Низами, с. 431-432)

В ответе Искандера звучит предостережение не преступать пределов земли и небес. Кстати, в поэме Низами нет эпизодов с полетом Искандера на орлах и погружением в сосуде в пучину моря. Знаменательно звучит фраза, вложенная в уста Искандера, о небе, стоящем на страже с мечом и чашей. Согласно персидскому сочинению «Чудеса мира» (XIII в.), умирающий Дарий дает совет Искандеру: «Не мни себя великим и не приписывай своим <заслугам> все, что ты сделаешь, а считай это <волей> господней» («Чудеса мира», с. 92).

Не сомневаясь в том, что автор романа строит сюжет о гибели Чингис-хана, отталкиваясь от официальных формул (о сыне Неба), я рискну предположить, что за этим скрывается идея наказания Небом правителя, стремящегося в своей гордыне превозмочь божественные преграды. Ближайшей аналогией является образ легендарного царя Кей-Кавуса в «Шахнаме». Привязав к престолу четырех орлов, Кей-Кавус хотел долететь до небес. Удар молнии низвергает орлов и царя на землю. Мудрый Гудерз осуждает царя:

«Мечу твоему не подвластен лишь бог,
Его одного покорить ты не смог.
Всю землю войной обошла твоя рать –
Теперь до небес ты задумал достать!
Владыкою став над одною страной,
Тотчас же кидаешься в битву с другой.
Смотри, сколько бед на себя ты навлек!»
(Шахнаме. Т. I. С. 440).

§ 6. Слухи о смерти великого хана Мунке.

С легендой о гибели Чингис-хана от стрелы следует сравнить известия и слухи о смерти Мунке, четвертого великого хана монголов, которые в различных исторических трудах современников трактуется по разному. Среди слухов встречаются сведения о гибели хана Мунке от стрелы.⁶⁰¹ Мунке умер в 1259 г. во время осады крепости Дяоюйчэн в Сычуани. Существуют веские основания утверждать, пишет С. А. Школяр, что хан погиб не от болезни, как это зафиксировано придворными юаньскими историками в «Мэнгэ шилу» («Правдивая хроника <правления> Мунке») и затем в «Юань-ши», а в результате ранения или контузии от попадания китайского метательного снаряда, пущенного защитниками крепости. Этим снарядом было ядро камнемета, о чем сообщает малоизвестная китайская анонимная хроника «Дяоюйчэнцзи» («Записки о Дяоюйчэн»), автор которой, один из приближенных начальника обороны крепости, Ван Ли, несомненно был очевидцем описываемых событий, и поэтому его сведения

⁶⁰¹ В «Ган-му» сообщается: «Монгольский государь <Мунке> скончался под стенами города Хэ-чжэу, 52-лет от рождения. Князя и вельможи, обернувши тело его в шелковые ткани, положили на двух ослов и отправились на север. Осада города Хэ-чжэу прекращена. <...> Некоторые утверждают, что он умер от раны стрелою» (Цит. по: [Бичурин Н. Я.] История первых четырех ханов из дома Чингисова, переведено с китайского монахом Иакинфом. С приложением карты походов их в Юго-Восточной Азии. СПб., 1829. С. 347).

заслуживают доверия.⁶⁰² Сообщается, что хан «сам повел воинов под стену <крепости на штурм>». Затем описано, как по приказу Мунке была построена наблюдательная башня и как осажденные, расположив против нее на стене камнеметы, обстреляли и разрушили башню. Самого хана «как громом ударило камнеметным снарядом, отчего он занемог, и армия <поэтому> двинулась обратно; у горы Чоуцзюньшань его болезнь усилилась <...>, а когда его перевозили через ущелье Вэнтан горы Цзиньцзяньшань, он умер».⁶⁰³ «Темные слухи о смерти Мунке» были известны за пределами Китая уже в 1260 г. и нашли отражение в сочинении Джунджани «Табакат-и Насири».⁶⁰⁴ Официальные китайские данные попали в исторические своды XIII – XIV вв., в частности, в труды персидского историка Рашид ад-Дина,⁶⁰⁵ армянского историка Киракоса Гандзакеци. Последний писал, что хан Мунке умер «после войны с ненгианами» (Киракос, с. 228, 236). Найнгам (кит. *нань-гя* – ‘южанин’) – Южный Китай; ср. со сведениями Рашид ад-Дина: «<...> государей Мачина <Южный Китай>, который хитай называют Манзи, а монголы Нангяс».⁶⁰⁶ Уже некоторые современники хана Мунке сообщали о его гибели под стенами Дяоюйчэня. Так, армянский принц Гайтон (нач. XIV в.) писал, что Мунке утонул, находясь на плившем к крепости судне, которое было пущено ко дну китайскими подводными пловцами. О ранении Мунке арбалетной стрелой писал, например, в одном из стихотворений известный сунский поэт Лю Кэ-чжуан.⁶⁰⁷

Несмотря на разброс мнений, совпадение сведений о гибели от стрелы Чингис-хана и хана Мунке представляется не случайным. Вероятнее всего, это не столько официальная точка зрения, сколько официально одобренная легенда. Именно ее и передает Марко Поло, рассказывая о смерти Чингиса. Видимо, в определенных кругах смерть от стрелы в бою считалась наиболее достойной для истинного воителя.

В заключение отметим, что это уже второй случай, когда официальная монгольская легенда, передаваемая устами Марко Поло, является зеркальным отображением сюжета, записанного францисканцами. Первой была легенда о победе Чингиса над царем Индии, пресвитером Иоанном.

§ 7. Гибель Александра Македонского как месть богов.

В качестве исключительно типологической параллели рассмотрим сюжет о смерти Александра Македонского в христианской средневековой литературе. Образ завоевателя мира, погибающего в 33 года, располагал к размышлениям о суетности всего земного и назиданиям о наказуемости тщеславия и гордыни. В поэме Вальтера Шатильонского (XII в.) «Александриада» (X, 74-167) смерть Александра – это и кара за гордыню, и неизбежное восстановление мирового равновесия, поколебленного его завоеваниями. Александр нанес жестокое оскорбление Природе и всему мирозданию тем, что слишком тесными назвал земные пределы. Природа узнает, что он готовится скрытые области мира раскрыть перед своими войсками. Уязвленная Природа заявляет:

«„Ныне я к Стиксу спущусь и себе, и всем мне подвластным

Там защиту найду. Пусть земля и море трепещут, –

Я ж Александра низвергну! Для всех нас он – бич ненавистный“.

⁶⁰² Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия..., с. 251-252.

⁶⁰³ Там же, с. 336.

⁶⁰⁴ Бартольд В. В. Сочинения. Т. I. С. 537.

⁶⁰⁵ Рашид ад-Дин. Т. 2. С. 147, 157.

⁶⁰⁶ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 76-77.

⁶⁰⁷ Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия..., с. 336.

Эти слова изрекла и бездну земную разверзла,
В Тартара недра спустилась по склону крутою тропею.
<... Природа обращается к Левиафану:>
„Отец преступлений!
Ты ж – их каратель! Ты утренний блеск затмевал Люцифера,
Но твоя гордость тебя с твердыни эфира низвергла.
Ныне к тебе обращаюсь, несчастная, жду от тебя лишь
Помощи! да, от тебя – хотя ты давно уж утратил
Звездный престол, и должна я тебя посещать в этом мраке.
Я от людей и богов приношу их печальные пени.
Верю, ты знаешь, что землю своим непрерывным движеньем
Вождь Македонский терзает: своими смирил кораблями
Он Памфилийское море, сломил он Дария трижды,
Азию всю покори, и Пор, не терпевший доселе
Ни одного поражения, служить ему должен. Востока
Мало, как видно, ему. Безумец, как молния мчится
Он к Океану теперь: и если судьбы позволят,
Ветер ему благосклонный послав, он далекого Нила
Тайный источник найдет, опояшет он райскую стену
Войском своим и осаде подвергнет. И если преграды
Ты не поставишь ему, то он и Хаос захватит.
Хочет увидеть он солнце иное, иную природу.
Всем нам он враг! отомсти, уничтож чуму эту злую!
В чем будет слава твоя, о Змий? Похваляться ли станешь
Тем, что изгнал человека из рая? А сад этот дивный
Будет в руках Александра“ Сказав, удалилась Природа.
Он же, следом за нею идя, ей дал обещанье
Помощью быть ей во всем. Нет, он не отступит, доколе
Общий враг не исчезнет во тьме подземного мира.
Он немедля за дело берется, совет созывает, Криком город теней разбудив
<... Левиафан обращается к силам тьмы за советом:>
„Что ж нам, соратники, делать? и как нам конец уготовать
Этой каре? Трепещет весь мир перед ним! мы ли стерпим,
Чтобы он волей своей сломал основы вселенной?
Вот он стремится уже, сорвав засовы земные,
В Тартара хаос проникнуть, сразить отважным ударом

Тех, кто царит над теньями, и пленные вывести души,

<...>

Ныне же вы, владыки над смертью, пошлите скорее

Гибель царю македонян! Чтобы он не добился внезапно

Власти над царством подземным, замкните путь его жизни».⁶⁰⁸

Природа обвиняет Александра в попытке покорить Хаос, проникнуть в Тартар, осадить стены Рая. Исполняя приказ Левиафана, силы тьмы кладут предел желаниям македонского царя. Интересно, что походы Чингиса также направлены к земным пределам, то есть, приближены к границам хаоса. Таковы Каспийские горы, где Чингис безуспешно пытается сразиться с армией своих воинственных предков. Другие армии Чингиса также приближаются к границам мира, присоединяя к владениям империи маргинальные миры (быченок, песьелиц, паросситов и т. д.). Небо в гневе своем убивает Чингиса ударом грома.

⁶⁰⁸ Вальтер Шатильонский (Лилльский) *Alexandreis*. «Александриада» // Памятники средневековой латинской литературы X – XII веков. М., 1972. С. 450-459.

3.7. Малая Индия или Эфиопия

§ 1. Сюжет. Постановка проблемы.

В версии перевода брата Иоанна о походах монголов в Малую и Великую Индию сказано: «Другого сына он <Чингис-кан> также послал с войском против индов; он победил Малую Индию. Они <т. е. ее жители> являются черными сарраценами, именуемыми эфиопами. Тогда же <его> войско выступило на бой против христиан, которые живут в Большой Индии» (V. 12).

Параллельный пассаж у брата Ц. де Бридиа гласит: «А второе войско, посланное со вторым сыном Чингис-кана против индов, победило Малую Индию, то есть Эфиопию, в которой живут люди наичернейшие и <притом> язычники. Когда же достигли Великой <Индии>, которую обратил <в христианство> апостол Фома,⁶⁰⁹ король <этой> земли, которого всегда называют пресвитер Иоанн, тотчас, хотя и был не очень готов к войне, послал против них войско» (НТ. 17).⁶¹⁰

Малая Индия, населенная эфиопами, легко покоряется монголами. Большинство исследователей донесения брата Иоанна склонно видеть в этих сведениях отражение реальных событий, связанных с покорением Персии. Но известно, что в Персии эфиопы не были главными обитателями страны. Скорее всего, выражение «Малая Индия, она же Эфиопия» следует рассматривать как литературную формулу. И у нас нет оснований расчленять эту формулу на части.

Насколько известно, осталось без объяснений и следующее обстоятельство. Связано оно с любопытным расхождением сведений брата Иоанна, именующего эфиопов *сарацинами*, и параллельным сообщением брата Бенедикта, где эфиопы названы *язычниками*. Вместе с тем, в большинстве известных исторических свидетельств эфиопы описываются как приверженцы христианского верисповедания. Таким образом, обе версии францисканцев далеки от исторической реальности и отражают вымышленный сюжет. В таком случае, возникает вопрос, какая из версий ближе к литературному оригиналу, который они передают столь по-разному.

Эпизод о монгольском походе в Малую Индию следует рассматривать как часть общей композиции, включающей описание Великой Индии, Земли псов и Буритебет. И композиция и ее отдельные фрагменты созданы в рамках «Романа о Чингисе», чье

⁶⁰⁹ Апостол Фома, по традиции, заложенной Евсевием, проповедовал христианство в Парфии (НЕ. III, I). С IV в. приобретает популярность иная традиция, идущая от апокрифического сочинения «Деяния Фомы», связывающая его с Индией, см.: W. R. Philipps. The Connection of St. Thomas the Apostle with India // Indian Antiquary. 1903. Vol. XXXII, pp. 1-15, 145-160.

Сирийский автор XIII в. Абу-л-Фарадж бар-Эбрей пишет в сочинении «Церковная история» об апостоле Фоме: «С самого начала божий апостол Фома провозгласил его, евангелие христианское, в восточных областях, во втором году вознесения Господа нашего. Так как он вместе с ним <евангелием> должен был пройти в Индию, то он <по пути> провозгласил <евангелие> народам различным: парфянам, мидянам, персам, карабейм, бактрийцам, маргианцам и индийцам» (Цит. по: Р. А. Гусейнов. Сирийские источники XII – XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 85); подробные сведения брата Одорико де Пордононе «о царстве Мобар <Коромандельский берег>, где покоится тело блаженного Фомы апостола», см. в: После Марко Поло, с. 179-180.

⁶¹⁰ К истории обсуждения вопросов о пресвитере Иоанне, а также о двух или трех Индиях см. (с дальнейшей литературой): Van den Wyngaert. 1) 59, adn.1-3; 2) De „Presbytero Iohanne“ (= Introd. App. b. P. CIX-CXIV); 3) De divisione Indiarum (= Introd. App. c. P. CXIV-CXVII); Painter, pp. 68-70, n. 1-5 to § 17, p. 84, n. 3; Pietk. 1) 191-2, kom. 72; 2) 264, kom. 76; Jas., Wojtk. 192, kom. 73; Jas., 192, kom. 74; Wojtk. 257, kom. 37.

содержание, как мы уже выяснили, отражает, в первую очередь легендарные сюжеты восточных Александрий. Нашей задачей в настоящей главе будет проверка этой гипотезы на примере сюжета о Малой Индии. Возникает и другой вопрос – что понимать под Малой Индией, именуемой Эфиопией? Если это легендарный сюжет, то каков источник заимствования.

§ 2. Литературный прототип.

Даффина считает, что под Малой Индией в реальности скрывается Средняя Индия, которая в те времена означала Эфиопию и районы к западу от провинции Макран⁶¹¹ и к северу от Персидского залива.⁶¹² Несмотря на бросающуюся в глаза легендарность этого сюжета, Даффина все же склонен видеть в нем отражение неких реальных событий. Он пишет: «кажется, как бы то ни было, что текст ссылается на кампанию, которую Тулуй, четвертый сын Чингис-хана, вел против восточного Ирана в 1220 – 1223 гг.». ⁶¹³ Тему «черных саррацинов» Даффина игнорирует. Комментарий Риша показывает, что ситуация не столь проста,⁶¹⁴ хотя и не вносит особой ясности, потому что Ришу не был известен текст «Истории Тартар».

Напомним географию десятилетнего похода второго войска: Малая Индия (Эфиопия), Великая Индия (царство пресвитера Иоанна), Земля Псов и Буритебет (последнее название интерпретируется мною как область «волков-псов»). Очевидно, что весь ряд топонимов является мифическим. И как показывается по ходу дальнейшего исследования, каждый из сюжетов создан на основе литературных текстов.

На этом основании я полагаю, что вопрос нужно ставить следующим образом: где и когда возникла устойчивая литературная формула: «Индия, именуемая Эфиопией», или же, наоборот, «Эфиопия, именуемая Индией». Существовало ли в средние века сочинение, из которого могла быть заимствована эта формула. Да, такое сочинение существовало, в том числе, и в древнерусском переводе с XI в. Речь идет о «Повести о Варлааме и Иоасафе», имевшей необычайно широкое хождение как на Востоке, так и на Западе.⁶¹⁵ Это история о царевице и его наставнике, восходящая к легенде о Шакьямуни (Будде). Самый ранний из известных сегодня греческих списков Повести относится к XI в. В леммах греческих рукописей XIII в. говорится о вывозе монахом Иоанном сочинения под названием «Варлаам и Иоасаф» «из внутренней страны эфиопийцев, которая называется страной индийцев». ⁶¹⁶ В древнерусской редакции Повесть имела

⁶¹¹ Макран – северное побережье Оманского залива и Аравийского моря (Марко Поло, с. 332).

⁶¹² Daffinà, p. 436. Даффина ссылается на исследование: Jean de Plan Carpin. Histoire des Mongols / Traduit et annoté par Dom Jean Becquet et par Louis Hambis. Paris, 1965, pp. 153 n. 56, 173 n. 152, 174 n. 156.

⁶¹³ Daffinà, с. 436.

⁶¹⁴ Risch, ss. 123-124.

⁶¹⁵ Повесть о Варлааме и Иоасафе. Памятник древнерусской переводной литературы XI – XII вв. / Подготовка текста, исслед. и коммент. И. Н. Лебедевой, отв. ред. О. В. Творогов. Л., 1985; Кузнецов Б. И. Повесть о Варлааме и Иоасафе. К вопросу о происхождении // ТОДРЛ. Л., 1979. Т. XXXII; Peters P. La première traduction Latine de «Barlaam et Joasaph» et son original grec: Analecta Bollandiana. T. XLIX. fasc. III et IV. Bruxelles, 1931; The Wisdom of Bahavar a Christian Legend of the Buddha by David Marshall Lang. 1957. 13; арабская редакция создана в VIII – IX вв., см.: Повесть о Варлааме Пустыннике и Иоасафе царевице индийском / Пер. с араб. В. Р. Розена, под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1947; о грузинских редакциях и их соотношении с греческими версиями, см.: Балавариани. Мудрость Балавара / Пред. и ред. И. В. Абуладзе. Тб., 1962. С. IX-XXX.

⁶¹⁶ Хинтибидзе Э. Г. Вопрос об авторстве «Варлаама и Иоасафа» в современной византистике // Кавказ и Средиземноморье. Тб., 1980. С. 268-269.

следующее начало: «<К>нигы Варлам. Изображе<ние душеполезное ...> ть из утрення<я Ефиопскы>а страны, глаголемыя <Индийскы>а страны, ⁶¹⁷ въ святыи град <принесено> Иоанномъ мнихомъ». ⁶¹⁸

И. Н. Лебедева, комментируя этот пассаж, пишет, что в греческом тексте Повести произошло смешение двух топонимов – Эфиопии и Индии; греческая космография не знала внутренней Эфиопии, но уже в «Географии» Птолемея есть разделение Индии на внутреннюю и внешнюю. У христианских авторов внутренней Индией называлась Эфиопия и Южная Аравия – например, у Козьмы Индикоплова в «Христианской топографии» (II, 30, 45; III, 65; XI, 3, 23-24). ⁶¹⁹ Путаницу эфиопов и индийцев «в книгах греков» отмечает ал-Бируни (см. ниже). На карте Палестины Иеронима на берегах Красного моря напротив устья Инда изображены два участка, именуемые «Индия Египетская» и «Индия Эфиопская». ⁶²⁰

Заголовок «Повести о Варлааме и Иоасафе», где поясняется, что «внутренняя Эфиопская страна, называется Индия», нашел отражение во многих сочинениях, в том числе и в «Романе о Чингис-хане». Таким образом, странная, на первый взгляд, фраза о Малой Индии, жители которой именуются эфиопами, находит свое объяснение. Этот географический образ – широко распространенное в средние века литературное клише. Таким образом, становится очевидной легендарность монгольского похода в Малую Индию, т. е. Эфиопию. Разумеется, пассаж о Малой Индии присутствовал в Романе, а не внесен в текст русским переводчиком или францисканцами.

§ 3. Где искать Малую Индию – Эфиопию.

Остается ответить на вопрос о путанице наших авторов с вероисповеданием жителей «Эфиопии». Для миссионеров-францисканцев вопрос о вере того или иного народа не мог быть безразличным, поэтому небрежность при записи, или копировании, практически исключена. Категория вероисповедания того или иного народа входила в универсальную триаду (царь, язык и вера) при описании мира. ⁶²¹ В нашем случае версия

⁶¹⁷ Ср. О птице феникс, которая, согласно «Физиологу», обитает близ Индии, около Солнечного града (Гелиополя в Египте), т. е. в африканской Индии: «Финиксъ красна птаха есть паче всех и павы красней. <...> Венец носит на главе и сапогы на ногу, якоже царь. Есть же близъ Индея, близъ Солнечна града» (ПлДР. XIII век., с. 447). В греческом «Физиологе» этой путаницы нет: «Есть птица в Индии, называемая феникс. По прошествии 500 лет она приходит в леса ливанские и наполняет крылья свои ароматами. И дает знак иерею Гелиополя в полнолуние Нисана или Адара <...>» (Физиолог. Издание подготовила Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 129). См. также о Фениксе у Геродота (II. 73), который заимствовал это сказание у Гекатея Милетского.

⁶¹⁸ Повесть о Варлааме и Иоасафе, с. 112. Согласно И. Н. Лебедевой, в заглавии греческой Повести «Душеполезное повествование, принесенное из внутренней Эфиопской страны, называемой Индия, в святой град Иоанном монахом», есть упоминание и Эфиопии, и Палестины, как и в краткой грузинской версии. В тексте Повести также дважды упоминаются благочестивые мужи из внутренней Эфиопии, т. е. Индии, рассказавшие историю о царевиче и его наставнике автору Повести (там же, с. 31); В краткой грузинской версии «Мудрости Балавара» сказано: «Рассказывал нам отец Исаак, сын Софрония Палестинского, и книга эта – мудрость Балавара, который находился в пустыне с отшельниками. Благослови, отче! Однажды я достиг <Еф>иопии и там в индийском книгохранилище нашел эту книгу, в которой описаны дела сего мира, весьма полезные для души», цит. по: Балавариани. Приложение: (Мудрость Балавара) / Пер. И. А. Джавахишвили. С. 115.

⁶¹⁹ Повесть о Варлааме и Иоасафе, с. 112.

⁶²⁰ Miller. 1895. III, s. 14.

⁶²¹ Котрелев Н. В. Восток в записках европейского путешественника („Миллион“) // Типология и взаимосвязи средневековых литератур Востока и Запада. М., 1974.

брата Иоанна существенно отличается от версии брата Бенедикта. Какова причина этого расхождения? К тому же возникает неожиданная трудность: неясно, где располагалась легендарная Эфиопия, жители которой были, по одной версии – мусульманами, а по другой – язычниками. Однако и то, и другое известие францисканцев выглядят неожиданно на фоне западной и восточной традиции, признававшей Эфиопию христианской страной. Столь явное противоречие с общепринятыми взглядами указывает на необычный источник сведений, отраженных в Романе о Чингисе. («Эфиопия» включена в перечень земель, подвластных монголам. Что позволяет, с учетом других легендарных топонимов, отнести Список покоренных народов к Роману).

Начнем с вопроса о местоположении Эфиопии или Малой Индии. Интересную картину рисует ал-Бируни, когда определяет родину эбенового дерева:

«Толкователи говорят, что эта древесина по-сирийски называется *кисуса* и привозят ее из страны ан-Наса, которая находится внутри Китая. Она переливается как жемчуг, в ней видны разноцветные изображения; от нее распространяется приятный запах и она не держится на воде. – <...> Диоскорид говорит: самый прочный <эбен> – это эфиопский, он черный и напоминает отточенный рог. – В Эфиопии <Хабаша> нет эбена. Но все чернокожие в книгах греков упоминаются <под названием> Куш⁶²² и большинство переводчиков объясняют его как эфиопцы и индийцы. – В другом месте Диоскорид говорит: самый лучший <эбен> тот, который привозят из Куша, а это – области Синд <совр. Западный Пакистан> и Судан <т. е., чернокожих>. Он черный как смоль, и по гладкости напоминает панцирь черепахи. – Синд не имеет к этому никакого отношения; ни у них, ни у индийцев нет эбена» (ал-Бируни. Фармакогнозия, с. 155-156).

Ал-Бируни справедливо отмечает, что хабеши (эфиопы), индийцы и жители Синда обитают на совершенно разных землях, однако для нас важна легендарная традиция, критикуемая им, в которой представления об Индии и Эфиопии слиты в единое целое.

Так, Марко Поло относит Абиссинию к Средней Индии и его представления отражают сведения, полученные им во время путешествий по Востоку. Он утверждает: «Абасия, знайте, большая область в Средней Индии». Абасия (Abasie), о которой говорит Марко Поло, есть Абиссиния или Хабеш, как ее называли восточные авторы. Согласно ал-Бакуви, «страна ал-Хабаша, долгота – 65°5', широта – 9°30', – обширная земля, на севере которой <находится> Берберский залив <Аденский пролив>, на юге – материк, на востоке – аз-Зиндж, на западе – ал-Буджа. Очень жаркая <страна>. Люди черного цвета от солнечного загара, и таких большинство. Мусульман там мало, большая часть населения – христиане. Большую часть их земель <занимают> пустыни. Городов у них немного из-за отсутствия воды и недостатка дождей» (ал-Бакуви, с. 15).

Название ал-Хабаша очень редко относилось к собственно эфиопам (хабашам). Некоторые восточные авторы полагали, что ал-хабаша – арабское племя, переселившееся в Африку из Южной Аравии.⁶²³ Например, Абу Салих Армянин писал (ок. 1174 г.): «Страна ал-хабаша в пределах престола Марка Евангелиста. Ал-хабаша – это царство Саба, из которого явилась царица Йемена в Иерусалим, чтобы услышать от Соломона мудрые слова. <...Страна> ал-хабаша граничит с Индией и смежными с нею странами. От <имени> престола Марка Евангелиста александрийским патриархом в Египте над ал-хабаша поставляется митрополит, а этот митрополит над ал-хабаша

⁶²² Куш – город в Нубии.

⁶²³ Ал-Бируни. Памятники, с. 111; Арабские источники VII – X веков по этнографии и истории Африки, с. 384.

назначает им клир, а именно священников и дьяконов. Хабашский царь Мукурры – православный царь». ⁶²⁴ Подробнее об этом см. ниже.

Раннесредневековое (ошибочное) представление о том, что Эфиопия находилась в Индии или поблизости от нее, было предметом исследования Пелльо. ⁶²⁵ На сей счет он дает подробные сведения. Учитывая туманность термина *Индия* в раннем средневековье, Пелльо предлагает обратить внимание на два момента, приведшие к ошибке, которые кажутся ему особенно существенными: 1) это представление о четырех реках, текущих из Рая, одна из них – Гион отождествлялась с Оксусом (Амударьей) и Нилом; ⁶²⁶ 2) связано с популярной легендой о Варлааме и Иоасафе. Внимание Пелльо привлечено заголовок Повести, где говорится о том, что она занесена из «внутренних районов страны эфиопов, иными называемой страной индийцев». Он указывает на ошибку Зотенберга, ⁶²⁷ который полагал, что фигурирующее в арабской версии Повести имя «хабаша» (абиссинцы) для обозначения эфиопов, является позднейшей вставкой. Благодаря исследованиям отца П. Пиитерса, ⁶²⁸ пишет Пелльо, мы знаем, что легендарная биография Шакьямуни, переведенная на пехлеви в 500-м году н. э., была позднее переведена также на арабский, а затем и на грузинский язык, и эта грузинская (возможно, арабская версия), около 1000 г. н. э. послужила источником создателю знаменитой греческой новеллы. ⁶²⁹ Таким образом, по мнению Пелльо, именно под влиянием арабского перевода действие новеллы оказывается связанным с Абиссинией, которая, в свою очередь превратилась в Эфиопию под пером грузинского переводчика, и «внутренняя Эфиопия, называемая Индией» становится расхожим понятием на Западе, благодаря широкому распространению Повести на греческом и латинском языках.

§ 4. Эфиопы: сарацины или язычники?

Марко Поло пишет о вероисповедании правителя и жителей Абиссинии, отмечая любопытную подробность (знаки на лице), что находит неожиданную параллель в описании легендарного похода Искандера на хабешей в поэме Низами.

«Абасия, знайте, большая область в Средней Индии. Самый сильный царь в этой области – христианин; все другие подчинены ему; их шестеро, трое христиан и трое сарацин. У здешних христиан на лице три знака, один знак от лба до середины носа, да по знаку на каждой щеке; метят они знаки горячим железом, и это их крещение: после крещения водою делают вот эти знаки, и для красоты, и как завершение крещения. Есть тут иудеи, и у них по знаку на каждой щеке; а у сарацин только один знак, от лба до середины носа. Великий царь живет по середине области, а сарацины живут в сторону Адена. В этой области проповедовал св. Фома, апостол; после того как он обратил этот народ, ушел он в Мабар, где и помер; там его мощи» (Марко Поло, с. 205).

Итак, согласно Марко Поло, Абиссиния – христианская страна, и все ее жители имеют знак на лице, как свидетельство принадлежности к одной из мировых религий.

Обратимся к более ранним свидетельствам. В Хронике псевдо-Дионисия Тельмахрского (VIII в.) имеется раздел, озаглавленный «О царстве индусов и как они по

⁶²⁴ Арабские источники XII – XIII веков по этнографии и истории Африки, с. 50.

⁶²⁵ Pelliot, Notes on Marco Polo. II, p. 649: «*Ethiopia*».

⁶²⁶ Ср.: Райт. Географические представления в эпоху крестовых походов **

⁶²⁷ Zotenberg H. Notice sur le livre de Barlaam et Joasaph, accompagnée d'extraits du texte grec et des versions arabe et éthiopienne. Paris, 1886.

⁶²⁸ Peters P. La première traduction Latine de «Barlaam et Joasaph» **

⁶²⁹ Pelliot, Notes on Marco Polo. II, p. 650; См. также историографический обзор И. В. Абуладзе в: Балавариани, с. IX-XXX.

причине войны стали христианами». ⁶³⁰ Под «царством индусов» понимаются государства химьяритов в Южной Аравии и кушитов в Эфиопии. Византийские и сирийские авторы объединяли прибрежные страны и народы бассейна Индийского океана, называя их всех соответственно Индиями и индийцами. В Хронике речь идет о событиях первой половины VI в.; в начале рассказывается о борьбе мелких эфиопских царьков между собой, а потом об их совместной войне с Южной Аравией. В приведенном ниже отрывке обращает на себя внимание использование термина «Индия».

«В то время случилось, что была война царей индийских друг с другом; царя индусов, имя которого было Аксундон, с другим царем внутренней Индии по имени Индуг, который был язычником. После того как они прекратили войну друг с другом, была у него война с царем химьяритов, которого звали Димнон. Они <химьяриты> также индусы. Причина, по которой возникла между ними война, была следующая. Царство кушитов расположено гораздо дальше, чем <царство> химьяритов, от областей Египта и Фиваиды, находящихся вне Индии. Ромейские торговцы прибывали во внутренние области химьяритов, а затем в области, расположенные в области дальше них, индусов и кушитов, называемые Аузелис <Адулис> Индии. Царств индийских и кушитских семь, три индийских и четыре кушитских. Они находятся вне и внутри <на прибрежных материковых землях> земель южных и по берегам большого моря, что окружает всю вселенную, которое называется Великим океаном». ⁶³¹ Царь химьяритов ограбил и убил ромейских купцов, что привело к прекращению торговли «внутренних царств индийских и кушитских». Царь кушитов выиграл войну с царем химьяритов и принял христианство.

Для целей нашего исследования важно отметить, что Эфиопия называлась внутренней Индией, а царь и знать этой страны были христианами.

Византийский историк IX в. Феофан Исповедник, используя неизвестные источники, называет эфиопов «внутренними индийцами», уверовавшими в Христа. ⁶³² Ибн Хаукал (X в.) пишет о нубийцах и ал-хабаша (эфиопах) как христианах: «Еще до ислама они прилегали к государству ромеев, ибо земля нубийцев граничит с Египтом, а ал-хабаша находится на море ал-Кулзума. Между обоими этими народами и Египтом расположены населенные пустыни, где есть золотые россыпи» (История Африки, с. 283).

Хорасанский путешественник XI века Насир-и Хусрау также пишет о черных христианах Нубии: «Выше к югу <от Египта> лежит Нубия, там правит другой царь, люди там чернокожие и религия у них христианская. Купцы ездят туда и возят стекло, гребни и коралл, а оттуда привозят рабов» (Насир-и Хусрау, с. 99).

Ибн Васиф Шах (нач. XIII в.), автор легендарной истории Египта, сообщает: «К <стране> ал-буджа примыкает <земля> ал-хабаша, а они потомки Хабаша ибн Куша ибн Хама. Самое большое из их царств – это царство ан-наджаши, а он самый великий из их царей, и все царства ему повинуются и платят ему харадж. Ан-наджаши держится христианской веры. Название его столицы Ку'бар. В древние времена арабы непрестанно приезжали в это царство ради торговли». Далее говорится о зинджах, торгующих бивнями слонов, и народе ал-кук, которые живут «между зинджами и Синдом и граничат как с этими, так и с теми». ⁶³³

⁶³⁰ Хроника псевдо-Дионисия Тельмахрского о Южной Аравии // Н. В. Пигулевская. Ближний Восток. Византия. Славяне. Л., 1976. С. 111.

⁶³¹ Там же, с. 117.

⁶³² История Африки, с. 265.

⁶³³ Арабские источники XII – XIII веков по этнографии и истории Африки, с. 92.

Отметим, что в средневековой литературе эфиопы считаются христианами. Согласно же версии брата Иоанна, жители Малой Индии (Эфиопии) являются черными *сарраценами*, а в версии брата Ц. де Бридиа они названы людьми «наичернейшими и язычниками». Это расхождение с традицией означает, что сведения францисканцев о вероисповедании жителей Малой Индии (Эфиопии) носят исключительно легендарный характер. Укажем источник этих легендарных сведений: восточная Александрия, а именно, поэма Низами «Искандер-наме», многие сюжеты которой представляют близкую параллель к эпизодам «Романа о Чингис-хане». Последнее обстоятельство позволяет поставить вопрос о некоем общем сюжетном фонде Низами и автора романа.

Низами описывает, как Искандер побеждает войско зинджей, подобных дивам, и абиссинцев и приказывает наложить на них клеймо, что равносильно обращению побежденных в новую веру – *мусульманскую* веру (в поэме Низами Искандер ревностный распространитель ислама). О зинджах у Низами говорится: «это жители пустыни, черные, как деготь»; зинджи описываются как ужасное племя людоедов (Низами, с. 80). Фирдоуси в «Шахнаме» также описывает поход Искандера в землю хабешей (абиссинцев):

«Владыка, что солнцу подобен лицом,
На землю хебешей вступает потом.
Что вранье крыло, эти люди на взгляд,
Глаза, словно яркий светильник, горят.
Дивятся бойцы – чернокожих, нагих,
Могучих – не видели прежде таких.

<...>

Сбежались их тысячи, злобой горя,
Весь мир потемнел пред очами царя»
(Фирдоуси. Т. 5, с. 57).

И Фирдоуси, и Низами описывают победу Искандера над черным воинством. Не выдержав натиска румийского войска,

«Абиссинцы выступили вперед, моля о пощаде.
Шах тех дикарей, которые происходили из Абиссинии,
Приказал не казнить во время этого избиения,
Простил их ради тяжкого их положения,
Дал им пощаду от своего меча
Приказал наложить на них клеймо.
И по этой причине для абиссинцев всегда клеймо на огне,
Озарил он их этим горячим клеймом,
Ибо светоч сверкает только, когда горит в нем огонь»
(Низами, с. 93).

О меченых горячим железом лицах жителей Абиссинии рассказывает и Марко Поло (см. выше). Количество знаков, по его словам, позволяет отличить друг от друга приверженцев разных религий: христиан, иудеев и сарацин. Не исключено, что речь идет о шрамах, полученных в результате инициаций. Для внешних же наблюдателей, в роли

которых выступают и Низами, и Марко Поло, метки на лицах эфиопов означают принадлежность к одной из известных им мировых религий.

Для Низами важна не столько удача Искандера в войне с зинджами, сколько милость победителя к молящим о пощаде. Апофеозом победы является приобщение зинджей к новой вере. Так в «Искандер-наме» возникает литературный образ *черных мусульман*. Стоит ли говорить, что в реальности Искандер не имел никакого отношения к принятию ислама жителями Эфиопии. Однако, этот анахронизм (о эфиопах-мусульманах) через посредство литературной версии «Искандер-наме» попадает, на мой взгляд, в «Роман о Чингис-хане». Они и есть «черные саррацены» Малой Индии, именуемой Эфиопией, из версии брата Иоанна, который, как правило, не вносит смысловые поправки в текст перевода Романа. Вымышленный поход второго сына Чингиса против Малой Индии заканчивается победой монголов. Ни о какой милости к побежденным не идет и речи. Собственно, эта тема и занимает, в первую очередь, автора «Романа о Чингисе». Конкретным же поводом для включения легендарной Эфиопии в число земель, покоренных монголами, могли послужить заявления официальных историографов, сходные с тем, что пишет Рашид ад-Дин об Абиссинии (см. главу 3. 1). Там же см. о мифической географии походов Искандера от зинджей до фагфурцев (китайцев) и легендарного Огуз-кагана, совершившего поход на юг, в жаркую страну Барак, где «лица жителей черные-пречерные» (что, несомненно, является отражением похода Искандера на зинджей).

Подведем итог. В Романа Малая Индия соответствует *внутренней Индии* из «Повести о Варлааме и Иоасафе»; и обе Индии (в силу очень древней ошибки или традиции, что в данном случае одно и то же) именуются Эфиопией. Соответственно, поход монголов на Малую Индию, описанный в книгах францисканцев, является исключительно литературным фактом. Он создан на основе аналогичного сюжета из восточных Александрий (с инверсией результата победы, что становится очевидным, если сравнить отношение к побежденным эфиопам Искандера, несущего новую веру, и монголов-завоевателей). В таком случае, вариант брата Иоанна, где фигурируют эфиопы-мусульмане, адекватно передает эпизод романа. А эфиопы-язычники, видимо, появляются в результате ученой поправки, внесенной в текст перевода братом Бенедиктом, как правило, более чувствительного к всевозможным аномалиям Романа.

Марко Поло Малой Индией именует земли Индокитая «от Зинаба до Монтифи; тут восемь больших царств, не считая тех, что на островах, а их великое множество», а Средней Индией он называет Абиссинию (Марко Поло, с. 204-205). Брат Иордан де Северак называет Малой Индией территорию современных Западного Пакистана и Гуджарата. Эфиопия, о которой он передает различные фантастические слухи, названа им Индией Третьей.

§ 4.

Любопытный пример смешения всевозможных сведений о загадочной Эфиопии имеется у брата Иордана де Северака, который провел много лет в странствиях по Востоку. Иной мир, во всем отличающийся от европейского, представал взору изумленного путешественника, попадавшего на Восток. Переступая границу привычного порядка вещей, европеец готов был поверить в самые невероятные сообщения и слухи, тем более, если они подтверждались легендарной традицией. Чужое культурное пространство и не могло восприниматься иначе как «страна чудес». Это был единственный способ «вписать» в известную картину мира новые наблюдения. Иордана де Северак писал в 1329 г.:

«Скажу теперь об Индии Третьей. Говоря по правде, не был я в ней и не видел ее, но от тех, кто достоин доверия, немало наслышался я о многих тамошних чудесах.

Истина, что в той стране тьма драконов, а у них на головах блестящие камни, называемые карбункулами. Драконы живут в золотых песках; растут они очень быстро, а из пасти исходит дух зловонный и тлетворный, густой, словно дым костра. – Временами собираются эти драконы вместе и, распуская крылья, пробуют взлететь ввысь, однако по воле божьей, а она безмерна, низвергаются на свою погибель в реку, вытекающую из рая. – Везде окрест выжидают, когда наступит драконов час, и, приметив, что какой-то из драконов низвергся в реку, отсчитывают семьдесят дней, а затем спускаются к берегу, отыскивают кости драконовы, с которых давно уже сошло мясо, и забирают карбункулы, что сидят в черепах,⁶³⁴ и камни доставляют императору Эфиопии, а вы его называете пресвитером Иоанном <...>. – Говорят, что между Индией и Эфиопией, ближе к востоку, расположен рай земной и из него вытекают четыре райские реки, а в этих реках великое множество драгоценных камней и тьма золота <...> – Об Эфиопии скажу, что земля эта весьма обширная и жаркая и там много разных чудовищ, таких, к примеру, как грифы, а они стерегут золотые горы. В Эфиопии водятся змеи и прочие ядовитые твари, огромные и без меры вредные. Там многое множество драгоценных камней; думаю, государь этой страны сильнейший на свете и нет ему равного в достатке: ни у кого нет столько золота, серебра и драгоценных камней, и, говорят, ему подвластны пятьдесят два короля богатых и могущественных. Он правит всеми соседними землями, лежащими к югу и к западу. – В этой Эфиопии есть две огненные горы, а промеж них – золотая гора. Все эфиопы – христиане, хоть они и еретики. Довелось мне повидать многих людей из этих земель, и вел я с ними беседы» (Иордан де Северак, с. 151-154).

Драконы живут в золотых песках, а умирают, низвергнувшись в райскую реку. Пассаж о крылатых драконах, которые пробуют взлететь ввысь, однако низвергаются на свою погибель в реку, топографически вполне сопоставим со сведениями Геродота о крылатых змеях в Аравии: «Есть в Аравии местность, расположенная примерно около города Буто. Туда я ездил, чтобы разузнать о крылатых змеях. Прибыв на место я увидел кости и хребты в несметном количестве. Целые кучи <змеиных> хребтов лежали там – большие, поменьше и совсем маленькие; их было очень много. Местность, где лежат кучи костей, имеет вот какой вид: это узкий проход, ведущий из горных теснин в обширную равнину. Равнина же эта примыкает к египетской равнине. Существует сказание, что снаступлением весны крылатые змеи летят из Аравии в Египет. Ибисы же летят им навстречу до этой теснины и, не пропуская змей, умерщвляют их. Потому-то, по словам арабов, египтяне воздают такие великие почести ибису» (Геродот. II. 75). «Деревья <в Аравии>, дающие ладан, стерегут крылатые змеи, маленькие и пестрые, которые ютятся во множестве около каждого дерева. Они же нападают и на Египет» (Геродот. III. 107).

Не ясно, что в рассказе Иордана де Северака означает семидесятидневное ожидание охотников за драгоценными камнями, которые спускаются в золотоносные реки. Эти сведения можно сопоставить с рассказом ал-Бируни о добыче золота в горах Хуттала: «Рассказывал мне один очевидец, что в горах Хуттала есть селение, которое он назвал, полностью лишенное всяких жизненных благ и продуктов питания. А средства к жизни жители его добывают, дожидаясь весенних дождей: когда они бывают сильными и вызывают силы (грязевые потоки), то, после того как они успокоятся и прекратятся, жители выходят с ножами и железными прутьями, при помощи их разворачивают русла потоков и, сняв глину, находят золото, которое похоже на длинные куски яичной скорлупы или на нити, как бы вытянутые инструментами золотых дел мастеров. И они собирают их для оплаты того, что им приносят из продуктов – мяса и остального, что им

⁶³⁴ Ср. с поверьями о карбункуле в голове аспида и чудовища *voûivre*, которое по пояс имеет образ девушки, а от пояса – крокодила, см.: Древности: Труды Московского Археологического об-ва. 1865. Т. I. Отд. II. С. 151.

нужно, и если бы не это, то никто туда не отправлялся бы, и если бы не золото, то они не могли бы там жить. Но Аллах лучше знает, как устроить дела своих созданий!» (ал-Бируни, с. 222).

В древнерусской версии «Сказания об Индийском царстве» описывается странный способ добычи драгоценных камней из подземной реки.

«Посреди же моего царства течет из рая река Эдем, в той же реке добывают драгоценные камни: гиацинт, сапфир, памфир, изумруд, сардоникс и яшму, твердую и, как уголь, сверкающую. Есть камень кармакаул; этот камень – господин всем драгоценным камням, ночью он светится, как огонь горит. <...> есть пустынные высокие горы, вершины которых невозможно человеку увидеть, и с тех гор течет под землею небольшая река; в определенное время земля расступается над этой рекой, и если кто, увидев это, быстро прыгнет – так, чтобы земля над ним не сомкнулась, – в ту реку, схватит что попало и сразу же вынесет, то камень оказывается драгоценным камнем, а песок схватит – крупный жемчуг возьмет. Эта река течет в большую реку; люди той земли ходят на устье реки и собирают драгоценные камни и отборный жемчуг, а детей своих они кормят сырыми рыбами; в ту реку ныряют некоторые на три месяца, некоторые на четыре, – ищут камни драгоценные».⁶³⁵

Ср. с рассказом Марко Поло о добыче алмазов в прославленных алмазных россыпях Голконды в Телингане (восточная часть Индостана): алмазы находят в долинах горных рек после обильных дождей и в глубокой горной долине, окруженной скалам с пещерами, где обитают злые и ядовитые змеи. Спускаться туда никто не решается, люди добывают алмазы следующим способом: они бросают в долину куски мяса, к мясу прилипают алмазы, орлы спускаются в долину и поднимают куски мяса с алмазами на вершины гор. Охотникам за алмазами остается только выследить, куда опустится орел и подобрать драгоценные камни (Марко Поло, с. 187). Этот сюжет представлен и в поэме Низами «Искандер-наме» (Низами, с. 483-484).

⁶³⁵ ПЛДР. XIII в., с. 467-469.

3.8. Медные фигуры, мечущие огонь (Загадочное оружие XIII века)

§ 1. Сюжет. Постановка проблемы.

Легендарный поход монголов в Малую и Великую Индии относится к наиболее сложно сконструированным сюжетам «Романа о Чингис-хане». Инверсии подверглись заимствованные литературные темы, имперские мифы и некоторые военные символы. Вопрос, который не может не возникнуть при знакомстве с сюжетом, звучит следующим образом: как появилось описание легендарной битвы, в которой одна из армий Чингис-хана терпит поражение от царя Великой Индии. Все христианские дипломаты, побывавшие в империи монголов, настаивают на том, что результат был обратным: победу одержал Чингис-хан. Это вымышленное событие было широко известно среди восточных, и общавшихся с ними, западных христиан. Христианские источники отражают, в данном случае, монгольскую или имперскую версию события. Показательна «солидарность» монгольских и западных источников, утверждающих победу за Чингис-ханом. На этом фоне сведения о битве за Великую Индию, принесенные в Европу братом Иоанном и братом Бенедиктом, выглядят весьма неожиданно, что отмечено всеми исследователями. В донесениях францисканцев не только сообщается о могуществе царя Индии, его победе над монголами, удивительном оружии индов, но и желании царя вновь сразиться с монголами. Каким бы ни было происхождение имперской версии, ее содержание выглядит вполне естественно, тогда как существование обратного варианта, требует объяснения. И что самое любопытное, в имперских версиях ни тот, ни другой противник не используют загадочное оружие.

Замысел фантастического сражения, где на монголов обрушиваются струи летящего огня, и они проигрывают, даже не успев вступить в бой, мог возникнуть только в мифологическом поле «Романа о Чингис-хане». Такого оружия, как медные фигуры, мечущие огонь на расстояние полета стрелы, в средние века не существовало. Как будет показано ниже, описание грандиозной битвы между двумя великими армиями является лишь внешней рамкой, в которую вставлены другие легендарные известия. Сценарий сражения между монголами и войском пресвитера Иоанна зеркально копирует описание битвы Искандера с индийским царем Пором (в варианте, наиболее близком к «Шахнаме» Фирдоуси). Две знаменитые легендарные битвы рожают третью, сценарий которой известен только по донесениям францисканской миссии 1247 г. Рамочное построение сюжета позволяет неизвестному автору вводить неожиданные элементы в каждую из заимствованных тем. Так, медные всадники Искандера, начиненные пылающей нефтью, превращаются в никому неизвестное огнемечное оружие индов. Эта сложность перехода поставила в тупик многих исследователей.

Исследовательское вхождение в сюжет предполагает анализ композиции и ее отдельных элементов. Только опираясь на метод инверсии можно установить, как рождается композиция, в которой победа остается за индами (например, хитрость Искандера, воюющего с индами, в нашем случае, является хитростью индов; инды же используют военный прием монголов; войлочные фигуры превращаются в медные статуи, огонь индов летит на расстояние, превышающее полет монгольских стрел и т. д.). Самым загадочным элементом в этой картине предстают медные фигуры, испускающие огонь на большое расстояние. Варианты интерпретаций медных фигур – от огнестрельного оружия⁶³⁶ до статуй Будды⁶³⁷ – свидетельствуют скорее о фантазии

⁶³⁶ Макензи, анализируя этот сюжет в главе с характерным названием «По следам Александра Великого», пишет о пушках, которыми владели индийцы в XIII в., см.: *Mackenzie F. Dschingis Khan. Der Fürst, der aus der Wüste kam, das größte Reich der Welt gründete und zum Schrecken des*

современных авторов (непроизвольно оказавшихся в игровом поле романа), нежели об истинном понимании ситуации.

На заднем плане сюжета, возможно, читается реальное событие, а именно, вторжение монголов в Северную Индию в 1221 г. Многие авторы отмечают двойственный характер сведений францисканцев, где историческое событие словно отражено в зеркале легенды. Поэтому возникало естественное стремление провести разграничивающую линию между вымыслом и реальностью. Оставаясь на этой позиции, проблему мы не решим. Дело не в легендах и не в реальных фактах, а в том, что то и другое послужило автору романа материалом для конструирования сюжета. Перед нами продуманный литературный текст, а не механическое соединение различных тем, которые следует разнести по категориям «вымышленное» и «реальное». Поэтому главный вопрос исследования звучит так: какое место занимает этот эпизод в композиции «Романа о Чингис-хане». Иными словами, с какой целью неизвестный автор изображает сокрушительное поражение монголов в битве с легендарным царем Великой Индии? Следующий вопрос – почему автор, оставляя победу за индами, не ограничился инверсией официального монгольского предания, но и ввел в описание фантастическое оружие? Ответы содержатся в самом тексте.

В версии перевода брата Иоанна сообщается:

«Другого сына он <Чингис-кан> также послал с войском против индов; он победил Малую Индию. Они <т. е. ее жители> являются черными сарраценами, именуемыми эфиопами. Тогда же <его> войско выступило на бой против христиан, которые живут в Большой Индии. А, прослышав об этом, царь этой земли, обычно именуемый Иоанном Пресвитером, собрав войско, двинулся на них и, сделав медные фигуры людей, посадил их в седла на коней, поместив внутри <них> огонь, и посадил на <каждую> лошадь за медной фигурой человека с кузнечным мехом. И они <т. е. инды> двинулись на вышеозначенных тартар для сражения со многими такого рода фигурами и таким образом снаряженными конями. И, когда они достигли места сражения, они посылали этих лошадей вперед одну за другой, а те люди, которые сидели сзади, положили, не знаю что, на огонь, который был в вышеозначенных фигурах, и со <всей> силой <его> раздували. Поэтому получилось то, что люди и лошади <тартар> сгорали от греческого огня и воздух сделался черным от дыма. И тогда они начали пускать в тартар стрелы, от которых многие были ранены и убиты, и таким образом они с позором изгнали тех из своих границ, и мы никогда не слышали, чтобы <тартары> впоследствии к ним возвращались» (LT, V. 12).

В переводе брата Бенедикта содержатся дополнительные подробности:

«А второе войско, посланное со вторым сыном Чингис-кана против индов, победило Малую Индию, то есть Эфиопию, в которой живут люди наичернейшие, <к тому же> язычники. Когда же <тартары> достигли Великой <Индии>, обращенной <в христианство> апостолом Фомой, царь <этой> земли, которого обычно именуют пресвитер Иоанн, тотчас, хотя и не был хорошо подготовлен к войне, послал против них войско. Они использовали против тартар некую новую и неслыханную хитрость: они подготовили особым образом три тысячи всадников, впереди которых на седла посадили некие железные или бронзовые фигуры, которые содержали в своей полости живой огонь. И, прежде чем стрелы тартар могли их достичь, они начинали испускать огонь, раздувая кузнечные меха, которые располагались на седле под бедром каждой

Abendlanders wurde. Bern; München, 1977. S. 294. На чем основано это предположение, осталось неизвестным.

⁶³⁷ A. D. von den Brincken. Die „Nationes Christianorum Orientalium“ im Verständnis der lateinischen Historiographie von der Mitte des 12. bis in die zweite Hälfte des 14. Jahrhunderts. Köln; Wien, 1973. S. 399.

<фигуры>. Вслед за огнем они начали метать стрелы, чем войско тартар было приведено в беспорядок. Одни обожженные, а другие раненые, они пустились в бегство, <а> инды, преследуя их, перебили многих, а остальных изгнали из своих границ, так что впредь тартары к индам не возвращались. Сами тартары рассказывали нашим братьям, что инды расположили войско к бою, подняв воинов на стременах над <крупам> коней. „И прежде, чем мы успели понять происходящее, – <говорили они>, – те внезапно опустили в седла, и в нашу сторону брызнул огонь, за которым последовали их стрелы. Таким образом наше войско было обращено в бегство“. Поскольку в течение следующих восемнадцати лет инды не видели тартар, они им сказали через вестников: „Вы вторглись на нашу землю, как воры, а не как доблестные воины, но теперь знайте, что мы каждодневно готовы к вашему нападению. Так что, несмотря на то, что вы сами не осмелитесь придти к нам, ожидайте довольно скоро нашего нападения“» (НТ, 17).

Очевидно, что интрига сюжета заключена в огненосных медных фигурах – с их помощью инды одерживают победу. Возникает вопрос, почему в версии перевода брата Бенедикта это оружие названо новой и неслыханной военной хитростью, тогда как брат Иоанн называет летящий огонь «греческим огнем»? Насколько известно, этот вопрос не был предметом специальных исследований. Например, МакГрегор ограничивается предположением, что зажигательные устройства индов могли быть одним из видов оружия, которое использовалось монголами и хорезмийцами, но ближе всего, по его мнению, они напоминают хитрость Александра Великого в сражении с царем Индии, Пором. Устройство оружия индов исследователь не объясняет. Как показано ниже, в § 5, ни Александр, ни монголы, ни хорезмийцы не применяли в военных целях медные фигуры, мечущие огонь. Подобная огневая техника была известна только византийцам и использовалась ими в морских сражениях.⁶³⁸ Следовательно, загадочное оружие индов не литературный вымысел. Узнав тайну медных фигур, мы получим ключ к истории одного из самых «технологичных» военных изобретений раннего средневековья, к середине XIII в. ставшего уже легендой. Но прежде чем обратиться к истории происхождения отдельных элементов, назовем предполагаемые источники этого сюжета.

В «битве за Индию», как она описана в романе, самым неожиданным образом соединяются шесть тем: 1) христианская легенда о пресвитере Иоанне, царе Великой Индии;⁶³⁹ 2) вошедшая в фонд имперских мифов, несторианская легенда о битве Чингис-хана с пресвитером Иоанном; 3) боевые хитрости монголов, а именно, изготовление ими войлочных чучел; 4) эпизод из «Шахнаме» о железных всадниках, начиненных горячей нефтью, которых использовал Искандер в битве со слонами индийского царя Пора; 5) легендарные сведения о византийских огнеметах XI в.; 6) исторические известия о вторжении передовых отрядов Чингис-хана в Северную Индию. Как видим, автор романа использует разнохарактерные источники и, на первый взгляд, его выбор выглядит случайным. Отметим, что большая часть из выделенных тем давно известна исследователям, поэтому наша задача – выявить механизм сцепления их в единую картину. Подобную задачу в свое время ставил Риш и частично ее выполнил; однако он

⁶³⁸ MacGregor J. Tibet. A Chronicle of Exploration. London, 1970. P. 7.

⁶³⁹ Oppert. Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte. Berlin, 1870; Nowell C. E. The Historical Prester John // Speculum. 1953. XXVIII. P. 435-445; Richard J. L'Extreme-Orient légendaire au Moyen-Âge // Annales d'Ethiopie. II. 1957. P. 225-242; Wright J. K. The geographical lore of the time of the Crusades. A study in the history of medieval science and tradition in western Europe. New York, 1925. Второе издание: 1965; I. de Rachewiltz. Prester John and Europe's Discovery of East Asia. Canberra, 1972. P. 11; Bezzola G. A. Die Mongolen in abendländischer Sicht. (1220 – 1270). Ein Beitrag zur Frage der Völkerbegegnungen. Bern; München, 1974. S. 20-25; Sinor D. The Mongols and Western Europe // A History of the Crusades / ed. K. M. Setton. III. Madison, Wisc., 1975. P. 516-517; Gosman M. Otton de Freising et le Pretre Jean // Revue belge de philologie et d'histoire. LXI. 1983. S. 270-285; Паум Д. К. Географические представления в эпоху крестовых походов. М., 1988. С. 111, 253-254.

принимал за автора сюжета самого брата Иоанна, и, следовательно, настаивает на ошибках исторического характера, что делает построение Риша неприемлемым (об этом см. ниже § 3-4). Как было показано в первой главе, фантастическая часть донесений францисканской миссии 1247 г. не ошибка, а сочинение неизвестного восточного автора. В современных немецких исследованиях идея Пейнтера о существовании «Романа о Чингис-хане» популярностью не пользуется.

Единственный способ разрешения задачи заключается в принятии правил игры, предложенных автором романа. Эти правила заключаются в последовательной инверсии. Иным образом объяснить, почему каждая из представленных тем в процессе конструирования сюжета подверглась метаморфозе, не удастся. Так, например, миф о царстве пресвитера Иоанна был развеян к середине XIII в. – в нашем же сюжете это царство предстает во всем своем могуществе; в широко известном предании Чингис-хан одерживает победу над царем Великой Индии – в нашем сюжете, наоборот, монголы проигрывают индам, а Чингис-хан вообще не упоминается; неоспоримые достоинства монгольских лучников в условиях дальнего боя уступают возможностям метателей огня из войска пресвитера Иоанна и т. д. Одной из целей нашего исследования будет выяснение функциональной направленности этих «превращений». Сюжет, несмотря на его многослойность, воспринимается как цельное повествование. Истинный смысл композиции может быть раскрыт после суммирования результатов анализа каждой темы и ее отдельных элементов. Мы проследим, каким образом исходные импульсы (темы, элементы) сливаются в цельную картину.

Замечу, что большинство исследователей не рассматривает сведения брата Иоанна о битве монголов с царем Великой Индии как интригующую загадку. Достигается это простым путем – игнорированием некоторых элементов сюжета. Например, совершенно непонятно, что побудило Боржака, вопреки ясным свидетельствам, приписать хитрость с медными фигурами Чингис-хану.⁶⁴⁰ Согласно текстам из донесений францисканцев, Чингис-хан в битве с индами вообще не участвует, а медные фигуры принадлежат индам и приносят им победу. Царнке, известный своим капитальным исследованием истории легенды о пресвитере Иоанне, заявляет, что францисканская миссия принесла фальшивую версию исторических событий о вторжении монголов в Индию.⁶⁴¹ Другой пример. По мнению И. де Рахевильца, один из наиболее интересных разделов в донесениях францисканцев посвящен возникновению империи монголов, что показывает переработка легенд о пресвитере Иоанне и «Роман о Чингис-хане». Таким образом, Рахевильц не относит битву с войском пресвитера Иоанна к сюжетам романа, а катастрофа, приключившаяся с монголами, его не смущает. Эта история напоминает Рахевильцу легендарные описания битвы Александра с индийским царем Пором, чьи слоны были обращены в бегство македонцами, использовавшими раскаленные бронзовые статуи, заполненные горящими углями и размещенные на железных колесницах. Донесение брата Иоанна, пишет И. де Рахевильц, также отражает распространенные рассказы: 1) об использовании монголами в военных кампаниях войлочных подобий людей и зажигательных средств; 2) о поражении одного из монгольских военачальников в столкновении с хорезмийцами в 1221 г.⁶⁴² В последней статье, посвященной этой теме, И. де Рахевильц, пересказав содержание сюжета, который оценивается им как любопытная история, заключает: «В Центральной и

⁶⁴⁰ *Borzsák I.* Zentralasiatische elemente in dem Alexanderroman // From Hecataeus to Al-Huwarizmi. Bactrian, Pahlavi, Sogdian, Persian, Sanskrit, Syriac, Arabic, Chinese, Greek and Latin Sources for the History of Pre-Islamic Central Asia. Ed. by J. Harmatta. Budapest, 1984. S. 93. Это наиболее поразительный пример игнорирования сведений источника.

⁶⁴¹ *Zarncke F.* Der Priester Johannes, zweite abhanlung, enthaltend capitel IV, V und VI. Leipzig, 1876. S. 69-70.

⁶⁴² *I. de Rachewiltz.* Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971. P. 106-107.

Западной Азии, особенно в Персии, где поэма об Александре всегда была в центре внимания историографов, фрагменты из поэмы использовались для обогащения известных историй о завоеваниях Чингис-хана. <...> Вымышленные элементы в донесении Иоанна усилили убеждение Запада в том, что существование пресвитера Иоанна продолжается».⁶⁴³

Картина, нарисованная Рахевильцем, предстает набором осколков, из которых невозможно сложить единый рисунок. Известно, что Александр, придя в Индию, выиграл сражение; монголы, придя во владения царя Индии, проигрывают сражение, даже не успев вступить в бой. На вопрос – почему монголы проиграли эту легендарную битву – ответ отсутствует (этот вопрос даже не ставится Рахевильцем). Медные статуи понадобились Александру против слонов индов, в нашем сюжете слоны отсутствуют, а статуи не раскалены (они укреплены на спинах лошадей и за ними сидят люди с кузнечными мехами). Было бы интересно выяснить принцип действия этого оружия. И последнее, если эту историю придумали в Персии знатоки занимательных легенд об Александре, то какова была цель столь сложного замысла. Чтобы продлить жизнь мифа на Западе? Ни на один из этих вопросов исследование Рахевильца ответа не дает.

§ 2. Чингис-хан и пресвитер Иоанн.

Начнем с легендарной битвы между войском Чингис-хана и царем Индии, пресвитером Иоанном. Как уже было сказано, сведения об этом вымышленном событии передают многие христианские авторы XIII в. И все, как один, говорят о победе Чингис-хана, тогда как в нашем сюжете монголы терпят сокрушительное поражение.⁶⁴⁴ Можно смело предположить, что последнее представляет инверсию имперской легенды, имевшей хождение среди восточных христиан. Л. Ольшки убедительно показал существование двух фаз в развитии легенды о пресвитере Иоанне – западной и азиатской.⁶⁴⁵ По его мнению, новая тенденция получила толчок в середине XIII в. и была связана с политической мифологией монгольской империи. Нас, в данном случае, интересует азиатский вариант легенды о пресвитере Иоанне.

Приведенные ниже примеры являются своего рода «первичным» текстом, использованным автором романа при создании собственного сюжета. В исторической энциклопедии Винцентия из Бове⁶⁴⁶ ключевые моменты в описании битвы Чингис-хана с царем Давидом, сыном пресвитера Иоанна, аналогичны сведениям из донесения послов Людовика IX, несомненно, полученным из рук восточных христиан-несториан. Различие заключается только в эмоциональной оценке события, но результат совпадает: царь Великой Индии убит, а его подданные подчинились новому государю – монгольскому хану. Доминиканец Андре де Лонжюмо, вернувшись из Малой Азии, в донесении Лионскому собору 1245 г. утверждал, что нынешний монгольский хан – сын христианки, «ибо отец его, когда покорил себе всю Индию и того, кто называется пресвитером

⁶⁴³ I. de Rachewiltz. Prester John and Europe's Discovery of East Asia // East Asian History 11. June 1996, p. 69.

⁶⁴⁴ Этот факт отмечает и А. Д. фон де Бринкен, однако оставляет его без анализа, см.: A. D. von den Brincken. Die „Nationes Christianorum Orientalium“..., s. 399.

⁶⁴⁵ Olschki L. Marco Polo's Asia. An Introduction to His «Description of the World» called «Il Milione» / trans. from the italian by J. A. Scott. Berkeley and Los Angeles, 1960. P. 391-392. Версия легенды, изложенная братом Иоанном, в этом исследовании не рассматривается.

⁶⁴⁶ Считается, что эти сведения восходят к отчету Симона де Сент-Кантена, участника доминиканской миссии в Малую Азию в 1246 г., см.: Simon de Saint-Quentin. Histoire des Tartares / Publiée par Jean Richard. Paris, 1965. P. 7-19. (XXX, 69).

Иоанном (имя, которое дается всем царям Индии), убил, то взял в жены его дочь, а от нее родился тот царь, что ныне правит у тартар». ⁶⁴⁷

В 1246 г. царь Малой Армении Хетум отправил своего брата парона Смбата Спарапета в Монголию, к Гуюк-хану. В письме, посланном из Самарканда, Смбат сообщает кипрскому королю Генри Лузиньяну следующие сведения: «В Индии, где проповедовал и обращал благословенный апостол святой Фома, имеется еще некий христианский царь, который был осажден несколькими сарацинскими королями, своими соседями, начавшими против него жестокую и тяжелую войну, пока не пришли с этой стороны татары. Он подпал под их владычество и, присоединившись к их войскам, с такой яростью напал на сарацинов, что разбил врагов и захватил большую часть Индии». ⁶⁴⁸ Если брат Андре сообщает о победе монголов над пресвитером Иоанном, то согласно сведениям Смбата, христианский царь Индии покорился монголам без битвы. Однако оба христианских автора не сомневаются в военном успехе монголов.

Продолжим примеры, рисующие картину прямо противоположную той, что изложена в «Романе о Чингис-хане». ⁶⁴⁹ О покорении Чингис-ханом царства пресвитера Иоанна рассказывают брат Вильгельм де Рубрук, ⁶⁵⁰ и вслед за ним Роджер Бэкон. ⁶⁵¹ Французский рыцарь Жуанвиль, со слов путешествовавших на Восток послов Людовика IX, и Марко Поло, излагают близкие по содержанию известия о битве Чингис-хана с христианским царем Индии. В обоих повествованиях победу одерживает Чингис-хан. Так, согласно сведениям Жуанвиля, монголы «напали на своих врагов и, как угодно было Господу, одолели их. Всех, кто был в доспехах, они перебили; а тех, кого нашли в церковном облачении, священников и монахов, оставили в живых. Все остальные народы земли пресвитера Иоанна, не участвующие в этом сражении, подчинились им. Князь одного из этих народов исчез на три месяца, и о нем ничего не было известно. Когда он возвратился, то не испытывал ни голода, ни жажды, и думал, что отлучился всего навсего на один вечер. И поведал он вот что: он поднялся на превысокую гору и наверху встретил множество красивейших людей, каких никогда не видел, в прекрасных одеждах и украшениях; и на вершинах увидел он короля, красивее других, богаче всех наряженного и украшенного, восседавшего на золотом троне. <...> Король подозвал этого князя и сказал ему: „Это ты прибыл из войска татар?“. И тот ответил: „Да, сир, это я“. „Отправишься отсюда к своему королю и скажешь ему, что ты узрел меня, Того, кто является Владыкой неба и земли; и скажешь ему, чтобы он возблагодарил меня за победу, которую я ему послал над пресвитером Иоанном и его народом. И еще передашь от меня, что я дарю ему могущество, дабы подчинить всю землю“» (Жуанвиль. 480-483). ⁶⁵²

Анализируя этот сюжет, Фридман показал, что смысл легенды заключается в получении Чингис-ханом божественного мандата на завоевание мира, что подтверждается дальнейшими реальными военными успехами. Для нашего исследования важно наблюдение Фридмана, по мнению которого, интерес пророчества в том, что это не простое изложение мифа или фольклорный сюжет, а идеологическая легенда, связанная непосредственно с политическими событиями в Святой Земле. Дело в том, что

⁶⁴⁷ Матузова В. И. Английские средневековые источники, с. 161.

⁶⁴⁸ Смбат Спарамет. Летопись / Пер. с др.-арм., пред. и прим. А. Г. Галстяна. Ереван, 1974. С. XIX.

⁶⁴⁹ Привести примеры, подтверждающие картину, которая изложена в «Романе о Чингис-хане» невозможно по той причине, что они не существуют.

⁶⁵⁰ Вильгельм де Рубрук. XXVI, 1. Анализ этих сведений, см.: Olschki L. Marco Polo's Asia, pp. 394-396.

⁶⁵¹ Матузова В. И. Английские средневековые источники, с. 216-217.

⁶⁵² Friedman L. J. Joinville's Tartar Visionary // Medium Aevum 27/1. 1958. P. 1-7.

ряд обстоятельств позволяет предположить, что автором романа был, скорее всего, сириец-несторианин, который таким образом отреагировал на имперские мифы.

В рассказе Марко Поло военный спор Чингис-хана с пресвитером Иоанном, «о чем великом могуществе говорит весь свет», описан как грандиозное сражение. «Злее той схватки не было видано», но победа, в конечном счете, досталась Чингис-хану. Перед битвой христиане звездочеты гадают с помощью разломанной пополам палки об исходе столкновения и предсказывают победу монгольскому предводителю.⁶⁵³ Согласно же донесениям францисканской миссии 1247 г., битву выигрывает царь Индии, пресвитер Иоанн. Противостояние этих сведений всем прочим известиям бросается в глаза, остается лишь объяснить их происхождение. Кнефелькамп считает, что Иоанн де Плано Карпини соединил известный мотив с легендарной историей об Александре. Далее, он пишет: «В противоположность мнению других авторов, в этом случае, пресвитер Иоанн разбивает монголов и обращает их в бегство. Таким образом продолжается жизнь мифа о непобежденном христианском царе на Востоке».⁶⁵⁴ Возникает вопрос, почему же другие латинские авторы не пожелали «продлить жизнь мифа»? По мнению Шмидер, брат Иоанн на Востоке услышал монгольскую версию легенды о пресвитере Иоанне, и затем отождествил его с персонажем из европейской традиции. Но это отождествление, считает Шмидер, не имело силы, поскольку другие путешественники приняли этого царя за побежденного противника Чингис-хана.⁶⁵⁵ Как видим, ни одно из этих объяснений ни на шаг не приближает нас к пониманию проблемы.

Вернемся к средневековым известиям. Ни о каких военных хитростях индов ни Жуанвиль, ни Марко Поло не сообщают, хотя дают развернутые описания битвы. Все это выглядит настолько поразительно, особенно если вспомнить, что в своих легендарных посланиях пресвитер Иоанн рисуется могущественным царем царей. Этот парадокс отмечает Марко Поло, поскольку вынужден объяснить своим читателям, почему христианский царь проиграл язычнику Чингис-хану. Очевидно, что брату Вильгельму, Жуанвилю и Марко Поло известна официальная легенда, прославляющая подвиги Чингис-хана. Образ непобедимого воителя сложился в рамках имперского культа этой личности. О божественном предсказании в пользу предводителя монголов в поединке с пресвитером Иоанном сообщает Марко Поло. В сюжете же, изложенном папскими посланниками, соперники меняются местами. Из сравнения имперской легенды с версией, записанной францисканцами, с очевидностью следует, что последняя представляет собой текст с зеркально перевернутым содержанием: монголы сталкиваются с неслыханной военной хитростью индов и проигрывают. Собственно для этого и понадобилось автору романа снабдить индов фантастическим оружием. Простая инверсия легенды выдавала бы заурядный замысел и лишала бы игру глубины. Другое дело, когда армия божественного Чингис-хана испытывает на себе силу немыслимого оружия. В середине XIII века в Центральной Азии невозможно было найти место для самостоятельного и могущественного царства пресвитера Иоанна.⁶⁵⁶ Все было подчинено власти монголов. Тем удивительнее содержание сюжета, в котором этот царь побеждает войско монголов и грозит им новыми поражениями. Мифической географии походов армий Чингис-хана соответствуют мифические события. Этот вымышленный эпизод лишний раз подчеркивает, что в ставке хана Гуюка францисканцам удалось разыскать необычный источник сведений.

⁶⁵³ Марко Поло. LXVII, с. 86-87.

⁶⁵⁴ Knefelkamp U. Die Suche nach dem Reich des Priesterkönigs Johannes. Freiburg, 1985. S. 64.

⁶⁵⁵ Schmieder, s. 83.

⁶⁵⁶ Ср. попытки брата Вильгельма и Марко Поло дать «рациональное» объяснение происхождению легенды о пресвитере Иоанне, см.: Olschki L. Marco Polo's Asia, pp. 392-397.

В какой культурной среде могло родиться сочинение, рисующее фантастические поражения монгольских армий? Анализируемый сюжет отчасти позволяет ответить на этот вопрос. Вероятнее всего, авторами были восточные христиане-несториане.⁶⁵⁷ В пользу этого предположения можно привести некоторые наблюдения: инды, побеждающие монголов, христиане (и это единственный случай победы, когда соперниками монголов выступают люди, а не монстры или необычные природные явления); пророчество о том, что монголы будут побеждены неизвестным народом и должны будут соблюдать религиозный закон победителя, наиболее близкие параллели имеет в христианских сирийских сочинениях; происхождение имени *тартары* от названия реки Тартар⁶⁵⁸ также имеет близкие аналогии в сирийских сочинениях.

Можно не сомневаться, что для автора романа миф о царе Великой Индии всего лишь занимательный рассказ, старый материал, из которого он кроит новую историю. В обретении этим царем неслыханного оружия скрыта ирония по отношению к самой легенде. Для современного исследователя встает трудный вопрос о «наивности» средневековой европейской элиты, отправлявшей дипломатических посланников в мнимое царство пресвитера Иоанна и «утонченности» восточных авторов, которые инициировали подобные литературные утопии.⁶⁵⁹ Вопрос можно сформулировать более корректно. Легенда о пресвитере Иоанне входила в фонд литературных несторианских мифов, соответственно, у них не было причин заниматься поисками этого царства. Но как только миф о пресвитере Иоанне попал в руки западных христиан, он моментально обрел реальные контуры.

В нашем сюжете пресвитер Иоанн не только побеждает армию монголов, но и, подготовив ответную акцию, открыто заявляет об этом. Приведенные ниже сведения подтверждают литературный характер анализируемого сюжета, хотя и в данном случае не исключена инверсия мотива.⁶⁶⁰ Относительно эпизода с вестниками, которых инды посылают к монголам с целью предупредить последних о скором нападении, можно привести параллель из космографии Закарийя ал-Казвини: «Цари Рума называются цезарями и считаются деятельными, умными и знающими среди царей мира, совершенными среди них своим разумом, обладающими большим количеством войск и снаряжения. Государство их обширно и богатства многочисленны. В их правилах – не нападать на своего врага врасплох. Если пожелают пойти войною на какую-то страну, извещают об этом ее правителя: „Мы желаем в текущем году пойти войною на твою страну. Готовьтесь и ожидайте встречи с нами“» (*Закарийя ал-Казвини*. II, с. 111-112).

Ср. также со слухами, которые распространились во время крестового похода 1218 – 1222 гг.: «Во всем христианском мире ходили слухи, что индийский царь Давид, называемый священником Иоанном, приближается с большим войском, покорил Персию, Медию и много других сарацинских земель и *известил* халифа Багдадского

⁶⁵⁷ МакГрегор высказывает предположение, что в основе сведений брата Иоанна лежит несторианский источник, а миф о пресвитере Иоанне искажен, см.: *MacGregor J. Tibet. A Chronicle of Exploration*. London, 1970. P. 6-7.

⁶⁵⁸ *Liber Tartarorum*. V. 2; *Historia Tartarorum*. 3; подробнее, см. главу 1. 6.

⁶⁵⁹ Ср.: *Helleiner K. F. Prester John's Letter: A Medieval Utopia // The Phoenix*. III, 1. 1959. P. 47-57; *Olschki L. Der Brief des Presbyters Johannes // HZ* 144. 1931. S. 1-14; *Olschki L. Storia letteraria delle scoperte geografiche. Studi e ricerche*. Firenze, 1937. P. 194-214.

⁶⁶⁰ Так, согласно Марко Поло, Чингис-хан поступил следующим образом: «Созвал он свой народ и начал делать приготовления, каких и не было видано и не слышано было. Дал он знать пресвитеру Иоанну, чтобы тот защищался, как мог, идет-де Чингис-хан на него, со всею своею силою» (*Марко Поло*. LXVI, с. 85).

Балдака, верховного папу сарацин, что хочет идти войной на него и на все язычество, если тот не перейдет в христианскую веру».⁶⁶¹

Отправка вестников царем Индии может быть сопоставлена с появлением посольства асимметричных людей при дворе великого хана. В обоих случаях, потревоженные монголами границы вымышленных областей влекут одно и то же следствие – отправку посольств.

Итак, мы убедились, что победа индов есть результат инверсии, благодаря которой содержание имперской легенды предстало в перевернутом виде. Зеркальные преобразования заимствованных сюжетов – обычный прием автора романа. Подобное построение позволило автору изобразить очередное поражение армии Чингис-хана. Но истинный смысл картины столкновения монголов с необычным противником заключается в оружии, которым владеют инды. Введение в описание битвы медных фигур, способных метать огонь на большое расстояние, позволило с иронией обыграть прославленные военные приемы монголов: дальность полетов их стрел и хитрость, связанную с использованием войлочных подобий людей (см. § 4). Тот факт, что автор романа не ограничился инверсией, а придумал неслыханное оружие, показывает, что не в последнюю очередь его занимал игровой аспект вымышленного сюжета.

§ 3. Битва за Индию.

Немецкий исследователь Ф. Риш в сюжете о вторжении монголов в Великую Индию видит отражение реальных событий, вставленных в рамку легендарного повествования о походе Александра в Индию.⁶⁶² Риш отмечает и инверсию некоторых эпизодов. П. Даффина вначале также склоняется к буквальному пониманию событий, а в заключение указывает на переплетение сказаний о пресвитере Иоанне с античными легендами об Александре Македонском.⁶⁶³ Оба комментатора, указав источники заимствованных тем, не идут в своем анализе дальше предположения о том, что авторами этой истории были францисканцы. Подобную концепцию разделяют большинство исследователей.⁶⁶⁴ Иными словами, сведения францисканцев анализируются как исторический текст, в который внесены мифические элементы. На самом же деле, перед нами литературный текст, эпизод «Романа о Чингис-хане», весьма искусно сконструированный (на основе шести указанных выше тем) неизвестным восточным автором. Рассмотрим аргументы Риша и исторические свидетельства, на которые он ссылается.

⁶⁶¹ Хенниг. Т. III, с. 28-29.

⁶⁶² Риш пишет, что в рассказе брата Иоанна преследование монголами султана Джелал ад-Дина до Инда соответствует их войне против Малой Индии. Отправка же двадцатитысячного отряда через Инд, который вернулся, не выполнив миссии, по его мнению, соответствует проигранной войне против Великой Индии. Верно также и то, пишет Риш, что монголы сюда больше не возвращались, поскольку были заняты другими завоеваниями (*Risch*, s. 125).

⁶⁶³ По мнению Даффина, «брат Иоанн, без сомнения, намекает, хоть и в фантастической форме, на быстрое вторжение, которое в 1221 г. Чингис-хан осуществил в северо-западную Индию, преследуя султана Джелал ад-Дина» (*Daffinà*, pp. 436-437).

⁶⁶⁴ В новых исследованиях эта идея поддержана польскими авторами, см: SDH, s. 192, kom. 73-74. Там же ссылка на исследование Г. Лабуды, в котором проводится параллель между битвой при Перване и битвой Александра с Пором, см.: *Labuda G. Zaginiona kronika z pierwszej połowy XIII w. w Rocznikach Królestwa Polskiego Jana Długosza. Próba rekonstrukcji* (Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, seria Historia nr 106). Poznań, 1983. S. 241-242. Cp. также: *Sinor D. On Mongol Strategy // Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference*, ed. Ch'en Chien-hsien. Tainan, Taiwan, 1975. P. 244-245.

Какова была реальная картина событий? Джелал ад-Дин отступал перед натиском монголов до самых берегов Инда. Решающая битва между мусульманским войском и монголами произошла, по словам ан-Насави, на берегу Инда 21 ноября 1221 г. Джелал ад-Дин был разбит. Чингис-хан не считал нужным переправляться через Инд вслед за Джелал ад-Дином. В следующем году двадцатитысячный отряд монголов пытался настигнуть султана в Северной Индии. Однако монголы не выдержали жары и повернули от Мултана назад. По словам Рашид ад-Дина, нойоны, посланные в погоню за султаном «дошли до середины Хиндустана и не нашли его следов. <...> Монголы предали избиению и грабежу области Мултан, Лахавур, Пешавер и Маликфур и, переправившись через реку Синд, присоединились к Чингис-хану». ⁶⁶⁵

Обратный путь Чингис-хан хотел совершить через Индию, Гималаи и Тибет и с этой целью отправил послов в Дели. Однако путь через горы был закрыт снегами; к тому же гадатели не советовали хану идти в Индию. Об этих событиях историки Джувейни и Джузджани имеют весьма смутное представление. ⁶⁶⁶ Ан-Насави рассказывает, что в это же время правитель Хатисара направился с войском, в котором было триста слонов, против султана Джелал ад-Дина, но, столкнувшись с его авангардом, запросил мира. ⁶⁶⁷ В «Сокровенном сказании» о преследовании султана сообщается, что Чингис-хан, проведя в Средней Азии семь лет, перед возвращением в Монголию, дождался нойона Бала, который «дошел даже до середины Хиндуской страны, но, будучи не в силах вести дальнейшее преследование, он повернул назад и, разорив и полонив пограничный хиндуский народ и набрав множество верблюдов, прибыл к Чингис-хану». ⁶⁶⁸ Это же событие нашло отражение в старинном китайском сказании о Чингис-хане. ⁶⁶⁹ Такова картина исторических событий. Возникает вопрос: могла ли она каким-то образом отразиться в описании легендарного похода второго войска монголов, посланного Чингис-ханом на юго-восток. Скорее всего, да. Но при условии, что разведовательный поход Бала-нойона на Пенджаб, в труднодоступные горные области на севере Индии в 1222 г. повлиял на внешнее оформление этой легендарной картины, включающей поход в Малую и Великую Индии и Буритебет (подробнее об этом см. в главе 1. § *).

И лишь один реальный эпизод из боевого столкновения передового монгольского отряда с Джелал ад-Дином, на первый взгляд, мог бы послужить импульсом для развития легендарного сюжета. Речь идет о боевой хитрости монголов, а именно, изготовлении войлочных чучел наподобие людей, которые помещались на свободных лошадях с целью создать у противника иллюзию многочисленности монгольского войска. Риск, несомненно, прав, предполагая связь между медными статуями индов, которых те усаживают в седла лошадей, и войлочными куклами монголов. Следует лишь уточнить характер этой связи. Навеян ли наш сюжет каким-то конкретным случаем из бесчисленных монгольских битв, или отражает явление в целом? Эпизоды романа балансируют на грани известий о реальных событиях и вымышленных историй. И все же, поиск скрытой реальности в сюжетах романа, бесполезное занятие. Как уже было отмечено, автор стремится не только изобразить поражения монголов, куда важнее для него представить их значимые военные символы с обратным знаком. Достаточно

⁶⁶⁵ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 224.

⁶⁶⁶ Бартольд В. В. Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 520-521; Ср.: Boyle J. A. The Mongol Invasion of Eastern Persia // History Today. 1965. XIII. P. 614-623.

⁶⁶⁷ ан-Насави, с. 129-130.

⁶⁶⁸ «Сокровенное сказание», § 264.

⁶⁶⁹ Старинное китайское сказание о Чингисхане / Перевод с предисл. и примеч. архим. Палладия // Восточный сборник. СПб., 1877. Т. I. С. 194.

напомнить другой сюжет, в котором магнитная гора лишает армию Чингис-хана всего оружия.

§ 4. Военная хитрость.

Хитрость, связанная с изготовлением войлочных чучел, была одним из боевых приемов монголов. В шестой главе своей книги брат Иоанн дает исчерпывающую характеристику этой тактики: «А когда они собираются вступить в сражение, то располагают все боевые порядки так, как они должны сражаться. Князья же или начальники войска в бой не вступают, но держатся вдалеке от неприятельского войска, и рядом с ними на конях сидят дети и женщины и <тут же находятся> кони <без седоков>, а иногда они изготавливают фигуры людей и сажают их на коней: <все> это они делают для того, чтобы создавалось впечатление, будто сражающихся – великое множество. <...> И, хотя бы их было иногда немного, противниками, которые ими окружены, считается, что их много и особенно, когда они видят тех, кто находится с князем или начальником войска – детей и женщин, и коней, и искусственных людей, как <об этом> сказано выше, относительно которых они думают, что это воины и вследствие этого устрашаются и приходят в замешательство» (LT, VI. 14).

Рогерий, сплитский архиепископ (1249 – 1266), еще в бытность свою каноником в Варадине, написал «Жалобную песнь о разрушении Венгерского королевства», где упоминает эту же монгольскую хитрость.⁶⁷⁰ Сведения латинских авторов подтверждаются независимым источником. Во время боевых действий в Средней Азии малочисленное монгольское войско устремилось в погоню за султаном Джелал ад-Дином. Под Перваном монголы решили принять бой с превосходящим по численности противником. Согласно Рашид ад-Дину, «монголы отдали <по войскам> приказ, чтобы каждый всадник укрепил на своем коне чучело человека из войлока и прочего и держал бы за спиной. В течение ночи они смастерили <эти чучела> и на следующий день построили ряды. Когда войско султана увидело эту тьму <войск>, оно вообразило, что к монголам подоспело подкрепление, и сделало попытку к бегству».⁶⁷¹ Однако султану удалось воодушевить своих воинов и они успешно атаковали монголов. Это сражение монголы проиграли. И рассказ о нем был известен. Риш пишет, что известия Иоанна де Плано Карпини и Рашид ад-Дина совпадают в двух деталях, во-первых, монголы были побеждены, а, во-вторых, оба автора рассказывают о хитрости с подобиями людей. По мнению Риша, именно брат Иоанн должен был приписать использование этой хитрости врагу, на чьей стороне оказалась победа, и он же осуществил замену войлочных кукол на медные огненосные фигуры, опираясь на известный литературный сюжет о походе Александра в Индию.⁶⁷² Остается только объяснить каким образом султан Джелал ад-Дин превратился в легендарного царя Великой Индии.

Комментарий Риша наглядно и убедительно показывает искусственный характер построения сюжета о битве монголов за Великую Индию, однако принять его систему объяснений невозможно по нескольким причинам. Во-первых, брат Иоанн не был автором этого сюжета. Справедливости ради отметим, что сочинение брата Ц. де Бридиа, в котором ясно указывается, что францисканцы лишь передают услышанные ими сведения, Ришу не могло быть известно. Во-вторых, поражение монголов в битве с пресвитером Иоанном, является инверсией официальной монгольской легенды, приписывающей победу Чингис-хану (см. § 2). Это легендарное событие не имеет точек соприкосновения с реальностью. Битва Чингис-хана с пресвитером Иоанном такой же

⁶⁷⁰ Rogerii Carmen miserabile // SRH / Ed. E. Szentpétery. Budapest, 1937. Т. II. 568.

⁶⁷¹ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 221-222.

⁶⁷² Risch, s. 125.

миф, как и рождение монгольского императора от луча солнца или получение им божественных законов от златокрылого орла. Инверсия содержания общеизвестных легенд, связанных с личностью божественного Чингис-хана, один из излюбленных приемов автора романа. В-третьих, эпизод из Истории Александра не приближает к пониманию принципа действия медных фигур индов. Раскаленные статуи помогли воинам Александра справиться с натиском боевых слонов Пора, обжигая хоботы животных, тогда как в нашем сюжете медные фигуры испускают огонь на большое расстояние, а слоны вообще не упоминаются. Вопреки мнению большинства исследователей, описанные исторические события и История Александра (в ее греческой и латинской версиях) вряд ли имеют прямое отношение к легендарной битве монголов с царем Индии, пресвитером Иоанном.

Вернемся к вопросу о метаморфозе войлочных фигур в медные. Это превращение демонстрирует совершенно необычный прием обработки сведений реального характера неизвестным средневековым сочинителем. Напомню, что в битве монголов с пресвитером Иоанном к хитрости с фигурами прибегают инды, причем эти фигуры медные. Следовательно, происходит *тройная инверсия* исходного элемента: согласно авторскому замыслу, войлочные подобию людей превращаются в медные, это оружие находится в руках индов и оно приносит им победу. Монголам нечего противопоставить удивительному оружию индов.

В XIV в. наследником боевых традиций монголов было конное войско Тимура. Испанскому послу Руи Гонсалесу де Клавихо известен случай, когда войско Тимура использовало женщин, усаженных на коней, для введения противника в обман. Речь идет о военной хитрости, к которой прибег Тимур, чтобы ввести в заблуждение хана Тохтамышша, с целью овладеть переправой через Терек. Оба войска двигались вверх по реке от места переправы. «На третью ночь Тамурбек приказал в войске, чтобы женщины надели шлемы <и стали похожи> на мужчин, а всем мужчинам велел скакать как можно скорее <обратно> и каждому взять двух лошадей, на одной ехать <самому>, а другую вести на поводу. Оставив свой стан <на месте>, то есть женщин, похожих на мужчин, пленников и рабов с ними, сам <Тамурбек> вернулся назад к переправе; и все пройденное за три дня расстояние он преодолел за одну ночь и переправился через реку». ⁶⁷³ Как известно, Тимур выиграл это сражение. Посланник английской королевы Елизаветы Джильс Флетчер, побывавший в России в 1588 г., пишет, что крымские татары в некоторых ситуациях использовали чучела, чтобы обмануть противника: «Когда они делают набег с небольшим числом войска, то сажают на лошадей чучела, в виде людей, чтобы их казалось более». ⁶⁷⁴

Без сомнения, в описании боевой хитрости индов – медных фигур, укрепленных на лошадях, нашел отражение один из элементов военной практики монголов. Автор «Романа о Чингис-хане» прилагает прием инверсии как к результату битвы в целом, так и к некоторым ее эпизодам. По замыслу автора, в Великой Индии монголы сталкиваются не с божественной преградой (как в других сюжетах), а с неслыханной военной хитростью легендарного противника. В данном случае с иронией обыгрывается одна из боевых монгольских хитростей, представленная в перевернутом виде. Войлочные чучела монголов, видимо, не раз помогавшие им в реальных сражениях, превращаются в войске индов в медные фигуры всадников. Поиском ответа на вопрос – почему именно в медные фигуры – мы и займемся ниже.

Отметим еще одну важную подробность сюжета – инвертированный характер общеизвестных представлений о монгольских лучниках. Неоспоримым достоинством

⁶⁷³ Руи Гонсалес де Клавихо, с. 144.

⁶⁷⁴ Флетчер Дж. О государстве русском. 1591 г. / Под ред. князя Н. В. Голицына. СПб., 1911. С. 112.

монгольской конницы, кроме скорости передвижения, было умение метать стрелы на большое расстояние, а тактической особенностью был упреждающий удар. Эта подробность была хорошо известна брату Бенедикту. Он сообщает следующее: «Когда же они должны сойтись с врагами, многие из них вооружаются большим количеством колчанов и стрел, и прежде чем стрелы противника достигнут их, они выпускают свои, даже если это преждевременно и они не могут выпускать <стрелы> прицельно. А когда они могут достать <противника> стрелами беспрепятственно, говорят что, <это напоминает> скорее дождь, чем летящие стрелы. И это <происходит> по причине крайней густоты <летающих> стрел» (НТ, 58).⁶⁷⁵

В легендарной битве с индами представлена обратная ситуация: «*прежде чем* стрелы тартар могли их достичь, они начинали испускать огонь, раздувая кузнечные меха <...>. Вслед за огнем они начали метать стрелы, чем войско тартар было приведено в беспорядок». Иными словами, инды с успехом используют «монгольскую» тактику упреждающего удара. Поэтому можно утверждать, что представленный сюжет отражает не столько реальное событие (битву с султаном Джелал ад-Дином), сколько инверсию прославленных военных приемов монголов. Близкая по характеру ситуация описана и в битве монголов с войском мужчин-псов: ни стрелы, ни мечи монголов не могут причинить вреда покрытым ледяными панцирями псам. В метании стрел монголы уступают и в поединке с асимметричными существами.

§ 5. Медные статуи в романе об Александре.

Какой литературный источник лежит в основе сюжета о медных фигурах, - грозном оружии пресвитера Иоанна? На первый взгляд, совершенно ясно, что таким источником является легендарная история об Александре Псевдо-Каллисфена, а именно, эпизод битвы Александра с индийским царем Пором (редакция А. III. 3, 3). На стороне Пора страшное оружие – боевые слоны. Против боевых слонов Александр находит неожиданное решение: он приказывает изготовить медные статуи, раскалить их и направить на слонов. Хитрость удалась. Обожженные слоны повернули вспять. Однако в не менее легендарной битве монголов с царем Индии, пресвитером Иоанном, сюжет кардинально меняется: боевые слоны отсутствуют вообще, а медные статуи превращаются в некое загадочное устройство, снабженное кузнечными мехами, и испускающее на противника греческий огонь. Необычное оружие находится в руках индов и с его помощью они побеждают монголов. Напрашивается вывод: в истории Псевдо-Каллисфена и в донесениях францисканцев говорится о разных вещах. И как будет показано ниже, в рассказ о битве за Индию вводятся необычные детали, отсутствующие в «Александриях». В построении этого эпизода искусство комбинаций, которое демонстрирует автор романа, достигает высшей точки. Он придумывает новое оружие.

Никто из исследователей не рассматривает медные фигуры индов как загадочное оружие XIII в. По мнению Даффина, военная хитрость с огненными фигурами заимствована из греческого романа об Александре.⁶⁷⁶ Ранее эту же мысль высказал Риш⁶⁷⁷ и сегодня эта точка зрения является общепринятой.⁶⁷⁸ Для того чтобы убедиться в

⁶⁷⁵ Ср. с наблюдениями Марко Поло: «Вооружение у них лук, меч и палица; всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки» (Марко Поло, с. 90).

⁶⁷⁶ Daffinà, pp. 436-437.

⁶⁷⁷ Risch, s. 125.

⁶⁷⁸ I. de Rachewiltz. Prester John and Europe's Discovery of East Asia, p. 11; Id., Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971, p. 107. Исключение, составляет мнение Шмидер, которая предполагает, что речь идет о «греческом огне», применяемом византийцами. Она считает, что

несостоятельности этой теории, следует, в первую очередь, обратиться к тексту Псевдо-Каллисфена (III, 3). Александр и индийский царь Пор обмениваются резкими посланиями.

«Пор же, познакомившись с содержанием письма, заволновался и тотчас пригнал огромное множество варваров, слонов и прочего рода зверей, обычно сражавшихся рядом с индийцами. Когда же македонцы и персы подошли и увидели боевые порядки врага, то устремились не от множества его, а от <вида> зверей. Тогда же испугался и Александр, смотря на эту невидаль из зверей, ибо он имел обыкновение сражаться с людьми, а не со зверями. <...>. Итак, хорошо обдумав про себя <ситуацию> и проделав собственный расчет о том, каким образом уничтожить или отогнать зверей, что же делает благоразумный Александр? Так как он имел медные статуи, то он приказывает, чтобы они тщательнейшим образом были разогреты и благодаря железному вооружению в ходе сражения приняли на себя опасность со стороны животных. В гневе набрасывались на них животные и в гневе хватились за статуи, и воспламенялись их пасти. И таким образом гнев животных обратил в свою пользу благоразумный Александр».⁶⁷⁹ Ср. с другим вариантом: «Так как он <Александр> имел медные статуи и, поставив доспехи воинов, приказал это тщательнейшим образом разогреть и как только огонь был в очагах, распоряжается поставить все это впереди перед строем. И заиграла воинственная музыка и тотчас Пор приказал отпустить зверей».⁶⁸⁰

В еврейской версии «Александрии» (XII в.) рассказывается, как Пор подготовил к войне с Александром 400 слонов, на каждом из них две башни, в каждой башне по 50 человек. Александр приказывает сделать медных слонов, которых наполняют горячими угольями; о них обжигаются испуганные слоны Пора.⁶⁸¹ Даффина ссылается на исследование Кроля, который, комментируя эпизод со статуями Александра, приводит в качестве любопытной параллели историю вторжения царицы Семирамиды в Индию. Согласно Диодору, Семирамида, зная о боевых слонах индийского царя, прибегла к хитрости. Она приказала изготовить из бычьих шкур подобия слонов и внутрь этих фигур поместить верблюдов с погонщиками.⁶⁸² Несмотря на всю занимательность этого повествования, оно никак не способствует прояснению нашего сюжета.⁶⁸³

В поэме Вальтера Шатильонского (XII в.) Александр, сражаясь со слонами Пора, вообще не использует никакой хитрости, полагаясь лишь на доблесть своих воинов.⁶⁸⁴ Напротив, в латинской рукописи XIV в., которая содержит текст романа об Александре («История о сражениях Александра Великого») имеется эпизод битвы со слонами с помощью огненных статуй: «Александр приказал сделать множество бронзовых статуй и поставить их в огонь, чтобы они раскалились, и наполнил их горящими углями, чтобы их жар не остыл. И сделал железную колесницу, в которую поместил их, и направил ее

подобная техника метания огня была известна и в Китае; поэтому, в случае описанном Иоанном, следует видеть не «греческий огонь», но некий опасный легко возгорающийся материал, см.: *Schmider*, s. 134.

⁶⁷⁹ *Kroll W. Historia Alexandri Magni. Berlin, 1926. I. S. 101-102.*

⁶⁸⁰ *Pseudo-Callisthenes. Primum edidit C. Miller // Arriani. Anabasis et Indica. Paris, 1846. III, 3.*

⁶⁸¹ *Веселовский А. Н. Новые данные для истории романа об Александре // СОРЯС имп. АН. СПб., 1892. Т. LIII. № 7. С. 45.*

⁶⁸² *Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. II. XVI - XIX.*

⁶⁸³ Напротив, Боржак считает, что хитрость Семирамиды «возвращается» в средневековые тексты в виде медных и войлочных фигур, применяемых монголами, см.: *Borzsák I. Zentralasiatische elemente in dem Alexanderroman, s. 93.* Фантастическая идея Боржака не имеет никаких оснований. На вооружении монгольских армий медные статуи не значатся.

⁶⁸⁴ *Walter von Chetillon. Das Lied von Alexander dem Großen / Übersetzt, kommentiert und mit einem Nachwort versehen von G. Streckenbach. Heidelberg, 1990. Кн. IX. V. 140-162.*

против слонов. И, испугавшись ее, слоны вытянули свои хоботы, чтобы схватить статуи в колеснице, и тотчас обожглись сильным жаром, и, повернув назад, больше не шли в сражение».⁶⁸⁵ Статуи Александра не являются грозным оружием, они просто раскалены, а об испускании огня нет и речи. На западноевропейских миниатюрах XV в. обычно изображены не статуи, а какие-то технические устройства на двух колесах с укрепленными на них металлическими шарами.⁶⁸⁶ Надо полагать, что шары раскалены. Поразить слонов этим оружием можно лишь в том случае, если слоны соприкоснутся с шарами. Согласно же сведениям францисканцев, огонь посылаемый медными всадниками, поражает противника на расстоянии. Огненные фигуры индов снабжены кузнечными мехами. Последнее обстоятельство представляется наиболее загадочным.

Что же общего в нашем сюжете и «Александриях»? Во-первых, битва за Индию, во-вторых, огненосные статуи. На этом сходство заканчивается. Существенное различие заключено в устройстве медных фигур. В античных исторических произведениях об Александре Македонском эпизод с огненными статуями отсутствует. Согласно сведениям Квинта Курция Руфа, успех в битве Александра с войском и слонами Пора был достигнут благодаря тому, что македонцы смогли ранить ноги слонов специальными топорами.⁶⁸⁷ Диодор пишет, что в этой битве македонцы, несмотря на ужас перед слонами, поражали боевых животных стрелами и дротиками, пока последние, обезумев от боли, не понеслись на своих, топча и давя их.⁶⁸⁸ Слоны в войске Пора действительно представляли большую опасность для противника. Согласно Арриану, «это было сражение, не похожее ни на одно прежнее. Слоны врывались в ряды <македонской> пехоты, поворачивались, и в этом месте строя македонцев как не бывало. <...> Слонов оттеснили, наконец, в узкое место и здесь <...> толкаясь и топча людей, вреда своим они наносили не меньше, чем врагам. <...> Македонцы, если вокруг было просторно, и они могли напасть на слонов, обычно разбегались, когда животные устремлялись на них, а когда они поворачивались, преследовали их и метали копья <...>. Наконец, животные устали, обессилели и начали, посапывая, отходить назад, повернувшись к врагу, словно корабли, которые идут вспять».⁶⁸⁹

Как видим, сведения легендарного характера об использовании бронзовых статуй в битве с индами в античных исторических произведениях об Александре отсутствуют. В латинской же «Александрии» раскаленные бронзовые статуи, обжигая хоботы слонов, повергают их вспять. Статуи сделаны полыми, они раскалены и наполнены горящими углями, их ставят на колесницы и направляют против слонов. Победа достигается с помощью военной хитрости – огня, заключенного в бронзовых статуях. Различные версии романа Псевдо-Каллисфена не дают искомого ответа о «летащем» в противника огне. Собственно, ответ и не может быть найден в рамках «Александрий». Даже наиболее близкая к «Роману о Чингис-хане» параллель из поэмы Фирдоуси «Шахнаме» (X в.), в которой говорится о натиске железных огненных всадников, начиненных горящей нефтью, далека от интересующего нас сюжета:

⁶⁸⁵ Латинская рукопись «*Historia de preliis Alexandri Magni*» из собрания библиотеки РАН (F. 10). Перевод О. Н. Блескиной. О различных версиях латинских «Александрий» см.: Блескина О. Н. Латинская рукопись «История о сражениях Александра Великого» (F. 10) // Материалы и сообщения по фондам отдела рукописной и редкой книги библиотеки Российской АН. СПб., 1994.

⁶⁸⁶ Ross D. J. A. *Illustrated Medieval Alexander-Books in Germany and the Netherlands. A study in comparative iconography*. Cambridge, 1971. Fig. 192, 226, 255.

⁶⁸⁷ Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. ред. А. А. Вигасин. М., 1993. VIII. 14. 24 – 31.

⁶⁸⁸ Диодор Сицилийский. XVII. 88.

⁶⁸⁹ Арриан. Поход Александра / Пер. М. Е. Сергеев. М., 1993. V. 17.

«Нефть разом в железных конях подожгли

Румийцы, и хинды в смятение пришли.

Не всадники на скакунах боевых –

Железо горящее мчится на них».

(«Шахнаме». Т. 5. С. 31).

Здесь повторяется та же самая легендарная особенность: противник должен соприкоснуться с раскаленными предметами; о «летащем» огне нет и речи. Хотя стоит отметить, что мотив медных огненных всадников является ведущим в описании битвы монголов с царем Великой Индии.

Напомним, что в «Романе о Чингис-хане» сюжет с огненными фигурами (если его сравнивать с походом Александра) «перевернут». Трудно отрицать связь рассматриваемого сюжета с одним из ярких эпизодов восточной «Александрии». Однако разница в композиции и в устройстве статуй настолько существенна, что можно смело говорить об уникальности повествования о Чингис-хане. В описание огненных фигур вносится совершенно новый момент, к тому же абсолютно непонятный францисканцам. На мой взгляд, речь идет об утраченной к XIII в. секретной технике метания *жидкого* греческого огня, когда нефть разогревали в герметических котлах; туда же нагнетался воздух с помощью мехов (эта деталь позволяет понять, странные, на первый взгляд, кузнечные меха, расположенные под бедрами фигур). Собственно, утрата реальных представлений о подобной технике огневого боя, и позволила перейти им в плоскость легенды. Сохранилась (вплоть до XIX в.⁶⁹⁰) лишь память о том, какое сильное впечатление производило это оружие на современников. Эта гипотеза нуждается в доказательствах. О герметичности железных коней и всадников говорится и в «Шахнаме»:

«Гвоздями и медью все щели зашив

И черною нефтью коня начинив,

его изнутри вслед за тем подожгли»

(Шахнаме. Т. 5. С. 31).

Согласно «Шахнаме», нефть горит внутри железных коней, что, в некотором смысле, соответствует традиционной тактике огневого боя на Востоке – метанию сосудов с пылающей нефтью. Тогда как выброс огненной струи предполагает принципиально иную технику, связанную с разогреванием (но не горением) нефти в герметично закрытых котлах. В котлы нагнетался воздух, что создавало высокое давление. Разогрев смесь, в нужный момент открывали кран, запирающий выход из котла в сифон, к выходному отверстию подносилась лампадка с открытым огнем, и с силой выбрасываемая горячая жидкость, воспламенившись, извергалась на суда или осадные машины врага. Во всех приведенных выше легендарных сведениях огненная смесь бушует внутри железных коней или статуй. В латинской «Александрии» XIV в. нефть не упоминается вообще, бронзовые статуи раскаляют в огне и затем наполняют горящими углями, чтобы жар статуй не остыл.

Отметим также, что в латинской «Александрии» речь идет об изготовлении множества бронзовых статуй, установленных на колесницах, тогда как в «Романе о

⁶⁹⁰ Желание использовать греческий огонь в военных целях заставило Наполеона распорядиться в 1804 г. о переводе и исследовании хранящегося в Национальной библиотеке манускрипта «*Liber ignium*», см.: *Арендт В. В.* Греческий огонь (техника огневой борьбы до появления огнестрельного оружия) // Архив истории науки и техники. М., 1936. Серия 1. Вып. 9. С. 164.

Чингис-хане» говорится о конном войске. О конном войске Искандера, где кони и всадники искусно сделаны из железа, повествуется в «Шахнаме» Фирдоуси. Легендарное описание битвы Искандера с индийским царем Пором, вернее, то удивительное решение, которое нашли мудрецы Искандера против боевых слонов, как бы перекликается со словами брата Бенедикта о неслыханной военной хитрости индов против тартар. Обратимся к эпизоду из поэмы «Шахнаме», который, скорее всего, послужил импульсом для автора «Романа о Чингис-хане». К Искандеру возвратились из хиндского стана лазутчики и заявили:

«Слоны у врага, мол, такие, что рать
Любую под силу ему растоптать.
Как двинутся, все сокрушая в пути,
Опасности коннице не отвести.
До неба ведь хоботы вознесены,
Сказал бы, с Кейваном высоким дружны!
Чудовище изобразили потом,
Бумагу с рисунком кладут пред царем.
Велит он умельцам своим приступить
К работе – слона воскового слепить,
Потом мудрецов вопрошает своих:
Кто средство найдет против чудищ таких?
Владевшие знаньем держали совет,
Ответа искали, и найдет ответ.
Скликает владыка из разных концов
Искуснейших в деле своем кузнецов.
Из Мисра и Парса и градов других
Сошлись тридцать сотен, не менее, их.
Конь выкован ими в назначенный срок –
седло из железа, *железный седок*.
Гвоздями и медью все щели зашив
И черною нефтью коня начинив,
его изнутри вслед за тем подожгли,
Потом в колеснице к царю подвезли.
„Разумный добро из сего извлечет“, –
Взглянув, венценосный подумал, и вот
Велит десять тысяч таких скакунов
Еще смастерить, и таких седоков.
Кто видел железных бойцов верховых,
На серых, на пегих конях и гнедых.

Настал новый месяц, и делу конец,
С задачей мудреного сладил мудрец.
И время пришло колесницам помчать
От подлинной неотличимую рать.
Дружину повел Искандер за собой,
Фур издали видит несущийся строй.
И грянул тут кликов воинственный гром,
Над полем сраженья пыль встала столбом.
Нефть разом в железных конях подожгли
Румийцы, и хинды в смятенье пришли.
Не всадники на скакунах боевых –
Железо горящее мчится на них.
Напрасно воители Хинда кричат,
Шипами слонов боевых горячат –
Уж хоботы длинные опалены,
Огромные пятятся в страхе слоны,
И всадники дрогнули. Вот уже вспять
Кидается в ужасе хиндская рать»
(Шахнаме. Т. 5. С. 30-31).

Подведем некоторые итоги. Общими элементами во всех привлеченных для анализа сведениях являются: полые фигуры воинов; фигуры сделаны из металла (бронзы, меди, железа); внутри фигур помещен огонь (раскаленные угли, зажженная нефть, «живой огонь»); и, наконец, обожженный и поверженный противник. Последнее достигается разными способами. В «Александриях» слоны обжигают свои хоботы, хватаясь за раскаленные статуи. В «Книге о Тартарах», поскольку слоны в войске монголов отсутствуют, неслыханная военная хитрость превращается в загадку для самого рассказчика (брат Иоанн признается, что не знает, каким образом был зажжен огонь), но, судя по контексту, в противника летит жидкий огонь. В переводе брата Бенедикта говорится о брызжущем огне, поражающем противника на расстоянии полета стрелы. В сведениях францисканцев, под фигурами медных воинов следует понимать герметические механизмы для пуска «греческого огня», что подтверждается использованием кузнечных мехов (служивших для нагнетания давления в котлах с разогретой нефтью). В эпосе о Чингис-хане легендарный сюжет, рожденный под влиянием «Александрий», в силу отсутствия главного интригующего объекта – боевых слонов, переходит в тему боевого использования жидкого «греческого огня». Устройства, испепеляющие огнем войско монголов, были *огнеметами*. Однако огнеметы описываются как совершенно загадочное оружие; так, брат Бенедикт говорит о них как о новой и неслыханной военной хитрости индов. Означает ли это, что к середине XIII в. секрет жидкого огня был утрачен? И как быть с широко распространенным мнением, что «греческий огонь» активно применялся и в Европе и на

Ближнем Востоке вплоть до изобретения огнестрельного оружия?⁶⁹¹ И, наконец, что, собственно, вкладывалось в понятие «греческий огонь» в XIII в.?

Дальнейшая часть исследования связана с рассмотрением различных огневых техник и выяснением ответа на вопрос, каким образом византийские огнеметы превратились в медные фигуры индов. Некоторые аспекты темы «греческого огня», напрямую не связанные с нашим сюжетом, также потребуют отдельного рассмотрения.

§ 6. Огненные верблюды Тимура.

Сделаем небольшое отступление. Сравним описанные битвы за Индии с рассказом баварского солдата Иоганна Шильтбергера (нач. XV в.) о том, как Тимур покорил Малую Индию. В 1398 г. Тимур отправился из Самарканда в поход против Индии, прошел Андараб и Кабул, переправился через Инд и в течение 6 месяцев осаждал Мултан. У правителя Мултана Саранг-хана было 800 боевых слонов. Вполне реальное событие в рассказе Шильтбергера приобретает легендарный характер: войско Тимура проходит через Страну тьмы; победа над войском правителя Малой Индии достигается с помощью огня – охваченные огнем верблюды направляются на боевых слонов противника и повергают их в бегство. Шильтбергер пишет:

«Возвратившись из Вавилонии, Тамерлан приказал всем подданным, чтобы они по истечении четырех месяцев были готовы к походу в Малую Индию, отдаленную от его столицы на расстояние четырехмесячного пути.

Выступив в поход с 400-тысячным войском, он должен был пройти через безводную пустыню, протяженностью в 20 дневных переходов. Оттуда он прошел в гористую страну, из которой с большим трудом выбрался только через восемь дней, так как часто приходилось привязывать верблюдов и лошадей к доскам, чтобы спускать их с горы.

Затем он проник в долину, которая была так темна, что воины даже в полдень не могли видеть друг друга. Из этой долины, протяженностью в половину дневного перехода, Тамерлан прибыл в горную страну, которую прошел за трое суток, откуда <пришел> в прекрасную равнину, где находилась столица края.

Устроив свой лагерь на этой равнине, у подножья покрытой лесом горы, через которую он прошел, Тамерлан приказал оповестить короля этого края – *Эмир Теймур гелди!*, то есть „Сдавайся, пришел государь Тамерлан!“. Король повелел ответить ему, что он разделается с ним с помощью меча и приготовился выступить против Тамерлана с 400 тысячами воинов и 40 слонами, приученными к сражениям, причем на каждого была навьючена башня, в которой помещалось десять вооруженных людей.

Тамерлан выступил ему навстречу и охотно начал бы сражение, но лошади не хотели идти вперед, ибо боялись слонов, поставленных королем впереди строя. Поэтому Тамерлан к вечеру отошел и стал советоваться со своими сподвижниками о том, как поступить, чтобы преодолеть слонов. Один из полководцев по имени Сулейман-шах посоветовал набрать какое-то число верблюдов, нагрузить их дровами, поджечь их и пустить против слонов. Он полагал, что слоны, боясь огня, обратятся в бегство перед горящими дровами и кричащими верблюдами. Последовав этому совету, Тамерлан приказал приготовить 20 тысяч верблюдов и поджечь нагруженные на них дрова. Когда они появились перед неприятельским строем со слонами, последние, уstraшенные огнем

⁶⁹¹ Ср.: *Арендт В. В.* Греческий огонь, с. 163; *Davidson H. R. E.* The secret weapon of Byzantium // *BZ.* 66. 1973. P. 61-74; *Pószthory E.* Über das «Griechische Feuer» // *Zs. für Archäologie und Kulturgeschichte.* 17. 1986. S. 27-37.

и криками верблюдов, обратились в бегство и были преследуемы воинами Тамерлана, причем большая часть слонов была убита».⁶⁹²

Шильтбергер попал в плен к туркам в 1396 г., поэтому поход Тимура в Индию (1398 г.) он описывает по слухам. Сведения о горящих верблюдах – легенда, ибо мы знаем как выглядели эти события в официальной истории Тимура. Тот факт, что легенду пересказывает пленный баварский солдат, можно было бы объяснить ходячими фольклорными сюжетами. Однако эта же самая легенда дошла до слуха испанского посла Руи Гонсалеса де Клавихо, находившегося при дворе Тимура. Поразительно, что послу сообщили о вымышленных подробностях битвы современники события, ведь с момента сражения Тимура с царем Индии прошло всего лишь пять лет. Сходным же образом о фантастических походах Чингис-хана рассказывали при монгольском дворе францисканской миссии 1247 г. Как видим, получить достоверные сведения было трудно или почти невозможно как тому, так и другому посольствам, хотя и по разным причинам. И не важно какого рода была вымышленная картина событий, важно, что послы фиксируют то, что им рассказывают. Согласно сведениям полученным Руи Гонсалесом де Клавихо, царь Индии привел на битву около пятидесяти слонов.

«В первой битве Тамурбек был побежден сеньором индийским из-за этих слонов. На следующий день они опять сразились; сеньор Тамурбек велел привести много верблюдов, нагрузить их соломой и поставить против слонов. А когда началась битва, он приказал поджечь солому, и когда слоны увидели горящих верблюдов, обратились в бегство. Говорят, что слоны очень страшатся огня, так как у них очень маленькие глаза» (*Руи Гонсалес де Клавихо*, с. 124).

На мой взгляд, рассказ об «огненных» верблюдах связан с метаморфозой двух мировых сюжетов: 1) легендарная Семирамида, готовясь к битве против боевых слонов индийцев, приказала изготовить подбоя слонов и внутрь этих фигур поместить верблюдов; 2) кажется несомненным влияние истории огненных железных всадников из «Шахнаме». Этот пример интересен не только тем, что демонстрирует силу литературной традиции, но и показывает способ конструирования сюжета, зависящий от авторского замысла. И доказательство тому – в следующем. В официальной истории похода Тимура в Индию, изложенной Гийас ад-Дином Али, не упоминается о военной хитрости с верблюдами, нагруженными горящими дровами. Вот его описание индийского войска и последовавшей битвы:

«С неприятельской стороны царевич Султан Махмуд с Маллу-ханом и другими военачальниками и командирами Индийской страны, десять тысяч кавалерии, двадцать тысяч отборной пехоты и сто двадцать боевых слонов волновались, как страшное море от ветра, будучи расположены в боевом порядке в вооружении и боевых доспехах. На спинах горообразных слонов были положены круглые деревянные сидения, подле ряда слонов стояли извергающие мрак и гром <орудия>; на каждом слоне сидело по несколько стрельцов из лука, а хоботы слонов были соединены вместе. Сколько бы ни были победоносному войску <Тимура> обычны и знакомы войны, военное дело, битвы и <проявления> храбрости и хотя оно участвовало во множестве страшных сражений и в водоворотах смертей, но это препятствие послужило <для него> ареною многих размышлений, <особенно> из-за этих огромных, как тучи, слонов, которые издали казались особенно страшными». Воины Тимура, «ударив на ряд боевых слонов и прорвавшись в центр этих движущихся гор, сбрасывали их вожakov <на землю>, а головы начальников кидали, словно шары в чауган, под ноги быстрых, как ветер коней. На правом фланге принцы Пир Мухаммад-бахадур и Сулайман-шах-бахадур приложили

⁶⁹² *Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / Пер. со старонем. Ф. К. Бруна. Издание, редакция и прим. З. М. Бунятова. Баку, 1984. С. 26-27.*

<большие> усилия <к достижению победы>. <...> Принц Пир Мухаммад-бахадур самолично поразил саблей слона. Принцы и бахадуры окружили и захватили слонов». ⁶⁹³

Сулейман-шах, упоминаемый Шильтбергером, и есть принц Сулайман-шах-бахадур, сражавшийся на правом фланге войска Тимура. О каких индийских орудиях, извергающих мрак и гром, говорит Гийас ад-Дин Али? Вероятнее всего, противники Тимура применили огнестрельное оружие, впрочем, пушки были и у Тимура. ⁶⁹⁴ В «Дневнике» Гийас ад-Дина Али упоминаются стрелки из *раъда*. В XV в. слово *раъд* (араб. 'гром') означало наименование огнестрельного оружия. ⁶⁹⁵ В «Уложении Тимура», написанном от первого лица, также говорится о 120 слонах индийской армии, но ни слова не сказано о боевой хитрости с «огненными» верблюдами. ⁶⁹⁶

Сам по себе факт использования в боевых целях животных, несущих на себе огонь, не вызывает сомнений. Например, «огненосные быки» – один из древнейших способов огневого нападения у китайцев. В военном трактате 1044 г. «У цзин цзунъяо» так описывается это «оружие»: «К быку спереди у лопаток <привязывают> пики, их лезвия направлены наружу. Кору японской березы наполняют травой, опирают <эту корзину> у хвоста <быка>, гоня его головой в направлении врага, зажигают огонь <в корзине> <...>, перед ним все обращается в бегство». ⁶⁹⁷ Однако история с «огненными» верблюдами, известная Шильтбергеру и Руи Гонсалесу де Клавихо, создана в мифологическом поле восточных «Александрий»: в обоих случаях с помощью огненосных предметов побеждают грозных боевых слонов. Возможно также, что сюжет с боевыми верблюдами возник как отражение неясных сведений об использовании легких камнеметов 'arradah, устанавливаемых на спинах животных. Камнеметы 'arradah, упоминаемые в ряде арабо- и персоязычных источников XIII в., помещались, по сообщению Ибн-Баттуты, на спинах слонов. Этот способ применения камнеметов, как и массовое использование верблюдов в военных целях, монголы заимствовали у тангутов. ⁶⁹⁸

§ 7. «Греческий огонь».

В «Книге о Тартарах» брата Иоанна, в шестой главе, посвященной войне, оружию и хитростям монголов при осаде укреплений, еще раз упоминается «греческий огонь». На этот раз его используют монголы при штурме укреплений, когда им уже не помогают осадные машины. Что следует понимать под словами брата Иоанна: осаждающие «бросают греческий огонь».

«Укрепления они осаждают следующим образом. Если есть таковое укрепление, они его окружают, даже создают кольцо, чтобы никто не мог ни входить, ни выходить, и штурмуют <его> самым сильным образом при помощи <осадных> машин и стрельбы из луков, причем не прекращают сражение ни днем, ни ночью с тем, чтобы те, кто

⁶⁹³ Гийасаддин Али. Дневник похода Тимура в Индию / Пер. с персид., предисл. и прим. А. А. Семенова. М., 1958. С. 115-117.

⁶⁹⁴ Беленицкий А. М. О появлении и распространении огнестрельного оружия в Средней Азии и Иране в XIV – XVI вв. // Известия Таджик. фил. АН СССР. История и этнография. Сталинобад, 1949. Вып. 15. С. 23-24.

⁶⁹⁵ Там же, с. 24.

⁶⁹⁶ Уложение Тимура. <Факсимиле изд. 1894 г.>. Ташкент, 1968. С. 139-140.

⁶⁹⁷ Школяр С. А. О китайских огнеметных аппаратах XI века (из истории китайской военной техники) // Вопросы филологии и истории стран советского и зарубежного Востока. М., 1961. С. 161, 169.

⁶⁹⁸ Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л., 1934. С. 36.

находятся внутри укреплений, не отдыхали; однако сами тартары отдыхают, потому что они разделяют <войско на> отряды, так что один сменяет другой в битве, чтобы не очень уставать. А если таковым способом они не могут его взять, то бросают греческий огонь; они даже имеют обыкновение иногда вытапливать жир <тех> людей, которых убивают, и бросать его в растопленном виде на дома, причем везде, где <греческий> огонь попадает на этот жир, он пылает, будто бы, неугасимо. Однако загасить <его>, как говорят, можно, поливая или вином или пивом. А если он упадет на тело, его можно загасить трением ладони руки» (LT, VI. 15).

По сведениям брата Иоанна, монголы для изготовления «греческого огня» иногда прибегали к бесчеловечным средствам: убивали людей и вытапливали их жир. Действительно, в средневековом Китае известны случаи использования жира убитых в бою. Им наполняли зажигательные снаряды (*жэнь ю пао*). Китайский термин «жэнь ю пао» букв. означает 'снаряд из человеческого сала'. Снаряды метали из камнеметов в осадные машины противника, а растекавшийся жир поджигали зажигательными стрелами. Справедливости ради отметим, что сведений об использовании монголами подобных снарядов нет; однако такие снаряды делали китайцы в экстремальных ситуациях.⁶⁹⁹ Не исключено, что рассказчик, поведавший брату Иоанну о зажигательных снарядах, говорил о «жэнь ю пао», но францисканцем это было воспринято как сведения о «греческом огне». В любом случае, речь не идет о бросании огня из огнеметов.

Что же касается сведений о применении монголами «греческого огня», то это не столько ошибка брата Иоанна, сколько некорректное использование термина. Вероятнее всего, брату Иоанну стало известно о китайских пороховых зажигательных снарядах. Сосуды с нефтью метали противники монголов – воины хорезмшаха. Вероятно, следует различать два способа использования нефти в военных целях: сосуды с нефтью, которые метали в противника с помощью катапульт и других механизмов, и собственно, греческий огонь – жидкую горючую нефть, которая разогревалась в герметических котлах и огненной струей выбрасывалась через специальные сифоны.⁷⁰⁰ Однако в XIII в. на Западе термин «греческий огонь» стал нарицательным названием всех зажигательных смесей.

Второй из указанных способов использования нефти, технически весьма сложный, длительное время являлся военным секретом византийцев. Действие византийского огнемета зависело, в первую очередь, от высокого давления в котлах, где разогревалась нефть. Эта техника метания огня не известна ни китайцам, ни монголами. Однако подобное устройство в виде медных фигур, способных метать жидкий огонь в противника, все же появляется на страницах «Романа о Чингис-хане». Авторство францисканцев в описании огнемета индов исключается хотя бы потому, что в главе, специально посвященной способам войны с монголами, огненные фигуры даже не упоминаются; напротив, дается множество разумных советов. Последнее лишнее раз свидетельствует о легендарном характере огненных всадников. В XIII в. в Европе огнеметы не использовались. Папские послы, равно как и автор романа, имеют весьма смутное представление о принципе действия подобных устройств (огнемет превращается в медную фигуру, укрепленную на лошади). Вне легендарного контекста это в высшей степени абсурдная картина. Выше уже было высказано предположение об утраченном

⁶⁹⁹ Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия, с. 183.

⁷⁰⁰ Ср.: Школяр С. А. О китайских огнеметных аппаратах, с. 161; Школяр пишет о двух основных направлениях развития огневого оружия: 1) забрасывание зажигательных средств в расположение противника; 2) сожжение живой силы и техники противника в ближнем бою, в момент соприкосновения сражающихся сторон. См. также: Конрад Н. И. Сунь-цзы. Трактат о военном искусстве. Пер. и исслед. М.; Л., 1950. Гл. XII. С. 51.

византийском секрете. В связи с этим ниже (см. § 8) будут рассмотрены устройство и принцип действия китайской и греческой огнеметных машин.

На сегодняшний день круг вопросов, связанных с историей «греческого огня», далек от разрешения. Поэтому, чтобы убедиться в легендарности механизмов, описанных в нашем сюжете, следует, по мере возможности, оценить все доступные средневековые известия. Вернемся к вопросу: использовали ли монголы «греческий огонь»? На первый взгляд, сведения брата Иоанна подтверждаются независимыми источниками. Имеется персидское свидетельство о применении монголами сосудов с нефтью при осаде среднеазиатских городов. Согласно Рашид ад-Дину, при осаде крепости города Бухары монголы «с обеих сторон установили катапульты <манджаник>, натянули луки, посыпались камни и стрелы, полилась нефть из сосудов с нефтью». Когда монголы разрушили крепостную стену Самарканда, «около тысячи человек укрылось в соборной мечети. Они начали жестоко сражаться <с монголами> стрелами и нефтью; монголы также метали нефть и сожгли мечеть со всеми теми, кто в ней находился». При осаде Хорезма монгольские воины «подожгли кварталы метательными снарядами с нефтью <карурэ>». ⁷⁰¹ На мусульманском Востоке сосуды с нефтью были известны под названием *карурэ* (араб. мн. ч. *каварир*). Как указывал ал-Калкашанди (1355 – 1418), «*каварир ан-нафт* – это емкости, в них вливается нефть и ими обстреливают укрепления и крепости с целью поджечь их». ⁷⁰²

Китайские огнеметчики в армии монголов упоминаются в связи с организацией военного похода 1253 г. Согласно «Всеобщей истории» сирийского автора Абу-л-Фараджа бар-Эбрея в 1252/53 г. после окончания курултая в военный поход на запад был отправлен Хулагу, в армии которого «из земель Китая имелась тысяча мастеров <военных> машин и метателей нефти». ⁷⁰³ По сведениям Рашид ад-Дина, Менгу-каан «послал в Хитай гонцов, чтобы доставили тысячу китайцев камнеметчиков, огнеметчиков и арбалетчиков». ⁷⁰⁴ По замечанию С. А. Школяра упоминание о нефтеметателях выглядит здесь странно: метание снарядов с нефтью было широко распространено как раз на Среднем Востоке, ⁷⁰⁵ а не в Китае, и факт присылки китайских нефтеметателей является исторически необъяснимым. По мнению Школяра, под «метателями нефти» подразумеваются артиллеристы, связанные с метанием «огневого», т. е. порохового оружия (*хо пао*), для названия которых Рашид ад-Дин не нашел персидского терминологического эквивалента. ⁷⁰⁶ Это положение в равной степени относится и к сведениям брата Иоанна. Китайские «огневые» горшки представляли собой керамические, не очень толстостенные сосуды, суживающиеся кверху; внутри помещался пороховой заряд, а в горлышко вставлялся запальный шнур. ⁷⁰⁷ Наиболее ранние китайские известия об употреблении пороха для изготовления гранат, которые

⁷⁰¹ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 206, 208, 216.

⁷⁰² Цит. по: Юнусов А. С. Трактат ат-Тарсуи как источник по военному делу народов Востока во второй половине XII в. // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины: Сб. ст. М., 1995. Вып. 3. С. 162.

⁷⁰³ Гусейнов Р. А. Сирийские источники XII – XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960. С. 75.

⁷⁰⁴ Рашид ад-Дин. Т. III. С. 23.

⁷⁰⁵ В XIII в. именно камнеметы с противовесом стали основным видом метательного орудия на Востоке и Западе, см.: Юнусов А. С. Трактат Ат-Тарсуи как источник по истории метательной техники средневекового Востока // Проблемы военной истории народов Востока (бюллетень Комиссии по военной истории народов Востока). Л., 1990. Вып. II. С. 163-164.

⁷⁰⁶ Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия, с. 339.

⁷⁰⁷ Там же, с. 190.

метали руками или при помощи особых приспособлений, относятся к 1161 г., а затем к 1232 г., когда эти гранаты применялись китайцами в военных действиях.⁷⁰⁸

Для X – XIII вв. применение зажигательных снарядов в метательной артиллерии Китая не было чем-то принципиально новым. Различные природные горючие материалы употреблялись как раньше, так и в период Сун в виде снарядов, наполненных сухой травой, хворостом, животными и минеральными маслами. Качественно новым явлением в развитии зажигательных снарядов стал порох.⁷⁰⁹ Вот такая перемена произошла с *хо цзянь* – «огневой», или зажигательной стрелой. В период Тан к древку стрелы привязывали керамический сосуд, мешочек или небольшую тыкву-горлянку с горючим составом, продевая привязь через два отверстия в наконечнике. В X в. для снаряжения зажигательных стрел начинают применять порохообразные смеси (к головной части стрелы прикрепляют пороховой шар).⁷¹⁰ Первое сообщение о применении пороха в военных целях содержится в «Цзю го чжи» («Истории девяти государств»). В 904 г. осаждающим был отдан приказ «метать летающий огонь». *Хо пао*, вылетая из метательных устройств, поражало огнем в результате действия пороха. С. А. Школяр подчеркивает, что первоначально использовались лишь зажигательные свойства пороха. Значение термина *хо пао* для периода X – XIII вв. он ограничивает понятием «огневой снаряд». ⁷¹¹ *Хо пао* метают с помощью камнемета, зажигательное действие этого снаряда сомнений не вызывает. Сообщения о первых осадах крепостей Северного Китая монголами свидетельствуют о применении ими камнеметного оружия руками пленных или перешедших на их сторону китайских или чжурчжэньских артиллеристов. Когда в 1232 г. монгольская армия окружила столицу чжурчжэней Кайфэн, именно эти воины обрушили на стены города зажигательные снаряды (*хо пао*) и уничтожили защитные средства осажденных.⁷¹² Вот описание двух зажигательных снарядов, названных в сочинении «У цзин цзунъяо» „огненными ястребами“. Первый, „бамбуковый огненный ястреб“ (*чжу хо яо*) изготовлялся следующим образом:

«Из бамбука сплетают корзину большого объема, но с узким отверстием <сверху>, по форме узкую и длинную. Снаружи корзину оклеивают несколькими слоями употребляемой ныне желтой бумаги. Внутри <корзины> кладут порох весом 1 цзинь <596 г.>, добавляют камней <размером> с мелкое яйцо. Сообразуясь с весом <снаряда>, к нему в качестве хвоста привязывают травяные стебли весом 3-5 цзиней <1,8 – 2,9 кг.>. <...> Если враги атакуют стену, эти <снаряды> метают с помощью камнемета <пао>. Они опаляют скопища врагов и приводят <их> отряды в панику». ⁷¹³ Вторым снарядом был „огненный ястреб с железным клювом“ (*те цзуй хо яо*). Его устройство описано коротко: «К деревянному корпусу с железным наконечником привязывают в качестве хвоста травяные стебли, внутри снаряда кладут порох». ⁷¹⁴

Благодаря железному наконечнику „ястреб“ второго типа мог втыкаться в деревянные предметы наподобие зажигательной стрелы. Имеются известия и о китайских зажигательных снарядах в виде горшков, наполнявшихся расплавленным металлом. ⁷¹⁵ С конца эпохи Тан нефть в Китае находит применение в военном деле как

⁷⁰⁸ Флуг К. К. Из истории книгопечатания в Китае // СВ. М.; Л., 1940. Т. I. С. 84.

⁷⁰⁹ Школяр С. А. Китайская доогнестрельная артиллерия, с. 160.

⁷¹⁰ Там же, с. 165.

⁷¹¹ Там же, с. 170. Автор приводит полный текст рецепта пороха для снаряда *хо пао*.

⁷¹² Там же, на с. 178 см. многочисленные свидетельства об использовании монголами китайских артиллеристов.

⁷¹³ Там же, с. 181.

⁷¹⁴ Там же, с. 182.

⁷¹⁵ Там же, с. 183, 193.

горючий материал, особенно эффективный в морском бою. И все же нефть, которая частью добывалась в самом Китае, частью доставлялась морем арабскими и персидскими купцами, нельзя сравнить по масштабам применения в военных целях с порохом. Ни одно из перечисленных китайских средств огневого боя не могло быть прообразом огненных фигур в эпосе о Чингис-хане.

В Ипатьевской летописи имеется свидетельство о том, как в 1184 г. половцы использовали мусульманского мастера, владеющего техникой метания «живого огня». Что следует понимать под термином «живой огонь» – жидкую огненную струю или снаряды с зажигательной смесью? Вопрос не простой. Не исключено, что в свое время этот термин возник для обозначения жидкого «греческого огня», но в XII в. был перенесен на технику метания зажигательных сосудов с нефтью. Из летописного сообщения ясно лишь, что речь идет о метании снарядов с помощью самострелов.⁷¹⁶ Обратим также внимание на интересное противопоставление в летописном известии: *жечь огнем*, но *стрелять живым огнем*. «Пошел бяше оканьный и безбожный и треклятый Кончак со множеством половець на Русь, похупся, яко пленити хотя грады русские и пожещи огньмь, бяше бо обрел мужа такового бесурменина, иже стреляше живым огньмь, бяху же и у них луци тузи самострелнии, одва 50 мужь можашеть напращи». Половцы проиграли бой. В результате метатель огня оказался в плену: «оного бесурменина яша. У него же бяшеть живой огонь то и того ко Святославу приведоша со устроенымъ».⁷¹⁷

По объяснению В. В. Арендта, упоминание 50 мужей, необходимых для натяжения лука, приведено как сравнение для пояснения силы лука, который натягивали с помощью механических приспособлений.⁷¹⁸ По мнению Арендта, речь идет либо об аркбаллисте, в которой инструментом метания служил большой лук, либо о камнемете для метания зажигательных снарядов с нефтью (в одном из трех типов камнеметов – невробаллисте – для метания использовали энергию упругих животных сухожилий).⁷¹⁹ В литературе уже отмечалась связь между разбираемым эпизодом и выражением «живые шерешеры» в поэме «Слово о полку Игореве»: (Святослав обращается к князю Всеволоду: «Ты бо можеша посуху живыми шерешеры стреляти»)⁷²⁰ Согласно предположению П. М. Мелиоранского, русское *шереширь* имеет прототипом персидское словосочетание *tir-i-čārx*, стрела или снаряд «черха».⁷²¹ На мусульманском Востоке огромные самострелы-катапульты носили персидское название *čārx*.⁷²² С их помощью метали металлические стрелы, металлические сосуды или трубки, наполненные

⁷¹⁶ Об упоминании самострелов в русских летописях см.: Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России / Под ред. Б. Д Грекова. М.; Л., 1937. С. 312.

⁷¹⁷ ПСРЛ. Т. II. С. 634-635.

⁷¹⁸ Арендт В. В. Греческий огонь, с. 194.

⁷¹⁹ Там же, с. 194. Ср.: с. 176; См. также: Кочин Г. Е. Материалы для терминологического словаря древней России, с. 312.

⁷²⁰ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Составитель В. Л. Виноградова. Л., 1984. Вып. 6. С. 179-180.

⁷²¹ Мелиоранский П. М. Турецкие элементы в языке «Слова о полку Игореве» // ИОРЯС имп. АН. СПб., Т. VII. Кн. 2. С. 296-298; Ср. В «Худуд ал-'алам» В. Минорский привел отрывок из сочинения Ибн Мискавейха «Eclipse» об употреблении дейлами́тами (X в.) в военных целях нефти, ввозимой из Баку. Эти снаряды назывались *mazariq an-naft wa 'n-niran* 'копья нефти и огня', см.: Hudud al-'Alam. 'The Regions of the World'. A Persian Geography 373. А. Н. – 982 А. Д. / Transl. and expe. by V. Minorsky. London, 1937. P. 442, n. 41; 145.

⁷²² По сообщению Юнусова в трактате ат-Тарсу́си (XII в.) имеется рисунок *čārx* для метания сосудов с нефтью (*карура нафт*), см.: Юнусов А. С. Трактат ат-Тарсу́си как источник по военному делу народов Востока, с. 162, 167. Об огнеметах в трактате не говорится.

горючими составами. Добавим, что об огненосных стрелах персов, писал еще Прокопий из Кесарии.⁷²³ По мнению Н. А. Баскакова, «фонетическая адаптация *tir-i-èarn* > *širišār* > русск. *шерешир* оправдана».⁷²⁴ По мнению К. Г. Менгеса, «это самое загадочное слово во всем тексте. Однако обозначает оно вполне недвусмысленно какое-то метательное орудие, род катапульты, стреляющей тяжелыми снарядами, и, по-видимому, снарядами начиненными греческим огнем».⁷²⁵ Из дальнейших рассуждений Менгеса явствует, что он не видит особой разницы между техникой метания огня с помощью катапульт и жидким огнем, выпускаемым сифонами. Выше мы условились различать то и другое, ибо речь идет о принципиально различных техниках. В противном случае возникает традиционная ошибка, связанная с вопросом «об особой смеси химических веществ, из которых состоял греческий огонь».⁷²⁶ Жидкий «греческий огонь» предполагал использование только нефти (подробнее об этом см. ниже).

В эпоху крестовых походов на мусульманском Востоке горючим составом для метательных зарядов служила смесь нефти с некоторыми другими веществами; состав назывался *нафт*. Известны примеры употребления в XIII в. в древнерусском языке слова *нефть* как горючего вещества.⁷²⁷ Так или иначе, «живой огонь» в летописном эпизоде невозможно трактовать как жидкий греческий огонь.⁷²⁸ Вопрос о «живом огне» потребовал особого внимания, потому что в «Истории Тартар» использован близкий ему по смыслу латинской термин *ignis uiuius* ‘живой огонь’. Возможно, что брат Бенедикт, зная в какой-то степени русский язык, услышал этот термин от русских переводчиков.

В поэме «Искандер-наме» Низами описывает бой витязей Искандера со страшным великаном, чей лоб украшен рогом. Никакое оружие, даже пылающая нефть в сосудах, метаемых со спины боевого слона, не может сразить неведомое существо.⁷²⁹ Во времена Низами боевые сосуды с горящей нефтью были обычным оружием. Описывая многочисленные битвы Искандера, Низами ни разу не упоминает об огнеметах.

По мнению М. А. Заборова, во время крестовых походов «греческий огонь» был широко известен на Западе и на Востоке, причем применялся как в морских, так и в сухопутных боях.⁷³⁰ Он считает, что крестоносцы применили «греческий огонь» при штурме Константинополя 12 апреля 1204 г. Участник событий, пикардийский рыцарь Робер де Клари, пишет, что, когда венецианцы приблизили свои корабли к стенам города, «то начали яростно атаковать, стрелять из луков, метать камни и забрасывать на

⁷²³ Прокопий Кесарийский. Война с персами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1993. I, 17; II, 17, 26, 27.

⁷²⁴ Баскаков Н. А. Тюркизмы – воинская терминология и бытовая лексика в «Слове о полку Игореве» // Rocznik orientalistyczny. Warszawa, 1976. Т. XXXVIII. S. 78.

⁷²⁵ Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 180-186. Менгес ставит несколько интересных вопросов, часть из которых, возможно, находит решение в настоящем исследовании.

⁷²⁶ Ср.: Менгес К. Г. Восточные элементы, с. 184.

⁷²⁷ Виноградова В. Л. О некоторых словах и выражениях в «Слове о полку Игореве» // «Слово о полку Игореве» и его время. М., 1985. С. 135.

⁷²⁸ Ср.: Айналов, опуская сведения о луке, считает, что Кончак имел бусурманина-«сифонатора», владевшего техникой сухопутного греческого огня, см.: Айналов Д. В. Замечания к тексту «Слова о полку Игореве» // Сб. статей к сорокалетию ученой деятельности академика А. С. Орлова. Л., 1934. С. 183.

⁷²⁹ Низами, с. 316.

⁷³⁰ Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М. А. Заборова. М., 1986. С. 147. Прим. 295. На чем основано мнение о широкой известности и не менее широком применении «греческого огня», осталось неизвестным.

башни греческий огонь; но огонь не мог одолеть башни, потому что они были покрыты кожами». ⁷³¹ Из этого сообщения еще неясно, использовали ли франки огнеметы, либо же, с помощью катапульт бросали сосуды с нефтью. Скорее всего, что речь идет о катапультах. И вот почему. По крайней мере, именно об этом свидетельствует один из предводителей похода, Жоффруа де Виллардуэн. Перечисляя орудия штурма 12 апреля (канеметы, мангонью – метательные орудия типа катапульты и лестницы из корабельных мачт), он вообще не говорит о греческом огне. ⁷³² Никита Хониат сообщает о венецианских судах с приготовленными на них лестницами и орудиями осады. Он также упоминает, что венецианцы укрыли свои корабли воловьими кожами, чтобы защитить их от огня. Речь идет об огне, метаемом с помощью катапульт. ⁷³³ В древнерусском известии о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 г. сообщается о бочках со смолой («замыслиша съвешивати бѣчькы через град накладыны смолины»). ⁷³⁴ Последнее, есть ни что иное, как сосуды с нефтью.

«И пустились на хитрости, как и раньше: приготовили к штурму корабельные рей, а на других кораблях установили тараны и лестницы, а с третьих приготовились метать через городскую стену бочки со смолой. И зажгли лучины на бочках, и метали их на дома, и как, прежде, зажгли город. И пошли на приступ в девятый день апреля, в пятницу пятой недели поста, но ничего не сделали городу, и было убито около ста фрягов. Истояли здесь фряги три дня, и в понедельник вербной недели на восходе солнца приступили к стенам напротив святого Спаса <...>. Подошли же на сорока больших кораблях, среди которых были и дромоны, а в них – люди на конях, и сами в доспехах, и кони их. Другие же корабли и галеи фряги поставили позади, опасаясь, что их подожгут, как в тот раз, когда пустили греки на них десять кораблей с огнем, уставив паруса на попутный ветер, в ночь на Васильев день, но не смогли причинить вреда фряжским кораблям». ⁷³⁵

Последняя хитрость греков с зажженными кораблями косвенно свидетельствует об утрате ими грозного огнеметного оружия. Иначе трудно объяснить, почему осажденные не применяли огнеметов. 1 января 1204 г. византийцы попытались спалить флот латинян. «Греки придумали некую великую уловку, – сообщает Жоффруа де Виллардуэн, – они взяли 17 больших кораблей и наполнили все их большими деревянными плахами и всякими горючими вещами – паклей, смолой, бочками, и выждали, пока с их стороны подул сильный ветер. И вот однажды в полночь они подбросили огонь в эти корабли и поставили их паруса по ветру, дав пламени разгореться весьма высоко, так что казалось, будто вся земля пылает. И вот эти корабли подплыли к флоту пилигримов; <...> Венецианцы же быстро взошли на свои корабли, и все остальные, у которых были корабли, и они стали защищать их от пламени как только могли». ⁷³⁶ Во время осады Константинополя венецианцы защищали свои корабли дубовым настилом и виноградной лозой, чтобы уменьшить силу ударов камней, которые метали греки. ⁷³⁷ Об огнеметах не

⁷³¹ Робер де Клари. Завоевание Константинополя, с. 53.

⁷³² Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М. А. Заборова. М., 1993. С. 59-62; Ср.: С. 44.

⁷³³ Никиты Хониата история современника царствования Иоанна Комнина (1186 – 1206) / Пер. с греч. Н. В. Чельцова // Византийские историки, переведенные с греческого при С.-Петербургской Духовной академии. СПб., 1862. Т. 2. С. 280, 314.

⁷³⁴ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская Первая летопись. С. 28; Бѣчька = бочка (Срезневский. Т. I. Стб. 201); смолины = 1) древесный сок, смола; 2) минеральная ископаемая смола, асфальт, см.: Срезневский. Т. III. Вып. 1. Стб. 445.

⁷³⁵ ПЛДР. XIII в. М., 1981. С. 111.

⁷³⁶ Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя, с. 55.

⁷³⁷ Робер де Клари. Завоевание Константинополя, с. 53.

говорится ни слова. На вооружении армии Никейской империи (XIII в.) находились стенобитные машины, камнемётные орудия, катапульты для метания зажигательных снарядов.⁷³⁸ Об устройствах, испускающих жидкую огненную струю, не сообщается.

Принято считать, что арабы применяли против крестоносцев «греческий огонь».⁷³⁹ Обычно ссылаются на сведения сера Жуанвиля, участника седьмого крестового похода. Действительно, нефть и боевой огонь играли в этих событиях первостепенную роль. 25 декабря 1249 г. король Людовик IX подошел к одному из мелких рукавов дельты Нила, называемому Бахр-эс-Сагир и подступил к стенам Мансуры. Король решил, в частности, построить плотину с тем, чтобы по ней можно было пересечь Бахр-эс-Сагир. Чтобы защитить своих людей от мусульман, которые осыпали с противоположного берега войско крестоносцев стрелами, король приказал построить «кошки» или галереи из балок и досок, а также у самой воды – деревянные башни. Наконец, Людовик велел мастеру Жослену де Курно выставить восемнадцать катапульт, камнемётов и мангонью. Грозный противник возвел на южном берегу Бахр-эс-Сагира «ужасные батареи устройств беспрестанно разрушающих труды христианских мастеров и строителей», – пишет Жуанвиль. «Камни, копья, <...>, снаряды арбалетов и греческий огонь летели наподобие дождя». Совершенство техники метания огня давало мусульманам огромное преимущество в войне с крестоносцами. По словам Жуанвиля, «греческий огонь» – самая ужасная вещь, которую он когда-либо видел: «Когда они первый раз выстрелили в нашу сторону, мы пали ниц. Вид греческого огня был такой: он летел на нас в огромных сосудах, и хвост огня, выходящий из них, подобен был большим мечам. Приближаясь, он производил такой шум, что казался громом небесным или драконом, летящим по небу».⁷⁴⁰ Свет от него был такой, что все было видно как днем». Жуанвиль, который, по-видимому, нес службу на одной из башен в ночь после пожара, вызванного нефтью, возносит Богу благодарность за то, что остался цел. По словам Жуанвиля, арабы метали «греческий огонь» с помощью большой балестры. Ясно, что речь идет о сосудах с зажигательной смесью (к теме жидкого огня это не имеет никакого отношения).

Трактат «*Liber ignium ad comburendos hostes*» («Книга об огнях для опаления врагов») известен в латинском переводе с арабского языка с конца XIII в.. Авторство приписывается Марку Греку (нач. IX в.).⁷⁴¹ Считается, что рукопись передает рецепт греческого огня, сходный с порохом. Описание состава «греческого огня» в этом трактате представляет собой некую фантастическую смесь: «Приготовляй греческий огонь таким способом: сера, винный камень, камедь, смола, селитра, нефтяное масло и обыкновенное <растительное> масло. Вскипяти все это вместе, опусти затем туда паклю

⁷³⁸ Жаворонков П. И. Военное искусство Никейской империи // Византийские очерки. Труды российских ученых к XIX Международному конгрессу византистов. М., 1996. С. 116.

⁷³⁹ Арендт В. В. Греческий огонь, с. 171 и далее; Ср.: Мелиоранский, со ссылкой на известия двух авторов XIII в. Ибн аль-Асира и Беха-ад-Дина, указывает на технику метания горючих составов с помощью катапульт. Нефть помещалась либо в горшках, либо в медных котлах, см.: Мелиоранский П. М. Турецкие элементы, с. 298. Арабский автор XII в. Усама ибн Мункыз описывает яркий эпизод бросания руками сосудов с горячей нефтью в осаждающих крепость рыцарей, см.: Усама ибн Мункыз. Книга назидания / Пер. с арабского М. А. Салье. М., 1958. С. 137. Об огнеметах в его книге не сообщается.

⁷⁴⁰ С ужасным шумом летали и камни, метаемые камнемётами; ср. со сведениями Иоанна Камениата о метании камней, «самый свист которых вселяет в варваров ужас», цит. по: Две византийских хроники X века. Псамафийская хроника / Предисл., пер. и коммент. А. П. Каждана; Иоанн Камениата. Взятие Фессалоники / Пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской, коммент. Р. А. Наследовой. М., 1959. С. 176.

⁷⁴¹ Berthelot M. La chimie au Moyen Âge. Paris, 1893. P. 100; ср.: Partington J. R. A History of Greek Fire and Gunpowder. Cambridge, 1960. P. 42.

и зажги». ⁷⁴² Это дало повод исследовательской традиции скрупулезно заняться составом «греческого огня», т. е. историей пороха, якобы изобретенного в Европе. ⁷⁴³ Спор свелся к вопросу – входила ли в состав малоазиатского «греческого огня» селитра или нет. Старания многих исследователей сводились к отождествлению понятий «греческий огонь» и «порох». Очевидно, что в рамках этой исследовательской традиции любое свидетельство об огнеметах либо совершенно игнорировалось, либо переходило в тему огнестрельного оружия. ⁷⁴⁴ Соответственно, в многочисленных комментариях к разным текстам «греческий огонь» представлялся смесью жженой извести, серы, угля, смолы, нефти, селитры и пр., которая каким-то малопонятным образом выбрасывалась из медных труб. ⁷⁴⁵ Все это выглядит довольно странно. Византийский император Константин Багрянородный (952 г.), сообщая своему сыну о секретном оружии империи, определенно говорит о нефти и «влажном огне». Секрет «греческого огня» был не в составе смеси, а в способе использования нефти, нагреваемой в герметичных котлах. Не вступая в дискуссию по поводу пороха, отметим, что селитру, скорее всего, как лечебное вещество, упоминает ал-Бируни. Это вещество называлось *салджини* – «китайский снег». Согласно ал-Бируни, «его привозят из Китая в Ирак. Цвет у него очень белый и частицы его нежны и мелки, как пыль. Его употребляют в различных <...>». ⁷⁴⁶ Впервые на арабском Востоке селитра под названием «баруд» упомянута в словаре минералов и растений, помещенном в медицинский трактат врача из Дамаска (1240 г.). Только манускрипт 1290 г. Гассана Аль-Раммаха знает селитру как основу пиротехники (селитра была основой порохового состава). Там же содержится описание первого типа огнестрельного оружия – мадфы с деревянным стволом. ⁷⁴⁷ С. Ромоцки категорически

⁷⁴² Цит. по: *Арендт В. В.* Греческий огонь, с. 170. Видимо, этот рецепт дал Арендту повод утверждать следующее: «Греческий огонь представлял собой взрывчатую зажигательную смесь на селитряной основе. *Сера, селитра, смола и льняное масло были главными элементами состава огня*». Отсюда следует «логичный» вывод, что византийские сифоны «напоминают конструкцию первых пушек XIV в. с их вкладными камерами». На самом деле, перечень Марка Грека, где упоминаются сера, винный камень, как и сама процедура нагревания, есть типичный алхимический рецепт, никакого отношения к «греческому огню» не имеющий. Ср.: *Альберт Великий.* Малый алхимический свод // Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII в. М., 1980. С. 357, 362.

⁷⁴³ Подробнее об этом см.: *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия, с. 11, 16.

⁷⁴⁴ Ср.: *Вилинбахов В. Б.* О первоначальном типе огнестрельного оружия // СА. 1962. № 1; М. Мерсье также, например, не видит разницы между огненной струей и жидкой нефтью, метаемой в сосудах с помощью камнеметов, см.: *Mercier M.* Le feu grégeois. Les feux de guerre depuis l'antiquité la poudre a canon. Paris; Avignon, 1952, p. 65.

⁷⁴⁵ См., например, комментарий в: Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. Текст и перевод / Подгот. текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 2. С. 287; Ср. также: Советская военная энциклопедия. М., 1977. Т. 3. С. 48; Военный энциклопедический лексикон. Изд. 2-е. СПб., 1853. Т. IV. С. 497; Морской энциклопедический словарь / Под ред. В. В. Дмитриева. Л., 1991. Т. I. С. 357; Габриель пишет о селитре, но не упоминает технику метания огня под давлением, см.: *Gabriel E.* «Griechisches Feuer» // *Lexikon des Mittelalters*. IV. München und Zürich, 1989. Sp. 1711/12; Ср. с комментарием Шмидер к сведениям брата Иоанна о медных фигурах индов: «Средство борьбы, которое было известно на Западе во времена крестовых походов с 1100 года. Использовалось византийцами. Речь шла, конечно, о легко воспламеняющейся жидкости – нефти, серы, смолы и другого, как и нерастворимой извести, что при соединении с водой сразу же воспламенялось», см.: *Schmieder*, s. 134.

⁷⁴⁶ *ал-Бируни.* Книга о лечебных веществах. 233; конец предложения в тексте стерт.

⁷⁴⁷ *Кирпичников А. Н.* История античной и раннесредневековой метательной техники в книге А. Брун-Хоффмейер «Античная артиллерия» // Сб. исследований и материалов Артиллерийского исторического музея. Л., 1959. Вып. IV. С. 345.

утверждал, что селитра появляется в мусульманских странах лишь во второй четверти XIII в. и до этого времени она также незнакома и византийцам.⁷⁴⁸ С боевым применением пороха арабский Восток познакомился во время вторжения монголов в Малую Азию. В монгольских армиях китайская артиллерийская техника имела большое, если не решающее, значение.

§ 8. Средневековые огнеметы.

Сама по себе идея поражения воинов противника струей горячей жидкости очень древняя. Издавна в качестве горючего материала применялись смола, различные животные и растительные жиры, затем их заменяют нефть и продукты ее перегонки. Весьма небольшая дальность поражения при метании горячей жидкости вручную очень рано вызвала необходимость применения простейших механизмов. Одно из таких приспособлений описал Фукидид (IV. 100). К длинному полому бревну, обитому железом, с одной стороны подвесили котел с пылающими углями, серой и смолой, а с другой приладили кузнечные меха. С помощью мехов раздули огромное пламя в котле и подожгли стену укрепления. Изобретение Ктезибием (около III в. до н. э.) поршневого насоса позволило римлянам использовать его нагнетательное действие для метания огненной струи. Применение римских насосов для огнеметания было прочно забыто в средневековой Европе. Европейские армии XI в. и позже не знали поршневых боевых механизмов для метания огненной струи. Знаменитые «сифоны» греческого огня использовали другой принцип метания. И, скорее всего, именно в них заключена разгадка легендарного оружия, использованного индами против монголов.

Поскольку в донесении брата Бенедикта говорится о железных или бронзовых фигурах, содержащих в своей полости живой огонь, который выпускали, раздувая его посредством кузнечных мехов, то для выяснения механизма действия, следует обратиться к устройству средневековых огнеметов. Начнем с китайского аппарата. В военном трактате 1044 г. «У цзин цзунъяо», официальном своде военных знаний Китая того времени, приводится следующее описание огнемета и его действия:

«Из кованой меди изготавливают короб, снизу приделывают четыре ножки, сверху в ряд <прикрепляют> четыре <вертикально расположенных> круглых трубы. Сверху на круглые трубы поперек приделывают поперечную трубу. Все <эти трубы> сообщаются с полостью короба и между собой. Головная и хвостовая части поперечной трубы сильно утоньшены. В хвостовой части она имеет небольшое отверстие величиной с зерно клейкого проса, в головной части проделывается круглое отверстие диаметром полтора цуня <= 3,07 см>. Сбоку короба <приделана> круглая труба, с отверстием, которая служит горловиной <короба> с пробкой. В горловину заливают нефть. Внутри поперечная труба имеет шток с поршнем. В головной части штока намотан конопляный жгут толщиной в полтора цуня. Спереди и сзади на <него> нанизаны два медных кольца. В хвостовой части <штока> имеется поперечный костыль. Перед костылем <на шток> нанизывается круглая крышка. <Когда поршень> введен <в трубку>, он закрывает отверстие трубы <в ее головной части>. При подготовке к метанию черпаком из чана нефть вливают через горловину в короб в количестве до трех цзиней <1 цзинь = 596 г.>. К головной части <поперечной трубы> приделывают огневую насадку, в середину <ее> помещают порох. Чтобы воспламенить <его>, применяют раскаленное шило. Вводят шток с поршнем в поперечную трубу, приказывают человеку, оттянув поршень назад, с силой двинуть его <вперед>. Нефть вырывается из огневой насадки <горящей струей> и охватывает пламенем все, <на что попадет>».⁷⁴⁹

⁷⁴⁸ Romocki S. I. Geschichte der Explosivstoffe. Berlin, 1895. I. S. 38, 115.

⁷⁴⁹ Школяр С. А. О китайских огнеметных аппаратах XI века, с. 162-165.

По мнению исследователя, описанный огнемет представляет собой поршневой насос вытеснения с пульсирующей подачей, действующий от мускульной силы человека. Пламеобразующей жидкостью в нем является нефть, а зажигательным веществом – порох. Отметим, что огнеметный аппарат и принадлежности к нему изготавливаются из меди. В том же трактате описан огнемет другой конструкции.

«<Еще> один образец <огнемета> представляет собой большую круглую трубу; в центре <на трубу> нанизан медный сосуд, снизу приделаны две ножки, внутри имеется маленькая ножка. <Все части механизма> сообщаются между собой. Все они также сделаны из меди. Так же приделаны шток с поршнем. Правила метания аналогичны вышеизложенным».⁷⁵⁰

И этот огнемет представлял собой поршневой насос, выбрасывавший струю нефти, для воспламенения которой также использовался порох. По примерным расчетам С. А. Школяра, дальность выбрасывания струи не превышала 4 м.⁷⁵¹ По этой причине, огнемет был оборонительным оружием, и, как правило, использовался осажденными против осаждающих, а в полевых условиях был практически бесполезен.

Принято считать, что «греческий огонь» использовался византийцами в морских сражениях с VII в. Более реальной датой следует признать начало IX в. В пятой и девятнадцатой главах трактата по военной тактике император Лев Философ (IX в.) упоминает особый вид оружия, который был в употреблении в его время, но еще не был известен Маврикию, автору «Стратегикона» (нач. VII в.). Речь идет о «греческом огне», который именуется *πυρ θαλασσίον* 'морским огнем'. Знаменательно, что он упоминается именно в этих (и только в этих!), наиболее независимых главах трактата.⁷⁵² Из сочинения Льва известно, что огнеметные сифоны изготавливались из бронзы. Ометаллических сифонах сообщает и византийский историк Феофан (IX в.).⁷⁵³

Действовало это оружие следующим образом. Через особые трубы разогретая нефть огненной струей выбрасывалась на неприятельский корабль, который, как правило, воспламенялся. Константин Багрянородный в сочинении «Об управлении империей» дважды говорит о жидком огне, выбрасываемом через сифоны.⁷⁵⁴ Он предостерегает своего сына от проклятий, которые падут на голову дерзнувшего передать секрет этого огня другому народу. И добавляет: «Было определено, чтобы все питающие рвение и страх божий отнесли к сотворившему такое как к общему врагу и нарушителю великого сего наказа и постарались убить его, предав мерзкой <и> тяжелой смерти».⁷⁵⁵ Сохранение секрета изготовления жидкого огня является главной заботой правящего императора: «Мы точно осведомлены отцами и дедами, чтобы он изготовлялся только у христиан и только в том городе, в котором они царствуют, – и

⁷⁵⁰ Там же, с. 169.

⁷⁵¹ Там же, с. 168.

⁷⁵² Кучма В. В. «Тактика Льва» как исторический источник // Византийский временник. М., 1972. Т. 33. С. 79.

⁷⁵³ В 805 г. болгары, взяв византийские города Мезимврий и Делвет, «нашли в них тридцать шесть медных сифонов и немалое количество морского извергаемого огня и множество золота и серебра», цит. по: Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофила / Пер. В. И. Оболенского и Ф. А. Терновского. М., 1890. С. 367.; Ср.: Hime H. W. L. The History of Artillery. Б. м., б. г., р. 25.

⁷⁵⁴ Константин Багрянородный. Об управлении империей. Текст. Перевод. Комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М., 1991. С. 57, 215. (Кн. XIII, ср. с кн. XLVIII).

⁷⁵⁵ Там же, с. 59.

никоим образом не в каком ином месте, а также чтобы никакой другой народ не получил его и не был обучен <его приготовлению>». ⁷⁵⁶

О том, какое впечатление производило это оружие на современников, показывают события 941 г., когда византийцы сожгли флот князя Игоря.

«Феофанъ же оусрете я въ олядехъ съ огнемъ и нача пущати огонь трубами на лодья руския, и бысть видети страшно чюдо. Русь же видяще пламень, вметахуся в воду морскую, хотяще оубрести; и тако прочии възвратишася въ свояси. Темь же пришедъшимъ в землю свою, поведаху кождо своимъ о бывшемъ и олядьнемъ огни: „яко же молонья“, рече, „иже на небесихъ Греци имуть в себе и сию пущающе жъжаху насъ и сего ради не одолехом имъ“». ⁷⁵⁷

С. Г. Вилинский считал, что летописный рассказ о походе князя Игоря на Византию в 941 г. имел своим источником русский перевод XII в. греческого «Жития св. Василия Нового». ⁷⁵⁸ В таком случае понятно, почему огонь не назван греческим, а именуется корабельным огнем (*олядемъ огнь*). Огнеметы используются греками в морском сражении. Цель их применения – сжечь корабли противника. Огонь испускается из труб (сифонов). Согласно Житию, русские, видимо, первый раз столкнувшиеся с этим оружием, восприняли огненную струю как страшное чудо. Врусской летописи же, огонь в руках греков уподобляется молнии небесной.

Об этом же событии сообщает Лиудпранд из Кремоны. ⁷⁵⁹ Он рассказывает, что грекам удалось подготовить к морскому бою 15 хеландрий (огненосных судов). Любопытно звучит фраза о хорошей погоде, позволившей грекам метать огонь. Очевидно, что если бы использовались катапульты, погода не играла бы никакой роли. «В это время бурная погода сменилась на тихую, и грекам стало возможно бросать огонь. Вошедши в середину они пустили огонь вокруг себя. Увидевши это, русские тотчас стали бросаться в воду, предпочитая скорее утонуть, чем быть сожженными огнем. Иные в тяжелых доспехах и со щитами поплыли к берегу, но плывя, многие утонули, и никто из них в тот день не спасся, а только те, которые вышли на берег». ⁷⁶⁰

Во время похода русских на Константинополь в 1043 г., византийцы также выиграли морское сражение с помощью огненосных судов. Это были корабли, снабженные жидким «греческим огнем». В описании Михаила Пселла эта битва выглядела так: «Самодержец стянул в одно место остатки прежнего флота, соединил их вместе, собрал грузовые суда, снарядил несколько триер, посадил на них опытных

⁷⁵⁶ Там же, с. 57.

⁷⁵⁷ ПСРЛ. Т. II. Ипатьевская летопись. 1908. Стб. 33 – 34; см. также: *Истрин В. М.* Летописные повествования о походах русских князей на Царьград // ИОРЯС. Пгр., 1916. Т. XXI. Кн. 2. С. 215-236; *Половой Н. Я.* 1) Русское народное предание и византийские источники о первом походе Игоря на греков // ТОДРЛ. 1960. Т. 16; 2) К вопросу о первом походе Игоря против Византии. (Сравнительный анализ русских и византийских источников) // Византийский временник. 1961. Т. 18; О случаях упоминания «олядьего» огня см.: *Кочин Г. Е.* Материалы для терминологического словаря древней России, с. 214.

⁷⁵⁸ *Вилинский С. Г.* Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913. Ч. 1. С. 312-315. Там же см. сравнение текста Лаврентьевской летописи с текстом Жития; О взаимоотношениях статьи о походе 941 г. Повести временных лет с Хронографом Амартола и Житием Василия Нового см. также: *Творогов О. В.* Повесть временных лет и Хронограф по великому изложению // ТОДРЛ. 1974. Т. XXVIII. С. 108-112; Ср.: *Истрин В. М.* Где было переведено Житие Василия Нового? // ИОРЯС РАН. Пгр., 1918. Т. XXII. Кн. 2.

⁷⁵⁹ Латинский текст см.: *Die werke Liudprands von Cremona* / Hrsg. J. Becker. Hannover und Leipzig, 1915. S. 138. (Scriptores Rerum Germanicarum in usum scholarum. Liudprand Opera. Lib. V. 15)

⁷⁶⁰ Цит. по: *Айналов Д. В.* Замечания к тексту «Слова о полку Игореве», с. 182.

воинов, в изобилии снабдил корабли жидким огнем <...>. Копейщики и камнеметы подняли на их палубах боевой крик, метатели огня заняли свои места и приготовились действовать <...>. Затем варвары разделились, окружили со всех сторон каждую из триер и начали снизу пиками дырявить ромейские корабли; наши в это время сверху забрасывали их камнями и копьями. Когда же во врага полетел и огонь, который жег глаза, одни варвары бросились в море, чтобы плыть к своим, другие совсем отчаялись и не могли придумать, как спастись».⁷⁶¹

М. Мерсье воспроизводит в своей книге старинную гравюру из библиотеки Ватикана (№ 1605), представляющую судно, которое атакует другое судно при помощи описанного выше огня.⁷⁶² Оно оснащено трубою, несомненно, металлической, может быть, бронзовой, из которой почти горизонтально извергается пламя большой длины. Вероятнее всего, это единственная сохранившаяся иллюстрация средневекового огнемета.

Важные для нашего сюжета сведения о применении византийцами жидкого огня содержатся в сочинении Анны Комнин. Касаясь событий 1099 г., она описывает подготовку ромеев к морскому сражению с пизанским флотом. Обращает особое внимание хитрость, которую используют греки: «Зная опытность пизанцев в морских боях и опасаясь сражения с ними, император поместил на носу каждого корабля бронзовую или железную голову льва или какого-нибудь другого животного, – позолоченные, с разинутой пастью, головы эти являли собой страшное зрелище. Огонь, бросаемый по трубам в неприятеля, проходил через их пасть, и казалось, будто его извергают львы и другие звери».⁷⁶³

Совершенно ясно, что речь идет о струе горючей жидкости, которая под давлением вырывается из сифона по трубе, воспламеняется и достигая кораблей противника, сжигает их. Анна Комнин описывает огнемет. Головы зверей, венчающие огненосные трубы, являлись лишь устрашающим камуфляжем. Офицер, управлявший огнеметом, мог направлять струю в любую сторону. Для убедительности обратимся к следующему эпизоду сочинения Анны Комнин. Командующий византийским флотом «Ландульф первым подплыл к пизанским кораблям, но неудачно метнул огонь и достиг лишь того, что огонь рассеялся. Комит <высший офицерский чин> по имени Элеимон отважно атаковал с кормы большой корабль, однако его судно зацепилось за руль вражеского и не смогло отплыть. Элеимон попал бы в плен, если бы немедленно не кинулся к снарядам, не бросил в пизанцев огонь и не поразил цель. Затем он быстро повернул корабль и тотчас же поджег еще три огромных варварских корабля. <...> Варвары, испуганные огнем (ведь они не привыкли к снарядам, благодаря которым можно направлять пламя, по своей природе поднимающееся вверх, куда угодно – вниз и в стороны) и уstraшенные бурей, решили обратиться в бегство».⁷⁶⁴

Бронзовые головы хищных зверей, из чьих разинутых пастей вылетает страшный огонь, вероятно, могли послужить прообразом легендарных медных фигур, мечущих огонь в противника. В византийском известии и в нашем сюжете собственно военной хитростью, является не огонь как таковой, а камуфляжи, скрывающие технические устройства. И в том и в другом случае, загадочные медные фигуры, испуская боевой огонь, производят ошеломляющее впечатление на врага. Глубже проследить эту связь не удастся. Других упоминаний о применении огнеметов в XIII в., кроме как в «Романе о Чингис-хане», нет. Следует согласиться, что хитрость греков является наиболее близким

⁷⁶¹ Михаил Пселл. Хронография / Пер., статья и примеч. Я. Н. Любарского. М., 1978. С. 95-96.

⁷⁶² Mercier M. Le feu grégeois..., p. 28.

⁷⁶³ Анна Комнина. Алексиада / Вступ. ст., пер., коммент. Я. Н. Любарского. М., 1965. С. 313.

⁷⁶⁴ Там же, с. 314.

аналогом вымышленной хитрости индов, что, в свою очередь, выводит наш сюжет за пределы известного эпизода битвы Александра с Пором и в целом подтверждает гипотезу об искусном конструировании сюжета автором романа.

Согласно исследованию Г. Халдона и М. Бурне,⁷⁶⁵ секрет жидкого огня состоял не столько в соотношении входящих в смесь ингредиентов, сколько в технологии и методах ее использования, а именно: в точном определении степени подогрева герметически закрытого котла и в степени давления на поверхность смеси воздуха, нагнетаемого с помощью мехов. В нужный момент кран, запирающий выход из котла в сифон, открывался, к выходному отверстию подносилась лампадка с открытым огнем, и с силой выбрасываемая горячая жидкость, воспламенившись, извергалась на суда или осадные машины врага. На основании всего изложенного, выскажем предположение, что принцип действия легендарных медных фигур («испускать огонь, раздувая <его> посредством кузнечных мехов») весьма напоминает действие греческих «сифонов», (но не китайских огнеметов).

К XIII в. секрет жидкого греческого огня был окончательно утерян⁷⁶⁶ и принцип действия огнемета уже неясен авторам, использовавшим ранние сочинения. Так, арабский писатель Ибн аль-Асир (умер в 1233 г.), опираясь на утраченное впоследствии сочинение X в., при описании войны 927 г. между мусульманами и греками упоминает странное оружие греков. Как для латинских авторов XIII в., так и для их арабских современников греческий огнемет X в. представлял неразрешимую загадку. Вот что пишет Ибн аль-Асир об оружии греков: «С domestikом были подвижные башни, камнеметательные машины; и с ним были короткие копья, которые с огнем пронзали по 12 человек. И не устоял перед ними никто вследствие силы огня и его непрерывности. И это было самым страшным для мусульман. И бросавший этот <огонь> сам принимал непосредственное участие в бою и был одним из храбрейших воинов. И выстрелил в него стрелой один из мусульман и убил его. И Бог избавил мусульман от его козней».⁷⁶⁷

Любопытно, что в миниатюре Радзивилловской летописи к рассказу о морском походе Игоря изображены (вопреки тексту) не греческие корабли с огнеметами, а стоящие на берегу люди с трубами, из которых выходит огонь в лицо сидящих в ладьях русских воинов.⁷⁶⁸ Такое отступление от текста указывает не только на поздний состав этой миниатюры, но и на полную утрату сведений о механизме действия жидкого «греческого огня». Радзивилловская лицевая рукопись создана в конце XV века как копия Владимирского лицевого же свода 1206 г.⁷⁶⁹ Миниатюра XV в., копирующая рисунок

⁷⁶⁵ Haldol G., Byrne M. A Possible Solution to the Problem of Greek Fire // *Byzantinische Zeitschrift*. 1977. Bd. 70. S. 91-99; См. также: Bréhier L. La marine de Byzance du VIII-me an XI-e siècle // *Byzantion*. XIX. 1949. P. 5-15.

⁷⁶⁶ Видимо, сыграл свою роль и запрет на использование жидкого огня, принятый Вторым Латеранским собором в 1139 г., см.: Second Lateran Council (Innocent II) // C. Hafele and H. Leclercq. *Histoire des Conciles*. Paris, 1912. V. 1. P. 730-731.

⁷⁶⁷ Цит. по: Васильев А. А. Византия и арабы. СПб., 1902. Т. II. Приложение. С. 108.

⁷⁶⁸ Радзивилловская летопись. Факсимильное воспроизведение. СПб.; М., 1994. Т. I. Л. 22 об; Ср. Также выглядит ситуация с изображением на миниатюрах стягов. Так, по наблюдениям М. Г. Рабиновича, «повествование летописи о войне болгар с венграми в 902 г. иллюстратор Радзивилловской летописи снабдил рисунком, на котором полотнище стяга болгар – с полумесяцем и звездой – османскими символами, хорошо известными в XV – XVI вв., но вряд ли распространенными у болгар в X в.», см.: Рабинович М. Г. Древнерусские знамена (X – XV вв.) по изображениям на миниатюрах // Новое в археологии. Сб. статей в честь А. В. Архивовского. Л., 1972. С. 180.

⁷⁶⁹ Предположение о наличии иллюстраций в копируемом своде начала XIII в. было высказано А. А. Шахматовым, см.: Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской

начала XIII в., демонстрирует важный для нашего исследования момент, связанный с развитием легенд о «греческом огне»: морской огонь становится сухопутным. Битва монголов с царем Великой Индии была сухопутным сражением.

Подведем итоги. Брат Иоанн совершенно справедливо в своем переводе назвал оружие индов «греческим огнем» (впрочем, широта употребления этого термина в XIII в. была исключительна). Версия перевода брата Бенедикта (*живой огонь*) отражает русское посредничество и выглядит более корректно. Медные фигуры людей, в которые нагнетают воздух при помощи кузнечных мехов, действуют по принципу византийских огнеметов IX – XI вв. Только эта техника метания огня позволяла выбрасывать раскаленную струю на относительно большое расстояние. Инды сжигают монгольское войско на расстоянии, превышающем полет стрелы, что разумеется, авторским вымыслом. Гипербола понадобилась автору романа для того, чтобы показать боевое преимущество индов перед монгольскими лучниками. Фантастическое оружие индов сделало их непобедимыми.

Мы не знаем, как часто византийцы для устрашения врагов камуфлировали огнеметы медными статуями хищных зверей. Несомненно, впечатление, производимое огненной струей, многократно усиливалось тем, что огонь исходил из пасти медных фигур. Подобная картина в глазах человека не знакомого с этим оружием, воспринималась почти как фантастическая. Полагаю, что связь византийских фигур, мечущих огонь, с медными воинами из легендарного повествования о Чингис-хане доказана. Образ же медных всадников в войске индов мог возникнуть как отражение железных всадников Искандера из «Шахнаме», но принцип действия огненного оружия в этих произведениях столь различен, что можно говорить о безусловной уникальности сюжета из «Романа о Чингис-хане».

Этот сюжет со всей определенностью показывает, что к XIII в. секрет византийского огня был прочно утрачен и память о нем переместилась в область преданий. Только этим и можно объяснить слова брата Бенедикта о бронзовых фигурах как о новой и неслыханной ранее хитрости. В свое время «греческий огонь» использовался в морских сражениях, иногда, при защите крепостей, но как полевое оружие он был бесполезен. Следует заметить также, что установка огнеметов на спинах лошадей совершенно исключена. Следовательно, в романе в одной сюжетной плоскости совмещены образы и представления разных эпох и культур.

В целом же рассмотренный сюжет о битве за Великую Индию представляет собой инверсию популярных легенд: 1) победоносного сражения Чингис-хана с пресвитером Иоанном; 2) персидский вариант знаменитого поединка Искандера со слонами Пора. Благодаря инверсии войлочные чучела превратились в медные человеческие фигуры, которые, в свою очередь, превратились в огнеметы. Именно таков был принцип мифологического конструирования сюжета, демонстрирующего очередное поражение монголов. Военная хитрость пресвитера Иоанна знаменует «трудную задачу», с которой не смогли справиться воины Чингис-хана.

Самым же занимательным в нашем сюжете является возрожденный миф о могущественном царстве пресвитера Иоанна. В реальности никто не мог противостоять натиску монгольских армий. Но в мифическом пространстве романа возможно существование стран, могущество которых компенсирует страх и ужас, рожденный монгольским нашествием. «Изобретение» автором романа нового оружия преследует

летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. Изд. ОЛДП. СПб., 1902. Т. 118. Это подтверждено последующими исследователями. Так, О. И. Подобедова предполагает, что в руках копиистов XV в. были две лицевые рукописи, разнящиеся характером миниатюр, см.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 80-86.

единственную цель – изобразить непобедимого противника, который использует «монгольские» боевые приемы, а сложный характер комбинаций элементов (игра с фигурами) указывает на литературный характер всего эпизода.

И. де Рахевильц, который признает идею существования «Романа о Чингис-хане», считает, что эпизод битвы с войском царя Великой Индии из донесений францисканской миссии 1247 г., не входил в состав этого сочинения.⁷⁷⁰ Согласно И. де Рахевильцу, брат Иоанн во время путешествия интересовался судьбой легендарного пресвитера и один из случайных спутников францисканца поведал ему занимательную историю. Полагаю, что наше исследование рассеяло этот научный миф.

⁷⁷⁰ *I. de Rachewiltz. Prester John and Europe's Discovery of East Asia*, p. 69.

3.9. Монгольская армия в Земле псов

§ 1. Сюжет.

Согласно версии перевода брата Иоанна, второе войско монголов, изгнанное за пределы Великой Индии, случайно попадает в Землю псов. Все мужчины этой земли – псы от рождения. Они охраняют остров женщин, имеющих человеческий облик. Инициатива сражения с пришельцами принадлежит воинами-псами, которые используют военную хитрость. Они превращают свои тела, покрытые шерстью, в ледяные панцири, и благодаря своей неуязвимости выигрывают сражение. В этом, собственно, и заключается загадка. Картина столкновения монголов с войском псов есть частный случай более широкой темы поединка эпического героя с тем или иным фантастическим соперником. Если бы победа была на стороне монголов, то это соответствовало бы эпической традиции, где по условиям жанра, победа непременно должна сопутствовать герою. В нашем случае необычен исход поединка – поражение монголов. С неизбежностью возникает вопрос о характере текста, в котором известный легендарный сюжет соединяется с историей монгольских походов, и при этом удача оказывается на стороне противников монголов. Очевидно, что этот текст не эпический и не исторический. Скорее всего, перед нами литературный вымысел квазиисторического характера.

В восточной средневековой картине мира Земля псов занимает хоть и неопределенное, но устойчивое место. Загадочно выглядит вторжение мифа в реальную историю: Землю псов пытается покорить одна из армий Чингис-хана. Парадокс ситуации в том, что францисканцы при желании вполне могли встретиться с участниками вымышленного похода, ведь многие из ветеранов были еще живы. Следовательно, разоблачить вымысел особого труда не составляло, но этого как раз и не последовало. Почему? Предполагать, что средневековые дипломаты приняли эту историю за реальный факт невозможно. Спрашивается, с какой целью францисканцы записали полученные сведения в свои донесения? Они полагали, что записывают историю легендарных деяний основателя империи. Необычный облик противников, с которыми сталкиваются монголы, не должен нас смущать, как не смущал он ни автора «Романа о Чингис-хане», ни францисканцев, записавших перевод этого сочинения. Воины-псы – символ, и не более. Однако большинство исследователей думает иначе.

Сначала мы рассмотрим описание монгольского вторжения в Землю псов в обоих донесениях францисканцев, и отметим расхождения, поскольку их переводы имеют существенные различия. Затем мы проведем сравнительный анализ этих сведений с широким кругом восточных источников, повествующих о Земле псов. Это позволит нам убедиться в восточном происхождении сюжета из «Романа о Чингис-хане». Особый интерес будет представлять вопрос о том, какие элементы сюжета подверглись инверсии. Инвертированные элементы укажут на замысел автора романа. В заключение мы коснемся вопроса о происхождении легендарной Земли псов.

В версии перевода брата Иоанна, кроме битвы с псами, представлено и описание Земли псов. Характерные подробности (мальчики рождаются псами, а девочки имеют человеческий облик) позволят ввести наш сюжет в круг занимательных историй, которые были хорошо известны при монгольском дворе. Подчеркну, что речь идет именно об описании Земли псов, а не о сражениях с ее обитателями. Передавая этот сюжет, брат Иоанн ссылается на русских священников и неких рассказчиков, которые уже давно живут в монгольской империи. Нет сомнений в том, что русские священники выступают в роли переводчиков с какого-то восточного языка на латынь. А анонимных рассказчиков следует рассматривать как авторов «Романа о Чингис-хане». Так или

иначе, настойчивая ссылка брата Иоанна на информаторов демонстрирует дистанцию между фантастическим сюжетом и его оценкой францисканцем.⁷⁷¹

В донесении брата Иоанна сообщается:

«А когда они возвращались через пустыни, то пришли в некую землю, в которой, как нам твердо говорили русские священники и другие <люди>, долго прожившие среди них, нашли неких чудовищ, имевших женский облик.⁷⁷² И что, всякий раз когда они спрашивали их через многих переводчиков,⁷⁷³ где находятся мужчины той земли, те отвечали, что в той земле все, кто бы ни рождался женского <пола>, имеют человеческий облик, а <дети> мужского пола имеют вид псов.⁷⁷⁴ И что, так как они мешкали в вышеозначенной земле, на другом берегу реки все псы сошлись вместе и, так как зима была жесточайшая, все <псы> бросились в воду и после этого немедленно стали кататься в пыли, так что пыль в смеси с водой смерзалась на них. И что, так как они делали <это> многократно, они оказались покрыты сплошным льдом и мощным натиском сошлись с тартарами для боя. И те, со своей стороны, метали в них стрелы, и тогда стрелы, <как> если бы их метали в камни, возвращались назад; другое их оружие

⁷⁷¹ По мнению Фрида, подобная формула отстраненности свидетельствует о сдержанности и даже скепсисе брата Иоанна, «который не раздувает истории про монстров, излагает их сжато и не дает монструозности выходить из под контроля», см.: *Fried J. Auf der Suche nach der Wirklichkeit. Die Mongolen und die europäische Erfahrungswissenschaft im 13. Jahrhundert* // HZ 243:2. 1986. S. 320. Оценивая же в целом пятую главу книги брата Иоанна, Фрид пишет, что представления о всевозможных диковинных народах, свойственные латинскому средневековью (заимствованные из античных авторов – Плиния Старшего и Солина) позволяли сочетать сведения о монстрах и чудесах с весьма точными и реальными данными. Концепция Фрида опирается на общепринятую, однако никем не доказанную теорию о «наивности» средневековых авторов. Фрид оценивает сюжет, но не анализирует его. Вопрос об истоках сюжета им даже не ставится. Как показывает сравнение с параллельными восточными текстами, сведения брата Иоанна о Земле псов – перевод литературного текста, в который им вносятся разве что ошибки и сокращения. О сдержанности и скепсисе брата Иоанна говорить не приходится. Он лишь передает чужой текст, который, в свою очередь, почти без изменений повторяет тексты более ранней эпохи.

⁷⁷² *quedam monstra imaginem femineam habentia reppererunt* ‘нашли неких чудовищ, имевших женский облик’ – очевидная ошибка брата Иоанна, который не сопоставил этот пассаж с дальнейшим описанием Земли псов, где он сам же пишет, что женщины этой земли имеют человеческий облик. Ср. ниже с версией НТ (§ 18), которая содержит более корректный перевод и где сообщается, что монголы обнаружили женщин без мужчин.

⁷⁷³ Весьма занимательная фигура – переводчики, участвующие в легендарных походах. Было бы слишком смелой и к тому же трудно доказуемой гипотезой видеть в них авторов Романа, которые таким образом вводят себя в число свидетелей фантастических походов. Однако в пользу этого предположения говорят сюжеты, которые повествуются от первого лица (см.: НТ. 12, 17). Странность ситуации в том, что переводчики помогают наладить контакты между монголами и чуждыми народами, и, следовательно, могли бы помочь избежать поражений. Но согласно замыслу автора Романа монголы везде терпят поражения.

⁷⁷⁴ В арабских популярных космографиях можно обнаружить подобные примеры, призванные объяснить происхождение странных существ. Авторы пишут о браке человека с животными. Вместе с тем, настаивать на универсальности и всеобщем характере подобных представлений в Средние века, оснований нет. Ср. с рассуждениями Бузурга ибн Шахрияра (X в.) о происхождении рыб с лицом человека. Он пишет: «Люди совокуплялись с какой-нибудь рыбьей породой и от них в течение веков рождались такие, похожие на людей, рыбы. Так, например, когда человек сходится с диким зверем – с гиеной, или пантерой, или с другим сухопутным животным, – у них рождаются обезьяны, наснасы и другие похожие на людей существа» («Чудеса Индии», с. 42); Легенда о браке псов с женщинами, представленная у брата Иоанна, по своему происхождению связана с древними представлениями о собаке, как тотеме; подробнее, см. ниже § 3. Ср.: А. Н. Веселовский. Историческая поэтика / Редакция, вступ. ст. и прим. В. М. Жирмунского. Л., 1940. С. 522, 524.

также не могло причинить им никакого вреда. Псы же, совершив нападение на них, многих ранили или убили <своими> укусами и таким образом изгнали их из своих границ. И среди них до сих пор бытует поговорка об этом: „Твой отец (или брат) был убит собаками“. А их женщин, которые были взяты в плен, <тартары> отвели в свою страну, и они находились именно там вплоть до дня своей смерти» (V. 13).

Версия перевода брата Бенедикта отличается более стройным изложением, к тому же, она сохранила важные дополнительные подробности. В тексте фигурирует монгольское название Земли псов – Нохой-Кадзар,⁷⁷⁵ что свидетельствует о факте перевода.⁷⁷⁶ Сообщается, что псы *трижды* катаются по песку, чтобы покрыться ледяными панцирями. И, наконец, имеется важное указание на уязвимость псов, чьи глаза и рты остались незащищенными. Последние два обстоятельства позволят нам привлечь североазиатские материалы о шаманских поединках. Параллельный текст в «Истории Тартар» выглядит так:

«А тартары, не решаясь вернуться к себе домой раньше установленного Чингис-каном срока, дабы избежать смертного приговора, двинулись в юго-восточном направлении. Пройдя более месяца по пустыне, они достигли Земли псов, называемой по-тартарски Нохой-Кадзар. Ведь *нохой* по-тартарски означает на латыни *canis* (собака), а *кадзар* по-тартарски означает на латыни *terra* (земля). Они нашли там только лишь женщин без мужчин <и>, захватив их в плен, остались на два <дня> возле реки, которая протекает посередине <этой> земли, а когда спросили <их> о мужчинах, каковы они и где находятся, <те> ответили, что <их мужчины> от природы – псы и что они, прослышав молву о врагах, переправились через реку. На третий же день обнаружилось, что все псы, которые обитали в <этой> земле, объединились, но, <поскольку> тартары насмехались над ними, они, переправившись через реку, стали кататься по песку, который вследствие холодного времени замерзал на них. И так они проделали дважды и трижды, а поскольку псы были покрыты шерстью, то лед смерзся с песком на толщину ладони. Сделав это, они ринулись на тартар. Те же, смеясь, начали метать в них стрелы. Но поскольку им не мог быть причинен вред иначе, чем через рот и глаза, они уничтожили очень немногих. Псы же, быстрее добегая <до них>, одним укусом валили коня, а другим душили татарского <всадника>. Итак, тартары, видя, что ни стрелы, ни мечи не могут повредить псам, пустились в бегство. Псы, преследуя их в течение трех дней <и> умертвив очень многих, изгнали их из своих границ. И таким образом обрели впредь мир от них. Некий тартар также рассказал брату Б<енедикту>, что его отец был в то время убит псами. Кроме того, брат Б<енедикт> твердо уверен в том, что он сам видел среди тартар одну из песьих женщин, о которой он даже говорит, что она рожала от тартар, но <рожала> мальчиков чудовищных. А вышеописанные псы очень волосаты, они понимают полностью речь женщин, а женщины – <смысл> знаков псов. Если женщина рождает дитя женского пола, у него человеческий облик матери, <а> если мужского, то он делается псом, как отец» (НТ. 18).

§ 2. Постановка проблемы.

Перед нами стоят две разноплановые и независимые друг от друга задачи. Первая, связанная с выяснением литературных источников, которые отразились в

⁷⁷⁵ Подробнее о монгольском *nochoy* ‘собака’, зафиксированном в НТ. Касательно монгольского *kadzar* ‘земля’, Шинор пишет, что «Пейнтер приравняет это слово к *gjar* письменного монгольского, но более правильно и исторически, и лингвистически, видеть здесь передачу среднемонгольского *qajar* – ‘земля’», см.: *Sinor D. Mongol and Turkic Words in the Latin Versions of John of Plano Carpini's Journey to the Mongols*, p. 541.

⁷⁷⁶ *Pervenerunt ad terram canum que apellatur tartarice Nochoy Kadzar. Nochoy enim tartarice canis dicitur latine* (НТ. 18).

анализируемом сюжете, практически решена в предшествующих исследованиях.⁷⁷⁷ Что же касается вопроса о том, с какой целью заимствованный и к тому же инвертированный эпизод присутствует в «Романе о Чингис-хане», то он не был поставлен ни одним исследователем.

Сведения францисканцев о Земле псов, как уже сказано, достаточно широко обсуждались в научной литературе.⁷⁷⁸ Большинство исследователей рассматривает этот сюжет как *случайные* сведения, собранные францисканцами во время их путешествия в Центральную Азию.⁷⁷⁹ При такой постановке вопроса загадка текста никогда не будет решена. Совершенно неясно, на чем основаны утверждения, что на территории империи можно было найти множество легендарных историй о поражениях монголов. Подчеркну, что дело не в монстрах как таковых, а в столкновении монголов с монстрами, причем неудачном для монголов. Именно это обстоятельство требует объяснения. На деле же, игнорирование этого аспекта носит всеобщий характер. Усилия наших предшественников были направлены на решение вопроса о том, как соотносятся универсальные средневековые представления о монстрах в европейской и азиатской культурах. Своего рода (неутешительным) итогом является краткий обзор этой темы в комментарии польских авторов к сочинению брата Иоанна. По мнению Войткевича, в сюжете речь идет о кинокефалах и амазонках, вера в существование которых на Западе в средние века опиралась на авторитет Исидора Севильского. Возникает вопрос, – пишет Войткевич, – в какой мере этот эпизод из донесений францисканцев испытал влияние книжной учености брата Иоанна и насколько он отражает принятие монголами универсальных представлений о чудовищах. По мнению Войткевича, сведения о монстрах в сочинениях более ранних авторов таили в себе возможность для поиска амазонок и песьеголовых на всем пространстве монгольской империи. Следовательно, полагает он, францисканцы услышав азиатскую легенду, изложили ее в согласии с собственными представлениями.⁷⁸⁰

Несомненно, вопрос о том, как отнеслись францисканцы к такого рода легендам, очень интересен. Однако в данном случае перед нами иная проблема: сведения францисканцев не носят случайного характера, но являются фрагментом «Романа о Чингис-хане», сочинения с продуманной авторской концепцией. Чтобы убедиться в этом, достаточно провести сравнительный анализ сюжета о Стране псов, представленного в донесениях францисканцев, с аналогичными по содержанию литературными обработками этих легенд в китайской и персидской традициях. Единственное, но существенное отличие заключается в том, что эпический герой Огуз, достигнув, как и монголы, Земли псов, одерживает над ними победу, а монгольское войско терпит поражение. Иными словами, в романе представлена литературная инверсия

⁷⁷⁷ Например, в магистерской работе Гизау представлен исчерпывающий перечень источников, за исключением материалов этнографического характера, см.: Die Mongolengeschichte des Johannes von Piano Carpine / übersetzt und kommentiert von J. Giessauf. Graz, 1995 (Schriftenreihe des Instituts für Geschichte 6).

⁷⁷⁸ К истории обсуждения легенды о Стране псов см. (с дальнейшей литературой): Van den Wyngaert. 60, adn. 1; Шастина, с. 204, прим. 58-59; Painter, p. 70-71, n. 1-4; Wittkower, s. 183 sq; Daffin á, pp. 438-439; Pietk. 257, kom. 40.

⁷⁷⁹ Ср.: Jurow W. Benedykt Polak jako óredniowieczny zbieracz podań i legend o Tatarach // Literatura Ludowa. 20:1976, nr 6 (1977). S. 29.

⁷⁸⁰ Wojtk. 192-193, kom. 75. В заключение он отсылает к исследованиям: Lecouteux C. Les monstres dans la littérature allemande du Moyen Age. Contribution a l'étude du merveilleux médiéval. (330). Göppinger, 1982. II. P. 20, и Fajnsztejn D. Potwory fantastyczne w wierzeniach i mitach. Wilno, 1938. S. 111. Ни в одном из названных исследований нет сравнительного анализа сюжета. Как будет показано ниже, легенда о Земле псов имеет центральноазиатское происхождение, и следовательно, должна рассматриваться в культурных границах этого региона.

центральноазиатской легенды, и в этом ее уникальность. Доказательством этой гипотезы мы и займемся ниже.

Ознакомившись с сюжетом, можно задать следующие вопросы: с какой целью автор романа вводит в повествование сражение монголов с необычным противником; что означает победа псов в контексте военных экспедиций монголов против монстров; и последнее, почему Земля псов, согласно версии НТ, расположена на юго-востоке, хотя описание климата этой земли выдает ее «северное» происхождение? Попутно нас будет занимать ряд частных вопросов: о происхождении сюжета о воинах-псах, который, скорее всего, отражает обряд посвящения в воины и охотники; история мифического «острова женщин» (мотив изоляции) и формы фиксации этих тем в текстах «наблюдающих культур».

Приведенные ниже сведения восточных источников не раз сопоставлялись в той или иной комбинации с известиями францисканцев (с целью, выяснить скрытую за ними реальность). Ришем,⁷⁸¹ и вслед за ним, Пейнтером,⁷⁸² была отмечена инверсия сюжета (если за исходный вариант принять эпизод из «Огуз-наме»⁷⁸³). Даффина⁷⁸⁴ ограничился простым перечислением источников, однако не указав ключевой из них – «Огуз-наме». В целом же, попытки Риша и Даффина привлечь в качестве параллелей многочисленные античные и средневековые свидетельства о собакоголовых (кинокефалах) не выглядят убедительно, потому что в данном сюжете фигурируют именно псы, а не люди с головами и хвостами собак. В западных источниках отсутствуют характерные подробности в описании Земли псов, какие мы находим в восточных источниках.

Казалось бы, в руках у исследователей имелись все необходимые исходные данные, чтобы поставить вопрос о необычном характере метаморфозы, которую претерпел сюжет битвы монголов с псами. Монголы проигрывают сражение, тогда как Огуз, получив «подсказку» от женщин Земли псов, оказывается победителем. Действительно, Пейнтер, опираясь на этот факт, а также на второй случай, где им отмечена инверсия,⁷⁸⁵ выдвинул идею о существовании «Романа о Чингис-хане», зафиксированного в отчетах францисканцев. Идея Пейнтера осталась практически незамеченной.⁷⁸⁶ Дело в том, что Пейнтер, равно как и другие исследователи, рассматривает сведения францисканцев и параллельные им тексты как однородный материал. Инверсия не вызывает у них удивления. Можно указать литературные источники, свидетельствующие об инверсии всех остальных сюжетов «Романа о Чингис-хане». На этом основании я ставлю вопрос об инвертированном характере всего романа, рисующего рождение вымышленной империи Чингис-хана. Незвестный автор, заимствуя темы из литературных источников, использует «метод зеркала». В результате, столкновения монголов с тем или иным противником или аномальным природным явлением заканчиваются поражениями. При этом «нейтральные» параметры легендарных эпизодов передаются без изменений. Этот

⁷⁸¹ Risch, s. 127.

⁷⁸² Painter, p. 70-71.

⁷⁸³ См.: Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме / Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указатели Р. М. Шукюровой. М., 1991. С. 34-35; Персидский текст и перевод на немецкий, см.: Die Geschichte der Oguzen des Rasid ad-Din / K. Jahn (hrsg). Vienna, 1969. S. 24-26.

⁷⁸⁴ Daffinà, pp. 438-439, n. 22.

⁷⁸⁵ Речь идет о магнитной горе, притянувшей оружие и снаряжение монголов. Пейнтер указал исходную версию легенды, которая содержится в сочинении «Чудеса Индии».

⁷⁸⁶ Мне известно только три работы, где идея Пейнтера отмечена и воспринята положительно, в то время как библиография исследований о миссии брата Иоанна де Плано Карпини из-за огромного количества не поддается учету. Только на русском языке существует свыше тысячи статей.

ключ применим к каждому из сюжетов романа. Дальнейшее изложение преследует цель проверить эту концепцию на конкретном примере битвы монголов с воинами-псами. Литературная традиция, транслирующая легенду о Земле псов, насчитывала ко времени ее обработки в «Романе о Чингис-хане» несколько столетий.

Нашей задачей является структурный и семантический анализ литературных текстов, ранее никем не предпринятый. Анализ преследует две цели: определить первичный текст (исходный модуль), в котором представлен тот же набор элементов, что и в сюжетах, переданных францисканцами. Тем самым будет продемонстрирована литературная преемственность восточных текстов, область их функционирования и способы передачи представителям других культур. И второе. Путем сравнения всех доступных источников мы сможем выявить авторский замысел (изменения, внесенные автором в первичный текст), так как представленный сюжет о Земле псов носит исключительно литературный характер. Действительной трудностью на этом пути могла бы быть фраза брата Ц. де Бридиа о том, что некий «тартар» поведал брату Бенедикту о своем отце, убитом в той битве псами. Но брат Иоанн сообщает о ней, как о поговорке.⁷⁸⁷

В изложенном сюжете следует различать две независимые друг от друга темы: легендарные сведения о Земле псов и битву монголов с воинами-псами. Источники этих сведений давно известны в науке. Нам предстоит лишь решить, какой из них являлся «первичным» текстом для автора романа. О Земле псов сообщается в уйгурском документе, переведенном на тибетский язык в конце VIII – начале IX вв.,⁷⁸⁸ в китайском сочинении X в., известном по сборнику Е Лун-ли (XIII в.),⁷⁸⁹ и в армянском известии XIII в., которое передает истории, рассказываемые при монгольском дворе. Что же касается описания битвы монголов с воинами-псами, то первичный текст отсутствует, но с уверенностью реконструируется. Близкая по содержанию история столкновения с войском псов представлена в «Огуз-наме» (в версии Рашид ад-Дина). Сравнение латинской и персидской литературных версий легенды о битве с воинами-псами показывает, что они зеркально соотносятся друг с другом. Отсюда следует, что в романе результат битвы подвергся инверсии. Существует также источник, показывающий, откуда мог прийти непосредственный импульс, повлиявший на автора романа. В донесении южносунских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина (1237 г.) сообщается о походе монголов против *Noqai irgan* (племени псов).⁷⁹⁰ Содержание эпизодов (набор элементов) в названных восточных источниках в целом совпадает с версиями, изложенными францисканцами. Можно смело утверждать, что в «Романе о Чингис-хане» мы наблюдаем «склеивание» двух легендарных тем: о земле, где мужчины имели вид псов, и битвы эпического героя с войском псов. Та же самая картина, за отсутствием нескольких подробностей, наблюдается и в «Огуз-наме». Особый интерес представляет упоминание *реки*, разделяющей область Нохой-Кадзар. Поскольку мотив реки, отделяющей мужчин от женщин, вызывает устойчивую ассоциацию с аналогичным мотивом из легенды об амазонках, можно предполагать, что исходный сюжет, использованный автором романа, имел длительную литературную историю.

⁷⁸⁷ Эти сведения могут быть сопоставлены с пассажем из «Огуз-наме», где говорится о походе Огуза в страну псов и упоминается беременная женщина, чей муж погиб в битве с псами. Родившийся мальчик получил от Огуза имя Кыпчак и стал родоначальником племени кыпчак, см.: *Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме*, с. 36.

⁷⁸⁸ *Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouigours au VIIIe siècle // JA. 1956. Vol. 244, pp. 137-154.*

⁷⁸⁹ *Е Лун-ли*, с. 328-329.

⁷⁹⁰ *Olbricht P., Pinks E. (trs). Meng-Ta pei-lu und Hei-Ta shih-lüen. Wiesbaden, 1980.*

§ 3. Интерпретации сюжета. Исследователи в игровом поле романа.

Страна псов в легендарной географии романа занимает крайние пределы мира в юго-восточном направлении. Ниже приводятся сведения из армянского источника XIII века о Стране псов, расположенной за Китаем, следовательно, на юге относительно Монголии. Вероятно, автору романа была известна эта легенда. И, видимо, не случайно каждая из трех легендарных областей на пути второго войска монголов соотносится с югом. Напомним, что их маршрут проходил через Малую и Великую Индии (легендарное царство пресвитера Иоанна), затем через неизмеримую пустыню (символ неосвоенного пространства), к которой примыкает Земля псов, и завершился покорением Буритебета. Можно предположить, что автор романа имел какие-то важные основания объединить эти области в единое целое и соотнести их с южными границам монгольской империи.

Картина похода второго войска отражает слухи о разведывательной экспедиции Бала-нойона на Пенджаб, в труднодоступные горные области на севере Индии в 1222 г.⁷⁹¹ Двадцатитысячный отряд монголов пытался настичь султана Джелал ад-Дина. Обратный путь Чингис-хан планировал совершить через Индию, Гималаи и Тибет, однако проход через горы был закрыт снегами. Поразительное по своим масштабам событие и слухи о нем дали импульс для рождения сюжетной линии в романе. Охват мира в южном направлении описывается через призму легендарных историй, ассоциируемых с южными областями – Великой и Малой Индиями, Буритебетом и Землей псов. Композиция балансирует на грани реальности и вымысла.⁷⁹² В ней сопрягаются известное событие и сведения о маргинальных территориях. Следует согласиться, что автор романа создает псевдоисторию монгольских завоеваний, перенося действие к границам вымышленной империи. Стратегический план покорения мира доводится в романе до абсолюта,⁷⁹³ а прославленная боевая тактика монголов приносит им лишь поражения. Армии Чингис-хана сталкиваются с противниками, обладающими секретами непобедимости, поэтому вторжения в маргинальные пространства, как правило, оборачивается катастрофой для монголов.

Сюжеты романа скрывают в себе неожиданные возможности для интерпретации. Двойственный характер описаний, где слиты факт и вымысел, провоцируют исследователей на поиски скрытой реальности. Показателен следующий пример:

Как выглядит поход монголов против Великой Индии и Земли псов с точки зрения монгольской стратегии, – спрашивает Д. Шинор. Для него это хороший пример военной операции с заранее заданной экспозицией. Войско, отправленное в Индию, побеждено и вынуждено отступить. По мнению Шинора, время, отведенное им для индийской кампании было сокращено, и монголы, согласно НТ, «не решаясь вернуться к себе домой раньше установленного Чингис-ханом срока, чтобы избежать смертного приговора, двинулись в юго-восточном направлении», и наконец, достигли Земли псов. И если относительно существования Земли псов, пишет Шинор, можно сомневаться, то нет причин игнорировать сведения НТ о заранее намеченной кампании. Он считает, что речь идет о спланированных действиях, а именно: обходе укрепленных районов, где ожидалось энергичное сопротивление, и внезапных отступлениях, вплоть до полного ухода. Эти отступления противниками монголов воспринимались как победы, но факты

⁷⁹¹ Подробнее см. в главе 3. 1.

⁷⁹² Поскольку легендарная география «Романа о Чингис-хане» испытала влияние поэмы Низами «Искандер-наме», то вполне вероятно, что южный поход монголов является отражением южного маршрута Искандера: Повелитель мира «из Индии пошел в тибетскую землю, из Тибета прошел в крепкие пределы Китая» (Низами, с. 248).

⁷⁹³ Тема мировой экспансии рассматривается в главе 3. 1.

показывают, что они не были мотивированы каким-либо поражением. Отступления монголов часто следовали за победными сражениями и весьма успешными кампаниями.⁷⁹⁴

На первый взгляд, Шинор прав. Речь, действительно, идет о непрерывном походе, однако длительность похода задана фантастическим приказом Чингис-хана. Согласно замыслу автора романа, Чингис-хан приказал трем армиям покорить весь мир и под страхом смертной казни не возвращаться до истечения установленного срока. Шинор вычленяет из легендарного контекста реальные, на его взгляд, элементы – непрерывный поход и внезапное отступление, (тогда как в тексте описаны катастрофическое поражение и хаотическое бегство монголов). Этот прием позволил Шинору увидеть в НТ некий «рациональный» аспект интересующей его темы. Шинор считает, что сведения о монгольской стратегии в НТ искажены. Согласиться с таким подходом к материалу оснований нет. Тактика монголов в битве с псами не искажена, она безрезультатна. Победить псов может лишь тот, кто владеет сакральным знанием об уязвимых местах псов. Сюжет следует рассматривать как единое целое. Замысел автора романа как раз и заключался в сопряжении реальных сведений военного характера с описанием битв с фантастическими персонажами. И стратегия, и тактика монголов, действительно, находятся в центре внимания сюжета, но, видимо, стоит принять во внимание правила игры, предложенные автором романа. К композиции вполне приложим только один ключ – ключ инверсии (см. ниже § 6).

Другой крайностью является широко распространенное мнение о наивности францисканцев, описывающих таинственную Азию. Например, Чемберс пишет: «Хотя брат Иоанн, в оценке всего, что он видел, был точен и объективен, он, как и большинство образованных людей своего времени, был готов верить и записывать многие легендарные события, которых не видел».⁷⁹⁵ Поскольку в книге Чемберса отсутствует сравнительный анализ текстов (предмет для спора), то от оценки подобных суждений можно отказаться.

Ниже будет названа еще одна причина, побудившая автора романа расположить Землю псов между Великой Индией и Буритебетом. В композиционном плане неудачная битва с воинами-псами связана с сомнительной победой монголов над народом «волков», обитающим в Буритебете. Если же отвлечься от авторского замысла, то следует признать, что Земля псов могла находиться и на крайнем севере (в древнекитайском сочинении говорится о северном царстве собак). Пока же отметим ее пограничный характер: Земля псов труднодостижима и недоступна по причине воинственности ее обитателей. Монголы вторгаются в эту область, потому что обречены Чингис-ханом на длительный поход. Поэтому, несмотря на поражение от индов, они не смеют вернуться восвояси раньше установленного срока. Сценарий похода имеет внутреннюю логику: по мере удаления от центра к периферии обретают реальность мифологические фрагменты картины мира. Царство пресвитера Иоанна сменяется Землей псов. Последняя символизирует неосвоенное пространство. Виден и авторский план. Два

⁷⁹⁴ Sinor D. On Mongol Strategy // Proceedings of the Fourth East Asian Altaistic Conference, ed. Ch'en Chien-hsien. Tainan, Taiwan, 1975, p. 244-245. Видимо, Шинор имеет ввиду следующее событие, когда нойон Бала, посланный в погоню за султаном Джелал ад-Дином, «дошел даже до середины Хиндусской страны, но будучи не в силах вести дальнейшее преследование, он повернул назад и, разорив и полонив пограничный хиндусский народ и набрав множество верблюдов, прибыл к Чингис-хану» («Сокровенное сказание», § 264).

⁷⁹⁵ «Although Friar John's account of everything he had seen was accurate and objective, like so many scholars of his age he was prepared to believe and record many of the legendary phenomena that he had not seen», см.: Chambers J. The devil's horsemen: the Mongol invasion of Europe. London, 1988, pp. 153-154.

поражения монголов уравниваются двумя победами: над Малой Индией, населенной черными эфиопами, и Буритебетом, обитатели которого уподобляются диким волкам. Обе победы носят сомнительный характер и их появление в романе является реакцией на официальные декларации о покорении мира от восхода солнца до заката.

По мнению Пейнтера, упоминание в НТ о юго-восточном движении монголов – очевидная ошибка; описанный климат Страны псов подходит, по его мнению, для северо-востока.⁷⁹⁶ Так ли уж важен спор о географическом местоположении той или иной мифической страны, описываемой в романе? Как писал в свое время Пелльо, «эти фольклорные сюжеты воспроизводятся во многих средневековых источниках и от них нельзя ожидать каких-либо точных географических сведений».⁷⁹⁷ Хотя далее, Пелльо все же локализует Землю псов в северо-восточной Манчжурии.⁷⁹⁸

География романа отражает вымышленный мир. К тому же, большинство сюжетов, в их числе и рассказ о вторжении монголов в Страну псов, являются результатом литературной обработки легенд, известных книжникам и переводчикам Центральной Азии. Достаточно обратиться к сведениям другого автора XIII в. – армянского историка Киракоса Гандзакеци, который передает интересующую нас легенду в «чистом» виде. Во-первых, в ней не фигурируют монголы, а, во-вторых, в этих сведениях ясно проступает китайский источник.

§ 4. Загадка Хетума.

В 1254 г. царь Малой Армении Хетум совершил путешествие в Монголию ко двору великого хана Менгу. Это была дипломатическая миссия, которая, согласно армянским источникам, завершилась заключением военного договора. Из Монголии Хетум привез и занимательные сведения, весьма далекие от целей его поездки. Киракос Гандзакеци передает со слов царя легенду о земле, где мужчины имеют облик собак, поразительно совпадающую с легендой, попавшей в отчеты францисканской миссии 1247 г.⁷⁹⁹ Отметим, что те и другие сведения получены в результате путешествий в Центральную Азию. Киракос пишет: «Множество удивительных и неведомых историй рассказал он нам о варварских племенах, которые он видел и о которых он слышал. Он говорил: „Есть некая страна за Хатаем <Китаем>, где женщины имеют обличье человека – <существа> словесного, а мужчины – обличье собачье; они бессловесны, огромны, волосаты. Собаки эти не позволяют никому вступать в их страну, собаки же охотятся за дичью, и ею кормятся собаки и женщины. От совокупления собак с женщинами дети

⁷⁹⁶ Painter, p. 70, n. 1.

⁷⁹⁷ Pelliot, Notes on Marco Polo. II, p. 620.

⁷⁹⁸ Pelliot, Notes on Marco Polo. II, p. 686.

⁷⁹⁹ Близость сведений брата Иоанна и Киракоса ранее была отмечена Авезаком (*d'Avezac*, pp. 544-545), Рокхиллом (*Rockhill*, p. 36), Ришем (*Risch*, ss. 126-127) и Бойлем. Все авторы ограничились констатацией этого факта. Бойль также указывает на более древнюю версию этого сюжета со ссылкой на работу: *Bacot J. Reconnaissance*, pp. 137-154. Бако, в свою очередь, сравнивает эту версию с сюжетом о собаке *P an Hu*, «муже дочери императора Као Син, сын которой Яо является предком южных варваров». Эта легенда была обнаружена А. Дедье у Яо в Лаосе. Яо заявляют, что они потомки дочери императора Китая и Собаки *P an Hu*. (*J. A. Boyle. The journey of Hetum*, p. 187, n. 99). Не совсем ясно, зачем так далеко от Центральной Азии искать исходный вариант легендарных сведений. Например, в китайском лексиконе «Шо-Вэнь» название племени чи-ди (предков уйгуров) объясняется следующим образом: «Чи-ди суть древнейшие потомки собак, отсюда и иероглиф 'ди' имеет ключ, означающий собаку», цит. по: Позднеев А. М. Исторический очерк уйгуров. СПб., 1899. С. 3.

мужского пола рождаются собаками, женского – женщинами“» (*Киракос Гандзакецци*, с. 225).

Отметим общие элементы в легендарных сведениях, сообщаемых Хетумом и францисканцами:

- 1) существует некая страна в Азии, которую можно назвать Землей псов;
- 2) женщины этой земли имеют облик людей, мужчины от природы псы;
- 3) мальчики, рождающиеся от брака псов с женщинами, становятся псами, а девочки сохраняют человеческий облик;
- 4) женщины и псы каким-то образом понимают друг друга;
- 5) тела псов покрыты шерстью;
- 6) псы являются воинами (охраняют границы своей земли).

Очевидно, что описания легендарной Земли псов, известные Хетуму и францисканцам, совпадают. Существование параллельных литературных текстов доказывает тот очевидный факт, что в донесениях францисканцев отражены центрально-азиатские мифы. При контактах взаимоудаленных культур «чужая» легендарная традиция вызывала не меньший интерес, чем ее реальные проявления. Таким образом, «наблюдающая» культура создает «вторичные» тексты, в которых легко распознаются архаичные мифы вновь открываемых областей мира. Если же игнорировать этот факт, то придется согласиться с комментарием Шмидер: в сообщении брата Ц. де Бридиа, которое, дополнено рассказом брата Бенедикта, монстры восприняты восхищенно и их союз с женщинами возбуждает фантазию: от брака рождаются исключительно *pueri monstrosi*, дети монстры.⁸⁰⁰ Замечу, что *pueri monstrosi* означает ‘мальчики чудовищного <вида>’, но никак не ‘дети’. Мальчики в облике псов означают участников инициации. Говорить о фантазии францисканцев не приходится.

Выяснив совпадения в армянском и латинских известиях, зададимся вопросом: что в этих описаниях не совпадает? В армянском известии не говорится о попытке монголов покорить Страну псов, что, несомненно, свидетельствует о получении Хетумом сведений из иного источника, нежели «Роман о Чингис-хане». Более того, этот пример наглядно демонстрирует ситуацию, когда сосуществуют легендарная традиция и ее авторская обработка (в романе). Эпизод о битве с мужчинами-псами, вставленный в нашем случае в описание Земли псов, как уже сказано, близок к эпизоду из «Огуз-наме». Причем и в романе и в «Огуз-наме» отражены сведения из какого-то третьего неизвестного источника. За исходный вариант, с известной долей условности, можно принять сюжет из якутского *олонхо*, где повествуется о поединке двух соперников, способных оборачиваться волками.⁸⁰¹ В каждом из указанных случаев фигурирует одна и та же хитрость, с помощью которой шкура собаки (или волка) превращается в неуязвимую броню.

В целом же, сведения Хетума представляются мне неразрешимой загадкой. Загадка возникает при сопоставлении их с ситуацией, описанной братом Вильгельмом де Рубруком. Брат Вильгельм находясь при монгольском дворе одновременно с Хетумом, настойчиво пытался разузнать у китайских монахов о людях чудовищного вида. То, что он услышал в ответ, выглядит неожиданно. Монахи заявили, что никогда не видели

⁸⁰⁰ *Schmieder*, s. 134, comm. 85.

⁸⁰¹ *Ястремский С. В.* Образцы народной литературы якутов, с. 93-94; см. ниже § 7.*

ничего подобного.⁸⁰² Однако настойчивость брата Вильгельма не пропала даром и некоторые истории китайские монахи все же ему поведали. Ему рассказали о загадочном существе *синсин* на негнущихся ногах, кровь которого использовалась в качестве красителя. Вторая история была связана с областью, имеющей такое свойство: в каком бы возрасте человек не вошел в нее, находясь там, он уже не состарится. И уж совсем удивительно выглядят сведения Марко Поло о Стране тьмы, куда вторгаются монголы с целью ограбить ее обитателей.⁸⁰³ Широко известная легенда о Стране мрака соединяется со слухами о северных широтах, об охотниках на пушного зверя и меновой торговле.⁸⁰⁴

Получается следующая картина. Брат Иоанн и его спутник брат Бенедикт записали множество историй о монгольских походах против монстров; царь Хетум также узнает «множество удивительных и неведомых историй», но монголы в них не упоминаются; и, наконец, брат Вильгельм, который до своего путешествия в Азию прочитал «Книгу о Тартарах» брата Иоанна, ничего подобного выяснить не может. Марко Поло также не сообщает монстрах на границах монгольской империи. Оснований не доверять кому-нибудь из них, у нас нет. Остается предположить, что отличался круг общения каждого из путешественников. О том, каким образом францисканцы познакомились с содержанием романа имеется ясное свидетельство самого брата Иоанна о переводчиках и хранителях рукописи. Рассказ о Земле псов начинается фразой: «как нам твердо говорили русские священники и другие <люди>, долго прожившие среди них». Ситуация с Хетумом лишь в некотором смысле напоминает ситуацию с францисканской миссией 1247 г. В обоих случаях христианские посольства, пребывая при дворе великого хана, знакомятся с поразительными рассказами и не отвергают их. Однако Киракос, записывая слова Хетума, высказывает осторожное сомнение: «Много чего еще рассказывал мудрый царь наш о диких племенах, но мы опускаем <эти рассказы>, ибо кое-кому они могут показаться лишними».⁸⁰⁵

Следует согласиться, что в романе представлена вариация темы о царстве собак, каким-то образом дошедшая до слуха Хетума, и, следовательно, известная при монгольском дворе. Предположим, что армянский царь питал слабость к такого рода легендам, но каков был их источник и почему они достигли царского слуха. Интересно и другое. Рассказчик, поведавший эти сведения Хетуму, несомненно, является антиподом неизвестного автора, который передал «Роман о Чингис-хане» брату Иоанну и брату Бенедикту. Вырисовывается занимательный круг хранителей и знатоков легенд, в чьи функции входило описание «чудес мира». Можно не сомневаться, что эти люди находили покровительство при монгольском дворе. Возможно, что рассказчиками удивительных историй были многочисленные гонцы великого хана, которые ездили с поручениями в далекие страны. О том, что при дворе ценились рассказы о необычном, свидетельствует

⁸⁰² «Quesivi de monstribus sive de monstruosis hominibus de quibus narrat Ysidorus et Solinus. Ipsi dicebant michi quod nunquam viderant talia, de quo multum miramur si verum sit» (Itinerarium. XXIX, 46).

⁸⁰³ Марко Поло. ССХVII, с. 226.

⁸⁰⁴ Та же самая картина наблюдается в поэме Низами «Искандер-наме». В Стране мрака воины Искандера подбирают с земли камни, которые оказываются яхонтами, и далее сообщается о диких обитателях мрака, которые добывают черных соболей; один из них вручает свою добычу Искандеру (Низами, с. 346).

⁸⁰⁵ Киракос, с. 226. Ср. со следующей подробностью из показаний о монголах брата Андрея Лонжюмо Лионскому собору 1245 г.: «Упомянутый брат рассказал многое другое, что перешло бы границы достоверного, если бы его авторитет не являлся подтверждением истинности сказанного. Знает он также арабский и халдейский языки, и от него не могло утаиться ничего из того, о чем они говорили» (Матфей Парижский. VI. 114).

Книга Марко Поло.⁸⁰⁶ Сведения Марко Поло интересны в том отношении, что слушателем занимательных историй выступает сам великий хан. Можно предположить, что и в кочевую столицу Менгу-хана прибывали гонцы с рассказами об иноземных обычаях и легендах. Становится ясным, что Хетум в ханской ставке встречался с интересными людьми и проводил время, выслушивая истории о далеких странах.

Сведения Хетума и брата Вильгельма, равно как и послов Людовика IX, побывавших в Центральной Азии в 1248 г.,⁸⁰⁷ показывают в каком виде существовали фантастические легенды в монгольской среде. Опираясь на эти факты можно поставить под сомнение гипотезу И. де Рахевильца о том, что сами монголы способствовали созданию «Романа о Чингис-хане».⁸⁰⁸ По мнению де Рахевильца, вымышленные материалы, включенные в отчеты первой францисканской миссии, извлечены большей частью из преданий о Чингис-хане, имевших широкое распространение в Азии. Эта гипотеза опирается исключительно на сведения легендарного характера из донесений брата Иоанна и брата Бенедикта. Других примеров не существует. Чингис-хан был героем имперских мифов; одновременно при дворе можно было услышать занимательные истории космографического характера. Широкое хождение фантастических сведений о битвах армий Чингис-хана с монстрами, вызывает сомнение.

§ 5. Легенды о Царстве Собак.

Отметим, что столь характерная деталь, как то, что мальчики, рождающиеся от брака женщин и псов имеют вид псов, а девочки – человеческий облик, повторяется как в сведениях францисканцев, так и в рассказе царя Хетума. Ранний ее вариант содержится в документе, составленном на уйгурском языке, а затем переведенном на тибетский в конце VIII в. Документ содержит своеобразный обзор этно-политической географии Центральной Азии:

«<...> На севере от <этих племен> есть большая пустынная цепь песков. Там есть два племени царя <страны> Гнама. По причине царствования За-ма-кагана, царь Бугчхора процветал и повел воинов через эту местность. Когда воины не смогли пройти, два человека заблудились. Блуждая, они встретили следы верблюда, и пойдя по следам, они дошли до источника чистой воды. Возле большого количества верблюдов они встретили молодую девушку. Они приветствовали ее на языке *другу*⁸⁰⁹ и знаками. Молодая девушка стала их проводником, они присоединились к ней и последовали за ней. Появилась большая свора собак, преследующая диких животных. Собаки почуяли <девушку>, она остановилась, чтобы их приветствовать. Затем за десятью верблюдами, груженными всем тем, что было желательно, и водой, необходимой для того, чтобы пересечь пустынные горы, погнались псы и два человека снова завладели страной Другу.

Первые псы спустились с небес, один красный и один черный. Один из этих псов взял в жены волчицу и часто посещал ее, но у них не было щенков. Тогда он похитил девушку возле некоего дома в <стране> Другу. После того, как он стал посещать ее, дети мужского полу <от этого брака> были собаками, а женского – людьми и были настоящими девушками. Потомство красной собаки было названо Ге-зир-гу-чху. А потомство черной собаки было названо Га-ра-гу-чху. Эти собаки и их женщина

⁸⁰⁶ Марко Поло. XVI, с. 51.

⁸⁰⁷ Joinville. Histoire de Saint Louis / Texte original par Natalis de Wailly. Paris, 1906. 481-486; Friedman L. J. Joinville's Tartar visionary // Medium Aevum 27/1. 1958. P. 1-7.

⁸⁰⁸ I. de. Rachewiltz. Papal Envoys to the Great Khans. London, 1971. P. 107.

⁸⁰⁹ *Drugu* – тюрки.

говорят между собой на языке *другу* и объясняются знаками. Это именно она <девушка> собирает стада, их добро и их продовольствие и она об этом заботится <...>». ⁸¹⁰

Эти сведения могут быть сопоставлены с легендой о волке, который был отцом основоположника династии у гаоцзюй, предков уйгуров. Согласно генеалогической легенде, сохранившейся в «Истории династии Вэй», две прекрасных дочери шаньюя по приказу отца остаются в безлюдной местности на высокой террасе. Речь идет о ритуальной изоляции дочерей правителя. Сидение в башне, или, как в данном случае, на высокой террасе, подготавливает к браку с существом божественного порядка, от которого родится божественный же сын. ⁸¹¹ На третий год под террасой появился волк и вырыл себе нору. Одна из сестер стала женой волка и родила сына. Впоследствии его потомки размножились и создали государство. ⁸¹² В более поздних китайских литературных обработках одноактный союз между девушкой и священным животным примет универсальную форму брачных отношений между женщинами и псами. Возможно, что на это представление оказали влияние неясные слухи об институте инициации. Сам же обряд свадьбы девушки с волком сохранился у племен Камчатки до XVIII в. По свидетельству Стеллера, женщина, жившая с волком, родила двух близнецов. Эти близнецы считались родоначальниками племен Камчатки. Население этого края каждый год в начале лета отмечало праздник, связанный с рождением близнецов. Устраивалась свадьба между девушкой и волком; чучело волка набивалось соломой, его носили по чумам, затем хранили в течение года. ⁸¹³

В китайском источнике X века легенда о царстве собак выглядит несколько иначе, чем в тибетском документе. Чиновник Ху Цяо, который с 947 по 953 г. пребывал в плену у киданей, сообщает в своих записках, что далеко на север от земель киданей лежит Гоуго (Собачье владение). Мужчины этого племени – покрытые шерстью люди с песьими головами, однако мальчики рождаются собаками. Как и в сведениях Хетума, псы заняты охотой. Их образ жизни (живут в норах, едят сырую пищу) указывает, что они обитатели неосвоенного пространства, тогда как их женщины воплощают мир культуры. В таком случае, брак между псами и женщина предстает как парадоксальная ситуация (соединение несоединимого). Коротко остановимся также на мотиве помощи чужестранцу со стороны женщин. Китаец, попавший в Собачье владение, бессилен. Женщины подсказывают ему хитрость, с помощью которой он становится недостижим для собак. Аналогичным образом старшая жена Ит-барака помогает Огузу победить псов. Отметим, что помощь связана с каким-то «культурным» предметом: китаец получает 10 палочек для еды, Огуз должен изготовить железные шипы. Эти подробности позволяют ответить на вопрос, почему предмет, приносящий удачу, вручается герою женщиной. И китайский путешественник, и хан Огуз, побывавшие в Земле псов, на самом деле являются мифическими персонажами. Они участники ритуала посвящения. В ритуале они имеют облик псов, возвращаясь же из путешествия в иной мир, они обретают человеческий облик. Успешно прошедшие инициацию получали волшебные предметы из рук женщин. Любопытно, что монголы тоже вступают в диалог с женщинами Земли псов, но никаких секретов от них не узнают. Сведения Ху Цяо сохранились в сборнике XIII в., составленном Е Лун-ли:

⁸¹⁰ Перевод с французского С. В. Аксенова по: *Bacot J. Reconnaissance*, p. 147; См. также: *Pelliot P. Notes on Marco Polo*. II, p. 620-621; рациональную оценку этих легендарных сведений см.: *Гумилев Л. Н. Древние тюрки*. М., 1967. С. 80.

⁸¹¹ Объяснение мотива «заключение девушки», см.: *Пронн В. Я. Исторические корни волшебной сказки*. Л., 1946. * С. 41-45.

⁸¹² Перевод текста см.: *Кычанов Е. И. Кочевые государства от гуннов до маньчжуров*. М., 1997. С. 253-254.

⁸¹³ *Steller G. W. Beschreibung von dem Zande Kamtschatka*. Frankfurt, Leipzig, 1774. S. 327-328.

«Владение Гоу-го. Народ здесь имеет туловище человека и голову собаки, покрыт длинной шерстью, поэтому не носит одежды. Голыми руками борются с хищными зверями. Разговор <их> похож на рычание собаки. Жены <у этого народа> как обычные люди, умеют говорить по-китайски. Рождающиеся мальчики становятся собаками, в то время как девочки становятся человеком. Вступив в брак, живут в норах, <мужья и сыновья> едят сырую пищу, а жены и дочери питаются как обычные люди.

Рассказывают, что как-то в их государство приехал китаец. Жены пожалели его и научили бежать. Они дали ему свыше десяти палочек для еды и велели через каждые десять *ли* бросать одну палочку. Их мужья-собаки бросились в погоню, но каждый раз, когда находили принадлежащую им палочку, хватили ее в пасть и бежали обратно. Таким образом, они не смогли догнать китайца. Вот, что мне было рассказано» (*Е Лун-ли*, с. 328-329).

Согласно мифологическим представлениям древних китайцев в северных землях внутри морей существует «царство Дарованное Собаке» (Цюаньфэн). Далее сообщается, что собаки были настоящими воинами:

«Царство Дарованное Собаке называется <еще> царством Собачьих жунов (Собак-воинов). <Его жители> похожи на собак. Там женщина совершает жертвоприношение, преклонив колени, подносит <вино> и еду. Там белые кони в яблоках с красной гривой, с глазами, как золото. Называются *цзилян*» (Каталог гор и морей, с. 106). К вопросу о собаке как тотеме, см. сведения из «Каталога Великих пустынь Севера»: «В Великой пустыне находится гора под названием гора Отца Юня (Юнфу). Здесь кончается река Шунь. Там обитают люди, которые зовутся Собаки-воины (цюаньжун). Желтый предок родил дракона Мао. Дракон Мао родил Юнъу. Юнъу родил Лунминя. Лунминь родил Белую Собаку. Белая Собака была двуполой. От нее пошли Собаки-воины. <Они> питаются мясом. <У них> водится красное животное, похожее на коня» (Каталог гор и морей, с. 125).

Таким образом, китайские источники начала VI в. н. э. уже знают народ псов во многом похожий на описанный в «Романе о Чингис-хане». ⁸¹⁴ Отмеченные выше шесть общих элементов, составляющих сюжет о Земле псов в сведениях Хетума и в романе, обнаруживаются как в ранних, так и поздних источниках. Особенно интересны следующие совпадения:

1) «Эти собаки и их женщина говорят между собой на языке *другу* и объясняются знаками» (VIII в.); «Разговор <их> похож на рычание собаки. Жены <у этого народа> как обычные люди, умеют говорить по-китайски» (китайский источник X в.); «а означенные собаки очень волосаты, они понимают полностью речь женщин, а женщины – <смысл> знаков псов» (*НТ*. 18); «женщины имеют обличье человека – <существа> словесного, а мужчины – обличье собачье; они бессловесны» (*Киракос Гандзакец*, с. 225). « Мужчины этого народа темнокожие, некрасивые и похожи на собак, но их женщины белолицы» («Огуз-наме», с. 34).

2) «дети мужского полу <от брака пса и похищенной им девушки> были собаками, а женского – из расы людей и были настоящими девушками» (VIII в.); «Рождающиеся мальчики становятся собаками, в то время как девочки становятся человеком» (китайский источник X в.); «Если женщина рождает дитя женского пола, у него человеческий облик матери, <а> если мужского, то он делается псом, как отец» (*НТ*. 18); «в той земле все, кто бы ни рождался женского <пола>, имеют человеческий облик, а <дети> мужского пола имеют вид псов» (версия брата Иоанна, V. 13). «От совокупления

⁸¹⁴ *Chavannes Éd.* Voyageurs chinois chez les Khitan et les Joutchen // JA. Seria nona. 1897. IX, pp. 408-409n; *Pelliot P.* Notes on Marco Polo. II, p. 724; *Albanese A.* Tra mito e realtà: Nü-kuo, regni di donne nella tradizione cinese. Bologna, 1983. P. 40.

собак с женщинами дети мужского пола рождаются собаками, женского – женщинами» (*Киракос Гандзакецци*, с. 225).

В этом же контексте следует рассматривать и сведения южносунских дипломатов Пэн Да-я и Сюй Тина. Первый совершил поездку к великому хану Угедю в 1233 г., второй в 1235 г. Отчет Пэн Да-я дополнен наблюдениями Сюй Тина. Сведения дипломатов о неудачном походе монголов против *Noqai irgan* (племени псов) могли бы поставить исследователя в тупик. На самом деле, уточнения, внесенные Пэн Да-я в его отчет, являются литературным комментарием в духе традиционных китайских описаний пограничных областей мира. Интерес для нашего исследования сведений южнокитайских дипломатов заключается в следующем. Подобного рода литературные конструкции могли послужить импульсом для автора романа, сочиняющего историю вымышленных походов монголов. Пэн Да-я в главе «Обращение с побежденными» сообщает:

«Их жестокости против других стран.

Те народы, которые уже были уничтожены и с которыми они дальше не воюют: на юго-западе – белые татары и варвары Цзинь [чжурчжени], на северо-западе – найманы, уйгуры, сари, сарты и канглы [имя мусульманского народа]. Прямо на север – да-та [они племя урсутов] и меркиты, прямо на юг – сихи.

Те народы, с которыми уже были битвы, но которые еще не закончились: на востоке Корея и Ван-ну в Ляотунде [империя джурдженей]. Их министр Ван Хин-цо старше 90 лет и у него есть дар предвидеть будущее. На востоке *Ni-shu* <не идентифицированы>. *Noqai irgan* [то есть, земля псов. Мужчины имеют грубые лица в форме кулака и их грудь волосата. Они могут бегать быстрее галопирующей лошади.⁸¹⁵ Женщины красивы и обаятельны. Татары атаковали их, но не успели победить их] и *Usu irgan* [татан воды]». ⁸¹⁶ Сюй Тин отождествляет *Noqai irgan* с *Kou-Kuo* – ‘земля собак’.

Совпадение описаний Страны псов в названных источниках не случайно, и объясняется «нейтральным» характером этих сведений относительно замысла романа, тогда как легендарный сюжет, связанный с темой войны, а именно, результат битвы с псами, подвергся инверсии.

§ 6. Битва монголов с воинами-псами.

Согласно версии «Огуз-наме», записанной Рашид ад-Дином, Страна псов – Кыл-барак – расположена в северной части мира. Тогда как в сказании об Огузе по уйгурской рукописи XV в. страна Барак (страна собак) помещена на юге; таково же местоположение Земли псов в «Романе о Чингис-хане». Мужчины племени кыл-барак ⁸¹⁷ должны быть лохматыми собаками, что отражено в самом названии племени, хотя в легенде говорится, что они лишь похожи на собак. (Ср. в китайском источнике X века: «Народ здесь имеет туловище человека и голову собаки, покрыт длинной шерстью»). Ввиду важности сравнения отдельных фрагментов сюжета из «Романа о Чингис-хане» с близким по содержанию эпизодом из «Огуз-наме», приведем последний полностью:

⁸¹⁵ По мнению Пелльо, сведения Хетума являются прямым соответствием рассказу о Царстве Собак «Хэй-да ши-люе», и нет никаких сомнений, что люди с лицами псов на берегу северного Океана, о которых говорит брат Иоанн в V. 31, являются ни чем иным, как третьей версией одной и той же истории, см.: *Pelliot P. Notes on Marco Polo*. II, p. 686.

⁸¹⁶ *Olbricht P., Pinks E. (trs). Meng-Ta pei-lu und Hei-Ta shih-lüen*. Wiesbaden, 1980.

⁸¹⁷ *Им-барак* – «собака с длинной шерстью, на которой шаманы поднимались на небо», см.: *Щербак А. М. Огуз-наме*. М., 1959. С. 58; о половецком имени Барак в древнерусских летописях, см.: *Баскаков Н. А. Тюркская лексика в «Слове о полку Игореве»*. М., 1985. С. 82.

«Сражение Огуза <с племенем> Кыл-Барака.

Кыл-Барак представляет собой страну в темной стороне света. Мужчины этого народа темнокожие, некрасивые и похожи на собак, но их женщины белолицы.

Когда Огуз приблизился к их краю, то отправил к ним посольство в количестве девяти всадников. Он велел передать им: „Многие города и страны стали с нами *илем*, покорились нам и согласились выплачивать дань. Если вы дадите слово стать *илем* и согласитесь выплачивать дань, – то прекрасно, иначе готовьтесь к битве и войне, ибо мы тотчас же прибудем“.

Они дали посланцам такой ответ: „Если вы – девять воинов сразитесь с нашими двумя и победите их, то мы согласимся выплачивать дань. Если же вы будете побеждены, то прямо отсюда поверните назад“.

Посланцы отвергли предложение биться на таких условиях и сказали: „Коль скоро вы хотите сражаться, то пусть бьются двое от нас и двое от вас“.

В обычаях кыл-баракцев было следующее: „накануне сражения они заполняли два бассейна клеем: один – черным, а другой – белым. Перед сражением они голыми влезали в бассейн с белым клеем, который прилипал к их волосам. Выбравшись из этого бассейна, они валялись в белом песке, после чего влезали в бассейн с черным клеем, а затем валялись в черном песке.⁸¹⁸ После того, как все это трижды высыхало на их телах, никакое оружие им вреда нанести не могло.

И вот двое из кыл-баракцев, выделенных для сражения, прошли через это и вступили в бой с двумя посланцами <Огуза>. Удары, наносимые по их телам, никакого вреда им не причиняли, а оба посланца погибли. Остальные семь повернули отсюда назад и сообщили о случившемся Огузу. Огуз же, не придав этому никакого значения, вступил с кыл-баракцами в сражение. Враги одержали верх, множество воинов Огуза погибло, а оставшиеся разбежались.

Огуз понял, что не получил никакой выгоды от сражений с ними. Он возвратился и подошел к берегу большой реки. Часть войска переправилась через него на судах и плотах, а часть перебралась вплавь. Что касается кыл-баракцев, то они будучи голыми, как собаки, и пешими через эту реку переправиться не смогли.

Огуз добрался до местности "между двумя реками" и остановился там, чтобы собрать свои рассеянные войска. Один из воинов Огуза случайно остался среди кыл-баракцев и спрятался среди их женщин. Из-за того, что мужья этих женщин были страшными и грязными людьми, с противными лицами и похожими на собак, женщинам он очень понравился и все они собрались около него. Они выразили желание вступить с ним в связь и в виде подарка они привели его к жене Ит-Барака, которая была старшей среди них. Ей очень понравился разговор и общение с этим мужчиной и связь с ним, ибо она очень печалилась от того, что не имела сношений со своим мужем. Жена Ит-Барака из-за своей страсти и влюбленности выказала симпатию в отношении Огуза и тайно отправила к нему своего посланца, которому поручила сказать так: „Если вы хотите одолеть врага и овладеть его страной, то вы должны сделать следующее: изготовьте из железа гвозди с шипами и пусть каждый ваш воин привяжет часть этих железных шипов к своей спине, а во время сражения их надо разбросать среди врагов. Но для того, чтобы эти железные шипы не повредили ног ваших лошадей, вы должны сделать для них

⁸¹⁸ Возможно, что эпизод о двух бассейнах с белым и черным клеем, создан под влиянием легендарных сведений о роднике на острове Салахит, вода из которого превращается днем в камень белого цвета, ночью – в черный камень («Чудеса мира». 45). В любом случае, эпизод с двумя бассейнами представляет литературно рафинированную версию, ибо в архаическом варианте говорится о смоле деревьев.

соответствующие подковы. Кроме того, носы и края лиц врагов не закрыты и клеєм не обмазаны, поэтому вы должны целить стрелами в эти места“.

Когда Огуз услышал об этом, он очень обрадовался и был доволен, и это „междуречье“ сделалось для него местом для остановки. Были построены суда, и к этим женщинам стали отправляться посланцы из числа красивых мужчин. Эти посланцы, которым женщины помогали изо всех сил, постепенно собрали все то, что было необходимо для Огуза и полностью передали Огузу. Некоторые из женщин из-за сильной любви к этим мужчинам ушли вместе с ними. Эта страна была завоевана таким путем».⁸¹⁹

Отметим общие элементы, которые входят в состав того и другого сюжетов:

- 1) противниками Огуза и монголов являются воины-псы;
- 2) псы владеют секретом непобедимости, превращая свою шерсть в неуязвимый для стрел и мечей панцирь (с помощью замерзающей воды и песка, либо, с помощью клея и песка; в данном случае важно совпадение функции: защита тела от оружия противника);
- 3) в обоих случаях псы трижды катаются в песке; таким же троекратным способом герой якутского *олонхо*, обернувшись волком, превращает свою шкуру в броню (см. ниже § 7);
- 4) победа псов в первой битве;
- 5) река, протекающая посредине Земли псов; однако в романе псы легко переправляются через нее, тогда как в «Огуз-наме» река выступает для них непреодолимой преградой;
- 6) указание на уязвимость псов. Согласно «Огуз-наме», это «носы и края лиц», а в версии перевода брата Бенедикта говорится, что монголы «не могли причинить вред <противникам>, разве только через рот и глаза». Это совпадение не случайно, и вот почему.

Мотив «жизненной силы» или «души», скрытой в какой-либо части тела – обычно в глазах и ноздрях – разрабатывает тему «условной неуязвимости» противника героя, что обуславливает в значительной степени «шаманский» характер поединка с ним.⁸²⁰ Это предположение находит опору в материалах по охотничьей практике народов Сибири. Ноздри промысловых зверей (лисы, соболя и выдры) считались местом обитания их души.⁸²¹ Охотники на Алтае, чтобы обеспечить удачный промысел, обрезали кончики носов убитых ими зверей и хранили их у себя.⁸²² Кончики звериных носов собирали чукчи-охотники, видя в этом способ приобретения власти над зверем, овладения его

⁸¹⁹ Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме, с 34-35, прим. 35; На близость легенды об Огузе со сведениями брата Иоанна ранее указали Ф. Риш (*Risch*, ss. 127-128) и Пейнтер (*Painter*, pp. 70-71). Однако ни тот, ни другой автор не предприняли сравнительного анализа сюжетов.

⁸²⁰ Неклюдов С. Ю. Анимистические мотивы в демоноборческих сюжетах монгольского эпоса // Fragen der Mongolischen Heldendichtung. Teil III. Vorträge des 4. Epensymposiums des Sonderforschungsbereichs 12, Bonn 1983. Herausgegeben von W. Heissig. Wiesbaden, 1985. С. 32-33. (Asiatische Forschungen. Band 91).

⁸²¹ Цинциус В. И. Воззрения негидальцев, связанные с охотничьим промыслом // Сб. МАЭ. Л., 1971. Т. XXVII. С. 176.

⁸²² Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч. 1.: Запреты на охоте и иных промыслах // Сб. МАЭ. Л., 1929. Т. VIII. С. 56-57; Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.; Л., 1936. С. 52, 54.

чутьем.⁸²³ Внимание к носу хищников, связанное с тем, что ноздри – источник необычайно острого обоняния зверя, породило представление о носе как вместилище его «души», поэтому кончики носов широко использовались в магии.⁸²⁴ Согласно распространенным поверьям у тувинцев, душа в момент смерти покидает тело именно через ноздри.⁸²⁵

Перечисленные выше шесть совпадений ясно указывают, что источником сюжета о битве монголов с мужчинами-псами является та же самая легенда, что вошла в цикл об Огуз-хане. По мнению Пелльо, версия, изложенная у брата Иоанна, отражает первичный вариант легенды об Огузе: «Параллельное сказание, приведенное Рашид ад-Дином в легенде об Огуз-хане, показывает, что в истории первоначально имелись в виду северо-восточные страны и, что она была связана с рассказом брата Иоанна о собакоголовых».⁸²⁶ Разумеется, ледяной панцирь псов, на первый взгляд, выглядит более реально, чем панцирь, полученный после погружения в странные бассейны с клеем. Однако ниже приводится сюжет из якутского *олонхо*, в котором герой, обернувшись волком, превращает свою шкуру в броню с помощью древесной *смолы* и песка, поэтому аргумент Пелльо в пользу северных стран отпадает. Видимо, стоит принять во внимание все элементы, составляющие сюжет «Огуз-наме». Ключевым из них будет изоляция псов от женщин, проявляющаяся в том, что псы не могут переправиться через реку. Юноши, проходившие инициацию, действительно, жили в полной изоляции. Поэтому ни о каком союзе псов с женщинами в «Огуз-наме» и не сообщается. Тогда как китайская версия, описывающая совместную жизнь псов и женщин, является более поздним литературным вариантом. Именно в китайской обработке легенда о Земле псов известна автору «Романа о Чингис-хане» и армянскому царю Хетуму.

Подчеркнем, что и автор романа, и Рашид ад-Дин, записавший «Огуз-наме», подвергли литературной обработке легенду о битве эпического героя с войском псов. Однако назвать их общий источник не представляется возможным. Не исключено, что он утрачен. И в нашем распоряжении имеются только две поздние литературные фиксации. Очевидно, что «правильным» вариантом является тот, где герой выигрывает сражение с псами. Поскольку версия Рашид ад-Дина передает эпическую традицию без каких-либо существенных изменений, то она и принята нами за исходный вариант для сравнения.

Для целей исследования важно выявить расхождения исходной и авторской версии, представленной в романе. Они заключаются в следующем:

- 1) Огуз, в конце концов, побеждает воинственных кыл-баракцев. В романе же подчеркивается, что псы, одержав победу над монголами, изгнали их из пределов своей земли и впредь обрели мир от них;
- 2) мужчины племени кыл-барак лишь напоминают своим видом псов, тогда как в романе описаны настоящие псы;
- 3) женщины кыл-баракцев выдали воинам Огуза секрет слабого места воинов-псов. Монголам этот секрет остался неизвестным. Речь идет о магических знаниях;

⁸²³ Зеленин Д. К. Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии, с. 56.

⁸²⁴ Кубарев В. Д., Черемисин Д. В. Волк в искусстве и верованиях кочевников Центральной Азии // Традиционные верования и быт народов Сибири. XIX – начало XX в. Новосибирск, 1987. С. 111.

⁸²⁵ Дьяконова В. П. Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л., 1975. С. 91.

⁸²⁶ Pelliot P. Notes on Marco Polo. II, p. 620.

- 4) женщин из Земли псов монголы захватывают в плен, а воинам Огуза они покоряются добровольно;
- 5) в романе подробно описывается боевая тактика монголов – дальний и ближний бой.

Характер расхождений показывает, что в «Романе о Чингис-хане» представлена инверсия сюжета о битве героя с псами. Этот прием позволил автору обрисовать трудную ситуацию и поражение монголов в схватке с необычным противником. Столь очевидная картина таит в себе и более тонкую грань иронии. Как правило, для автора романа важно не только изобразить поражение монголов (что выдавало бы вполне заурядный замысел), но и обыграть их военные приемы и символы. В сражении с псами три особенности монгольской тактики представлены в зеркальном отражении. Дальний бой, ближний бой и организованные отступления (в романе хаотическое бегство от псов в течение трех дней) описаны с обратным знаком. Собственно, по этой причине сюжет и вводится в композицию романа. Инверсия заимствованного сюжета, дополненная вымышленными подробностями, указывает на игровой характер преобразований, которым подвергся исходный текст. Рассмотрим эту тему подробнее. Тот факт, что монголы были отличными лучниками, отражен почти во всех западных и восточных известиях.

Основным оружием, к тому же оружием первого удара, у монголов был лук (*нуму*). Фридрих II писал со слов многочисленных европейских свидетелей: «Луки являются для них самым привычным оружием, каким они постоянно пользуются (отчего и руки их сильнее, чем у других <людей>)» (*Матвей Парижский*, с. 142). Согласно брату Иоанну, каждый монгольский воин должен был иметь один или несколько луков и три больших колчана, полных стрел (*LT. VI. 4*). «Вооружение у них лук, меч и палица; всего больше они пускают в дело лук, потому что ловкие стрелки; а на спине у них панцирь из буйволово́й или другой какой кожи, вареной и очень крепкой. Бьются отлично и очень храбро»; «У них заведено, чтобы каждый воин в сражении имел шестьдесят стрел, тридцать маленьких – метать и тридцать больших, с железными широкими наконечниками; их они бросают вблизи, в лицо, в руки, перерезывают ими тетивы» (*Марко Поло*, с. 90, 212); Уместно в данном случае привести и послание Ивона Нарбонского, который передает показания некоего англичанина, проведенного много лет на службе у монголов, и в конце концов, попавшего в плен к венграм в 1240 г. На расспросы о вооружении монголов англичанин ответил: «Их родина, земля некогда пустынная и громаднейшей величины <находится> за всеми халдеями; они изгнали из нее львов, медведей и других диких зверей при помощи луков и других приспособлений. Из их же прокипяченных кож они приспособляют себе доспехи легкие, однако же непробиваемые. Сев же на коней – не самых больших, но самых сильных, довольствующихся малым кормом, они обыкновенно крепко <на них> держатся. Они сражаются без усталости и смело копьями, булавами, двухлопастными топорами и мечами, но в сражении они ревностно предпочитают луки и метко <стреляют из них>. Будучи защищены доспехами со спины слабее, чтобы не убежать, они уходят от боя не раньше, чем увидят, как движется назад главное знамя их предводителя».⁸²⁷

Сравнение монгольских воинов с псами или волками было значимой метафорой. В «Сокровенном сказании» алхумчины Чингис-хана уподобляются *псам* с бронзовыми лбами и железными сердцами.⁸²⁸ Престижность этого сравнения сомнений не

⁸²⁷ Перевод по книге: Матузова, с. 122-123.

⁸²⁸ «Сокровенное сказание» (§ 195).

вызывает.⁸²⁹ «Псы» Чингис-хана непобедимы. В романе же они проигрывают сражение настоящим воинам-псам. В чем причина поражения? Оказывается, стрелы монголов отскакивают от ледяных панцирей псов. В реальных сражениях стрелы использовались для боя на дальней дистанции и удар монгольских лучников был страшен.⁸³⁰ Напомню, что в романе в битве с индами стрелы монголов не долетают до противника, тогда как летящий огонь индов успевает испепелить монгольское войско; в поединке с унипедами, дальность полета стрелы, выпущенной унипедами, превосходит возможности монгольских лучников. В сражении с воинами-псами монголы проигрывают и ближний бой: их мечи не могут повредить псам, защищенным ледяными доспехами. В результате, монголы бегут с поля битвы:

«тартары, видя, что ни стрелы, ни мечи не могут повредить псам, пустились в бегство. Псы, преследуя их в течение трех дней <и> умертвив очень многих, изгнали их из своих границ». Битва с индами заканчивается аналогичным образом: «вслед за огнем они начали метать стрелы, и войско тартар было таким образом приведено в беспорядок. Одни обожженные, а другие раненые, они пустились в бегство, <а> инды, преследуя их, многих перебили, а остальных изгнали из своих границ» (НТ. 17).⁸³¹

Оценивать, вслед за Шинором, эти пассажи, как искажения исторических фактов, причин нет. Эти пассажи демонстрируют продуманную авторскую концепцию романа, к которой францисканцы не имеют никакого отношения. То, чем на самом деле славилась монгольская конница, в легендарных битвах оказывается бесполезным. Героический

⁸²⁹ Ср. с ритуалом клятвы над разрубленным надвое телом собаки. Рашид ад-Дин описывает клятву, «крепче которой нет среди монгол. Клятва эта заключается в следующем: они вместе зарубают мечом жеребца, быка и кобеля и <при этом> говорят: „О господь неба и земли, слушай, какую клятву мы приносим! Эти <самцы> – корень и мужское начало этих животных. Если мы не сдержим своего слова и нарушим договор, пусть мы станем такими же, как эти животные“» (Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 117); И второй пример, тюркский: король Венгрии Бела отдал своего сына, «в мужья дочери короля команов, причем свадьба была заново отпразднована в Венгрии. А во время этой свадьбы десять команов сошлись для клятвы над собакой, разрубленной надвое мечом, по их обычаю, – <клятвы в том>, что будут отстаивать землю венгров также, как верные <люди венгерского> короля, против тартар и варварских народов» (MS. 117). См. также: Мункуев Н. Ц., Таскин В. С. Об общности института побратимства и термина *jad* у киданей и монголов // СЭ. 1971. № 1; Лукина Н. В. Формы почитания собаки у народов Северной Азии // Ареальные исследования в языкознании и этнографии (Язык и этнос). Л., 1983.

⁸³⁰ Монгольский полевой бой включал две основные фазы: бой на дальней дистанции при помощи лука и стрел, и бой древковым и клинковым оружием. Бой на дальней дистанции осуществлялся в двух вариантах: 1) атака с ложным отступлением и контратакой, для чего, видимо, и строились шеренгами либо «лавой»; и 2) «хоровод» или «карусель» – исключительно эффективное построение, позволяющее вести непрерывный массированный обстрел с максимально близкого и выгодного положения – вбок вперед и, особенно, – в бок назад. Именно в этом случае применялись монголами их специфические стрелы с огромными наконечниками, о которых сообщает Марко Поло. Главным тактическим приемом кочевников был круговой бой. По словам Марко Поло, «татары, когда сражаются с врагом, так не смешиваются, а все скачут кругом да стреляют» (Марко Поло, с. 276). О построении монголов по боевым отрядам, следовавшим в бою друг за другом рассказывает и ан-Насави (ан-Насави, с. 176). Описания сражений и битв со слонами противника см.: Марко Поло, с. 142-143; 216. В битве с воинами-псами описаны и бой на дальней дистанции и ближний бой.

⁸³¹ Известно, что по монгольским законам бегство с поля боя наказывалось смертью. Ср. со сведениями брата Иоанна из главы «О войне и военном порядке»: «А когда они находятся на войне, то, если из десяти человек бежит один или два, или три, или еще больше, убивают всех; и если бегут все десять, разве только не побежит остальная сотня, убивают всех <десятерых>. И, чтобы мне короче сказать, убивают всех, кто бежит, разве только они не отступают <все>» (VI. 3).

облик псов-алхумчинов бледнеет на фоне грозного натиска обитателей Земли псов. Эта тема получит развитие в следующем сюжете, где монголы покорят народ «волков», поедающих своих умерших родителей. Инвертированная реальность романа такова, что по шкале военных ценностей монголы уступают первенство истинным воинам-псам, но побеждают бесславный народ «волков».

Проделанная часть исследования убедила нас в литературном характере анализируемого сюжета. Мы выяснили исходный круг источников и мотивацию автора, занятого конструированием мифической реальности. Дальнейшие размышления носят факультативный характер. При рассмотрении основной темы остались вне поля зрения происхождение Земли псов и «острова женщин», и не раскрыт секрет непобедимости псов.

§ 7. Шаманский поединок.

Центральноазиатское происхождение двух тем, слитых в сюжете о Земле псов из «Романа о Чингис-хане», сомнений не вызывает. Определенный интерес представляет поиск истоков темы поединка, в котором противник, обернувшись псом (волком), превращает свою шкуру в броню. Обладатель шкуры становится почти неуязвимым.⁸³²

Перед поединком воинов Огуза с псами последние трижды окунаются в клей и катаются в песке. Перед сражением с монголами псы превращают свои шкуры в броню с помощью замерзающей воды и песка. В якутском *олонхо* есть эпизод подготовки героя к битве, поразительно напоминающий указанные средневековые литературные версии. Несмотря на то, что якутское предание записано лишь в XIX в., оно, возможно, передает архаический вариант интересующего нас мотива: как поединок шамана с владыкой нижнего мира, когда оба соперника принимают облик хищных зверей.⁸³³

В *олонхо*, как правило, действие разворачивается в стране с железной травой и железными деревьями. Это нижний мир. Ср. Согласно «Младшей Эдде», к востоку от Мидгарда – среднего мира – расположен Железный Лес, в котором обитают ведьмы и великаны, имеющие вид волков.⁸³⁴

Герой предания по имени Сюнг-Джасын, чье имя С. Е. Малов переводит как ‘скрытый шкурой’,⁸³⁵ рождается в облике наполовину медведя, наполовину волка.⁸³⁶ Далее говорится, что шкура медведя-волка прикреплена у героя на темени, и под ней скрыт прекрасный юноша. Обернувшись птицей, герой покидает средний мир и вступает в схватку с демоном, который превращается в железного человека. В свою очередь, Сюнг-Джасын перед битвой принимает облик медведя-волка. Перед схваткой с богатырем абассы (из незримых самым сильным) герой поступает следующим образом: «доехал на пути своем до сыпучих песков бора, там спрыгнул с коня и как в песке, так и в

⁸³² Ср. с мотивом собачьей шкуры на богатыре: Материалы по фольклору хантов / Записи, введение и прим. В. М. Кулемзина и Н. В. Лукиной. Томск, 1978. С. 34-35.

⁸³³ Ср.: Диосэги В. К вопросу о борьбе шаманов в образе животных // Acta orientalia. Budapest, 1952. Т. 2. Fasc. 2 - 3. С. 303-314; Потапов Л. П. Следы тотемистических представлений у алтайцев // СЭ. 1935. № 4 - 5. С. 146; Серошевский В. Л. Якуты. СПб., 1896. Т. I. С. 626.

⁸³⁴ Младшая Эдда, с. 29. Ср.: Мелетинский Е. М. Скандинавская мифология как система // ТЗС. VII. (УЗ ТГУ. Вып. 365). Тарту, 1975. С. 38-51.

⁸³⁵ Малов С. Е. Предисловие к исследованию: Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов // Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1929. Т. VII. с. XI.

⁸³⁶ Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов, с. 88, 93; О культовой роли медведя и его объединении с образом волка см.: Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тб., 1984. Т. 1-2. С. 497-498.

сосновой смоле терся и валялся целых три дня и три ночи. После того его медвежье-волчья шкура стала блестящей броней». Его соперник оборачивается в алчного волка. Описание поединка не оставляет сомнений, что перед нами картина схватки перевоплотившегося шамана со злым духом: «Житель чистого мира схватил демона за волосы подле ушей и погнал на север: быстрым и гулким галопом и по пятам за ним пошел. И так достигли они северного края среднего света. Здесь земля, не выдержавши тяжести, растреснулась, и они с шумом упали тем <провалом> на дно бездны, в беспорядочный, бездонный мир. Это был мир демонов с гибелью и ужасом наводящим дыханием, это был мир, куда, кружась, низвергаются после смерти и после троекратных превращений, души шаманов и шаманок».⁸³⁷

Ср. со сведениями из самоедской мифологии, которые приводит исследователь енисейских ненцев А. А. Попов: «Духов медведей и волков имели все юрацкие шаманы. Они служили для них посыльными. Так, злые шаманы посылали на своего врага волка, чтобы он съел его. Когда на оленье стадо падали волки, шаманы в качестве охранителя посылали свое изображение волка. Последнее привязывали на шею одного из оленей стада. Враждующие шаманы посылали друг на друга своих медведей и волков».⁸³⁸

Эпизод, в котором герой *олонхо*, обернувшись волком, «в песке, так и в сосновой смоле терся и валялся целых три дня и три ночи», является ключом, который объясняет поведение воинов-псов. С помощью ледяной воды и песка они превращают свои шкуры в панцири. Готовясь к битве, псы поступают также как и герой *олонхо*. Отсюда следует любопытный вывод: псы владеющие секретом неуязвимости (известным герою *олонхо*), должны выигрывать поединки. Что, собственно, и происходит в каждой из трех близких по характеру ситуаций.

§ 8. Воины-псы.

Почему мужчины племени кыл-барак имеют столь непривлекательный образ? Они темнокожи, некрасивы и похожи на собак, более того, говорится, что они были «страшными и грязными людьми, с противными лицами». Сведения «Огуз-наме» ответ на этот вопрос не дают. Ответ нужно искать в этнографических описаниях обряда посвящения. Воины-псы проходят инициацию, одной из особенностей которой был запрет умывания. В. Пропп, исследовавший этот мотив в волшебных сказках, пишет: «В сказке нельзя провести точных границ между неумытым и животноеобразным героем. Возможно, что вымазывание в грязи имеет какое-то отношение к воображаемому животному облику, есть своего рода маска. <...> Неумывание есть очень сложное явление, связанное с невидимостью и слепотой, с животным обликом и неузнаваемостью».⁸³⁹ Там же приводится пример, когда сибирский шаман, отправляющийся в царство мертвых с душой умершего, вымазывает свое лицо сажей. Герой не только не умывается, но и одет в звериную шкуру. Обитатели Земли псов, как мы помним, покрыты волосами. Их животный облик связан с пребыванием в ином мире. Вернувшийся герой путем мытья приобретал человеческий облик и получал право вступить в брак. Эта подробность объясняет почему мужчины-псы живут изолированно от женщин. Некрасивые мужчины-псы и красивые воины Огуза являются одним и тем же персонажем: посвящаемым и прошедшим посвящение. Поясним эту мысль.

И в «Романе о Чингис-хане», и в «Огуз-наме» говорится о реке, отделяющей псов от женщин. Без сомнения, это один из вариантов знаменитого сюжета об «острове

⁸³⁷ Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов, с. 94.

⁸³⁸ Попов А. А. Енисейские ненцы (юраки) // Известия ВГО. 1944. Т. 76. Вып. 2-3. С. 91.

⁸³⁹ Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.* С. 135.

женщин». обстоятельный обзор источников по этой теме выполнен Пелльо.⁸⁴⁰ Но дело не в количестве примеров, а в сущности явления. Река выполняет функцию магической преграды, отделяющей человеческий мир от иного мира (в форме дикой природы). По этой причине псы в «Огуз-наме» не могут переправиться через реку. Переход через преграду связан с переменой облика: те, кто находится по ту сторону реки, пребывают в диком состоянии и имеют облик псов. Завершив инициацию, псы должны переправиться через реку, одновременно обретая человеческий вид. В «Романе о Чингис-хане» наблюдается утрата изначального смысла реки-преграды, но при этом сохраняется важная подробность: монголы вступают в прямой диалог с женщинами Земли псов. Значит, река для монголов не помеха. Таким же образом, воины Огуза, построив плоты, переплывают реку и вступают в контакт с женщинами племени кыл-барак. Переправа через реку осуществляется с определенной целью. Только таким способом герой может узнать секрет непобедимости псов. Монголы не узнают секрета, поскольку это не входило в планы автора романа. Огузу удастся узнать этот секрет. Из его воинов выбираются красивые мужчины, которые становятся столь желанными для женщин племени кыл-барак. Разумеется, дело не в красоте чужих мужчин. «Красивы» мужчины, прошедшие инициацию.⁸⁴¹ Пока же они находятся в зверином облике (воины-псы), они вынуждены жить изолированно от женщин. При литературной обработке сюжета это дало повод ввести мотивировку симпатии женщин к воинам Огуза. Очевидно, что это поздняя мотивировка, как и само появление героя в Земле псов. Настоящими героями являются воины-псы, проходящие инициацию. Поэтому они и побеждают в первом бою. Завершение инициации превратит их в «красивых и желанных». В «Огуз-наме» образ мужчин раздваивается: они одновременно и обитатели этой земли, и пришельцы, которые знают способ переправы через реку. Огуз (пройдя инициацию), получает от старшей женщины племени кыл-барак сакральные знания. Эти знания связаны с изготовлением специального военного костюма, на котором укрепляются железные шипы. Речь идет об изготовлении шаманского одеяния, на которое нашивались различные железные предметы в форме колющего и режущего оружия.⁸⁴² В средние века сюжет о вручении даров стал достоянием мировой литературы, связанной с описанием чужих культур. Египетский энциклопедист XV в. ал-Макризи сообщает каким образом изготавливаются и передаются покупателю копьа у племени ал-буджа, обитавшем в верховьях Нила. В этих сведениях легко угадывается история об «острове женщин», и предмете, которым вознаграждается, прошедший инициацию. Ал-Макризи передает: «Оружие ал-буджа – это копьа *ас-сиба'ийя*: длина лезвия составляет 3 локтя, а древка – 4, потому копьа и называются *ас-сиба'ийя*; шириною лезвие с <клинок> меча. Они не выпускают копье из рук своих, разве что изредка, потому что на конце древка есть подобие шарика, мешающее выпустить древко из рук. Изготавливают эти копьа женщины в определенной местности; мужчина с ними не общается – за исключением покупающего у них <копьа>. И ежели одна какая-нибудь из них рождает от посетителей

⁸⁴⁰ Pelliot P. Notes on Marco Polo. II, pp. 680-730; см. также: Косвен М. О. Амазонки. История легенды // СЭ. 1947. № 2-3.

⁸⁴¹ Ср. со сведениями персидской космографии об *острове Барик*, где обитают воины с лицами псов: «На островах Кух.ра и Барик есть племя. Мужья его носят одежду, <сшитую> из коры дерева, а женщины их ходят нагими. Оружием им служит сабля. Они едят человеческое мясо. Когда поймают мужчину, то, прежде чем съесть, его отдают женщинам, дабы они понесли от него и родили бы красивых детей, ибо сами они уродливы. У них вытянутые лица, как у собак» («Чудеса мира». 154), а также со сведениями Марко Поло об обитателях острова Андаман: «У всех здешних жителей и головы, и зубы, и глаза собачьи; у всех них головы совсем как у большой собаки» (Марко Поло. CLXXII, с. 180).

⁸⁴² Ср.: Иванов С. В. Элементы защитного доспеха в шаманской одежде народов Западной и Южной Сибири // Этнография народов Западной Сибири и Алтая. Новосибирск, 1978. С. 136-138.

их девочку, они оставляют ее в живых; если же родит мальчика, его убивают. Эти женщины говорят, что мужчины-де – это несчастье и война».⁸⁴³

Когда и где произошло соединение легенды о Земле псов с мифом о поединке героя с противником в облике пса, сказать трудно. В то же время, отдельно взятый мотив превращения воинов-мужчин в псов нашел объяснение в исследовательской литературе.⁸⁴⁴ О типологических и генетических индоевропейских параллелях культу пса-волка у тюрков и монголов см. исследование В. В. Иванова.⁸⁴⁵ По его мнению, изображение противника в бою в облике пса соотносится с отдельными мифологическими пучками мотивов, хронологически приуроченных к представлениям эпохи бронзы и распространения колесных повозок. Исходный мотив, положенный в основу литературного сюжета о воинах-псах и женщинах, живущих отдельно от них, отражал инициацию молодых воинов, т. е. их магическое превращение в волков (обряд происходил с применением наркотических или опьяняющих веществ), и связанную с ним необходимость жить некоторое время вдали от поселений «волчьей» жизнью, т. е. воюя и грабя.⁸⁴⁶ Геродот передает легенду о происхождении савроматов, где описан союз проходящих инициацию юношей, живущих отдельно, не имеющих ничего, кроме оружия и коней, и занятых охотой и грабежом.⁸⁴⁷ Ср. со сведениями царя Хетума об охоте и защите границ как основных занятиях мужчин-псов. Видимо, об обряде инициации у тюрков сообщается и в персидской космографии XIII в.:

«Сыновей <своих>, когда те достигают зрелого возраста, они прогоняют от себя, и те живут в степях, едят мясо и растения. Говорят, тот, кто ест растительную пищу, как растение, проживет недолго. Нет у них знаний и терпеливости. Они страстно увлекаются грабежами и кражами. Говорят, что в Судный день их передадут Иблису. <...> Одним словом, они имеют человеческий облик, но у них – повадки хищных зверей, и они не боятся смерти» («Чудеса мира». 151).

§ 9. «Остров женщин».

Рассматривая различные описания Земли псов, мы уже касались роли женщин, живущих на берегу реки, без мужчин. В этих примерах женщины не отличаются воинственностью. В то же время, известно, какое широкое распространение получил античный сюжет о женщинах-воительницах, успешно защищающих свой остров. В нашу задачу не входит выяснение истоков сюжета об «острове женщин» и причин отмеченной метаморфозы. Рассмотрим лишь несколько важных параллелей, объясняющих причины столь разного отношения к рождающимся мальчикам и девочкам. Согласно еврейской версии романа об Александре (XII в.),

царь «прибыл в землю Аншик, где застал только женщин, а по ту сторону реки живут мужчины, которые никогда не переправляются <к женщинам> через реку, но постоянно женщины переправляются через воду для того, чтобы забеременеть от мужчин. Когда женщина рождает мальчика, то она перевозит его на ту сторону воды, а мужчины его берут и воспитывают; если же рождает девочку, то она воспитывает ее до

⁸⁴³ Цит. по: История Африки в древних и средневековых источниках / Сост. С. Я. Берзина и Л. Е. Куббель, под ред. О. К. Дрейера. М., 1990. 2-е изд. С. 377.

⁸⁴⁴ Иванов В. В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // Кавказ и Средиземноморье. Тб., 1980. С. 60-61; Иванчик А. И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию // СЭ. 1988. № 5. Там же см. литературу вопроса.

⁸⁴⁵ Иванов В. В. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. Вып. 4. С. 203-210.

⁸⁴⁶ См.: А. И. Иванчик. Воины-псы, с. 40-41.

⁸⁴⁷ Геродот. IV. 110-116.

пятилетнего возраста, а затем обучает ее воевать. Они разъезжают на конях и воюют с окрестными племенами; так они делают два-три раза ежегодно».⁸⁴⁸

Ср. с ответным посланием амазонок Александру: «<...> Мы живем за Амазонской рекой посередине <т. е. на острове, окруженном водой>. Окружность нашей земли простирается на один год <пути>, а река не имеет начала. Вход к нам один. Мы, живущие здесь, – вооруженные девицы в числе 270000; у нас нет ни одного <существа> мужского пола, а мужчины живут за рекою, владея <тамошнею> землей» (*Псевдо-Каллисфен*. Кн. III. 25-26).⁸⁴⁹

В «Шахнаме» описывается путь Искандера в страну Харум. Это царство отделено от остального мира широкой рекой, там живет 30 тысяч дев-воительниц, каждая из которых повергла во прах могучих мужей. В ответном послании Искандеру они сообщают: «Здесь тысячи дев на речном берегу / В глубь царства закрыли дорогу врагу».⁸⁵⁰ Когда дева захочет замужества, она должна перейти реку. Если родившаяся девочка явит ум и отвагу, ее примут в царство Харум. Мальчику ни при каких условиях этого края не видать. По представлениям ал-Хваризми, в «Северном Внешнем море» существуют острова мужчин и женщин, носящие одно и то же имя – «Амазунис».⁸⁵¹ Согласно представлениям древних китайцев, «Царство Женщин лежит к северу от <Царства> Богини-Прорицательницы. <Там> женщины парами живут в окружающей их воде».⁸⁵²

О «городе женщин» сообщается в «Космографии» Закарии ал-Казвини: «Большой город с обширной территорией на одном из островов в Западном море. Сказал ат-Тартуми: „Населяют этот город женщины, и мужчины не имеют над ними никаких прав. Они ездят верхом на лошадях и ведут войну друг с другом. Они не устрасимы в бою. <...> Если кто-нибудь из них родит мальчика, убивает его тотчас, а если девочку – то оставляет».⁸⁵³ О Мужском и Женском островах в Индийском океане рассказывает и Марко Поло.⁸⁵⁴

Мотив реки, отделяющей женщин от мужчин, или в нашем сюжете – женщин от мужчин-псов, указывает на определенную взаимосвязь всех указанных эпизодов, несмотря на то, что они зафиксированы в разное время и в разных традициях. Кажется, вполне вероятным и следующее предположение: мальчики рождаемые амазонками, и которых далее, либо убивают, либо передают мужчинам, соответственно, превращаются (в уйгурской и китайских легендах о царстве собак) в псов от рождения.

Подведем итог. В донесениях францисканской миссии 1247 г. картина неудачного вторжения монгольской армии в Землю псов является фрагментом из «Романа о Чингисхане». В свою очередь, в романе представлена инверсия литературной легенды о битве героя с воинами-псами, известная по эпическому циклу об Огузе. Характерная деталь

⁸⁴⁸ *Гаркави А. Я.* Неизданная версия романа об Александре. СПб., 1892. С. 41.

⁸⁴⁹ Цит. по: *В. В. Латышев.* Известия древних писателей о Скифии и Кавказе // ВДИ. 1947. № 3; См. также сказку о Хасане Басрийском, который попадает землю, где было два города – Город женщин и Город мужчин, в: Книга тысячи и одной ночи / Пер. с араб. М. А. Салье. М., 1961. Т. 7. С. 82-241.

⁸⁵⁰ «Шахнаме». Т. V. С. 60-64.

⁸⁵¹ *Калинина Т. М.* Сведения ранних ученых арабского халифата. Тексты, пер., коммент. М., 1988. С. 52, коммент., на с. 89-90; там же см. литературу о поздней арабской географической традиции, помещающей амазонок на севере европейской части.

⁸⁵² Каталог гор и морей, с. 98.

⁸⁵³ *ал-Казвини.* Памятники стран, с. 123.

⁸⁵⁴ *Марко Поло,* с. 200.

поединка (шкура, которая превращается в броню с помощью песка и смолы) указывает на центральноазиатское происхождение этого мотива и на его несомненную архаическую глубину. В романе эпизод поединка совмещен с китайской легендой о Царстве собак. Этот же сюжет в виде легенды об «острове женщин» отразился в различных версиях романа об Александре. В целом, сюжет о Земле псов не имеет точек соприкосновения с западными средневековыми представлениями о кинокефалах.

3.10. Покорение Буритебета

§ 1. Сюжет.

В латинских средневековых источниках этноним Буритебет (*Burithebet*) встречается только в отчетах францисканской миссии 1247 г. В пятой главе донесения брата Иоанна сообщается, что второе войско монголов, потерпев поражение в Стране псов, возвращалось в свою землю и покорило некую область под названием Буритабет. В сюжете представлены некоторые этнографические подробности, характеризующие обычаи и внешний облик обитателей этой земли, а описание битвы отсутствует. Скорее всего, нарисованная картина не носит случайного характера и, вопреки мнению большинства исследователей, является вымыслом. Обратимся к сюжету в переводе брата Иоанна: «И, так как это войско, а именно монгал, возвращалось, оно пришло в землю Буритабет, <жителей> которой в войне победило. Они язычники, и у них есть достойный удивления – даже скорее сожаления – обычай, потому что они, когда чей-нибудь отец уплачивает долг человеческой природы, собирают всю родню и съедают его, как нам говорили в качестве достоверного. У них нет волос на подбородке; более того они, как мы видели, носят в руках некое железное орудие, которым они постоянно выщипывают подбородок, если вдруг вырастает на нем какой-нибудь волос. А также они очень безобразны. Оттуда это войско вернулось в свою землю» (LT, V. 14).

В сюжете совмещены два временных плана, что порождает загадку. С одной стороны, говорится о легендарном походе, а, с другой, брат Иоанн своим замечанием о том, что он видел этих людей, придает сюжету характер достоверности. Вопрос о том, кого францисканец принимает за жителей Буритебета, трудноразрешим. Этнографических сведений, приведенных братом Иоанном, недостаточно для отождествления обитателей Буритебета с каким-то реальным азиатским племенем. В то же время, существование в Азии обычая выщипывать бороду сомнений не вызывает.⁸⁵⁵ Приемлемой, но недоказуемой была бы следующая гипотеза: францисканцы, встретившись с представителями какого-то азиатского народа,⁸⁵⁶ приняли их за легендарный народ из Буритебета.

Прежде чем перейти к параллельному известию из донесения брата Бенедикта, отметим странное совпадение в описании облика жителей Буритебета и легендарных кергизов, которых монголы также побеждают. О «кергизах» у брата Иоанна сообщается следующее: «А люди эти язычники, у которых нет волос на подбородке; у них есть такой

⁸⁵⁵ Ср. со сведениями Ахмеда ибн-Фадлана, где подчеркивается та же самая подробность – отсутствие у тюрок бород, но не усов: «Все тюрки выщипывают свои бороды, кроме усов. Иногда я видел среди них дряхлого старика, который выщипал себе бороду и оставил немного от нее под подбородком, причем на нем <надета> шуба, так что, если человек после этого увидит его, обязательно примет его за козла» (*Ахмед ибн-Фадлан*, с. 128). Об этой этнографической подробности см.: *Risch*, s. 129, n. 7. О том, что в древнетюркской среде было принято носить усы и бороду, свидетельствует значительное число изваяний, на которых изображены усы и борода (вернее, около половины всех изваяний Южной Сибири и Монголии, см.: *Евтюхова Л. А.* Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии. МИА. № 24. М., 1952. С. 72-120) и 37 из 58 тувинских изваяний имеют усы или усы и бороду, см.: *Грач А. Д.* Древнетюркские изваяния Тувы. М., 1961. (сводная таблица).

⁸⁵⁶ Ср., например, со сведениями Марко Поло о жителях некоторых областей Тангута: «люди толсты, курносы, волосы черны; без бород и без усов» (*Марко Поло*. LXXII, с. 93-94). Подробнее см. ниже § 8.

обычай: когда умирает чей-нибудь отец, то они от скорби удаляют со своего лица, в знак рыдания, как бы некоторый ремень <кожи> от уха до уха» (LT, V. 32).⁸⁵⁷

В обоих случаях говорится о вероисповедании, внешнем облике и обычаях, связанных со смертью отцов. Характер совпадений не случаен и требует объяснения. Сравним эти сведения с тем, как брат Иоанн и другие средневековые авторы описывают внешний вид монголов и, в частности, бороды азиатских кочевников: «Борода почти у всех совсем не растет, однако у некоторых на верхней губе и на подбородке есть немного волос, которые они совсем не стригут» (LT, II. 2). То же самое о монголах сообщает армянский историк Киракос: «внешний вид их был адским и наводил ужас. Борода не росла, лишь у некоторых росло несколько волосков на губах или подбородке».⁸⁵⁸ Согласно Марко Поло, «катайцы по природе без бород, татары же, сарацины и христиане носят бороды».⁸⁵⁹ В записках о путешествии Чань-Чуня из Китая в лагерь Чингис-хана в Средней Азии, наоборот, отмечается поразительный для китайца факт: «всего удивительнее то, что у них попадаются женщины с бородами и усами».⁸⁶⁰ Насильственное лишение бороды было высшим оскорблением в глазах тюркской аристократии XIII в. Так, по сведениям Ибн аль-Асира, посольство Чингис-хана, прибывшее к хорезмшаху с объявлением войны, было обесчещено по приказу последнего: посланник был убит, а сопровождавшим его обрезали бороды и отправили обратно к Чингис-хану с угрозой хорезмшаха: «поступить с тобою так, как поступил с твоими сторонниками».⁸⁶¹

Приведенные свидетельства показывают, что в Азии бороды (хоть и не густые) были одним из факторов культурной идентификации и символом мужской зрелости.⁸⁶² Одновременно, мы вступаем в область до конца неясных представлений средневековых авторов о связи внешнего вида чужеземцев с определенными моральными императивами. Так, например, в поэме Низами «Искандер-наме» описывается племя безбородых зинджей-людоедов, наводящих ужас на воинов Искандера тем, что они пожирают тела поверженных противников. Отсутствие бород у зинджей ставится в один ряд с отсутствием у них достойных человеческих качеств.⁸⁶³ Универсальным и лежащим на поверхности значением бороды было то, что она отражала мужественность, мужское начало. Можно предположить, что победа монголов над безбородыми противниками (не мужчинами) в Буритебете носит сомнительный характер и не прибавляет славы победителям.

⁸⁵⁷ Подробнее об этих сведениях см. в главе 5. 3. § 3.*

⁸⁵⁸ Киракос Гандзакети, с. 172.

⁸⁵⁹ Марко Поло, с. 109.

⁸⁶⁰ «Си ю цзи», с. 326.

⁸⁶¹ Ибн аль-Асир, с. 6-7.

⁸⁶² Ср., ан-Насави, описывая месть Джелал ад-Дина жителям города Калора за смерть старого визиря и юного хана, использует следующее сравнение: виновные были наказаны «за бороду и за кудри» (ан-Насави, с. 127).

⁸⁶³ «Это жители пустыни, черные, как деготь,

И их больше, чем травы в степи.

Все старцы у них безбороды, по сложению похожи на детей.

Считаются тем красивее, чем они безобразней.

Нет у них чести, и не знают они стыда,

Не питают ни к кому ни любви, ни нежности.

Все они людоеды, мучители людей» (Низами, с. 74).

В отличие от монголов, мужчины Буритебета постоянно выщипывают подбородок с помощью специальных щипчиков (подобный предмет имеется в коллекции отдела Востока Эрмитажа). В глазах средневекового европейца острижение волос ассоциировалось с жизнью в обществе по определенным правилам поведения.⁸⁶⁴ Самим францисканцам предписывалось уставом быть гладко выбритыми.⁸⁶⁵ Однако жители Буритебета, следя за своими подбородками, вместе с тем предавались «достойному сожаления» обычаю – поеданию умерших родителей. Возможно, контраст в соблюдении приемлемой и неприемлемой норм поведения, и вызвал оживленный интерес францисканцев к этому пассажи. Иными словами, брат Иоанн, фиксируя в своем донесении эпизод из истории легендарных походов монголов, дополнил его личными наблюдениями над азиатскими обычаями. В результате, получился двуплановый текст, совмещающий вымысел и реальность. Это предположение позволяет различить в сведениях брата Иоанна ту часть, которая и будет предметом дальнейшего исследования, а именно: обычай безбородых обитателей Буритебета поедать своих мертвецов.

В версии перевода брата Бенедикта появляются новые подробности: жители Буритебета уподобляются диким волкам, что подчеркивается в самом названии земли: *Burith dicitur lupus* – «Бури(т) означает 'волк'». Это обстоятельство позволило Даффина утверждать, что речь идет о некоей реальной области под названием «Тибет волков», которую он локализует в районе озера Куку-нор на северо-востоке Тибета.⁸⁶⁶ Даффина не приводит каких-либо доказательств в пользу своей гипотезы. Анализ топонима в отрыве от легендарного контекста и не мог дать иного результата. Очевидно, что подобный подход к проблеме не вносит ясности. Даффина воспринимает сведения францисканцев как историческое свидетельство, тогда как перед нами эпизод из восточного литературного сочинения. Как будет показано ниже, Буритебет является вымышленной страной. Автора «Романа о Чингис-хане» занимает тема псевдогеографии монгольских походов, а выбор соперников, с которыми он заставляет сталкиваться монголов, отличается особенно каверзным характером. Некоторая часть сюжетов романа имеет двойственный (псевдоисторический) характер, что с неизбежностью приводило исследователей в тупик.

Параллельный пассаж из донесения брата Бенедикта гласит: «Из этой земли <Земли псов> тартары, возвращаясь восвояси, захватили землю, которую называют Буритебет. *Burith* означает 'волк', и это хорошо подходит к жителям <этой> земли, которые имеют обыкновение, словно дикие волки, поедать, собрав родню, умершего отца. У них нет волос на подбородке, но, если волосы появляются, они выщипывают их железными щипчиками, изготовленными для этой цели. Кроме того, они очень безобразны» (НТ, 19).

⁸⁶⁴ Констебл Д. Бороды в истории. Символы, моды, восприятие // Одиссей: Человек в истории. 1994. Картина мира в народном и ученом сознании. М., 1994. С. 170-171.

⁸⁶⁵ Ср. с одним из обвинений русских против латинян: «Занеже многыа вины варяжьскыа, ибо женам уподобльшеся ходят бороды побривше», см.: Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян. (XI – XV вв.) А. Попова. М., 1875. С. 81. Ср. со сведениями персидской космографии о европейцах: «<Франк> – обширная страна за морем от арабов. Его жители – кафиры и христиане. Они все бреют бороды. Говорят, будто нет в мире народа более мужественного, чем они. У них есть тяжелое оружие; передвигаются они верхом на мулах, а во время сражений сидят на боевых конях; воздвигают величественные здания и владеют хорошими ремеслами» («Чудеса мира». 593). О сведениях греческих писателей, сообщающих о бритье бород у франков, участвовавших в крестовых походах, см.: Schramm P. E. Zur Haar- und Barttracht als Kennzeichen im germanischen Altertum und im Mittelalter: Herrschaftszeichen und Staatssymbolik // Schriften der MGH. Stuttgart, 1954 – 1956. Bd. 1, s. 120-121.

⁸⁶⁶ Daffinà, p. 439; ср.: Pelliot P. A propos des Comans, pp. 182-183.

Видимо, стоит привлечь для анализа дополнительные сведения восточных авторов. В «Искандер-наме» Низами Гянджеви описываются обросшие волосами с головы до пят яджуджи, пожирающие своих мертвецов. Хищным поведением яджуджей, названных Низами волками, соответствует их дикий внешний вид. Вероятнее всего, пассаж о безбородости жителей Буритебета изначально присутствовал в сюжете и каким-то образом связан с описанием яджуджей у Низами. В обоих случаях речь идет о поедании покойников, и этот обычай назван «волчьим». Из сравнения указанных источников вырисовывается следующая картина: внешний облик жителей Буритебета зеркально противоположен образу яджуджей, но «отношение» тех и других к умершим совпадает. Я исхожу из предположения, что в «безбородости» легендарных соперников монголов автором романа закодирована какая-то информация. Этот эпизод рассчитан на знатоков, способных оценить необычную конструкцию сюжета. Возникает вопрос, можно ли рассматривать этот пассаж как знаковую игру, в результате которой яджуджи превращаются в слабосильных противников монголов. С учетом того факта, что сюжеты поэмы Низами были известны автору романа, это предположение имеет определенный интерес. Однако механизм превращения волосатых яджуджей в безбородых обитателей Буритебета до конца не ясен (ниже, в § 3 мы вернемся к этому вопросу).

Не исключено, что для правильной оценки авторского замысла необходимо использовать и исторические свидетельства. Так, например, область «безбородых» на пути к Тибету описывает арабский путешественник X в. Абу Дулаф. С точки зрения Абу Дулафа, следующая подробность выглядит удивительно: только царь этой области носит бороду. Сведения Абу Дулафа подробно пересказывает автор XIII в. Йакут ал-Хамави в своем «Словаре стран»: «Затем мы вышли к племени, называемому Баградж.⁸⁶⁷ У них <на лицах> усы, но без бороды. Они прекрасно владеют оружием – как всадники, так и пешие. Царь у них великого сана, говорят, что он алавит <последователь ‘Али> и что он из потомков Йахьи ибн Зайда. У него позолоченная книга – Коран, на обложке которой бейты, в которых оплакивается Зайд, и они поклоняются этой книге. Зайд, по их мнению, царь арабов, а Али ‘ибн Абу Талиб, да будет доволен им Аллах, по их мнению, бог арабов. Они признают над собой царями только потомков этого алавита. Когда они обращаются лицом к небу, они открывают рты и устремляют взоры вверх, говоря, что бог арабов спускается с неба и поднимается на него. И удивительно, что те, кого они признают над собой царями из потомков Зайда, имеют бороды, у них прямые носы и большие глаза. Их пища – просо и мясо самцов-баранов. В их стране нет ни коров, ни коз. Их одежда из войлока. Они не надевают другой. Мы шли среди них месяц в страхе и с опасением, отдавая им десятину от всего, что было с нами».⁸⁶⁸

Итак, из донесений францисканцев вырисовывается следующий сюжет. В легендарном пространстве Азии за Землей псов расположена земля Буритебет. Ритуальное поедание умерших отцов – отличительный признак ее обитателей. Внешний облик их также отличается своеобразием – они не носят бород. Монголы легко покоряют эту область. С учетом исторических и легендарных сведений восточных авторов поиск этой области представляет занимательную проблему.

§ 2. Постановка проблемы.

Если Земля псов, бесспорно, является вымышленной областью на маршруте второго войска монголов, то примыкающий к ней Буритебет, согласно общепринятому

⁸⁶⁷ Баградж – государство Богра-хана из династии Караханидов, т. е. Кашгар.

⁸⁶⁸ Йакут ал-Хамави. «Му‘джам ал-булдан» (Словарь стран) / Пер. с араб. О. Б. Фроловой // Материалы по истории Средней и Центральной Азии X – XIX вв. Ташкент, 1988. С. 80.

мнению, представляет вполне реальный топоним,⁸⁶⁹ тем более что брат Иоанн, судя по его словам, встречал жителей Буритебета. Большинство исследователей несклонно видеть в фантастических сведениях из донесений францисканской миссии 1247 г. продуманную композицию. И хотя связь между событиями (поражением монголов в Земле псов и их победой над Буритебетом) не столь очевидна, но она существует. В связи с этим рассмотрим несколько вопросов:

- 1) существовала ли в реальности область с таким названием и такими обычаями, или иными словами, возможно ли указать другие источники, в которых фигурируют в единой связке те же самые топоним и обычай;
- 2) что означает название *Буритебет*, т. е., можно ли принять этимологию, зафиксированную в донесении брата Бенедикта;
- 3) с какой целью сюжет о победоносном присоединении Буритебета вводится в повествование о монгольских походах. Как правило, монголы терпят поражения, что легко объяснимо авторским замыслом, тогда как их победы над легендарными противниками требуют объяснения.

В данном случае, как и в некоторых других, существует дилемма: либо, следуя по пути большинства исследователей, попытаться локализовать Буритебет в реальном географическом пространстве,⁸⁷⁰ либо же стоит признать сюжет литературной конструкцией, созданной в рамках «Романа о Чингис-хане». Как мы увидим ниже, первый путь упирается в неразрешимые противоречия как в этно-географическом, так и лингвистическом планах. Обосновать его вне проблематики романа, практически невозможно. К тому же, результаты изолированного анализа первой части термина *Буритебет* (предпринятого Шинором⁸⁷¹) не дают оснований для широких обобщений по той причине, что лингвистический анализ не учитывает легендарный контекст. В донесении брата Бенедикта слово «волк» в названии земли Буритебет напрямую связывается с ужасным обычаем ее обитателей, что указывает на вымышленный характер всего эпизода. Следуя вторым путем, мы также столкнемся с проблемой, но другого плана – искусственной конструкцией сюжета. В этом случае, возможно, удастся раскрыть методы «творческой лаборатории» восточных переводчиков, которые работая над «Романом о Чингис-хане», привлекали весь доступный им круг источников о малоизвестных областях Азии и обращались к смысловой игре с омонимами.

⁸⁶⁹ Dawson, *Mission to Asia*, p. 23, n. 1; Risch, s. 128; Painter, p. 72; Pietkiewicz, s. 193. Пиеткевич, например, отождествляет сведения брата Иоанна о покорении Буритебета, с планом Чингис-хана прибыть в Тангут через труднопроходимую горную область Хиндустана, описанным в сочинении Рашид ад-Дина (Т. I. Кн. 2. С. 225); Менгес К. Г. Восточные элементы в «Слове о полку Игореве». М., 1979. С. 70; Кюннер Н. В. Описание Тибета. Владивосток, 1907. Ч. 1. Географическая. Вып. 1. Имя. Границы. Обзор путешествий. С. 1-5, 28-29; Tibet und Zentralasien mit einer einleitung von E. Schäfer. Stuttgart, 1965, ss. 38-43; Toscano G. M. Alla scoperta del Tibet. Relazioni dei missionari del sec. XVII. Bologna, 1977. P. 30.

⁸⁷⁰ Обращаясь к анализируемому сюжету Гузман пишет: «Так как большинство исследователей соотносят Буритебет с Тибетом, то возможно в этом пассаже брат Иоанн описывает не монгольские обычаи» (?), см.: Guzman G-G. Reports of Mongol Cannibalism in the Thirteenth-Century Latin Sources: Oriental Fact or Western Fiction? // *Discovering New Worlds. Essays on Medieval Exploration and Imagination* / Ed. by S. D. Westrem. New York; London, 1991, pp. 34-35. Очевидно, что здесь описываются не монгольские обычаи. Гузман считает, что речь идет о ритуальном каннибализме. С этой точкой зрения можно было бы согласиться, если бы автор привел параллельные примеры, связанные с регионом Тибета. Однако Гузман такими сведениями не располагает.

⁸⁷¹ Sinor D. *Mongol and Turkic Words in the Latin Version of John of Plano Carpini's...*, pp. 540-541. Подробнее см. ниже § 5.

Первый из поставленных выше вопросов связан с традиционной для нашего исследования проблемой поиска «первичного» текста. «Первичный» текст, полностью удовлетворяющий поставленным условиям, отсутствует. Видимо, автор романа имел в своем распоряжении несколько разнородных источников, опираясь на которые он конструирует вымышленную реальность. Сюжет имеет две рамки: внешнюю – реальную (реальны и обычай и топоним) и внутреннюю – легендарную. В официальной истории Чингис-хана неизвестен поход монголов против поедателей мертвецов. Легендарный Искандер, достигнув земли яджуджей, поедаящих своих мертвецов, возводит преграду, чтобы отделить это нечестивое племя от культурного мира. Если исходить из игрового построения сюжета, то можно предположить, что автора романа занимал следующий вопрос: как поведет себя монгольская армия, столкнувшись лицом к лицу с поедателями мертвецов. Автор ставит виртуальный эксперимент, и в результате, кажущееся отсутствие яркого завершающего акта, выглядит обманчиво. Маргинальная область мира, вместо того, чтобы быть отделенной, присоединяется к империи Чингис-хана. Тихая победа монголов скрывает в себе оглушительный эффект.

В качестве реального исходного сообщения следует привлечь известие армянского историка Киракоса Гандзакеци о племенах Южного Китая, практиковавших поедание умерших отцов (см. ниже, § 9). Подобного рода сведения вполне могли быть известны автору романа. Можно предположить, что автор совмещает эти сведения с описанием яджуджей из поэмы Низами, что позволило ему соединить обычай поедания мертвецов и характеристику его как «волчьего». Цель подобного замысла становится ясной только в мифологической перспективе романа: проиграв битву в Земле псов, монголы одерживают сомнительную победу над жалким народом «волков». Но дело в том, что фигура волка ни при каких условиях не могла быть жалкой. Более того, волками именовали себя сами монголы. Возможно, что по замыслу автора романа, монголы должны были сразиться со своим собственным инвертированным отражением. Так выглядит рабочая гипотеза. Достоинством этой гипотезы является то, что она позволяет одновременно ответить на каждый из трех поставленных выше вопросов. Ее обоснованием мы и займемся ниже.

Как правило, содержание большинства рассмотренных ранее сюжетов балансирует на грани легенды и реальности. «Роман о Чингис-хане» был своеобразным ответом на бесчисленные восторженные панегирики, согласно которым империя монголов простиралась на всю вселенную – от восхода и до заката солнца. Последняя метафора имеется в «Сокровенном сказании» и в «Истории покорителя мира» Джувейни. Тема безграничности империи могла послужить импульсом для создания неизвестным автором вымышленной истории монгольских завоеваний. Квазиисторические аспекты этого сочинения ввели в заблуждение францисканскую миссию 1247 г. Метод работы над романом заключался в сопряжении тех или иных известных событий со сведениями из легендарной географии Азии. А тот факт, что в этом произведении названия легендарных стран даны на монгольском языке, говорит лишь об одном: перед нами филологические упражнения переводчика на заданную тему, а именно, история создания вымышленной империи, поглотившей мифические страны. Никто ведь не решится принять всерьез рассказ о вторжении монголов в Землю псов. В таком случае и Буритебет – легендарная страна. И вот почему. Проиграв битву с медными огненными фигурами царя Великой Индии, монголы достигают Земли псов, где также терпят поражение. Возвращаясь, они попадают в Буритебет. Все три области следует рассматривать в едином пространственном и семантическом контексте. В этом легендарном маршруте Буритебет выступает как одна из пограничных областей мира, заселенная народом «волков-псов». Приписанный обитателям страны столь дикий и страшный обычай, как поедание умерших отцов, является частью авторского замысла.

§ 3. Яджуджи, пожирающие своих мертвецов.

Образ племени, поедающего своих мертвецов, часто встречается в средневековых описаниях.⁸⁷² И в первую очередь, это относится к нечистым народам, запертым Александром.⁸⁷³ Согласно сведениям автора XII в. Михаила Сирийца, который использует какие-то ранние известия о тюрках, накопленные сирийской литературой, тюрки обитают у северо-восточных пределов земли и отгорожены от мира железными воротами Александра.

«Относительно же их варварства и дикости нравов известно, что в той их внутренней земле нет у них закона в разборе пищи. Все, что ползает по земле, животных и зверей, змей, пресмыкающихся и птиц, они бьют и едят. И тела мертвых <животных> едят <...>. И даже умерших людей едят. И если среди них находится чужестранец, который не имеет покровителя от них, как на охоте они пронзают его и едят. Это и подобное этому рассказывают о них иберы, которые по соседству <с ними> и охраняют ворота» (*Михаил Сириец*, с. 48).

В более широком плане эти представления опираются на идею взаимосвязи образа жизни и мест обитания, максимально удаленного от центра Земли. Миру культуры противопоставляется «дикая» периферия. Так, согласно ал-Бируни, «все, кто находится за линией экватора, наделены качествами хищных зверей, поскольку едят людей. Затем эти качества понемногу начинают исчезать у тех, кто живет севернее экватора, вплоть до <полного их исчезновения у людей>, оказавшихся в первом климате; <там> они уже оцивилизованы, наделены людскими нравами и ведут похвальный образ жизни».⁸⁷⁴ Суждения Михаила Сирийца, как и размышления ал-Бируни, отражают традиционные представления об обитателях пограничных областей мира, которые, однако, никогда не называются волками.⁸⁷⁵ Следовательно, наибольший интерес для нашего исследования могут представлять тексты, где соотносятся указанный обычай и оценка его как «волчьего». Следует отметить, что подобное сочетание встречается весьма редко. В представлениях центрально-азиатских народов образ волка обладал положительной притягательной силой.⁸⁷⁶ В этом плане сравнение жителей Буритебета с волками носит странный и труднообъяснимый характер. В символических сравнениях воинов с волками, говорится о поедании живой плоти, но никак ни мертвой. Таким образом, у нас появляются основания предположить прямое влияние пассажа о яджуджах из поэмы «Искандер-наме» Низами. Только у Низами яджуджи, пожирающие своих мертвецов, названы волкоподобными существами.⁸⁷⁷ Такая же картина представлена и в версии перевода брата Бенедикта, который с большей точностью, чем брат Иоанн, передает сюжеты «Романа о Чингис-хане».

Обратимся к поэме Низами. Искандер выслушивает рассказ о племени яджуджей, предающихся ужасному обычаю. Последнее обстоятельство дает Низами повод для иронии: единственным «достоинством» этой земли является отсутствие умерших, ибо они съедены.

⁸⁷² Tattersall J. Anthropophagi and Eaters of Raw Flesh in French Literature of the Crusade Period: Myth, tradition, and reality // *Medium Aevum* 57. 1988, pp. 244-245.

⁸⁷³ Обзор материалов см. в статье Гузмана: *Guzman G-G. Reports of Mongol Cannibalism*, pp. 31-68.

⁸⁷⁴ ал-Бируни. Геодезия, с. 156.

⁸⁷⁵ Ср. с материалами, изложенными в § 7 главы 5. 7.

⁸⁷⁶ Например, ан-Насави сравнивает войско весьма почитаемого им султана Джелал ад-Дина с «голодными львами и волками, алчными от тяжелых испытаний» (ан-Насави, с. 128).

⁸⁷⁷ В Коране яджуджи и маджуджи описываются как народ, едва понимавший какую-либо речь; о других особенностях этих персонажей не сообщается (Коран. 18. 92).

«За этим кряжем, в сей каменистой пустыне
Увидишь ты степь, как широкое море.
Народ в той степи по названью яджудж,
Породы людской, как мы, но бесовского склада.
С сердцем железным, как дивы, и алмазной рукой,
Как злонравные волки взбешенные.
С головы до пят они обросли волосами,
От их лица ты не увидишь следа.
Словно хищные звери с когтями, клыками,
Для пролития крови бьют зубами и лапой,
Нагоняют ветер во время бега,
Пронзают когтями булат.⁸⁷⁸ <...>
Когда кто-нибудь из них умирает, тот народ
Его точно так <как и дракона> поедает в степях и горах,
Не остается в той соленой земле мертвечина,
<И> не видит никто ни мертвецов, ни могил.
Только и доблести есть в той стране,
Что мертвечины она лишена и в ней нет мертвецов. <...>
Редко так от волков убегают стада,
Как от тех волкоподобных с собачьей повадкой.
Поскольку они гнетут нас убийством,
Бьются и обращают нас в рабство,
Мы бежали от них на сию недоступную гору
<И> на деревья, как делают птицы:
Силы такой тот народ не имеет,
Чтобы достать нас на вершине горы»
(Низами, с. 505).

У Низами яджуджи – существа людской породы, но волчьего нрава; они воинственны и ненасытны, и пока еще не отделены от человеческого мира стеной Искандера. Народ «волков», с которым сталкиваются монголы, также обитает на краю мира, славен тем же обычаем, и столь же безобразен. Безбородость подчеркивает неполноценность легендарных противников монголов. Преграда, которую возводит Искандер, была одним из самых известных его деяний. Согласно авторскому замыслу, Чингис-хан повторяет многие подвиги Искандера, однако результат этих деяний носит обратный характер. Искандер не сражается с яджуджами и даже не вступает в их землю. Монголы же присоединяют к своим владениям племя, подобное яджуджам. Если согласиться, что за образом жителей Буритебета скрыты яджуджи Низами, то,

⁸⁷⁸ Описание яджуджей у Низами совпадает с описанием наснасов из «Чудес мира», см. § 2. в главе 5. 19.

возможно, станет ясен результат инверсии, позволившей автору романа превратить обросших волосами с головы до пят яджуджей («от их лица ты не увидишь следа»), в людей, абсолютно лишенных растительности на лице. Аналогичный прием, когда производится замена известных мифологических персонажей другими, менее известными, демонстрирует и сюжет о походах монголов против диких людей, с негнущимися ногами (см. § 2 в главе ..).

В средневековой истории известно, по крайней мере, еще одно вымышленное царство, на территории которого обитают нечистые народы Гог и Магог. Речь идет о латинской версии послания пресвитера Иоанна, где описаны владения царя Великой Индии. Сведения о нечистых народах выглядят в высшей степени немыслимо, и даже можно сказать, иронично. Несмотря на общеизвестный факт, что Александр некогда заключил ужасные племена за непреодолимой преградой, царь Великой Индии использует их в качестве непобедимой армии против своих врагов. «Есть у нас другие народы, которые питаются только мясом людей, и неразумных и преждевременно родившихся животных и никогда не боятся смерти. И если из них кто-нибудь умрет, то его родственники и друзья жадно его съедают, утверждая, что употреблять в пищу человеческое мясо есть священная обязанность. <...> Эти и другие многие народы Александр Великий заключил на Севере между высочайшими горами. По своему желанию мы водим их против врагов, и от нашего величества им дано позволение пожирать их, так что ни один человек, ни одно животное не может быть избавлено от опасности быть съеденным. Когда все наши враги будут пожраны, то мы отводим их обратно в отечество. И потому мы отводим их назад лично, что иначе они пожрали бы всех людей и животных».⁸⁷⁹ В послании пресвитера Иоанна известная мифологема доводится до абсурда. В «Романе о Чингис-хане» нечистому народу, наоборот, придан человеческий облик, сквозь который все же проступают ужасные черты. Таким образом, перед нами раскрывается весь диапазон творческих возможностей сирийских авторов, создававших литературные утопии в зависимости от внешнего вызова, будь то западные крестовые походы в борьбе за небесный Иерусалим, или идея мировой империи, реализованная преемниками Чингис-хана. И если в первом случае нечистые народы защищают границы Индийского царства, то во-втором случае, они теряются на просторах великой империи.

§ 4. Замысел автора романа.

Существует ряд смущающих обстоятельств, связанных с более широким взглядом на проблему. Дело в том, что вполне достоверны и топоним Буритебет, и описанный обычай. Обычай зафиксирован во всех подробностях средневековыми авторами у каких-то племен Южного Китая, но не Тибета (см. ниже, § 9). Это наводит на мысль, что рассматриваемый сюжет сконструирован на основании географических и этнографических реалий. Стоит, однако, напомнить, что сюжеты романа, как правило, балансируют на грани реальности и вымысла. Пока же можно предположить следующее: в роман из рассказа Низами заимствован образ народа «волков», что же касается реалий, то они, скорее всего, были известны автору романа, и искусно им использованы. На первый взгляд, получается слишком громоздкая конструкция. В свое оправдание могу лишь заметить, что любая попытка объяснить чужой замысел проигрывает по сравнению с самим замыслом.

Остается открытым и вопрос о том, можно ли трактовать Буритебет как «Тибет волков». Скорее всего, случайное созвучие *Бури* с тюркским *böri* «волк», позволило автору романа по ассоциации соединить в одном сюжете название Буритебет и «волчий»

⁸⁷⁹ Цит. по: Баталин Н. Сказание об Индейском царстве. Воронеж, 1876. С. 127. (Филологические записки. Приложения)

обычай. За внешней правдоподобностью повествования скрыт вымышленный эпизод. И цель вымысла приобретает ясные контуры только в мифологическом поле романа, чье действие разворачивается на пересечении достоверных и легендарных тем. В Буритебете монгольское войско побеждает людей, чьи обычаи приравнивают их к волкам. Для монголов же волк был весьма значимым символом воинских и мужских достоинств. В известном смысле, перед нами картина соперничества истинных волков (монголов) с их инвертированным отражением (для первых пищей служит живая кровь, для вторых – мертвая). Престижность эпического сравнения монгольского воина с волком-псом, поедающим в смертном бою плоть поверженного противника, не вызывает сомнений. Им противостоят люди-волки, пожирающие мертвую плоть. В таком случае становится ясным сомнительный характер этой победы. Инвертированный характер преобразований сюжета отразился и на внешнем облике обитателей Буритебета, которые отличаются как от монголов, имевших бороды, так и от волосатых яджуджей из поэмы Низами. Отсутствие бород и ужасный обычай создают портрет противника, которого и не стоило бы побеждать.

Этот сюжет имеет еще один символический аспект. Если поражения монголов в легендарных битвах достаточно легко объяснимы позицией автора, который прибегает к инверсии заимствованных эпизодов, чтобы продемонстрировать «трудные ситуации», то победы монголов требуют особого внимания. С какой целью в романе говорится о покорении эфиопов из Малой Индии, обитателей Буритебета, быченок, «питающихся паром» и немых людей с негнуцимыми ногами? Единственным приемлемым объяснением может быть следующее: маргинальные миры, силой присоединенные к империи, превращают ее в пространство хаоса; разрыв божественных границ сигнализирует об утрате империей Чингис-хана сакрального статуса.

Выяснив истоки легендарной части сюжета, обратимся к названным выше реалиям. Для того чтобы яснее обрисовать свою позицию, я воспользуюсь концепцией двух культурных пространств: реального и легендарного. В реальном пространстве существовали и область Бури-Туббэт (она упоминается Рашид ад-Дином), и некая область в Южном Китае, жители которой поедали умерших отцов (о ней известно Киракосу Гандзакеци). Но эти области не связаны между собой ни в историческом, ни в этнографическом планах. В легендарном же пространстве романа фигурирует вымышленная земля Буритебет, обитатели которой уподобляются волкам. Собственно, вымыслом является соединение двух указанных реальных фактов в один и погружение их в легендарный контекст (соотнесение с волкоподобными по нраву яджуджами из поэмы Низами). Названия Буритебет и Бури-Туббэт являются омонимами. Автор романа наполнил равнозвучающее слово особой семантикой, превратив нейтральный термин в «волчий». Траировка *burī* как ‘волк’ обнажает лишь часть авторского замысла и, что важно – демонстрирует прием конструирования сюжета.

§ 5. Буритебет. Анализ лексемы.

Этноним *Буритебет* был предметом исследований известных авторов. По мнению Риша, *Burithabet*, собственно, и есть Тибет.⁸⁸⁰ Он считает, что этот же топоним в форме Бури-Туббэт фигурирует и у Рашид ад-Дина. Усилия первых издателей текста брата Иоанна были направлены на отождествление тех или иных сведений из отчета францисканца с реалиями. Вопрос о романе, инкорпорированном в текст донесения, возник только после публикации Пейнтером «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа.

Относительно земли Буритебет (*Burithebet*) в «Истории Тартар» утверждается, что слово *burith* означает ‘волк’, и что оно подходит для характеристики обитателей этой

⁸⁸⁰ *Risch*, s. 128.

земли, которые, словно дикие волки, поедают умерших отцов. Это сообщение не находит параллели у брата Иоанна. Принято считать, что в данном случае *buri(th)* действительно означает тюркское 'волк'. Первым эту мысль высказал Пейнтер.⁸⁸¹ Шинор подтвердил в целом правильность этой идентификации.⁸⁸² Однако, по его мнению, имеющееся ввиду слово всегда имело в первом слоге *ö*, т. е. *böru*, *böri*, а латинская транскрипция *burith* могла бы передавать **burit*. Шинор полагает, что мы имеем дело с народной этимологией (опущенной или неизвестной брату Иоанну), которая исходила от человека, знающего тюркский язык. По его мнению, это типичная уничижительная этимология, сходная с тем, как этноним 'тартары' возводили к Тартару (бездне). Конечный *-th* Шинор объясняет лишь недоразумением, проникшим в письменную форму этой этимологии. Что же касается разделения «Буритебет» на Бурит/ебет, которое является вопиющей бессмысленностью, вместо Бури/тебет, которое прекрасно выражает смысл, то Шинор относит эту ошибку на счет брата Ц. де Бридиа, либо переписчика XV в. В итоге, пишет Шинор, тюркское *böri*, ставшее в латинском тексте *bori*, превращается в *buri*.⁸⁸³ В заключение Шинор отмечает, что это не единственный пример тюркского слова, фигурирующего в «Истории Тартар», в которой встречаются и другие примеры народных этимологий. Выводы Шинора полностью приняты Даффина.⁸⁸⁴

И Пейнтер, и Шинор сосредоточили свое внимание на первой части термина Буритебет, которая бесспорно означает «волк». Вторая же часть термина (тебет) ими не анализируется, видимо, они считают, что речь идет о Тибете. Полагаю, что названные авторы, повторяя вслед за братом Бенедиктом этимологию слова *buri(th)*, не замечают ироничную игру смыслами и игнорируют легендарный контекст. К сожалению, Шинор не привлек для сравнения топоним Бури-Туббэт из летописи Рашид ад-Дина, хотя единственно эти сведения и могут пролить свет на загадку Буритебета, описанного в «Романе о Чингис-хане». Шинор не обращает внимания на весьма странный для какого бы то ни было района Тибета характер названия, в котором фигурирует «тюркское» слово. Решение этой проблемы явилось бы «лингвистическим» ключом к разгадке названия Буритебет.

§ 6. Знаковый характер фигуры волка.

Вызывает также некоторые сомнения и предположение Шинора об уничижительном характере этимологии слова *buri*. Мы не знаем ни одного средневекового восточного источника, в котором образ волка имел бы отрицательную коннотацию. Напротив, волк был тотемом у многих народов Центральной Азии и воплощал, согласно Махмуду Кашгарскому, мощь и мужскую силу: когда тюрк хотел узнать, родился мальчик или девочка, он спрашивал: «Родился волк или лисица» (I, 359).⁸⁸⁵ В китайском сочинении «Таншу» говорится об обычаях тюрков тугю: они

⁸⁸¹ Painter, p. 72 n. 1.

⁸⁸² Sinor D. Mongol and Turkic Words in the Latin Version of John of Plano Carpini's..., pp. 540-541.

⁸⁸³ Ср.: *börü* - 'волк' алт., балк., кирг., к-калп., кумык.; тув. *böru*; казах., турк., уйг. *böri*; якут. *Börö*, см.: Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках, с. 131-132; Другие примеры см.: Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Материалы этнографические. СПб., 1883. Вып. 4. С. 157.

⁸⁸⁴ Daffinà, p. 439.

⁸⁸⁵ Ср.: согласно древнеуйгурской версии «Огуз-наме», в шатер Огуз-кагана проник луч, подобный солнечному, и из этого луча появился сивогривый большой волк. Волк двигался впереди тюркского войска, указывая путь. Огуз обращается к воинам перед походом: «Возьмем-ка луки и щиты, тамгою пусть будет нам "благодать", "сивый волк" пусть будет ураном <боевым кличем>»

имеют «знамена с золотой волчьей головой. Телохранителей называют Фули <буре>, что на монгольском языке также значит: волк, в знак, что они помнят свое происхождение от волка. Искусно стреляют из лука с лошади; по природе люты, безжалостливы».⁸⁸⁶ Фигура волка обладала высоким статусом. Древнетюркская надпись в честь Кюль-тегина гласит: «Так как Небо даровало силу, то войско моего отца-кагана было подобно волку, а враги его были подобны овцам».⁸⁸⁷ Популярная у кочевых тюркоязычных народов игра в козлодрание носила название *кукбури* ‘сизый волк’ (узб. *купкари* и каз. *кукпар* – искаженное от *кукбури*).⁸⁸⁸ То, что это название связано с тотемом древних тюрков, не вызывает сомнений.⁸⁸⁹

Рашид ад-Дин рассказывает историю о том, как однажды Угедей-хан купил живого волка и приказал его отпустить. Цель этих действий заключалась в гадании о судьбе самого хана.

«Когда волка отпустили, на него напали собаки и растерзали его. Каан по этому случаю разгневался и приказал отомстить собакам за волка. Печальный и задумчивый ушел он во внутренние покои ставки и сказал, обратившись к вельможам и приближенным: „Цель освобождения волка заключалась в следующем. Я обнаружил в состоянии своего здоровья некоторую слабость и подумал, что если я дам избавление какому-нибудь животному от гибели, то предвечный бог дарует мне исцеление, но так как он не спасся от их лап, то, конечно, я тоже не выйду из пропасти. Не скрыто, что государи – избранники божии и что для них случаются <божественные> откровения, дабы они были осведомлены о <положении> дел“» (*Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 63).

Значимый характер фигуры волка отражен в текстах культур, которые длительно соприкасались с миром кочевников. Так, например, *boz böğü*, *boz qurt* ‘серый волк’ – могущественный покровитель степняков – был известен русским. В качестве любопытной параллели можно указать на выражение *босый вълкъ*, которое считается

(Щербак, с. 32, 38). Эту же легенду передает и автор XII в. Михаил Сириец, однако он говорит о звере, подобном собаке (Михаил Сириец, с. 49), цитату см. в главе 5. 1, прим. 15.

⁸⁸⁶ Бичурин Н. Я. [Иакинф]. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Редакция текста, вступ. ст., комм. А. Н. Бернштама и Н. В. Кюнера. М.; Л., 1950 – 1953. Т. I. С. 229. Подробнее на эту тему см.: о древнетюркских генеалогических легендах: Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 102-114; Он же, Проблемы ранней истории племени Турк (Ашина) // МИА. 1965. № 130. С. 278-281; О почитании волка, выраженном в разнообразной, по преимуществу в военной символике, см.: Esin E. Tös and Moncuk. Notes on Turkish Plag-Pole Finials // CAJ. 1972. Vol. 16. № 1. pp. 17-31; Хайтун Д. Е. Пережитки тотемизма у народов Средней Азии и Казахстана. Уч. зап. Тадж. гос. ун-та. Душанбе, 1956. Т. XIV; Гордлевский В. А. Что такое ‘босый волк’? (К толкованию «Слова о полку Игореве» // В. А. Гордлевский. Избранные сочинения. Т. II. Язык и литература. М., 1961; Негматов Н. Н., Соколовский В. М. «Капитолийская волчица» в Таджикистане и легенды Евразии // Памятники культуры. Новые открытия. Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник. 1974. М., 1975; Яйленко В. П. Правящий тюркский род ашина: истоки и продолжение // Элита и этнос средневековья. [Сб. ст.]. М., 1995. С. 59-71.

⁸⁸⁷ Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. М.; Л., 1951. С. 37.

⁸⁸⁸ Кармышева Б. Х. К вопросу о культовом значении конных игр в Средней Азии // Прошлое Средней Азии. Душанбе, 1987. С. 237; См. также: Фасеев Ф. С. Кто они так называемые «голубые тюрки»? // Источниковедение и история тюркских языков. Казань, 1978.

⁸⁸⁹ Потапов Л. П. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков // КСИЭ. М., 1958. Вып. XXX. С. 135-148; Зуев Ю. А. «Тамги лошадей из вассальных княжеств» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8). Алма-Ата, 1960. С. 121-124; Липец Р. С. Лицо волка благословенно... (Стадиальные изменения образа волка в тюрко-монгольском эпосе и генеалогических сказаниях) // СЭ. 1981. № 1. С. 120-133.

народной русской адаптацией тюрк. *boz* ‘серовато-коричневый (как степи)’ – устойчивый эпитет табуированного волка, евразийского животного тотема.⁸⁹⁰ При этом образ волка в восприятии русских сохранил всю свою магическую силу. Например, одна из таких значимых ситуаций, связана с предсказанием исхода сражения, когда русский князь Давыд и половецкий хан Боняк участвовали вместе в походе против венгров в 1097 г.: «В пути они остановились на ночлег; и когда настала ночь, встал Боняк, отъехал от войска и начал выть по-волчьи, и волк откликнулся на вой его, и завывло множество волков. Боняк же, вернувшись, поведал Давыду, что „победа у нас будет над венграми завтра“». ⁸⁹¹ Назвав какой-либо народ «волками», невозможно было тем самым его унижить; весь степной мир был «волчьим» миром. Другое дело – приписать ему поедание мертвечины. В древнерусских известиях о кочевниках представлены оба интересующих нас мотива, но важно, что эти мотивы не связываются воедино (как в романе, и в описании яджуджей у Низами). В древнерусском известии о половцах говорится: «Так вот и при нас теперь половцы держатся закона отцов своих: кровь проливают и даже хвалятся этим, едят мертвечину и всякую нечистоту – хомяков и сусликов <...>». ⁸⁹² В древнерусских полемических сочинениях против латинян, унаследовавших традицию богословских споров между греками и римлянами, иногда звучали весьма резкие и нетерпимые суждения, построенные на вымышленных пищевых пристрастиях. Игумен Печерского монастыря Феодосий писал, что следует избегать любого общения с лицами латинской веры, даже есть или пить с ними из одного сосуда, либо принимать пищу из их рук, ибо «едят они со псами; едят диких коней и ослов и удушенину, и мертвечину, и медведину и бобровину и хвост бобров». ⁸⁹³

В «Сокровенном сказании» алхумчины Чингис-хана уподобляются псам с бронзовыми лбами, железными сердцами и мечами вместо плетей. Далее, в этом эпическом сравнении фигура пса сливается с фигурой волка: «во время смертных боев едят они мясо людей, а на время схваток запасаются для еды человечиной». ⁸⁹⁴

Вернемся к нашему сюжету и отметим, что сетования об удивительном и достойном сожаления обычае выражают, скорее всего, личное впечатление брата Иоанна. В «Истории Тартар», в свою очередь, лишь констатируется, что слово «волк» в названии этой земли соответствует дикому обычаю жителей. Вопреки Шинору, мы имеем дело не с народной этимологией, а вполне продуманным авторским замыслом. Инверсия образа волка (при описании вымышленного народа волков, поедающих своих мертвецов) понадобилась автору романа для того, чтобы монголы сразились с противником, чей образ является перевернутым отражением самих монголов. Волки сражаются с волками. Воины Чингис-хана сражаются со своим инвертированным отражением. Проиграв битву с истинными воинами-псами (в Земле псов), монголы покоряют жалкого противника. В целом, это может означать, что замысел Чингис-хана о покорении пределов мира не имеет божественного покровительства. Трудно

⁸⁹⁰ Менгес К. Г. Восточные элементы, с. 79.

⁸⁹¹ Цит. по: ПВЛ. Ч. I. С. 381. См. также: Пархоменко В. Следы половецкого эпоса в летописях // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1940. Сб. III.

⁸⁹² Цит. по: ПЛДР. XI – начало XII в. Л., 1978. С. 33.

⁸⁹³ См.: Историко-литературный обзор древне-русских полемических сочинений против латинян. XI – XV в. А. Попова. М., 1875. С. 69; Еремин И. П. Из истории древнерусской публицистики XI века (Послание Феодосия Печерского к князю Изяславу Ярославовичу о латинянах) // ТОДРЛ. Л., 1935. Т. 2. С. 21-38.

⁸⁹⁴ «Сокровенное сказание». (§ 195). Ср.: Иванов В. В. Древнебалканский и общеиндоевропейский текст мифа о герое-убийце Пса и евразийские параллели // Славянское и балканское языкознание. М., 1977. Вып. 4. С. 205-206; О мифологической близости фигуры собаки и волка, ср.: Долгих Б. О. Принесение в жертву оленей у нганасан и энцев // КСИЭ. М., 1960. Вып. 33.

представить себе столь свободную игру смыслами, однако в романе имеется близкий по характеру эпизод, в котором описывается неудавшаяся битва Чингис-хана с его далекими предками.

§ 7. Буритебет и Töböd-üd поход «Сокровенного сказания».

Легендарный характер земли Буритебет сомнений не вызывает. Возникает вопрос, не является ли в таком случае слово «Буритебет» литературной фикцией, построенной на соединении двух тюркских слов: *böri* 'волк' и *töbet* 'кобель (волк-кобель)'.⁸⁹⁵ Иными словами, не означает ли в нашем случае «Буритебет» – '<землю> волков-псов'. При этом двойственный характер названия Буритебет создает иллюзию реальности, к чему, видимо, и стремился неизвестный автор.

По мнению А. М. Щербака, «значение төбэт, приведенное в словаре В. В. Радлова (төбөт 'порода больших собак', 'овчарка', РСл. III, 1272), больше нигде не отмечено и в современных языках отсутствует, поэтому трудно говорить о каких-либо моментах семантического преобразования рассматриваемого слова». Щербак указывает и другие примеры: казах. төбэт, кирг. дөбөт, уйг. төбät, и замечает, что «этимологическое объяснение слова төбэт на тюркской почве затруднено».⁸⁹⁶ Обратим внимания на то, что в «Сокровенном сказании», монгольском памятнике XIII в., фигурирует аналогичное выражение Töböd-üd поход, в следующем контексте:

«<...> šingtalun mene metü yekin eyin dongqodumu kö'üt ayuju setkil-iyen alqasa'ujai naran singgegüee urgugu-da gürtel dayyin irgen bül mani Töböd-üd noqod-ıyan tukirèu ile'es ü dayyin irgen-i ba tenggeri qajar-a güèü nemekdejü altan mönggü a'urasun tabar irgen organ è imada abèirasuqai ali irgen ke'e'esü ene höröne Baqtat <...>».⁸⁹⁷ Первые военачальники Чингис-хана сравнивают себя (согласно переводу Козина) с тибетскими псами: «<...> ведь у нас – всюду враг от заката солнца и до восхода его. Натравил бы ты лучше нас, Тибетских псов своих, натравил бы на вражеский народ» («Сокровенное сказание». § 260).

Ф. В. Кливс в своем переводе оставляет оригинальный термин Töböd-üd, а в примечании указывает, что речь, возможно, идет о «тибетских псах».⁸⁹⁸ Авторы английского,⁸⁹⁹ французского⁹⁰⁰ и немецкого⁹⁰¹ переводов также считают, что речь идет

⁸⁹⁵ Об этих терминах, см.: Щербак А. М. Названия домашних и диких животных в тюркских языках // Историческое развитие лексики тюркских языков. М., 1961. С. 128.

⁸⁹⁶ Там же, с. 127.

⁸⁹⁷ Histoire Secrete des Mongols / Par L. Ligeti. (Monumenta Linguae Mongolicae). Budapest, 1971, p.235.

⁸⁹⁸ The Secret History of the Mongols. For the First Time Done into English out of the Original Tongue and Provided with an Exegetical Commentary by F. W. Cleaves. Cambridge Mass.-London, 1982. Vol. I, p. 202, 267.

⁸⁹⁹ The Secret History of the Mongols (Translation by Igor de Rachewiltz). Kap. XI. 30 // Papers on Far Eastern History 30 (1984), p. 99. (§ 260); comm., p.153. И. де Рахевильц ссылается на свидетельство Марко Поло о тибетских псах, ценимых за свою выносливость: «Есть у них большие собаки с осла, и ловки они диких зверей ловить» (Марко Поло. CXVI, с. 135). Но без собак не обходился ни один кочевой народ в Азии. Из сведений Марко Поло не вытекает необходимость престижного сравнения монголов с тибетскими псами. Следует также учитывать тот факт, что во времена Чингис-хана Тибет не был дружеской территорией для монголов.

⁹⁰⁰ Histoire Secrete des Mongols (Mongghol-un ni'uca tobciyan). Chronique mongole du XIIIe sie*cle, traduit du mongol, présenté et annoté par M.-D. Even et R. Pop; préface de R. N. Hamayon. Paris, 1994, p.226; comm., p.306.

о «тибетских псах», а самый удивительный перевод издан в Калмыкии.⁹⁰² Странность сравнения монгольских алхумчинов с тибетскими псами, хоть и вызывала сомнения, однако отсутствие параллельного примера закрывало путь для иных трактовок. Видимо, следует согласиться с точкой зрения У. Она, что выражение *Töböd-üd noxod* означает пастушьих псов, но ни как ни «тибетских» псов.⁹⁰³ С учетом сведений из словаря В. В. Радлова (*möböṃ* 'порода больших собак'), появляются дополнительные основания отказаться от «тибетских» псов. И, наконец, привлечение латинского известия, отражающего восточный текст, о земле *Burithebet* («волков-псов»), позволяет внести полную ясность в формулу *Töböd-üd noxod*. Если принять *töböd* в значении 'волк-кобель',⁹⁰⁴ то перевод будет выглядеть следующим образом: «Натравил бы ты лучше нас, волков твоих, псов твоих, на вражеский народ». Подобная трактовка представляется более приемлемой, нежели сравнение доблестных монгольских мужей с «тибетскими псами». Существует обоснованная точка зрения, что роды «волка» и «собаки» – самые распространенные у монголоязычных народов.⁹⁰⁵ Если все же согласиться с общепринятым переводом, то остается неясным характер престижного сравнения, в котором обозначен чужой этноним.

Итак, перед нами две письменные фиксации эпической формулы сравнения кочевого воина с волком-псом. Таким образом, легендарный контекст, в котором фигурирует Буритебет, имеет и лингвистическое соответствие (лат. <Buri>thebet = тюрк. *Töböd* 'кобель'). Неизвестный автор, описывая легендарный поход монголов в Буритебет, использовал смысловую игру омонимов *Töböd* и *Tebet*.⁹⁰⁶

Немаловажно и следующее обстоятельство: в родословном дереве Чингис-хана первопредок Буртэ-Чино (Серый Волк) – фольклорное олицетворение «народа волков», имеющего древнюю традицию управления и наведения порядка в беспокойном мире кочевников.⁹⁰⁷ Значимое для монгольской военной элиты сравнение с волками-псами

⁹⁰¹ Manghol un niuca tobca'an (Yüan-ch'ao pi-shi). Die Geheime Geschichte der Mongolen aus der chinesischen transkription im mongolischen wortlaut Wiederhergestellt von E. Haenisch. Wiesbaden, 1962, s. 91, komm., s. 122. Хениш пишет в комментарии: «*tobodut nohat* tibetische Hunde, beachte den Plural des Attributs: Tibeter-Hunde».

⁹⁰² «От захода солнца до восхода есть много враждебных народов. Если вы пошлете нас, своих *Тободов-слуг*, мы все враждебные народы милостью Неба и Земли покорим и золото, серебро, ткани и товары тебе отдадим!», см.: Сокровенное сказание монголов. Анонимная монгольская хроника 1240 года / Пер. П. А. Дарваева и Г. Г. Чимитова. Элиста, 1990. С. 244. В вольном переводе монгольское *похои* 'собака' превращается в «слуг».

⁹⁰³ По мнению У. Она: «The Chinese interlinear note gives 'Tibetan dogs' for *töböd-üt noxod*. However, *töböd* (plural *töböd-üt*) meant '(large) sheep dog'...», см.: The History and the Life of Chinggis Khan. (The Secret History of the Mongols). Translated and annotated by Urgunge Onon. Leiden; New York; Kobenhaven; Köln, 1990, p.154, comm., p. 344.

⁹⁰⁴ В «Сокровенном сказании» отмечены тюркские элементы, но слово *töböd* не вошло в их число, см.: Рассадин В. И. Тюркские элементы в языке «Сокровенного сказания монголов» // «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995. С. 108-115.

⁹⁰⁵ Коновалов П. Б. Об историческом и этническом сознании средневековых монголов // «Тайная история монголов». Источниковедение, филология, история. Новосибирск, 1995. С. 36-37; Например, этноним *йэти-бёри* 'семь волков', см.: Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков. М.; Л., 1952. С. 33; К вопросу о «роде собаки» у тюрков см. также: Менгес К. Г. Восточные элементы, с. 102-105.

⁹⁰⁶ О различных формах написания термина *Тибет* в средневековых источниках см.: Róna-Tas A. Tibet // Documenta Barbarorum. Festschrift für W. Heissig / K. Sagaster, M. Weiers (Hrsg.). Wiesbaden, 1983, s. 326-329.

⁹⁰⁷ Коновалов П. Б. Об историческом и этническом сознании, с. 46.

представлено в романе с обратным смыслом. Напомню, что в романе, как правило, инверсии подвергаются военные знаки и символы.

Таким образом на карте легендарного маршрута монгольского войска появляется область Буритебет – земля ‘волков-псов’, которая столь же реальна, как и предшествующая ей, Земля псов. Версия романа в переводе брата Бенедикта демонстрирует, кроме Буритебета, целый ряд таких же придуманных названий, например, Нохой-Кадзар – ‘Земля псов’, область Укорколон – область ‘быченогих’, земля Нараирген – земля ‘людей солнца’. Реальных топонимов в романе нет. Итак, на первый из заданных в начале главы вопросов, видимо, можно дать такой ответ: в романе земля Буритебет, с ее достойным сожаления обычаем, существует как вымысел, имеющий под собой реальное основание.

Соглашаясь с гипотетичностью представленной версии, предлагаю рассмотреть дополнительные сведения о Тибете, собранные другими средневековыми авторами и путешественниками. Очевидно, что дальнейшее исследование должно вестись в двух намеченных плоскостях. Ранее мы условились рассматривать сюжет в двух культурных пространствах, в которых Буритебет и Тибет соотносятся как легенда и реальность. Приведенные ниже факты либо подтвердят, либо поставят под сомнение выдвинутую гипотезу о вымышленной области, которая является проекцией исторического Тибета. Вместе с тем, у меня есть ощущение, что ассоциация, позволившая автору романа обыграть название Буритебет, превратив его в мифическую страну, имела еще какие-то важные основания.

§ 8. Буритебет и Бури-Туббэт Рашид ад-Дина.

Согласно Рашид ад-Дину, область *Бури-Туббэт* располагалась на юго-запад от безводной степи у пределов Монголии и странами Хотан и Кашгар.⁹⁰⁸ Рашид ад-Дин различает названия Бури-Туббэт и Тибет; истоки Желтой реки (Хуан-хэ) он помещает в область Тибета.⁹⁰⁹ По мнению Е. И. Кычанова, Бури-Туббэт, упоминаемый Рашид ад-Дином, это государство тангутов, известное также под китайским названием Великое Ся.⁹¹⁰ Пелльо считал Буритебет (из донесения брата Иоанна) территорией Тангута.⁹¹¹ Независимое владение тангутов образовалось в X в. на северо-западной границе Китая. Территория этого государства охватывала современные Нинся, Ордос и северо-западную часть Ганьсу. Тангуты были покорены монголами в 1227 г. На территории Ордоса скончался Чингис-хан. Других свидетельств о том, что при жизни Чингис-хана монголы совершили поход на Тибет, кроме как в тибетском историческом сочинении XVIII в., нет. В «Хронологических таблицах» этого сочинения, в частности, говорится: «1206 год. – огня-тигра. <...> Чингэс прибыл в Тибет и стал владыкой всего тибетского Уйя, куда не входил Миньяг. <...>. 1226 г. – огня-собаки. 1227 г. – огня-свиньи <...> Чингэс-хан захватил тибетский Миньяг, после чего умер».⁹¹² Согласно сведениям

⁹⁰⁸ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 134.

⁹⁰⁹ Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 169.

⁹¹⁰ Консультация Е. И. Кычанова. См. также: Кычанов Е. И. Монголо-тангутские войны и гибель государства Си-Ся // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970; Бичурин Н. Я. История Тибета и Кукунора с 2282 года по Р. Х. до 1227 года по Р. Х. СПб., 1833. Ч. II; Рерих Ю. Н. Монголо-тибетские отношения в XI – XIV вв. // Филология и история монгольских народов. М., 1956; Кучера С. Монголы и Тибет при Чингис-хане и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970; Martin H. D. The Mongol Wars with Hsi Hsia // JRAS. 1942, pp. 195-228.

⁹¹¹ Pelliot P. A propos des Comans // JA. 1920. Vol. 15, pp. 182-183.

Рашид ад-Дина, в 1227 г. Чингис-хан скончался в пределах Тангута, когда он направлялся оттуда в область Нангяс.⁹¹³ В одной из неприступных областей Нангяс, согласно Киракосу Гандзакеци, обитали идолопоклонники, пожиравшие своих старых родителей. В 1235 г. великий хан Угедей устроил курултай, чтобы назначить царевичей и эмиров на окраины и рубежи своих владений. Угедей назначил своего сына Кучу и царевича Кутуку, сына Джучи-Касара, в Мачин, который называют Нангяс. Они отправились туда и разграбили по пути области Тибета.⁹¹⁴ Незадолго до прибытия францисканской миссии в Монголию, в 1240 г. в Тибет совершил поход Годан, сын хана Угедея и внук Чингис-хана. Могли ли сведения об этих военных экспедициях повлиять на замысел автора романа? Скорее всего, да.

В главе 3. 1. было высказано предположение о том, что разведывательный поход Бала-нойона на Пенджаб, в труднодоступные горные области на севере Индии в 1222 г., в котором Чингис-хан лично не участвовал, превращается в романе в поход второго войска, посланного против «Индии». Сейчас мы можем добавить, что на это событие накладываются вышеприведенные сведения о покорении Чингис-ханом тангутов, вторжениях монголов в тибетские области. Таким образом, легендарный маршрут второго войска (Малая Индия, Великая Индия – царство пресвитера Иоанна, Земля псов, Буритебет) в мифологической плоскости воспроизводит картину монгольских завоеваний в южном направлении.

В качестве несколько рискованной параллели к географии этого маршрута можно привести сведения Марко Поло, касающиеся некоторых областей Тангута. Речь идет о загадочном царстве Ергинул и области Егрегайя. Жителями их были христиане-несториане («есть там три христианских церкви несториан»), идолопоклонники и мусульмане. О местных жителях Марко Поло сообщает: «люди толсты, курносы, волосы черны; без бород и без усов. У женщин волосы только на голове, а в других местах волос нет»⁹¹⁵ (сведения о безбородости мужчин перекликаются с характерной чертой внешности жителей Буритебета: волос на подбородке у них нет по той причине, что они их постоянно выщипывают; к тому же они очень безобразны). Это горная страна, в которой водятся яки. Дорога в Китай из этих областей идет на юго-восток. На восток же оттуда расположена область Сендук, в которой живут подданные пресвитера Иоанна. И правит ими от имени великого хана шестой по счету потомок пресвитера Иоанна. Марко Поло подчеркивает, что там «властвуют христиане, но и идолопоклонников довольно, есть и мусульмане».⁹¹⁶

Наиболее интересным в этих сведениях является их соответствие географии похода второго войска монголов в «Романе о Чингис-хане»: в обоих случаях речь идет о царстве пресвитера Иоанна и Тангуте. Видимо, существовали какие-то общие представления в картине мира восточных авторов, которые позволяли разным людям, будь то переводчики или путешественники, которые провели много лет на Востоке, помещать царство пресвитера Иоанна именно в этой точке пространства, в труднодоступных горных областях на границе Тангута, который и был, собственно, реальным Бури-Туббэтом.

⁹¹² Пагсам-джонсан. История и хронология Тибета / Пер. с тибет. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск, 1991. С. 74-76; Ср.: Kwanten L. Chingis Khan's Conquest of Tibet. Myth or Reality ? // JAH 8, p. 1-20.

⁹¹³ Рашид ад-Дин. Т. II. С. 18; ср.: Рашид ад-Дин. Т. I. Кн. 2. С. 232.

⁹¹⁴ Рашид ад-Дин. Т. II. С. 36.

⁹¹⁵ Ср. В персидской космографии XIII в. о кара-китах сказано: «нет в мире народа красивее их, на их теле не бывает волос» («Чудеса мира». 463).

⁹¹⁶ Марко Поло, с. 93-94.

Известия различных средневековых авторов о жителях Тибета не позволяют с достаточной ясностью определить местоположение легендарного Буритебета, где люди ведут себя подобно волкам. Сведения о последнем попали только к участникам миссии 1247 г. Брату Вильгельму де Рубруку, который часто дополняет сообщения своего предшественника, брата Иоанна, известен подобный обычай, но неизвестно название Буритебет. Рашид ад-Дин, наоборот, употребляет название Бури-Туббэт, но ничего не говорит об обычаях его жителей. Тем самым косвенно подтверждается высказанная ранее гипотеза о том, что названия Буритебет и Бури-Туббэт являются омонимами.

В «Чудесах мира», персидском сборнике XIII в., где собраны бесчисленные описания необычных нравов разных народов, о тибетцах сообщается следующее:

«Тибетцы – племя, <живущее> по ту сторону Б.граджа.⁹¹⁷ У них есть храмы, сделанные из коровьих шкур. Внутри <храмы> украшены оленьими рогами. Как только ребенок выйдет из <чрева> матери, <тибетцы> сразу отвешивают ему земной поклон. Они почитают планеты Венеру и Сатурн. Там есть камень, который они жгут вместо светильника. Он похож на янтарь и дает яркий свет» («Чудеса мира». 150). «Туббат – красивая и веселая область. <...> Местное население лицом и обычаями похоже на арабов. Климат мягкий. Говорят, тот, кто посетил Тибет, всегда весел и жизнерадостен. У тибетских лошадей и верблюдов узкие глаза и широкий лоб. Его товаром является мускус. Говорят, что тибетский мускус – лучший <в мире>» («Чудеса мира». 423).

В поэме Низами Искандер совершает поход из Индии в Тибет, а затем, в пределы Китая, что отчасти напоминает маршрут второго войска монголов. Искандер изумлен тем обстоятельством, что земля Тибета вызывает беспричинный смех у его войск.⁹¹⁸ В персидских известиях нет ни интересующего нас топонима, ни упоминания о диких обычаях.⁹¹⁹

Согласно Марко Поло, «Тебет большая область; народ идолопоклонники и говорят особенным языком; страна, пограничная с Манги <Южным Китаем> и со многими другими областями <...>. В этой большой области восемь царств, а городов и замков многое множество. Во многих местах тут есть реки, озера и горы, где много песочного золота. Корица рождается тут в обилии. На кораллы тут большой спрос, и они здесь дороги; вешают их, ради красоты, на шеи женам и идолам. Выделяется в этой области *камлот* и другие золотые и шелковые ткани; много здесь таких пряностей, которых и не видели в наших странах. Скажу вам еще, здесь самые ловкие колдуны и самые лучшие их звездочеты; есть они также и в соседних областях. С вражьей помощью колдуют они и творят неслыханные и невиданные чудеса. <...> А область Тебет, знайте, принадлежит великому хану. <...> Добрых двадцать дней идешь по той стране, и нет тут ни постоянных дворов и никакого продовольствия; на все двадцать дней нужно запастись едой для себя и кормом для скотины; хищные звери, смелые и злые, попадают часто; остерегаться их нужно, они опасны. Замков и деревень тут, однако же, довольно. <...> Народ тут – идолопоклонники и злой; воровать и разбойничать за грех не почитается, таких насмешников и разбойников в свете нет. Живут они охотою, дичью; занимаются скотоводством и хлебопашеством <...>. Бумажных денег великого хана у них нет, и деньги они делают из соли; одежда бедная из звериных шкур, холщовая или шерстяная» (Марко Поло, с. 134-135).

⁹¹⁷ Переводчик оставляет топоним Б.градж под вопросом. Пассаж о тибетцах является пересказом сведений путешественника X в. Абу Дулафа, где также фигурирует термин Баградж, см. прим. 11.

⁹¹⁸ Низами, с. 248.

⁹¹⁹ Ср. со сведениями Гардизи (XI в.): «тибетцы едят вшей, совокупляются друг с другом, спускают волосы <на лоб>, подобно женщинам, и обвязывают их платком», цит. по: Бартольд. Сочинения. Т. VIII. С. 48-49; ср.: Minorsky, Marvazi, p. 28; Rockhill, The land of the Lamas, p. 209, n.1.

Брат Одорик де Порденоне совершил путешествие в Тибет, возвращаясь из Китая в Европу в 1325 - 1330 гг. Он пишет:

«Я направился в другую очень обширную провинцию, носящую название Тибот <Тибет> и лежащую на пути в Индию. Это царство подвластно великому хану <*magno Cani*>. Здесь можно найти хлеб и воду в таком величайшем изобилии, как нигде на свете. Жители этой страны живут в шатрах из черного войлока. Их главный город очень красив и построен весь из белого камня, а его улицы хорошо вымощены. Он называется Гота <Лхасса>. Никто в этом городе не осмеливается пролить кровь человека или даже животного из благоговения перед идолом, которому здесь поклоняются. В этом городе живет Обасси <далай-лама> – так называют они на своем языке местного папу. Он глава всех идолопоклонников и по своему усмотрению распределяет доходы страны».⁹²⁰

Приведенных сведений достаточно, чтобы убедиться в том, что Тибет и Буритебет (из донесений францисканцев) разные области.

Реальный Бури-Туббэт не означал «Тибет волков». Вымышленный же Буритебет демонстрирует прозрачную лингво-этнографическую конструкцию, в которой название земли и обычай ее жителей искусно подобраны друг к другу: в земле «волков-псов» обитают люди-волки. Реальное и вымышленное название соотносятся как омонимы. Игра омонимами открывает простор игре смыслами. И доказательство этому я вижу в следующем.

§ 9. Сведения брата Вильгельма и Киракоса.

Известия, к которым мы сейчас обратимся, принадлежат двум авторам XIII в., миссионеру-францисканцу и армянскому историку. Первый беседовал с очевидцами, второй использовал какие-то официальные документы, но ни тот, ни другой не бывали в земле Нангяс в Южном Китае. Тем не менее, их осведомленность убедительно показывает, что и автор романа, вполне мог обладать такими же сведениями.

Брату Вильгельму де Рубруку, который, совершая путешествие в Монголию в 1253 – 1254 гг., не преминул уточнить сведения брата Иоанна, неизвестно название Буритебет; он называет эту землю Тебет. Спрашивается, как могло в такой короткий срок исчезнуть или измениться название Буритебет. Единственно возможный ответ: земли с таким названием и, одновременно, с такими обычаями в реальности не существовало. Сведения брата Вильгельма заслуживают внимания и по другой причине. Он выяснил, что за тангутами «живут тибетцы, люди, пожиравшие прежде своих умерших родителей, так как по чувству сыновней любви они не признают для них другой могилы, кроме своих внутренностей. Теперь, однако, они это оставили, так как стали возбуждать отвращение у всех народов. Однако они все еще делают красивые чаши из голов родителей, чтобы при питье из этих чаш вспоминать о родителях во время своего наслаждения. Это рассказал мне очевидец» (XXVI, 3).⁹²¹

Изготовление чаш из человеческих черепов – древняя традиция кочевников Центральной Азии.⁹²² В XIII в. этот обычай существовал, например, у найманов.

⁹²⁰ Цит. по: Хенниг Р. Неведомые земли. М., 1962. Т. III. С. 188. Odoric, XXXIII, 3f (*Van den Wyngaert*, pp. 485-486); Yule, Cathay, II, pp. 251-254.

⁹²¹ На важность сведений брата Вильгельма обратил внимание Пейнтер (*Painter*, p. 72); см. также комментарий Рокхилла (*Rockhill*, pp. 152-153) и Франке (*Franke H. Tibetans in Yüan China // China under Mongol Rule / Langlois J. D. (ed.). Princeton, 1981, pp. 298-299, n. 8).*

⁹²² Об исторической интерпретации этой формы эндоканнибализма см.: Daffinà P. Il nomadismo centrasiatco. Roma, 1982. I, pp. 19-23; см. также: Воеводский Л. Ф. Этнологические и мифологические заметки. I. Чаши из черепов и тому подобные примеры утилизации трупов /

Известно, что государь найманов повелел отделать серебром череп Ван-хана, хана кераитов, и клал его на свой престол ради приобретения почета и для выражения величия.⁹²³ Отметим, что в донесении брата Иоанна не упоминается изготовление чаш из голов умерших родителей. Брату Вильгельму и Киракос, напротив, известно о подобных чашах. Сведения, сообщаемые Киракосом Гандзакеци, позволяют поставить точку в исследуемом сюжете. Отметим, что эти сведения отражают официальные китайские данные.

«Величайший из царей земли, властелин вселенной Мангу-хан в 707 <1258> году армянского летоисчисления собрал неисчислимое и несметное войско и направился к далекой стране на юго-востоке, против народа найнгам, так как последние восстали против него и не платили податей, как это делали другие страны. Ибо это были люди воинственные, страна их неприступна, а сами они – идолопоклонники. Они пожирали своих стариков и старух: собиралось все племя – сыновья, внуки и внучки, и убивали своих престарелых родителей, начиная резать со рта; затем, отделив мясо и кости, варили и съедали все без остатка. Кожу, же, содрав и превратив в бурдюк, наполняли вином, которое и пили через отверстие мужского члена все, кто принадлежал к этому племени, но не представители другого племени. Только те, кто происходил от него, обладали правом есть <мясо> и пить <вино>. А черепные кости отделявали золотом и из них пили весь год. Мангу-хан пришел к ним с войной, перебил и покорил <их> могущественной рукой. А на обратном пути домой настигла его смертельная болезнь и он скончался» (*Киракос Гандзакеци*, с. 228).

Согласно сведениям Рашид ад-Дина, события развернулись зимой 1256 г. «Менгу-каан летом дошел до области Тангут и Нангяс и закончил летовку в местности, которая называется Люпань Шань, а это то самое место, где Чингис-хан во время похода на Хитай, прибыв туда, заболел и скончался. Осенью <Менгу-каан> выступил в поход, направляясь на <...>, что находится в пределах Нангяса, и в тех окрестностях он взял двадцать крепостей <...>. Он расположился вокруг большой крепости, которую называют Дали Шанк <кит. Дяо-юй-шань>, и осадил ее».⁹²⁴

Известно, что великий хан погиб во время осады крепости Дяо-юй-шань в Сычуани. Эта область под названием Синда-фу описывается Марко Поло и по его сведениям она граничит с Манзи; от Тибета ее отделяет путь длиной в пять дней.⁹²⁵ Другими словами, область, с интересующим нас обычаем, не входила в пределы Тибета. Передаваемое Киракосом название народа – найнгам (от кит. *нань-цзя* (**нань-гя*) – ‘южанин’) относится к обитателям Южного Китая и имеет слишком общий характер. Известно, что Южный Китай назывался китайцами Мачин (Манзи от кит. *мань-цзы* – ‘южные варвары’), а монголами – Нангяс; оба названия относились к владениям династии Сун.

В дополнение к названным свидетельствам можно привести фантастический рассказ из персидской космографии XIII в., где также речь идет о ритуальном питье вина из черепа в стране под названием Мачин:

«В Мачине хранится человеческий череп, величина которого равна целому дому. В праздник приходят вельможи, наполняют тот череп вином и пьют из него. Когда выпьют

Записки Нового ун-та. Одесса, 1877. Т. XXV; *Клейн Л. С.* Черепа, покрытые смолой, в погребениях эпохи бронзы // СЭ. 1961. № 2; *Липец Р. С.* Отражение этнокультурных связей Киевской Руси в сказаниях о Святославе Игоревиче (X в.) // Этническая история и фольклор. М., 1977. С. 217-257.

⁹²³ *Рашид ад-Дин*. Т. I. Кн. 2. С. 134.

⁹²⁴ *Рашид ад-Дин*. Т. II. С. 146.

⁹²⁵ *Марко Поло*, с. 133.

все, наливают снова и говорят: „Бойтесь же Господа, который сотворил таких людей, а в конце погубил их. Судьба всех зависит <только> от него!“ Это скажут и расходятся. Чей это череп, никому не известно» («Чудеса мира». 354).

У нас нет оснований сомневаться в достоверности китайских известий о народе найнгам, передаваемых Киракосом Гандзакеци. В этногеографическом плане известия Киракоса совпадают с аналогичным сообщением брата Вильгельма о народе, живущем за тангутами, и поскольку сведения получены ими из независимых источников, то можно настаивать на их достоверности. Земля, жители которой пожирали своих умерших родителей, была расположена в труднодоступных горах на границе Южного Китая и Тибета (область Нангяс известна и Рашид-ад Дину). Однако ни один из средневековых авторов не называет ее Буритебетом. Следовательно, подтверждается гипотеза об искусственной конструкции рассмотренного сюжета. Вполне вероятно, что автор романа соединил сведения об обычаях племен Южного Китая с реальным названием Бури-Туббэт, превратив его в Буритебет – область «волков-псов». Реальный Бури-Туббэт, перейдя в легендарное пространство романа, превратился в географический символ, одну из пограничных областей человеческого мира. Если бы на средневековой карте Центральной Азии не было бы названия Буритебет, оно непременно бы возникло в «Романе о Чингис-хане», ибо в представлениях монголов образ мифического волка-пса играл важную роль.

Других сведений о том, что в Тибете поедали трупы умерших, нет. Тибетцы-скотоводы, как и тангуты и другие кочевники ели павших животных. Что касается трупов умерших, то их первоначально или погребали в земле, или сжигали. Позже, с распространением буддийского вероисповедания – учения о перерождениях – тело покойного старались уничтожить: расчленив, скормить животным или хищным птицам, бросить в реку, сжечь, мумифицировать. Возможно, погребение в земле считалось неприемлемым по той же причине, которую приводит Марко Поло, сообщая об обычаях жителей острова Суматра.⁹²⁶ Считалось, что скормливание трупа животным, птицам, рыбам способствует поддержанию жизни живых существ. Согласно брату Одорику, какие-то племена Тибета съедают голову умершего отца, а тело выбрасывают птицам небесным на съедение. Скорее всего, брат Одорик допускает ошибку; видимо, в тех слухах, которые дошли до него, речь шла об изготовлении чаш из черепов умерших родителей, а не пожирании их голов. (Ср. в ламаистской обрядности в качестве священного предмета используется чаша, называемая *габала*. Она выпиливается из человеческого черепа и отделяется серебром и золотом⁹²⁷). Тот, чей труп поедался животными, птицами или рыбами, как бы приносил свое тело в жертву и тем самым увеличивал свои религиозные заслуги и тем самым приобретал надежду на лучшее

⁹²⁶ «Даграиан особенное царство, и язык тут свой особый; оно на том же острове, и есть там свой царь. Народ здесь очень дикий; почитает себя подвластным великому хану. Здешные люди идолопоклонники, и вот какой дурной обычай у них: когда кто, мужчина или женщина, заболит, родные зовут магов и просят узнать, выздоровеет ли больной; маги колдовством да через своих идолов узнают, выздоровеет ли он, или умрет; и вот тогда родные призывают людей, чтобы взяли они умирающего, положили ему что-нибудь на рот, и задохся бы он оттого; а как помрет он, родные его жарят; сойдутся все и съедают его всего, даже мозг в костях, чтобы ничего не оставалось. Если что-нибудь останется, говорят они, так черви заведутся и пропадут оттого, что жрать им нечего, а на душе покойника грех будет и вред ей; поэтому-то и съедают они покойника. А как поедят, соберут кости, сложат их в ящичек и несут в горы, в пещеры, в такое место, где ни зверь, ни какой злодей их не тронет, там и повесят <...>. Обычаи и нравы тут очень скверные» (Марко Поло, с. 179); Об островах людоедов в Южных морях, со ссылкой на сведения мореплавателей, сообщает ал-Бируни (*ал-Бируни*. Индия, с. 282).

⁹²⁷ Позднеев А. М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношениями сего последнего к народу. СПб, 1887. С. 98-99.

перерождение. Обычно труп оставляли на особо отведенном месте, где имелся плоский камень, испещренный буддийскими изречениями. Труп клали на камень и рассекали на части. Куски тела скармливали животным – собакам, свиньям, или птицам. Кости измельчали, смешивали с тестом и тоже скармливали птицам или животным.⁹²⁸

В заключение, в качестве исторических параллелей, приведем сведения Геродота об обычаях древних азиатских народов, весьма напоминающие обычаи жителей Буритебета. Известия Геродота важны как типологическое и ареальное свидетельство глубины традиции, согласно которой племена Азии имели обычай убивать и поедать стариков. И хотя трудно предполагать прямое влияние этих сведений на сюжет о Буритебете, все же исключать их из рассмотрения не следует.⁹²⁹

О массагетах Геродот передает: «<Никакого> предела для жизни человека они не устанавливают. Но если кто у них доживает до глубокой старости, то все родственники собираются и закалывают старика в жертву, а мясо варят вместе с мясом этих жертвенных животных и поедают. Так умереть – для них величайшее блаженство. Скончавшегося же от какого-нибудь недуга они не съедают, но предают земле. При этом считается несчастьем, что покойника по его возрасту нельзя принести в жертву» (*Геродот. I. 216*). Об обычаях исседонов сообщается: «Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубают на куски. Затем разрезают на части также и тело покойного отца того, к кому пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойного снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают его позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы. Жертвоприношения совершает сын в честь отца, подобно тому, как это происходит на поминальном празднике у эллинов» (*Геродот. IV. 26*). О кочевниках, питающихся сырым мясом, сообщается: «Из всех известных нам восточных азиатских народов у восхода солнца индийцы – первый народ, о котором у нас есть, по крайней мере, определенные сведения. Ибо восточнее Индии простираются пески и пустыня. В Индии есть много разных племен, говорящих на разных языках. Некоторые из них кочевники, другие же – нет <...>. К востоку обитают кочевые индийские племена, питающиеся сырым мясом. Они называются падеями. Обычаи их, по рассказам, вот какие. Когда кто-нибудь – мужчина или женщина – занедужит, то, если это мужчина, его убивают ближайшие друзья – мужчины же. Ведь, по их словам, недуг, снедающий больного, загубит для них его мясо. Они же, не внимая его словам, умерщвляют его и затем поедают труп. Если же недуг поражает женщину, то ближайшие родственницы больной поступают с ней так же, как мужчины. Что же касается старцев, то их торжественно закалывают <и приносят> в жертву <божеству> и также съедают» (*Геродот. III. 98-99*).

⁹²⁸ Консультация Е. И. Кычанова.

⁹²⁹ См. не совсем ясный намек в «Повести временных лет», где со ссылкой на Хронику Георгия Амартола (IX в.) сообщается об ужасных обычаях индийцев – антиподов блаженных рахманов: «Эти – убийцы, сквернотворцы и гневливы сверх всякой меры; а во внутренних областях их страны – там едят людей, и убивают путешественников, и даже едят как псы», цит. по: ПЛДР. XI – начало XII в. Л., 1978. С. 33.

3.10. Пароситы – «паром сытые»?

§ 1. Сюжет. Постановка проблемы.

В версии брата Иоанна о странствии монгольского войска к мифическим пароситам сказано: «Выйдя оттуда <из Великой Венгрии>, они шли *более на север и пришли к пароситам, у которых маленькие животы и малюсенький рот, как нам говорили. Они мяса не едят, но варят его; <а> сварив его, ложатся на горшок и вбирают в себя пар и только этим восстанавливают свои силы. Но, если что-нибудь съедают, то это <съедаемое> – очень небольшое» (V. 30).

Параллельное место из НТ гласит: «От этой земли <Великой Венгрии> они пришли к пароситам, которые высоки ростом, но шуплы и немощны. Имея живот маленький и круглый в виде небольшой чаши, они никогда не едят глотая, но живут паром. Ведь у них вместо рта маленькое отверстие и в то время, когда они варят мясо, положенное в горшок, они кормятся, ловя пар через <упомянутое> маленькое отверстие. А мясо, не заботясь о нем, бросают собакам. Итак, их <тартар> эти <люди> не заботили, потому что они испытывают сильное отвращение ко всему чудовищному» (НТ. § 21).

„In Ruscia vero in antea habuerunt Morduanos a sinistris, hi sunt pagani et habent capud retro rasum pro maiori parte; postea Byleros et hii sunt pagani; postea Bascardos qui sunt antiqui Ungari; postea Cynocephalos capud caninum habentes; postea Parocitas qui habent os parvum et angustum, nec quidquam possunt masticare, sed sorbicia sumunt et vaporibus carniū et fructuum reficiuntur,,. (Relatio Fr. Benedicti Poloni. § 7)⁹³⁰

Эпизод в целом, и фигурирующее в нем название удивительного народа – пароситов, представляют известную загадку; еще в XVIII в. ее пытался разъяснить Лерберг. Попытки большинства исследователей увидеть в сведениях францисканцев какие-то реальные известия о финских племенах⁹³¹ ничем не обоснованны. Как будет показано ниже, перед нами один из фрагментов «Романа о Чингисе», в котором представлен легендарный маршрут третьего войска монголов к северным пределам мира. Это войско, прежде чем возвратиться центр империи, должно было покорить мифические пространства и достичь крайних пределов в северной части мира. Описания пароситов, равно как и легендарных самоедов и быченок и песьелищих, составляют единую мифологическую картину и должны рассматриваться в едином контексте. Поход к фантастическим народам севера призван подчеркнуть тщетность и бессмысленность героических усилий Чингис-хана, который в своем стремлении покорить мир, посылает войска в области обитания монстров.

Эпизод с пароситами, равно как и с самоедами, имеет исключительно легендарный характер. Однако вопрос осложняется тем, что «Роман о Чингис-хане» сохранился только в переводе на латынь (мы не знаем как выглядел первоначальный текст). И поэтому трудно установить границы произвольных импровизаций переводчиков, сообщивших эти сведения францисканцам. Но в данном случае проблема решаема. В исследованиях по вопросу о пароситах наблюдается следующий парадокс:

⁹³⁰ *Sinica Franciscana*, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M., Quaracchi-Firenze, 1929, S. 135-143.

⁹³¹ D’Avezak. Rec. IV, 492; Beazley, p. 285; Risch, s. 153; Малеин, с. 211, прим. 104; Алексеев, с. 10; Wojtkowiak, s. 200, kom. 106. Особая точка зрения высказана в исследовании: Jurow W. Benedykt Polak jako ōredniowieczny zbieracz podań i legend o Tatarach // *Literatura Ludowa*. 20:1976, nr 6 (1977), s. 21-31.

большинство авторов считают, что этот этноним скрывает вполне реальный народ, и одновременно признают, что описание пароситов является не чем иным, как одним из вариантов античной легенды о питающихся запахом племенах Индии, известной по сочинениям Солина, Плиния (VII. 2) и Исидора Севильского.⁹³² Разумеется, этот парадокс мнимый: дело в том, что слово 'пароситы' не является этнонимом.

Поразительное совпадение анализируемого сюжета со сведениями ранних латинских авторов (восходящими к Мегасфену), возможно, объясняется тем, что при записи перевода францисканцы идентифицировали его с известным литературным эпизодом, и соответственно, изложили его в принятой на Западе форме.

§ 2. Обзор исследований.

Одна из первых попыток дать рациональное объяснение сюжету о пароситах принадлежит немецкому ученому XVIII в. А. Х. Лербергу. Он пишет: «Все это без сомнения значит то, что они подобно прочим жителям отдаленных северных стран, летом жили в своих юртах по целым неделям, хотя не дымом, но в беспрестанном и густом дыме, чтобы защититься от комарей и оводов, которые во влажных низменных местах размножаются до бесчисленности и для людей бывают очень несносны».⁹³³ Разумеется, объяснения Лерберга – не более чем историографический курьез, однако их поддержал Малеин.⁹³⁴

Итальянский исследователь П. Даффина, исходя из того факта, что поход на север к пароситам описывается после вторжения монголов в Великую Булгарию и Великую Венгрию, с некоторой осторожностью относит эти события ко временам Чингис-хана и первой западной кампании.⁹³⁵ Даффина высказывает предположение, что Parossiti, возможно, Borossit арабского географа аль-Идриси (XII в.) и, соотносит последних, с финно-угорским народом пермяков.⁹³⁶ На мой взгляд, Даффина совершает ту же ошибку, что и древнерусский переводчик «Романа о Чингисе», принимая легендарный поход на пароситов за отражение каких-то реальных событий. Столь прямолинейное прочтение текста, (когда этноним анализируется в отрыве от «этнографического» контекста), ничем не оправдано. Впрочем, далее Даффина отмечает, что брат Иоанн, так же, как и анонимный автор НТ, приписывает пароситам черты мифического народа астомов (Ἀστομοί), или безротых, описанных Мегасфеном (IV в. до н. э.).⁹³⁷ Находившийся при дворе индийского царя Кандрагупта Мауруа, Мегасфен рассказывал, что у истоков Ганга жили человеческие существа лишенные рта, которые питались паром от варящегося мяса, а также ароматом плодов и цветов, и имели вместо рта дыхательный орган. Они не выносили плохих запахов, и поэтому выживали с трудом,

⁹³² Jacoby F. Die Fragmente der griechischen Historiker, III C....., pp. 632-633.

⁹³³ Исследования, служащие к объяснению древней русской истории, А. Х. Лерберга. Перевел Д. Языков. СПб., 1819. С. 54.

⁹³⁴ Малеин, с. *

⁹³⁵ Daffinà, pp. 454-455.

⁹³⁶ Даффина ссылается на мнение Пейнтера (см. VM., p. 74. n. 1). Впервые эта точка зрения была высказана Авезаком (D'Avezak. Rec. IV, 492) и получила широкую поддержку, см., например: Sinor D. Introduction a l'étude de l'Eurasie centrale. Wiesbaden, 1963, pp.18-21.

⁹³⁷ Точно также рассуждает М. П. Алексеев: «Здесь проще видеть модификацию одного из легендарных преданий о народах востока, как видно из последующего, хорошо известных Плано Карпини; трудно только решить, в такой ли форме передано оно ему монголами, рассказывавшими о походе, или связалось у автора с воспоминаниями чтений классических авторов» (Алексеев, с. 10).

особенно когда оказывались в условиях военного лагеря⁹³⁸ (см. также: Страбон. XV. 1, 57; Плиний Старший. Естественная история. VII. 25; Исидор Севильский. Этимологии. XI. 3, 18). Даффина указывает, что происхождение сообщения Мегасфена не было прослежено, но, возможно, в нем содержится намек на *gandharva*, вид сверхъестественных существ индийской мифологии, название которых широко объяснялось как сочетание *gandha* – ‘запах’ и *arv* – ‘есть, вкушать’, и следовательно, имеет значение ‘ест запахи’.⁹³⁹ Как бы то ни было, заключает Даффина, остается неясным, каким образом черты асторов, о которых сообщает Мегасфен, были перенесены на пермяков XIII века.

На последний вопрос, в том виде как его формулирует Даффина, ответа нет, и в принципе, быть не может. Поиск скрытой реальности в известиях францисканцев бесперспективен. Даффина, видимо, прав лишь в одном: сведения о питающихся паром восходят к Мегасфену, но францисканцы не являются авторами сюжета странствий монголов в область обитания пароситов. К тому же следует отметить существенное различие между астомами и пароситами – последние имеют маленький рот, а астома безроты. Слово ‘пароситы’, вероятнее всего, своим появлением в сочинениях францисканцев обязано русскому переводчику. А поскольку речь идет о переводе «Романа о Чингис-хане», то, во-первых, весь эпизод в целом представляется литературным вымыслом, а, во-вторых, русским переводчиком в текст внесены существенные смысловые уточнения. Термин «пароситы», означает ‘паром сытые’, что подтверждается описанным способом поддержания жизни – они впитывают пар от варящейся пищи. Строго говоря, это вовсе не этноним, однако, именно так это название воспринято францисканцами, а вслед за ними, и большинством исследователей.⁹⁴⁰

Более продуктивным является вопрос о том, из какого круга источников автор Романа мог заимствовать античный сюжет. Обратим внимание, что в обеих версиях говорится о странствии монголов на север, а не о военном вторжении. Мотив странствий был ведущим в жизнеописании подвигов Искандера. Появление монголов у пароситов скорее напоминает познавательные экспедиции Искандера к удивительным народам, обитающим на краю мира. В таком случае, местоположение пароситов у северных пределов ойкумены является инверсией, использованного автором Романа сюжета о существах индийской мифологии.

§ 3. Гипотезы.

Первое, что обращает на себя внимание, неустойчивость латинской флексии в обоих источниках: слово склоняется то по первому, то по второму склонению. В латинских рукописях представлены следующие лексемы: *Parossite* *(*siue* *Parrossyte*, *siue* *Parossite*, *siue* *Parosite*, *siue* *Parositi*, *siue* *Parossiti*). Для НТ можно с достаточной уверенностью реконструировать основу *Paroscit-*, где *-sc-* идентично *-ss-* у брата Иоанна. Наибольшую трудность составляет огласовка первого слога. В НТ – это однозначно *-a-*. В главе IX брата Иоанна как будто реконструируется *Porossitas*. Правда, чтение Ван ден Вингарта радикально расходится с чтением Менесто и могло бы служить серьезным основанием для сомнений. Мы, однако, склонны больше здесь доверять Менесто, прежде всего потому, что его чтение подкреплено его же чтением в р-си D. Наличие (неустойчивой) флексии может указывать на то, что слово взято из языка флективного типа, то есть, скорее всего, от русских информаторов, но это правило не является

⁹³⁸ Rawlinson H. G. *Intercourse between India and the Western World*. Cambridge, 1916 (1926²), p. 66.

⁹³⁹ Daffinà, pp. 454-455, со ссылкой на: L. De La Vallée Poussin. *L'Abhidharmakosa de Vasubandhu*. Paris-Louvain, 1926. II, pp. 47-48. Ср.: Алексеев, с. 11.

⁹⁴⁰ Kappler C. *Monstres, démons et merveilles a la fin du Moyen Bge*. Paris, 1980.

обязательным. Вместе с тем, уникальное сообщение о народе, питающемся исключительно паром (*fumus* у брата Иоанна и – еще однозначнее – *uapor* в НТ) позволяет предположить, что мы имеем дело с русским композитом, в котором первым элементом было др.-рус. *пара* или ц.-слав. *паръ*, а второй основой – *сыт-* (об окончании, то есть и о части речи – существительное или прилагательное – судить труднее). С фонетической точки зрения эта этимология проблем не вызывает. Альтернативное написание одинарного или двойного *-s-*, скорее всего, связано со стремлением передать глухоту русского *-с-*. Рус. подударное [ы] после глухого воспринимается иностранцем обыкновенно как [i] (как и наоборот; ср. топоним *Шушары* и исходное приб.-фин. *Suosaari*). Единственная остающаяся трудность – это императивная необходимость восстанавливать *-a-* в первом слоге в гл. IX, так как рус. [a] не может передаваться иноязычным [o]. Впрочем, альтернация *-a/-o-* характерна для рукописей брата Иоанна. Кроме того, *-a-* в первом слоге подтверждается двумя другими примерами из брата Иоанна и двумя же – из НТ. К сожалению, однако, у нас пока нет достаточно убедительных примеров аналогичных композитов в древнерусском языке.

§ 4. «Питающиеся запахами».

Рассмотрим античные и раннесредневековые свидетельства о племенах, питающихся запахом. Г. Плиний Старший пишет: "Megasthenes gentem inter Nomadas Indos narium loco foramina tantum habentem, anguium modo loripedem, vocari Sciritas. ad extremos fines Indiae ab oriente circa fontem Gangis Astomorum gentem sine ore, corpore toto hirtam, vestiri frondium lanugine, halitu tantum viventem et odore, quem naribus trahant. nullum illis cibum nullumque potum, radicum tantum florumque varios odores et silvestrium malorum, quae secum portant longiore itinere, ne desit olfactus; graviore paulo odore haud difficulter exanimari., (Plin. *N.H.* 7, 25). «Они не имеют рта <...> и живут только воздухом и запахами, которые впитывают через носовые отверстия. Они не едят и не пьют, но во время путешествия, чтобы не испытывать никакого недостатка в питании, носят с собою благоухающие корни, цветы и фрукты, которые они и нюхают; но слишком сильный запах, напротив, для них может легко сделаться смертельным».⁹⁴¹

В другом месте Плиний сообщает более существенные для нашего сюжета сведения об эфиопах со сросшимся ртом и питающихся растительной пищей: "Universa vego gens Aetheria appellata est, deinde Atlantia, mox a Vulcani filio Aethiope. animalium hominumque monstificas effigies circa extremitates eius gigni minime mirum, artificii ad formanda corpora effigiesque caelandas mobilitate ignea. ferunt certe ab orientis parte intima gentes esse sine naribus, aequali totius oris planitie, alias superiore labro orbas, alias sine linguis. - Pars etiam ore concreto et naribus carens uno tantum foramine spirat potumque calamis avenae trahit et grana eiusdem avenae sponte provenientis ad vescendum. quibusdam pro sermone nutus motusque membrorum est" (Plin. *N.H.* 6. 187-188). «И несколько не удивительно, что в дальних пределах страны эфиопов <вечно> изменчивым огнем, который искусно создает там формы тел и „чеканит“ образы, порождаются диковинного вида животные и люди. Во всяком случае, сообщают, что в самой внутренней части <страны> на востоке существуют племена <, люди которых> без носов, все лицо их ровная плоскость, другие якобы лишены верхней губы, третьи без языка. – <Имеется> также разновидность <эфиопов> со сросшимся ртом и лишенных ноздрей, которые дышат только через одно отверстие и через него же втягивают влагу

⁹⁴¹ Цит. по: Алексеев, с. 11; West M. L. Megasthenes on the Astomi // *Classical Review* 14. 1964; Bianchi E. Teratologia e geografia: L'omo monstruosus in autori dell'antichita classica // *Acme* 34. 1981, pp. 227-249; Friedman J. B. The Monstrous Races in Medieval Art and Thought. Cambridge, Mass., 1981, pp. 27-29.

при помощи стебля тростника, а семена того же дикорастущего тростника <употребляют> в пищу».⁹⁴²

Страбон, со ссылкой на Мегасфена, пишет о безротых людях: «Это были кроткие люди, живущие у истоков Ганга. Питаются они только испарениями жареного мяса и запахами плодов и цветов, так как вместо ртов у них лишь дыхательные отверстия; они страдают от зловония и поэтому с трудом выживают, в особенности в военном лагере» (Страбон. XV. 1. 57).

Далее, эти сведения попадают в раннехристианскую литературу. Например, бл. Августин, перечисляя диковинные народы, упоминает и безротых («у иных нет рта, а поддерживают они жизнь только посредством дыхания через ноздри»)⁹⁴³.

Сведения об Индии продолжали волновать христианских писателей. В сирийской литературе нашли отражение вполне реальные сообщения об индийских отшельниках, соблюдавших различные пищевые запреты. Вместе с тем, мы не имеем прямых указаний на то, откуда автор Романа заимствовал сюжет о людях, питающихся паром. Труд об Индии Бар Дейсана (нач. III в.), уроженца г. Эдессы в Месопотамии, христианского богослова, одного из основоположников сирийской литературы, не сохранился до наших дней. Однако, выдержки из этого сочинения обильно цитирует более поздний автор, Порфирий (конец III в.). Порфирий в главе с характерным названием «О воздержании от животной пищи» пишет: «В обществе индийцев, разделенном на множество <разрядов>, есть некий род святых мудрецов, которых эллины обычно называют гимнософистами <т. е. нагими мудрецами>. Среди них существуют две секты: брахманы, которым отдается преимущество, и саманеи. <...> – Из этих философов одни живут в горах, другие – у реки Ганг. Горные философы питаются плодами и коровьим молоком, заквашенным на травах, а живущие у Ганга – плодами, в изобилии растущими вблизи этой реки. Ибо земля дает постоянный урожай плодов и, кроме того, много дикого риса, который они употребляют в пищу, когда не хватает плодов. Употребление в пищу чего-либо другого, равно как и прикосновение к животной пище, рассматривается ими как верх нечистоты и бесчестия».⁹⁴⁴

В версии брата Иоанна оговаривается, что пароситы иногда съедают что-нибудь, и в обеих версиях утверждается, что эти существа отвергают мясо. Ипполит Римский (нач. III в.) в сочинении «Опровержение всех ересей» (I. 24) пишет: «Есть и у индийцев секта философствующих среди брахманов, которые ведут обособленный образ жизни, воздерживаются от всякой животной пищи, а также от пищи, приготовленной на огне. Они довольствуются плодами, но не сорванными с деревьев, а подобранными с земли».⁹⁴⁵

⁹⁴² Г. Плиний Старший. VI. 187-188, цит. по: История Африки, с. 125; Walter H. De nato Ethiope - Ein Beitrag zum Nachleben des älteren Plinius im Mittelalter // Rheinisches Museum 111. 1968, ss. 64-68.

⁹⁴³ Блаженный Августин. О граде Божием. М., 1994. Т. III. Кн. 16, 8.

⁹⁴⁴ Цит. по: История и культура Древней Индии: Тексты / Сост. А. А. Вигасин. М., 1990. С. 295-296.

⁹⁴⁵ Там же, с. 297-298.

3.11. «Самоеды» (загадка перевода)

§ 1. Поход к северным пределам мира. Композиция.

Согласно версии НТ (*Historia Tartarorum*), Чингис-хан став императором, «распределил три войска <идти воевать> в три части света, чтобы они покорили всех людей, которые живут на земле» (НТ. § 11). Одержав победы над соседними и дальними народами, монгольские армии переходят границы освоенного мира и попадают в мифические пространства, где уже вынуждены сражаться с необычными противниками. Одна из причин, по которой армии не смели сразу же вернуться в центр империи, их стремление избежать смертного приговора. Приказ Чингис-хана запрещал им возвращение до истечения установленного срока.⁹⁴⁶

Как показано в главе 3.1 план мировой экспансии является завязкой «Романа о Чингис-хане»; там же нашла объяснение причина, побудившая автора романа изобразить охват мира монгольскими армиями в двух направлениях: северном и южном. Основное действие романа разворачивается в фантастических мирах, описание которых заимствовано из восточных космографий, поэмы Низами Гянджеви «Искандер-наме» и других источников.⁹⁴⁷ Обитатели большинства легендарных стран (Земли псов, «люди солнца», войско пресвитера Иоанна) нанесли монголам сокрушительные поражения, другая же часть легендарных народов не оказала им сопротивления. Результатом военных экспедиций в три части света явится рождение квазиимперии, которая по своим масштабам превосходит реальную империю монголов. Легендарная империя раздвигает свои границы до областей, населенных пароситами (питающихся паром), самоедами, быченогими и песьелицами, ассиметричными людьми, немymi существами с негнушимами в коленях ногами, черными эфиопами и т. д. Замысел мировой экспансии обречен, гибель империи закодирована в самом процессе ее рождения. Попытки Чингис-хана нарушить границы Космоса влекут божественные санкции — император погибает от удара грома. Завершается Роман пророчеством, в котором, в согласии с 60-летним китайским циклом обновления, монгольскому могуществу наступит конец.

Панорамный взгляд на историю рождения легендарной империи Чингис-хана (известной нам из двух донесений францисканской миссии 1247 г.), позволяет увидеть трехчастную композицию «Романа о Чингисе». Каждая из частей посвящена покорению мира в одном из возможных направлений: южном, северном и восточном. Однако большинство исследователей не разглядело в изложении легендарных событий, перемешанных в донесении брата Иоанна с реальными фактами, композиционный замысел неизвестного автора. Версия перевода брата Бенедикта сохранила композицию сочинения в ее изначальном виде. Вопрос, который незримо присутствует в каждом исследовании (и который решается не в пользу францисканцев) — отдавали ли они себе отчет, что фиксировали вымышленные сведения. Так, например, перечислив легендарные сюжеты пятой главы из донесения брата Иоанна, И. де Рахевильц замечает:

«За исключением этих историй, и случайных отсылок к кинокефалам, моноподам и другим монстрам, обычно повторно относимых к арктической области и недоступным

⁹⁴⁶ НТ. § 18.

⁹⁴⁷ С этим утверждением согласно большинство исследователей, признающих существование «Романа о Чингисе», см.: Painter, p. 49; комментарии Даффина к пятой главе донесения брата Иоанна (Daffina, pp. 420-461); Guéret-Laferté M. Sur les Routes de l'Empire Mongol. Paris, 1994, p. 301.

пустыням, отчет брата Иоанна свободен от мифических элементов и чудес». ⁹⁴⁸ В другой своей статье этот исследователь пишет, что огромная территория, пересеченная францисканцами была для них *terra incognita*: то, что они знали относительно Азии, взято ими почти полностью из географических знаний средневековых энциклопедистов. И следовательно, по мнению Рахевильца, не стоит удивляться тому, что описание народов и мест дополняется францисканцами сведениями, почерпнутыми из западных географических описаний. ⁹⁴⁹

Согласно концепции Рахевильца, вымышленные истории, передаваемые братом Иоанном, носят случайный характер и никак не взаимосвязаны друг с другом. Как в таком случае объяснить, что во всех фантастических битвах подчеркивается одна и та же деталь: превосходство противников над монгольскими лучниками? Анализ изъятых из легендарного контекста этнонимов, топонимов и даже целых эпизодов, с неизбежностью упирается в неразрешимые противоречия, которые, как правило, игнорируются. Классический пример такого анализа — попытка Шинора в монгольском названии земли *Нараирген* ‘люди солнца’ из НТ увидеть первое упоминание Японии в латинских текстах. ⁹⁵⁰ Эта точка зрения обосновано отвергнута Бойлем. ⁹⁵¹ Только погружение сюжета в широкий легендарный контекст позволяет выяснить его происхождение и дальнейшую метаморфозу в согласии с авторским замыслом. В качестве другого примера можно привести историографию вопроса о самоедах, которые в латинских источниках впервые упоминаются в донесении брата Иоанна и в «Истории Тартар» брата Ц. де Бридиа (см. ниже). Но если сюжет о Нараирген имеет достаточное количество внутренних характеристик, позволяющих успешно вести поиск параллельных текстов, то отдельные фрагменты описания северного маршрута слишком лаконичны. Однако в эти фрагментах есть общий параметр, позволяющий предполагать единство композиции.

Предметом исследования в настоящей главе являются сведения из отчетов францисканской миссии 1247 г. о походе третьего монгольского войска к северным пределам мира, и в частности, в области, заселенные самоедами. Необходимость композиционного подхода к этим сведениям диктуется следующими соображениями:

1) Поход монголов напоминает не военную экспедицию, а странствие, потому что ни с одним из северных народов они не сражаются. ⁹⁵² Следовательно, можно предположить, что перед нами цельная композиция, заимствованная из какого-то литературного источника, описывающего аналогичное путешествие на север с познавательной целью.

2) Вымышленный характер маршрута, где упоминаются земли «питающихся паром», а также быченок и песьелицких людей, сомнений не вызывает. При этом возникает вопрос: являются ли эти персонажи символическими фигурами традиционной

⁹⁴⁸ I. de Rachewiltz. *Papal Envoys to the Great Khans*. London, 1971, p. 108.

⁹⁴⁹ I. de Rachewiltz. *Prester John and Europe's Discovery of East Asia* // *East Asian History* 11. June 1996, p. 68.

⁹⁵⁰ Sinor D. *Mongol and Turkic Words in the Latin Versions...*, pp. 542-545.

⁹⁵¹ Boyle J. A. *Narayrgen or the People of the Sun* // *Altaica collecta* (Berichte und Vorträge der XVII. Permanent International Altaistic Conference 3. — 8. Juni 1974 in Bonn / Bad Honnef) / W. Heissig. Wiesbaden, 1976, pp. 131-136; I. de Rachewiltz. *Prester John and Europe's Discovery of East Asia*, p. 69.

⁹⁵² «Мирный» характер этого странствия не может не вызывать удивления. Так, например, Марко Поло передает легенду о северной Стране тьмы, куда вторгаются татары с целью *огрбить* ее обитателей, подробнее см. § 3 в главе 5.12.

(неосознаваемой) картины мира или перед нами искусственно сконструированный сюжет. Ведь не случайно же автор направляет монголов в эти области.

3) Каждый из северных народов имеет свое название. Как объяснить, что два легендарных названия (пароситы и самоеды) имеют русское «происхождение», два других — *укорколоны* ‘быченогие’ и *нохойтерим* ‘собакоголовые’ являются монгольскими названиями, а ассиметричные существа, обладающие одной рукой и одной ногой, названы в отчете брата Иоанна латинским термином *циклопеды* (круглоногие), а в НТ они именуются *унипедами* (одноногими). Пока лишь ясно, что монгольские, русские и латинские термины свидетельствуют о факте перевода текста, зафиксированного францисканцами.

4) Единственный, и видимо, последний наблюдатель, у которого вызвал удивление поход монголов в северные области, населенные монстрами, был францисканец Вильгельм де Рубрук. В своем отчете, датированном 1255 г., он дает достоверное описание северных пределов Азии. Никто не смог подтвердить ему историю легендарного монгольского похода; к тому же, как обнаружил брат Вильгельм, никакие чудовищные народы на севере вообще не обитают. Казалось, что настойчивые поиски брата Вильгельма могли бы увенчаться находкой сведений фольклорного характера, но этого не произошло. Следовательно, анализируемый сюжет отражает какой-то неизвестный литературный источник.

Прежде, чем приступить к анализу сведений, касающихся каждого из названных персонажей, попробуем оценить ситуацию в целом. Перед нами две задачи. Нужно определить исходный («первичный») текст, содержащий аналогичную композицию — описание путешествия и перечень народов, и второе — объяснить цель заимствования. Что означает странствие монголов по мифическим северным территориям?

Согласно обоим версиям францисканцев, одна из трех монгольских армий, возглавляемая Джучи-ханом, одержав победу на русскими и команам в битве на Калке, устремляется на север. «Историческая» составляющая замысла легендарной экспедиции Джучи-хана рассматривается в главе 3.1, где показано, что содержание сюжета балансирует на грани вымысла и реальности. Остается выяснить происхождение легендарных сведений, позволивших перенести действие похода в мифические пространства. При этом следует помнить, что в нашем распоряжении имеются только латинские версии перевода сочинения, написанного на восточном языке. А какими литературными источниками располагал неизвестный автор, творя мифическую реальность, мы точно не знаем.⁹⁵³ К тому же, легко предположить, что в процессе перевода, в котором участвовали русские священники, в текст могли быть внесены поправки, ошибки, и сомнительные, с современной точки зрения, идентификации.

Как уже сказано, версия НТ (*Historia Tartarorum*) сохранила композицию переводного сочинения в более полном виде. Согласно НТ третье войско монголов,

«возвращаясь в земли свои, на обратном пути захватили некоторые земли на севере, а именно: бастархов, то есть Великую Венгрию, которая соседствует с морем-океаном на севере. От этой земли они пришли к паросситам, которые высоки ростом, но щуплы и немощны. Имея живот маленький и круглый в виде небольшой чаши, они никогда не едят глотая, но живут паром. Ведь у них вместо рта маленькое отверстие и в то время, когда они варят мясо, положенное в горшок, они кормятся, ловя пар через <упомянутое> маленькое отверстие. А мясо, не заботясь о нем, бросают собакам. Итак, их <тартар> эти <люди> не заботили, потому что они испытывают сильное отвращение ко всему чудовищному. После этого они прибыли к неким <людям>, которые

⁹⁵³ Литературный, а не фольклорный характер этих сведений сомнений не вызывает, подробнее см. § 3 в главе 5.12.

называются самоеды. Но и эти люди их не заботили, потому что они люди бедные и лесные, и живут только охотой. Наконец, они прибыли к тем, которые зовутся укорколон. *Укор* по-татарски означает по-латыни ‘бык’, *колон* — ‘ноги’: <получается>, так сказать, ‘ноги быка’, или они называются нохойтерим: *нохой* означает ‘пес’, *терим* — ‘голова’, то есть ‘голова пса’, по-латыни же говорится ‘песьи головы’. У них бычьи ноги вниз от лодыжек, человеческая голова от затылка до самых ушей, но лицо во всех отношениях как <морда> пса, и поэтому они именуются по своей переродившейся части. Они говорят два слова, а третье пролаивают, и ввиду этого они также могут называться *псами*. Они также <люди> лесные и в беге соответствующим образом проворны. И они <татары> последних сходным образом презирают. Итак, вернувшись в свою землю, они нашли Чингис-кана пораженным <на смерть> ударом грома. Кроме того, татары сообщили нашим братьям, что они побывали в земле неких людей, у которых были только одна нога и одна рука <и> которым никто не мог причинить вред вследствие скорости их <передвижения> и силы стрел. Ведь один <из них> натягивает лук, а другой пускает стрелу сильнее, чем любой <другой> народ. Говорят также, что своей скоростью они превосходят не только жителей других стран, но даже всех четвероногих на земле. <...> А зовутся они унипедами <одноногими>» (НТ. §§ 20-22).

Предполагаемый параллельный текст должен включать аналогичные элементы и аналогичную фабулу. Учитывая, что перед нами перевод авторского текста на латынь, трудно ожидать сохранения первоначальных названий (в версии брата Иоанна нет монгольских лексем), но описательные характеристики должны совпадать. Дальнейшие размышления на эту тему исходят из того, что автор Романа использовал какой-то источник легендарных сведений о северных областях. В легендарном описании путешествия уйгурских послов (конец VIII в.) упоминается и царство псов и область быченогих.⁹⁵⁴ Аналогичные сведения нашли отражение и в описании китайским чиновником Ху Цяо (X в.) земель к северу от киданей. В его донесении, как и в нашем сюжете, в перечне северных народов встречаются люди с бычьими ногами, за ними обитают племена, которые питаются сырым человеческим мясом; далее на север лежит Собачье владение, а также сообщается о многолетнем путешествии киданей к северным пределам мира. Кажется, характер указанных совпадений не случаен, поэтому приведем сведения Ху Цяо полностью. Рассказ Ху Цяо сохранился в компиляции автора XIII в. Е Лун-ли: к северу от киданей «живут *хэйчэцзы*, искусно изготовляющие телеги с юртами. Они с почтением относятся к родителям. Земли бедные, ничего на них не растет <...>. Далее на север живут *нюти туцзюэ*. У них туловище человека и ноги быка. Земля их еще более холодна. Есть река, называемая Хулухэ. Летом и осенью на ней лед толщиной в два чи, а весной и зимой она промерзает до дна. Чтобы напиться, лед приходится растапливать на огне в сосудах. — На северо-востоке живут *вацзецзе*. Они ходят с растрепанными волосами и накидывают на себя полотно, служащее одеждой. Ездят верхом без седла. Имеют большие луки, длинные стрелы и великолепно стреляют. Если кого-либо встречают на дороге, убивают и мясо убитого едят сырым. <...> Далее на север лежит владение Гоу-го <Собачье владение>. Народ здесь имеет туловище человека и голову собаки, покрыт длинной шерстью, поэтому не носит одежды. Голыми руками борются с хищными зверями. Разговор <их> похож на рычание собаки. Жены <у этого народа> как обычные люди, умеют говорить по-китайски. Рождающиеся мальчики становятся собаками, в то время как девочки становятся человеком. Вступив в брак, живут в норах, <мужья и сыновья> едят сырую пищу, а жены и дочери питаются как обычные люди. <...> Кроме того, мне говорили, что как-то кидане отобрали двадцать лошадей, пробегающих в день по сто ли, и отправили на север десять человек, снабдив их сухим продовольствием. Я расспросил, что они видели, и получил следующий

⁹⁵⁴ Bacot J. Reconnaissance en Haute Asie Septentrionale par cinq envoyés ouigours au VIIIe siècle // JA. 1956. Vol. 244, pp. 137-154.

ответ. Проехав земли племени *хэйчэцзы* и владения *нюти-го*, посланные целый год ехали на север, миновав сорок три города, жители которых по большей части строили дома из коры деревьев. Поскольку не было переводчика с их языка, названия владений, местностей, гор, рек, племен и родов остались неизвестными. В этих землях на равнинах тепло, а в горах, покрытых лесами, холодно. В тридцать третьем городе нашелся человек, умевший говорить на языке *тедяней*, и его речь была совершенно понятной. Он сказал, что эта местность называется Селиуюйсеянь. К северу от нее стадами ползают змеи, бегают хищные звери, ходят оборотни, так что туда нельзя ехать. После этого посланные вернулись обратно. Они доехали до предела стран, расположенных на севере» (Е Лун-ли, с. 328-329).

Трудно настаивать на том, что сведения именно из этого китайского источника были заимствованы автором Романа. Возможно, существовал какой-то иной текст с аналогичным содержанием. Но близость композиций позволяет настаивать на существовании литературного источника, использованного автором Романа. Напомним, что брат Вильгельм, находясь при монгольском дворе, записал со слов китайских монахов две китайские легенды, имеющих древнее происхождение, а армянский царь Хетум там же услышал китайскую легенду о Стране псов. Таким образом, у нас есть некоторые основания продолжить сопоставительный анализ аналогичных эпизодов из китайского источника и нашего сюжета. По крайней мере, этот путь представляется более продуктивным, нежели поиск несуществующей реальности в сведениях францисканцев.

§ 2. Самоеды. Постановка проблемы.

Сведения о самоедах в обоих версиях крайне лаконичны. Третье войско монголов, призванное покорить северные пределы мира, достигает края земли у Океана. По пути они встречаются с самоедами. Согласно версии брата Иоанна, покинув область паросситов

«<...> они прибыли к самоедам. А эти люди, как говорят, живут только охотой; палатки и одежда у них также <сделаны> только из звериных шкур. Двинувшись оттуда дальше, они прибыли в некую землю над Океаном, где нашли неких чудовищ, у которых во всем <остальном> был человеческий облик, но ноги у них заканчивались <снизу> бычьими ногами, и также у них была человеческая голова, но лицо было, как псинная <морда>. <...> Оттуда они <тартары> вернулись в Команию, и некоторые из них до сих пор там пребывают» (V. 31).

Достоверность сообщения о самоедах сомнений никогда не вызывала. А в образе жизни «самоедов» легко угадывались охотники северных областей Евразии. Кажущаяся простота этого фрагмента не оставляет места для загадки.

В описании пути к тартарам брат Иоанн еще раз перечисляет северные народы, о которых ранее сообщалось в пятой главе:

*«С севера же к Комании, непосредственно за Россией, Мордвинами и Билерами, то есть Великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть Великая Венгрия; за Баскартами Поросситы и Самоеды, за Самоедами те, кто, как говорят, имеют собачью внешность и обитают на пустынных берегах Океана» (IX. 20).

Девятая глава написана братом Иоанном по настоянию папы Иннокентия IV уже по возвращении в Лион. Этот пассаж показывает, что Роман не воспринимался францисканцами как литературное произведение, и поэтому они использовали его фрагменты при описании тех или иных ситуаций.

Параллельный пассаж у брата Ц. де Бридиа гласит:

«После этого <пребывания у паросситов> они прибыли к неким <людям>, которые называются самоеды, но и эти люди их не заботили, потому что-де они люди бедные и дикие и поддерживают жизнь только охотой» (НТ. § 21).

Область лесных охотников самоедов расположена между племенами, которые питаются только паром и быченогими и песьеглавыми людьми, чья земля соприкасается с северным морем-океаном. Подобное соседство самоедов не может не вызывать удивления, и без сомнения, требует объяснения. Попытки расчленить сведения этого фрагмента на «реальные» и «легендарные» ничем не мотивированны. Как показано выше, перед нами цельная картина событий. При такой постановке вопроса характер известия о самоедах приобретает особый интерес. И насколько мне известно, вопрос об источнике этих сведений никем не ставился.

В первую очередь, возникает вопрос о происхождении термина самоеды в донесениях францисканцев. Кто мог назвать народ северных лесных охотников «самоедами»? Монголы или их соседи исключаются. Ниже в § 4 приводятся сведения арабских авторов о традиционных маршрутах торговцев мехами, в которых называются различные северные племена, кроме самоедов. Этноним «самоеды» встречается только в древнерусских источниках в описаниях областей, лежащих на северо-восток от Новгорода. Известно, что так далеко на север монгольские армии не заходили. Что же в таком случае означает упоминание «самоедов» в донесениях францисканцев?

Ф. Риш,⁹⁵⁵ и вслед за ним П. Даффина,⁹⁵⁶ равно как и большинство исследователей, принимают самоедов, о которых сообщают францисканцы, за вполне реальный народ.⁹⁵⁷ Таким же образом обстоит дело и в отечественной традиции, хотя иногда звучали и сомнения.⁹⁵⁸ Общее мнение выразил академик М. П. Алексеев:

«Рассказ Карпини о самоедах принадлежит к числу наиболее интересных известий хотя бы уже потому, что это одно из первых упоминаний самоедов в западноевропейской литературе».⁹⁵⁹

На свидетельстве брата Иоанна построена теория о южной прародине самоедов (в Саянских горах или верховьях Енисея), и вытесненных впоследствии оттуда монголами.⁹⁶⁰ И в этом случае, как и во многих других, вырванный из контекста эпизод

⁹⁵⁵ Risch, s. 153. Риш ссылается на сочинение Палласа (Pallas. Voyages. V, ss. 162-208).

⁹⁵⁶ Daffina, p. 455; Ср.: D. Sinor. Introduction à l'étude de l'Eurasie centrale. Wiesbaden, 1963, pp. 36-39.

⁹⁵⁷ Beazley, p. 285; Ср.: Р. Хенниг пишет, что сообщения брата Иоанна о том, что монголы в своих походах доходили до самоедов и Ледовитого океана, достойны внимания с культурно-исторической и географической точек зрения (Хенниг. Т. III. С. 46). Хеннигу оставалось только доказать, что монголы туда действительно доходили.

⁹⁵⁸ Оксенов А. Сношения Новгорода Великого с Югорской землей // Литературный сборник. Изд. ред. «Восточного Обозрения». СПб., 1885. С. 437.

⁹⁵⁹ Алексеев, с. 11. Ср.: Шастина, с. *

⁹⁶⁰ Алексеев, с. 11. См. также: Сибирская история. СПб., 1774. С. 74; Крестинин Вас. Рассуждения о начале и происхождении самоедов // Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1786. Ч. 2. {ОЛСАА. микрофильм. 7/26}; [Лерберг А. К.] Историческое исследование о Югорской земле в российско-императорском титуле упоминаемой. СПб., 1818. (Отг. из журнала Соревнователь просвещения и благотворения. 1818. Ч. 4. № 10. Труды Вольного об-ва любителей словестности); Кастрен. Русские самоеды // Современник. 1846. Т. 44; Н. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань, 1866. С. 34; Н. Костров. Обзор этнографических сведений о самоедских племенах, обитающих в Сибири // Труды III международного съезда ориенталистов в Петербурге. СПб., 1879. С. 10; Марков А. В. К вопросу об источниках древних сведений об инородцах северной России // ЭО. М., 1909. Кн. LXXVIII. (1908. № 3); Старцев Г. А. Самоеды (ненча). Историко-этнографическое исследование. Л., 1930. С. 12-13; Ср.:

рассматривается слишком прямолинейно. Например, по мнению Ю. В. Симченко, ценность замечания брата Иоанна о самоедах и их образе жизни заключается в том, что в нем сообщается об охоте как основе жизни самоедов.⁹⁶¹ Нарисованная картина позволяет вновь обратиться к древнерусским летописям, чтобы ответить на вопрос: каков был образ самоедов в этих источниках.

§ 3. Древнерусские известия о самоедах.

В древнерусских известиях сведения о самоедах появляются с XI в. Первый раз самоеды упоминаются как неведомое племя, запертое в далеких труднодоступных северных горах. Составитель третьей редакции «Повести временных лет» внес в летопись под 1096 г. рассказ о поездке отрока Гюряты Роговича в землю Югорскую. В рассказе повествуется о чуде: на краю земли лежат горы, возвышающиеся до небес; за горами заключены племена, говорящие на неведомом языке, они пытаются разрушить гору, чтобы выйти из нее и просят у чужеземцев железные предметы в обмен на меха:

«<...> хочу поведать, о чем слышал четыре года назад и что рассказал мне Гюрята Рогович новгородец, говоря так: „Послал я отрока своего в Печору, к людям, которые дань дают Новгороду. И пришел отрок мой к ним, а оттуда пошел в землю Югорскую. Югра же — это люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоедью в северных странах. Югра же сказала отроку моему: „Дивное мы нашли чудо, о котором не слыхали раньше, а началось это еще три года назад; есть горы, заходят они в луку морскую, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор, и секут гору, стремясь высечься из нее; и в горе той просечено оконце малое,⁹⁶² и туда говорят, но не понять языка их, но показывают на железо и машут руками, прося железа; и если кто даст им нож ли или секиру, они вместо того дают меха. Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них; идет он и дальше на север“. Я же сказал Гюряте: „Это люди, заклепанные Александром, царем Македонским“, как говорит о них Мефодий Патарский: „Александр, царь Македонский, дошел в восточные страны до моря, до так называемого Солнечного места, и увидел там людей нечистых из племени Иафета, и нечистоту их видел: ели они скверну всякую, комаров и мух, кошек, змей, и мертвецов не погребали, но поедали их, и женские выкидыши, и скотов всяких нечистых. Увидев это, Александр убоялся, как бы не размножились они и не осквернили землю, и загнал их в северные страны в горы высокие; и по божию повелению сошлись за ними горы великие, только не сошлись горы на двенадцать локтей, и тут воздвиглись ворота медные и помазались синклитом; и если кто захочет их взять, не сможет, ни огнем не сможет сжечь, ибо свойство синклита таково: ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет. В последние же дни выйдут восемь колен из пустыни Египетской, выйдут и эти скверные народы, что живут в горах северных по повелению Божию“».⁹⁶³

Жилинский А. А. Крайний север Европейской России. Петроград, 1919. С. 174-176. Прокофьев Г. Н. Этногония народностей Обь-Енисейского бассейна // СЭ. 1940. Т. III. {К самоедам: теория проникновения самоедов-оленьеводов на север из южных рег.}

⁹⁶¹ Симченко Ю. В. Культура охотников на оленей Северной Европы. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 68-69.

⁹⁶² Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Комментарий к описанию кетской мифологии // Кетский сборник. М., 1969. {отверстие между краем земли и краем неба, с. 149, 152} Относительно легенды, см. Ястремский с. 64.

⁹⁶³ ПЛДР. XI — начало XII века. М., 1978. С. 243-245. См. комментарий М. П. Алексеева (Алексеев, с. 122-123); Мартюшев А. М. Коми-народ в первый период его исторической известности // Коми-му. 1928. № 2. С. 34-41; Интересную параллель см. в сказании, записанном в северной Монголии о народах, заклепанных Чингис-ханом (ИВСО ИРГО. Т. XV. № 1-2. С. 11); Ср. со скандинавским мифом о северных духах — римфурсах, отделенных от центральной части

Случайный рассказ (передающий северную легенду) приобретает в глазах русского летописца истинную ценность после сопоставления с пророчеством Псевдо-Мефодия,⁹⁶⁴ что позволило выявить сокровенный смысл и значение рассказа как свидетельства божественного промысла. Собственно, рассказ потому и вносится в летопись, что на нем лежит печать божественного смысла. С помощью пророчества Псевдо-Мефодия о последних днях и нечистых народах древнерусский книжник расшифровывает северную легенду и находит ей место во всемирной истории.

О том, каким образом в средние века соединялись в цельную картину книжные сведения и впечатления путешественников, имеется несколько ярких примеров. Так, в Лаврентьевской летописи (под 1114 годом) приводится от первого лица рассказ о том, как в Ладоге на берегу Волхова, после того как пройдет туча, жители находят множество стеклянных бус.

«Когда я удивился, — продолжает летописец, — они сказали мне: „Это не удивительно; живы еще старики, которые ходили за Югру и за Самоядь и видели сами в северных странах, как спустится туча, и из той тучи выпадут белки молоденькие, будто только что родившиеся, и выросши расходятся по земле, а в другой раз бывает другая туча, и из нее выпадают оленьцы маленькие и выросши расходятся по земле“.⁹⁶⁵ Этому у меня есть свидетель посадник Павел ладожский, и все ладожане. Если же кто этому не верит, пусть почитает Хронограф» (ПВЛ. Т. I. С. 399-400).

Далее следуют многочисленные примеры из Хронографа. Под Хронографом имеется ввиду русский компилятивный хронограф типа «Еллинского летописца», соединяющий переводы по всемирной истории, в первую очередь, византийские хроники — Георгия Амартола и Иоанна Малалы.

В «Слове о погибели Русской земли» описан круг земель и народов, с которыми граничит Русь. Самоедов в этом перечне нет, несмотря на то, что взгляд автора обнимает пространство от Северного моря («Дышючее море») до болгаров. Как показано в следующем параграфе, маршрут от болгаров до югорской земли был хорошо известен арабским купцам.

«Отсюда до угров и до ляхов, до чехов, от чехов до ятвягов, от ятвягов до литовцев, до немцев, от немцев до карелов, от карелов до Устюга, где обитают поганые тоймичи, и за Дышащее море; от моря до болгар, от болгар до буртасов, от буртасов до черемисов, от черемисов до мордвы — то все с помощью божьей покорено было христианским народом, поганые эти страны повиновались великому князю Всеволоду <...>».⁹⁶⁶

Самоеды, в отличие от Печоры и Югры, не упоминаются в грамотах Великого Новгорода XIII века.⁹⁶⁷ Это позволяет высказать предположение, что «самоеды» входили в категорию легендарных народов. Югра⁹⁶⁸

земли высокой стеной, которую они беспрестанно угрожают разрушить (ИОАИЭ при Казанском ун-те. 1909. Т. XXV. Вып. 5. С. 103); Косвен М. О. Из истории ранней русской этнографии (XII — XVI вв.) // СЭ. 1952. № 4.

⁹⁶⁴ Ср. с «Откровением Мефодия Патарского» по списку XV в. в: Апокрифы Древней Руси. Тексты и исследования. М., 1997. С. 24-25.

⁹⁶⁵ Сенкевич-Гудкова В. В. Отражение фольклора народов Севера в «Повести временных лет» // ТОДРЛ. 1960. Т. 16.

⁹⁶⁶ ПЛДР. XIII. М., 1981. С. 131. Текст опубликован в исследовании: Бегунов Ю. К. Памятник русской литературы XIII века «Слово о погибели Русской земли». М.; Л., 1965. С. 154-157.

⁹⁶⁷ Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Подгот. к печати В. Г. Гейман, Н. А. Казакова, А. И. Копанев и др. Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949. Проверь самоедов* Макаров Н. А. Русский Север и Лапландия: торговые связи XI — XIII вв. // СА. 1993. № 1.

В древнеусских известиях о северных пределах, отмеченных печатью легендарности, югра и самоедь, как правило, упоминаются в едином контексте.

§ 4. Арабские описания седьмого климата.

Известно, что обитаемая четверть Земли была разделена на семь климатов. В средневековых арабских описаниях седьмого климата фигурируют страна Югра и Вису и какие-то племена, обитающие еще дальше на севере. Но они не называются «самоедами». Согласно ал-Бируни,

«жители, находящиеся за <серединой седьмого климата>, — немногочисленны и подобны дикарям. Крайний пункт, где они сообщая <живут>, — страна Йура. К ней идут из <страны> Ису в течение двенадцати дней, а к Ису из Булгара в течение двадцати дней. <Они передвигаются> на деревянных саях, в которые погружают припасы и которые тащат либо сами, либо их собаки, а также на других <скользящих приспособлениях>, сделанных из кости, которые они привязывают к ногам и с их помощью покрывают большие расстояния в короткие сроки. Жители Йуры из-за их дикости и пугливости торгуют так: они оставляют товары в каком-нибудь месте и удаляются от него. Так же торгуют гвоздикой жители земли Ланка, находящейся в море ⁹⁶⁹» (ал-Бируни. Геодезия, с. 156).

Рассказ о жителях далекой северной области Йура (Югра), которые выменивают дорогие меха на железные клинки, был известен арабскому купцу XII в. ал-Гарнати. Если в приведенном выше древнерусском известии говорится, что за Югрой лежат высокие горы, и неведомое племя пытается пробиться сквозь них и с этой целью меняет железные предметы на меха, то в арабском известии жители Югры отправляются в море Мраков, чтобы бросить в него полученные клинки (мотив высоких гор отсутствует). Ал-Гарнати передает рассказы купцов:

«за Вису на море Мраков есть область, известная под названием Йура. Летом день у них бывает очень длинным. Так что, как говорят купцы, солнце не заходит сорок дней, а зимой ночь бывает такой же длинной. Купцы говорят, что Мраки недалеко от них и что люди Йура ходят к этому Мраку, и входят в него с факелами, и находят там огромное дерево вроде большого селения, а на нем — большое животное, говорят, что это птица. И приносят с собой товары, и кладет <каждый> купец свое имущество отдельно, и делает на нем знак, и уходит; затем после этого возвращаются и находят товар, который нужен в их стране. <...> И привозят люди мечи из стран ислама, которые делают в Зенджане, и Абхаре, и Тебризе, и Исфакане, в виде клинков, не приделывая рукоять и без украшений, одно только железо, как оно выходит из огня. <...> И эти мечи как раз те, которые годятся, чтобы везти в Йуру. А у жителей Йуры нет войны, и нет у них ни верховых, ни вьючных животных — только огромные деревья и леса, в которых много меда, и соболей у них очень много, а мясо соболей они едят. И привозят к ним купцы эти мечи и коровьи и бараньи кости, а в уплату за них берут шкуры соболя и получают от этого огромную прибыль. А дорога к ним по земле, с которой никогда не сходит снег». Интересна мотивировка обмена мечей на меха: «Каждому человеку, живущему там, нужен каждый год меч, чтобы бросить его в море Мраков. И когда они бросят мечи, то Аллах выводит им из моря рыбу вроде огромной горы, которую преследует, желая ее съесть, другая рыба, больше ее во много раз. И спасается маленькая от большой, и приближается к суше, и попадает на место, откуда не может возвратиться в море, и остается там. А большая рыба не может достать меньшую и

⁹⁶⁸ Лыткин В. И. К этимологии слова *угры* // Вест. АН СССР. 1948. № 6. С. 118-119.

⁹⁶⁹ *Ланга* — индийское название Цейлона. О торговле гвоздикой на этом острове ал-Бируни подробно говорит в сочинении об Индии (ал-Бируни. Индия, с. 280-282).

возвращается в море. — Выходят жители Йура в море на судах и отрезают <мясо> от ее боков, а рыба не чувствует этого и не шевелится, и они наполняют свои дома ее мясом и поднимаются на ее спину, а она как огромная гора. И остается она у них какое-то время, пока они отрезают от нее: каждый, кто бросил в море меч, берет от рыбы долю» (АЛ-Гарнати, с. 32-34).

Рассказ о рыбе, которую Аллах выводит из моря, известен был уже Ибн Фадлану. Со слов царя болгар, который пересказывает послание, прибывшее с севера из страны Вису, сообщается о яджуджах и маджуджах, чья область обитания окружена с одной стороны горами: «Они от нас на <расстоянии> трех месяцев <пути>. Нас и их разъединяет море, так как они <живут> на <том?> его берегу. Они подобны <диким> скотам, нагие, босые, <как скот> совокупляются друг с другом. Аллах могучий и великий выводит для них каждый день из моря <одну> рыбу, и каждый из них приходит, имея при себе нож, и отрезывает себе от нее столько, сколько достаточно для него и достаточно для его семьи. Если же он возьмет сверх того <количества>, которое их удовлетворяет, то у него заболит живот и у его семьи тоже заболят животы, а иногда он умрет, и умрут они все. Когда же они возьмут от нее <рыбы> то, что им нужно, она повернется и погрузится в море. Итак, они изо дня в день <живут> таким образом. <Лежащее> между нами и ими море <находится у них> с одной стороны, а горы окружают их с других сторон. Преграда <также> отделила их от ворот, из которых они обычно выходили» (Ибн Фадлан, с. 139).

У Якута (I, 34) в обзоре седьмого климата перечисляются следующие народы: вису (*весь* русских летописей), варанг, юра. Согласно сведениям другого арабского автора, Ауфи, юра (югра) — дикий народ, не общающийся с людьми и боящийся их, но купцы из Болгара приезжают в их земли, привозят одежду, соль и другие предметы, которыми торгуют; для перевозки товаров употребляются повозки, запряженные собаками, снега там так много, что никакое другое животное не может проехать по этой земле. С людьми племени юра купцы ведут торговлю, объясняясь посредством знаков; они привозят из их земли больших и красивых соболей.⁹⁷⁰ Слухи о темной стране на севере, в которой нет ни солнца, ни луны, ни звезд, но богатой дорогими мехами, известны и Марко Поло. Он пишет также, что «Великая Росия граничит с одной стороны с этой областью» (Марко Поло, с. 226).

Исследователь книги Марко Поло, Генри Юл приводит рассказ о «стране мрака» арабского путешественника Масалак ал-Абсара: «купцы не поднимаются <по Волге> выше Болгара, отсюда они совершают поездки через область Julman. Из этой страны купцы проникают в Югру, которая находится на крайнем севере. За нею нет никаких следов жилья, кроме великой крепости, построенной Александром, за которой же нет ничего, кроме мрака. <...> Это область пустынных гор, где всегда царят мороз и снег, где никогда не светит солнце, нет ни растений, ни зверей. Эти горы граничат с темным морем, над которым всегда идет дождь и стоит непроницаемый туман; само солнце никогда не показывается, и вся страна всегда покрыта мраком».⁹⁷¹

Арабский писатель начала XIV в. ибн-Фадлаллах ал-Омари в своем сочинении «Пути взоров по государствам разных стран» передает эту же легенду: «купцы болгарские ездят до Чулымана, а купцы чулыманские ездят от земель югорских, которые на окраине севера. Позади их <уже> нет поселений, кроме большой башни, построенной Искандером на образец высокого маяка; позади ее нет пути, а <находятся> только мраки. Спросили его: „Что это у тебя за мраки?“ Он сказал: пустыни и горы, которых не покидают снег и мороз; над ними не восходит солнце; в них не растут

⁹⁷⁰ Бартольд В. В. Арабские известия о русах // СБ. 1940. № 1. С. 46-47.

⁹⁷¹ Цит. по: Алексеев, с. 45. (с ссылкой на: Notices et Extraits des MSS. de la Bibliotheque du Roy. Paris, XIII. 1. P. 285).

растения и не живут никакие животные; они тянутся вплоть до черного <темного> моря; там непрерывный дождь и густой туман и решительно никогда не встает солнце» (Тизенгаузен. Т. I. С. 240-241).⁹⁷²

§ 4. Гипотеза.

В качестве рабочей гипотезы можно предложить следующее объяснение. В анализируемом фрагменте «Романа о Чингисе» речь шла о северных лесных племенах, о которых сообщалось, что они убивают и едят людей. И область их обитания соприкасается с быченокими и песьелицами. Аналогичные сведения содержатся в китайской компиляции Е Лун-ли, и что, особенно важно, «сыроядцы» занимают место между быченокими и царством псов.

«На северо-востоке живут *вацзеце*. Они ходят с растрепанными волосами и накидывают на себя полотно, служащее одеждой. Ездят верхом без седла. Имеют большие луки, длинные стрелы и великолепно стреляют. Если кого-либо встречают на дороге, убивают и мясо убитого едят сырым. <...> Далее на север лежит владение Гоу-го <Собачья владение>» (Е Лун-ли, с. 328-329).

Имя «самоеды» появилось в тексте при посредстве русского переводчика, который идентифицировал северных охотников (из Романа) с известными ему самоедами. Назвать некий легендарный северный народ, живущий лесной охотой, — самоедами, мог только русский переводчик, чье участие в передаче текста несомненно. В НТ слово 'самоеды' написано как *zamotoedi*.⁹⁷³ Ср. В списке покоренных монголами народов значится: «*обезы* или георгианы» (*Obesi sive Georgiani*, VII. 9). Спутать обезов с геогрианами (грузинами) мог только русский переводчик.⁹⁷⁴ К тому же невозможно предполагать наличие этнонима 'самоеды' в монгольском этнополитическом обиходе. Иными словами, появление 'самоедов' в сочинениях францисканцев есть переводческий казус.

В «Сокровенном сказании» говорится о приказе Чингис-хана Субедею отправиться в поход на север против одиннадцати народов.

«А Субеетай-Баатура он отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Рарал (Лалат), перейти через многоводные реки Идил и Аях, а также дойти и до самого города Кивамен-кермен» («Сокровенное сказание», § 266).⁹⁷⁵

Чингис-хан находился в это время в Средней Азии, поэтому поход за Яик и Волгу против кыпчаков и русских, вполне мог быть назван «северным», однако о самоедах нет ни слова.

§ 5. Сведения о самоедах XVII века.

Ср. со Сказанием «О человецех незнаемых в Восточней стране»:

«На Вѣсточной стране за Югорскою землею над морем живут люди самоедь, зовомы малгонзеи. А ядят мясо оленье да рыбу, да межи собою друг друга ядят. А гость

⁹⁷² См. также: Марков С. Н. Известия о Севере арабских географов XIV в. // *Летопись Севера*. 1949. № 1.

⁹⁷³ Использование буквы *z*- в начале слова на месте ожидаемого *s*- имеет параллель в § 4 (*Zumoa*l, где *zu* соответствует тюрк. *su* 'вода').

⁹⁷⁴ Об обезах см.: Цулая Г. В. Обезы по русским источникам // *СЭ*. 1975. № 2.

⁹⁷⁵ Расшифровку этнонимов см. в главе 5. 1. §

к ним приидет, и они дети свои закалают на гостей, да тем кормят. А который у них умрет, и они снедают. А в землю не хоронят. — А люди резвы, не велики възрастом, плосковиды, носы малы, а ездят на оленех. А платье носят соболье и оление. А торг у них соболи». ⁹⁷⁶

В русских известиях XVII в. о самоедах и остяках такая мифическая подробность быта, как поедание людей, уже не упоминается:

«<...> и остяки и самоедъ закона не имеют, но идолом поклоняются и жертвы приносят. Зверина же и гадска мяса ядят, и кровь пият, яко воду, и корение ядят. Остяки же одежду имеют от рыб, самоедъ же от еленей. Великая же Обь вниде в губу Мангазейскую. Сия же губа два устьями вниде в море окиян прямо к северу. Тамо люди живут состарившиися и николи же тающе от великаго зноя солнечнаго, место же бе непроходимо и не знаемо чадию» (ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 32). И далее: «<...> и остяки и самоеды закона не имеют, но идолом поклоняются и жертвы приносят, яко богу, волшебною же хитростию правяше дома своя все; понеже егда приносят дары кумиром своим, тогда же молят, яко сего ради приносит, яко подаст ему кумир он [вся многая в дому] его. Во истинну и скотом [не] уподоби[ли]ся сии людие: скот бо аще и без[с]ловесно есть, богом не велено ясти ему, и не яст зверя, или птицы, или траву сенну. Сии же человецы не уподобишася сим, понеже бога, [иже] суть на небесех, не ведающе ни закона, [е]же от поведующих им слышаще, не приемлюще. Сыроядцы, зверина же и гад[ска]я мяса снедающе, скверна и кровь пияху, яко воду, от животных, и траву и корение едаху. Остяки же одежду имеют от рыб, самоедъ же от еленей. Ездят остяки на псах, самоедъ же на еленех» (ПСРЛ. Т. 36. Ч. 1. С. 45). ⁹⁷⁷

И в описании брата Иоанна, и в позднем русском известии самоеды характеризуются как охотники, чьи жилища и одежда сделаны из звериных шкур.

В сведениях францисканцев вслед за описанием самоедов следует описание обитателей севера, чьи ноги оканчивались бычьими ногами, а лица были как псиние морды. В «Казанской истории» (XVI в.) в главе «О первом начале Казанском царстве» упоминаются самоеды с песьими главами:

«Яко же прежде сего на том месте вознездися змий лют и токовище их, и воцарися во граде скверный царь, нечестия своего великим гневом наполнився <...>. И наведе из-за Камы реки язык лют и поган, болгарскую чернь со князи их и со старейшинами и много ему сущу, ибо подобно суровством и обычаем злым, песьим главам, самоедом». ⁹⁷⁸

Видимо и в позднейших списках повести об Индейском царстве отражено влияние устной молвы о самоедах («коровьи ноги, песьи мортки, иже то суть самоеды»). ⁹⁷⁹

Знаменитый путешественник XVII в. Адам Олеарий сообщает интересные сведения о самоедах.

«Книга III, глава 3. О качествах северных народов и о народах, называемых самоедами. — Об устройстве страны и о произведениях местностей, расположенных к

⁹⁷⁶ Плигузов А. И. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М., 1993. С. 78-79. Ср.: Лашук Л. П. О человецех незнаемых // ВИ. 1971. № 11; Летописи русской литературы и древности / Изд. Н. Тихонравовым. М., 1859. Т. I. {Перевод Луцидария (после 1485 г.) о диковинных народах, с. 48-49}

⁹⁷⁷ Лаврентьев А. В. Известия о Сибири в русских исторических сочинениях XVII века и их источники // Исследования по источниковедению истории СССР XIII — XVII вв. М., 1986.

⁹⁷⁸ Казанская история / Подг. текста, вступ. ст. и прим. Г. Н. Моисеевой. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1954. С. 48.

⁹⁷⁹ Сперанский М. Н. Сказание об Индийском царстве // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. 1930. Т. III. Кн. 2. С. 397.

северу, в роде двинского, югорского и пермского краев, Сибири и Самоедской страны, которые признают великого князя своим государем, я, не быв там, не могу сообщить ничего определенного. — Русские сообщают и другие свидетели согласно утверждают — пожалуй, заимствовав один у другого, — что те страны вследствие сурового воздуха, долгой зимы и короткого лета, совершенно бесплодны и особенно неудобны для земледелия (как для хлеба, так и для плодовых деревьев), что жители ничего не знают о хлебе, но, вследствие изобилия в обширных диких местах, в реках и озерах дичи и рыбы, питаются этими последними, одеваются в звериные шкуры и ими же платят великому князю свои подати и налоги. Говорят, что прекраснейшие соболя, куницы, а также шкуры белых медведей (которые вельможами в Москве накидываются сзади на сани), рысей и иные меха весьма часто получают оттуда и поступают в продажу в Москве и иных местах. — На самоедах я имею в виду остановится подробнее, чем на других северных народах, как потому, что о них у землеописателей особых сведений не имеется, так и потому, что сам я с ними беседовал и получил сведения о их жизни. Ведь когда я в 1643 году 30 июля должен был явиться в Москве на аудиенцию перед его царским величеством, а перед тем должен был ждать в Посольском приказе, пока не спустится персидский посол, до меня призванный во дворец, то пришли сюда и два самоеда, которые были посланы из своей страны к великому князю для предложения ему в дар нескольких северных оленей и шкур белых медведей. Я пустился в разговор с ними: они говорили откровенно и понятно, отвечая на все вопросы вполне достаточно, так как они хорошо понимали русский язык, на котором я обращался к ним через моего переводчика. — У древних писателей не говорится о том, чтобы они именовались самоедами, но называются они скифами, и я думаю, что нынешнее название получено ими лишь от русских, когда они подпали под русское владычество. Так как они раньше ели людей — даже мясо собственных друзей после смерти их мешали они с дичью и поглощали, как о том рассказывают Плиний и Олай Великий — их и прозвали самоедами от русских слов „сам“ и „ем“. Об этом упоминает Гвагнин в описании Московии при упоминании о провинции Печоре. Название это обозначает то же, что греческое слово „антропофаги“ (*т. е.* „людоеды“), как их титулует Плиний; подобное рассказывают, между прочим, и о бразилианцах. — Страна их вовсе не называется Самогитиею (эту последнюю землеописатели полагают между Литвою, Польшею и Лифляндиею, а русские называют ее Жмудскою землею), но Самоедиею, которую на новых картах можно найти за Сибирью у гор, именуемых Гиперборейскими, перед и за великою рекою Обью, у Татарского моря и Вейгата <Вайгача>, как называют это место голландцы. — Это те варвары, татары и язычники, которые в древности назывались „скифами северными, европейскими и азиатскими“, так как жили они у границы и раздела Европы и Азии. <...> Они живут в маленьких, глухих, наполовину в земле построенных избах, которые, они говорили, кверху закругляются и заостряются и имеют посередине отверстие в качестве трубы, через которую они в зимнее время вылезают. Их избы совершенно покрываются снегом, который, как говорят, набирается выше роста двух человек, так что никто не может уже часто выходить или входить. Однако, они устраивают себе ходы под снегом, через которые они переползают из одного дома в другой. Так как они в это время почти полгода не имеют ни солнца, ни дня, но непрерывную ночь, и вне домов почти ничем не могут заняться, они тем легче переносят погоду. Тем временем они пользуются для света рыбьим жиром и обходятся с его помощью до тех пор, пока не получают солнечного света: а именно — когда солнце вновь поднимется над линиею равноденствия и начнет проходить полуночные созвездия, то оно уже перестает заходить у них, и тогда у них нет ночи. тогда снег исчезает, они опять выходят на сухую почву и могут запасаться на зиму. — Может быть верно и то, что некоторые люди писали о полуночных народах, а именно, будто среди них имеются люди, которые, наподобие ласточек и лягушек, полгода, а именно зиму, лежат мертвыми, а потом оживают и начинают ходить летом. Смотри об этом у Гвагнина в описании „Лукоморья“ и у Олая Великого. У них нет земледелия, они ничего не знают о

хлебе, но едят вместо хлеба вяленую рыбу, мед и дичь, по рассказам, весьма у них обильную. — Самоеды низкорослы, имеют широкие лица, небольшие глаза и короткие ноги; они очень сходны с гренландцами, из которых я некоторых видел в Голштинии... — Что касается одежды самоедов, то она сделана из меха северных оленей. Они носят широкие шапки, иные — из разноцветных кусков сукна, полученных ими от русских, а иные — лишь из меха; на шапках висят длинные наушники, которые они застегивают под шею. Рубашки свои они шьют из шкур молодых оленей, очень гладких и с коротко остриженной шерстью. Под рубашками у них шаровары, а над ними длинные кафтаны. Внизу рубашек и кафтанов у них пришиты длинноволосые хвосты. Их сапоги также из меха, и во всех их одеждах мех выворочен наружу. Нитки, которыми они шьют свои одежды, приготовлены из жил. Носовые платки они готовят из зеленого дерева, скобля его в тонкие стружки и волокна, так что оно с виду становится похожим на тонко выскобленный рог или пергамент. Они берут горсть этих стружек, которые очень мягки, и ими вытирают себе нос. — Кафтаны свои они иногда, когда очень холодно, надевают на голову и дают рукам свисать с боков, что представляет странное зрелище для непривычного человека. Вид издалика таких людей, особенно с судна, пристающего к берегу, может быть дал основание некоторым из древних писателей утверждать, будто существовали люди, не имевшие голов, но с лицом на груди, а также, что были люди со столь большими ногами, что они ими могли покрываться.⁹⁸⁰ Если бы действительно в мире существовали подобные люди, то, я думаю, мы имели бы теперь о них больше известий. Ведь за истекшие 100 лет весь мир на воде и суше в достаточной мере обследован и изучен голландскими, английскими и испанскими мореплавателями, но, как видно из описаний их путешествий, они ничего подобного нигде не встречали. Если, однако, видели у этих людей большие ноги, то весьма возможно, что за таковые были приняты их большие, так называемые, лыжи. — <...> Эти народы раньше, будучи язычниками, почитали солнце и луну и резные идола — как об этом можно узнать из неоднократно уже упомянутого описания морского путешествия. Голландцы на мысе или на углу Вейгата нашли расставленными несколько сот подобных грубых и безформенно вырезанных идолов: когда они, уходя из этой страны, захватили один из идолов с собою, то какой-то самоед последовал за ними и с жестами, свидетельствовавшими о волнении, попросил вернуть ему изображение и отнес его на место» (Олеарий, с. 166 -172).

⁹⁸⁰ Ср.: Зуев Ю. А. «Тамги лошадей из вассальных княжеств» // Новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана (Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. 8). Алма-Ата, 1960.

3.12. Циклопеды (унипеды)

§ 1. Сюжет. Постановка проблемы.

В версии перевода брата Иоанна рассказ об одноногих и одноруких людях, обитателях пустыни, отнесен ко временам правления хана Угедея, унаследовавшего империю Чингис-хана. Встреча монгольского войска с одноногими существами происходит во время похода нойона Гирподана против кергизов и армян.⁹⁸¹ Это уже второй случай в донесении брата Иоанна, когда с именем хана Угедея связывается легендарный сюжет.⁹⁸² Очевидно, что это явная ошибка брата Иоанна, в чьем донесении эпизоды «Романа о Чингисе» свободно «перетасованы» с другими известиями. Параллельные сведения из НТ (*Historia Tartarorum*) об одноногих существах не только более точны, но и не содержат намека на возможность мифологической трактовки походов Гирподана.

Брат Иоанн эпизодом о циклопедах разрывает повествование о походах Гирподана. Этот факт демонстрирует ту степень легкости перемещения и комбинации сюжетов, которая может поставить в тупик современного исследователя (если под рукой отсутствует параллельный текст). Брат Иоанн пишет:

«А Гирподана в это время Оккодай-кан послал с войском на юг против <народа> кергиз, которых он войной победил. А люди эти язычники, у которых нет волос на подбородке; у них есть такой обычай: когда умирает чей-нибудь отец, то они от скорби удаляют со своего лица, в знак рыдания, как бы некоторый ремень <кожи> от уха до уха. Победив их, он пошел на юг против арменов. Но, когда переходили пустыню, встретили также неких чудовищ, как нам говорили в качестве достоверного, имевших человеческий образ, но у них были всего одна рука с кистью посреди груди и одна нога, так что двое стреляют из одного лука. И они так быстро бегали, что кони не могли их преследовать. Бежали же они, подпрыгивая на этой одной ноге, а когда уставали передвигаться таким образом, то начинали передвигаться, катясь на руке и ноге как бы в обруче. Этих-то людей Исидор называл *циклопедами* <круглоногими>. А когда уставали <передвигаться> таким образом, снова бежали по первому способу. Однако, некоторых из них убили. И, как нам говорили при дворе русские священники, которые пребывают с вышеозначенным императором, многие из них <циклопедов> приходили послами ко двору вышеупомянутого императора, чтобы иметь возможность заключить с ним мир» (V. 33).

Параллельное место в пересказе брата Ц. де Бридиа гласит:

«Кроме того, тартары сообщили нашим братьям, что они побывали в земле неких людей, у которых были только одна нога и одна рука <и> которым никто не мог причинить вред вследствие скорости их <передвижения> и силы стрел. Ведь один <из них> натягивает лук, а другой пускает стрелу сильнее, чем какой-либо <другой> народ. Говорят также, что своей скоростью они превосходят не только жителей других стран, но даже всех четвероногих на земле. Поэтому перед появлением наших братьев у тартар двое из уже названных людей (отец и сын), явившись ко двору императора тартар, спросили: „По какой причине вы пытаетесь беспокоить нас войнами? Разве мы не превосходим вас в метании стрел и скорости бега?“. И когда самый быстрый конь был поставлен бежать с ними <наперегонки> на виду у всех, согласно ранее сказанному, они <тартары> пустили коня мчаться быстрым бегом. А эти <люди> удивительным образом

⁹⁸¹ Сведения брата Иоанна и НТ о походе Чирподана на кергизов разбираются в главе 5. 3. § 3.

⁹⁸² Другой легендарный сюжет связанный с именем Угедея повествует о бессловесных обитателях пустыни к югу от города Эмил (см. главу 5. 19).

начали быстро вращаться, подобно колесу, и внезапно настигли коня. Наконец, обратясь спиной к коню и тартарам, они побежали в свою землю. Тартары, увидев это, больше не захотели к ним вторгаться. А зовутся они *унипедами* <одноногими>» (НТ. § 22).

В НТ сюжет об одноногих завершает легендарную эпопею о Чингис-хане. И как справедливо отметил Даффина, помещение этого эпизода в контекст легендарных экспедиций Чингис-хана, более уместно, нежели отнесение его к военным кампаниям хана Угедея.

Итак, в мифической географии Азии существует земля асимметричных людей и одна из трех монгольских армий, посланных Чингисом на завоевание мира, достигает этой земли. Столкновения между противниками не происходит, потому что унипеды обладают двумя важными преимуществами перед монгольскими всадниками — последние не могут сравниться с ними в скорости передвижения и метании стрел. В ответ на монгольское вторжение унипеды присылают ко двору императора двух своих послов, которые вызывают соперников на поединок и выигрывают его. Вымышленный характер сюжета сомнений не вызывает.

Перед нами стоят две главные задачи: выяснить литературный источник, откуда автором Романа заимствован образ асимметричных людей, и, вторая — с какой целью этот сюжет вводится в повествование о Чингисе. Представления об асимметричных существах являются универсальными, в частности, они зафиксированы как тюрко-монгольской, так и индо-европейской традициях. Проблема осложняется тем, что в античной и раннесредневековой западной традиции образ одноногих не отличается воинственностью, они не метают стрел и, вообще, ни с кем не соперничают, хотя и характеризуются удивительной подвижностью. Таковы скиаподы Исидора Севильского. Тогда как поздние этнографические и эпические материалы из Северной Азии (зафиксированные в XIX в.) дают яркие примеры асимметричных персонажей — воинственных обитателей нижнего мира, стремящихся во чтобы то ни стало поразить странствующего героя. В первую же очередь, надо разобраться с причиной расхождений в латинских переводах: в версии брата Иоанна асимметричные названы циклопедами, а в НТ — унипедами.

§ 2. Текстологический комментарий.

В рукописи W на полях появляется приписка: „Циклопеды“.⁹⁸³ Ссылка на Исидора Севильского впервые появляется в редакции S (чуть-чуть в иной форме: „*appellat ciclopedes*“⁹⁸⁴). Можно предположить, что идея сослаться на Исидора возникла в результате каких-то контактов брата Иоанна уже в Европе (может быть, даже в Буде), то есть, иначе говоря, была кем-то ему подсказана. Далее он замечает, что ссылка неточна и, вероятно, сделана по памяти: у Исидора нет слова *ciclopedes* ‘круглоногие’. Вместе с тем не вызывает сомнений, что брат Иоанн (или его „консультант“) имел в виду следующее место из Исидора:

«народ скиаподов <...>, <имеющий> только одну ногу каждый и удивительную скорость <передвижения>» (Isid. Etym. XI. 3. 23).

Слово *sciapodes* ‘тененогие’ взято из классической греческой литературы.⁹⁸⁵ Речь идет о баснословном народе, живущем в самой жаркой части Ливии и имеющем столь большие ступни, что они могут прикрываться ими от солнца, как зонтиками, ложась на спину. Исследователи справедливо предполагают, что Исидор контаминировал

⁹⁸³ SM, 192.

⁹⁸⁴ См.: Van den Vyngaert. 75; SM, 122, 274.

⁹⁸⁵ Слово *sciapodes* встречается уже у Алкмана; см.: LSJ. Suppl., s. v. *SkiaφodeV*.

легендарные сведения о скиаподах и окиподах ('быстроногих').⁹⁸⁶ Сведения о живущих в Индии окиподах, которые убегают быстрее лошадей, восходят к Мегасфену (Страбон. II. 1. 9, XV. 1. 57), причем резонно предполагается, что Мегасфен грецизировал санскритское *īkṛpada*, означающее, однако, не 'быстроногий', а 'одноногий', то есть именно то, что по смыслу требовалось бы брату Иоанну (в НТ циклопеды называются как раз *unipedes* 'одноногие'). На карте Беата из Осмы (1203 г.) скиапод помещен за огненным поясом, отделяющим Ливию от земли монстров.⁹⁸⁷

§ 3. Ассиметричные существа.

Можно с уверенностью предположить, что в первоначальном тексте «Романа о Чингисе» название 'циклопеды' (равно как и 'унипеды'), отсутствовало. И как назывались в оригинале эти удивительные персонажи, мы не знаем. Но поскольку представления об ассиметричных существах носили универсальный характер, это не имеет особого значения. Хотя несомненно, исследования, посвященные циклопедам и унипедам⁹⁸⁸ интересны как попытка выяснить конкретный источник заимствования рассматриваемого сюжета. Я полагаю, что автор Романа опирался на какой-то восточный текст, в котором фигурировали одноногие и однорукие существа, способные быстро перемещаться и метать стрелы, но указать такой текст я затрудняюсь.

Ближайшей аналогией являются сведения из космографии ал-Казвини:

«Ferner ein Volk, namens en-Nasnas. Jeder von diesen besitzt einen halben Kopf, eine Hand und einen Fuss, gleich einem in 2 Hälften geteilten Menschen. Er hüpft auf einem Fusse grosse Sprünge und hat einen schrecklichen Lauf».⁹⁸⁹

Обратимся также к компиляции ал-Бакуви (XV в.) Известно, что сочинение ал-Бакуви представляет собой сокращенную редакцию географического труда выдающегося арабского космографа Закарийя ал-Казвини «Асар ал-билад ва ахбар ал-ибад» («Памятники стран и сообщения о рабах <Аллаха>»), составленного в 1275 — 1276 гг. Мифические *наснас* выглядели следующим образом:

«*наснас* — это животное с половиной тела как у человека» (ал-Бакуви, с. 19). В другом месте сообщается о мертвом городе на аравийском побережье: «Когда джинны стали творить зло, возгордились и не воздали должное Аллаху всевышнему за его милости, Аллах всевышний изменил их природу, превратив их в наснас: у каждого из них лишь половина лица, один глаз, одна рука и одна нога. И ушли они <из города>, пасясь в лесистых зарослях на берегу моря, как пасется скот, губя посевы. Жители этой страны охотятся на них с собаками» (ал-Бакуви, с. 22).

Согласно же персидской космографии XIII в. «Чудеса мира», существа, именуемые *наснас*, выглядели иначе.

Отдельной проблемой является вопрос о происхождении сведений об ассиметричных существах в персидской литературе. Тюркское происхождение...

⁹⁸⁶ К истории вопроса см. (с дальнейшей литературой): Risch, s. 153, 156; Painter, p. 76, n. 22; Daffiná, pp. 458-9, n. 60; Wojtkowiak, s. 201, kom. 111.

⁹⁸⁷ Miller K. Die ältesten Weltkarten. Stuttgart, 1895. H I, s. 35.

⁹⁸⁸ Pullé, p. 162, 171; Wittkower, s. 185; Rawlinson H. G. Intercourse between India and the Western World, p. 66; Przyluski J. Les Unipedes // Melanges chinois and bouddhiques. 1932 — 1933. II, pp. 307-332.

⁹⁸⁹ Ansbacher J. Die Abschnitte über die Geister und wunderbaren Geschöpfe aus Qazwini's Kosmographie zum ersten Male ins Deutsche übertragen und mit Anmerkungen versehen. Kirchhain N.-L., 1905, s. 33; см. также: Topographisch-historische Studien zum Iranischen Nationalepos von Davoud Monchi-Zadeh. Wiesbaden, 1975, s. 149-153.

«Половиннотелая» ведьма алмас.⁹⁹⁰ Характерной чертой ведьмы данного типа является ее повышенная подвижность, чем она отличается от демонической старухи с длинными грудями.⁹⁹¹

Типологической параллелью к нашему сюжету является эпизод, включенный в «Сагу об Эйрике Рыжем». На побережье Винланда норманы увидели одноногого человека, который передвигался скачками. Одноногий выпустил стрелу и ранил Торвальда, сына Эйрика Рыжего, и затем как вихрь умчался по бездорожью. Норманы посчитали, что они попали в Страну Одноножек и решили больше не подвергать себя опасности.⁹⁹² Эти легендарные сведения соотносятся исследователями с самодийскими мифами об одноногих и одноруких духах. Касаясь персонажей самодийской мифологии Ю. В. Симченко пишет:

«У азиатских ненцев, в частности, имеются мифы о *нгаэtare*, *вайнга*, у энцев о *сихео*, у нганасан о *сиге* и *баруси* — сверхъестественных существах с одной рукой и одной ногой, выступающих в мифах то как людоеды, то как духи, не причиняющие людям вреда».⁹⁹³

Скорее всего, персонажи нашего сюжета попали в «Роман о Чингис-хане» не из античной традиции, транслируемой в культуру западного средневековья. Поэтому, особый интерес представляет вопрос о восприятии средневековыми европейскими интеллектуалами сюжетов и образов восточной мифологии. Обратим внимание, что в обеих версиях в описании внешнего облика монстров подчеркивается, что они одноногие и однорукие, тогда как о скиаподах Исидора и окиподах Мегасфена определенно известно лишь, что они одноноги. Для поиска исходного мотива у нас есть два пути. Либо, выделив функциональные характеристики (необычная скорость передвижения диких обитателей пустынь), признать влияние восточных Александрий, либо же привлекая для сравнения более поздние материалы, например, якутской мифологии, где описаны одноногие и однорукие люди, обитатели нижнего мира, с которыми вступает в поединок герой преданий, признать влияние азиатских мифов. Но предварительно рассмотрим древнеиндийские свидетельства.

§ 4. Мифические послы.

В Махабхарате есть эпизод о дани, которую принесли саки, тохары и мифические племена царю Юдхиштхире. Глава 47-я. Дурьюдхана сказал:

«Слушай теперь о наиболее ценном богатстве, которое я видел у пандавов, о потомок Бхараты, и которое было доставлено хранителями земли одним за другим. <...> Царь Камбоджи⁹⁹⁴ дал <такое> богатство: одеяла из овечьей и кошачей шерсти,

⁹⁹⁰ Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. II. С. 351.

⁹⁹¹ Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М., 1984. С. 116-117.

⁹⁹² Сага об Эйрике Рыжем // Исландские саги. Ирландский эпос. М., 1973. С. 124-125. (Библиотека мировой литературы); Сага об Эйрике написана не ранее середины XIII в. Она сохранилась в рукописи начала XIV в. в так называемой «Книге Хаука» (прим. М. И. Стеблин-Каменского, с. 801).

⁹⁹³ Симченко Ю. В. Культура охотников на оленей Северной Европы. Этнографическая реконструкция. М., 1976. С. 71); ср.: МНМ. II. 399. См. также: Писахов С. Г. На Северной Двине. Сборник Архангельского Общества Краеведения. Архангельск, 1924; О *баруси* подробнее: Долгих Б. О. Принесение в жертву оленей у нганасан и энцев // КСИЭ. М., 1960. Вып. 33. С. 73.

⁹⁹⁴ *Kamboja* — название древней страны, которая была расположена на месте нынешнего Афганистана или же северной части его, прим. пер. с. 165, прим. 88.

отороченные золотом, и отличные, превосходные шкуры. <...> Сто тысяч рабынь, обитательниц <страны> Карпасика,⁹⁹⁵ приятно-смуглых, тонких в талии, длинноволосых, увешанных золотыми украшениями, а также шкуры антилоп из породы Ранку, весьма дорогих даже для брахманов, и коней, происходящих из страны гандхарвов,⁹⁹⁶ вместе со всей данью, о великий царь, доставили туда <правители> шудр, живущие <в стране> Бхарукаччха. <...> Я видел там <людей> с двумя и тремя глазами и с <одним> глазом на лбу, пришедших из различных стран, <людей>, носящих тюрбаны, не имеющих определенного места жительства, карликов и людоедов и <людей> об одной ноге, которые принесли царю <Юдхиштхире> в виде дани много сверкающего золота и были удерживаемы у ворот. Люди об одной ноге даровали ему диких коней цвета кошенили и цвета попугая, быстрых как мысль, а также напоминающих сияние радуги и подобных вечернему облаку, пегих, стремительных, как мысль, а также <дали много> бесценного золота. Я не <в состоянии> перечислить различных чинов, хунов, шаков, удров, а также людей, живущих в горах и из рода Вришни, харахунов и черных обитателей Хималая, которые пришли туда с многочисленными дарами и были удерживаемы у ворот. Они доставили тому <царю> в виде даров десять тысяч ослов, различных видом, с черной гривой, крупным телом, способных пройти <в день> сто <йоджан>, хорошо обученных и известных во всех странах».⁹⁹⁷

Среди мифических дароносцев фигурируют люди об одной ноге и люди с одним глазом на лбу. Их приношение — сверкающее золото. Оба признака (один глаз, одна нога) указывают на ассиметричность этих персонажей и их связь с нижним миром, и особый интерес ситуации придает золото, которым они владеют.

§ 5. Поединок ассиметричных людей с монголами.

Возникает также вопрос о семантике феномена столкновения между мифическими персонажами и монголами. В версии брата Ц. де Бридиа имеются любопытные подробности: два унипеда появляются при дворе императора тартар, бросают вызов и выигрывают спор. Что означает этот эпизод в контексте легендарных приключений Чингиса? Ведь обычно монголы сталкиваются с монстрами и загадочными природными явлениями во время походов к пределам мира, а в этом случае обитатели пустыни (существа иного мира) объявляются при дворе императора, в самом центре монгольского социума. Скорее всего, подобное вторжение сигнализирует о разрыве божественных границ (преграды нарушены предшествующими походами монголов). Появление мифических персонажей в сакральном центре империи означает наступление сил хаоса (внешних и внутренних границ больше не существует, либо они меняются местами). Каждое из трех войск Чингиса стремилось покорить запретные пространства, в результате — легендарная империя не имеет границ. Вернее сказать, эти границы расширились настолько, что внешние, враждебные миры оказались словно внутри империи. Именно поэтому возникает парадоксальная ситуация, когда ко двору в качестве *послов* являются унипеды с резонным вопросом: «По какой причине вы пытаетесь беспокоить нас войнами. Разве мы не превосходим вас в метании стрел и скорости бега?». Интересно, что достоинства унипедов, которыми они явно превосходят монголов (метание стрел и скорость движения), являются не чем иным, как прославленными качествами монгольской конницы. Автор Романа, как всегда, верен приему литературной инверсии. То, чем обладают монголы в реальности, переносится на

⁹⁹⁵ *Karpasika* букв. ‘изобилующая хлопком’, прим. пер. с. 215, прим. 65.

⁹⁹⁶ *gandharva* — в индийской мифологии разновидность добрых полубогов, почитающихся небесными музыкантами, прим. пер. с. 167, прим. 119.

⁹⁹⁷ Махабхарата. Книга вторая. Сабхапарва, или книга о собрании / Пер. с санскрита и коммент. В. И. Кальянова. М.; Л., 1962. С. 95-96.

их легендарных противников. Поединок с подобными существами не приносит монголам успеха, и они вынуждены впредь отказаться от вторжений в запретную область. Конструкция мифической империи Чингиса не выдерживает собственной тяжести и появление монстров есть божественный знак того, что она должна в скором времени вернуться к своим прежним границам. Как уже отмечалось в главе 3.1. дикий народы, обитающие у крайних пределов царства пресвитера Иоанна, символизируют обширность его владений, достичь границ которых невозможно. Однако ни сам царь Великой Индии, ни фантастические существа его царства не стремятся к взаимной встрече.

Остановимся подробнее на мотивах, связанных с архаическими представлениями о разного рода рубежных состояниях и формах, где в центре внимания оказывается феномен столкновения противоположных явлений. Дуализм мироустройства имел всеобщий характер. И если временная граница противопоставляла мифическое время повседневности, то пространственная граница разделяла не столько области мира, сколько разные его стороны: зримую и невидимую. Так, монстры существуют на границах царства пресвитера Иоанна и увидеть их никто не может; Марко Поло описывает собакоголовых людей и птицу Рух, охотящуюся на слонов, когда речь заходит о землях, лежащих вне империи Хубилая.⁹⁹⁸ Между «своим» миром и «чужим» пролегает рубеж, пограничная область: бескрайнее море, непреодолимые пустыни и горы. Переход границ связан с переменой состояния героя, однако смерть Чингиса от удара грома настигает его не в момент пересечения границ и путешествий по чужим мирам, а лишь по возвращению в свою землю. В этом плане вторжение унипедов в человеческое пространство является не столько зеркальным отражением походов Чингиса в иные пространства, сколько придает самой империи маргинальный характер. И империя, и ее центр обретают черты иного мира. Перед нами не традиционный мифопоэтический сюжет, а, скорее всего, построенная на его основе авторская концепция отрицания символов империи, чьи границы перешли земные пределы. Видимо не случайно, «Роман о Чингис-хане» завершается появлением в пределах культурного горизонта империи ассиметричных существ.

Касаясь темы мифологической неполноты формы и ассиметрии, С. Ю. Неклюдов пишет:

«Маргинальные признаки, всегда присущие потустороннему, как бы приоткрывают завесу „наполовину“, с одного бока, способствуя возникновению ассиметрически неполных форм, например, пол-луны в подземном мире тунгусской мифологии. Отсюда становятся понятны и представления, согласно которым за пределами „этого“ мира обитают одноногие или однорукие существа».⁹⁹⁹

Таковы, например, представления древних китайцев: о стране оборотней с человеческими лицами, туловищами животных, с одной ногой и одной рукой на крайнем западе и Царстве Одноруких за западными морями.

«<У> людей <в нем> по одной руке, одному глазу и одной ноздре. <Там> водятся желтые лошади, полосатые, как тигры, с одним глазом и одной передней ногой. Царство

⁹⁹⁸ Марко Поло, с. 201-203; Ср. со сведениями ал-Бируни об этой птице: «живет за морем в необитаемых пустынях Китая и страны зинджей» (подробную цитату см.: в главе 5. 19, прим. 62).

⁹⁹⁹ Неклюдов С. Ю. О кривом оборотне (К исследованию мифологической семантики фольклорного мотива) // Проблемы славянской этнографии. Л., 1979. С. 135; Неклюдов ссылается на: Юань Кэ. Мифы Древнего Китая. М., 1987. С. 245, 249, 254, 255. Семенов В. А. Некоторые архаичные представления коми по материалам погребального обряда // Вопросы этнографии народа коми. (Труды ИЯЛИ. Вып. 32). Сыктывкар, 1985. {с. 170: *Лошадь, везущая покойника, символически изображалась с вывернутыми ногами и копытами назад; ср. с кит. легендами о стране, где кони с ногами повернутыми назад; с. 171: потусторонний мир - левый мир*}

Цигун лежит к северу от него. В нем у людей по одной руке и по три глаза. <Там> то свет, то тьма. Ездят на полосатых лошадях» (Каталог гор и морей, с. 47-48, 97).

О глобальной распространенности мотива асимметрии демонических в своей основе персонажей см. в исследовании Неклюдова.¹⁰⁰⁰ Перечисление «четырех чуждых народов» в «Ганга-йин урусхал» выглядит следующим образом:

«<...> одноногий народ Дзуд <?>, народ дев, народ с <одним> глазом на груди, народ с песыми головами <«песьеглавцы»> — эти четверо называются чуждыми <народами>» (л. 54а).¹⁰⁰¹

Интересно, что три из этих четырех народов, представлены в Романе. Не исключено, что именно загадочный одноногий народ Дзуд является прототипом одноногих и одноруких существ, выступающих в поединке с монголами.

Привлечение для анализа сюжета образов якутской мифологии (несмотря на тот факт, что устные предания якутов были записаны только в середине XIX в.), оправдывается тем, что в одном из якутских преданий сохранилась архаическая версия легенды представленной как в «Огуз-наме», так и в «Романе о Чингис-хане». Эти материалы хорошо известны этнографам, изучающим народы Сибири и Дальнего Востока, но кажется, никогда не привлекались для сравнения с сюжетами из донесений западных дипломатов, совершивших путешествия в Центральную Азию в XIII веке. Древность якутских сюжетов об асимметричных существах подтверждается существованием одноглазых, одноруких и одноногих медных фигурок у тюркских племен.¹⁰⁰² У башкир зафиксированы представления об одноглазых и одноногих лесных духах *шурэлэ* (ярымтык).¹⁰⁰³ См. также Потапов и Ельницкий. Знания...

Герой олонхо по имени Кулун Куллустур спускается в нижний мир к владыке закоптелолицых, с лицом, на три пальца покрытых смертным тлением, к сильнейшей из незримых, к Ытык-Холур шаманке. В ее облике есть примечательная деталь — единственная нога («ровно б пест, выросла одна-одинешенька нога»)¹⁰⁰⁴. В представлениях якутов существа нижнего мира подчеркнута асимметричны. С одним из них сталкивается герой Сюнг-Джасын. «Это была демонская девка, одноногая, однорукая, одноглазая <...>. Имя ее: Быстрый пах, Иноходец колено, Бегун-сустав, Проворные подмышки, Рвется-рвется наставляется, Трескается-трескается сходится, Ножницы задок, Узкие плечи, Дымокур хвост, Пламя-дыхание, демонская, с вертлявой шеей, белокурая девка», передвигаясь, скачет вприпрыжку.¹⁰⁰⁵

В стране с железной травой и железными деревьями живет одноногий и однорукий великан («в паху об одной, пест ровно, ноге, на груди, по самой середке, об одной саженой руке, на лбу его как раз посередине <...> один-одинешенек глаз»)¹⁰⁰⁶. Герой другого предания по имени Эр Соготок достиг «мутной, как уха, страны, где ровно б заячий желудок, выщербленное солнце, где все навыворот, все опрокинуто и ночь стоит непроглядная». Он выигрывает поединок с одноногим и одноруким великаном, которого

¹⁰⁰⁰ Неклюдов С. Ю. О кривом оборотне, с. 136-137.

¹⁰⁰¹ О сочинении «Ганга-йин урусхал» см. в главе 5. 17, § 3.

¹⁰⁰² Спицын А. А. Уродливые медные статуэтки // Известия археологической комиссии. 29. СПб., 1909.

¹⁰⁰³ Халиков А. Х. Маклашевская всадница // СА. 1971. № 1.

¹⁰⁰⁴ Ястремский С. В. Образцы народной литературы якутов // Труды комиссии по изучению Якутской АССР. Л., 1929. Т. VII. С. 64-66.

¹⁰⁰⁵ Там же, с. 84-85.

¹⁰⁰⁶ Там же, с. 78.

родственники держат на цепи.¹⁰⁰⁷ По ту сторону огненного моря, в каменной стране Эр Соготок встречает еще одного соперника: «Он был об одной черной ноге, что столбом росла из паха. Громадная вороватая рука росла из грудной кости. Был у него один только глаз, как раз посреди лба, такой, как вымерзшее озеро. Переносье у него было громадное, как спинная кость худого быка. Окладистая седая борода похожа была на старинный нагрудник из медвежьей шкуры» и одет он был в железную куртку-кафтан и железную обувь.¹⁰⁰⁸

Отметим немаловажное обстоятельство: представленные эпические материалы якутской мифологии (зафиксированные в XIX в.), свидетельствуют об ассиметрии существ иного мира. Тогда как в средневековых сочинениях описываются встречи с этими персонажами в пределах «среднего» мира, хотя и на самых отдаленных его границах. Обратим внимание, что одноногие названы людьми, и с ними даже возможен диалог. Разумеется, перемещение по горизонтали одновременно могло означать и перемещение по вертикали, т. е. по мере удаления от того или иного сакрального центра путник, в конце концов, мог попасть в нижний мир, но, в данном случае, важна литературная традиция, в рамках которой описывались встречи с теми или иными странными существами вне контекста потустороннего мира.

§ 5.

Поскольку ряд легендарных сюжетов V главы имеет ясные параллели с сюжетами из восточных Александрий, приведем отрывок из поэмы Низами «Искандер-наме», в котором описано быстроногое племя. Привлечение этого сравнительного материала оправдано тем, что дикие обитатели пустыни, о которых лишь *рассказывают* Искандеру, могли в один день пройти такой путь, на какой другим существам понадобится более двух месяцев. Об одноногих в НТ сообщается, что своей скоростью они превосходят не только жителей других стран, но также всех четвероногих на земле. В данном случае важен факт совпадения функциональной характеристики, а не предметное тождество. Скорее всего, наш сюжет не является калькой мифических представлений о существах нижнего мира, а создан на основе какой-то литературной традиции.

О том, как выглядели быстроногие обитатели пустыни, Низами не говорит. Однако любопытно, что они отказываются нести какую-либо службу для жителей пустыни, объясняя собственную нелюдимость своей необычностью. Возможно, что эта тема каким-то образом перекликается с эпизодом, в котором послы от унипедов хотят порвать всякие отношения с императором монголов. Искандер узнает о быстроногих со слов чернокожего племени.

«Он пустился снова в пустыню,
В ней свою страну вспоминал.
Когда половину пути он в пустыне отмерил,
Он племя животных увидел человекоподобных,
Пустынь обитателей, чернее смолы,
<Которые> жили в пещерных углах.
Он их спросил: „В этой ровной пустыне

¹⁰⁰⁷ Там же, с. 17, 19.

¹⁰⁰⁸ Там же, с. 27.

Какие у вас приключения, <достойные> рассказа.
Помимо вас, кто из зверей
В этой степи приют свой имеет?“
<Обитатели пустыни отвечают Искандеру:>
Ты также спрашиваешь о других племенах,
Что имеют приют в сих степях и горах.
В этой огненной, бесплодной степи,
Где не свершают птицы полет,
Ведь много диких обитателей пустынь,
Которые никогда ни к кому не привыкают.
В один день они проходят столько пути,
Что от нас и в два месяца не составят того.
Из них то один, то другой нам попадаются в руки,
Их мы допрашиваем, когда по ногам они связаны,
Как без воды они проживают
<И> почему чуждаются нас.
Они скажут: „Вода для нас яд искони,
<А> для влажности — воздух <сотворенный> для нас.
Мы, словно змеи, ни ладим ни с кем,
Ящерицы — наша еда, и только.
Раз пользы нам нет от ваших занятий,
Зачем же вам надо оказывать службу.
<...>
Кроме того, также на этой ровной земле
Есть много невиданных гор и пустынь.
В них для растений нет воды для питания,
Ибо горяч ее зной и холодна ее стужа.
Раз в ней не выходят из почвы растенья,
То как не погибнуть животному в ней.
Вот это та тайна, которую мы открыли,
От других же рассказов мы омыли листы“».
(Низами, с. 479-480).

И последнее, в древнерусской версии Александрии (XV в.) описываются кентавры, с которыми сражаются воины Александра. У кентавров два достоинства: они быстроноги и к тому же — прекрасные стрелки. Этими же свойствами отличались и унипеды. Не исключено, что эпизод из Александрии представляет одну из мутаций интересующего нас сюжета:

«<...> напали на них люди исполины: до пояса — кони, а выше — как люди. И множество их напало на Александра, а стрелы у них были с алмазными наконечниками. <...> Александр и воины его многих из них перебили, а многих схватили живыми. И велел их кормить, и вывел их на обитаемую землю. И настолько они были быстроноги, что никто на земле не мог их догнать, и были они прекрасные стрелки: не знали промаха их руки. Повелел Александр изготовить для них оружие и научил их владеть мечом и стрелять, и немало помогали они ему в боях. Но когда привел он их на обитаемую землю, повеял на них студеный ветер, и все они погибли».¹⁰⁰⁹

Интересно, что дальше говорится о встрече Александра с одноногими людьми, которые, однако, не отличались воинственностью. В эпизоде с кентаврами обращает внимание то обстоятельство, что они существа «необитаемой» земли; появившись же в человеческом мире они гибнут.

Подведем итог. Представления об ассиметричных существах носили универсальный характер. Зона обитания этих существ была расположена вне человеческого мира. Вследствие своей маргинальной природы они обладали возможностями, превосходящими человеческие. Однако тот или иной эпический герой сталкиваясь с ними, находит способ выиграть поединок. Автор Романа, используя этот мировой сюжет, прибегает к инверсии. Он переносит достоинства монгольской конницы на одноногих и одноруких, вследствие чего и победа остается за мифическими существами.

¹⁰⁰⁹ Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV в. / Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.; Л., 1965. С. 112.

3.13. «Охотники на носорогов»?

§ 1. Сюжет. Постановка проблемы.

Сюжет о диких людях без связок в голених имеется только в донесении брата Иоанна; в книге брата Ц. де Бридиа этих сведений нет.

Согласно версии перевода брата Иоанна, в земле кара-китаев, вблизи города Эмиль, «в <сторону> юга находится некая великая пустыня, в которой, <как> говорят в качестве достоверного, живут дикие люди; они никаким образом не разговаривают, и у нет связок в голених. И, если они когда-нибудь падают, то встать сами по себе, без помощи других совсем не могут; но у них столько разума, что они делают войлоки из верблюжьей шерсти, в которые одеваются, а также ставят их <как заслон> против ветра. А если иногда тартары ходят на них <походом> и ранят их стрелами, то они накладывают на рану травы и <со всех> сил бегут от них» (V. 6).

На первый взгляд кажется, что речь идет об одной из множества легенд, которые мог услышать путешественник, странствующий по пустыням Центральной Азии. Об этом недвусмысленно говорит реальный ландшафт: великая пустыня к югу от города Эмиля в земле кара-китаев. О диких бессловесных людях из этой местности известно и армянскому царю Хетуму. О фантастических существах, обитающих в восточных пустынях, повествуют многие средневековые авторы. Ниже мы рассмотрим несколько историй, рассказанных путешественниками XIII века.

Однако у нас есть полные основания признать за сведениями, записанными братом Иоанном, исключительно литературное происхождение. Все дело в отличительной особенности диких обитателей пустыни — негнущихся ногах, а также знании ими трав, помогающих при ранениях стрелами. Единственный близкий пример (персонаж из мифологии племен Гиндукуша — *пери*, у которых ноги в коленях лишены суставов) скорее всего, является случайным совпадением с нашим сюжетом.¹⁰¹⁰

В целом, разбираемый параграф пятой главы «Книги о Тартарах» носит характер вставки, разрывающей повествование о Чингис-хане. Рассказав о победе монголов над кара-китаями, брат Иоанн упоминает город Эмиль, и далее, ссылаясь на «достоверного» собеседника, описывает пустыню и диких людей. Как правило, брат Иоанн ссылается на достоверность услышанных сведений в тех случаях, когда использует по своему усмотрению фрагменты «Романа о Чингисе». Таков, на мой взгляд, и сюжет о диких немых людях из южной пустыни.

Поиск параллельных литературных известий приведет нас к неожиданным результатам. Принято считать, что ближайшей аналогией является легенда о слонах с негнущимися ногами, вследствие чего, упав, встать самостоятельно они не могут. Однако александрийским «Физиологом», в котором содержится этот нравоучительный рассказ, тема не исчерпывается. К тому же неизвестно ни происхождение сведений о слоне в «Физиологе», ни их последующее влияние на другие сочинения.¹⁰¹¹ Легенда из

¹⁰¹⁰ К. Йеттмар отмечает как странный факт описание *пери* (обычно прекрасных и благородных созданий), у которых ноги в коленях и лодыжках лишены суставов и их стопы повернуты пятками наперед, и предлагает вероятное объяснение этому: «Только в Мастудже я получил подтверждение и одновременно толкование этого поверья: гигантские коршуны, которые водятся в Северном Читрале и носят название *ashkula*, считаются феями, принявшими этот облик. Возможно, отсюда и представление о ногах без коленных и голеностопных суставов и с обращенными назад пальцами» (Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М., 1986. С. 453-454).

¹⁰¹¹ Ср.: H. R. Jauß. Rezeption und Poetisierung des Physiologus // Grundriß der romanischen Literaturen des Mittelalters. Bd. VI, 1. (GRML), s. 170-181.

«Физиолога» являет собой один из «тупиков» в развитии интересующего нас сюжета. В Индии, куда «Физиолог» переносит действие легенды, слон был домашним животным, окруженным священным ореолом. Индусы не могли приписать слону отсутствие суставов в коленях. За исходную легенду («первичный модуль») следует принять китайский рассказ эпохи Тан об охоте на носорога, с негнущимися ногами, в одной из стран Индо-Китая. Остается загадкой, каким образом мифическая особенность носорогов — негнущиеся ноги — могла быть перенесена на слонов.

Важна также литературная традиция, разрабатывающая тему охоты на африканских слонов с применением ядов и противоядий (второй исходный модуль). Слон не представлял загадки для арабских и персидских авторов — невозможно указать ни одного текста, в котором слону приписывались бы негнущиеся ноги. О носорогах же передавались самые невероятные слухи.

Сведения арабских писателей интересны в двух отношениях. Во-первых, они дают импульс мифологическому сюжету об африканских охотниках, владеющих секретом яда. Как происходит дальнейшая встреча и слияние двух исходных мотивов (охоты на слона с помощью стрел и охоты на носорога с негнущимися ногами), сказать трудно. Но ясен конечный результат. «Мифология охоты», зафиксированная «наблюдателями» и авторами иных культурных традиций, порождает странную фигуру: охотник, вооруженный ядовитыми стрелами, и его жертва — слон (носорог) с негнущимися ногами, сливаются в единый образ. Так появляется бессловесное существо без суставов в ногах, владеющее секретом ядовитых стрел. Очевидно, что подобный персонаж не мог возникнуть в охотничьих культурах. Такая фигура могла появиться только в результате литературных комбинаций. Можно предположить, что существовал текст, которым воспользовался автор «Романа о Чингисе», однако указать этот текст в настоящий момент невозможно.

Во-вторых, арабские источники, повествующие о разных видах ху́ту (в зависимости от контекста речь идет о бивнях слона, клыках моржа, роге носорога или нарвала), позволяют проникнуть в то мифологическое пространство, где произошло слияние перечисленных выше тем. Речь идет о легендах, связанных с добычей драгоценной кости, которой приписывалось свойство обезвреживать любые яды. Разумеется, эти гипотезы нуждаются в доказательствах.

Картина нападений монголов на диких людей с негнущимися ногами, видимо, является вторичным использованием темы «охоты». Причем, «охоты» не удачной для монгольских лучников. Их жертвы, будучи ранеными, все же стремительно убегают. Совмещение в одном сюжете монголов и диких людей, наряду с переносом действия в южную пустыню, несомненно, связано с авторским замыслом. Можно предположить, что автор Романа имел какие-то важные основания для выбора реальной пустыни в качестве мифологического ландшафта и «внешней рамки», в которой разворачивается основное действие «охоты». Из мировых сюжетов автор Романа с особым пристрастием выбирает те, где представлены столкновения или поединки. Такова в общих чертах скрытая картина замысла; ее отдельные фрагменты нуждаются в уточнении и обосновании. Особый интерес исследованию придает отсутствие «первичного» текста и обилие «вторичных» текстов.

Рассказ о существах, не имеющих связок в голених, — один из самых занимательных примеров мифологического конструирования сюжетов в «Романе о Чингисе». Требуется проследить каким образом описание охоты на носорогов, соединилось с описанием охоты на слонов и породило гибридную фигуру человеко-слона. Предварительно, отметим «функциональные характеристики» этих персонажей: 1) они лишены человеческой речи; 2) упав, дикие люди встать уже не могут, потому что

у них нет связок в голених; 3) если их ранят стрелами, они прикладывают на рану траву и убегают; и, наконец, 4) они делают войлоки и ставят их как заслон против ветра.

Сам факт нападения монголов на них выглядит довольно-таки странно: за исключением этого случая и битвы с псами (причем, инициатива натиска была за псами), монголы нигде не сражаются с существами чудовищного вида. В версии брата Ц. де Бридиа даже поясняется, что монголы «испытывают сильное отвращение ко всему чудовищному»; быченок людей, например, они презрели (НТ. § 21). Почему же, в таком случае, они нападают на диких обитателей пустыни, ко всему прочему, не отличающихся особой воинственностью? Тема «мифической войны», как будет показано ниже (§ 4), задается известным мировым сюжетом о поединке охотника и слона.

Сведения брата Иоанна о существах без связок в голених были предметом исследований ряда ученых, однако ни одна из выдвинутых гипотез не получила окончательного и ясного обоснования. Причина в том, что разрозненному анализу подверглись три из четырех выделенных нами «функциональных характеристик». Лауфер рассмотрел только одну особенность, а именно, литературную историю о существах с бессуставными ногами. Пелльо указал на китайские истоки эпизода, где говорится об использовании войлока для защиты от ветра. «Ветер», от которого защищаются с помощью войлоков дикие люди, — это «большой ветер», о котором, сообщает и брат Вильгельм де Рубрук. Бойль, в свою очередь, привел важные параллели, касающиеся внешнего оформления легенды. Материалы, привлекаемые Бойлем, близки к нашему сюжету в географическом плане, и лишь частично, в типологическом. Хотя Бойль думает иначе. Тема «мифической войны» осталась без внимания указанных авторов.

§ 2. Загадка Хетума.

В 1254 — 1255 гг. царь Малой Армении Хетум совершил путешествие в Центральную Азию, в ставку Менгу-хана. Без сомнения, маршруты царя Хетума и францисканской миссии 1247 г. по землям найманов, кара-китаев и собственно Монголии, должны были совпадать. Хетум в пути слышит легенду о стране песков, в которой обитают бессловесные существа. Армянский историк Киракос Гандзакеци записал рассказ Хетума:

«<Царь> выехал от них <из ставки Менгу-хана> и на тридцатый день прибыл в Гумсгур,¹⁰¹² <оттуда> он поехал в Перпалех,¹⁰¹³ <затем> в Пешпалех¹⁰¹⁴ и в страну песков,¹⁰¹⁵ где обитали дикари: голые, волосы у них росли лишь на голове; груди у женщин чрезвычайно велики и длинны. Люди эти были бессловесны. Водились там

¹⁰¹² *Гумсгур* — (арм.) Gumsğur, тюркское Qum-Sengir (Кум-Сенгир) „Песчаный мыс“, это название встречается в сочинениях Джувейни и Абу-л-Фараджа бар-Эбрея, появляется в «Юань-ши» как Heng-hsiang-yi-erh, и в «Сокровенном сказании» как Qum-Љinggir. См.: Pelliot. *Paraute*, pp. 196-197; Pelliot и Hambis. *Campagnes*, pp. 315-316. Согласно последнему пассажиру, Кум-Сенгир следует искать где-то в верхнем течении Urungu, вероятно в том месте, где она делает резкий поворот на запад (прим. Бойля, см.: Boyle J. A. *The Journey of Het'um I, King of Little Armenia, to the Court of the Great Khan Möngke* // CAJ. 1964. Vol. IX, pp. 181); О маршруте царя Гетума и Рубрука см. также: Бартольд, Т. IV. с. 85.

¹⁰¹³ *Перпалех* — Идентифицируется с городом P'u-lei периода Тан, в настоящий момент Mu-lei, расположенный в 5 км. западнее Гучена (Boyle J. A. *The Journey of Het'um I*, с. 181).

¹⁰¹⁴ *Пешпалех* — Beš-Baliq („пять городов“), столица уйгуров, соответствует современному Jimsa, расположенной немного северо-западнее Гучена (Boyle J. A. *The Journey of Het'um I*, с. 181).

¹⁰¹⁵ О стране песков см. главу 5. 19. 1. Пустыня Джунгарии.

дикие лошади желтой и черной масти, белые и черные мулы, крупнее лошади и осла, и дикие двугорбые верблюды» (Киракос, с. 224).

Сведения Хетума лишь частично перекликаются со сведениями брата Иоанна. В обоих сообщениях говорится о диких *бессловесных* людях, обитающих в южной пустыне. Среди множества диких народов, упоминаемых в «Книге о Тартарах» — это единственный, не обладающий речью. Бессловесность — признак животных. Последнее обстоятельство, а также тот факт, что этого сюжета нет в книге брата Ц. де Бридиа, возможно, указывают на то, что легенда была услышана братом Иоанном и записана вне контекста «Романа о Чингисе». Иными словами, может возникнуть впечатление, что сюжет о диких существах входил в цикл «дорожных» рассказов, популярных среди купцов и гонцов, странствующих по великим пустыням Азии. Как будто бы эту же легенду о диких людях слышал и Хетум. Подобной точки зрения придерживается Бойль. Однако ряд обстоятельств показывает, что проблема более сложна и не может идти речи о местном происхождении легенды о бессуставчатых.

Комментируя сведения записанные Киракосом Гандзакеци, Бойль, в свою очередь, ссылается на известие брата Иоанна о диких людях из песчаной пустыне к югу от Эмиля. Приоритет этого сравнения принадлежит Ф. Ришу.¹⁰¹⁶ По мнению Бойля, в обоих случаях речь идет о существах, которых мусульманские авторы называли *наснас*.¹⁰¹⁷ В качестве примера Бойль ссылается на сведения персидского автора XII в. Низами Арузи Самарканди. Низами Арузи так описывает наснас:

«это — животное, которое обитает в пустынях Туркестана, у него вертикально поставленное туловище, прямой рост и широкие ногти. И человека он крайне любит. Где бы он ни увидел людей, он выходит на их путь и наблюдает за ними. А если увидит одинокого человека, похищает его и, говорят, способен зачать от него.¹⁰¹⁸ Итак, после человека он — самый благородный среди животных, сходный с человеком в нескольких отношениях: первое — прямизной стана, второе — шириной ногтей и третье — волосами на голове».¹⁰¹⁹

Далее, Низами Арузи передает историю, услышанную им от Абу Ризы ибн 'Абд ас-Салама ан-Нисабури в соборной мечети Нишапура в 1116 г. Удивительный случай произошел с караваном купцов, направлявшихся в Китай: «Мы шли по направлению к Тамгачу,¹⁰²⁰ и караван <наш> был в несколько тысяч верблюдов. Однажды двигались мы

¹⁰¹⁶ Risch, s. 112. Кроме сведений Киракоса, Риш также указывает на сообщение Иоганна Шильтбергера о диких людях, обитающих у горы Арбус в Сибири.

¹⁰¹⁷ Boyle J. A. The Journey of Het'um I, с. 181.

¹⁰¹⁸ Ср. с рассуждениями Бузурга ибн Шахрияра (X в.): «Когда человек сходится с диким зверем — с гиеной, или пантерой, или с другим сухопутным животным, — у них рождаются обезьяны, наснасы и другие похожие на людей существа» («Чудеса Индии», с. 42); в «Чудесах мира» приводится рассказ Абу-л-'Аша'ира: «В нашей пустыне много оборотней. Они принимают любое обличье. Только конечности их не меняются. Если человек попадет к ним в лапы вечером, они совокутся с ним и сразу убьют» («Чудеса мира», с. 110).

¹⁰¹⁹ Цитируя Низами Арузи, Бойль ссылается на издание: Revised Translation of the Chahár Maqála („Four Discourses“) of Nizámi-i-'Arúdi of Samarqand ..., by Edward G. Browne. London, 1925, p. 9; Мы цитируем по изданию: Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей, или Четыре беседы / Пер. с персид. С. И. Баевского и З. Н. Ворожейкиной под ред. А. Н. Болдырева. М., 1963. С. 33-34; См. также: Баевский С. И., Ворожейкина З. Н. «Собрание редкостей» Низами Арузи Самарканди как источник по истории культуры Средней Азии и Ирана X — XII вв.: (Обычаи. Реалии) // Палестинский сборник. Л., 1970. Вып. 21 (87).

¹⁰²⁰ *Тамгач* (Тамгадж, Табгач) — общее название Северного Китая, где тюрками была создана империя Северная Вэй (IV — VI вв.). Ср. Махмуд Кашгарский писал о Китае (XI в.): «Чин, в основе своей состоит из трех частей: первая — Верхний Чин, который находится на Востоке, его

полуденной порой. На одном из песчаных холмов мы увидели женщину. Она стояла — простоволосая и нагая, необычайно прекрасная, со станом, как кипарис, лицом как луна, и с длинными волосами — и смотрела на нас. Сколько мы с ней ни заговаривали, она не отвечала и, когда мы направились к ней, убежала. И в беге она так быстро удалялась, что, верно, ни один конь не смог бы ее нагнать. И наши погонщики — они были тюрки — сказали: „Это дикий человек, его зовут *наснас*“. И следует знать, что он — самое благородное среди животных в тех трех отношениях, о коих сказано» — добавляет Низами Арузи.¹⁰²¹

Трудно сказать, чья это ошибка (самого ли Низами Арузи, его почтенного рассказчика ан-Нисабури, или тюрков-погонщиков), но прекрасное существо, с которым они встретились в пустыне было скорее *нэри*, чем ужасным *наснасом*. Достаточно сравнить этот рассказ со сведениями из персидской космографии «Чудеса мира» (XIII в.), в которой описываются дикие люди — *наснас*, чтобы убедиться в ошибке, попавшей в сочинение Низами Арузи.

«В Туркестане есть гора, на ее вершине много лесов. В лесу живут дикие люди. Их называют *наснас*. Тот из них, кто почувствует недомогание, идет на вершину горы. Тотчас появляется туча, и начинается дождь. Когда больного омоет дождем, ему становится лучше» («Чудеса мира», с. 47). «В пределах Булура¹⁰²² есть дикари. Они не разговаривают. Их называют *наснас*. Если одного из них поймают и убьют и <остальные> узнают, они разрушают все окрестные селения и поля, а дома сожгут. <...> Все, что они ухватят зубами, порвут, если же зацепят что-нибудь ногтем, разорвут на

называют Тавгач. Вторая — Средний Чин, это — Хытай. Третья — Нижний Чин, это в Кашгарии» (Цит. по: Кононов А. Н. Способы и термины определения стран света у тюркских народов // ТС. 1974. М., 1978. С. 82). Тавгач в форме Тамгаст упоминается в византийском сочинении VII в.: «Тавгаст — известный город, от тех, кого называют тюрками, он находится на расстоянии 1500 миль и сам расположен по соседству с Индией» (Феофилакт Симокатта, с. 188). Этот термин используется и ан-Насави (XIII в.): «Государство Китай <ас-Син> — обширное государство и обойти вокруг него можно за шесть месяцев. Говорят, что он окружен единой стеной, которая прерывается лишь у непреодолимых гор и широких рек. С давних пор ас-Син разделен на шесть частей, каждая из которых протяженностью в месяц пути. В такой части управляет *хан*, то есть „государь“ на их языке, от имени великого хана. <...>. Они <ханы> наследовали Китай друг за другом — великий от великого, а вернее, неверный от неверного. Обычно они находились в Тамгадже, а это самая середина ас-Сина» (Ан-Насави, с. 42).

¹⁰²¹ Низами Арузи Самарканди. Собрание редкостей..., с. 34; Скорее всего в рассказе Низами Арузи произошла контаминация сведений о диких существах пустыни и прекрасных созданиях Аллаха, чей образ часто использовался суфиями. Ср. с рассказом Ансари Харави (1006 — 1088), теоретика персидского суфизма: «Зу-н-Нун Мисри говорит: Видел я одну женщину в пустыне на пути в хадж. Тень ее видна, а сама она нет. Я сказал: О господи! Да будет на тебе благословение Бога, покажись мне сама! Тогда она появилась, до крайности красивая, и сказала: О невежда, что такое ты сделал, что меня божественным заклинанием сделал явной? Я сказал: Люблю благочестивцев оттого, что посредством любви к ним к господу приближаюсь. Сказала: О Зу-н-Нун, какое отличие между тобой и идолопоклонниками, которые также говорят: Мы этим идолам не поклоняемся, разве только для того, чтобы нас к господу приблизили. Сказал <Зу-н-Нун>: Ответом ее я подивился» (цит. по: З. Н. Ворожейкина. Вставные рассказы в романе ‘Абдаллаха Ансари «Друг послушников и солнце маджлисов» // Палестинский сборник. Л., 1970. Вып. 21 (84). Ближний Восток и Иран. С. 11-12). Ср. с рассказом о дереве, которому поклонялись арабы во времена пророка Мухаммеда — когда дерево по его приказу срубили, оттуда «появилась голая женщина с распущенными волосами» («Чудеса мира», с. 110-111). Возможно, что речь идет о древнеарабской богине ал-‘Узза, культ которой был распространен в доисламский период по всему Аравийскому полуострову. О ней см.: Хишам ибн Мухаммад ал-Калби. Книга об идолах (Китаб ал-аснам) / Пер. с араб., предисл. и примеч. Вл. В. Полосина. М., 1984. С. 22-23 и 44, прим. 70.

¹⁰²² Булур (Болор) — ныне Нуристан (сев.-вост. часть совр. Афганистана).

части. Тело их покрыто длинными волосами, как у козы. Они хорошо бегают.¹⁰²³ Охотники садятся в засаду, стреляют в них из лука и убивают» («Чудеса мира», с. 53-54).

Бойль также ссылается на ал-Марвази, который в одном из пассажей своего сочинения помещает наснас в степях и лугах между Турфаном и Кашгаром, в другом пассаже — в пустыне между Бадахшаном и Кашгаром.¹⁰²⁴ Не совсем ясно, опираясь на какие признаки, Бойль относит диких людей из рассказа царя Хетума, к наснас, привлекая сведения Низами Арузи. Между этими мифическими персонажами пустыни, действительно, есть нечто общее: голое тело, волосы только на голове, бессловесность. Однако, наснас, в описании Низами Арузи, — прекрасная женщина и весьма напоминает *пери*.¹⁰²⁵ Тогда как, дикие люди из рассказа Хетума — это, скорее всего, безобразные *дэвы* с грудями, перекинутыми через плечи, и обычно стерегущие путника на больших дорогах;¹⁰²⁶ характерная подробность в облике дэвов отмечена в записи Киракоса

¹⁰²³ Отметим удивительное совпадение облика наснасов с описанием яджуджей у Низами Гянджеви в «Искандер-наме»; Согласно же ал-Бакуви, *наснас* — это животное с половиной тела как у человека. Наблюдается некоторое противоречие в различных сведениях о *наснас*: у Низами Арузи это прекрасное существо, тогда как в «Чудесах мира» они, как и яджуджи, покрыты длинными волосами и когтисты, (что было явным признаком дэвов). Автор «Чудес мира» замечает: «В том, что *наснас* — животное с человеческим обликом, сомнения нет! Я, раб, много раз его видел. Однако сомнительно, чтобы они разговаривали, ибо речь — отличительная черта людей. <...> В ученых и мудрых книжках пишут так, как раб изложил. Однако рассказ об арабской речи наснасов я нашел в одной почтенной книге. Говорят, что везде, где бывают наснасы, они говорят на языке того народа, который живет в той местности» («Чудеса мира», с. 65). Как видим, вопрос был уже запутан и для автора XIII в. Очевидно, что к основному признаку, отличающему тот или иной мифический персонаж, могли случайно добавляться черты других, но то, что наснас мог предстать перед путником луноликой красавицей, исключено.

¹⁰²⁴ Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India / Arabic text with an engl. transl. and comm. by V. Minorsky. L., 1942, pp.

¹⁰²⁵ Е. Э. Бертельс показывает как изменялось значение слова *пари* (заимствовано в русский как *пэри*) в персидском литературном языке X — XV вв. Начиная с эпохи «Шахнаме», в персидской поэзии и фольклоре *пари* — эфирная женщина, очень красивая, необыкновенно привлекательная, во всем противоположная дэвам. Ср.: «Издали увидел я ту пери <т. е. красавицу>, ту <вызывающую> ревность кумиров огнепоклонников» (Анвары. XII в.). В арабско-персидском словаре Замахшари (ум. в 1143 г.) «Мукаддимат ал-адаб» против арабского слова *джинни* стоит перевод *пари*, а арабское слово *шайтан* передано персидским *див*, т. е. «дэв», *иблис* переведен словом *михтар-и парийан* 'глава пери' (Бертельс Е. Э. Пери // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. Л., 1979. С. 124). Ср.: А. Е. Бертельс. Художественный образ в искусстве Ирана IX — XV вв. (Слово, изображение). М., 1997. С. 141-153. В «Чудесах мира» Иблис изображен в окружении дэвов («Чудеса мира», с. 109).

о прекрасной длинноволосой, нагой девушке, выходящей из моря близ Александрии сообщается в персидской космографии XIII в., которая с помощью волшебства избавляет жителей города от козней джиннов и пери («Чудеса мира», с. 111); *су-кизи*, прекрасные девы-пери упоминаются в чагатайской поэзии XV в. (В. А. Гордлевский. Избранные соч., М., 1960. Т. I. С. 21); В персидском романе XIII — XIV вв. «Гюл и Санаубар» описана сказочная страна Шабистан, где правит Прекрасная Гул-пери, царица пери (Жирмунский В. М., Зарифов Х. Т. Узбекский народный героический эпос. М., 1947. С. 287-288); см. также: Бертельс Е. Э. Райские девы (гурии) в исламе // Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М., 1965.

¹⁰²⁶ Это же существо в мифологии тюркоязычных народов носит имя *албасты* (злой дух, связанный с водной стихией). Албасты обычно представлялся в облике уродливой женщины с длинными распущенными светлыми волосами и такими длинными грудями, что она закидывает их за спину. Свойственные албасты черты имеют в мифологиях узбеков и киргизов дух *азаткы*, сбивающий с дороги путников (ст. В. Н. Басилова в МНМ. Т. I. С. 58). См. также: О. А. Сухарева. Пережитки демонологии и шаманства у равнинных таджиков // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 29-37; В. Н. Басилов. Албасты // Историко-этнографические

(«груди у женщин чрезвычайно велики и длинны»), такой же изображается у киргизов девица „Кульдургыш“. В монгольском халхаском эпосе ведьма обычно имеет аналогичный облик: рослая белая женщина с железной кожемялкой (ее чудесное оружие) и с отвисшими грудями — одна перекинута через плечо, другая лежит в очажной золе.¹⁰²⁷ Поэтому следует согласиться, что Низами Арузи и Хетум говорят о разных персонажах восточной демонологии: пери и дэвах. И уж к диким людям, без *связок в голенях*, эти существа никакого отношения не имеют. Столь яркая подробность, как негнувшиеся ноги, вероятнее всего, не могла бы выпасть из описаний. Брат Вильгельм де Рубрук записал со слов китайского монаха легенду о синсине — маленьком человеческом создании с негнувшимися ногами; эта легенда известна и по китайским источникам, и поскольку в ней не говорится о ногах синсина, то происхождение версии, зафиксированной братом Вильгельмом остается неясным (подробный анализ см. в приложении к главе).

Близкий к сведениям Хетума эпизод имеется в сочинении Иоганна Шильтбергера (XV в.), когда речь заходит о Сибири. Татарскому правителю Едигею владетель этого края прислал двух диких людей — мужчину и женщину.¹⁰²⁸

исследования по фольклору. [Сб. ст.]. М., 1994; Согласно поздним преданиям, герой, столкнувшись с таким дэвом, знает как себя вести. Он сосет молоко из ее груди и таким, символическим, образом между ними устанавливается родство: дэв-женщина волей-неволей должна уже помогать своему «названному сыну», см.: В. А. Гордлевский. Из османской демонологии // ЭО. 1914. Кн. CI - CII. № 1-2. С. 3-4; В якутском олонхо герой сосет молоко из груди старухи (существа нижнего мира), явившейся ему во сне, что удесятерляет его силы, см.: С. В. Ястремский. Образцы народной литературы якутов, с. 116-117; и, наоборот, у горных таджиков, считалось, что если алмасти дает пососать свою длинную грудь младенцу, то тот умирает, см.: Н. А. Кисляков. Материалы по древним верованиям горных таджиков // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия. Кн. 3. М., 1989. С. 252; В представлениях жителей Мунджана, изолированной высокогорной долины в Восточном Гиндукуше, *алмасти* также связана с водной стихией, не избегает общения с человеком; если ей обстричь волосы на голове, то она подчинится человеку, см.: А. Л. Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджанский язык. Тексты, словарь, грамм. очерк. Л., 1972. С. 143-145; Ср.: М. С. Андреев. Краткие сведения о верованиях в божество-демона Ал-Албасты в Средней Азии // М. С. Андреев. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи). <Душанбе>, 1953. Вып. I. С. 78-82;

Дэвы — в иранской мифологии злые духи, противостоящие благим духам — ахурам. «Шахнаме» изобилует сюжетами борьбы с дэвами. Представления о дэвах сохранились в фольклоре иранских народов; у таджиков *дэвы* — великаны, покрытые шерстью, с острыми когтями на руках и ногах, ужасными лицами (ст. И. С. Брагинского в МНМ. Т. I. С. 417). О дивах см.: Иностранцев К. А. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии // ЗВОИРАО. СПб., 1908. Т. XVIII. Вып. II — III. С. 140; В мифологии тюркоязычных народов образ *дэва* индоевропейского происхождения. У турок и гагаузов дэвы-великанши имеют, как и албасты, длинные груди, которые они забрасывают за плечи. Последний признак сближает их с персонажами из рассказа Хетума.

¹⁰²⁷ *Понне Н. Н.* (собрал). Произведения народной словесности халха-монголов. Северо-халхаское наречие (Образцы народной словесности монголов. Т. 3). Л.; 1932; По мнению С. Ю. Неклюдова, «этот класс персонажей восходит к образам демонических матриархальных „хозяек“ архаической мифологии или разновидностям хтонической богини-матери, хотя генезис отдельных персонажей может быть и гораздо более поздним», см.: Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов. Устные и литературные традиции. М., 1984. С. 115.

¹⁰²⁸ Шильтбергер рассказывает об этом следующим образом: Едигей шел в страну Сибирь два месяца. «В стране этой находится гора, называемая Арбус и простирающаяся на тридцать два дня ходьбы; живущие там люди полагают, что за горой этой находится пустыня, доходящая до оконечности света: никто не может также пройти через эту пустыню или жить в ней по причине <водящихся там> диких зверей и гадов. На вышеупомянутой горе живут дикие люди, не имеющие постоянных жилищ; тело же у них, за исключением рук и лица, покрыто волосами; подобно

Чтобы окончательно убедиться в том, что дикие люди, с которыми сражаются монголы, не относятся к разряду традиционных мифических персонажей, рассмотрим еще несколько описаний. В нашу задачу не входит подробный анализ восточной демонологии XIII века. И ниже мы обращаемся к сведениям Марко Поло и ал-Бакуви лишь по той причине, что эти авторы, как принято считать, также сообщают о наснасах. Тогда как, вероятнее всего, у Марко Поло речь идет о *джиннах* (злых духах мусульманской мифологии), а у ал-Бакуви говорится об ассиметричных существах, не имеющих ничего общего с наснасами. Джинны, согласно мусульманской традиции, созданы Аллахом из чистого огня и представляют собой воздушные или огненные тела, обладающие разумом (Коран. XV. 24).¹⁰²⁹ К тому же джинны обладают речью, а дикие люди, как они описаны в Романе, бессловесны. Мусульманская традиция различает три класса джиннов: гул, ифрит, силат.

Об удивительных происшествиях с джиннами Марко Поло вспоминает, когда описывает трудный переход через пустыню Гоби:

«Есть там вот какое чудо: едешь по той пустыне ночью, и случится кому отстать от товарищей поспать или за другим каким делом, и как станет тот человек нагонять своих, слышит он говор духов,¹⁰³⁰ и почудится ему, что товарищи зовут его по имени, и зачастую духи заводят его туда, откуда ему не выбраться, так он там и погибает. И вот

другим животным, они скитаются по горе, питаются листьями и травой, и всем, чем придется. Владелец упомянутой страны подарил Едигею двух диких людей — мужчину и женщину, которых поймали на горе, а также трех диких лошадей, которых там также словили; лошади же, живущие на горе, величиною с осла; водится там также много животных, которые в немецких землях не попадают и которых я не могу назвать по имени», цит. по: Алексеев, с. 52-53; Ср.: Языческая Сибирь начала XV в. в описании западноевропейского христианина: «Книга путешествий» Иоганна Шильтбергера / Пер. и коммент. А. Г. Еманова // Религия и церковь в Сибири (Тезисы и материалы научной конференции). Тюмень, 1990. Вып. I. С. 60-61. А. Г. Еманов трактует сведения Шильтбергера исключительно в рациональном ключе, поэтому диких людей он принимает за самодийцев, пустыню, доходящую до края света — за Барабинскую степь, а лошадей, обитающих на мифической горе — за северных оленей и т. д. Это попытка «вертикальный» текст, передающий мифы иной культуры, расшифровать как «горизонтальный» текст.

Дикие люди, о которых рассказывает Шильтбергер, скорее всего, существа монгольской мифологии, известные под именем «хун-гурогун»: «так называются человекоподобные звери, живущие в лесу; их стати человеческие, они говорят человеческим языком, только тело их покрыто шерстью. Они ходят по двое, муж с женой. У женщины груди до колен, когда она бежит, то закидывает их за плечи» (Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии, с. 185); Ср.: Wakounig M. Das Bild der Türken und tataren bei Johannes Schiltberger // Prace historyczne. Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Jagiellońskiego. 102. 1992, ss. 117-124.

М. П. Алексеев не идентифицировал «гору Арбус». *Гора Арбус* — вероятнее всего, мифическая гора Эльборз. О горе Эльборз см.: Фирдоуси. Шахнаме. Т. I. С. 613 и далее по географ. указателю. В «Авесте» герой древнеиранской мифологии царь Кай Каус (авест. Кавай Усана) повелевает дивами из своего волшебного замка на Эльборзе, см.: И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956. С. 141; О связи мифической горы Каф с горой Харбус в иранской космогонии, см.: И. Ю. Крачковский. Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 45.

¹⁰²⁹ См. также: МНМ. Т. I. С. 374; ср. со сведениями ибн Фадлана о верных и неверных джиннах. Некоторые джинны, согласно Корану, приняли ислам, другие остались неверными (Петрушевский И. П. Ислам в Иране в VII — XV вв. Л., 1966. С. 66).

¹⁰³⁰ Считалось, и это важно в данном случае, что джинны, в отличие от наснас, обладали даром речи, ср.: «В Кайраване есть каменный дом. В нем стоит трон из бирюзы. На троне изображены четыре джинна, они держат друг друга за руки и ведут меж собой беседу на непонятном <языке>. Они — неживые, но разговаривают» («Чудеса мира», с. 102). Там же, см. рассказ о джинне, который обратившись в человека небольшого роста сидел на верблюде, размером с овцу, и что-то громко выкрикивал на базаре, а потом взлетел на небо («Чудеса мира», с. 110).

еще что, и днем люди слышат голоса духов, и чудится часто, точно слышишь, как играют на многих инструментах, словно на барабане» (Марко Поло, с. 79-80). К этим сведениям есть добавление у Рамузио: «Рассказывают, некоторые, проходя по пустыне, видели, что войска идут им навстречу, со страху, чтобы не быть ограблену, они бежали, а сойдя с прямого пути не знали, как туда вернуться, и гибли с голоду¹⁰³¹» (Марко Поло, с. 271).

Описывая путь через Центральную Монголию, Марко Поло снова упоминает это загадочное явление:

от города Эдзина, что стоит в начале песчаной степи, в Тангутской области, сорок дней едут на север, степью, «и нет там ни жилья, ни пристанищ; люди живут там только летом, по долинам, а в горах много диких зверей, много также диких ослов», «много тут духов, по ночам они зачастую разговаривают¹⁰³²» (Марко Поло, с. 93, 84).

В «Космографии» ал-Казвини (XIII в.) упоминается близкий персонаж под именем «гуль-ябани» ‘гуль из пустыни’ — злая, коварная ведьма; она пугает в пустыне ночных путников и прыгает на них.¹⁰³³

Ал-Бакуви, чье сочинение представляет собой сокращенную редакцию географического труда Закарийя ал-Казвини, передает о *наснас* следующие сведения:

«Аш-Шихр — область между Аденом и Оманом на берегу моря. Отсюда происходит шихрийская амбра, ибо она имеется <только> на этом побережье. На земле <этой области> много садов. Здесь живет *наснас* — это животное с половиной тела как у человека; на него охотятся и едят его <мясо>» (ал-Бакуви, с. 19). Легендарные сведения сообщаются и о другой части аравийского побережья: «Вабар — город где-то в Йемене. Одно из местопребываний ‘адитов. Когда они погибли, Аллах всевышний дал их землю в наследство джиннам, и никто из людей не жил здесь. <Город> назвали по имени Вабара ибн Арима ибн Сама ибн Нуха — да будет мир над ним! Он находится между аш-Шихром и Сан’а, приблизительно на <расстоянии> трехсот фарсахов. Когда джинны стали творить зло, возгордились и не воздали должное Аллаху всевышнему за его милости, Аллах всевышний изменил их природу, превратив их в *наснас*: у каждого из них лишь половина лица, один глаз, одна рука и одна нога. И ушли они <из города>, пасясь в лесистых зарослях на берегу моря, как пасется скот, губя посевы. Жители этой страны охотятся на них с собаками» (ал-Бакуви, с. 22).

По мнению З. М. Буниятова, *наснас*, описанный ал-Бакуви, — один из персонажей арабо-персидской демонологии, который нападал на путников и, обвинив их своими длинными ногами (?), загонял до смерти.¹⁰³⁴ Согласится с предположением Буниятова не возможно: «половиннотелые» *наснасы* ал-Бакуви — ассиметричные существа, т. е.

¹⁰³¹ Ср.: китайский паломник V в. Фа Сянь пишет о пустыне Такла-Макан, называя ее Песчаной Рекой: «В Песчаной Реке обитают во множестве злые духи, дуют горячие ветры, и кто бы ни встретился с ними — все гибнут, никто не уцелеет. Вверху — не пролетит птица, внизу — не пробежит зверь; и как ни вглядывайся вдаль, желая разглядеть свой путь, — не увидишь ничего, кроме иссохших человеческих костей, обозначающих <дорогу>» (Цит. по: История и культура Древней Индии: Тексты / Сост. А. А. Вигасин. М., 1990. С. 301).

¹⁰³² По мнению Умберто Эко, Марко Поло слышит мистические голоса в пустыне, см.: Eco U. *Über Spiegel und andere Phänomene*. München, 1991, s. 95. Вероятно, не стоит столь прямолинейно воспринимать сведения Марко Поло, который, скорее всего, передает «фольклор» путешественников о злых духах, сбивающих путника с пути.

¹⁰³³ Гордлевский В. А. Из османской демонологии, с. 5.

¹⁰³⁴ Ал-Бакуви, прим. на с. 118.

одноногие, однорукие и т. д.,¹⁰³⁵ но никак не гибконогие. В османской демонологии имеется джинн Каиш-баджак ('Нога-ремень'), сколок с арабского джинна из сказок «Тысяча и одна ночь». Верхняя часть тела у него как у человека, а нижняя — длинный хвост.¹⁰³⁶ У киргизов, как отметил Валиханов, аналогичный персонаж — Кон-аяк ('Кожа-ноги'), живет в лесах и на островах; вместо ног у него ремни.¹⁰³⁷ Эти персонажи и являются «гибконогими».

Несмотря на то, что «гибконогие» существа являются антиподами интересующих нас «жестконогих», сведения о них важны для наших разысканий. И вот почему. Важна литературная традиция, приписывающая легендарным персидским царям столкновение с подобными персонажами. Так, Кей-Кавус вступает

«в заповедный таинственный край
Свирепых чудовищ, по кличке — „Нермпай“.
Бескостны их ноги и цепки ступни,
„Нермпай“ потому и зовутся они»
(«Шахнаме». Т. I, с. 392).

Согласно этой же традиции и Искандер вступает в битву с мягконогими. В «Шахнаме» описывается одно из странствий Искандера, которое приводит его в землю мягконогих, далее названных змееногими. Эта страна — обиталище *нармпайан* 'мягконогов'. Они бегают на коленях и сражаются камнями.¹⁰³⁸ Воины Искандера избивают их несметное множество.

«В страну мягконогих дружина пришла,
И видят — народу там нету числа.
Бойцы без мечей, без коней, без брони;
Могучие, ростом как тополь они.
Их крик оглушительный грому под стать,
Сказал бы, то дивов свирепая рать.
Камней беспощадный посыпался град,
Так осенью бури деревья крушат.
Мечами их встретили, тучами стрел,
День ясный, сказал бы, в тот миг почернел.
Разгромлена рать змееногих <...>»
(«Шахнаме». Т. 5, с. 58).

Важна также традиция, приписывающая Искандеру походы на наснас. Ал-Бируни пишет, что Аллах помог Зу-ль Карнейну «вступить на севере в <царство> мрака <и пройти его> полностью, лицезреть отдаленнейшие пределы населенного мира, совершать походы против людей и „наснасов“» (ал-Бируни. Памятники, с. 49).

¹⁰³⁵ Ср. с «половиннотелой» ведьмой алмас (Потанин Г. Н. Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия. СПб., 1893. Т. II. С. 351).

¹⁰³⁶ Гордлевский В. А. Из османской демонологии, с. 6.

¹⁰³⁷ Валиханов Ч. Г. Сочинения. СПб., 1904. С. 227.

¹⁰³⁸ Бертельс Е. Э. Роман об Александре и его главные версии на Востоке // Бертельс Е. Э. Избранные произведения. М., 1965. Т. 4. С. 30.

Согласно представлениям древних китайцев царство мягкотелых (не имеющих костей), находится за северными морями.¹⁰³⁹ Указать же местоположение земли «твердоногих» существ в мифической географии Азии невозможно. В свете вышеизложенного представляется малоубедительной и попытка М. П. Алексеева увидеть в сведениях брата Иоанна отражение легенд об одноногих людях из ненецкого фольклора.¹⁰⁴⁰

Подведем предварительный итог. Легенды о дэвах из рассказа Хетума, арабские и персидские предания о наснас, сообщение Марко Поло о джиннах — все это не имеет прямого отношения к сведениям о существах из донесения брата Иоанна. Напомним их отличительные признаки: они не имеют связок в голених (упав, встать не могут), одеваются в войлоки и знают траву, которую можно приложить к ране. Дэвы, джинны, пери и наснас (обладавая определенными характерными признаками) являлись популярными персонажами восточной демонологии. Рассказы о них были на слуху, чего не скажешь о существах с негнуцимися ногами. Выявленные обстоятельства лишний раз подтверждают уникальность сведений, составляющих живую ткань «Романа о Чингисе». И одновременно, проливают свет на способ сочинения этого произведения. К примеру, царь Хетум, кроме рассказа о диких людях из южной пустыни, сообщает о некоей стране за Китаем, где мужчины имеют обличье собак и эти собаки не позволяют никому вступать в их землю. О каких-либо походах монголов в эту страну не говорится. Тогда как в «Романе о Чингис-хане» описывается поход одной из монгольских армий в Землю псов и неудачная битва с ними.

Дэвы из рассказа Хетума не представляют особой загадки. Эти демонические существа сохранились в мифологии тюрков и персов до наших дней.¹⁰⁴¹ Мир дэвов был частью мифической реальности, и можно полагать, что в XIII в. никто не сомневался в их существовании. Загадочность сведений Хетума в другом: это уже вторая из «удивительных и неведомых историй», услышанных армянским царем во время его путешествия в Центральную Азию, совпадающая по некоторым важным параметрам с сюжетом из «Романа о Чингисе». В обоих случаях действие легенды разворачивается в одной и той же песчаной местности к югу от Эмиля. Однако совпадает лишь внешняя рамка изложения, но происходит подмена мифических персонажей. Место дэвов занимают дикие люди с негнуцимися ногами. Скорее всего, автор Романа воспользовался известной при монгольском дворе легендой о диких существах (с длинной грудью) и вставил в нее сюжет о диких людях (без связок в голених), что позволило перенести действие в южную пустыню. Тем самым были достигнуты две цели чрезвычайно важные для замысла Романа: во-первых, неосвоенное пространство, пригодное только для обитания диких людей, включается в пределы легендарной империи Чингиса; и, во-вторых, вымышленная история приобретает статус реального события. Именно поэтому автор не изобразил войну монголов с дэвами, истинными обитателями пустынь. Война с дэвами не позволила бы обыграть прославленные особенности монгольских лучников — поражающую силу их дальнобойных луков,¹⁰⁴² тогда как «охота» на мифических носорогов идеально подходит для этих целей. Замечу,

¹⁰³⁹ «Царство Мягкотелых (Жоули) находится к востоку от <царства> Одноглазых. Там у людей одна рука и одна нога вывернуты; коленка искривлена, ступня вывернута вверх. Еще говорят: в царстве люли ноги у людей повернуты <ступнями> назад, <словно> сломаны» (Каталог гор и морей, с. 99).

¹⁰⁴⁰ Алексеев, с. LVIII; Он же, Сказания иностранцев о России и ненецкий эпос // СЭ. 1935. № 4 - 5. С. 153-159. Об асимметричных существах самоедской мифологии подробнее см. в главе 5. 18.

¹⁰⁴¹ Басилов В. Н. Демон албасты в шаманстве Средней Азии и Казахстана. М., 1992.

¹⁰⁴² В трех легендарных сюжетах обыгрывается тема, связанная с монгольскими лучниками, подробнее, см. § 4 в главе 5. 11 и § 5 в главе 5. 12.

что «Роман о Чингис-хане» не является коллекцией случайных фантастических эпизодов, созданных с целью развлечь читателя занимательными историями, как, например, персидская космография «Чудеса мира».¹⁰⁴³ Напротив, в этом сочинении изображена квазиисторическая модель монгольской империи, поглотившей запретные миры. Выбор тем и конструирование сюжетов показывают, что перед нами интеллектуальная игра, построенная на инверсии военных символов империи. И сведения Хетума косвенно подтверждают эту идею.

§ 3. Мифические носороги.

По мнению Пелльо, сведения брата Иоанна о людях, не имеющих суставов в голених, и которые, упав, уже не могут подняться самостоятельно, воспроизводят легенду, известную всему древнему миру.¹⁰⁴⁴ В ней шла речь то о слоне, то о носороге, реже о других животных, и лишь иногда о людях. Лауфер занимался этой легендой дважды.¹⁰⁴⁵ Остальные «функциональные признаки» диких людей, в частности, знание о травах, прикладываемых на раны, остались в тени.

Лауфер пишет, что сюжет о носорогах с бессуставчатыми ногами встречается уже в «Физиологе» (II — IV вв.), где аналогичная история связана со слонами. Далее, он указывает на сведения об индийских носорогах арабского путешественника Сулеймана (851 г.). Однако более ясная и оригинальная версия рассказа, по мнению Лауфера, содержится в китайском источнике периода Тан. Дуань Чэн-ши, большой собиратель диковинок, с удивлением писал о деревянных ловушках, которые применяются для поимки носорогов в одной из экзотических стран Южных морей. Рассказ был услышан Чэн-ши от врача из морского города Гуанчжоу, который, в свою очередь, узнал эту историю от некоего морского капитана. История следующего содержания:

«Морские люди охотятся на носорогов, устраивая на лесных тропах конструкции из подгнившей древесины, что-то вроде стойла для свиней или овец. Так как передние ноги носорога не имеют суставов, это животное имеет обыкновение спать, облокотясь на ствол дерева. Гнилые деревья внезапно ломаются и животное валится вперед и долго не может встать. Тогда люди нападают на него и убивают».¹⁰⁴⁶ (Cheng Lei pen ts'ao добавляет «и захватывают его рог»). Важно, что о слонах подобных историй у китайцев не существовало. Ср. со сведениями китайского фармаколога эпохи Тан Чжэнь Цюаня: «В западных странах стараются употреблять слоновьи бивни для отделки лож и сидений. В Среднем царстве мы ценим их и используем для изготовления ритуальных табличек. Когда у слона выпадают бивни, он закапывает и прячет их сам. Люди некоторых стран Курунга добывают их, исподволь подменяя <выпавшие> деревянными бивнями».¹⁰⁴⁷

Лауфер справедливо указывает на очевидное совпадение рассказа о носороге с историей о слоне из «Физиолога». Принято считать, что это популярно-теологическое

¹⁰⁴³ Ср. «Все, что я прочел в книгах, я записал и собрал <воедино> и <посвятил книгу> государю вселенной, эмиру Хорасана, царю Востока Абу-л-Касиму Нуху б. Мансуру, подчиненному повелителю верующих, дабы развлечь его чтением и воздать должное ему за его благодеяние мне и ученым мужам, да сопутствует <им> успех!» («Чудеса мира», с. 46).

¹⁰⁴⁴ Pelliot, *Recherches*, pp. 34-35, там же см. литературу вопроса.

¹⁰⁴⁵ Laufer B. *Arabic and Chinese Trade in Walrus and Narwhal Ivory* // *T'oung Pao*. 1913. XIV, pp. 361-364 (Далее сноски на эту статью — Laufer); Laufer B. *Chinese Clay Figures*. Chicago, 1914, p. 146.

¹⁰⁴⁶ Laufer, p. 362.

¹⁰⁴⁷ Цит. по: Э. Шефер. Золотые персики Самарканда, с. 317.

сочинение имеет александрийское происхождение.¹⁰⁴⁸ Нравы и особенности животных получают в нем истолкование в форме христианской библейской экзегезы.

Обратимся к сведениям о слоне из «Физиолога». Для зачатия потомства, слон и слониха отправляются на восток, где находят плод мандрагоры, возбуждающий любовное желание. Отметим столь любопытную деталь как *мандрагора*. Вера в возбуждающую силу мандрагоры и ее роль в зачатии плода имела глубокие корни; ср. библейское предание о мандрагоровых яблоках, которыми пользуются для обеспечения зачатия Лия и Рахиль (Быт. 30, 14-23). В греческом «Физиологе» сказано:

«Есть животное на горе, называемое слон. У этого животного нет страсти к соитию. И если хочет иметь детей, идет на восток, недалеко от рая. Там есть дерево, называемое мандрагоровым. И идет вместе с самкой и самец. И самка отвеживает первой от дерева, и дает своему мужу, и играет с ним, пока и он не отвеждает. Съев, самец тотчас соединяется с самкой, и она принимает во чреве. И когда время приходит ей родить, идет в пруд водный до тех пор, пока вода не дойдет до сосков ее. И так рождает дитя свое в воде. И приходит к сосцам матери и сосет. — Слон же охраняет ее, рождающую, от змеи, потому что враг змея слону. И когда он находит змею, то топчет ногами и убивает ее. — Особенность же слона такова: когда упадет, не может встать, ибо не имеет суставов в своих коленях. Как же падает он? Когда хочет спать, то, прислонившись к дереву, спит. Индийцы¹⁰⁴⁹ же, зная об этом свойстве слона, идут и подпиливают дерево немного. Приходит слон, чтобы прислониться, и, как только приблизится к дереву, падает дерево вместе с ним. Упав же, не может встать. И начинает плакать и кричать. И слышит другой слон, и приходит помочь ему, но не может поднять упавшего. Тогда оба кричат, и приходят другие двенадцать, но и они не могут поднять упавшего. Тогда кричат все вместе. После всех приходит маленький слон, подкладывает свой хобот под слона и поднимает его».¹⁰⁵⁰ Толкование: слон и слониха, отведавшие мандрагоры, уподобляются библейским Адаму и Еве, вкушившим запретного плода и родившим Каина на дурных водах. Змея означает дьявола; большой слон есть Ветхий завет. «И пришедший большой слон, то есть Закон, не смог поднять упавшего. Затем пришли 12 слонов, то есть лик пророков, и они не смогли поднять его. После всех пришел мысленный слон, или же Христос Бог, и поднял упавшего с земли. Первый из всех стал меньшим из всех, „Сам уничижил Себя, приняв рабский облик“, чтобы всех спасти».¹⁰⁵¹

Как отметил уже Лауфер, в «Физиологе» говорится лишь о хитростях охоты, и довольно нелогично забывается об охотниках, сидящих в засаде; в итоге, животное спасается чудесным образом. В этом произведении все подчинено символической христианской интерпретации (упавший слон — Адам и т. д.).

В китайском описании охоты на носорога прямо не говорится об Индии, а упоминаемые в нем «морские люди» — туманное выражение, указывающее на жителей Южных морей (может быть Аннама или Камбоджи); капитан, рассказавший эту легенду, прибыл, несомненно, из какого-то южного порта, находящегося в культурной сфере Индии. По мнению Лауфера, это означает, что легенда в то время имела широкое

¹⁰⁴⁸ Подробнее о происхождении и источниках Физиолога см.: Карнеев А. К. Материалы и заметки по литературной истории Физиолога. СПб., 1890. С. 118-123. Из ссылок на Физиолог Климента и Оригена явствует, что это сочинение, наполненное символическими толкованиями, было популярной книгой в Александрии уже во второй половине II в.

¹⁰⁴⁹ В списках Sас вариант: «охотники» (прим. пер.).

¹⁰⁵⁰ Физиолог / Издание подготовила Е. И. Ванеева. СПб., 1996. С. 151-152.

¹⁰⁵¹ Физиолог, с. 152.

хождение в Островной Индии.¹⁰⁵² Сведения «Физиолога» показывают также, что отнесение этого сюжета к Индии восходит к более древней эпохе, ко времени, предшествовавшему появлению «Физиолога».

Рассмотрим, вслед за Лауфером, сведения о носороге арабского купца Сулеймана, который в начале IX в. совершил несколько путешествий в Индию и Китай. Это была эпоха, когда торговые связи империи багдадских халифов с Индией и Китаем достигли высшего расцвета. Рассказ Сулеймана был записан около 851 г.:

«Носорог меньше слона по толщине и его цвет близок к черному. Он напоминает быка, очень силен, ни одно животное не может с ним сравниться по силе. *У него нет суставов в колене и руке. От стопы до подмышки — это один кусок плоти.* Слон избегает встреч с ним. Его мясо разрешается принимать в пищу <мусульманам> и мы ели его. В этой стране он обитает в лесах в большом количестве. Есть носороги и в других провинциях Индии, но здешняя кость красивее, так как из нее можно сделать фигуры людей, павлинов, рыб или иное. Обитатели Китая делают из рога этого животного пояса, стоимость которых доходит до двух-трех тысяч динаров и даже более, в зависимости от красоты изделия. Всю эту кость приобретают в стране Рама, вместе с <ракушками> каури, которые ходят там как деньги».¹⁰⁵³ Рассказ Сулеймана был заимствован ал-Казвини, автором XIII в.

Известно еще одно свидетельство IX в. об интересующем нас предмете: «Именно в этой стране <Рама> встречается животное, называемое *нишан* <nišan>, более распространенное его имя *каркадан*, носорог. На лбу у него рог. Ростом меньше чем слон, но крупнее быка. Цветом он почти черный. Слон избегает встреч с ним, как с самым сильным животным. *Большинство его костей слитные, без суставов в ногах, таким образом он не может ни присесть, ни спать иначе, нежели облокотясь о деревья, растущие в джунглях.* Индийцы и мусульмане, живущие здесь, едят его мясо, так как оно вроде <мяса> быка в Индии и Зинде. Носорог водится везде в лесистых местах Индии, но нигде нет его в таком количестве, как в королевстве Рама. Кость тамошних носорогов отличается великолепной гладкостью и красотой».¹⁰⁵⁴ Ср. со сведениями Ибн Хордадбега (IX в.) об острове ар-Рами. Ибн Хордадбег сам не совершал путешествий, но возглавляя почтовое ведомство и службу осведомления халифата, имел доступ к самым точным сведениям. Ибн Хордадбег не говорит о вымышленной особенности носорога: За Сарандибом следует остров ар-Рами.¹⁰⁵⁵ Там водятся носороги. Это животное ниже слона, но выше буйвола. Оно ест траву и пережевывает ее как это делают коровы и овцы. Там водятся буйволы, у которых нет хвостов. На <острове растут> бамбук и сандаловое дерево, корни которого вылечивают от яда тотчас же. Мореппаватели применяют его против укуса ядовитых змей. Там в зарослях <обитают> голые люди. Речь их непонятна, так как похожа на свист. Они невелики <ростом> и питают неприязнь к <незнакомым> людям. Рост этих людей 4 пяди <ишбры>. Как у мужчин, так и у женщин половые органы малого размера. Волосы на голове у них — это красный пушок. Они взбираются на деревья <только> при помощи рук, не ставя на них ноги» (Ибн Хордадбег, с. 79). Ибн Хордадбег сообщает также о землях владыки Камируна,¹⁰⁵⁶ чьи владения соприкасаются с ас-Сином: «Есть здесь носорог, у которого на

¹⁰⁵² Laufer, p. 363.

¹⁰⁵³ Ferrand G. Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extreme-Orient. Paris, 1913. I, p. 44.

¹⁰⁵⁴ Ferrand G. Relations de voyages, p. 105.

¹⁰⁵⁵ Сарандиб — Цейлон. Ар-Рами — вероятно, остров Суматра (прим. пер., с. 226).

¹⁰⁵⁶ Камирун — существуют разные версии отождествления этого топонима: 1) Камбоджа (Кхмер); 2) Ассам — владение в Хинде (прим. пер., с. 230).

лбу рог длиною в локоть и толщиною в две *кабды*. Этот рог от начала до конца <весь> в рисунках. Если его разрезать, то перед твоим взором предстанет рисунок белый с черным, как гагат <сочетанием цветов> и <напоминающий по форме> человека или животное, либо же рыбу или павлина, или иную птицу. Жители ас-Сина изготавливали из них пояса; <цена> этих поясов от 300 динаров до трех и даже четырех тысяч динаров» (Ибн Хордадбех, с. 80). Ал-Бакуви пишет об украшениях жителей страны ас-Син: «Их одежда — из шелка, украшения — из кости слонов и носорогов» (ал-Бакуви, с. 19).

Столь подробное изложение различных сведений (здесь и ниже) сделано с той целью, чтобы в дальнейшем изложении продемонстрировать их инверсию в процессе «превращения» носорога, не имеющего суставов в ногах, в людей с тем же самым признаком из «Романа о Чингисе».

В «Физиологе» действие легенды разворачивается в Индии, и носорог превращается в слона. Арабский источник Сулеймана и китайская версия показывают, что в Индии первоначально история ассоциировалась с носорогами. Иначе трудно было бы понять, пишет Лауфер, как индийцы столь близко знакомые со слонами, могли бы придумать, что у последних — бессуставные колени. Фундаментальная ценность китайского текста, подчеркивает Лауфер, заключается в том, что он отражает первичную форму индийской легенды, послужившей основанием рассказа в «Физиологе». Китайское повествование содержательно тем, что рассказывает об охоте на носорога, подчеркивая хитрость людей, научившихся использовать анатомический недостаток и поведение животного.

Видимо, стоит внести ясность в картину, нарисованную Лауфером. Как в китайском источнике, так и в арабских текстах сообщается исключительно о *носорогах* с негнущими ногами. Другая группа арабских текстов (см. § 6) передает сведения об охоте на *слонов* с помощью ядовитых стрел (о ногах слона ничего не говорится). На этом фоне рассказ «Физиолога» о слоне без суставов в коленях, выглядит совершенно необычно. Гипотеза Лауфера не объясняет как мифический носорог превратился в слона. Сведения «Физиолога» наиболее близки к описанию африканской охоты на слона, изложенной у Страбона (Страбон. XVI. IV. 10; цитату см. ниже в § 5). Индийцам и арабам слон был хорошо известен, к тому же убивать слонов в Индии было запрещено. Так, согласно ал-Бируни, в Индии «разрешается убивать овец, коз, газелей, зайцев, носорогов *ганда*, буйволов, рыб, водяных и сухопутных птиц, таких, как воробьи, вяхири, тетерева, голуби, павлины, и прочих животных, которые не вызывают отвращения у человека или не вредны ему. То, запрет чего признается всеми, — это убивать коров, лошадей, мулов, ослов, верблюдов, *слонов*, домашнюю птицу, ворон, попугаев и соловьев» (ал-Бируни. Индия. Гл. LXVIII, с. 467).

Перед нами два равных выбора: либо признать «индийцев» из «Физиолога», устраивающих ловушку слону, африканскими охотниками; либо согласиться с тем, что под видом слона описан мифический носорог. Первый вариант предпочтителен. И он позволяет отказаться от дальнейшего рассмотрения сведений «Физиолога», в котором, возможно, нашла свое завершение античная традиция изображать слона с негнущими ногами. Так или иначе, связь «Физиолога» с сюжетом о диких людях без суставов в коленях не прослеживается. Напрашивается труднодоказуемое предположение, что в древности и в средневековье несколько раз рождался фантастический образ человеческого существа с негнущими ногами. Исходная фигура, несомненно, связана с охотой на носорога, чей рог был желаннейшим предметом — из него изготавливали чаши, которые, как считалось, обезвреживали любой яд. На пути превращения носорога в человека рождались промежуточные формы: олень и слон с негнущими ногами. Охота и связанный с ней мир переживаний, отразившись в текстах «наблюдающих» культур, с неизбежностью породили множество вторичных мифов. Одним из них является легенда о слоне из «Физиолога», другой древний миф передает бл. Августин

(353 — 430): «Рассказывают также, будто есть народ, который имеет ноги, состоящие из одних голеней, колен не сгибает, и отличается удивительной быстротой: их называют скиаподами, потому что в летнее время, лежа навзничь на земле, они прикрывают себя тенью от ног» (Блаженный Августин. О граде Божием. М., 1994. Т. III. Кн. 16, 8).

В рассказе, известном бл. Августину, уже произошла контаминация твердоногих с тененогими. Слово скиаподы ‘тененогие’ взято из классической греческой литературы. Существует ли связь между скиаподами и дикими людьми без связок в голених из нашей легенды, сказать трудно.

Подведем предварительный итог. Не вызывает сомнений тот факт, что западная и восточная версии легенды о бессуставчатых ногах носорога (слона) исторически тесно связаны; легенда локализуется в странах Индийского океана, что подтверждается сведениями Сулеймана; китайский текст, несмотря на то, что он сравнительно поздний, содержит первоначальную форму легенды, а греческий «Физиолог», хотя и возник в связи со Священным Писанием, скорее всего, воспроизводит сведения Страбона об африканских охотниках. Лауфер показал исходную форму средневекового арабского сюжета о носороге с негнуущимися ногами, но вопрос о переносе вымышленной особенности с носорога на слона, остался нерешенным. Так же далек от разрешения и вопрос, каким образом эта мифическая особенность животных была перенесена на людей.

§ 4. Средневековые описания слона.

Нельзя умолчать и о следующих сообщениях. Из произведений Плиния и Цезаря известно о лосе с безсуставными ногами, из-за чего он не может спать лежа и потому вынужден опираться боком о дерево. Это дерево подпиливают охотники, чтобы схватить животное. Хаммель полагал, что Плиний был знаком с содержанием «Физиолога».¹⁰⁵⁷ Что касается Цезаря, то трудно утверждать, что его сведения каким либо образом связаны с первоначальным содержанием «Физиолога». В этой связи можно напомнить и размышления Аристотеля о различных частях тела слона. Описав хобот слона, который выполняет функцию руки и носа, Аристотель продолжает:

«Природа пользуется по своему обыкновению одними и теми же частями для многих отправлений, взамен употребления передних ног. Ведь многопальцевые четвероногие употребляют их вместо рук, а не только пользуются ими для поддержки тяжести тела; слоны же принадлежат к многопальцевым и не имеют двукопытных или однокопытных ног; но, так как величина и тяжесть тела значительны, ноги употребляют только для поддержки и, вследствие их неповоротливости и неспособности к сгибанию, ни к чему другому не годны».¹⁰⁵⁸

Рассмотрим свидетельства средневековых западных источников. Мифическая особенность слона — негнущиеся ноги — в них не упоминается. В бестиарии конца XII в. рассказ о слоне начинается со сведений, заимствованных у Исихора Севильского, производящего название животного от греческого *λοφος* — ‘гора’.¹⁰⁵⁹ Исихор говорит об огромных размерах слона, об уме и памяти животного, об их пригодности к военным делам, о вражде слона и дракона, о его долголетию (XII. II. 14-16). Сведения Исихора восходят к описаниям Плиния, упоминающего о целомудрии животного (VIII. 5. 5) и о вражде слона с драконом (VII. 12. 12). См. также Аристотеля (II. 498 а) и

¹⁰⁵⁷ F. Hammel

¹⁰⁵⁸ Аристотель. О частях животных / Пер. с греч., вступ. ст. и примеч. В. П. Карпова. М.; Л., 1937. С. 86.

¹⁰⁵⁹ Муратова К. Средневековый Бестиарий. М., 1984. С. 102; См. также: Иванов Вяч. Вс. Названия слона в языках Евразии // Этимология. 1975. М., 1977.

Диодора Сицилийского (III. 27). Упоминание о вражде слона и дракона сохраняется у Альберта Великого¹⁰⁶⁰ и Брунетто Латини.¹⁰⁶¹ Последний обогащает свой рассказ о слоне сведениями о привычках слона, соблюдающего «распорядок, вносимый солнцем и луной так же, как и человек», и историями о слоне Фридриха II и средствах, употреблявшихся Александром Великим против слонов в битве с индийцами. Сравнительному анализу изображений слона в «Физиологе» и бестиариях посвящена статья Ц. Лунд.¹⁰⁶²

Согласно сведениям анонимного автора персидской космографии XIII в., «слон — огромное, очень ценное животное, обладающее подвижным хоботом и царским взором. Хобот служит <слону> вместо рук. С его помощью слон захватывает <пищу>, поднимает <предметы>, пьет. Я славословлю Бога славословием, достойным его, ибо он сотворил животное, у которого нос выполняет функцию руки. <Слон> упрям и высокомерен. Индийцы говорят, что раз в году лоб слона покрывается испариной, от которой идет запах мускуса. Когда слон разъярен, то может напасть на льва. Все звери боятся слона, он всегда одерживает верх. Самка слона носит плод в течение семи лет. У детеныша уже при рождении есть зубы. Слоны живут долго. В сей области они живут мало. Если обмазать дерево слоновьим пометом, оно перестанет плодоносить. Слон не испытывает страха перед другими животными и зверями. Бойтся он только кошки. Язык у слона повернут задом наперед, его кончик упирается в гортань.¹⁰⁶³ Соски у слона, как у людей, находятся на груди. <...> Говорят, слон живет тысячу лет, ежегодно он приносит доход — тысячу динаров» («Чудеса мира», с. 114-115). Ни средневековые латинские бестиарии, ни персидская космография XIII в. не дают ответа на интересующий нас вопрос. Ответ нужно искать в развитии темы *охоты* на слонов.

§ 5. Охота на слонов с помощью ядовитых стрел.

Даффина согласен с Пелльо в том, что легенда о людях немых и без связок в голених имеет свой источник в «Физиологе», который приписывал слону обладание негнушимися коленями.¹⁰⁶⁴ Далее, Даффина, ссылаясь на исследование Дж. Шарпентьера,¹⁰⁶⁵ утверждает, что эта тема получила широкое распространение и разнообразное развитие, вплоть до формы, которую мы находим у брата Иоанна. Однако, ни тот, ни другой автор не показывают путь этого превращения. Для темы нашего исследования также важно выяснить в какой традиции возникает сюжетная связь между людьми с негнушимися коленями и их умением использовать травы для лечения ран от стрел.

Первым ключевым текстом в этом направлении является сообщение Страбона. Он описывает три различных способа охоты на африканских слонов, один из которых является заведомо фантастическим. Охотники именуются элефантафагами (букв.

¹⁰⁶⁰ Albertus Magnus. De Animalibus Libri XXVI / Hrsg. von H. Stadler. Bd. I — II. Mnster i W., 1916. I. V. 189.

¹⁰⁶¹ Brunetto Latini. Li livres don Tresor / Publ. par P. Chabaille. Paris, 1863. XXII. I. 37.

¹⁰⁶² Lund C. Bild und Text in mittelalterlichen Bestiarien // Bestiarien im Spannungsfeld zwischen Mittelalter und Moderne / G. Febel und G. Maag (Hrsg.). Tübingen, 1977, ss.65-70.

¹⁰⁶³ Перевернутый язык слона — легендарная подробность, заимствованная из индийских мифов. Согласно ал-Бируни, в книге «Вишну-дхарма» повествуется о конфликте между огнем и *девами*: «Огонь бежал от дерева ашваттха к дереву шами. Тогда слон мигнул на него девам. Огонь поклялся и его так, чтобы язык у него перевернулся. Тогда девы сказали ему: „Если твой язык перевернулся, то разделяй трапезу с человеком и понимай его речь“» (ал-Бируни. Индия, с. 460).

¹⁰⁶⁴ Daffinà, p. 430-431.

¹⁰⁶⁵ Charpentier J. Kleine Bemerkungen zum Physiologus // Festschrift Ernst Kubn. Breslau, 1916, pp. 281-282. Шарпентьер ограничивается пересказом сведений из «Физиолога».

«поедающие слонов»); охотятся они следующим образом: «Завидев с деревьев пробирающееся сквозь лесную чащу стадо, они не нападают, а незаметно приблизившись сзади, перерезают жилы у заблудившихся животных. Некоторые охотники тем не менее поражают слонов стрелами, отравленными ядом змеиной желчи. Стреляют из лука 3 человека: двое держат лук, выступив вперед, а один натягивает тетиву. Другие, заметив деревья, к которым слоны обычно приходят на отдых, подходят к ним с другой стороны и снизу подрубают стволы. Затем, когда животное подходит к дереву и прислоняется к нему, дерево падает, а вместе с ним и слон. Так как животное не может подняться, потому что ноги у него сплошные, лишены суставов и не сгибаются, то охотники соскакивают с деревьев и рассекают слона на куски» (Страбон. XVI. IV. 10).

Страбон также упоминает сведения римского историка Габиния, который «рассказывает баснословные истории о слонах. Например, он сообщает, что в то время как прочие животные убегают от огня, слоны воюют с огнем и защищаются от него, потому что огонь губит лес; слоны яростно сражаются с людьми, причем посылают вперед разведчиков; когда они видят, что те обратились в бегство, они сами также убегают; будучи ранеными, слоны протягивают в знак просьбы о защите ветви, траву или пыль» (Страбон. XVII. III. 8).

Далее мы увидим, как два из описанных Страбоном приемов охоты (связанные с использованием яда и мифической особенностью слона), отразятся в образе существа, обладающего негнущимися ногами, и знающего как защитить себя от яда на кончиках стрел. Важна и «баснословная история» Габиния о поведении раненных слонов.

Спустя почти тысячу лет после Страбона, ал-Масуди напишет об охоте на африканских слонов следующее: «В земле зинджей великое обилие слонов, все они дикие, не одомашненные. Зинджи никак не используют их — ни на войне, ни как-либо помимо нее, а только убивают их. Они бросают в воду для слонов листья деревьев разного рода, которые имеются в земле их, их кору и их ветви. Зинджи прячутся, а слоны приходят, чтобы пить воду. И когда слоны напьются этой воды, она их обжигает и опьяняет; слоны падают, и их ноги и суставы не могут двигаться, как мы сообщали ранее. А зинджи выходят к ним с самыми большими копьями и убивают их, дабы взять их клыки. В их земле покупают клыки слонов, в каждом клыке сто пятьдесят или больше того маннов веса. Большая часть их продается из Омана в земли ас-Син и ал-Хинд».¹⁰⁶⁶

Свидетельство ал-Масуди не может быть напрямую использовано в качестве примера мифологической теории о том, что слоны не имеют суставов в своих коленях. В нем лишь определенно сообщается о хитрости охотников, которые опьяняют слонов — опьянев, слоны падают и не двигаются. Фактически, у ал-Масуди представлен (по слухам) один из вариантов темы «отравления» слонов, в результате чего ноги животных немеют и суставы теряют способность двигаться. Эта тема получит неожиданное развитие в книге о лечебных веществах ал-Бируни. Охоту на «носорога» с помощью отравленных стрел описывает и современник ал-Масуди знаменитый ибн-Фадлан. Охота на это странное животное происходит в лесах Булгара, на Средней Волге.¹⁰⁶⁷ Рассказ ибн-

¹⁰⁶⁶ Арабские источники VII — X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары, с. 237.

¹⁰⁶⁷ Ибн-Фадланом описывается «обширная дикая местность, о которой рассказывают, что в ней <есть> животное, по величине меньшее, чем верблюд, но больше быка. Голова его — голова верблюда, а хвост его — хвост быка, тело его — тело мула, копыта его подобны копытам быка. У него посреди головы один толстый круглый рог. По мере того как он возвышается <приближается к кончику>, он становится все тоньше, пока не сделается подобным наконечнику копья. Из них <рогов> некоторые имеют в длину от пяти до трех локтей, больше или меньше <этого>. Оно питается листьями деревьев халандж, имеющими превосходную зелень. Когда оно увидит всадника, то направляется к нему, и если под ним рысак, то он <рысак> спасается от него с

Фадлана отражает один из самых необычных вариантов развития интересующей нас легенды и имеет некоторые параллели с описанием индийского единорога из романа Флавия Филострата.

Странствуя по Индии, Аполлоний Тианский и его спутники «видели на болотах диких ослов, у коих посреди лба рос рог, и рогом этим они храбро сражались, бодаясь на бычий лад. Такие рога индусы употребляют вместо сосудов для питья: испив из подобного кубка, человек якобы в этот день уже не заболает, и никакая рана не нанесет ему ущерба, и из огня он выйдет невредим, и даже, отведав какого угодно яда, совершенно не пострадает — поэтому пьют из таких рогов цари, и лишь царям можно охотиться на вышеописанных тварей».¹⁰⁶⁸

В персидской литературе XII — XIII вв., посвященной чудесам мира, сохранялось представление о нестигаемых ногах носорога, но не слона. В анонимной космографии сообщается: «В Индии есть животное. Называют его носорогом. Оно очень большое, разве что только слон крупнее его. *Передние и задние ноги — словно столбы*. На лбу у носорога выступает один рог, очень твердый, с острым концом. Если <носорог> ударит <рогом> по железу, рассечет. Всевышний из кожи сотворил для него панцирь и поместил <ему> на спину. По повелению Всевышнего <носорог> в тот миг, когда видит врага, опускает панцирь <?>, и все тело его бывает защищено, так что никакое оружие на него не окажет действия. Носорог вступает в противоборство со слоном. Если быстрее удастся улучшить момент слону, то он ранит <носорога> хоботом. Если же повезет носорогу, он вонзит в слона свой рог. Говорят, что <слон повисает на роге и освободится ему не удастся, пока> оба не подохнут» («Чудеса мира», с. 49).

В то же время ал-Бируни, наблюдавший за индийскими носорогами воочию, сообщает о них вполне реальные сведения: «Что касается *ганды* <носорогов>, то их в Индии много, в особенности около Ганга. По внешности он похож на буйвола: у него черная складчатая <букв. чешуйчатая> кожа и свисающие подгрудки. Из трех желтых копыт на каждой ноге одно большое выступает вперед, а два — по бокам. Хвост у него недлинный, а глаза сидят ниже обычного <для других животных> места на щеке. На

трудом, а если оно догонит его <всадника>, то оно хватает его своим рогом со спины его лошади, потом подбрасывает его в воздух и <вновь> подхватывает его своим рогом и не перестает <делать> таким образом, пока не убьет его. А лошади оно ничем не вредит, никоим образом и никаким способом. И они преследуют его в диких местах и лесах, чтобы убить его. А это <делается> так, что <они> влезает на высокие деревья, между которыми оно <животное> находится. Для этого собираются несколько стрелков с отравленными стрелами, и когда оно окажется между ними, то стреляют в него, пока не изранят его и не убьют. Право же, я видел у царя три больших миски, похожих на йеменский оникс, о которых он мне сообщил, что они сделаны из основания рога этого животного. Некоторые из жителей <этой> страны утверждают, что это носорог» (ибн-Фадлан, с. 139-140). Ср., например, с противоречивой историей названия носорога в танском Китае. Видимо, его путали с различными видами древнего дикого быка, особенно с индийским диким буйволом-гауром, с водяным буйволом-буфало и, может быть, даже с яком; см.: Э. Шефер. Золотые персики Самарканда, с. 398, прим. 45; Ср. также с описанием африканского носорога по ал-Бируни; В «Огуз-наме» имеется эпизод битвы Огуза с единорогом (Огуз-наме, с. 23-27); Этот эпизод исключительно литературного происхождения (тема борьбы царя с мифическим драконом), и, вопреки мнению Х. Короглы, не имеет отношения к преданиям древних тюрок и рассказу Ибн Фадлана об охоте булгаров на «носорога» (Ср.: Короглы Х. Огузский героический эпос. М., 1976. С. 40).

¹⁰⁶⁸ Цит. по: Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Изд. подготовила Е. Г. Рабинович. М., 1985. Кн. III. 2. Рабинович считает, что речь идет о легендарных единорогах (прим. на с. 283). Мне кажется, что ситуация выглядит несколько сложнее. Совпадение описаний «единорога» у Флавия Филострата и ибн-Фадлана несомненно. К ним же примыкает рассказ ал-Бируни о хирхизских диких козлах или быках, чьи рога способны обезвредить яд (см. прим. 62). Во всех трех случаях описывается животное, обладающее рогом, и представлена тема яда/противоядия.

кончике носа у него один рог, загнутый кверху. Его мясо едят исключительно <одни> брахманы. Я видел своими глазами, как один молодой *ганда* ударил попавшегося ему навстречу слона и, ранив его своим рогом в переднюю ногу, забодал его. Я думал, что *ганда* — это носорог <каркадани>, однако некий человек, прибывший из Суфалы зинджей, сообщил мне, что *карк*, из рога которого там выделывают рукоятки для ножей ближе подходит к этому описанию. На языке негров его <карк> называют *инпила*. Он бывает разных цветов; у него на макушке есть рог конической формы, широкий у основания и невысокий; острие рога черное с внутренней стороны и все остальное белое. На лбу у него есть другой рог, длиннее первого и такого же вида; он выпрямляется, когда <животное> пускает его в дело и бодает. Оно точит его о камни, пока он не станет способным разрезать и прокалывать. У него есть копыта и хвост, наподобие хвоста осла покрытый волосами» (ал-Бируни. Индия. Т. II. С. 200).¹⁰⁶⁹

Сведения ал-Бируни об индийском и африканском носорогах следует сравнить с описанием единорога у Марко Поло.

§ 5. 1. Единорог Марко Поло.

Не исключено, что на острове Суматра Марко Поло воочию наблюдал носорога. Об этом свидетельствует его фраза: «С виду зверь безобразный».¹⁰⁷⁰ Однако особый интерес ситуации придает тот факт, что рядом с Марко Поло, возможно, находился „консультант“. Последний, видимо, и сообщил Марко Поло сведения о загадочном животном *зурафа*. В результате родилась фантастическая картина, в которой представления о *зурафа* переплетаются со сведениями о носороге.¹⁰⁷¹ К заключению своего рассказа Марко Поло сопоставляет свои наблюдения с европейской легендой о единороге.¹⁰⁷² Описание Марко Поло «носорога» с острова Суматра: «Водятся тут дикие слоны и единороги, ничуть не менее слонов; шерсть у них как у буйвола, а ноги слона, посреди лба толстый и черный рог; кусают они, скажу вам, языком; на языке у них длинные колючки, языком они и кусают. Голова как у дикого кабана и всегда глядит в

¹⁰⁶⁹ Наименования носорога: обычное в арабском — *каркадани* (от санскр. *khadgadanta* ‘саблезуб’) или *карк* (*khadga*); санскритское — *ганда* (*ganda*); «на языке зинджей», т. е. банту, — *инпила*, точнее *mpela*. В целом ал-Бируни объясняет разницу между носорогом индийским (однорогом) и африканским (двурогом) — *прим. пер.* (с. 606).

¹⁰⁷⁰ Поскольку на Суматре обитает разновидность двурогих носорогов (*Rh. Simatranus*), а Марко Поло говорит о единственном роге единорога, то возникает противоречие, которое Г. Кордиер склонен объяснять следующим образом. Сведения Марко Поло о носороге опираются на наблюдение (упоминание о бычеподобных волосах носорога применимо только к вышеуказанному виду), но при этом он называет его *unicorn*, и, следовательно, должен характеризовать как однорогое животное, см.: *The Book of Ser Marco Polo the Venetian, Concerning the Kingdoms and Marvels of the East. Translated and Edited, with Extensive Critical and Explanatory Notes, References, Appendices and Full Indexes, Preceded by an Analytical and Historical Introduction*, by H. Yule and H. Cordier. III Vol. in 2 Bd. Amsterdam, 1975 (repr.). Vol. II, p. 290.

¹⁰⁷¹ На эту особенность текста Марко Поло ранее не обращалось внимания

¹⁰⁷² Дж. В. Айнхорн, посвятивший капитальное исследование истории единорога, комментируя сведения Марко Поло, ограничивается замечанием: единорог — в образе носорога — мог встречаться в реальности, и одновременно продолжать существование в мире духовных символов, см.: *Einhorn J. W. Spiritalis Unicornis. Das Einhorn als Bedeutungsträger in Literatur und Kunst des Mittelalters*. München, 1976, s. 264. «Мог ли Марко Поло обнаружить нечто иное, чем единорога, — спрашивает Умберто Эко и отвечает, — Марко Поло воспринимает мир глазами своей культуры. Но как только он его увидел, то произвольно обновил общепринятый взгляд своей культуры. Так как единорог которого он видит есть носорог. Существо несколько иного типа, чем та грациозная белая газель со спиралевидным рогом, которая появляется в гербе английской короны», см.: *Eco U. Über Spiegel und andere Phänomene*. München, 1991, s. 94.

землю; любит жить в топях да по болотам. С виду зверь безобразный. Непохожи они на то, как у нас их описывают; не станут они поддаваться девственнице» (Марко Поло, с. 177-178).

О зурафа с острова Суматра сообщается в «Чудесах Индии» и персидской космографии XIII в. Особенность зурафы в ее длинном и шершавом языке; даже камни не выдерживают прикосновения ее языка: «В Индии же водится животное, называют его *зурафа* или *уштур-гав-паланг*. Говорят, у него — твердая кожа, длинный и очень шершавый язык. Все, что *зурафа* потрет языком, будь это даже камень, сотрется и окажется с изъяном. Детеныша зурафа вынимает при родах из матки при помощи своим передних лап. Питается зурафа травой. До сорока дней <носит детеныша в сумке на груди>. После того как <детеныш> окрепнет, он выпрыгивает <из сумки> и убегает, пока мать не оближет его своим языком. Там, где водятся зурафы, других животных не бывает» («Чудеса мира», с. 50).

§ 6. Мандрагора.

Продолжим тему «мифической» охоты на слонов. У ал-Бируни в «Книге о лечебных веществах», в разделе посвященном *мандрагоре*, появляются неожиданные сведения о ядовитом растении, из которого зинджи готовят яд и используют его во время охоты на слонов. Ядовитое растение зинджей не названо мандрагорой, но появление его в этом разделе не случайно. Можно предположить, что, с одной стороны, сведения «Физиолога» о слоне, в которых фигурируют плоды мандрагоры, удивительным образом совместились в трактате ал-Бируни со сведениями об использовании отравленных стрел. На первый взгляд, это необычный поворот в развитии легенды. Напомним, что согласно «Физиологу», плод мандрагоры возбуждал любовное желание у слона. Согласно же ал-Бируни, из этого растения готовят яд, чтобы убивать слонов. На самом деле, это противоречие мнимое. Роль мандрагоры в мифопоэтических представлениях Запада объясняется наличием у этого растения как снотворных, так и возбуждающих свойств.¹⁰⁷³ На арабском Востоке плоды мандрагоры именовались «яблоками демона» и относились к числу ядов; считалось, что ее семена смертельны, а запах убивает¹⁰⁷⁴ (впрочем, противопоставление западных и восточных представлений в данном случае весьма условно, так как, например, ал-Бируни ссылается на греческого автора Диоскорида).¹⁰⁷⁵ Говоря о различных ядах, Ибн Сина упоминает и отравление

¹⁰⁷³ См. статью В. Н. Топорова в МНМ. Т. 2. С. 102-103; о мандрагоре как средстве заживления ран см.: Теофраст. Исследование о растениях / Пер. и прим. М. Е. Сергиенко. М., 1951; Плиний (XXV. § XCIV) пишет о плодах мандрагоры как наркотическом средстве; их свежий сок, по мнению Плиния, ядовит.

¹⁰⁷⁴ ал-Бируни пишет о неясности термина, означающего плоды мандрагоры: «*Туффак ал-джинн* — плод мандрагоры. — Этому <дереву> не дано ясного определения, оно <только> упоминается в *ал-Адвийат ал-муфрада* Галена. — Ибн ал-Битрик говорит: потенциальная холодность — это то, чем обладают такие <вещества>, как белена и „яблоко демона“ <= мандрагора>. <...> — Куста говорит: <„яблоко демона“> — это сабизадж <от *сабизак* — перс. название мандрагоры>, а это есть *луффак* <= плод мандрагоры>. Его семена смертельны. Клеопатра относит „яблоко демона“ к числу ядов» (ал-Бируни. Фармакогнозия, с. 320).

¹⁰⁷⁵ Ср. «Йабрух <мандрагора> — это торчащий из земли стебель, <сплошь> покрытый волосками, <напоминает> фигурку человека <букв. ‘в образе человека’>. Запах <йабруха> усыпляет людей. Когда его срывают, выступает яд. Тот, кто вырвет йабрух из земли, умрет. <...> <Растение> это используется при <приготовлении> лекарств. Кладут в лекарства небольшую дозу» («Чудеса мира», с. 100). «<Йабрух> — корень *луффаха*; *луффак* белого вида <мандрагоры>, у которого нет стебля, усыпляет; а корень <мандрагоры>, у которой листья похожи на листья белого вида, но мельче их, усыпляет на три или четыре часа» (ал-Бируни. Фармакогнозия, с. 877). Ал-Казвини пишет, что в стране кимаков есть «растение,

мандрагорой; ее яд вызывает *онемение*.¹⁰⁷⁶ Эффект отравления мандрагорой сравнивается им с отравлением дурманом или опиумом.¹⁰⁷⁷ Ср. с онемением конечностей слонов, которые пьют отравленную охотниками воду, в описании ал-Масуди.

Для нашей темы важно, что ал-Бируни или кто-то из его предшественников¹⁰⁷⁸ соединил мандрагору с тем растением, из которого охотники на слонов готовят яд. рассказе появляется и трава в качестве противоядия от отравленных стрел. Ал-Бируни в «Книге о лечебных веществах» пишет: «У зинджей есть ядовитое <растение>, похожее на баклажан, его варят и им отравляют наконечники стрел. Кого бы они не поразили этими <стрелами>, тот тут же умирает; ими они охотятся на слонов. Если же съесть этот яд, то он не повредит». ¹⁰⁷⁹ У них есть противоядие от него, оно представляет собой траву, которую они носят с собой в растертом виде. Когда кто-нибудь из них получит ранение отравленной стрелой, он смачивает этот порошок и наносит его вокруг раны в виде круга, и яд не распространяется за этот <круг>» (ал-Бируни. Фармакогнозия, с. 788).

Использование африканскими охотниками на слонов некой травы в качестве противоядия, поразительным образом напоминает поведение диких людей из легенды,

одурманивающее и вызывающее сон» (ал-Казвини. Памятники, с. 112). Литературу об этом растении у мусульманских авторов см.: Abu-Dulaf Mis'ar Ibn Muhallil's Travels in Iran (circa A. D. 950) / Arabic text with an English translation and commentary by Prof. V. Minorsky. Cairo University Press, 1955. P. 76; Eliade M. La Mandragore et le mythes de la «Naissance miraculeuse» // Zalmoxis. 1940-1942. Т. 3, р. 3-48; См. также: И. Хлопин. Мандрагора туркменская в истории народов Востока (к 70-летию со дня рождения О. Ф. Мизгиревой) // Изв. АН ТуркССР. Серия биологич. наук. Ашхабад, 1979. № 1. С. 70-75.

¹⁰⁷⁶ «§ 78. Мандрагора. Симптомы <при отравлении> ею такие же, как и симптомы и явления <при отравлении> дурманом, то есть *литарус*, зуд, кузав, глухота. Хуже всего <действует> кора мандрагоры; семена ее близки к ней <в этом отношении>, и самое ее тело тоже иногда причиняет некоторые такие расстройства» (Абу-Али Ибн Сина [Авиценна]. Канон врачебной науки. Ташкент, 1960. Кн. IV. С. 442).

¹⁰⁷⁷ Ибн Сина пишет: «если возникает спячка, онемение и похолодание, значит яд принадлежит к числу вызывающих онемение», и советует не давать больному спать (там же, с. 423).

¹⁰⁷⁸ Какие-то неясные реминисценции на эту тему сохранились у ах-Хави: «говорят, что если кипятить корень <мандрагоры> со слоновой костью в течение шести часов, то он сделает ее мягкой и гибкой, и ей можно <легко> придать различные формы» (ал-Бируни. Фармакогнозия, с. 878). Важно, что существовало некое мифологическое пространство, в котором мандрагора связывалась со слоновой костью.

¹⁰⁷⁹ Следует различать характер сведений арабских путешественников, лично наблюдавших те или иные удивительные вещи, и обработку этих сведений в ученой и популярной литературе. Так, ал-Гарнати сообщает о виденных им ядовитых стрелах, где в качестве яда используется кровь желтых змей. Ал-Гарнати пишет: «Что же касается Гвинеи, Куку, Мали, Такрура и Гадамеса, то их жители — люди храбрые, но в земле их нет благословения. В их земле нет добра, а у них нет ни веры, ни ума. Наиболее злые из них куку. У них короткая шея, приплюснутый нос, красные глаза; их волосы <завиваются и> похожи на зерна перца. Их запах неприятен и подобен <запаху> жженого рога. Они стреляют стрелами, отравленными кровью желтых змей. Не проходит и часа, как начинает отваливаться мясо с костей у того, кого поразила такая стрела, даже если бы это был слон или какое-либо другое животное. Эфф и других видов змей, которые у них <водятся>, они едят, как рыбу, не опасаясь яда ни эффа, ни больших ядовитых змей, а только <яда> желтой змеи, которая <водится> в их стране, потому что они ее боятся. Кровь ее они берут для своих стрел. Луки у них маленькие и короткие, я видел их в странах Магриба, а также и стрелы» (Арабские источники XII — XIII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары, с. 24-25). Обратим внимание на то, что, согласно ал-Гарнати, куку не опасаются употреблять в пищу мясо ядовитых змей, за исключением только одной змеи, чью кровь они используют в качестве яда для наконечников стрел. Это перекликается со странными сведениями ал-Бируни, о том, что зинджи едят яд, используемый против слонов, без вреда для себя, и одновременно, отравленное лезвие несет смерть человеку или животному.

сообщаемой братом Иоанном: «А если иногда тартары ходят на них <походом> и ранят их стрелами, то они накладывают на рану травы и <со всех> сил бегут от них». Возможно, здесь также проявилась связь с баснословными легендами, которые критикует Страбон: слоны, сражаясь с людьми и обратив их в бегство, «сами также убегают; будучи ранеными, слоны протягивают в знак просьбы о защите ветви, траву или пыль».

Какую траву используют дикие люди, будучи ранены монгольскими стрелами? Корень мандрагоры, согласно сведениям Ибн Сины, применяется при лечении от укусов ядовитых змей, ибо яд застывает под действием корня мандрагоры.¹⁰⁸⁰ Ибн Сина пишет: «К числу полезных при этом холодных лекарств принадлежит корень мандрагоры в виде повязки с медом».¹⁰⁸¹

Но самым поразительным является совет Ибн Сины для лечения кровоподтеков применять «хорошее простое лекарство» — листья мандрагоры, которые следует втирать при красноватом кровоподтеке в течении недели.¹⁰⁸²

Прежде чем завершить тему охоты на слонов, рассмотрим сведения Якута из его «Алфавитного перечня стран». Якут передает какие-то слухи о племени ал-барбар — охотников на диких зверей. Земля ал-барбар расположена «между странами ал-хабаша, зинджей и Йеменом на побережье моря Йемена и моря зинджей. Ее жители очень черны, и у них особый язык, которого не понимают другие. Они кочевники, и способ их пропитания — охота на диких зверей. В их стране водятся диковинные звери, каких не найти ни в какой другой стране. Среди них — жирафа, ал-бабр, носорог, леопард, слон и другие. <...> Что касается описания их охоты, то многие из посещавших их страну, рассказывали мне <следующее>. У них есть растение, похожее на мальву, которое они собирают, варят и сливают его сок. Затем варят сок, пока он не загустеет и не станет подобен смоле.¹⁰⁸³ <Смола и есть яд ...>. Затем человек некоторое количество яда помещает в коробку, подвешивает ее на поясе и прячется в засаде на зверей среди деревьев или в ином месте. Когда он заметит зверя, то, положив немного яда на острие стрелы, стреляет в него. И как только этот яд смешивается с кровью зверя, тот подыхает. Охотник же подходит к нему, сдирает его шкуру, рог или бивень и продает, а мясо животного он съедает, и оно не приносит вреда».¹⁰⁸⁴

Далее, Якут излагает любопытную подробность: когда охотник ест ядовитую смолу, она не причиняет ему вреда, но если он сделает на своем теле ранку величиной с укол иголкой и оставит там яд, то это его погубит.¹⁰⁸⁵ Несомненно, у Якута речь идет о том же самом растении, которое фигурирует у ал-Бируни под названием мандрагора.

¹⁰⁸⁰ Ибн Сина пишет: «Лекарства, применяемые против укусов в виде мазей, преследуют <определенные> цели. Одна из них — противодействие проникновению яда в тело, что достигается с помощью повязок, преграждения путей <для яда> и запрещения <больному> спать, чтобы природный жар двигался к наружи и отгонял яд. <...> Одно из условий <предъявляемых> к лекарствам в виде мази, состоит в том, чтобы лекарство подвергало естество яда одному из <следующих> изменений: либо — застыванию, как делает корень мандрагоры, либо сожжению, как действует прижигание огнем» (Абу-Али Ибн Сина. Канон врачебной науки, с. 457).

¹⁰⁸¹ Там же, с. 459.

¹⁰⁸² Там же, с. 541.

¹⁰⁸³ Ср. со сведениями ал-Бируни, который ссылается на Диоскорида: «Из корней и листьев <мандрагоры> выжимают сок, выставляют на солнце для сгущения и сохраняют» (ал-Бируни. Фармакогнозия, с. 787-788).

¹⁰⁸⁴ Арабские источники XII — XIII веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары, с. 121-122.

¹⁰⁸⁵ Там же, с. 135.

В обоих случаях совпадают и способ изготовления яда — варка, и удивительное свойство этого вещества: оно убивает животное или человека попав в рану, но при этом его можно безопасно употреблять в пищу. В качестве противоядия ал-Бируни указывает на порошок из травы, скорее всего — это листья той же самой мандрагоры (см. выше сведения Ибн Сины). Впрочем, идентификация этих растений не входит в нашу задачу. Отмечу лишь, что ни один из средневековых авторов не помещает мандрагору в Африке. Важно иное: существовала область представлений, в которой, с большой вероятностью могло произойти смещение и перенос мифического свойства слона (носорога) на охотника, обладающего как ядовитыми стрелами, так и противоядием к ним. В результате появляются бессловесные люди (= животные) с негибнущими ногами; в случае опасности они убегают, а будучи ранены стрелами, прикладывают к ране траву (= противоядие). Иными словами, в одном персонаже совмещаются характерные черты охотника и его жертвы. Охотник, «превращаясь» в слона, утрачивает способность говорить, но приобретает «твердые» ноги, и при этом сохраняет знания о противоядии. Выше, в § 1 были выделены четыре «функциональные характеристики» в описании диких людей из южной пустыни; три из них нашли приемлемое объяснение при анализе мифологемы «охоты на носорога»: 1) негибнущие ноги; 2) бессловесность; 3) использование травы для лечения ран от стрел. Оценивая же значение сюжета в рамках «Романа о Чингисе», мы приходим к выводу, что автор романа изобразил неудачную «охоту» монголов на мифических людей-носорогов. Этот вывод согласуется с результатами анализа других сюжетов романа, где описываются битвы монголов с необычными противниками. Та или иная легенда, входя в живую ткань романа, диктует развитие сюжета. И только в одном пункте автор остается верен замыслу Игры: столкновение монголов с фантастическими существами не приносит им удачи.

В этой теме есть еще один аспект: кость (слоновая, носорожья, моржовая, плюс ископаемые бивни мамонтов) и предметы, которые изготавливали из нее. Вещи из *хуту*¹⁰⁸⁶ обладали сверхценностью в глазах их обладателей, потому что им приписывалась способность обезвреживать любые яды.¹⁰⁸⁷ Ал-Бируни собрал множество сведений на эту тему.

Согласно ал-Бируни, «хуту — <вещество> животного происхождения. Тем не менее он является желанным и хранимым особенно у китайцев и у восточных тюрок; у него есть некая связь с безоаром,¹⁰⁸⁸ ибо они утверждают, объясняя причину своего

¹⁰⁸⁶ В средневековых восточных сочинениях наряду с *хуту*, или *хутв*, встречается и одинаковый по значению термин *хартут*. Согласно Лауферу, слово *хуту* происходит от китайского *ку-ту*, что означает «моржовый клык» и «рог носорога», см.: Laufer B. Sino-Iranica. Chicago, 1919, p. 565. В арабской письменности *хуту* означает чаще всего «рог носорога». В Северной Африке рог носорога до настоящего времени известен под названием *хартум*. Служит противоядием от укусов ядовитых змей, ср.: Ferrand G. Relations de voyages et textes géographiques arabes, p. 679. См. также прим. 34 в главе 5. 12.

¹⁰⁸⁷ Согласно исследованию Шефера, «рог носорога играл важную роль в средневековой китайской медицине, в особенности как средство против всех видов яда. Вера в его действенность в качестве противоядия восходит к IV в. и, возникнув, может быть, в Китае, распространилась в Западную Азию и Римскую империю. В танском Китае рог носорога принимали в виде порошка <...>. В более ранние времена рог носорога выдалбливали, чтобы сделать из него целительный сосуд, возможно копируя при этом архаические чаши из рогов буйвола, полых от природы», см.: Шефер. Э. Золотые персики Самарканда, с. 319.

¹⁰⁸⁸ *Безоар* — от перс. *базизахр* 'противоядие'. В арабской литературе различаются два типа безоара, оба применявшихся как противоядия: один минерального происхождения (ма'дани), другой — животного (хайвани); о том, как добывали животный безоар, см.: Г. П. Михалевич. О персидской и армянской минералогиях XVII в. // Культура и искусство народов Средней Азии в

пристрастия к нему, что он потеет при приближении к нему яда <...>. Я спрашивал о нем послов, прибывших от Катай-хана <в 1027 г.>, и не нашел иной причины спроса на него, помимо того, что он потеет от яда; <они говорили>, что это — лобная кость быка; то же говорится в книгах, но с добавлением, что этот бык водится в земле хирхизов <киргизов>. Мы видели куски хуту толщиной более чем в два пальца, и это делает почти невозможным предположение о том, чтобы это была лобная кость при малом размере туловища у быков, <которые водятся в стране> тюрок; более вероятно, что это его рог. Если бы сказанное было верным, то следовало бы отнести этот рассказ к хирхизским диким козлам, так как страна хирхизов ближе всего к нему <Китаю>, и не доставляли бы его из Ирака и Хорасана. — Также говорят о нем, что это лоб водного носорога, которого называют водным слоном; в его рисунке, подобном рисунку на клинках, есть сходство с <рисунком> сердцевины клыка рыбы,¹⁰⁸⁹ который привозят булгары в Хорезм из Северного моря, ответвляющегося от Окружающего моря <океана>; величина его бывает в локоть или немного меньше, сердцевина его расположена внутри клыка по длине и известна под именем джаухар ас-синн. <...> — Затем о нем говорят также то, истинность чего постигнуть невозможно, а именно — что это лобовая кость очень большой птицы; когда она падает мертвой на одном из островов и мясо ее разлагается, ее голову забирают. Рассказывал один человек, как однажды он ехал вместе с жителями степей Китая, и вдруг солнце потемнело, тогда они слезли с лошадей и распростерлись в земном поклоне. „Я сделал то же, что и они, — продолжал он, — и не поднимали они головы, пока не кончилась темнота; я спросил их об этом, и указали они на бога всевышнего, описав его так как это делают язычники, — в образе птицы.¹⁰⁹⁰ И если бы вместо имени его — слава ему — они называли ангелов или шайтанов, то были бы они дальше от нелепости и ближе к цели, ибо они утверждали, что это птица чрезвычайно большая, живет за морем в необитаемых пустынях Китая и страны зинджей и питается дикими слонами, которые не поддаются приручению; она проглатывает их так, как петухи проглатывают зерна пшеницы, и имя ее на их языке — хуту. Этим словом они выражают почтение к ней, так же как они титулом хана выражают почтение к своим царям, а титулом хатун — к их женам. Хуту — рога этой птицы, когда они найдены; но их находят случайно, <один раз> за целые века и эпохи, подвергаясь опасностям при переходе через море, в <те страны>, что за ним, поэтому-то хуту так ценится среди людей» (ал-Бируни, с. 195-197)

Создается впечатление, что связь загадочного вещества хуту с ядами является производной от круга представлений, в которых разрабатывалась мифология «охоты на носорога» с помощью ядовитых стрел.

Появление у ал-Бируни в трактате о лечебных веществах (в разделе о мандрагоре) вставки о зинджах, охотящихся на слонов, демонстрирует один из возможных вариантов развития легенды о существах с негнушимися ногами, которые обладают секретом травы, помогающей при ранении ядовитыми стрелами. Ядовитые стрелы охотников на диких зверей, свойство яда убивать, проникнув в рану, и наконец, противоядие в виде порошка из травы — совокупность этих тем разрабатывается восточными авторами,

древности и средневековье. Л., 1979. С. 117. Безоар — это образование, которое встречается в четвертом желудке многих жвачных животных, особенно безоарового козла.

¹⁰⁸⁹ Клык рыбы, который привозят булгары в Хорезм из Северного моря, — моржовый клык (прим. пер., с. 467); Ср. со сведениями западноевропейского путешественника Юлия Помпония Лэта (около 1480 г.): «В Скифии находят змеиные зубы, по виду вроде слоновых клыков, но тяжелые и твердые. Их поверхность жестка; находят их в глубине земли: самых змей нигде не видали. Из них делают горький порошок, который принимают с вином или водой, как противоядие» (Алексеев, с. 69, прим., с. 72).

¹⁰⁹⁰ Сведения о большой птице, которая питается дикими слонами, ср. с рассказом в «Чудесах мира» (с. 56).

которые апеллируют к рассказам и слухам, и является отражением в мифологической плоскости неких реалий охоты на слонов. Важно, что эти тексты создаются вне прямых контактов с африканским континентом. Мы имеем дело с литературой отражений. Скорее всего, в этом же культурном пространстве происходит соединение легенды о людях с негнушимаися коленями с темой охоты, где фигурируют ядовитые стрелы и противоядие к ним. А именно этот вариант легенды и представлен в версии брата Иоанна о диких людях. Вероятно, автор «Романа о Чингисе» воспользовался (неизвестным мне) «готовым» литературным текстом и лишь внес в текст тему войны монголов с удивительными обитателями южной пустыни.

Подведем итог темы. В записанной братом Иоанном версии легенды о диких людях из южной пустыни эти существа имеют облик людей, однако, они бессловесны и дики, как и положено животным. Отсутствие у них связок в голених, и как следствие, невозможность при падении встать самостоятельно, появилось в рамках литературной традиции, описывающей те или иные нюансы легендарной охоты на носорога (слона). При этом дикие люди сохраняют в своем поведении некоторые важные приемы охотников на слонов: будучи ранены стрелами, они пользуются травами (т. е. они знают противоядие от отравленных лезвий стрел). В сведениях ал-Бируни я вижу необходимое звено, отталкиваясь от которого, можно объяснить метаморфозу сюжета об охотниках на слонов. Существа из южной пустыни, с которыми иногда сражаются воинственные монголы, на самом деле являются вымышленными персонажами, чье происхождение связано с вариацией и внутренней инверсией древней легенды об охотниках на носорогов. Появление бессуставных людей в «Романе о Чингисе» и войну монголов с ними следует отнести на счет фантазии автора романа.

Сокращения

Арабские источники VII — X вв. — Арабские источники VII — X веков по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и пер. Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. М.; Л., 1960. Т. 1.

Арабские источники X — XII вв. — Арабские источники X — XII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и пер. Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. М.; Л., 1965. Т. 2.

Арабские источники XII — XIII вв. — Арабские источники XII — XIII вв. по этнографии и истории Африки южнее Сахары / Подготовка текстов и пер. Л. Е. Куббеля и В. В. Матвеева. Л., 1985. [Т. 3.]

Армянские источники о монголах — Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII — XIV вв. / Пер. с др.-арм., пред. и прим. А. Г. Галстяна. М., 1962.

Ахмед ибн-Фадлан — Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 — 922 гг. Статьи, переводы и комментарии. Харьков, 1956.

Ал-Бакуви — Абд-ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-асар ва ‘аджа’иб ал-малик ал-каххар. («Сокращение книги о „памятниках“ и чудеса царя могучего») / Изд. текста, пред., пер., прим. и прил. З. М. Буниятова. М., 1971.

Ал-Бируни. Памятники минувших поколений. — *Абу Рейхан Бируни* (973 — 1048). Избранные произведения. Т. I: Памятники минувших поколений / Пер. с араб. и прим. А. М. Салье. Ташкент, 1957.

Ал-Бируни. Индия — *Абу Рейхан Бируни* (973 — 1048). Избранные произведения. Т. II: Индия. / Пер. с араб. А. Б. Халидова и Ю. Н. Завадовского. Ташкент, 1963.

Ал-Бируни. Геодезия — *Абу Рейхан Бируни* (973 — 1048). Избранные произведения. Т. III: Определение границ мест для уточнения расстояний между населенными пунктами [Геодезия] / Исслед., пер. и прим. П. Г. Булгакова. Ташкент, 1966.

Ал-Бируни. Минералогия — *Абу-р-Райхан Мухаммед ибн Ахмед ал-Бируни*. Собрание сведений для познания драгоценностей (Минералогия) / Пер. с араб. А. М. Беленицкого. [Л.], 1963.

Ал-Бируни. Книга о лечебных веществах — *Абу Рейхан Бируни*. Избранные произведения. Т. IV: Фармакогнозия в медицине (Китаб ас-сайдана фи-т-тибб) / Исслед., перевод, прим. и указ. У. И. Каримова. Ташкент, 1973.

Бузург ибн Шахрияр — *Бузург ибн Шахрияр*. Чудеса Индии / Пер. с араб. Р. Л. Эрлих. Под ред. И. Ю. Крачковского. М., 1959.

Вильгельм де Рубрук — Sinica Franciscana, vol. I: Itinera et relationes Fratrum Minorum saeculi XIII et XIV. Collegit, ad fidem codicum redegit et adnotavit P. Anastasius Van Den Wyngaert O.F.M., Quaracchi-Firenze, 1929.

Георгий Пахимер — Георгия Пахимера история о Михаиле и Андронике Палеологах; XIII книг. СПб., 1862. Т. I: Царствование Михаила Палеолога, 1255 — 1282 / Пер. под ред. проф. Карпова. (Византийские историки, переведенные с греческого при СПб. Духовной Академии)

Герберштейн — *Герберштейн Сигизмунд*. Записки о Московии / Пер. с нем. А. И. Малеина и А. В. Назаренко. Вст. ст. А. Л. Хорошкевич. Под ред. В. Л. Янина. М., 1988.

Геродот — *Геродот*. История в девяти книгах / Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1993.

Григор Акнерци — История монголов инока Магакии, XIII в. / Пер. и объясн. К. П. Патканова. СПб., 1871.

Е Лун-ли — *Е Лун-ли*. История государства киданей (Цидань го чжи) / Пер. с кит., введ., коммент. и приложения В. С. Таскина. М., 1979. (Памятники письменности Востока. XXXV)

Жуанвиль — Joinville. Histoire de Saint Louis. Texte original par Natalis de Wailly. Paris, 1906. (Пер. со старофранц. Ю. П. Малинина и Г. Ф. Цибулько)

Ибн аль-Асир — Сборник материалов относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских собранные В. Г. Тизенгаузеном. СПб., 1884.

История монголов — История монголов по армянским источникам / Пер. и объяснения К. П. Патканова. СПб., 1873. Вып. I. (Извлечения из трудов Вардана, Стефана Орбелиана и конетабля Смбата).

История Африки — История Африки в древних и средневековых источниках / Сост. С. Я. Берзина и Л. Е. Куббель, под ред. О. К. Дрейера. М., 1990. 2-е изд.

Киракос Гандзакец — *Киракос Гандзакец*. История Армении / Пер. с др.-арм., пред. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. (Памятники письменности Востока. LIII)

Марко Поло — Книга Марко Поло / Пер. старофр. текста И. П. Минаева, ред. и вступ. ст. И. П. Магидовича. М., 1956.

Михаил Сириец — *Гусейнов Р. А.* Сирийские источники XII — XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960.

«Мэн-да бэй-лу» — Мэн-да бэй-лу («Полное описание монголо-татар») / Факсимиле ксилографа; Пер. с кит., введ., коммент. и приложения Н. Ц. Мункуева. М., 1975. (Памятники письменности Востока. XXVI)

ан-Насави — *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави*. Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны) / Изд. критич. текста, пер. с араб., пред., коммент., прим. и указатели З. М. Буниятова. М., 1996. (Памятники письменности Востока. CVII)

Низами Гянджеви — *Низами Гянджеви*. Искандер-Наме: [Поэма об Александре Македонском] / Пер. с фарси и коммент. Е. Э. Бертельса, А. К. Арендса. Баку, 1983.

ПВЛ — Повесть временных лет по Лаврентьевской летописи 1377 г. Текст и перевод / Подготовка текста Д. С. Лихачева, пер. Д. С. Лихачева и Б. А. Романова под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1950. Ч. 1-2.

ПЛДР — Памятники литературы Древней Руси. Л.

Прокопий Кесарийский. Война с персами - *Прокопий Кесарийский*. Война с персами / Пер. С. П. Кондратьева. М., 1993.

Рашид ад-Дин — *Рашид ад-Дин*. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1 / Пер. с перс. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семенова; Т. I. Кн. 2 / Пер. с перс. О. И. Смирновой. Примеч. Б. И. Панкратова и О. И. Смирновой. Ред. А. А. Семенова. М.; Л., 1952; Т. II / Пер. с персид. Ю. П. Верховского, прим. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова, ред. И. П. Петрушевского. М.; Л., 1960; Т. III / Пер. с перс. А. К. Арендса под ред. А. А. Ромаскевича, Е. Э. Бертельса и А. Ю. Якубовского. М.; Л., 1946.

Руи Гонсалес де Клавихо — *Руи Гонсалес де Клавихо*. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403 — 1406) / Пер. со староиспанск., пред. и коммент. И. С. Мироковой. М., 1990.

Симон де Сент-Кантен — *Simon de Saint-Quentin*. Histoire des Tartares / Publiée par J. Richard. Paris, 1965. (Documents relatifs a l'histoire des croisades publiés par l'Accadémie des Inscriptions et Belles-Lettres, VIII)

«Си ю цзи» — *Палладий [Кафаров П. И.]*. Си ю цзи, или описание путешествия на Запад // ТЧРДМ. СПб., 1866. Т. IV.

«Сокровенное сказание» — *Козин С. А.* Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Monggol-un niġüda tobèiġan. Юань Чао би ши. Монгольский обыденный изборник. Введение, перевод, тексты, глосарии. М.; Л., 1941. Т. I.

Страбон — *Страбон*. География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г. А. Стратановского; Под общ. ред. С. Л. Утченко; Ред. перевода О. О. Крюгер; Репр. воспроизведение изд. 1964 г. М., 1994.

Срезневский — *Срезневский И. И.* Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1903. Т. I-IV.

Фома Сплитский — *Фома Сплитский*. История архиепископов Салоны и Сплита / Вступ. ст., пер. и коммент. О. А. Акимовой. М., 1997; История салонских и сплитских епископов Фомы архидьякона сплитского / Пер. А. Красовского // Труды Киевской духовной академии. 1876, Т. III. С. 557-622; Т. IV. С. 73-117, 703-747; 1877, Т. I. С. 504-549.

«Хэй-да ши-люе» — «Краткие сведения о черных татарах» Пэн Да-я и Сюй-Тина / Публ. и коммент. Линь Кюн-и и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения. М., 1960. № 5.

Ибн Хордадбех — *Ибн Хордадбех*. Книга путей и стран / Перевод с араб., коммент., исследование Н. Велихановой. Баку, 1986.

«Чудеса мира» — ‘Аджа’иб ад-дунья (чудеса мира) / Критический текст, пер. с перс., введение, коммент. и указ. Л. П. Смирновой. М., 1993. (Памятники письменности Востока. LXXXIII)

«Шахнаме» - *Фирдоуси*. Шахнаме / Пер. Ц. Б. Бану-Лахути и В. Г. Берзнева. М., 1984. Т. 5.